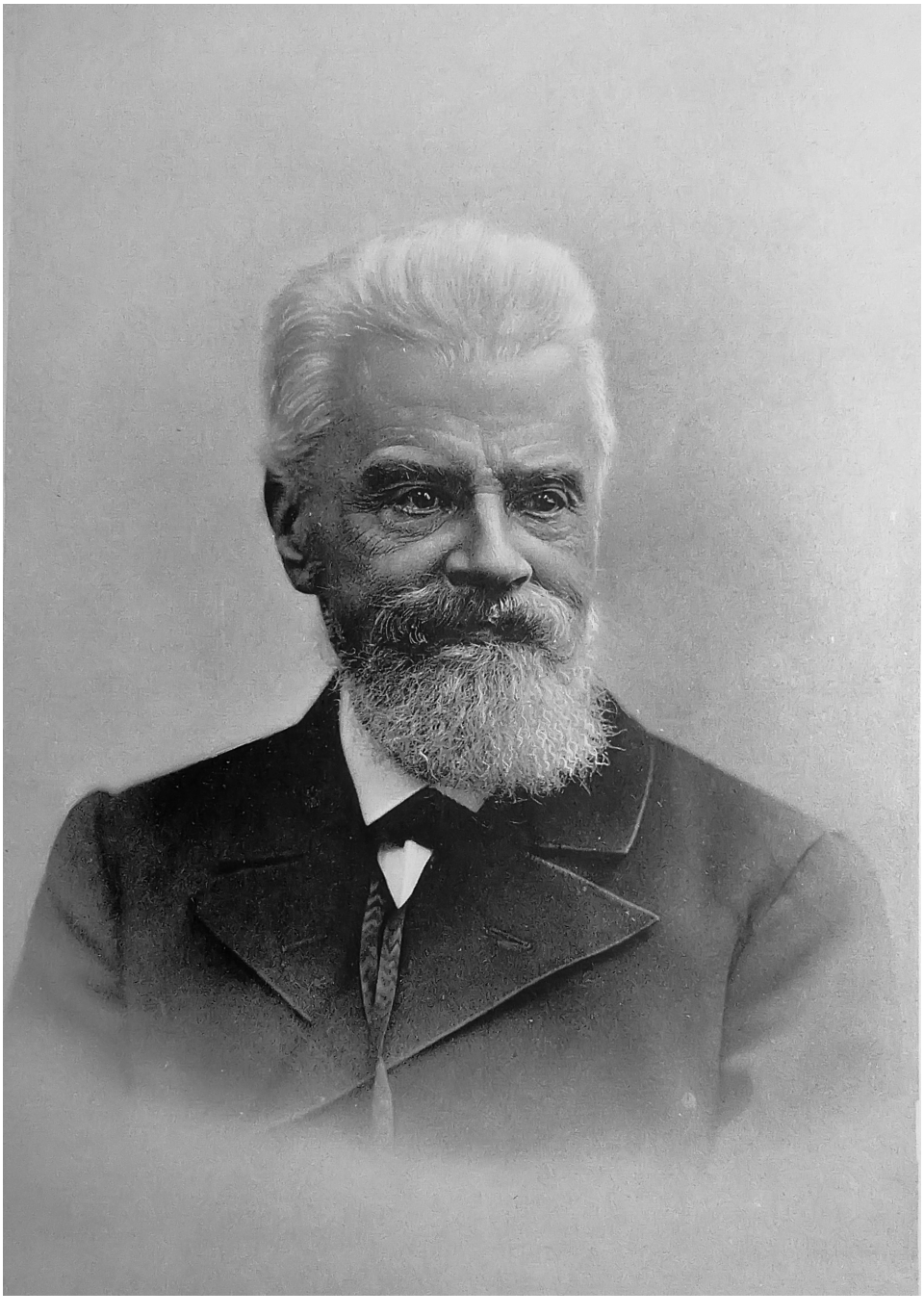
ПРАВОСЛАВНЫЙ

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО»
БЛАГОДАРИТ ПАО «ТРАНСНЕФТЬ»
И ЛИЧНО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА МОО «ИППО»
Н.П. ТОКАРЕВА
ЗА ПОМОЩЬ
В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

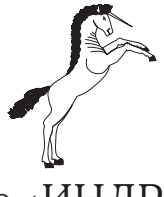


МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
121

120-ЛЕТИЮ
КОНЧИНЫ ВАСИЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА ХИТРОВО
ПОСВЯЩАЕТСЯ



Издательство «ИНДРИК» 2023

ББК 86.372
П 68

120-ЛЕТИЮ
КОНЧИНЫ ВАСИЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА ХИТРОВО
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВЫПУСК 121

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
М.В. Бибиков (заместитель председателя), Р.Б. Бутова, К.А. Вах,
А.И. Долинин, С.Ю. Житенёв (ответственный редактор),
С.П. Карпов, О.А. Колобов, В.А. Ливцов,
митрополит Рязанский и Михайловский Марк (Головков),
М.Б. Пиотровский, М.В. Рождественская, И.Ю. Смирнова

Тексты статей публикуются в авторской редакции

Православный Палестинский сборник. Юбилейный Выпуск 121. 120-летию кончины Василия Николаевича Хитрово посвящается. / Отв. ред. С.Ю. Житенёв. — М.: Индрик, 2023. — 456 с.

ISBN 978-5-91674-708-9

© Авторы статей, текст, 2023
© МОО «ИППО», 2023
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2023

ISBN 978-5-91674-708-9

Содержание

120-летие кончины В.Н. Хитрово, основателя ИППО

Аксёнова Г.В. Василий Николаевич Хитрово (1834–1903)
и дело его жизни (вопросы историографии и источниковедения) . . . 13

Цуркан Р.К., протоиерей. Почётный член ИППО
Софья Доминиковна Хитрово 32

Блохин В.В. Вопросы церковно-государственных отношений
в переписке К.П. Победоносцева и В.Н. Хитрово в 1880-е гг. 49

Лачаева М.Ю. Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) —
деятель отечественной кооперации.
К 120-летию со дня кончины В.Н. Хитрово 57

Русское присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке

Беляев Л.А. Гроб Господень в XII–XIII веках:
археология иконографии 69

Вах К.А., Никон (Головко), игумен. Руммание:
забытый памятник I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.
на русском участке в Иерусалиме 84

Герд Л.А. Положение христиан в Святой Земле во время
Первой мировой войны и в период Британского мандата
(по данным зарубежной историографии) 108

Мельчакова К.В. МИД и Св. Синод на страже. К вопросу о распространении богослужебных книг в Боснийском вилайете . . 132

Петрунина О.Е. Александрийская Патриархия и греческие общины Египта в конце XIX в.: особенности взаимоотношений 143

Рождественская М.В. «Возвещает нам Писание те прекрасныя места»: новонайденный список духовного стиха о Рае 153

Смирнова И.Ю. Иерусалимские донесения архимандрита Порфирия (Успенского) в Азиатский департамент МИД (1853–1854 гг.) 160

Хвалин А.Ю. «Подобно Нилу, орошающему весь Египет». Посещение Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем русской школы «Амбет» в Каире в ходе своего Восточного путешествия 173

Из истории деятельности ИППО

Бутова Р.Б. Служение до гроба. К 170-летию М.П. Степанова . . . 181

Марченко А.Н., протоиерей. Уполномоченный Православного Палестинского общества Д.Д. Смышляев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме (К 130-летию кончины Д.Д. Смышляева) 199

Маневич Г.М. Новые поступления в Музей истории Императорского Православного Палестинского Общества в Москве, к 10-летию создания музея 210

Паламаренко Е.В. К вопросу об имущественном комплексе Православного Палестинского Общества в Иерусалиме в период действия Британского мандата в Палестине 225

Смирнов С.Н., А.Н. Сухарев А.Н., Аксенова И.Н. Взаимодействие Тверского регионального отделения МОО «ИППО» и Тверского государственного университета по восстановлению истории православного духовенства Тверского края (на примере церковного рода Панковых в XVII–XX вв.) 241

Сухова О.А., Колпакова О.В. Православный мир Русской Палестины в системе социально-политического взаимодействия российской провинции во второй половине XIX — начале XX вв. 258

Талалай М.Г. Святогорец Дорофей (Кудрявцев) и Православное Палестинское Общество 269

Из истории православного паломничества

Балдин К.Е. Разноцветная Палестина: колористические впечатления русских паломников XIX — начала XX в. Святой Земле 287

Житенёв С.Ю. Путешествия царского посла Ивана Петровича Новосильцева в Царьград в 1567–1570 гг. 300

Малето Е.И. Документы МИД Российской Империи о сборах на турецкий флот с проживающих в Турции паломников и туристов (1914) 307

Шарков И.Г. Паломничество жителей Терской области во Святую Землю, организация и деятельность Владикавказского отдела Императорского Православного Палестинского Общества 312

Современные исследования, посвящённые положению на Ближнем Востоке

Житенёв С.Ю. Русское научное присутствие в Святой Земле: возвращение к вопросу о создании Российского исторического института в Иерусалиме 329

Ильина И.Е., Житенёв С.Ю., Реброва Т.П., Васильева И.Н. Гуманитарное и научно-технологическое сотрудничество со странами Ближнего Востока: библиографический обзор и ключевые тренды 336

Колобов О.А., Хохлышева О.О. Декларация Бальфура 1917 года и её значение для современных международных отношений 354

Сарабьев А.В. Политическая роль религиозных общин Ливана в разрешении текущего кризиса 374

Статьи и сообщения

Бибиков М.В. К сравнительному источниковедению описаний Христианского Востока в памятниках византийской и пост-византийской эпохи 393

Буковская А.И. Письма Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу (май–август 1877 г.) с фронта Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. как историко-биографический источник 404

Гришин Д.Б. Великий Князь Сергий Александрович как организатор вооружённых сил Российской Империи и командующий войсками Московского военного округа 412

Рецензия

Ванькин Е.В. Рецензия на книгу «Жевахов Николай Давидович. Новая жизнь за границей. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода». Публикация и составление М.Г. Талалай и М.А. Бирюкова. Научная редакция М.Г. Талалай. Издательство «Индрик», М., 2022. — 280 с. 425

Наши юбиляры

75 лет со дня рождения С.П. Карпова, члена Совета МОО «ИППО» 433

75 лет со дня рождения Л.А. Беляева, член-корреспондента РАН, руководителя археологической экспедиции в Палестине (Иерихоне) 435

75 лет со дня рождения О.А. Колобова, председателя Нижегородского отделения МОО «ИППО» 438

70 лет со дня рождения С.Ю. Житенёва,
руководителя Научной секции МОО «ИППО» 440

65 лет со дня рождения В.А. Ливцова, заместителя
председателя Орловского отделения МОО «ИППО» 444

55 лет со дня рождения Р.Б. Бутовой,
секретаря Научной секции МОО «ИППО» 448

Авторы статей и публикаций 451

120-ЛЕТИЕ КОНЧИНЫ В.Н. ХИТРОВО, ОСНОВАТЕЛЯ ИППО

Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) и дело его жизни* (вопросы историографии и источниковедения)

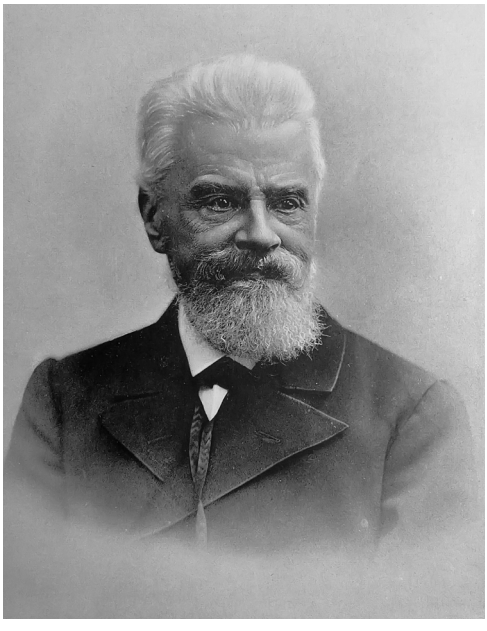
Г.В. Аксенова

...имя Василия Николаевича будет всегда произноситься
с глубокой признательностью
и служить яркой путеводной звездой.
А.А. Дмитриевский

Василий Николаевич Хитрово — экономист и финансист, известный русский ученый и деятель в области палестиноведения, «энтузиаст-палестинолюбец»[1], «знаток палестинских дел»[2], «с высокой христианской душой служивший простому религиозно-верующему русскому народу»[3]. Его «человеколюбивая, научная и просветительская деятельность» дала ему возможность как «опытному рулевому» «верно и точно проложить курс для спущенного в плавание по волнам житейского бурного моря корабля»[4], называемого «Императорское Православное Палестинское Общество».

Ближайший соратник Великого Князя Сергия Александровича в деле созидания «Русской Палестины», основатель и многолетний секретарь Императорского Православного Палестинского Общества, В.Н. Хитрово был представителем одного из старейших российских служилых дворянских родов. Семейные традиции, знание отечественной истории, преданность делу, беззаветное служение Отечеству на протяжении многих столетий — все это вместе взятое способствовало взрастанию одного из ярчайших государственных и общественных деятелей последней трети XIX — начала XX в., «достойного и честнейшего труженика во имя высокой

* Статья написана в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» № 100517-1-174.



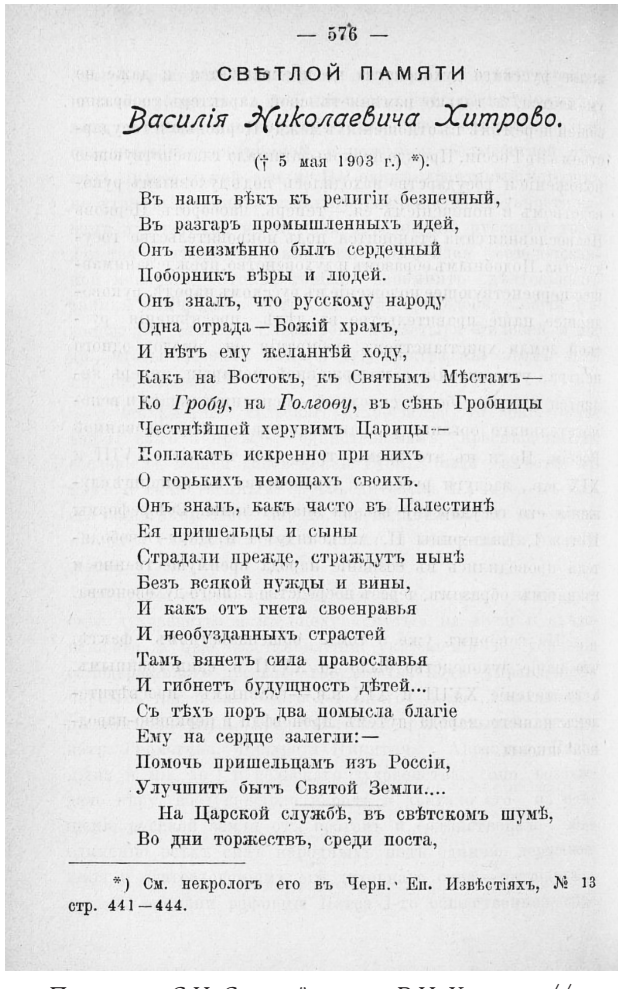
Василий Николаевич Хитрово. Фото.

идеи»[5], делом жизни которого стала гуманитарная международная деятельность и решение вопросов защиты интересов российских паломников на Ближнем Востоке.

В настоящее время несколько парадоксальным выглядит факт отсутствия достойной научно-историографической базы, позволяющей наиболее объективно понять, какое место в истории России, в выстраивании взаимоотношений между Церковью и Государством и в проведении политики, нацеленной на сохранение православных традиций, в создании международных гуманитарных организаций, в формировании российской ближневосточной политики, в развитие отечественного и мирового гуманитарного знания и методологии научного исторического исследования, занимает В.Н. Хитрово.

Первыми работами, в которых предпринималась попытка подвести некоторые итоги деятельности В.Н. Хитрово, стали некрологи, опубликованные Палестинским Обществом, а также воспоминания, небольшие памятные статьи и поэтические произведения, размещённые светской и церковной периодикой.

Прежде всего, необходимо указать на речь арабиста и дипломата, секретаря ИППО с 1903 по 1906 гг. А.П. Беляева, «читанную в Общем годовом собрании Общества 4 ноября 1903 г.»[6] Главной темой этого выступления стало раскрытие роли В.Н. Хитрово в Палестинском Обществе, «всецело ему обязанном своим развитием и занятым прочным положением, как в пределах Святой Земли, так и в самой России»[7]. В своей речи он привел интересные факты из жизни В.Н. Хитрово, связанные с историей изучения вопросов русского паломничества, с заботой о судьбах наших паломников, с формированием убеждений в необходимости создания специального общества, способного защитить интересы православных верующих на территории Ближнего Востока и «улучшить паломническое дело»[8], с созиданием «Русской Палестины» и организацией образовательно-просветительской деятельности среди коренного арабского населения. Им была дана яркая краткая характеристика каждой из семи паломнических поездок и рабочих командировок в качестве «опытного вождя»[9] ИППО в пределы и за пределы Святой Земли.



— 576 —

СВѢТЛОЙ ПАМЯТИ

Василія Николаевича Хитрово.

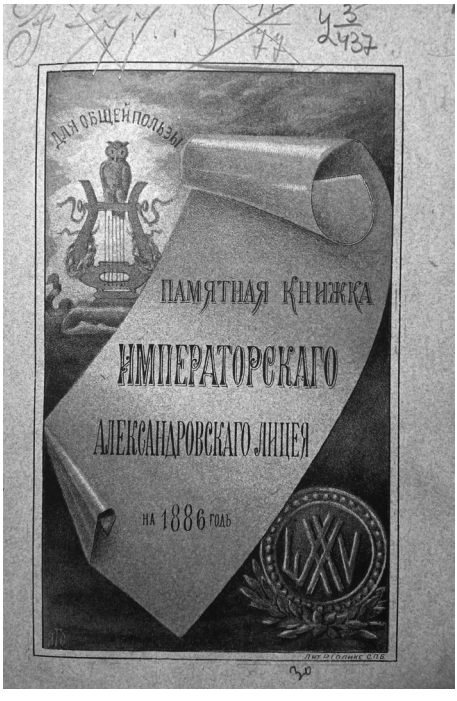
(† 5 мая 1903 г.) *).

Въ нашъ вѣкъ къ религіи безпечный,
Въ разгаръ промышленныхъ идей,
Онъ неизмѣнно былъ сердечный
Поборникъ вѣры и людей.
Онъ зналъ, что русскому народу
Одна отрада — Божій храмъ,
И нѣтъ ему желаннѣй ходу,
Какъ на Востокъ, къ Святымъ Мѣстамъ —
Ко *Гробу*, на *Голгоову*, въ сѣнь Гробницы
Честнѣйшей херувимъ Царицы —
Поплакать искренно при нихъ
О горькихъ немощахъ своихъ.
Онъ зналъ, какъ часто въ Палестинѣ
Ея пришельцы и сыны
Страдали прежде, страждутъ нынѣ
Безъ всякой нужды и вины,
И какъ отъ гнета своенравья
И необузданныхъ страстей
Тамъ вянетъ сила православья
И гибнетъ будущность дѣтей...
Съ тѣхъ поръ два помысла благіе
Ему на сердце залегли: —
Помочь пришельцамъ изъ Россіи,
Улучшить бытъ Святой Земли....
На Царской службѣ, въ свѣтскомъ шумѣ,
Во дни торжествъ, среди поста,

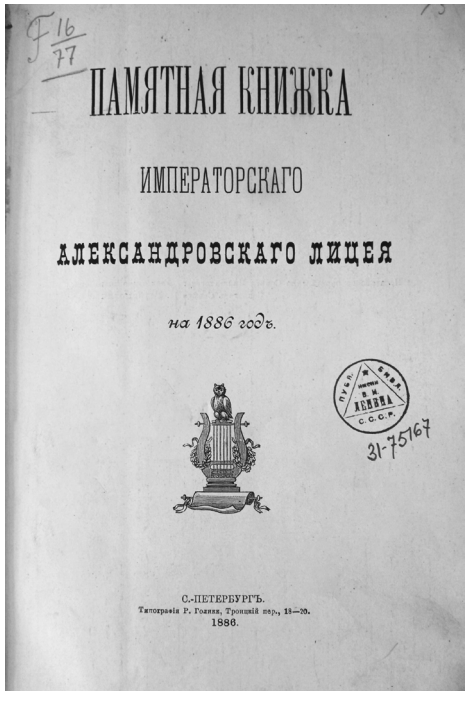
*) См. некрологъ его въ Черн. Еп. Извѣстіяхъ, № 13 стр. 441—444.

Пономарев С.И. Светлой памяти В.Н. Хитрово // Черниговские епархиальные известия. 1903. № 17. С. 576.

Особое внимание А.П. Беляев уделил деятельности В.Н. Хитрово, направленной на организацию Обществом православных школ «в пределах Палестины и Сирии», на защиту интересов православных сирийцев, на их «спасение от инославных учебных заведений» и «от возможности совращения в латинство или протестантство»[10]. Высокую оценку изданным В.Н. Хитрово сочинениям, посвященным как описанию палестинских святынь, так и истории, библейской археологии Палестины, Сирии и Синая, библиографии и биобиблиографии паломничества, дал А.П. Беляев[11]. Значимым вкладом в развитие палестиноведения названы организованные по инициативе В.Н. Хитрово археологические исследования «на Русском месте» и умелое привлечение к сотрудничеству «выдающихся палестиноведов



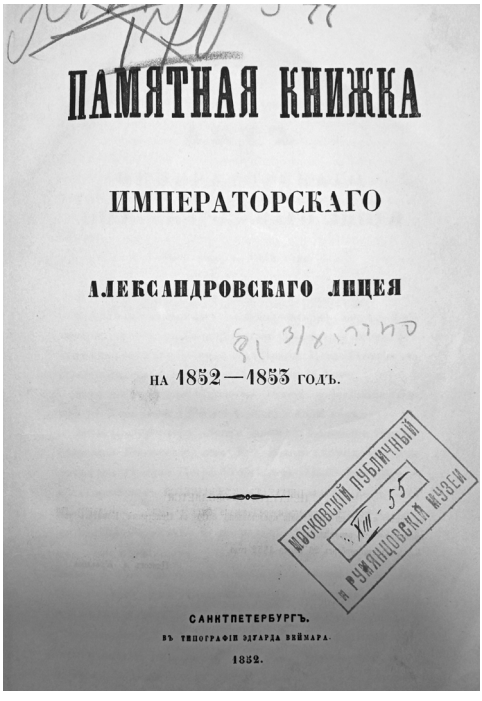
Обложка книги «Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1886 год». — СПб.: Тип. Р. Голике, 1886.



Титульный лист книги «Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1886 год». — СПб.: Тип. Р. Голике, 1886.

Западной Европы»[12]. Отмечен и его вклад в строительство русских подворий. Т.е. в пространной памятной речи А.П. Беляеву удалось указать на все основные составляющие деятельности В.Н. Хитрово в рамках Императорского Православного Палестинского Общества, определить векторы исследований именно этой сферы жизни выдающегося русского государственного деятеля, правильно и объективно осмыслившего судьбоносное для России направление внешней политики на рубеже XIX–XX вв., в период после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и начала формирования новых военно-политических блоков в мире, а также в период предложенной Россией борьбы за общеевропейское разоружение.

Научный интерес представляют материалы двух церковных некрологов. В них помимо яркого и образного рассказа о В.Н. Хитрово как «организаторе и одном из энергичнейших и главнейших деятелей» Палестинского Общества, «поддерживавшего Православие в Святой Земле, защищавшего его от иноверной пропаганды, стойко охранявшего в Палестине и Сирии интересы и нужды русских богомольцев»[13], приведены некоторые факты биографии, в том числе как важнейший отмечен факт устройства им



ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

ИМПЕРАТОРСКАГО

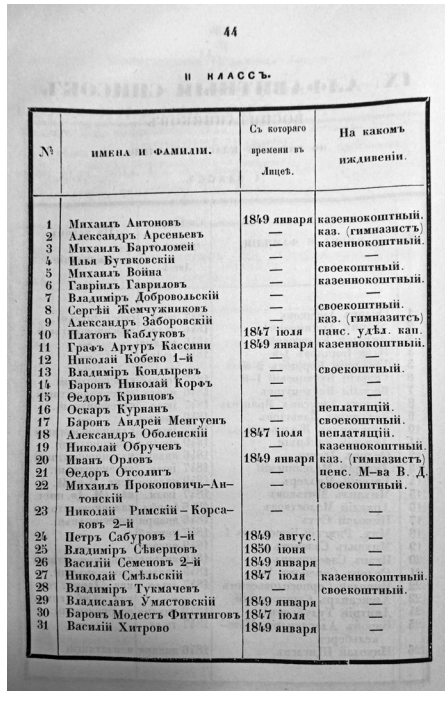
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ

НА 1852—1853 ГОДЪ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ
Хп 55

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.
1852.

Титульный лист книги «Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1852–1853 год». — СПб.: Тип. Эд. Веймара. — 1852.



44

II КЛАССЪ.

№	ИМЕНА И ФАМИЛІИ.	Съ котораго времени въ Лицеѣ.	На какомъ иждивеніи.
1	Михаилъ Антоновъ	1849 января	казеннокоштный.
2	Александръ Арсеньевъ	—	каз. (гимназистъ)
3	Михаилъ Бартоломей	—	казеннокоштный.
4	Илья Бутковскій	—	—
5	Михаилъ Война	—	своекоштный.
6	Гавріилъ Гавриловъ	—	казеннокоштный.
7	Владиміръ Добровольскій	—	—
8	Сергѣй Жемчужниковъ	—	своекоштный.
9	Александръ Заборовскій	—	каз. (гимназистъ)
10	Платонъ Каблуковъ	1847 іюля	пенс. удѣл. кап.
11	Графъ Артуръ Кассини	1849 января	казеннокоштный.
12	Николай Кобеко 1-й	—	—
13	Владиміръ Кокцыревъ	—	своекоштный.
14	Баронъ Николай Корфъ	—	—
15	Ѳедоръ Кривцовъ	—	—
16	Оскаръ Курнанъ	—	неплатящій.
17	Баронъ Андрей Менгуенъ	—	своекоштный.
18	Александръ Оболенскій	1847 іюля	неплатящій.
19	Николай Обручевъ	—	казеннокоштный.
20	Иванъ Орловъ	1849 января	каз. (гимназистъ)
21	Ѳедоръ Отсолигъ	—	пенс. М-ва В. Д.
22	Михаилъ Прокоповичъ-Антонскій	—	своекоштный.
23	Николай Римскій-Корсаковъ 2-й	—	—
24	Петръ Сабуровъ 1-й	1849 авгус.	—
25	Владиміръ Сѣверцовъ	1850 іюня	—
26	Василій Семеновъ 2-й	1849 января	—
27	Николай Смѣльскій	1847 іюля	казеннокоштный.
28	Владиміръ Тукмачевъ	—	своекоштный.
29	Владиславъ Умястовскій	1849 января	—
30	Баронъ Модестъ Фиттинговъ	1847 іюля	—
31	Василій Хитрово	1849 января	—

Список лицеистов XX выпуска. Страница книги «Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1852–1853 год». — СПб.: Тип. Эд. Веймара. — 1852.

в России ссудно-сберегательных товариществ. Как важнейшая учёная заслуга названа издательская деятельность, направленная на публикацию исторических источников и памятников письменности, а также трудов западноевропейских исследователей и работа над 56 выпусками «Палестинского Сборника»[14].

Поэтическая форма, в которую облек некролог филолог, библиограф и биограф С.И. Пономарев, долгие годы плодотворно сотрудничавший с В.Н. Хитрово, не вступает в конфликт с понятиями «историография» и «историографический источник», поскольку расширяет представления о восприятии смыслов государственного служения и деятельности «поборника веры и людей»[15], «авторитетного вождя»[16], почётного члена и секретаря ИППО, «стоявшего двадцать лет как воин на страже дел Святой Земли»[17].

К числу первых серьезных научно-биографических исследований относится работа византиниста и историка Церкви А.А. Дмитриевского, сменившего А.П. Беляева в должности секретаря ИППО. В 1913 г. он опубликовал статью, в которой не просто проследил путь служения В.Н. Хитрово, проанализировал смыслы и раскрыл значение его поездок в Святую Землю,

1802 1902

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

развитія и дѣятельности

МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА

за сто лѣтъ его существованія.

Составленъ, по порученію Министерства, отст. подполк. корп. флотск. штурм. С. Ѳ. Огородниковымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

Обложка книги:
Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за 100 лет существования (1802–1902). — СПб.: Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства, 1902.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

развитія и дѣятельности

МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА,

за сто лѣтъ его существованія

(1802—1902 гг.).

Составленъ, по порученію Министерства, отставнымъ подполковникомъ корпуса флотскихъ штурмановъ С. Ѳ. Огородниковымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1902.

РУМЯНЦЕВ МУЗЕЙ БИБЛІО-ТЕКА

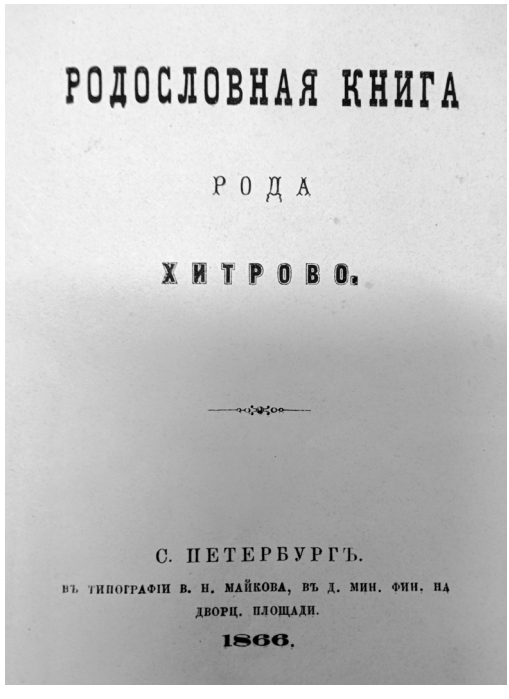
Титульный лист книги:
Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за 100 лет существования (1802–1902). — СПб.: Огородников С.Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства, 1902.

положивших начало движению по пути создания Палестинского Общества и ставших основной сферой приложения его трудов, но и охарактеризовал особенности его деятельности как исследователя и организатора науки[18]. В своей статье А.А. Дмитриевский отметил следующие направления работы В.Н. Хитрово: это научная деятельность по изучению истории Святой Земли и паломничества, поддержание Православия на Ближнем Востоке, помощь русским паломникам и оказание помощи греческой Иерусалимской Патриархии.

Традиция палестиноведческих и библейско-археологических исследований наряду с паломнической традицией в Святую Землю были прерваны революционными событиями 1917 г. и Гражданской войной в России, хотя Палестинское Общество не было ликвидировано и продолжило свою научную деятельность. В этот период времени из поля зрения учёных выпала

К Ъ
ЖИВОТВОРАЩЕМУ
ГРОБУ ГОСПОДНЮ.
ИЗДАНІЕ
ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА.
С. Петербургъ.
1884.

Обложка книги:
Хитрово В.Н. К Животворящему Гробу Господню. — СПб., 1884.


РОДОСЛОВНАЯ КНИГА
РОДА
ХИТРОВО.
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. Н. МАЙКОВА, ВЪ Д. МИН. ФИН. НА ДВОРЦ. ПЛОЩАДИ.
1866.

Титульный лист книги:
Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. СПб.: тип. В.Н. Майкова, 1866.

фигура основателя ИППО В.Н. Хитрово — сотрудника двух министерств, много поработавшего над созданием ссудно-сберегательных касс и товариществ, способствовавших экономическому росту страны, над изучением мировой истории финансового управления.

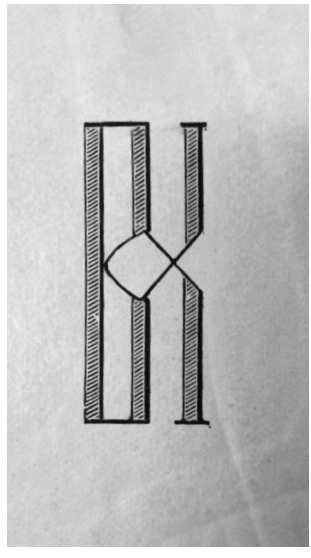
1990–2000-е гг. ознаменовались ростом публикаций и исследований, связанных с историей Святой Земли и русского паломничества, с анализом ближневосточной политики Российской Империи. За три десятилетия учёным удалось издать обширный комплекс материалов, связанных с формированием Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (РДМ) и с деятельностью ИППО. Всплеск научного интереса непосредственно к наследию В.Н. Хитрово в отечественной историографии наблюдается с конца 1990-х гг. Огромную роль в решении вопроса об определении места в истории России этого неординарного государственного и общественного деятеля сыграл философ и историк, писатель и публицист Н.Н. Лисовой, докторская диссертация которого, защищённая в 2007 г. и опубликованная за год до этого в виде монографии, посвящена «Русскому духовному и политическому присутствию в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.»[19] При воссоздании на архивно-документальной основе развернутой истории российского

Экслибрис библиотеки В.Н. Хитрово и Московского Публичного и Румянцевского музеев на обороте обложки книги: Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. СПб.: тип. В.Н. Майкова, 1866.

присутствия в Святой Земле, при проведении исследования вопросов формирования системы внешнеполитических национальных приоритетов в Ближневосточном регионе и анализе деятельности государственных и общественных организаций и структур в связи с ближневосточной политикой и защитой интересов Православия на территории Османской империи, учёный обратил внимание на фигуру В.Н. Хитрово: специальный параграф посвящен раскрытию роли Василия Николаевича в создании ИППО, здесь же дана его краткая биографическая характеристика[20].

К делам и личности В.Н. Хитрово, представленной автором, по мнению рецензентов, «ярко и выразительно»[21], Н.Н. Лисовой обращается и при рассмотрении вопросов, связанных с российской собственностью, строительством подворий, деятельностью основанных Палестинским Обществом в Библейском регионе школ. Учёный не обошел своим вниманием и «весьма выразительный документ»[22], автором которого был В.Н. Хитрово: это его записка, содержащая «амбициозное предложение преобразовать ИППО во Вселенское Православное Общество»[23]. В монографии отмечены также факты приглашения им европейских ученых, в числе которых был византинист А.И. Пападопуло-Керамевс, привезший в Россию значительную часть архивных документов Иерусалимских Патриархов. Монографическое исследование русского духовного и политического присутствия в Ближневосточном регионе заслужило высочайшей оценки. Так, например, современный историк-византинист Л.А. Герд назвала его «первым в отечественной историографии сводным фундаментальным исследованием»[24], посвященным указанной тематике. К характеристике деятельности В.Н. Хитрово, связанной с созданием «Русской Палестины» и Палестинского Общества, к раскрытию её особенностей и содержательной составляющей Н.Н. Лисовой

обращался неоднократно в статьях и разнообразных публикациях, связанных как с историей РДМ, так и ИППО[25]. К числу важнейших заслуг учёного необходимо отнести реализованную публикацию трехтомного собрания основных сочинений и писем В.Н. Хитрово[26].

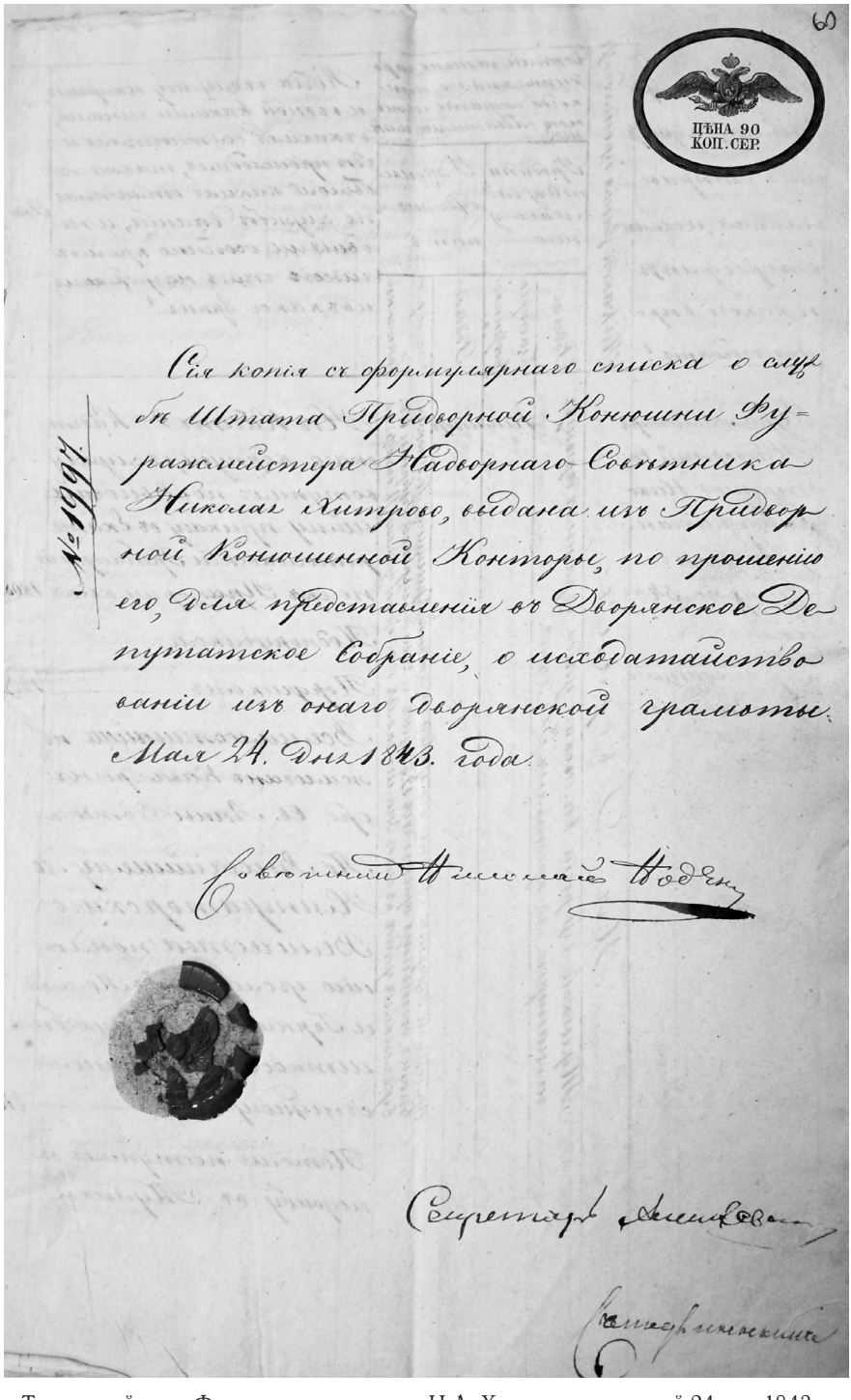


Экслибрис библиотеки В.Н. Хитрово.

Давая оценку трудам Н.Н. Лисового, посвященных раскрытию характера деятельности В.Н. Хитрово на поприще созидания «Русской Палестины» (в самом широком смысле этого понятия и явления), необходимо отметить и то, что учёный указал на одну из важнейших составляющих жизни и деятельности одного из самых ярких «знатоков палестинских дел» — это его всемерное стремление к сохранению исторической памяти, которое выражалось и в организации археологических раскопок, и в написании путевых записок и воспоминаний, и в библиографической и биобиблиографической работе, и в публикации письменных памятников, и в сотрудничестве с учеными европейских государств, занимавшихся исследованием Святой Земли и библейской археологией. Не менее значимым для изучения жизни и деятельности основателя Палестинского Общества, его наследия и понимания его роли в истории России и Русской Православной Церкви стало издание по инициативе Н.Н. Лисового трудов первого биографа В.Н. Хитрово — А.А. Дмитриевского[27], а также переиздание книги члена ИППО, главы Отделения пособия православным паломникам М.П. Соловьева о «Святой Земле и Императорском Православном Палестинском Обществе»[28].

В 2000-е гг. появились публикации, среди которых особого внимания заслуживают материалы историка-византиниста, палеографа, специалиста в области канонического права Л.А. Герд. Она — автор монографии о церковной политике России на Православном Востоке в последней четверти XIX в.[29] и статьи, раскрывающей содержание уникального архива А.А. Дмитриевского, в котором имеются письма В.Н. Хитрово, адресованные первому секретарю ИППО М.П. Степанову, Обер-Прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву и архимандриту Леониду (Кавелину)[30]. Нельзя не отметить исследование сотрудника Государственного музея истории и религии (ГМИР) А.А. Панеях, сопровождаемое публикацией библиографического указателя личной библиотеки В.Н. Хитрово[31].

Особое направление в историографии составляют исследования, посвящённые современникам и соработникам В.Н. Хитрово: Великим Князьям Константину Николаевичу и Сергию Александровичу, К.П. Победоносцеву,


ЦѢНА 90
КОП. СЕР.

Сія копія съ формулярнаго списка о слу
бѣ Штата Придворной Конюшни Фу=
раженмейстера Надворнаго Совѣтника
Николая Хитрово, выдана изъ Придвор
ной Конюшенной Конторы, по прошенію
его, для представленія въ Дворянское Де
путатское Собраніе, о исходатайство
ваніи изъ онаго дворянской грамоты.
Мая 24. дня 1843. года

Титульный лист Формулярного списка Н.А. Хитрово, выданный 24 мая 1843 г.

епископу Порфирию (Успенскому) и архимандриту Антонину (Капустину), которые позволяют ярче и точнее раскрыть характер государственного деятеля, показать причины и смысловое значение деятельности В.Н. Хитрово, направленной на созидание Русской Палестины и развитие русского православного паломничества.

С сожалением приходиться говорить о том, что в настоящее время отсутствуют работы, посвященные научной деятельности В.Н. Хитрово, начальным этапам его жизни и государственному служению в Морском министерстве и Министерстве финансов Российской Империи. Имеющаяся же и находящаяся в распоряжении учёных источниковая база позволяет провести достаточно полную, практически погодную, реконструкцию его биографии, рассказать о семье и семейных традициях, раскрыть его роль в организации государственного контроля в области финансов и ревизии хозяйственных департаментов, в устройстве ссудно-сберегательных товариществ, которыми он руководил в течение 20 лет. В первую очередь, речь идёт об уже опубликованных трудах В.Н. Хитрово. Они содержат и обширный биографический материал, и характеристики, позволяющие говорить о методах и методологии исторического и историко-биографического исследований, о научных интересах и о приоритетных направлениях его государственной и общественной деятельности[32]. Огромное значение имеют его работы в области генеалогии[33], в сфере финансового управления и уже вышеупомянутых сберегательных касс[34], отчеты о состоянии дел в РДМ и о положении Русских подворий в Святой Земле[35], написанные им биографии государственного деятеля, путешественника и учёного А.С. Норова, архимандрита Антонина (Капустина), первого казначея ИППО Н.Ф. Фан-дер-Флита[36], библиографический указатель «Палестина и Синай», воспоминания, записки, рассказы, автобиографические повествования и многое другое. Важнейшая информация содержится в переписке В.Н. Хитрово.

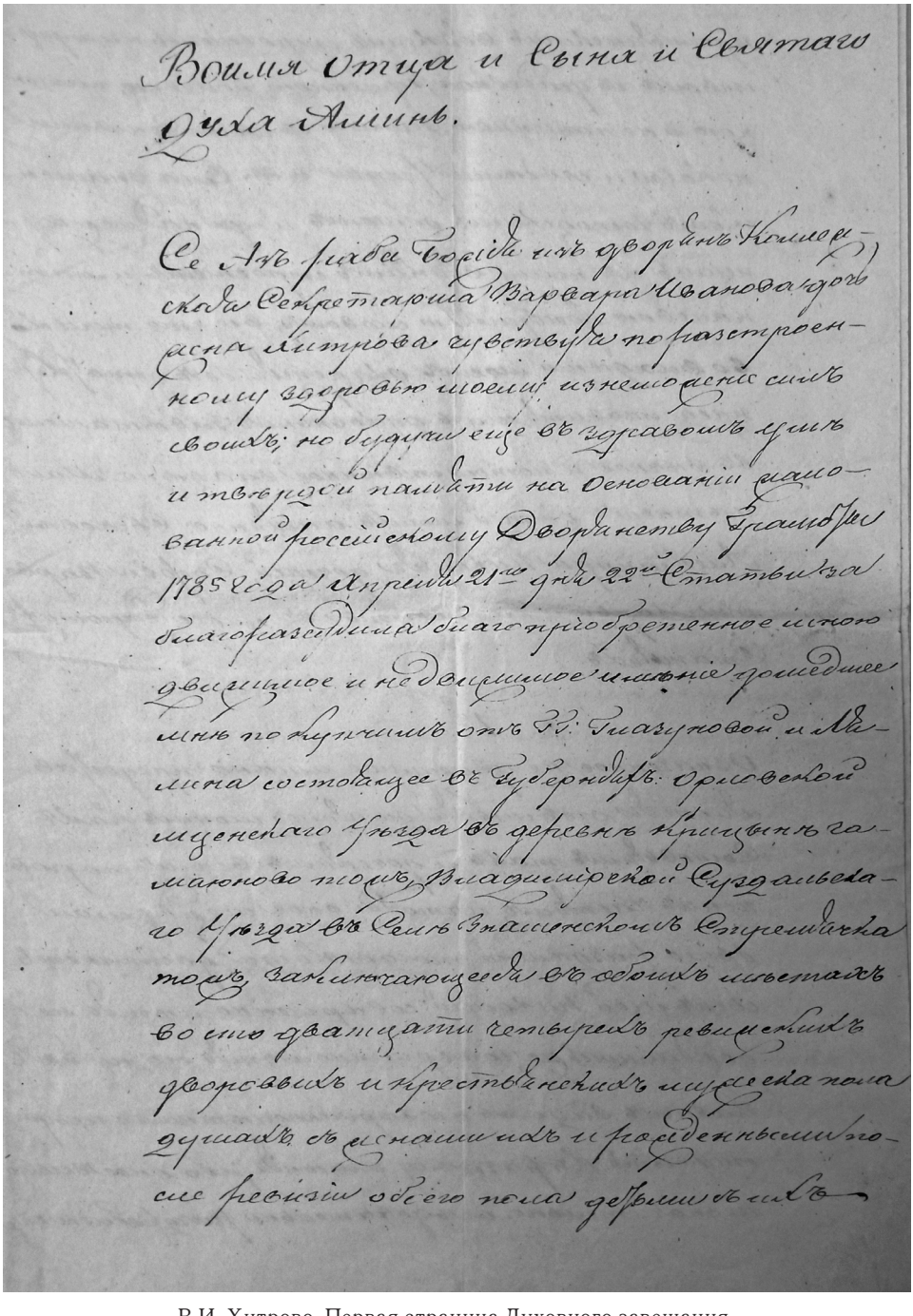
Реконструировать биографию помогают имеющиеся в распоряжении учёных справочники и справочные издания: «Весь Петербург», «Петербургский некрополь», «Императорский лицей в памяти его питомцев», Памятные книжки Императорского Александровского лицея и лицеистов, Памятные книжки Морского ведомства и Петроградского частного коммерческого банка. Научный интерес представляют мемуары однокашников и современников В.Н. Хитрово.

Немало самых разнообразных по своему характеру, объёму и содержанию материалов находится в архивах Российской Федерации: прежде всего, это фонды Архива Внешней политики Российской Империи (АВП РИ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива Литературы и искусства (РГАЛИ), отделов рукописей Российской национальной (ОР РНБ) и Российской государственной библиотек (ОР РГБ).

Николай Александрович Хитрово. Фото. 1860-е гг. Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. СПб.: тип. В.Н. Майкова, 1866. // ОР РГБ. Ф. 480. К. 2. Ед.хр. 8. Л. 252.

Эпистолярное наследие В.Н. Хитрово, сохранившееся в фондах АВП РИ и ОР РНБ, опубликовано Н.Н. Лисовым и Л.А. Герд в 2011 г. Документы, позволяющие охарактеризовать особенности деятельности В.Н. Хитрово, направленной на изучение жизни русских паломников в Палестине, связанные с созданием Палестинского Общества, находящиеся в фондах АВП РИ, ГАРФ, РГИА, ОР РГБ, были использованы Н.Н. Лисовым при написании монографии «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.» и ряда статей, посвященных «Русскому делу в Святой Земле», личности В.Н. Хитрово и характеристике основоположников и создателей Общества. Личные и официальные документы В.Н. Хитрово из фондов АВП РИ, ГАРФ и ОР РНБ включены в трехтомное издание «Россия в Святой Земле»[37].

Исторические документы личного архивного фонда Хитрово, находящиеся в ОР РГБ (ф. 480), к большому сожалению, выпали из поля зрения учёных. Эта коллекция фамильных бумаг и материалов, собранная им для издания Родословной книги, а именно родовые (семейные) материалы, необходима при решении вопроса реконструкции биографии В.Н. Хитрово как учёного, государственного и общественного деятеля. Они позволяют понять его исследовательскую и творческую лаборатории, раскрыть роль семьи в формировании мировоззренческих позиций (как гражданских, так и религиозных), дают возможность понять истоки глубинного интереса к святыням Вселенского Православия и к Святой Земле. И что не менее значимо — познакомиться с методологией проводимых учёным научных исследований, с примененными им принципами источниковедческого анализа. И главное — утверждают в мысли о том, что все его дела на всех поприщах были нацелены на сохранение исторической памяти русского народа, т.е. характеризуют его как величайшего хранителя истории.



Во имя Отца и Сына и Святаго
Духа Аминь.

Се Азъ рабъ Божій чинъ дворянъ Комиссіи Секретарша Варвара Ивановна дочь Хитрова чувствуя поразстроенному здоровью моему изнеможеніе силъ своихъ, но будучи еще въ здравомъ умѣ и твердой памяти на основаніи данованной россійскому Дворянству Грамоты 1785 года Апрѣля 21-го дня 22-я Статьи сказываю благоразсудилъ благоприобретенное мною движимое и недвижимое имѣніе приведшее мнѣ по купчимъ отъ Кн. Глазуновой и Милича состоящее въ Губерніи Орловской изъ сельца Ургда въ деревнѣ Крицынѣ гдѣ Маюново тожъ, Владимірской Суздальскаго Уѣзда въ сельѣ Знаменскомъ Стрелицкаго тожъ, заключающейся въ обоихъ имѣніяхъ во сто двадцати четырехъ ревизскихъ душахъ и крестьянскихъ мужескаго пола душахъ съ исчисленіемъ и прибавленіемъ по всѣмъ ревизіямъ обѣго пола душъ мужъ-

В.И. Хитрово. Первая страница Духовного завещания.
Не ранее 1832 г. // ОР РГБ. Ф. 480. К. 1. Ед.хр. 33.

Варвара Ивановна Хитрово. Фото. 1840-е гг. Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. СПб.: тип. В.Н. Майкова, 1866. // ОР РГБ. Ф. 480. К. 2. Ед.хр. 8. Л. 253.

Понимание значения исторического знания, а также знания истории рода и семьи в формировании гражданской позиции, в сохранении российской государственности проявилось в том, что, завершив работу над своей родословной, В.Н. Хитрово в 1899 г. передал в дар личный архив Московскому Публичному и Румянцевскому Музеям (РГБ). Небольшой по объему (всего 55 единиц), но охватывающий почти трехсотлетний период российской истории, с 1613 по 1899 гг., позволяет понять, как знание истории рода и семьи, бережное отношение к семейному архиву, способствуют не только расширению знаний по истории Отечества, но и пониманию её глубинных смыслов, связи времен и задач перспективного развития российского общества.

К числу самых древних и ценных из сохранившихся материалов относятся подлинные документы: «Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Тарасу Клементьевичу Хитрово на вотчину в Калужском уезде, 1613 г. декабря 30» (Ф. 480. К. 1. Ед.хр. 1), «Ввозная грамота жильцу Петру Степанову Хитрово на поместье в Белевском уезде, 1649 г., января 20» (Ф. 480. К. 1. Ед.хр. 3) и «Жалованная (печатная) грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей по случаю вечного мира с Польшей окольничему Ивану большому Севастьяновичу Хитрово на имения в Инсарском уезде из поместья в вотчину» (дана 1 мая 1687 г.) (Ф. 480. Муз. 3285). Из числа фамильных документов и бумаг особого внимания заслуживают «Духовное завещание вдовы Зиновии Назарьевны Хитрово, 1728 г. мая 27» (Ф. 480. К. 1. Ед.хр. 6), прапрабабушки В.Н. Хитрово, комплекс документов Александра Дементьевича Хитрово, Ольги Александровны, урожденной Киреевской — деда и бабки Василия Николаевича, среди которых «Духовное завещание Ольги Александровны Хитрово. 1834 16 мая» (Ф. 480. К. 1. Ед.хр. 27), документы Николая Александровича Хитрово, отца Василия Николаевича, в том числе «Формулярный список о службе, выданный 1834 г. мая 24» (Ф. 480. К. 1. Ед.хр. 32) и документы Варвары Ивановны Хитрово, урожденной Кривцовой, матери Василия Николаевича, среди которых «Духовное

завещание на свои имения в Мценском и Суздальском уездах» (Ф. 480. К. 1. Ед.хр. 33). Особую ценность представляют фотографии членов семьи В.Н. Хитрово — его родителей, братьев, сестёр, племянников, — вклеенные в печатный экземпляр «Родословной книги рода Хитрово» (Ф. 480. К. 2. Ед.хр. 8). Небольшой блок эпистолярных материалов находится в фондах РГАЛИ: это письма В.Н. Хитрово Н.П. Поливанову за 1876–1879 гг. (Ф. 390. Оп. 1. Ед. хр. 62.) и переписка вдовы В.Н. Хитрово Софьи Доминиковны с С.И. Пономаревым, датируемая 1903–1912 гг. (Ф. 402. Оп. 1. Ед.хр. 337). Бумаги, связанные с государственной службой В.Н. Хитрово, рассеяны по целому ряду фондов РГИА.

Особым видом источника, характеризующим личность, научные интересны, взгляды, предпочтения, эрудицию, направления общественной и государственной деятельности В.Н. Хитрово, является его библиотека, переданная в 1887 г. её владельцем Палестинскому Обществу. Её значительная часть (860 выявленных на настоящее время наименований) находится в составе библиотеки Государственного музея истории религий (ГМИР), а описание, опубликованное на страницах «Иерусалимского православного семинара» (2018), сделало доступной информацию о библиофильских и библиографических интересах одного из наиболее известных и ярких деятелей ИППО, «положившего основу палестиноведческой библиографии, составившего первый указатель литературы по этой теме»[38].

Пристального внимания заслуживают как опубликованные, так и не опубликованные материалы личного происхождения представителей Русской Православной Церкви, деятельность которых была теснейшим образом связана с формированием русского присутствия в Святой Земле и в которых содержится оценка трудов В.Н. Хитрово. Прежде всего, необходимо указать на документальное наследие русского востоковеда, византолога и археолога, одного из ярчайший деятелей Русской Православной Церкви — епископа Чигиринского Порфирия (Успенского), к оценке деятельности которого как создателя и организатора деятельности РДМ неоднократно обращался В.Н. Хитрово. Дневник же и автобиографические записки владыки Порфирия («Книга моего бытия») неоднократно издавались на рубеже XIX–XX вв., в том числе и ИППО[39].

В связи с изучением жизни и деятельности В.Н. Хитрово, нельзя не обратить внимание на дневники и эпистолярное наследие церковного деятеля, учёного-востоковеда, византиниста, археолога, археографа, дипломата и публициста архимандрита Антонина (Капустина), возглавлявшего почти тридцать лет РДМ в Иерусалиме. Его Дневник, частично опубликованный[40], хранится в РГИА (Ф. 834. Оп. 4. Д. 1118–1132), машинописная копия, сделанная по инициативе В.Н. Хитрово, — в ГМИР[41]. Её первое описание в начале 1970-х гг. М.А. Салмина опубликовала на страницах периодического издания Пушкинского Дома[42]. Четыре копийных тома Дневника

находятся в библиотеке ИППО[43]. Реализованное в настоящее время издание отдельных томов «уникального исторического источника и памятника русской духовной культуры» оценена научным миром как реализация важнейшей «общекультурной задачи», поскольку он «представляет собой каждодневную летопись становления и деятельности русских церковных и светских учреждений в Палестине»[44]. Эпистолярное наследие архимандрита Антонина, так необходимое для наиболее полного раскрытия роли В.Н. Хитрово в решение ближневосточных проблем, рассеянно по многочисленным российским и зарубежным фондам, и «по большей части никак не выделено из общей массы архивных документов»[45], что создает определённые трудности для их исследования и публикации. Наиболее полный перечень источников и литературы, представляющий архивное наследие архимандрита Антонина и изданную на 2017 г. историографию, содержится в книге игумена Варнавы (Аверьянова)[46].

Имеющийся в настоящее время в распоряжении исследователей как опубликованный, так и не опубликованный материал позволяет не только провести полную реконструкцию биографии В.Н. Хитрово, но и наиболее полно раскрыть его роль в истории государства Российского, в сохранении исторического наследия, в развитии науки и экономики, в созидании Русской Палестины, а также определить пути мемориализации его дела и имени.

Главная же задача, которую сформулировало время — это написание научной монографии, представляющей все стороны жизни и деятельности Василия Николаевича Хитрово, — этого удивительного подвижника благочестия.

1 Дмитриевский А.А. Памяти В.Н. Хитрово (Ко дню десятилетия со дня его кончины) // Дмитриевский А.А. Палестинское общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчеты. Сост., вступ.ст. и науч. ред. Н.Н. Лисового. М.: ИППО, 2014. С. 84.

2 Там же. С. 89.

3 Там же. С. 84.

4 Там же. С. 86.

5 Беляев А.П. Памяти Василия Николаевича Хитрово, помощника Председателя, члена Совета и Секретаря Императорского Православного Палестинского Общества 1882–1903: Читано в общем годовом собрании Общества 4 нояб. 1903 г. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1903. С. 11.

6 Беляев А.П. Там же.

7 Беляев А.П. Там же. С. 1.

8 Там же. С. 7.

9 Там же. С. 6.

10 Там же. С. 6–7.

11 Там же. С. 8

12 Там же. С. 8–9.

13 В.Н. Хитрово: Некролог // Черниговские Епархиальные Известия. 1903. № 13. С. 441–442.

14 Там же. С. 443.

15 Пономарев С.И. Светлой памяти В.Н. Хитрово // Черниговские епархиальные известия. 1903. № 17. С. 576.

16 Там же. С. 577.

17 Там же. С. 578.

18 Дмитриевский А.А. Памяти В.Н. Хитрово... С. 263–272.

19 Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.: диссертация ... д.и.н.: 07.00.02. М., 2007. — 381 с.; Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв.: автореферат дис. ... д.и.н.: 07.00.02 / Ин-т всеобщ. истории РАН. М., 2007. 36 с.; Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: Индрик, 2006. — 510 с.

20 Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: Индрик, 2006. С. 160–165.

21 Гердт Л.А. Новые книги. Рец. на кн.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 248–253.

22 Там же. С. 251.

23 Там же. С. 251.

24 Там же. С. 248.

25 Например, см.: Лисовой Н.Н. К истории русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Труды Института российской истории РАН. М., 2000. Вып. 2. С. 56–89; Лисовой Н.Н. Русское дело в Святой Земле. (По материалам Архива внешней политики Российской империи) // Дипломатический ежегодник. 2001. М., 2001. С. 327–358; Лисовой Н.Н. История и современное состояние Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // К свету. М., 2002. Вып. 19. С. 118–138; Лисовой Н.Н. Императорское Православное Палестинское Общество: русский след на Святой Земле // Церковь и время. 2004. № 2. С. 147–177; Лисовой Н.Н. Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре секретаря (М. П. Степанов — В. Н. Хитрово — А. П. Беляев — А. А. Дмитриевский) // Православный Палестинский сборник. М., 2005. Вып. 102. С. 6–35; Лисовой Н.Н. Императорское Православное Палестинское Общество: век XIX–XX–XXI // Православный Палестинский сборник. М., 2007. Вып. 105. С. 16–43; Лисовой Н.Н. Подворья ИППО в Иерусалиме. М.: Индрик, 2012. 159 с.

26 Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем / сост., подгот. текста, вступ. ст. Н.Н. Лисового; отв. ред. Л.В. Мельникова. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб.: Олег Абышко, 2011. 3 т.

Т. 1: Православие в Святой Земле. Т. 1. 2011. — 398 с.

Т. 2: Статьи о Святой Земле. Из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. Т. 2. 2011. — 461 с.

Т. 3: Из эпистолярного наследия. Сост., подг. текста и комм. Н.Н. Лисового и Л.А. Герд. Т. 3. 2012. — 320 с.

27 Дмитриевский А.А. Палестинское Общество и русские школы на Востоке: статьи, очерки, отчеты. Отв. ред. Л.В. Мельникова; сост., вступительная ст. и науч. ред. Н.Н. Лисового. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. — 413 с.; Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907. Вступ. ст. и послесл. Н.Н. Лисового. М.: Императорское Правосл. Палестинское О-во; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. — 448 с.

28 Соловьев М.П. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество к 130-летию основания Императорского Православного Палестинского Общества (1882–2012). М.: Индрик 2012. — 247 с.

29 Гердт Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). М.: Индрик, 2006. — 445 с.

30 Гердт Л.А. Переписка В.Н. Хитрово в архивном фонде А.А. Дмитриевского // Православный Палестинский Сборник. М., 2005. Вып. 102. С. 66–74.

31 Панеях А.В. В.Н. Хитрово и его библиотека в контексте отечественного палестноведения // Иерусалимский православный семинар. М.: Индрик, 2018. Вып. 8. С. 123–236.

32 Например, см.: Хитрово В.Н. Задачи научных исследований Святой Земли (Речь, читанная помощником председателя Православного Палестинского Общества В.Н. Хитрово в заседании 14 марта 1883 г.) // Отчет Православного Палестинского Общества за 1882–1883 гг. СПб., 1883. С. 39–60.

33 Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. СПб.: тип. В.Н. Майкова, 1866. XXIV, 334 с.

34 Например, см.: Хитрово В.Н. Финансовое управление в Великобритании. СПб.: тип. Мор. м-ва, [1862]. 16 с.; Хитрово В.Н. Сберегательные кассы в Великобритании. СПб.: тип. Гос. банка, 1884. — 232 с.; Хитрово В.Н. Доклад о ссудно-сберегательных товариществах в III отделении Императорского вольно-экономического общества. 2 ноября 1874 г. СПб., тип. Майкова, 1875. — 21 с.; Хитрово В.Н. Сельские ссудо-сберегательные товарищества. 8-е доп. и испр. изд. СПб.: Издание Санкт-Петербургского отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, 1889; Хитрово В.Н. Финансовое положение Иерусалимской Патриархии // Сообщения ИППО. 1891. Т. 2. С. 15–27.

35 Например, см.: Хитрово В.Н. Доклад Секретаря ИППО В.Н. Хитрово в Совете Общества о положении Русских подворий в Иерусалиме. СПб.: тип. В. Киршбаум, 1899. — 51 с.

36 Норов А.С. Иерусалим и Синай: Зап. второго путешествия на Восток. Под ред. и предисл. В.Н. Хитрово. СПб.: Н.П. Поливанов, А.А. Ильин и К°, 1878. 171 с.; Хитрово В.Н. Речь на годовом общем собрании ИППО 21 мая 1894 [Памяти архимандрита Антонина] // Сообщения ИППО. 1894. Июнь. С. 299–311; Хитрово В.Н. Николай Федорович Фан-дер-Флит по личным воспоминаниям В. Хитрово. СПб.: тип. В. Киршбаума, 1897. — 33 с.

[37] Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 тт. Подгот. текста, вступ. ст., коммент. и общ. ред. Н.Н. Лисового. М.: Индрик, 2017–2020. 3 т.

[38] Панеях А.В. В.Н. Хитрово и его библиотека в контексте отечественного палестиноведения // Иерусалимский православный семинар. М.: Индрик, 2018. Вып. 8. С. 134.

[39] Например, см.: Порфирий (Успенский К.А.), еп. Книга бытия моего: Извлеч. из кн., изд. Палестинским о-вом. СПб.: П.П. Сойкин, ценз. 1898. 194 с.; Порфирий (Успенский К.А.), еп. Книга бытия моего: Дневники и автобиогр. записки еп. Порфирия Успенского. Под ред. [Полихрония] А. Сырку. Т. 8 : Часть 1861 г. и годы 1862, 1863, 1864, 1865–1878, 1878–1884 и 1885: Т. 8 : Т. 8 : Часть 1861 г. и годы 1862, 1863, 1864, 1865–1878, 1878–1884 и 1885 : Часть 1861 г. и годы 1862, 1863, 1864, 1865–1878, 1878–1884 и 1885. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук 1902. — 608 с.

[40] К интересующему нас периоду относится том издания: Антонин (Капустин), архим. Дневник 1881 г. Отв. ред. Я.Н. Щапов; Российский государственный исторический архив [и др.] М.: Индрик, 2011. — 382 с.

[41] Варнава (Аверьянов Станислав Анатольевич), игумен. Духовный облик архимандрита Антонина (Капустина): по материалам его литературного наследия. Императорское Православное Палестинское Общество. М.: Индрик, 2017. С. 197–199.

[42] Салмина М.А. Дневник архимандрита Антонина (Капустина) // ТОДРЛ. Т. 27. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. С. 420–430.

[43] См.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 2 т. Предисл. П.В. Стегния. Составлен., подгот. текста, вступ. статья, коммент. и общ. ред. Н.Н. Лисового. М.: 2000. Т. 2. С. — 547.

[44] Щапов Я.Н. Введение // Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. 1881. https://acathist.ru/en/novosti/item/1965-antonin-kapustin-arkhimandrit-dnevnik-1881

[45] Вах К.А. Неизданные письма начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина) к Н.П. Игнатьеву // Антонин (Капустин) архим. Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым, 1865–1893 / Императорское Православное Палестинское Общество, Гос. арх. Российской Федерации, Архив внешней политики Российской империи, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме; изд. подгот. К. Вах и О. Анисимов. М.: Индрик, 2014. С. 7.

[46] Варнава (Аверьянов Станислав Анатольевич), игумен. Духовный облик архимандрита Антонина (Капустина): по материалам его литературного наследия. Императорское Православное Палестинское Общество. М.: Индрик, 2017. С. 197–207.

Почётный член ИППО Софья Доминиковна Хитрово

Р.К. Цуркан, протоиерей

Уже после ухода из жизни Василия Николаевича, 21 мая 1907 г. в Санкт-Петербурге в Купеческой зале Дворца прошло заседание, приуроченных к 25-летию ИППО, в присутствии Императора Николая II, когда второй Председатель Императорского Православного Палестинского Общества Великая Княгиня Елизавета Федоровна вручила вдове Хитрово Софье Доминиковне знак почётного члена ИППО. Прошло пять лет со дня смерти её супруга и умерший в мае 1903 г. основатель и секретарь ИППО, собиратель ресурсов и средств на паломническое дело в Палестине, писатель и «списатель» святынь Св. Земли как будто бы почтен в своей жене. Но не все так просто.

Орнаментальность соломоновой аксиомы жизни с переменой времен рождения и умирания, насаждения и вырывания посаженного, разрушения и созидания, сменой плача и сетования на радость, разбрасывания камней и их собирание, поиск и потери, любви и ненависти, войны и мира — все это в жизненном цикле *Софии-Анны-Марии ди Санта-Релли Тарситани*, дочери итальянца и русской присутствовало (даже две войны — 1-я и 2-я мировые). Но начнём с родни. Её отец Доминик Тарситани (1817–1873 гг.) был знаменитым врачом в области гинекологии, профессором медицины, директором крупной клиники в Неаполе. Мать её была русской дворянкой Марией Ивановной Руновской (1820–1912 гг.) Барочные узоры Италии и России витиевато улеглись в половину одного века и в половину другого. София родилась в 1855 г., а отошла ко Господу в 1942 г. Узорчатость её бытия с синхронной повторяемостью жизни в столице на Неве чередуется с местами и эпохами в виде паттерна — шестиугольника: СПб.-Неаполь-СПб.-Иерусалим-СПб.-Порхов/Псков.

Гиперборейная «зимняя» модель материнской линии связана с семейным муравейником, о котором читаем: «В свое время Иван Николаевич

и Елизавета Ивановна Руновские были полезными и честными деятелями на общественном и семейном муравейнике, где указан был им путь. Не только Воронежская, но и соседние губернии признавали в Иване Николаевиче юриста неподкупной честности и высокого развития и даже незнакомые издалека приезжали, чтобы получить его совет. И если он находил, что дело неправое и не советовал его начинать, то лучше всего было последовать его совету, потому как бы ни был могуч и богат ищущий и как бы ни был беден и беспомощен его соперник, в виде заброшенных сирот или безгласной вдовы, а Иван Ник<олаевич> считал уже своим долгом разыскать их документы и обнаружить истину, не щадя своих трудовых средств и не считая, что обижает детей своих, всегда отдавал чужим сиротам. Звезда ли то была счастливая или Бог помогал бесстрашному воину на поле юридической брани, только Иван Николаевич никогда не держался пословицы „один в поле не воин» и всегда выигрывал правые дела, за которые только и брался, сильный их истиною. Ну, а Елисавету Ивановну знали хорошо все бедные семейства, которые всегда находили легкий доступ к ней и посильную помощь, не разбирая, прав или виноват страждущий»[1]. Это пишет С.И. Снессорева, которая скрупулезно дополняет, что трое из детей умерли и на сентябрь 1827 г. в семье было 9 детей, из которых сыновья: Николай (14 лет), Михаил (9), Александр (8), Константин (7), Аполлон (4), дочери: Александра (19), Елизавета (17), София (11), Мария (6)[2].

Немного о тезке — тетке Софии, — переводчице и писательнице [вполне возможно, что наша героиня имя своё получила в её *честь*]. *Софья Ивановна Снессорева* (урожд. Руновская) — замечательный человек, была ни больше ни меньше секретарем и редактором книг свт. Игнатия (Брянчанинова), а также автором-составителем уникальной книги «*Земная жизнь пресвятой Богородицы*» (СПб., 1892). На тётю Софью маленькая София, судя по её переписке, ориентировалась. Другая часть петербуржского узора «гиперборея» Софии — её дядя, генерал-лейтенант Николай Аполлонович Снессорев, член ИППО. Это вкратце все культурно-религиозные образчики линии матери — линии снежного Санкт-Петербурга.

Со стороны отца иной узор, в противоположность зимней красоте, — цветок, радующий глаз гаммой цвета и многоступенчатым алгоритмом культур, которые как горы, то взмывают к высшей точке акме, то демонстрируют упадок и нищету. Отечество по линии отца — Калабрия, «калон-брион» или плодородная земля, как называли это место легендарные сибариты. Цитрусовые сады в долинах и оливковые рощи, мимозы в предгорьях, седые вершины гор, погруженных в античные воспоминания и думы о минувших веках.

Нужно отдать должное биографам отца Софии, которого именовали не иначе как «великим врачом королевства обеих Сицилий»[3], ибо о нем сведения собраны, включая его изображение (оно сохранилось благодаря его

«русской» дочери). Доменико Тарситани родился в калабрийском городке Читтанова около Аспромонте 18 августа 1817 г. Дед Софии был адвокатом Франческо Антонио, бабушку звали Джиронима Джовинаццо. Дедушка был третьим сыном из пяти детей, трех мальчиков, кроме него, Фердинандо и Винченцо, и двух девочек, Розы и Анджелы. Потеряв обоих родителей в очень юном возрасте, поддержку Франческо нашел в брате Фердинанде, который вынужден был взять на себя роль главы семьи, заботясь о семье. В 1828 г. Доменико отправляется учиться в колледж Реджо, где осваивает азы латинского и греческого языков. С 17-ти лет он учится в Неаполе, где завершает свое обучение философским и математическим дисциплинам, а в 1836 г. он поступает в реальный колледж Medico-surgico на очное отделение, где по конкурсу выигрывает стипендию «della mezza piazza franca», которая вручалась студенту, преуспевшему в латинской и итальянской литературе. Знаток литературы из Калабрии в 1834 г. перебирается в Неаполь и уже с 1835 г. мы его видим в медицинской школе Cerusico, а платит за обучение ни больше ни меньше, как герцог Терранова. Свое образование он получил под эгидой трёх медицинских светил неаполитанской клиники — профессоров Ронки, Постиглионе и Петрунти. С 1841 г. Доменико учится в Париже на спецкурсе в Сорбонне, разделяя учебу в университете с практикой в крупных парижских больницах. Тенденция к исследованиям привела молодого Тарситани, в конечном счёте, к акушерству и именно в акушерской клинике и родильном доме он сделал ряд открытий и ведущие научные журналы Европы единодушно признали превосходство изобретенных им двухштифтовых щипцов, которые стали именовать «щипцами Тарситани», а медицинская академия Франции наградила его серебряной медалью. Однако парижские сенсации Тарситани вернули его на родину, где он стал хирургом в больнице Сан-Франческо, но после, из-за политических событий, он из Неаполя перебрался в Санкт-Петербург, где в 1853 г., при столичном университете создал школу акушерства.

Во время пребывания в северной столице России его с большими почестями принимали в разных элитных семьях царской знати, в среде которой он и присмотрел Марию Рунковскую, на которой вскоре и женился, и которая в 1855 г. родила ему девочку *Софию*, которая, в свою очередь, вышла замуж за «царского генерала» Хитрово. Выдержка про царского генерала в итальянской биографии Тарситани[4] есть, как говорят англичане, red herring (*фейк*), на который пока мы не будем останавливаться[5]. От «красной селедки» вернемся к медицине сениора Доменико, к 1860 г., тому году, в котором ему предложена была кафедра акушерства в Неаполитанском университете. Далее, в 1867 г. Тарситани назначается директором клиники акушерства и по просьбе многочисленных учеников пишет учебное пособие, опубликованное под названием «Элементы акушерства» (1-й том). Без устали трудясь и помогая повитухам Неаполя, от непосильных трудов

практикующий гинеколог Тарситани неожиданно умирает в пригороде Неаполя, в местечке Торре-дель-Греко 9 марта 1873 г.

Весть о его смерти была воспринята с неподдельной болью всем академическим миром. В знак уважения к медику, через два года после смерти, его прах перенесли с кладбища Торре-дель-Греко на элитное Чимитеро ди Поджореале в Неаполе и заключили в гробницу, воздвигнутую в пантеоне выдающихся людей. На мемориальной доске есть надпись, продиктованная Паоло Эмилио Имбриани, в которой вспоминаются научные заслуги профессора. На камне высечены следующие слова: «*ДОМЕНИКО ТАРСИТАНИ* кавалеру Маурициано, профессору клиники акушерства университета Наполитано, умершему преждевременно 9 марта 1873 г. из-за неукротимой любви к своему искусству, в котором он был первооткрывателем. Безутешные жена и дочь заложили этот камень». По словам биографа, умирающий Тарситани умолял жену и дочь позаботиться о молодых неаполитанских докторах и ученых, особенно о тех, кто находился в плохих экономических условиях и его любимые женщины, чтобы выполнить завещание, обязались, лишив себя дохода, создать фонд стипендий для ассистентов акушерской клиники, для отделения, в котором он, несомненно, оставил неизгладимый след на пути своего медицинского обучения.

Три года спустя, вдова и дочь вернулись в Россию, потеряв надолго связь с родственниками, и только в 1908 г., к счастью, София смогла восстановить контакт со своим двоюродным братом Джузеппе Тарситани, внуком по линии отца, с которым она много лет потом переписывалась и переписка эта возможно сохранилась. Мы уже упоминали о том, что в Калабрии находится портрет доктора Тарситани. В 1924 г. дочь из Пскова, куда её «сослали», вопреки слежке, которой она подвергалась, и, несмотря на серьезные экономические трудности, переправила единственный портрет своего отца маслом через итальянское посольство двоюродной сестре, что дало повод муниципалитету Читтановы через год установить мемориальную доску во дворе дома семьи Тарситани и назвать в его честь улицу города[6].

Раз уж мы заговорили о юге Италии, то важно упомянуть о том, что *София-Анна-Мария ди Санта-Релли* или Софья Доминиковна Тарситани провела там прекрасные детские годы и, где отец дал ей отличное музыкальное образование, которое она в Санкт-Петербурге, уже после брака, совершенствовала со своим земляком — неаполитанцем *Беньямино Чези* (1845–1907). Антон Рубинштейн заманил итальянца в Санкт-Петербург и сделал профессором своей консерватории по классу фортепиано (это было в 1887–1891 гг.) Фактически итальянец был назначен генеральным инспектором в императорских школах-интернатах и активно преподавал, обучая многочисленных учеников, до инсульта, который случился с ним в 1891 г.[7] Косвенные факты указывают на то, что София как итальянское происхождение, могла вполне быть знакомой и с сыном маэстро — Наполеоне Чези, который

хотя и был младше её на 12 лет, но во времена петербургской деятельности своего отца был рядом с ним, о чем есть свидетельство[8].

Выше было сказано, что через три года после смерти доктора Тарситани его вдова и дочь вернулись в Россию. От смерти в Неаполе — к жизни в снежном Санкт-Петербурге. Антитеза, благодаря которой юная Тарситани в возрасте 21 года оказывается лицом к лицу с «русским генералом» (из Гатчины), о котором упоминают итальянские биографы её отца.

Холостяцкая жизнь бухгалтера Василий Николаевич Хитрово до женитьбы описана в его брошюре-воспоминании о Н.Ф. Ван-дер-Флите[9], а вот жизнь христианская скрыта в воспитании детей погибшего брата, героя Крымской компании. Василий Николаевич родился в семье надворного советника Николая Александровича Хитрово и его супруги Варвары Ивановны (в девичестве Кривцовой). Отец был фуражмейстером и начальником конского лазарета в течение 25 лет в Санкт-Петербурге, в 1840-вых годах стал надворным советником... Мать сама воспитывала своих детей и жила только ради них и для бедных, помогать которым было целью её святой жизни. Скончалась в 1845 г. и погребена на Смоленском кладбище. В семье Н.А. Хитрово родилось 11 детей: Софья (род. 1812), Мария (род. 1815), Александр (род. 1816), Варвара (род. 1818), Мария (род. 1820), Елизавета (род. 1822), Елизавета младшая (род. 1824), Николай (род. 1826), Николай младший (род. 1830), Сергей (род. 1832). Одиннадцатый — Василий.

Старший брат Василия Николаевича — Александр Николаевич Хитрово с 1833 г. служил «преображенцем», полковником, во время Крымской войны 1855 г., командуя Елецким пехотным полком в августе 1855 г., получил смертельное ранение, похоронен на Братском кладбище у «пирамидального» Свято-Никольского храма в Севастополе. От брата-героя остался сын и его-то Василий Николаевич и хотел женить на Софье Тарситани, но произошло всё наоборот. Девушку пленил дядя молодого человека и она вышла замуж за Василия Николаевича. По воспоминаниям подруги Софьи Доминиковны, родители Василия Николаевича были в шоке от двух деталей данного сериала: во-первых, оттого что юная Тарситани годилась жениху в дочери, и, во-вторых, что она была артисткой:

«Музыкантша в нашей семье, Боже праведный, что с нами будет», восклицала Вера Ивановна Хитрово, мать Василия Николаевича. А ведь Софья Доминиковна в свои 20 лет была уже известной пианисткой и играла для Вагнера и Листа. Как вспоминает Вера Уаровна Сипягина, подруга Софьи, первое явление в классе Луи Брассена (в 1878–1884 гг. он преподавал в Петербургской консерватории), дивной красоты итальянки, произвело на неё сильное впечатление. «Кто такая? Новенькая в конце сезона? Недоумевали мы, пока Брассен не объяснил нам, что это м[ада]м Хитрово, его частная ученица». Сипягина далее вспоминала: «Она была так определенно красива, с её роскошными волосами, что стояла всегда выше комплиментов, которые застыли

бы на устах человека при взгляде на её строгие, чудные глаза <...> Между нами, пронеслось то «слово огненного света», при котором люди уже чувствуют, что они друзья, что жизнь их обогатилась этим чувством <...> Судьба посылала мне счастье дружбы с прелестной женщиной на 4 года старше меня, всесторонне образованной, начитанной, владеющей языками, талантливой музыкантшей <...> у которой был свой обособленный душевный мир, в который она не впускала без разбора, который замыкала при малейшем неосторожном прикосновении (как мимоза сжимает свои лепестки)»[10].

Сипягина и прозвала Софью Хитрово «мимозой», в 1880 г. подруги расстались на год. Софья Доминиковна стала жить «в сторону мужа» — вместе с ним она уехала в Палестину, а затем в Европу[11]. Кстати, важное её замечание есть о муже и о музыке в августовском письме за 1913 г. из г. Сконерс (Германия), где Хитрово отдыхала:

«...на уроках с Брассеном настоял муж, а не я, а, кажется, я любила музыку...»[12].

Приведённые отрывок по-женски открывает дискурс *женского* в этой истории. Записки пианистки В.У. Сипягиной-Лиллиенфельд, собранные Еленой Александровной Воротынцевой (Устюженский краеведческий музей) буквально по крупицам помогают восстановить разбитой временем биографию итальянки. В рукописи Сипягиной «Петербургские салоны конца XIX — начала XX в.» (1922) есть характерная запись: «Дружба моя с С[офьей] Д[ominиковной] Х[итрово] — это не эпизодическое явление в моей многогранной жизни. Эта дружба проверяется 40-летней перепиской нашей (1882–1922). Переписка — это живая проверка не только наших взаимоотношений, но проверка моего отношения к другим людям, явлениям жизни, вопросов из области духа <...> про эти письма к С[офье] Д[ominиковне] смело можно сказать, что это “зеркало моей души”, никогда не тускневшее, ничего не искажавшее...»[13].

От дверей класса Луи Брассена до прихожей музыкального салона «меценатки Софьи Доминиковны Хитрово» путь в десятилетия. В исследовании г-жи Воротынцевой мы узнаем о том времени, ценностях этого салона и количестве написанных после писем и открыток: «В доме Хитрово устраивались музыкальные вечера, на которых выступала и Вера Уаровна Сипягина. Василий Николаевич и его тёща, Марии Ивановны Тарситани, жившая у дочери, очень тепло относились к подруге Софьи. «Её мать, чистенькая, красивая старушка, очень любила, когда мы садились играть в 4 руки», вспоминала Сипягина. Василий Николаевич в знак расположения и привязанности подарил Вере Уаровне образок, выполненный на чудесной перламутровой раковине, который привез из Иерусалима. Не забывала Сипягину и подруга: она почти отовсюду присылала ей письма и открытки. В фондах Устюженского музея их сохранилось более 170. Большая часть корреспонденции относится к периоду после 1903 года»[14].

5 мая 1903 г., когда умер Василий Николаевич, из Гатчины Софья Доминиковна посылает подруге телеграмму с коротким: «Все кончено». С этого момента, почти по-гомеровски, «супруга с душою растерзанной» в свой адрес начинает получать соболезнования. Отвечая на одно из них, которое ей прислал архивист Х.М. Лопарев, вдова Василия Николаевича пишет: «С умилением и благодарностью прочла я ваш очерк о деятельности моего дорогого усопшего <...> Вы первый сумели такими яркими и симпатичными чертами обрисовать его удивительную твердость и непреклонность в научных вопросах»[15].

«Список кораблей» четы Хитрово

«Я позволяю себе выразить уверенность, что среди членов Общества сохранится навсегда тот чистый, нравственный образ достойного и честнейшего труженика во имя высокой идеи, который являл почивший супруг Ваш»[16]. С такими словами обратился Великий Князь Сергий Александрович к вдове В.Н. Хитрово Софье Доминиковне. Во 2-й песне “Илиады” Гомер силу ахейцев живописует перечнем их кораблей, вкладывая в уста Нестора «нереальность» совершаемого повелением: «Пусть помогает колено колену и племени племя»[17]. Перечисление и сам перечень кораблей рассматривается как метафора двуединого и целостного явления[18]. Список деятельности секретаря ИППО В. Н. Хитрово также двуедин в силу незримой поддержки со стороны жены, которую Бог посла ему для взятой им ноши «палестинского» дела. Мы опускаем тайны жизни «тайного советника, члена Совета министра народного просвещения»[19] (до его руководства в Палестинском Обществе), ибо как можно сказать одним словом о его госслужбе? Разве что из лексикона апостола Петра, заимствуя классический греческий «композит», подчеркнуть, что Василий Николаевич никогда в трудовой своей жизни не был *чуждопосетителем* (1 Петр., 4, 15), а, напротив, добросовестным чиновником Госконтроля, служащим в департаменте Морского министерства и Министерства финансов, устроителем первых в России ссудо-сберегательных товариществ и хорошим администратором. Но нас интересует не его финансовый, а иерусалимский «список кораблей», его паломническое служение, его научные труды во благо Св. Земле, особенно после брака с Софией Доминиковной — та часть, которую могла делить и в самом деле разделяла его супруга с ним.

В «Картинах Италии» у Диккенса есть размышление о знаменитом каррарском мраморе — о карьерах-«пещерах», о множестве людей, убирающих и сбрасывающих вниз груды битого камня и земли, чтобы расчистить путь добытым глыбам мрамора, об огромных мастерских, полных великолепных, мраморных копий (фигурах и бюстах пленительной формы

и изящных, одухотворенных) и о муках, поте и трудах, связанных с трудом их изготовления, изваяния — о добродетелях на бесплодной почве рождающихся в гóре, муках и трудах <...> «Боже! Как много в человеческих душах и сердцах заброшенных карьеров и какие сокровища можно было бы извлечь оттуда! А люди, путешествующие по жизни ради удовольствия, отворачиваются от них и проходят мимо, из-за того, что они неприглядны снаружи». Так восклицал Диккенс, наблюдая каррарские карьеры с окна своей гостиницы[20], и тоже самое можно сказать о совместных и «забытых» трудах четы Хитрово, в которые входили не только «глыбы» поездок, но и издательские труды после них, и переводы древних текстов, и популяризация паломничества как форма покаяния (паломники — «прочáне» — это те, кто каются на святых местах).

Вскоре после женитьбы, «в 1880 году Василий Николаевич вместе с своею супругою предпринял вторичное путешествие в Св. Землю», материалы которого легли в основу I-го выпуска «Православного Палестинского Сборник» под заглавием «Православие в Св. Земле»[21]. Именно харизма В.Н. Хитрово и его личным средствам стали причиной выхода в 1881 г. «Палестинского Сборника» (до 1917 г. вышло 62 выпуска), при чём эта первая книжка была редактирована самим Василием Николаевичем. К слову сказать, к работе в этом научном сборнике он привлек массу знаменитых в последствие ученых. И жену свою молодую, Софью Домиников ну, тоже привлёк. Она публиковалась, в «Сообщениях ИППО», а также делала французские переводы древних русских «хождений» в Святую Землю (изданы отдельно в Швейцарии в 1899 г.)[22], а после смерти мужа, уже в 1908 г., к 200-летию петербургского Сапсониевского собора она составила книгу о народном хоре этого храма[23]. В книге подробно описана история создания хора[24] и это указывает на то, что регентская тема пересеклась в жизни Софьи Домиников ны с приходом Сапсониевского собора, что в свою очередь требует внимания и дополнительного исследования с поиском документов этой линии. А пока вернемся к «перечню кораблей», добавив к нему незаурядный корпус неизданной переписки Софьи Домиников ны с пианисткой В.У. Сипягиной-Лилиенфельд. Это собрание открывает сокровенное — переживание вдовства Софьей Домиников ной (о нём она пишет 5 июня 1903 г.): «Сегодня ночью был месяц, как я осталась одна. Все больше растёт во мне чувство одиночества и пустоты. Почвы под собою не чувствую, отняты у меня цель и смысл жизни. Чем наполнить её теперь? Всё хорошее пережито, похоронено, осталась одна могила. Приходится влачить бесцельное, пустое существование...»[25].

Как видим, задолго до революции ею были пережиты тяжкие годы, но, как ни странно, запас калабрийской крепости помог ей их пережить. О периоде Первой мировой война исследователь переписки пишет так: «С.Д. Хитрово находилась в Швейцарии, где лечилась на водах. Бросив

всё, она устремилась в Россию. В маленькой открытке, высланной Сипягиной, Софья Доминиковна с ужасом восклицала: “опоздай я ещё на неделю, и Дарданеллы и даже Болгария были бы закрыты!” Ей удалось вернуться домой морем, через Италию и Константинополь, проведя в дороге более двадцати дней. Вера Уаровна была в панике, обращалась в различные инстанции, пытаясь выяснить хоть что-то о судьбе подруги. Наконец, 6 сентября 1914 года Софья Доминиковна переслала ей коротенькую записочку прямо с киевского поезда: «... вот пишу Вам раньше всех, что я жива и здорова, т.к. знаю, что Вы измучились без сведений обо мне”. По возвращении в Россию Хитрово <...> пошла работать сестрой милосердия в один из петроградских госпиталей. 22 октября 1914 года она писала Сипягиной в Свистуны: “Благодаря четырём дежурствам в неделю и одного ночного каждые десять дней, время идет у меня довольно быстро, но я порядочно устаю и очень боюсь, что при первой простуде здоровье не выдержит <...> А без этой работы я пропала, она только и поддерживает меня нравственно в это ужасное время”»[26].

Как отмечает Е.А. Воротынцева, переписка между двумя женщинами явилась своеобразным зеркалом, в котором отражалось настроение части российской интеллигенции, е` отношение к политике. Так на поверку Софья Хитрово не оказалась глупой простушкой из Италии. Муж ввел её в петербуржское общество и она стала знакома с крупными фигурам русской культуры, в этом смысле интересно её отношение к инсайдеру Герцена, «музыканту-любителю», одному из директоров «Русского музыкального общества» и оппозиционеру царской власти Дмитрию Васильевичу Стасову: «Вы спрашиваете, дорогая, почему мы с Вами прошли в стороне от великого [революционного] движения, вызванного отчасти такими “близкими” мне людьми, как Стасова? <...> Я же прошла мимо этого движения довольно сознательно. Вспомните, что Стасовы всегда считались красными, особенно Д[митрий] Васильевич], и что это была не совсем подходящая среда для создателя Палест[инского] общ[ества] {имеется в виду В.Н. Хитрово}. Мне протягивали руку несколько раз, я чувствовала, что там и серьезно и интересно, но меня всегда отговаривали принять эту руку, и не столько муж, кот[орый] с некоторыми ограничениями, наверно, уступил бы определенно выраженному желанию, сколько мамаша и тетя {С.И. Снессорева} <...> Бороться и отстаивать свою мысль я никогда не умела, как Вы знаете, отчасти по природной лености и наклонности к легкой жизни»[27].

У Дмитрия Васильевича Стасова, к слову сказать, была дочь Елена (1873–1966 гг.), член РСДРП, революционерка-подпольщица. Софья Доминиковна не могла не быть с нею знакомой, но упоминания об этой «прогрессистке» отсутствуют в её письмах. А вот о революционных событиям мысли её сохранились. Приняла ли она перелом эпох? Софья Доминиковна революцию приняла как данность, как неизбежность, которую можно

и должно пережить, даже перетерпеть в христианском духе, о чём свидетельствует её письмо от 23 октября эпохального 1917 г.: «Разве красота духовная в том состоит, чтобы наслаждаться искусством во всех его видах и удовлетворять все свои умственные прихоти, вплоть до духовных? <...> Кто может отнять у меня, даже в переживаемое нами время, моё внутреннее богатство? Конечно, бывают минуты сомнения, колебания, даже страха перед насильственной смертью (теперь всё возможно), но именно мысль, что мы несем общий крест, что мы избранники, имеющие честь присутствовать при каком-то общем переустройстве, из которого выйдет счастье будущих поколений, именно эта мысль должна поддерживать нас и смягчить для нас тяжесть этих лет. Мы далеко не чужды переработке, идущей в мировой лаборатории, мы часть ее творчества...»[28].

К тому же 1917 г. относятся её летние письма такого содержания. Вот письмо от 4 июля: «В Петрограде опять беспорядки, дорогая моя. Временное правительство в прежнем составе упразднено, и на его место собираются новые министры, вероятно, чистые социалисты. На улицах стреляли, разъезжали опять автомобили с вооруженными солдатами, были попытки громить лавки и здания, есть уже убитые и т.п.»[29]

Письмо от 20 июля 1917 г.: «Об окончании войны в этом году и думать нечего, если в самом деле очнулись от постыдного безумия <...> Бесспорно, сказывается усталость и вялая славянская натура, которая понимает свободу только в виде безделия и присвоения чужого. Убежать бы от них на край земли!»[30]

Из письма от 11 сентября 1917 г.: «Очень многие советуют и мне уехать, не столько из опасения немцев, сколько из страха перед своими. Ожидаются большие беспорядки 20-го, будут громить капиталистов и резать буржуев, как проповедовал один тип вчера в трамвае, прибавляя, что же делать, если попадутся и невинные, без этого нельзя»[31].

Таким образом, мы видим в её письмах описание начала Февральской революции, появление Временного правительства, беспорядки и вооруженных солдат с матросами. В письмах того периода Софьи Хитрово к Сипягиной отразилась действительность перелома эпох и личной травмы. В 1919 г. особняк Хитрово, в котором Софья Доминиковна прожила 30 лет, заселили «швондерами» (конечно, как сведение о месте проживания Хитрово, это имеет значение): «У меня не сад, а заросший травою двор с помойной ямой и рядом кучею мусора, не кресло, а жесткая скамейка, на кот[орую] рядом садится всякий, начиная с дворника...»[32].

В это тяжелое время Софья Доминиковна по своим связям устраивается в «Оркестровый союз» и получает от него *охранный мандат* (он спасл от реквизиции её рояль и нотную библиотеку), но в августе 1919 г. она почему-то уезжает в г. Порхов Псковской губернии, где её приютила семья местного соборного регента. В Порхове она становится членом местного

музыкального кружка и преподавателем музыки. Из Порхова Хитрово писала Вере Уаровне достаточно оптимистические письма, вот выдержка одно из них: «Жизнь у меня теперь гораздо оживленнее и полнее, чем была за последние годы...»[33]. Из Порхова Софья Доминиковна в 1921 г. дважды выезжала в Петроград, «куда ее отправляли в командировки от порховской музыкальной студии. Но встречи с любимым городом были омрачены видом тех условий, в которых жила большая часть знакомых и друзей. Софья Доминиковна так описывала Сипягиной жизнь петроградцев в письме от 10 (24) июня 1921 года: «Хлеба нет и неизвестно, будет ли он. Дров нет и не будет <...> Трамваи ходят только до Ник[олаевского] вок[зала] и до 6 ч[асов] веч[ера]. Чтобы поехать в Лавру с Исаак[иевской] площ[ади], я должна была испытать пытку с 3 пересадками, сопряженную [с] насмешками и оскорблениями на каждом шагу {в свой адрес}: “Надела шляпу, завязала глаза и тоже лезет”. Это самое мягкое, что я слышала...»[34]

Однако калабрийский характер помог ей свою жизнь устраивать не только в псковском крае, но и продолжать «активно заниматься судьбой Русско-Палестинского общества так как для Софьи Доминиковны это общество являлось памятью о муже и памятью о святой благодетельнице Великой Княгине Елизавете Федоровне <...> Неизвестно, каким образом, Софье Доминиковне удалось добиться через Академию наук в Петрограде выделения 5 миллионов рублей на содержание дома и канцелярии Общества. Удалось ей спасти и принадлежавшую обществу библиотеку»[35]. Она была опечалена сообщением Веры Уаровны о её болезни, предлагала в Порхове знакомого хирурга (письмо 7 (19) января 1922 г.): «Дорогая моя, Ваше последнее письмо сразило меня, точно обухом по голове, Вы всегда такая здоровая, бодрая, энергичная, не обращающая внимания на простуды и легкие недомогания, и вдруг злокачественная опухоль и операция!»[36].

«Узнав о том, что подруге предлагают прооперироваться в Петрограде, она собиралась продать выданную ей на паек муку и выслать Вере Уаровне деньги на дорогу. Хитрово переписывалась с Сипягиной вплоть до смерти последней. О том, что подруги не стало, она узнала из письма сестры Веры Уаровны — Софьи. “Наша дружба длилась более 40 лет, и вот я осталась одна!” — с горечью признавалась Хитрово Софье Сипягиной. Софья Доминиковна Хитрово надолго пережила свою лучшую подругу и погибла во Пскове во время Великой Отечественной войны, будучи глубокой старухой»[37]. Некоторые считают, что она умерла в 85 лет, то есть 1940-м году[38], но это не имеет основания и не сходится с тем, что пишет госпожа Е.А. Воротынцева.

Подведем итог. Личность Софии Доминиковны, украшенная русскими и итальянскими чертами, вобрала в себя лучшие качества двух народов и соединила Италию с Россией в реальном человеке. От калабрийца отца ей досталась музыкальная культура итальянцев, трудолюбие и любовь к книге, а от русской матери (и тёти) религиозность, уважением к мужу, служение

с ним общему делу и паломническое стремление к поклонению святыням. Pellegrinaggio или странничество присутствует как у русских, так и у итальянцев, оно в крови у этих народов. Русская литература о таком духовном виде миграции так говорит: «“Приду к одному месту, помолюсь; не успею привыкнуть, полюбить — пойду дальше. И буду идти до тех пор, пока ноги подкосятся, и лягу и умру где-нибудь, и приду, наконец, в ту вечную, тихую пристань, где нет ни печали, ни воздыхания!..” (размышление княжны Марьи в «Войне и мире»)[39]. Как отзвук читаем в письмах Василия Николаевича (например, за 1881 г.): «Мы [с женой] выехали из Москвы в первых числах октября через Киев, Царьград, Александрию и Яффу и молились уже 22 октября у Гроба Господня <...> 24 ноября выехали обратно из Иерусалима <...> попали в Порт-Саид. Отсюда через Каир, Александрию, где море нам благоприятствовало, добрались до *Неаполя*, откуда 19 декабря очутились в Питере» (из письма В.Н. Хитрово к архимандриту Леониду (Кавелину) из Санкт-Петербурга от 15 февраля 1881 г.)[40]

Посещение Гроба Господня и поклонение, посещение места погребения отца в *Чимитеро ди Поджореале* на берегу Тирренского моря, наверняка и поклонение итальянским святыням, странствие от угодников к угодникам, туда, где нет ни печали, ни воздыхания, а вечная радость и блаженство. Ведь жизнь, лишенная всякого религиозного резонанса во времени — и есть жизнь человека без поклонения, ибо на святых гробах не время судить будет нас и открывать нам «незримые изъяны вещей», а беспристрастный суд Христа: Сын Божий Своим судом будет выносить справедливый приговор и времени, и жизни и смерти (подмечено это и философом Вл. Соловьевым):

Смерть и время царят на земле,
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь Солнце любви.

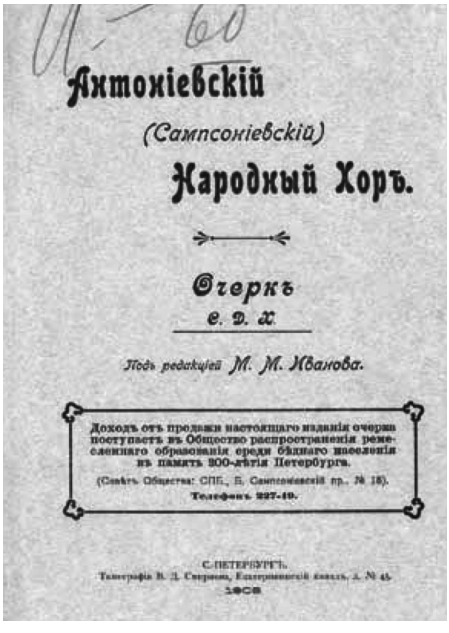
Приложение

Как уже выше было упомянуто, в 1924 г., Софье Домиников не удалось вернуть в Италию единственный написанный маслом портрет своего отца и отправить его через итальянское посольство к двоюродному брату. На фото часть портрета Доменико Тарситани, написанный маслом на холсте, был отправлен в ICSAIC Паоло Америго Марулли из Сан-Чезарио-Карнилья, которому он принадлежит. Эта работа была заказана доном Карло Марулли, принцем Марулли и герцогом Сан-Чезарио в знак вечной благодарности и памяти светила, спасшего жизнь его сестры Донны Лауры и её двоюродного племянника дона Эрнесто Дориа, принца Ангри[41].

Доменико Тарситани

Бенжамино Гези

Чаепитие после молебна и панихиды в церкви св. Марии Магдалины 10 июля 1888 г. В центре — блаженнейший Патриарх Иерусалимский Никодим, справа от него — начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), помощник Председателя Православного Палестинского Общества Василий Николаевич Хитрово, слева от него Софья Доминиковна Хитрово, графиня О.Е. Путятина, сотрудники Русской Духовной Миссии и русского консульства


Ахтохіевскій

(Сампсоніевскій)

Народный Хоръ.

Очеркъ

е. д. х.

Подъ редакціей М. М. Иванова.

Доходъ отъ продажи настоящаго изданія очерка поступаетъ въ Общество распространенія ремесленнаго образованія среди бѣднаго населенія въ память 200-лѣтія Петербурга.

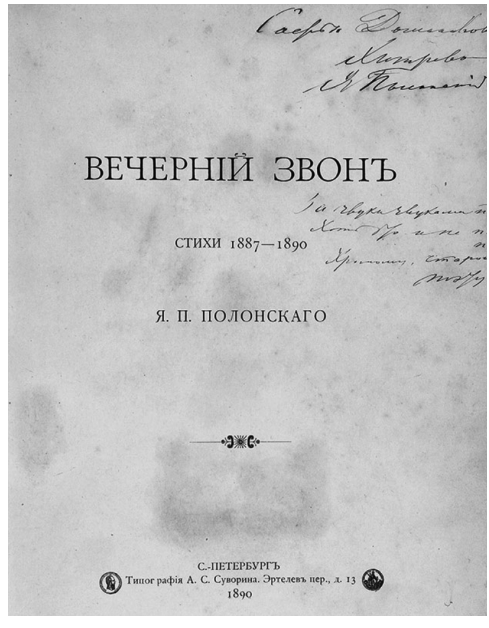
(Совѣтъ Общества: СПБ., Б. Сампсоніевскій пр., № 18).

Телефонъ 227-19.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій каналъ, д. № 45.

1908


ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ

СТИХИ 1887—1890

Я. П. ПОЛОНСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

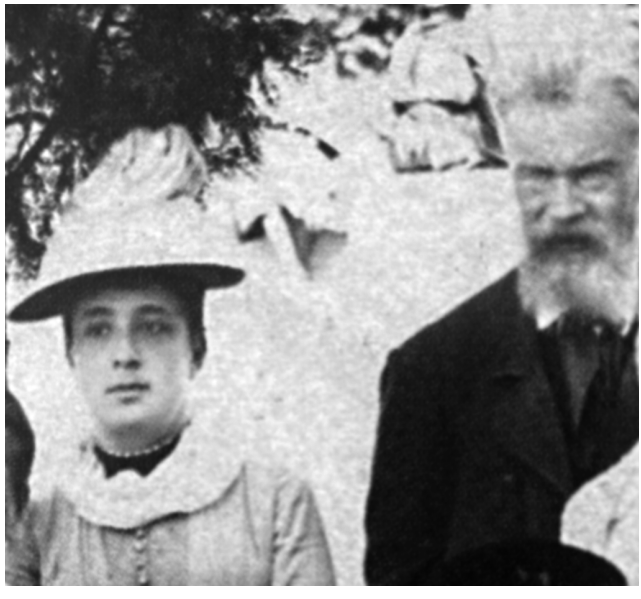
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

1890

Антониевский Народный хор
Обложка ее книги

дарственная

С архимандритом Антонином под дубом Мамврийским. 1888 год



София с Василием Николаевичем (мужем)

Также мы помещаем автограф с дарственной надписью поэта Якова Полонского на книге его стихов и титул сборника С.Д. Хитрово о Сампсониевсом хоре.

1 Снессорева С.И. Автобиографическая записка> // Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений. М.: Паломник, 2003. Т. 5. С. 539–540.

2 Автобиографический очерк С. И. Снессоревой «На память другу» (публикация Е.М. Аксененко) // Ежегодник Рукописного отдела на 2001 год. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 158–178 Электронный ресурс. Дата. Обращения 27.01. 2023 http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/ROPD/EROPD_2001/06_Аксененко_158.pdf

3 Lombardo M. Domenico Tarsitani, un grande medico del Regno delle Due Sicilie Электронный ресурс. Дата. Обращения 27.01. 2023 https://www-altaterradilavoro-com.translate.goog/domenico-tarsitani-un-grande-medico-del-regno-delle-due sicilie/?_x_tr_sl=it&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui,sc

Scalise M. Domenico Tarsitani, padre della ginecologia moderna Электронный ресурс. Дата. Обращения 27.01. 2023 https://www-lameziaterme-it.translate.goog/domenico-tarsitani-padre-della-ginecologia-moderna/?_x_tr_sl=it&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui,sc

4 Orlando A. Domenico Tarsitani Электронный ресурс. Дата. Обращения 27.01. 2023 https://www-icsaicstoria-it.translate.goog/tarsitani-domenico/?_x_tr_sch=http&_x_tr_sl=it&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui,sc

[5] Возможно, что недоразумение скрывается в том, что итальянский исследователь мог наткнуться на информацию о Николае Федоровиче Хитрово, генерал-майоре, поверенном в делах при дворе Великого герцога Тосканского во Флоренции (1815–1817). Скончался он в Тоскане, похоронен в Ливорно.

[6] Orlando A. Domenico Tarsitani Электронный ресурс. Дата. Обращения 27. 01. 2023 https://www-icsaicstoria-it.translate.goog/tarsitani-domenico/?_x_tr_sch=http&_x_tr_sl=it&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui,sc

[7] Meloncelli R. Cesi Beniamino // Dizionario Biografico degli Italiani. Volume 24 (1980) Электронный ресурс. Дата. Обращения 27.01. 2023 https://www.treccani.it/enciclopedia/beniamino-cesi_%28Dizionario-Biografico%29/ // Важный источник: P. P. De Martino. Beniamino Cesi da Napoli a San Pietroburgo // Napoli nobilissima — Volume IX 2008, 131–144.

[8] Corrado L. L'archivio di Napoleone Cesi. Un primo profilo artistico attraverso documenti inediti Электронный ресурс. Дата. Обращения 27.01. 2023 http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:i2a4LxDVdY0J:https://issuu.com/conservatoriosanpietroamajella/docs/i_quaderni_del_san_pietro_a_majella_ii-2021/s/14250346&client=safari&hl=ru&strip=1&vwsrc=0

[9] Хитрово В.Н. Николай Федорович Фан-дер-Флит по личным воспоминаниям В. Хитрово. Санкт-Петербург: тип. В. Киршбаума, 1897. С. 33.

[10] Воротынцева Е.А. Творческая интеллигенция из окружения пианистки В.У. Сипягиной-Лилиенфельд // Устюжна. Краеведческий альманах. Выпуск 5 Электронный ресурс. Дата. Обращения 27.01. 2023 https://www.booksite.ru/fulltext/5us/tyu/zhna/5.htm

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Воротынцева Е. А. «Они ушли незамененные...» О жизни и творчестве русской пианистки В. У. Сипягиной-Лилиенфельд // Устюжна. Краеведческий альманах. Выпуск 2 (5). С. 4. Электронный ресурс. Дата. Обращения 27. 01. 2023 https://www.booksite.ru/fulltext/usty/uzh/na2/5.htm

[15] Цысь В.В. Сотрудничество Х.М. Лопарева с Императорским Православным Палестинским Обществом // Материалы IV лопаревских чтений (Ханты-Мансийск, 24 октября 2013 г. С. 25. Электронный ресурс. Дата. Обращения 27. 01. 2023 http://остяко-вогульск.рф/wp-content/uploads/2019/11/iv_loparevskie_chteniya.pdf Письмо находится в петербургском филиале архива РАН, ф. 107. оп. 2. д. 515. л. 1об.

[16] Панин А.Н. Памяти Василия Николаевича Хитрово // Нижегородская старина, № 37–38 Электронный ресурс. Дата. Обращения 27.01. 2023 https://www.ippo.ru/uploads/Панин-Хитрово-НС-37-38-с53-69.pdf

[17] Гомер. Илиада. Перевод с древнегреч. Н. Гнедича. М., 1984. С. 38.

[18] Темненко Г.М. Перечень кораблей в «Илиаде» Гомера // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Институт лигвистических исследований РАН. 2011. С. 489–496. Электронный ресурс. Дата. Обращения 27. 01. 2023 https://studfile.net/preview/7249028/page:2/

[19] Памятная книжка лицеистов Императорского Александровского лицея. СПб., 1911. С. 54.
[20] Диккенс Ч. Картины Италии. Собрание сочинений. Том девятый. М., 1958. С. 428–431.
[21] Дмитриевский А.А. Памяти В.Н. Хитрово (Ко дню десятилетия со дня его кончины) Электронный ресурс. Дата. Обращения 27.01. 2023 https://ros-vos.net/sr/osn/adm/hitrovo/6/
[22] Лисовой Н.Н. В.Н. Хитрово и создание ИППО. https://www.ippo.ru/ipporu/article/v-n-hitrovo-i-sozdanie-ippo-n-n-lisovoy-200596
[23] С.Д.Х. [Хитрово С.Д.]. Антониевский (Сампсониевский) народный хор. СПб., 1908.
[24] Панин А. Н. Там же.
[25] Воротынцева Е.А. Там же.
[26] Воротынцева Е.А. Там же.
[27] Воротынцева Е.А. Там же.
[28] Воротынцева Е.А. Там же.
[29] Воротынцева Е.А. Там же.
[30] Воротынцева Е.А. Там же.
[31] Воротынцева Е.А. Там же.
[32] Воротынцева Е.А. Там же.
[33] Воротынцева Е.А. Там же.
[34] Воротынцева Е.А. Там же.
[35] Воротынцева Е.А. Там же.
[36] Воротынцева Е.А. Там же.
[37] Воротынцева Е.А. Там же.
[38] Блинова Л.Н. «Духа не угашайте» 110 лет назад скончался В. Н. Хитрово Электронный ресурс. Дата. Обращения 27. 01. 2023 https://ros-vos.net/sr/osn/adm/hitrovo/7/
[39] Толстой Л. Война и мир. Т. 2. М., 1978. С. 241.
[40] Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Том 3. Из эпистолярного наследия. М.-СПб., 2012. С. 150–151.
[41] https://www-icsaicstoria-it.translate.goog/tarsitani-domenico/?_x_tr_sl=it&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=nui,sc

Вопросы церковно-государственных отношений в переписке К.П. Победоносцева и В.Н. Хитрово в 1880-е гг.*

В.В. Блохин

Вопросы церковно-государственных отношений — центральные в период правления Императора Александра III. Реализуя консервативную программу, Обер-Прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев видел свою задачу в возрождении православных и народных начал жизни, в усилении Церкви в государственной жизни. Созданное в 1882 г. Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО), по инициативе В.Н. Хитрово служило той же цели. Вполне объяснимо, что переписка этих выдающихся деятелей русского общества имеет не только научную, но и мировоззренческую ценность. И Победоносцева, и Хитрово связывала идея служения Православию, русскому народу и российскому государству. В этой связи нелишне исследовать их взгляды и рассмотреть их идейные и практические «пересечения», опыт организации жизни святых учреждений Русской Палестины.

Формирование консервативной программы К.П. Победоносцева происходило в условиях распространения, как в Европе, так и России либеральных идей, согласно которым Церковь и религиозная жизнь должны были быть отделены от государства, и вытекающей из него гражданской сферы. Анализу этих вопросов К.П. Победоносцев уделял огромное внимание. Будучи правоведом и глубоко религиозным человеком, Победоносцев осознавал пагубность как чрезмерного усиления государства в жизни общества, так и устранения его от задач общественного воспитания, которые исполняет Церковь.

* Статья написана в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» № 100517-1-174

«Во второй половине XIX в., в период после проведения либеральных реформ 1860–1870-х гг., интерес Победоносцева к вопросам религии и церкви в значительной степени определялся уже не только его личными пристрастиями, но и общей оценкой основных тенденций развития российского общества, приобретавших, по мнению консерватора, все более деструктивный характер», — отмечает А.Ю. Полунов[1].

Нельзя и не учитывать самой личности Обер-Прокурора. К.П. Победоносцев был цельной религиозной натурой, «происхождение, воспитание, семейное окружение, вынесенные из родительского дома привычки и пристрастия — всё это с ранних лет подталкивало будущего знаменитого сановника к признанию особой роли религии и церкви в жизни общества. Внук приходского священника, Победоносцев вырос в глубоко патриархальной семье профессора словесности Московского университета, и с детских лет отличался глубокой религиозностью. В сферу интеллектуальных интересов российского консерватора, наряду с профессионально близкой ему историко-правовой проблематикой, всегда входили вопросы богословия»[2].

К.П. Победоносцев, осознавая различия в функциях государства и Церкви, был убежден, что «Государство не может быть представителем одних материальных интересов общества; в таком случае оно само себя лишило бы духовной силы и отрешилось бы от духовного единения с народом. Государство тем сильнее и тем более имеет значения, чем явственнее в нем обозначается представительство духовное <...> Доверие массы народа к правителям основано на вере, то есть не только на единоверии народа с правительством, но и на простой уверенности в том, что правительство имеет веру и по вере действует»[3].

Из заявленной позиции Обер-Прокурора Святейшего Синода вытекала необходимость координации светских властей и Церкви в решении важнейших государственных и общественных вопросов. С точки зрения Победоносцева государственная политика должна бы направляться Церковью. Этот подход особенно явственно проявился во взаимоотношениях великого церковного деятеля и В.Н. Хитрово, возникших по поводу функционирования Русской Духовной миссии в Палестине. Главная проблема, с которой столкнулись выдающиеся деятели Русской Православной Церкви, было рассогласование государственной политики, осуществляемой МИДом и деятельностью церковных органов, РДМ в Иерусалиме.

Вполне очевидно, что это рассогласование вызывалось непониманием руководством МИД Российской Империи значения и роли Русской Православной Церкви в Святой Земле, что, с одной стороны, вызывалось незнанием ситуации в этом регионе, а с другой, неизбежно приводило к ослаблению позиций русского государства. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что правительство Императора Александра II осуществляло либеральный

курс и в полной мере не понимало роли усиления Православия, и не обеспечивало ему полноценной политической поддержки.

Такие провалы в церковно-государственной политике наметились ещё в конце 1850-х гг. Б.П. Мансуров, будучи одним из учредителей ИППО и много сделавший для усиления русского присутствия в Святой Земле, связывал решение вопроса с деятельностью Русского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ). *«Так как командировка покойного Б.П. Мансурова в Сирию и Палестину совершалась едва ли не главным образом в интересах Русского общества Пароходств и торговли, только что образовавшегося перед тем, в отчете Б.П. Мансуров старался доказать несколько рискованное положение, что якобы интересы нашего правительства на Востоке совпадают с выгодами Русского Общества Пароходства и Торговли, и что сие последнее может служить лучшим и вернейшим орудием для исполнения того, что требует достоинство и польз Русской Церкви»* (курсив Дмитриевского — В.Б.)[4].

По убеждению А.А. Дмитриевского, «Общество Пароходства и Торговли <...> не только не принесло никакой пользы Русской Церкви, но даже мало прилагало попечений и забот и о руссом благочестивом народе, доселе, как известно, совершающем свои путешествия в Святую землю исключительно на пароходах этого Общества, ныне уже большей частью износившихся и совершенно непригодных к плаванию по далеким морям»[5].

Н.Н. Лисовой справедливо отметил коммерческую составляющую проекта Б.П. Мансурова. «Проект Мансурова» строился на следующем разграничении функций: «политическое покровительство и помощь будет относиться к обязанностям Консула, попечение о нравственности и религиозной деятельности поклонников должно лежать на ответственности Духовной Миссии, наконец, заботливость о материальных нуждах и благосостоянии паломников ложится на Духовную Миссию совместно с агенцией РОПИТ, ибо в этой стороне дела заключается его (РОПИТа) собственная выгода»[6].

По справедливому замечанию Н.Н. Лисового, для церковных деятелей того времени, «для епископа Кирилла Наумова и архимандрита Леонида Кавелина деятельность выше поименованного РОПИТа, с которым материально были связаны и сановные лица Петербурга, и более мелкие дипломатические чиновники на Ближнем Востоке, представлялась несовместимой с высокими принципами и целями русского православного присутствия в Иерусалиме и Святой Земле».[7]

Провалы в организации паломничества, организованные Б.П. Мансуровым, непонимание политической ситуации в Палестине привели к отчуждению между ним и В.Н. Хитрово. «Б.П. Мансуров с этого времени неоднократно вел уже открытую полемику и с Обществом, и с Секретарем его В.Н. Хитрово и по другим вопросам и открыто стал на сторону греческого святогробского духовенства и Патриарха Сионской Церкви», — отмечал А.А. Дмитриевский[8].

С началом царствования Александра III и назначением К.П. Победоносцева Обер-Прокурором Святейшего Синода, В.Н. Хитрово получил мощную политическую поддержку в утверждении русских интересов в Палестине. Этому способствовала международная ситуация, а именно настроение разочарования, постигшее Победоносцева после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в результаты которой были для великого политика в определенной мере неожиданными. Балканские страны, освобожденные от турецкого ига, такие как Болгария, отнюдь не спешили следовать руслу русской политики, что побуждало Победоносцева к действию. Веря в необходимость поддерживать сохранившиеся у народов Ближнего Востока русофильские настроения, он видел выход «в поощрении деятельности за рубежом религиозных институтов, которые и могли бы обеспечить интересы России не путем применения дипломатических и тем более военных рычагов, а гораздо более тонким способом — с помощью мер духовного, культурного, религиозного воздействия».[9]

Н.Н. Лисовой отмечает, что важным фактором успеха в деятельности В.Н. Хитрово стало «назначение обер-прокурором Святейшего Синода в 1880 г. государственно и православно мыслящего К.П. Победоносцева и паломничество 21–31 мая 1881 г. в Святую Землю братьев вступившего на престол Александра III великих князей Сергия и Павла Александровичей. Последний факт имел принципиальное династическое значение»[10].

Препятствием, однако, опять становились некомпетентность и личные амбиции чиновников МИДа. Речь идет о консуле В.Ф. Кожевникове.

Весной 1880 г. В.Н. Хитрово пишет очерк о положении в Палестине, направляя его К.П. Победоносцеву. В своем обращении он отмечает, что дипломатические приемы, эффективные в европейских столицах совершенно не приемлемы в Палестине. «Между тем отсутствие строго разграниченных обязанностей обоих наших представителей повело между ними к известному роду трениям. Такие трения бесспорно не ускользнули от внимания Патриархии, придержавшей в этом деле начала: Divide et impera. Тогда поднялась та глухая борьба между Патриархатом, консулом и начальником Духовной миссии, борьба с малыми перерывами, длящаяся к злорадству иноверных общин почти четверть столетия. <...> Вина Патриархии, отстраняющей от посланного ему проведением союзника для борьбы против иноверной пропаганды. Вина в консулах, переносящих в Иерусалим мелочные вопросы о личном значении и начальствовании. Вина, наконец, в нас самих, для которых вопросы о православии, ее колыбели и православных становятся стостепенными среди других вопросов ежедневной жизни»[11].

В ноябрьском письме Хитрово констатировал ухудшение ситуации, состоявшее в откровенном игнорировании МИДом Русской Духовной Миссии. «Из разговоров с нынешним нашим консулом В.Ф. Кожевниковым

я вынес убеждение, что ни никакое соглашение иное, как полное подчинение консульству всего, что есть русского в Иерусалиме, он лично не пойдет. Консул — все, а начальник Духовной Миссии — не более как священник консульской церкви, вот мнение Кожевникова, и, к сожалению, он в этом случае не более как отголосок Министерства Иностранных дел, Палестинской Комиссии и, в особенности, Б.П. Мансурова»[12].

Наблюдая откровенное игнорирование МИДом интересов Русской Православной Церкви, Хитрово обращается к Победоносцеву в расчете на покровительство и помощь. Причем, обращаться приходилось почти по всем ключевым вопросам жизни русского Православия в Палестине.

Так, одним из существенных вопросов стала защита о. архимандрита Антонина, руководителя Русской Духовной Миссии, как от консула, так и интриг Иерусалимского Патриарха. Некомпетентность консула Кожевникова возмущала Хитрово, что проявлялось при строительстве храма в Горнем. Так, Хитрово сообщает, что по инициативе «один русский» отыскал средства и «приобрел место» и выстроил на свои средства церковь. Однако вместо благодарности появился «целый ряд доносов» о строительстве церкви, «буря со стороны Греческой Патриархии». По мнению Хитрово, «главное было, что Греческая Патриархия не противодействовала», но Кожевников запретил освящение церкви. «Мотивы такого запрета изложены в телеграмме Кожевникова. Одна эта телеграмма показывает глубокое неведение здесь местных обстоятельств и могла быть послана только рассчитывая на неведение». Другим аргументом консула была угроза демонстрации против этого события. По мнению, Хитрово причиной таких действий со стороны консула было его личное тщеславие, его ревностное отношение к о. архимандриту Антонину. «При болезненной мелочности Кожевникова этого было совершенно достаточно (время пребывания великих князей в Иерусалиме — *В.Б.*) для того, чтоб пожелать показать свое моему праву не препятствуй». Видя безнадежность дела и тот вред, который наносит Кожевников, Хитрово обратился к Победоносцеву с предложением назначить себя на должность заведующими делами в Палестинскую комиссию при МИДе. Таким образом, он надеялся оказать влияние на деятельность консула и защитить интересы православного населения[13].

Выход из положения В.Н. Хитрово видел в возможности самому возглавить Палестинский комитет при МИДе. Аргументы сводились к тому, что «мое знание местных обстоятельств и любовь к ним Вам известны, и если смею просить об этом, то думаю, что принесу пользу делу и придам единство в действия Палестинскому комитету и Палестинскому Обществу». Обращают на себя мотивы В.Н. Хитрово. Это, во-первых, незнание местных условий» чиновниками МИДа, во-вторых, координация государственного органа и Палестинского Общества; в-третьих, совершенное бескорыстие, «нежелание получать никакого содержания»[14].

Другое предложение Хитрово было ещё более решительное, но способное в корне исправить ситуацию. Хитрово фактически стоит за позицию влияния Русской Церкви на государственные дела. При обсуждении возможного кандидата на должность консула В.Н. Хитрово выказывал опасения о назначении случайных фигур, и «несочувственном отношении со стороны МИДа». Выход из положения Хитрово видел в том, чтобы Святейший Синод давал согласие на такое назначение. «... Мне кажется, что назначение консула в Иерусалим не должно делаться без предварительного соглашения со Святейшим Синодом и в этом случае Ваш веский голос может настоять на назначении более соответствующего консула»[15].

Таким образом, деятельность В.Н. Хитрово полностью совпадала с идеями, высказанными К.П. Победоносцева о роли Церкви в государственной жизни. Это в значительной мере и определяло отношение само Победоносцева к деятельности ИППО.

Победоносцев крепко стоял на защите руководителя РДМ о. архимандрита Антонина, который по воспоминаниям современников, отличался тяжелым, неуживчивым нравом, «от многочисленных недоброжелателей в «верхах», уговаривая их для пользы дела смириться с личными недостатками архимандрита»[16]. Представляется, что не в последнюю очередь, это было связано с информированием Обер-Прокурора В.Н. Хитрово, который в условиях шельмования со стороны Иерусалимского Патриарха встал на защиту о. Антонина. Понимая, что «Этим Патриарх постарается сделать угодное и нашему Министерству иностранных дел, и грекам и турецкому правительству, показав себя в этом последнем случае против России. Но именно этого, смею выразить свое мнение, и не следует допустить ни под каким видом. (подчеркнуто автором — *В.Б.*). Надежда только на поддержку Вашего Высокопревосходительства в этом случае».[17]

Для усиления статуса архимандрита Антонина Хитрово предлагает «возвести о. Архимандрита в сан епископа, с непременным условием оставления его начальником Духовной Миссии». В случае затруднений при решении этой задачи, Хитрово предлагает «другое средство, которое находится вполне в Ваших руках» (Победоносцева — *В.Б.*), — «это пожалование о. Архимандриту — панагии без возведения его в сан епископа... Такая награда прямо покажет желающим: не трогайте, в обиду не дадим»[18].

Хитрово считал необходимым не только защитить о. архимандрита от нападок, возвеличив его статус, но выступал перед Победоносцевым ходатаем о награждении Антонина. По мнению Хитрово это награда могла бы служить средством восстановления справедливости, который «18 лет работал для России, и ничего кроме выговоров, брани и неприятностей не получивший»[19].

Как видим, защита РДМ от своеволия МИДа и нападок Иерусалимского Патриарха, осуществлявшаяся В.Н. Хитрово — были одним из важных

направлений его деятельности в Палестине. К середине 1880-х гг. В.Н. Хитрово сформулировал свое видение церковно-государственных отношений в Святой Земле, которое он изложил в Записке К.П. Победоносцеву.

Начинает Записку с констатации факта об изменениях в Иерусалиме и необходимости изменений «круга деятельности и взаимных отношений наших правительственных агентов» за последние 40 лет. За это время усилилась католическая и протестантская пропаганда, «прикрывающая за собой политическое влияние западных держав», всей силой обрушившаяся на православное население, нуждающееся в защите и поддержке. В.Н. Хитрово отмечает возросшее количество и паломников. «Мы не можем безучастно относиться к тому, что они выносят из Святой Земли».

По мнению Хитрово, устарели прежние инструкции 1844, 1847, 1857 и 1864 гг. Изложенные в общей и отвлеченной форме «подают повод к взаимным пререканиям правительственных агентов в ущерб прямому делу». Если раньше, при действии прежних инструкций не было знания «местных условий, дел и круга деятельности», то теперь «40-летний опыт должен был научить нас и с точностью очертить круг деятельности каждого из Правительственных агентов в Иерусалиме»[20].

Далее В.Н. Хитрово описывал круг полномочий русских правительственных институтов в Святой Земле. «Интересы наши в Святой земле трех родов: духовные, политические и материальные, соответственно чему следует определить и круг деятельности каждого из правительственных агентов»[21]. Он предлагает чётче определить функции государственных агентов: «Иерусалимская Духовная Миссия должна иметь целью удовлетворение всех духовных потребностей наших паломников <...> Она составляет ставропигию Святейшего Синода и ему одному подчинена. От него она получает указы и инструкции, а к нему относится рапортами»[22]. Прописал В.Н. Хитрово и круг полномочий Консула, в котором «Миссия обязана видеть представителя русского правительства, поэтому относится к нему с христианской любовью и обращается за содействием в тех случаях, когда признает то — необходимым»[23]. Имея опыт взаимодействия с государственными структурами, осознавая риски управления в Палестине, Хитрово предлагает избегать коренной ломки системы управления, подчинив всю хозяйственную часть в распоряжение Палестинской комиссии[24].

Подводя итог переписке В.Н. Хитрово и К.П. Победоносцева нетрудно заметить, что обоих деятелей объединяла задача утверждения русского Православия в Святой Земле. В.Н. Хитрово прекрасно понимал, что без вмешательства Обер-Прокурора решить эти задачи будет чрезвычайно трудно. Переписка наглядно показывает, что Хитрово поднимал перед Победоносцевым деликатные вопросы, решение которых было возможно только при доверительных отношениях.

[1] Полунов А.Ю. К.П. Победоносцев и русские учреждения в Святой Земле // К.П. Победоносцев и Русская духовная миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М.; СПб.: «Индрик», 2017. С. 20.

[2] Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 20.

[3] Победоносцев К.П. Государство и Церковь. М.: Институт Русской цивилизации, 2011. Т.II. С. 312.

[4] Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины. СПб.: И-во Олега Абышко, 2010. С. 53.

[5] Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 54

[6] Лисовой Н.Н. К истории русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. М.: ИРИ РАН, 2000. Вып. 2. С. 67.

[7] Там же. С. 67.

[8] Дмитриевский А.А. Указ. соч. С. 63.

[9] Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 22.

[10] Лисовой Н.Н. Указ. соч. С. 71.

[11] Хитрово В.Н. Очерк положения Православия в Палестине. 12 апреля 1880 г. // К.П. Победоносцев и русская духовная миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III.К 170-летию основания. М.; СПб.: «Индрик», 2017. С. 82.

[12] Письмо В.Н. Хитрово к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву. Иерусалим, 23 ноября 1880 г. // Там же. С .20.

[13] Письмо В.Н. Хитрово К.П. Победоносцеву об истории строительства церкви в Горнем и об отношениях с консулом В.Ф. Кожевниковым 6 января 1883. // Там же. С. 117–118.

[14] Письмо В.Н. Хитрово К.П. Победоносцеву с предложением о назначении себя на должность заведующего делами в Палестинской комиссии при Министерстве иностранных дел. 5 февраля 1883 г. // Там же. С. 124.

[15] Письмо В.Н. Хитрово К.П. Победоносцеву о церкви в Горнем и о положении консула в Иерусалиме. 1 марта 1883 г. // Там же. С. 131.

[16] Полунов А.Ю. Указ. соч. С. 19.

[17] Письмо В.Н.Хитрово К.П.Победоносцеву о способах усиления положения архимандрита Антонина (Капустина) 25 сентября 1883 г. // Там же. С. 143.

[18] Там же. С. 141.

[19] Письмо В.Н. Хитрово К.П. Победоносцеву о поездке к Иерусалимскому Патриарху и о ходатайстве награды для архимандрита Антонина (Капустина) 6 октября 1883 // Там же. С. 144.

[20] Письмо В.Н. Хитрово К.П. Победоносцеву с запиской о деятельности в Иерусалиме русских правительственных агентов. 20 ноября 1885 г. // Там же. С. 261.

[21] Там же. С. 261.

[22] Там же. С. 261.

[23] Там же. С. 262.

[24] Там же. С. 262.

Василий Николаевич Хитрово (1834–1903) — деятель отечественной кооперации. К 120-летию со дня кончины В.Н. Хитрово*

М.Ю. Лачаева

Выдающийся дореволюционный общественный деятель, происходивший из старинного боярского рода, лицеист, чиновник Морского ведомства и Министерства финансов Российской Империи, талантливый представитель своего поколения, Василий Николаевич Хитрово стоял у истоков отечественной кооперации и отдал немало сил служению интересам страны и народа. Как явление, достойное бытия и изучения, тема кооперации имеет обширную историографию, однако личность Василия Николаевича Хитрово в ней остаётся в тени.

Из всей многообразной деятельности В.Н. Хитрово (государственной и общественной по реализации внутренних реформ Российской Империи в 1870-е гг. — земской и городской, его миссионерской работы в Русской Палестине по укреплению влияния России на Ближнем Востоке, его прекрасной публицистики и уникальных научных исследований) на периферии научного внимания оказалась его многолетняя работа секретарем Санкт-Петербургского Отделения Комитета ссудо-сберегательных и промышленных товариществ при МОСХ — Московском обществе сельского хозяйства (далее в тексте: Комитет), в числе отцов-основателей которого он являлся.

Этот Комитет упоминается в литературе, в том числе в монографии А.П. Корелина «Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг.»[1] Однако сам Василий Николаевич Хитрово там лишь назван в числе «васильчиковцев», то есть петербургского кружка князя А.И. Васильчикова,

* Статья написана в рамках реализации Программы фундаментальных научных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» № 100517-1-174

и автором монографии приводится цитата из Отчета Комитета, написанного Хитрово, о качестве возникавших ссудо-сберегательных товариществ.

Между тем личность Василия Николаевича Хитрово заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Мы не найдем имени В.Н. Хитрово и в специальной, в том числе новейшей литературе. Так, в 2022 г. вышла статья «Организационно-правовые основы и результаты деятельности Комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в России кон. XIX — нач. XX в.» кандидата исторических наук, доцента кафедры теории и истории государства и права Владимирского государственного университета имени Александра и Николая Григорьевичей Столетовых Юлии Олеговны Новиковой[2] по специальности теория и история права и государства; история учений о праве и государстве в рамках изучения методологии и правового обеспечения современного государственного управления. Очевиден авторский интерес к опыту Комитета, в статье подчеркивается его значение для современных систем управления, но В.Н. Хитрово там нет. Факту историографического внимания к Комитету порадовалась бы Надежда Константиновна Фигуровская, ушедшая в 2012 г., — выдающийся экономист, специалист по кооперации, возглавлявшая долгие годы в Институте Экономики АН работу по созданию многотомного издания «Страницы кооперации».

Итак, Комитет о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах при МОСХ был создан в 1871 г. князем Александром Илларионовичем Васильчиковым (1818–1881). В него вошли практически все члены его Петербургского кружка — люди широкого кругозора, экономически и интеллектуально самостоятельные, мыслившие социально ответственно. Они знали реальную жизнь и старались оказывать на неё благотворное влияние. Их отличала природная одаренность, высокий профессионализм, трудолюбие и организованность. Замечательное наследие, в том числе и Василия Николаевича Хитрово, заслуживает внимания, оно современно, но представлено и освоено далеко не полностью.

В своем большинстве «васильчиковцы», к ним принадлежал и В.Н. Хитрово, были помещиками.

Комитет сформировался не единомоментно. На заседании 3 января 1871 г. в Комитет вошли Дмитрий Федорович Самарин (1831–1901), Владимир Федорович Лугинин (1834–1911), Александр Васильевич Яковлев (1835–1888), братья Николай (1839–1907) и Пётр Васильевичи Верещагины и Александр Иванович Чупров (1842–1908), все они — известные деятели народного хозяйства, учредители его новых направлений (ссудо-сберегательного, маслоделия и сыроделия), экономисты, земские деятели —генераторы новых кооперативных идей.

Василий Николаевич Хитрово был принят в члены Комитета на заседании 15 января 1871 г. В тот же день стал членом и Николай Федорович

Фан-дер-Флит (1840–1896), будущий товарищ председателя Комитета и наиболее близкий к Хитрово человек. Они познакомились в середине 1860-х гг., когда Н.Ф. Флит заведовал библиотекой Министерства финансов и в числе её сотрудников были также некоторые будущие члены Комитета. Василий Николаевич Хитрово после многих лет сотрудничества пригласил Флита к участию в работе Императорского Православного Палестинского Общества.

Флит был потомком голландских переселенцев. Его отец был тайным советником. Подобно Хитрово, Флит был лицеистом. Он был одним из сподвижников министра финансов М.Х. Рейтерна (1820–1890) и глубоко верил в преобразовательную силу кооперации. В литературе отмечалось, что Флит предоставил своё имение в распоряжение кружка князя Васильчикова в качестве полигона для отработки «механизма» внедрения народного кредита[3].

После кончины Флита Хитрово написал о нем сердечные воспоминания, которые характеризуют не только друга, но и самого Василия Николаевича, его душевные качества и жизненные принципы, отношение к людям[4]. Написать эти воспоминания Хитрово считал своим долгом благодарности и уважения к Флиту, который требовал от мемуариста «воссоздать его нравственный, духовный облик, то, что думал его ум, чем жило его сердце»[5]. «Кабинетная биография» была для Хитрово неприемлема.

В январе 1871 г. членом Комитета также стал Нил Петрович Колюпанов (1827–1894) — известный общественный земский деятель по реализации крестьянской реформы, историк, юрист и публицист.

14 лет спустя в Комитете было уже 85 членов. Их пофамильный состав, а в нём было много известных людей, свидетельствует о высоком интеллектуальном и организационном потенциале Комитета.

В.Н. Хитрово стал секретарем Комитета и вёл научную и организационную работу в сложные 1870–1880-е пореформенные годы. После смерти в 1881 г. князя Васильчикова и вплоть до 1890 года Хитрово продолжал выполнять обязанности секретаря Комитета. Он составлял и издавал его отчеты, доклады, участвовал в издательской деятельности Комитета, о чём свидетельствуют многочисленные публикации. Его важнейшим направлением являлось ссудо-сберегательное дело. Данному обстоятельству в отечественной историографии дается положительная оценка. Так, по подсчетам А.П. Корелина, в результате пропагандистской, методической и административной деятельности Комитета в период с 1871 по 1899 г. в Российской Империи было разрешено 966 ссудно-сберегательных товариществ.[6] Однако проделанная В.Н. Хитрово аналитика в отношении характера, качества и жизнеспособности товариществ, их региональных особенностей подробно не рассматривалась.

В 1890 г. на посту секретаря Комитета Василия Николаевич Хитрово сменил Павел Александрович Соколовский (1842–1906).

В России более известной стала немецкая практика организации кредитной кооперации. Хитрово изучил другой, британский опыт. Заметим, что этот опыт не был учтён в обобщающем труде М.И. Туган-Барановского о кооперации[7]. Английским открытием у нас по-прежнему продолжают считать исключительно потребительскую кооперацию. И обращаются к имени Роберта Оуэна.

В.Н. Хитрово рассмотрел историю британского ссудо-сберегательного дела в исследовании «Ссудо-сберегательные кассы Великобритании», опубликованном в 1884 г. в Санкт-Петербурге. Эту историю он начинает с конца XVIII в., то есть с её начала. И данная информация до настоящего времени остается мало известной.

Первой возникает летом 1798 г. Вендоверская касса, которую учредил богатый местный священник Смит совместно с двумя другими зажиточными прихожанами для приучения местных жителей к сбережениям. В 1808 г. в Гетфоррде была основана касса викарием Т. Ллойдом. Вклады на сбережение принимались у бедных прихожан после службы по воскресеньям. Перед Рождеством взносы им возвращались вместе с премией размером в треть накопленной суммы.

Реализации идеи воспитания у народа (рабочих) сберегательной способности в Великобритании способствовали два фактора: а) авторитет священника и доверие к нему паствы и 2) премия к Рождеству[8]. Ссудо-сбережение преследовало и более широкие цели, в перспективе включая в круг деятельности страховое дело. Однако, если для английского народа, как пишет Хитрово, страховое дело было «излюбленным», то в России, обстояло иначе. История британских сберкасс была интересна Хитрово потому, что они, по его словам, «носили в своем зародыше начало сбережения во всех тех его многочисленных проявлениях, которые в настоящую минуту *(т.е. к середине 1880-х гг. — М.Л.)* составляют такую экономическую силу Великобритании».[9]

Рутвеллская приходская касса, учрежденная в 1810 г. священником Генри Дунканом в деревне Рутвелле в Шотландии стала «прародительницей» «ныне существующих» сберегательных касс. Василий Николаевич видел заслугу Дункана в том, что «он сделал идею сберегательных касс популярною в то время, когда потребность в них, по окончании Наполеоновских войн, начала наиболее ощущаться»[10].

Проблема состояла в том, и об этом писали в печати деятели британской кредитной кооперации, что «трудно убедить народ или его руководителей, что распространение сберегательных касс гораздо более важно и гораздо более способствует к увеличению благосостояния народа, чем самые блестящие удачи его оружия или самые значительные преуспеяния

его торговли и земледелия»[11]. Для Хитрово была важна сама идея сберкассы как средства и формы помощи народу, поэтому он видел заслуги, разделявших это убеждение деятелей кредитной кооперации в их практических усилиях облечь эту идею, убеждение в практическую форму. Форма Рутвелльской приходской кассы, в последствие весьма мало видоизмененная, послужила прототипом для других народных кредитных учреждений и ссудо-сберегательных товариществ. За образец был принят принцип «избегать» в сберегательных кассах «благотворительного начала».

Хитрово собрал и систематизировал данные о частных британских сберегательных кассах за 1818–1880 гг. Василий Николаевич обратил внимание на присутствие в оборотах касс, кроме собственно приема и оплаты сбережений, формы копеечной сберегательной кассы (Penny Savings bank), ссудных товариществ, потребительских обществ, похоронных касс, всех видов случайностей человеческой жизни. Хитрово изучил механизмы, которые были призваны нейтрализовать опасности (опасения), чтобы оказываемая кассами помощь касалась только «лиц, для которых она предназначается», и обеспечивали распространение ответственности касс за внесенные сбережения. Хитрово интересовали злоупотребления, их характер и последствия. Ряд злоупотреблений мог подорвать доверие населения к сберегательным кассам. И чтобы избежать этой опасности в России, им внимательно изучался британский опыт.

На определенном этапе развития ссудо-сберегательных касс в дело вмешалось государство, что также представляло для Хитрово интерес. Он внимательно проследил развитие законодательства в этой сфере (усилиях правительства сосредоточить в своих руках сбережения рабочего класса) и рассмотрел деятельность выдающихся государственных деятелей Великобритании. Отдельное внимание Хитрово уделил изучению работы Уильяма Ю. Гладстона (1809–1898), канцлера Казначейства, многолетнего премьер-министра, писателя. Хитрово оценил сознание Гладстона как «сознание истинно государственного человека»[12], в результате деятельности которого «законы в отношении частных сберегательных касс не были отменены и продолжали действовать, оставив право вкладчикам решать, какой вид кассы для них удобнее и полезнее»[13].

Василий Николаевич проанализировал британскую статистику вкладчиков, структурировав её. Он показал срезы: *гендерный и возрастной* (взрослых и детей), заметим, что разрешались вклады женщин и детей («малолетних мужчин» и их доверенных), а также *по занятиям* (выделив механиков, рабочих, прислуги, дворников, полицейских, земледельцев, лодочников, рыбаков, военных, моряков, торговцев, фермеров, служащих, учителей, мужчин неопределенных занятий).

По существу, это был срез структуры британского общества, и такую методику можно было применить к российскому обществу, проанализировать степень потребности его конкретных слоев в ссудо-сберегательных товариществах. Хитрово обратил внимание на то, что счета в сберкассах Британии помимо отдельных вкладчиков могли иметь Дружеские общества, Копеечные сберегательные кассы и другие общества и товарищества, но они составляли в 1865 г. не более 0,15% всех вкладчиков.

Интересен исторический фактический материал, приведенный Хитрово. Так, первая Копеечная касса была учреждена в 1847 г. Скоттом в Гриноке. В 1850 г. их было уже четыре, но случались и банкротства, как например в 1857 г. с Бирмингемской кассой. Деятельность Копеечных касс регулировалась августовским законом 1859 г.

Хитрово проанализировал статистику и структуру счетов Копеечных касс на 1881 г. Всего их тогда было в Британии 1 399. Из них: в городах и селениях — 1 016, при школах — 366, при фабриках — 14, при кофейнях — 3[14].

Василий Николаевич внимательно изучал многообразие видов сберегательных касс в Великобритании, их документацию (в частности сберегательные листы), механизмы работы, порядок, системы наблюдения за вкладами (во избежание злоупотреблений), условия получения вклада, то есть функции и характер деятельности организаций. Он сделал вывод, что «по своей простоте и удобству система сберегательных касс привилась немедленно по своем введении». Хитрово писал: «По моему крайнему разумению, система сберегательных листов будет иметь огромное значение на сбережение и ей предстоит блестящая будущность»[15].

Особенно интересовали Хитрово британские почтовые сберегательные кассы. В 1861 г. ко времени открытия первой почтовой кассы в Великобритании действовали уже 640 частных сберегательных касс, которые не могли охватить все население страны. Одна такая касса приходилась на 45 277 жителей и то не всюду. В 13 графствах и на островах сберкасс не было. Их не было в 3 500 городах и местечках. Заметим, что Хитрово считал эти данные не полными. Между тем, в пересылке свободных денежных средств были заинтересованы моряки военного и коммерческого флота, торговцы, которые большую часть времени находились вне своих семей. Таким образом, идея почтовой сберегательной кассы представлялась перспективной. Опыт почтовых сберкасс был интересен Хитрово ещё и в связи с его участием в делах Русской Палестины и теми задачами, которые он решал по улучшению условий православного паломничества в Святой Земле простых русских людей.

* * *

В России история кредитной кооперации была иной. Известно, что мысль об учреждении кредитного кооператива принадлежала

Святославу Федоровичу Лугинину (1838–1866) — младшему из братьев Лугининых. Он побывал в Германии и ознакомился с деятельностью основателя германской кредитной кооперации экономиста, юриста, банкира, политика и писателя Франца-Германа Шульце-Делича (1808–1883)[16]. Вернувшись в Россию, С.Ф. Лугинин решил устроить в имении отца — селе Рождественском Дороватовской волости Ветлужского уезда Костромской губернии кредитное крестьянское товарищество по образцу германских. С.Ф. Лугининым был разработан устав товарищества, но до его открытия не дожил. Дело спас его старший брат Владимир Федорович, будущий соратник Хитрово по Комитету ссудо-сберегательных и промышленных товариществ.

17 июля 1866 г. состоялось первое общее собрание нового кредитного кооператива, а с 1 августа 1866 г. оно открыло свои действия.

Соратники Хитрово по Комитету В.Ф. Лугинин и А.В. Яковлев в работе «Сельские ссудные товарищества» разъяснили, почему ранее созданные правительством в России волостные кассы не могут решить главную задачу, которую ставили перед собой кооператоры, и в их числе Хитрово — устройство народного, т.е. общедоступного и преимущественно личного кредита.

Волостные кассы были учреждением правительственным. «Деньги, посредством которых они производили свои обороты, находились в руках волостного правления, волостного начальства, которое выдавало ссуды по преимуществу тем лицам, которые стояли близко к волостному начальству или покупались крестьянами ценой дорогого угощения. Ссуды, данные в одни руки, оставались невозвращенными часто весьма долгое время. Отсрочка или просто давалась, или покупалась. Часто лица, захватившие таким образом деньги кассы, раздавали их уже на значительные проценты тем из крестьян, которым волостное начальство отказало в ссуде. Таким образом, выдача ссуд была источником бесчисленные злоупотреблений, а сами кассы, вместо того, чтобы быть поддержкой возможно большего числа небогатых, но трудолюбивых крестьян, становились новой монополией небольшого кружка избранных и давали им новое средство для угнетения остальных. Правление волостных касс действовало без всякого контроля. Волостные сходы влияния не могли иметь, как и надзора за делом, поскольку во главе ссудной кассы было то самое волостное начальство, которому они были обязаны повиноваться. Лица, поставленные во главе касс, видели в них только источник личного обогащения»[17]. Данное обстоятельство давало основание создателям нового дела, в том числе и Хитрово, сделать вывод, что волостные кассы, не принося действительной пользы в экономическом отношении, оказывали лишь новое развращающее влияние.

Деятели Комитета предпочли кооперативные ссудные товарищества волостным кассам потому, что они видели принципиальное отличие

организации дела на новых основаниях как путь к устранению существовавших недостатков.

При устроении ссудно-сберегательных касс правление избиралось «совершенно независимое» от волостного начальства. Правление подчинялось контролю общих собраний, составленных из всех жителей данной волости. Первейшее условие виделось в сознательном участии в деле его членов. «Основная идея кооперативного ссудного товарищества состоит в том, что известное число людей, нуждающихся в краткосрочном кредите, и не представляющих никакой вещественной гарантии, а лишь нравственную (что своим трудом могут уплатить взятую ссуду) соединятся в группу, которая занимает под круговую ответственность всех членов необходимые капиталы».

В.Н. Хитрово и его товарищи были убеждены, что ссудно-сберегательные товарищества могут и должны быть вполне самостоятельными, что они должны быть основаны на самопомощи, но вначале в особенности для успешного развития их необходимо денежная поддержка со стороны земств и нравственное содействие образованных людей.

Было понимание, что успех практического осуществления дела зависит столько же от энергии инициаторов и последовательности проведения системы положений, изложенных в уставах и теории в жизнь, сколько и от степени соответствия самих начал и способа их проведения с уровнем развития конкретной среды, с ее нравственными понятиями, родом занятий, установившимися отношениями и вообще со всем строем жизни. Понимали, что предстояла большая разъяснительная и воспитательная работа.

В виду того, что предвидеть все разнообразные влияния было «весьма трудно», приходилось «действовать наугад», одновременно внимательно изучался опыт других, в том числе стран, с целью предупреждения ошибок и «вообще напрасной траты сил и средств». Тем не менее, учитывая опыт других, исходили из реальной российской ситуации.

Анализ российского опыта показал, что по количеству сумм, выданных в первоначальные займы товариществам, по числу товариществ, устроенных при содействии земства, заметно сходство между земствами одной группы. Степень участия земства в устройстве товариществ зависела от личного состава земских собраний, но в значительной степени от влияния и потребности населения в кредите. Сам же успех деятельности первых товариществ зависел «от уровня развития населения, от рода занятий его и других местных условий».

Так, Новгородское земство одно из первых возбудило (в декабре 1869) вопрос об организации сельского краткосрочного кредита и первое в России приступило к устройству ссудо-сберегательных товариществ по образцу Рождественского. Его Правила о выдаче первоначальных займов

товариществам и о порядке контроля их действий послужили образцом для многих других земств. На опыт Новгородских товариществ долгое время опирались управы других земских собраний при устройстве мелкого кредита на началах взаимности.

Деятельность членов Комитета опиралась на их личный опыт, полученный еще до создания Комитета в январе 1871 г. За год до этого в январе 1870 г. на заседании Общества Санкт-петербургских сельских хозяев было принято решение об образовании в губернии ссудных товариществ. Благодаря распространению сведений об этих товариществах через работы будущих членов Комитета Н.П. Колюпанова и А.В. Яковлева, из нескольких местностей губернии уже поступили заявления о желании образовать ссудные товарищества на началах Рождественского товарищества, деятельность которого была успешной и оправдывала себя на практике, и чей устав был одобрен Министерством финансов.

Таким образом, Василий Николаевич Хитрово стоял у истоков большого нужного стране дела, его укрепления, развития, и написания его истории. Опыт, полученный Хитрово в Российской империи и 1870-х-1880-х гг. по созданию ссудо-сберегательных товариществ, расширения ареала их деятельности был им позднее применен в Русской Палестине. Его русский опыт важен в силу масштабности проведённой работы и достигнутых позитивных результатов, трудоёмкости этого процесса, и он имеет самостоятельное значение.

Идея сбережения народных средств, заложенная в самом названии сберегательных касс, многое потеряла, и главное, свою идейную преемственность, сокращением названия учреждения Сбербанка — вывеской «Сбер».

1 Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009.

2 Новикова Ю.О. Организационно-правовые основы и результаты деятельности Комитета о ссудо-сберегательных и промышленных товариществах в России конца XIX — начала XX в. // Труды Академии управления МВД России. 2022. №1(61).

3 Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 27.

4 Николай Федорович Фан-Дер-Флит по личным воспоминаниям Хитрово. СПб., 1897.

5 Там же. С. 6.

6 Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009. С. 39.

7 Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М.: Экономика, 1989.

8 Хитрово В.Н. Ссудо-сберегательные кассы Великобритании. СПб, 1884. С. 2.

9 Там же. С. 7.

10 Хитрово В.Н. Ссудо-сберегательные кассы Великобритании. СПб, 1884. С. 9.

[11] Там же.

[12] Хитрово В.Н. Ссудо-сберегательные кассы Великобритании. СПб, 1884. С. 44.

[13] Там же. С. 46.

[14] Там же. С. 80.

[15] Там же. С. 82.

[16] Ф.Г. Шульце-Делич, Ф.В. Райффайзен (1818–1888), В. Хаас (1839–1913) вошли в историю германской кредитной кооперации как ее основатели.

[17] Творцы кооперации. М.: Московский рабочий. 1991. С. 136–137.

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ и НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Гроб Господень в XII–XIII веках: археология иконографии*

Л.А. Беляев

Настоящий текст представляет собой род препринта. Он призван ознакомить коллег с одним из сюжетов, который войдет в состав книги с аналогичным названием, готовящейся сейчас к печати[1]. Сама по себе тема устройства погребального ложа в храме Воскресения Христова в Иерусалиме изучается с 1980-х гг., и позволяет представить не только сам объект, но и его воздействие на христианскую иконографию, в том числе древнерусскую[2]. В книге будут обобщены накопленные за полвека материалы, поэтому её основу составят два каталога: аннотированный перечень памятников Средиземноморья и Западной Европы, в которых отражено актуальное для XII–XIII вв. оформление Святого Гроба, и древнерусских иконок на сюжет «Гроб Господень», в которых оно также представлено. В дискуссионной части книги будут сформулированы новые задачи, а также описаны решённые в ходе исследования археолого-иконографические загадки. Одна из них и стала темой этого сообщения[3].

Выбор именно этого сюжета определен тем, что он охватывает всё пространство культур христианского Востока, Древней Руси и средневекового Запада, и показывает включенность Московской Руси в сложные общемировые контексты, точкой схода которых служили палестинские Святые Места.

Зоной пересечения этих процессов и, соответственно, предметом изучения стал один из типов древнерусских резных иконок, получивших на Руси

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института археологии РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.» № НИОКТР 122071100011-4 (Древности «русских участков» на Святой Земле: история исследований и современная археология).

особое название, «Гроб Господень». Их сюжетом стали — что очень необычно — именно сама гробница и её архитектурное окружение, то есть Эдикула (Кувуклий) — Ротонда (Анастасис) и, наконец, Базилика Воскресения (Мартирион).

Эти объекты обладали качеством передачи святости через иконное изображение места погребения и воскресения Иисуса Христа. В Евангелиях эти события занимают три дня и две ночи, от Снятия со Креста до Воскресения. За это время совершается масса событий, которые получают визуальные (иконные) модели. Это такие сюжеты, как: Оплакивание, Миропомазание и Положение во Гроб. Более редкие (часто включённые в более привычные) ночные сцены: члены Синедриона просят Пилата опечатать Гробницу; опечатанье Гроба и установка стражи; подкуп стражи и другие.

В субботу тело оставалось в опечатанной гробнице. На третий день следовавшие за Иисусом женщины, купив миро (сцена покупки тоже встречается в перечне сюжетов), пошли ко Гробу. Они опасались, что не смогут войти, поскольку закрывающий камень некому отвалить. Но камень уже отодвинут и на нём сидит ангел. Гробница пуста, в ней только саван. Воскресение свершилось. Эта сцена — то есть момент обращения ангела к женам-мироносицам — наиболее полно передает саму суть Воскресения, позволяя показать непредставимое: пустоту, оставшуюся на месте погребения. Рис. 1. В результате именно она станет одним из двух сюжетов на тему Воскресения (второй — Сошествие во Ад — здесь не рассматривается).

1. Иконка Жены-мироносицы (Гроб Господень). Сланец. XIII–XIV вв. Собрание ГИМ.

Спустя примерно 300 лет, в IV в., императрица Елена открыла в Иерусалиме одну из скальных гробниц древнего кладбища. Эта гробница и почитается в христианском мире как Гроб Господень. Над ней построили часовню (Кувуклий, или Эдикула). К востоку от неё в том же IV в. построили базилику. Понятие «Гроб Господень» прикладывают и к ней, и к большой Ротонде, которая обнимает Кувуклий вместе с гробницей.

Образовалась система сюжетно значимых священных оболочек. Её смысловой центр — пустота, поскольку именно опустелость Гробницы служит символом воскрешения Христа из мертвых. Её последовательно обнимают Кувуклий, Ротонда и пристроенный к ней собор. Среди этих зримых символов главным является, однако, каменное ложе — именно к нему прикасался и прикасается каждый паломник.

Таким образом, понятие Гроб Господень — интегральное: это сюжет Евангелия, реальный объект почитания христианами и особый сюжет иконографии. Ценность сюжета — в передаче конкретных, визуально и даже тактильно доступных черт святыни. Герои сюжета — реальные сооружения, Гробница и Храм. Они, наряду со стоящей рядом скалой Голгофой, символом крестной смерти Спасителя, создают и сохраняют образ Воскресения и самой Святой Земли, позволяя транслировать его на весь христианский мир.

Современный нам храм Воскресения в Иерусалиме — многослойный архитектурно-религиозный комплекс. Но в первой половине XII в. крестоносцы капитально перестроили его, взяв за образец тип собора, отвечающего потребностям организации поклонения святыням в Италии, Франции и Испании, особенно по дорогам, ведущим к святилищу Иакова Кампостельского в Галисии. Одновременно в Европе умножились повторения форм Кувуклия в капеллах замков монашеских орденов, отдельно стоящих часовнях, и даже в литургической мебели (например, в Аквилее). Это очень широкий и длительный процесс, в архитектуре он достиг Руси в XVII в., в Новом Иерусалиме.

Однако нас интересует более ранняя, средневековая стадия, время появления русских каменных иконок, которые существенно связаны с формами паломнического искусства эпохи крестоносцев. Эта связь видна уже в разнице имен. На греческом Востоке и в России обычная форма для описания Гробницы — Hagios Taphos (Святой Гроб). На латинском Западе она звучит по-другому — Sepulcrum Dei или Sepulcrum Domini (Гроб Господень). Мы вправе задуматься над этой разницей.

Обратимся к статистике. В своде, который будет опубликован в монографии, около 55 древнерусских иконок. Это немногим больше, чем было учтено в каталоге Т.В. Николаевой 1983 г. То есть за 40 лет добавилось всего 7, но зато среди них есть новые экземпляры, обнаруженные при раскопках.

Иконки активно изучали в 1960–1990-х гг. А.В. Рындина и Т.В. Николаева, их тему затрагивали А.Е. Мусин, А.А. Пескова В.В. Пуцко. Но проблема требует нового серьезного разбора.

Прежде всего, туманной остается хронология. Считается, что иконки «Гроб Господень» появились на Руси в XIII в., а популярность сохраняли до XV–XVI столетий. Однако в культурных слоях они так редки, что составить шкалу развития по ним нельзя, разве что подтвердить общие временные рамки. Проблемой осталось и место производства. В каталоге только одна вещь из новгородского музея — а ведь к Новгороду возводят более половины всех предметов. Ясно, что для хронологии и установления мест производства нужна новая типологическая проработка уже известных материалов.

Мы видим два основных типа композиций, простой и усложненный. Сцену могли представить на уровне знаковых компонентов: Гробница, Саван, Камень, Ангел, Мироносицы с алавастрами в руках. Плюс архитектурный образ. Но на Руси известны и сложные, иногда даже запутанные варианты. В них много участников, и в том числе апостол Петр, припадающий ко Гробу и/или заглядывающий в него (отметим, что это явный прообраз паломника). Антураж сцены многочленный. В Кувуклии висят лампады. Обозначены мозаики с ангелами или сами парящие ангелы. Иногда добавлены символы Бога Отца и Святого духа, некоторые ночные сюжеты. Такие иконки — настоящие ребусы, разрешимые только через образную систему Запада.

Одним из таких загадочных элементов оказался мотив из трёх кругов или лунок, часто украшающий переднюю стенку Гробницы, представляемой как прямоугольный саркофаг. Они помещаются на том же месте, на котором у других иконок мы видим надпись «Гроб Господень». На этот странный мотив я обратил внимание в конце 1970-х гг., пытаясь понять истоки композиций плит ранней Москвы, где подобный мотив из трёх кругом встречается. Странность его состояла в том, что русская иконопись, где сюжеты, связанные с погребением и воскресением Христа, хорошо известны — мотив трёх кругов не встречается. Работы современников (Т.В. Николаевой, А.В. Рындина) также не объясняли, что это за деталь такая, в них о ней просто не говорилось. Воспринимать же её как произвольный орнамент не хотелось.

Первая попытка истолкования мотива была связана с понятием мензы, алтарной доски ранних христиан, которая снабжалась специальными лунками и о практике соединения крышек саркофагов с находящимся внутри погребением для получения священного миро из гробниц святых. Аналоги нашлись, хотя и не были многочисленны: тремя лунками оформлена, например, верхняя крышка в копии Гроба Господня в Аквилее.

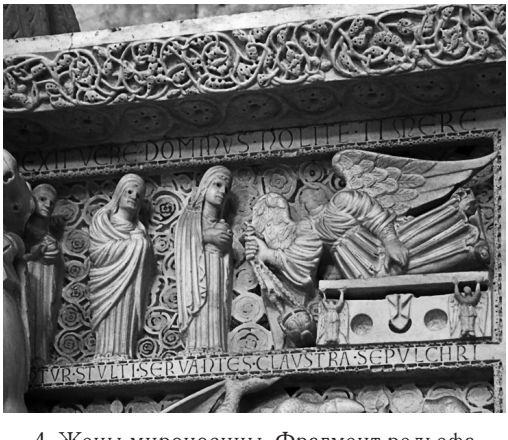
2. Жены-мироносицы. Клеймо западных дверей Софии Новгородской. 1152–1154 гг., Магдебург?

Однако прообраз мотива оказался ближе и точнее. В Новгороде, на медных дверях Святой Софии, отлитых в Магдебурге в XII в., а в XV в. собранных местными мастерами, есть клеймо, изображающее Жен-мироносиц у Гроба Господня. Рис. 2 Здесь на снопообразной капители сидит ангел. Крышка Гроба приоткрыта. А на фронтальной грани красуются три больших концентрических круга, причем именно это клеймо сильно затерто прикладывающимися к нему верующими.

Литые бронзовые двери, как известно, одно из главных украшений европейских соборов, их отливали выдающиеся скульпторы. Это определило поиск аналогов, которые скоро обнаружились. Три лунки на передней грани Гроба Господня воспроизвел известный художник XII в. Боннано из Пизы (согласно Джорджо Вазари, строитель Пизанской башни). В 1179–1180-м гг. он лил бронзовые двери, в том числе, для собора в Монреале (Сицилия) и для собора Пизы (около 1186 г., известны как Порта ди Сан-Раньери). Рис. 3. В Монополи, где двери старого собора принадлежат Баризано да Трани, этот мотив включала уже и балка портала. Отметим, что не только Пиза (на побережье Лигурии), но и менее известные сейчас Монреале и Монополи (на Адриатике) были важными звеньями в сети морских республик Италии, а следовательно, — и путешествий вообще.

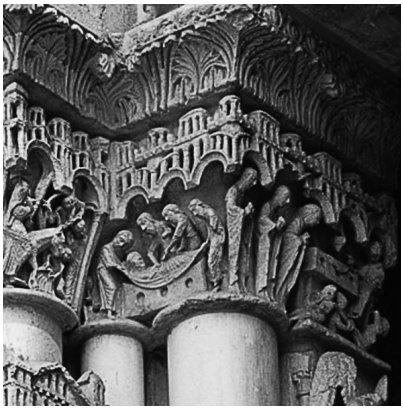
3. Жены-мироносицы. Клеймо дверей трансепта Пизанского собора (Порта ди Сан Раньери). Бонано Пизанский. После 1186 г.

Особенно меня занимали малоподвижные объекты: двери и каменные рельефы. Они явно выстраивались в какую-то систему. В той же Пизе, кроме дверей, мотив остроумно использован в рельефе кафедры храма Сан Микеле де Борго, сделанный Фра Гульельмо Аньелли (до 1304 г.), учеником Николо Пизанского. Рис. 4 Стало ясно, что эта иконографическая деталь, изначально романская, через готику «врастёт» в кватроченто, где и растворится. В Италии, особенно на Адриатике, к числу ранних примеров использования мотива следует отметить рельеф портала собора Сан Джованни ин Тумба



4. Жены-мироносицы. Фрагмент рельефа кафедры церкви Сан Микеле де Борго (Пиза). Фра Гульельмо Аньелли (до 1304 г.). Сейчас в соборе г. Кальяри (Сардиния).

5. Жены-мироносицы. Фрагмент рельефа портала церкви Сан Джованни ин Тумба («Томба ди Ротари») в Монте Сант-Анджело (Апулия). XII в.



6. Положение во Гроб, Жены-мироносицы. Рельефы западного фасада собора в Шартре (Франция). 1150-е гг.?

7. Жены-мироносицы. Рельефы из церкви Нотр-Дам в Этампе (Иль-де-Франс). Середина XII в.?

(«Томба ди Ротари») в городке Монте Сант-Анджело (север Апулии), одном из древнейших храмов архангела Михаила в Европе. Рис. 5.

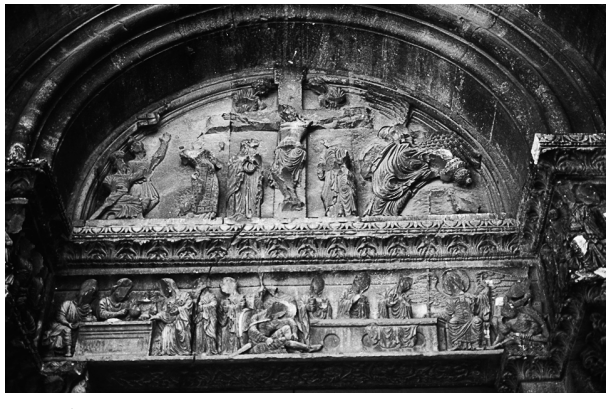
Во Франции, однако, этот мотив использовали несколько чаще, чем в Италии. Так, среди обильной почти круглой скульптуры фасадов собора в Шартре обнаружились удивительно детальные сюжеты, требовавшие изображения Гроба Господня — они заполняли фризы в уровне капителей. Рис. 6. К этим реалистическим отверстиям добавились почти такие же в храме Нотр-Дам в Этампе (под Парижем). Рис. 7. Те и другие рельефы относятся, вероятно, к середине или третьей четверти XII в. За ними следует капитель середины XIII в. из Дрё (долина Луары). Распространение

8. Жены-мироносицы. Фрагмент композиции пола. Аббатство Сент Омер, Па-де-Кале. Начало XIII в.).

9. Жены-мироносицы. Плита с сидящим ангелом. Рельеф. Церковь апостола Петра. Утрехт. Середина XII — середина XIII в.

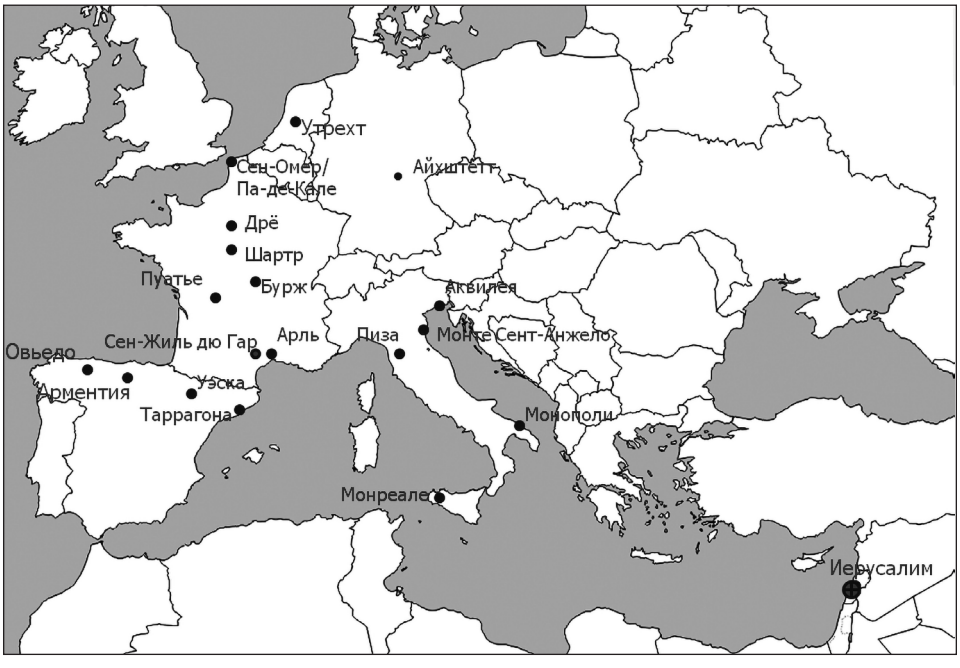
мотива по всей Франции свидетельствуют: расположенное в Пикардии аббатство Нотр-Дам-де-Суассон (капители северного портала храма Сен Пьер о Парвис (1170–1180-е гг.) и плитка пола из аббатства Сент Омер в Па-де-Кале (начало XIII в.) Рис. 8. Крайний северо-восточный пример, уже вне Франции — каменные плиты из храма апостола Петра в Утрехте с широкой датой от середины XII до середины XIII вв., где в лунки вписаны кресты. Рис. 9. Подобным образом и мастер собора в Бурже решил не оставлять пустыми крупные лунки, но превратил их в подобия окон с готическими рамами из трех- и четырех-листников (вторая четверть XIII в.)

На юге Франции ключевой памятник, отразивший мотив трёх кругов со всей очевидностью, это храм Сен Жиль дю Гар в аббатстве Сен Жиль (не ранее 1170–1180-х гг.) Здесь не приходится выискивать мотив в обилии резных деталей — три огромные плоские лунки, прикрытые свисающей из-под крышки саркофага плащаницы, сразу бросаются в глаза на западном портале. Рис. 10. В Арле (Прованс), в храме Сен-Трофим, два отверстия вырезаны в стенке саркофага в сцене Преображения, а свисающий саван закрывает место третьей. Левое углубление здесь уже не круглое, но имеет форму четырехлепестковой розетки, хотя памятник датируется второй половиной XII в. Резчик снабдил изображение надписью на крышке: Sepuchrum D(omi)ni. Витражи XIII–XIV вв. показывают сходную картину, но простота мотива, присущая резьбе середины XII в., в них ушла окончательно. Таков витраж собора в Пуатье с изображением 4-х отверстий.



10. Тимпан и карниз портала западного фасада церкви Сен Жиль дю Гар в аббатстве Сен Жиль. После 1170–1180-х гг.

Из Сен Жиль дю Гар начиналось движение паломников в Испанию, где композиции с тремя или четырьмя кругами в основном не так четки. Правда, рельеф собора в Таррагоне (около 1200 г.) прямо указывает на зависимость от рельефов Франции: три сравнительно небольших и глубоких лунки имеют уступчатое обрамление, а бок саркофага украшен профилированной рамой. То же самое нужно сказать о большой композиции в базилике де Сан-Пруденсия в Арментии (Алава) и о капители в Камара Санта из комплекса в Овьедо). Образы капителей клуатра монастыря Сан Педро эль Вьехо (Уэска) ещё условнее: в одном случае борт саркофага разделен



11. Карта расположения упомянутых в статье храмов Европы XII–XIII вв.

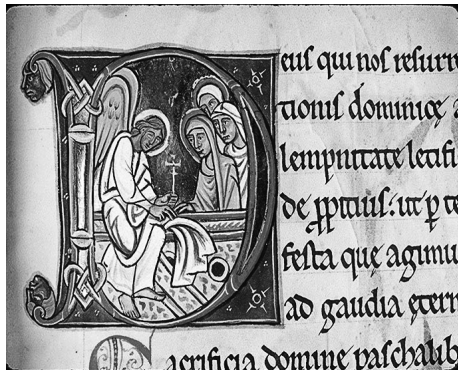
графьей на три части, и в каждую вписаны концентрические окружности; в другом четырём аналогичным окружностям отвечают на борту крышки многогранники; на третьей капители кругов пять, а внутри они заполнены лепестковыми розетками. Ясно, что это уже орнаменты, лишенные ясной символики.

Всего неподвижных объектов XII–XIII вв. с тремя лунками в Европе мне удалось пока учесть около 25, и расположены они в 18 точках по берегам Италии, по всей Франции (с заходом в регион Мааса на северо-востоке) и на западе Испании (что явно указывает на путь к Сантьяго-де-Компостела). Вообще, все примеры принадлежат памятникам, тесно связанным с любимыми дорогами паломников к европейским святыням, в Палестину и из неё. Эти рельефы явно обозначают путь распространения определённого иконографического типа. Рис. 11. Отмечу, что получившаяся картина далеко не совпадает с более разработанными общими схемами истории искусства, отражающими воздействие искусства Святой Земли на церковные памятники Европы.

Уже составленный в 1990-х гг. перечень памятников, где использован мотив «три круга», был убедителен и заслужил лестный отзыв Мартина Биддла (безусловно, лучшего знатока иконографии Гроба Господня в европейском искусстве) как наиболее полный на тот момент. Впрочем, перечень был тогда чуть не единственным — значимость мотива ещё не осознавали, хотя в целом

о нём параллельно начали писать (например, Стефан Ламия). Сейчас он несколько расширен, в основном за счёт миниатюр и литургической утвари, где встречается постоянно.

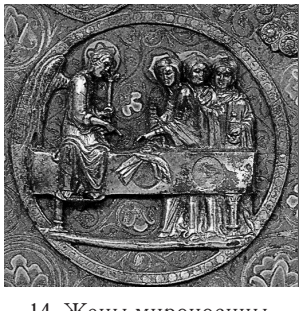
Прежде всего, следует отметить, что иногда мотив используется в одном и том же городе или соборе неоднократно, но в разных объектах: так, в Пизе он повторен на бронзовых дверях и в мраморной резьбе кафедры, а в Шартре повторен в миниатюрах известного служебника. Рис. 12.



12. Жены-мироносицы. Буквица служебника-понтификала Шартрского собора. Начало XIII в.

Особенно часто мотив использовали ювелиры. Известнейший Николай Вердунский включил его в знаменитый алтарь Клойстернойбурга (1181 г.) Рис. 13. Неизвестный мастер миниатюрной резьбы по кости уместил его на боковой пластине литургического гребня — аворий из музея Виктории и Альберта. На створках жемчужины музея Метрополитен, табернакля из клада в Шевре (центре аббатства и ордена Грандмон) мотив трёх кругов представлен дважды, в литом рельефе и в эмалевой росписи (гробница изображена при этом как простой гроб, стоящий на высоких ножках-подставках). Рис. 14.

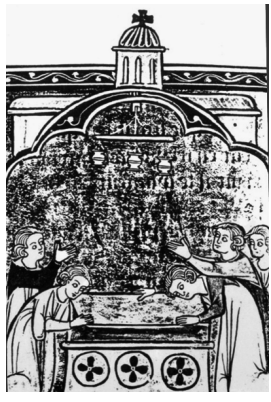
13. Положение во Гроб. Пластина алтаря монастыря в Клойстернойбурге. Николай Вердунский, 1181 г.



14. Жены-мироносицы. Фрагмент табернакля. Музей Метрополитен, Нью-Йорк. Из аббатства Грандмон (Шевре, Франция). 1220–1230 гг.

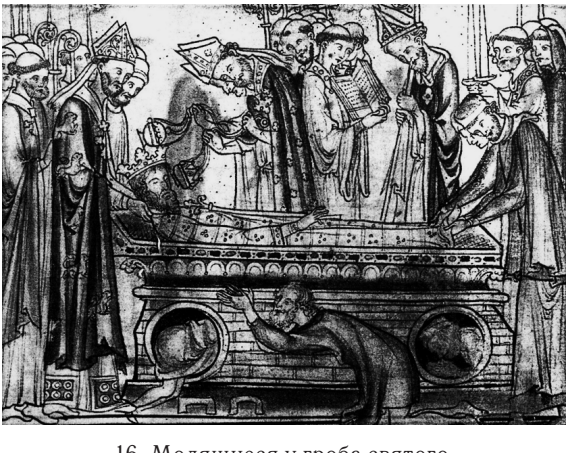
С 1180-х гг. мода на круглые лунки охватила европейских ювелиров и внедрилась в шедевры готики, такие как, изготовленный во Франции (по заказу Анны Наваррской и Филиппа IV), реликварий для Ризы Христовой из Памплоны (1178–1198) и хорошо знакомый исследователям Владимиро-Суздальской Руси наплечник князя Андрея Боголюбского, с его крестообразной апертурой. Постепенно прямая связь с темой Гроба Господня уходит, мотив привычно повторяют на любых вместилищах мощей, что наблюдается и на Руси, в оформлении саркофагов святых (каменный гроб свт. Леонтия Ростовского в Успенском соборе г. Ростова Великого) и гораздо более поздним ракам.

Такая активность мотива при его устойчивости в довольно узкой временной рамке (около 50 лет) обычно говорит об ориентации на реальный объект подражания. Пора обратиться к оформлению Гроба Господня в Святой Земле. На крестоносной карте Иерусалима он изображен с тремя маленькими отверстиями и романской аркатурой по краю. На иллюстрациях к известному сочинению Вильгельма Тирского «История деяний в заморских землях» аркатуры нет, но Гробницу украшаю три отверстия. В более поздних рукописях они закрыты тремя крестами или имеют готические формы. Рис. 15а-б.



15. Моления у Гроба Господня в Иерусалиме. Миниатюры к «Истории деяний в заморских землях» Вильгельма Тирского: а — вторая половина XII–XIII вв.; б — XIII–XIV вв.

Крестоносцы капитально перестроили храм между 1130–1149 гг., в меньшей степени затронув Ротонду. Но композиция из трёх отверстий существовала значительно раньше. Хождение Игумена Даниила (а его датируют около 1107 г.) содержит текст, который совершенно прозрачен в контексте иконографии: «Есть ныне лавица та святая покрыта дъсками мраморяными. Суть на стране проделана оконца 3 кругла, и теми оконци видиться святый тъ камень, и туде целують вси христьяне». Происхождение этих оконцев требует специального пояснения.



16. Молящиеся у гроба святого. Миниатюра Жития святого Албана Британского. Матвей Пражский, около 1250 г.

В 1990-х гг. английский исследователь Джон Крук предложил гипотезу, согласно которой Гроб Господень закрывал проницаемый экран (трансенна). Такие экраны (или футляры) употребляли в Европе в романскую эпоху, но в Англии их в основном уничтожили при диссолюции монастырей в 1530-х гг., а во Франции во время Великой

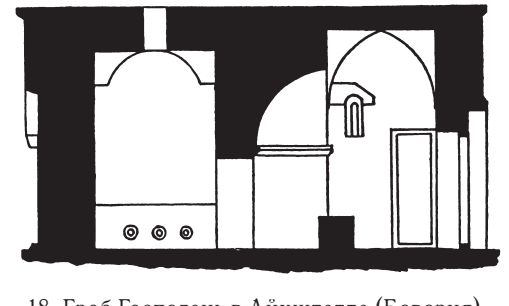
революции. Остались единицы, но представление получить можно, тем паче, что существуют их изображения и описания (подчас забавные). Рис. 16.

Существовала эта конструкция еще в XI в., или её успели установить крестоносцы в первое десятилетие после завоевания? Второе вероятнее: необходимость экрана для Гроба Господня резко возросла, когда к святыне началось массовое паломничество, ранее существенно ограниченное. Каменный экран с тремя амбразурами и обрамляющей их растительной резьбой, романской аркатурой и ложными консолями явно европейского извода ещё в 1980-х гг. открыл у гробницы Богородицы в храме святой Анны в Гефсимании учёный-францисканец Беллармино Багатти (сверху ложе Богородицы было сильно попорчено паломниками, откалывавшими каменные крошки как реликвии). Рис. 17.

17. Трансенна гробницы Богородицы в церкви святой Анны в Гефсимании. XII в. По Беллармино Багатти.

Таким образом, доказано, что интересующая нас деталь изображения Гроба Господня в европейской монументальной резьбе, миниатюре, литейном и ювелирном искусстве восходит к реальному археологическому элементу: каменному экрану с тремя амбразурами, позволявшими касаться поверхности подлинной скалы, из которой вытесана скамья (ложе) гробницы Иисуса Христа.

Эти образы распространяли по христианскому миру невероятно умножившиеся паломники. Крестоносцы, собственно, все считали себя пилигримами, идущими поклониться Святому Гробу. Среди них было много образованных и творчески активных людей. Они строили новую базилику Воскресения и украшали резьбой Ротонду. Вернувшись же в Европу, аутентично отображали её в искусстве, опираясь на профессиональную память. Результатом стали близкие к оригиналу копии Кувуклии, такие, как в Баварских Альпах, в самом маленьком университетском городке Айхштетте, где скамья имеет три отверстия. Рис. 18.



18. Гроб Господень в Айхштетте (Бавария), архитектурная копия XII в. Разрез.

Речь идёт однако, прежде всего, о мире Запада. В византийском искусстве Святой

Гроб, конечно, представлен. Более того — ранняя традиция изображать Кувуклий и Ротонду идёт именно оттуда. Но в *средневековой* Византии аналогов немного, и все они тесно связаны с латинским Средиземноморьем, с искусством тех же крестоносцев. Такова ставротека для частицы Животворящего Креста, футляр которой изготовлен в Византии, но риза самого креста несёт явно иерусалимский мотив: киворий над Гробом Господним и его доску с тремя кругами. Рис. 19. Положение во Гроб на эмалевой вставке выносного креста в монастыре св. Павла на Афоне изготовлена, вероятно, в Венеции (пластина очень насыщена цветом, три больше круга даны сине-фиолетовыми). Рис. 20. К афонской серии относят и пластину диптиха Анны Австрийской. Наконец, подписная композиция Гроб Господень есть на известном «Складне мастера Лукиана», который можно считать образцом византийского искусства только отчасти (надписи на нём русские, а на клейме местная формула: Гроб Господень). Секрет этой вещи, откуда бы ни происходил Лукиан — в средиземноморско-европейских корнях. Рис. 21. То же самое можно сказать об изображении саркофагов в сцене Сошествия во ад из Лагудеры.

В средневековый период в Византии, однако, доминируют нарративные изображения, а не архитектурные сюжеты. В изысканной сцене Суздальских врат мы видим ангела и мироносиц, пещеру с горящим светильником — но не Кувуклий. Разница подходов очевидна при сравнении с одновременной каменной иконкой, также не без византийского влияния.

19. Гроб Господень. Накладка на крест. Фрагмент ставротеки. Иерусалим?, вторая половина XII в. Лувр.

20. Положение во Гроб. Вставка выносного креста. Эмаль. Венеция, XII в.? Афон, монастырь Святого Павла.

21. Гроб Господень. Складень мастера Лукиана, фрагмент. Начало XIV в. ГММК.

Пора задаться вопросом: как все эти мнемонические и художественные сокровища достигали Древней Руси? Возможности познакомиться с иконографией и понять сюжет были. Вспомним игумена Даниила. Добавим удобные носители иконографии: пиктограммы на печатях, таких как печати конгрегации каноников Гроба Господня, монетах и евлогиях: опубликованные пару десятилетий назад свинцовые ампулы несут привычную уже нам композицию. Встречаются такие евлогии и в Восточной Европе, на городище Шепетовка. Рис. 22. Сравнительно недавно удалось твердо доказать знакомство русских людей с паломническим искусством Европы *de visu*. Не только в Константинополе, где в соборе Софии собрано около 70 граффити XII–XV вв., и в Святой Земле, где они отмечены, по крайней мере, в Вифлееме. Но и на дорогах, которые вели в Галисию, к Сантяго-де-Компостелло. В 2014 г. в Сен-Жиль дю Гар обнаружена надпись-граффито кириллицей, некоего Сёмки Нинославича между 1170–1180 и 1250 гг. Он, вероятно, видел три огромных круга над порталом собора. В 2015 г. была сделана новая находка, в г. Понсе, на via Turonensis, самом западном пути в Сантьяго-де-Компостела. На фасаде приходского храма Сен-Вивьен середины XII в. её оставил некто Иван Завидович, нарисовав проросший крест и добавив: «идя ко святому Иакову». Это также конец XII — рубеж XII–XIII вв. Имя отца, «Завид», популярно среди новгородского боярства. Ещё в 1970-х гг., кириллическое граффито обнаружили в храме св. Мартина в Лукке, где упомянуты Лазарь сын Ярыша, и «дьякон муромский». Это также на дороге в Галисию.

22. Жены-мироносицы и Гроб Господень. Свинцовая ампула. Иерусалим, XII в.

Достаточно ли было этого, чтобы построить самостоятельную паломническую композицию «Гроб Господень»? Вероятно, да. Иконки не просто встречаются на территории Древней Руси — это их, так сказать, вторая родина, здесь они сложились как отдельное явление иконографии. Это не копии: ни в западной изобразительной практике, ни в иконах Византии я не вижу аналогичной группы (особенно — в том же материале). Иконки не поступали на Русь в готовом виде, это местная инвенция. Но у неё есть прототипы, и прежде всего мобильные: паломнические пряжки, ампулы, монеты. Впрочем, и рельефы соборов были доступны обозрению тех, кто забирался на Запад. Не говоря уже о самом прообразе, ведь многие достигали Иерусалима. Особого внимания заслуживает сходство иконок сложной композиции со сценами из рукописей, изображающими пилигримов у Гроба Господня в некоторых рукописях, рассказывающих о событиях в Иерусалимском королевстве.

Итак, каменные иконки имеют прямое отношение к перемещению в пространстве. Но это не евлогии, они не принесены из дальних странствий. В этом отношении они близки крестам-корсунчикам: тоже каменные, столь же долго существуют, и также выглядят как принадлежавшие паломникам. Но в подавляющем большинстве они сделаны на Руси (также как и широко распространенные на Руси энколпионы, вне её не столь многочисленные).

Тип иконографии иконок средиземноморский и европейский: это часть искусства Запада. За ним не нужно было далеко ходить: ветер крестовых походов пригнал корабли орденов, прежде всего Тевтонского, из палестинского Акко — прямо в Прибалтику. Но мы справлялись и сами. Из Ипатьевской летописи (под 1134/35 г.) сказано: «принесена бысть доска оконечная Гроба Господня Дионисием, послал бо бе Мирослав». Смысл фразы теперь окончательно ясен: речь не о крае доски, а о самой доске с окошками (или её части, или копии). В Новгороде в 1135–1136 гг. посадником был Мирослав Гюрятинич, до того подвизавшийся на посадничестве с 1126 г. Так что послать кого-то в Иерусалим за святынями мог. Туманная, но крайне соблазнительная «доска оконечная» вряд ли была просто крошкой мрамора от трансенны, скорее копией или большим куском. Под 1211 г. Новгородская I летопись упоминает другой не вполне ясный объект: Добрыня Ядрейкович «привезе съ собою гробъ господень» из Константинополя (как считается, около 1204 г.). Да и местный прообраз стоял перед глазами всякого новгородца — напомню о зацелованном клейме на двери Святой Софии.

Подведём итоги. Апретуры на древнерусских иконках Гроб Господень реальны и историчны, это археологическая деталь, порожденная знакомством с устройством главной христианской святыни в Святой Земле. В древнерусском искусстве эта композиция, однако, не вышли за рамки мелкой каменной пластики. Каменные иконки Древней Руси — сложные историко-археологические композиции, отразившие религиозные и топографические представления (иногда в них смешана топика храма Гроба Господня и Храма Иерусалима). Иконки возникли как ответвление, естественная часть искусства паломников-крестоносцев, по природе синкретичного. Каменные русские иконки и трансенна Гроба Господня соединяли религиозное искусство христианского Запада и Востока задолго до наступления Нового времени.

В перспективе представляется необходимым изучение иконографических деталей по отдельности: лампады и хоросы, алавастры, квадратные «окошки», и, конечно, архитектурные композиции. Возможно, стоит подумать над возможной судьбой «оконечной доски» в Новгороде, или, с учетом истории XV–XVI вв., в Москве. В самом Иерусалиме следует ждать открытия боковой грани погребальной скамьи — или подробного скана поверхности скалы сквозь камень. Со временем всё (или часть из этого) случится.

[1] С самого начала консультантом иконографической части исследования выступила известный историк искусства Ирина Анатольевна Стерлигова. Помощь в составлении каталога древнерусских иконок взяла на себя молодой исследователь иконографии Анна Михайловна Манукян. ОБщее научное редактирование доверено сотруднику Института археологии РАН Дмитрию Григорьевичу Давиденко. Искренне благодарен им всем за консультации и прямой вклад в создание будущей книги.

[2] Сюжет представлен в серии моих работ 1990-х — 2000-х годов: *Беляев Л. А.* Об источниках иконографии «Гроба Господня» в новгородской пластике XIII–XV вв. // Славяноведение. 1999. № 2, с. 16–19; *Беляев Л. А.* Архитектурный образ как реликвия. (О древнерусских каменных иконках с изображением «Гроба Господня») // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. М., 2000. С. 78–81; *Беляев Л. А.* Гроб Господень и реликвии Святой Земли // Христианские реликвии в Московском Кремле (каталог выставки). М., 2000. С. 94–110; *Беляев Л. А.* Элементы романской иконографии XII в. в древнерусских изображениях Гроба Господня // Древнерусское искусство. СПб, 2002. С. 539–553; *Беляев Л. А.* Пространство как реликвия: о назначении и символике каменных иконок Гроба Господня // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 482–512; *Беляев Л. А.* «Индекс христианского искусства» и новгородские каменные иконки // Российская археология. 2004, № 1. С. 55–63; *Беляев Л. А.* Иконка-путешественница. Русская шиферная иконка XIII–XIV в. из сакристии базилики в г. Бари (Италия) // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сборник статей: К 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 597–606; *Beliaev L. A.* Russian pilgrims art from the 12th to the 15th century — archaeological elements and problems of Romanesque influence // Journal of the British Archaeological Association [JBAA] 1998. Vol. 151. Pp. 203–219, pls. XXIV–XXVII. Труды, упоминаемые в тексте: *Biddle Martin*. The Tomb of Christ. (Stroud, Sutton Publishing, 1999; Crook J The Architectural Setting of the Cult of Saints in the Early Christian West c.300–c.1200. Clarendon Press,. 2000; *Lamia Stephen*, Decorations for the Holy Dead: Visual Embellishments On Tombs And Shrines Of Saints // International Medieval Research, 8. Ed. Elizabeth Valdez Del Alamo, — Brepol, 2002;

[3] В основе текста сообщения лежит доклад, прочитанный на заседании Ученого совета Института археологии РАН 17 марта 2023 г. В публикацию включены только избранные иллюстрации.

Руммание: забытый памятник I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. на русском участке в Иерусалиме*

Вах К.А.,
Никон (Головко), игумен

История деятельности архимандрита Антонина (Капустина) как археолога-любителя и энтузиаста создания в Палестине православной системы святых мест в последние годы вырисовывается всё более отчетливее[1]. Однако, целый ряд сюжетов всё ещё недостаточно освещён. В их числе — гробница Руманние. Проработка архива Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (далее — РДМ), предпринятая в последние годы, и приведение в известность документов из АВПРИ и других архивов России позволяет существенно уточнить и обогатить наши представления о первых шагах к исследованию этого явно неординарного памятника.

Руманние — скальный могильный комплекс эллинистического и/или римского периода. О достаточно позднем происхождении памятника может говорить большая удаленность комплекса от исторических границ Иерусалима на юге. Найти место ближе для строительства больших усыпальниц уже было сложно. Множество погребальных памятников на протяжении всей долины Кедрон было обнаружено археологами[2]. Комплекс состоит из четырёх погребальных пещер, расположенных на южном отроге Елеонской горы. В его составе одна из очень больших (на большой размер и очень точные геометрические пропорции указывают все исследователи) погребальных пещер Иерусалима с одноименным названием Руммание (она же Гранатовая) или Дейр Эссинийе. Все эти названия были зафиксированы в XIX в.

Две пещеры скального комплекса, включая Гранатовую пещеру, купил начальник РДМ в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин). Этот

* Статья написана по Программе фундаментальных исследований МОО «ИППО» — Минобрнауки РФ, № НИОКТР 122070800051-6 «Русский вклад в научное освоение наследия Святой Земли: новые источники и документы»

участок и сейчас принадлежит Русской Православной Церкви за рубежом, но местоположение пещер известно лишь немногим специалистам. Обстоятельства и дата покупки Гранатовой пещеры в настоящем исследовании установлены впервые.

Краткое описание памятника

Гранатовая пещера имеет координаты: 31.760666 N, 35.246465 E. (При этом на картах Google адрес отображается некорректно). Располагается на южном отроге Елеонской горы на склоне ущелья Вади ен-Нар (южная часть Кедронского ущелья). Сегодня это территория Иерусалима, (улица Дерех Джабель Мукабер, около дома №12). В XIX в. тут была арабская деревня Бейт-Сахур-эль-Атика.

В отсутствии сведений о современных археологических исследованиях[3] описание памятника основано на материалах Т. Тоблера (*Tobler*), А. Олесницкого (*Олесницкий*), архимандрита Антонина (*Антонин*. 1872), А.Г. Яковлева (Россия в Святой Земле. Т. 2. 2017. С. 698) и Р. Функе (*Funcke*), а также на результатах визуального осмотра одним из авторов статьи внешней части пещеры в 2023 г. после проведения там раскопок израильскими археологами.

В плане погребальная пещера представляет крест: она состоит из вестибюля и пяти камер и относится к памятникам с плоским потолком, встречающимся в других локациях Палестины. Вход с востока (*Wilson Ch.-W., Warren Ch*. P. 257).

Вестибюль: 14,6м × 4,5м. Высота стены у входа в первую комнату пещеры в самой высокой точке (в юго-восточном углу вестибюля) более 5м (*Funcke*. S. 7). Вход из вестибюля в большую камеру через полукруглое отверстие шириной 0,95 м с остатками выборки для установки дверей или закрывающего вход камня. Толщина проема около 2 м. Над отверстием в начале XX в. сохранялись остатки росписей: «два неполных круга, в одном из которых — 4-х конечный крест»[4], а также следы геометрического орнамента (*Funcke*. S. 6, 10–11).

Первая после вестибюля комната больше остальных: 6м × 6м длины и 6,6 м вышины (по предположению Функе с учетом слоя мусора около 0,6 м). По её восточной и западной сторонам вырублены скамьи для сидения. (*Олесницкий*. С. 407; *Funcke*. S. 7). На западной стене по центру и в углах коридоры ведут в комнаты где устроены кухи или локулы (от *лат.* Loculus — местечко, ящичек — горизонтальные погребальные ниши для индивидуального захоронения останков в катакомбах). Всего в пещере 32 локула в трех комнатах. Две комнаты — северная и южная — имеют по 11 локул: по два со стороны где сделаны проходы и по три с каждой

глухой стороны. Во второй камере от входа сделано 10 локул: по одному с каждой стороны от восточного и западного коридоров, и по три с северной и южной стороны.

Северная комната: 4,5м × 4,5м длины и 4,5м высоты[5] или 4,18 × 4,18 м длины и (*Funcke*. S. 8). Функе упоминает о скамейках (ширина 60 см), устроенных по трем сторонам комнаты на уровне локул, которые могли служить подставкой при совершении обряда погребения. В этой комнате 11 локул — высотой 92 см, шириной 76 см, длиной 2,33 м (в отдельных случаях, отличающихся на несколько сантиметров); все их потолки сводчатые. (*Funcke*. S. 7).

В южной комнате меньшего размера находятся 11 аналогичных локул и скамейки. Длинна ее (с севера на юг) 4,7м; по короткой стороне длинна стен не одинакова: 3,09м и 3,02м; высота 4,5м (*Funcke*. S. 8).

Центральная комната с 10 аналогичными локулами и скамейками (более широкими — 70см) имеет размер 4,20 × 4,18 м; в высоту 4,5 м. В западной стене расположен небольшой вход в коридор, ведущий в последнюю небольшую комнату без погребальных камер и скамеек. Этот коридор достаточно узкий и длинный (4,5 м). Размеры последней камеры 3,68м × 3,65м при высоте 5м. Потолок имеет форму легкого свода (*Funcke*. S. 8). Протяженность пещеры по оси с востока на запад 27,85 м (*Funcke*. *S. 10*).

История приобретения

До настоящего времени считалось, что о. Антонин купил участок с пещерой 15 февраля 1866 г. «Участок Уара ед-Дуббак с 2 пещерами, из которых большая называется Румманийе («Гранатовая») или Дейр Эссинийе, к юго-востоку от Иерусалима в той части Кедронской долины, которая называется «долина Суахре» (Wadi Sawahreh), в направлении к Лавре преподобного Саввы Освященного. <...> Участок приобретен архимандритом Антонином номинально на имя Хуссейна Зияде. В 1871 г. переведен на Я.Е. Халеби и этим последним (26 августа 1899 г.) — на имя Председателя ИППО — Великого Князя Сергия Александровича»[6].

Вся информация о покупке и номинальных владельцах участка Уара ед-Дуббак восходит к подробному донесению русского генерального консула в Иерусалиме А.Г. Яковлева Обер-Прокурору Синода К.П. Победоносцеву. Он приводил в порядок права на недвижимое имущество РДМ в Иерусалиме после смерти архимандрита Антонина и встречался с номинальными владельцами участка. Поэтому его сведения считались надежными и были приняты исследователями[7].

Но в истории с покупкой Гранатовой пещеры оказалось много неясного. Зафиксированная А.Г. Яковлевым дата приобретения — 15 февраля 1866 г.

вызывает большое сомнение. Отец Антонин был временно переведен в Иерусалим в сентябре 1865 г. и собирался вернуться в Константинополь не позднее конца 1866 г. Своих денег для покупки недвижимости у него не было. Потратить деньги Миссии он не мог. По османским законам того времени, иностранный подданный не мог оформить покупку на своё имя, и вряд ли архимандрит намеревался зарегистрировать право собственности на мало ещё знакомых ему местных жителей.

Но, главное: в Дневнике о. Антонина за 1866 г., очень подробном биографическом источнике в целом[8], мы не находим следов этой покупки. Можно только гадать, почему на это не обращали внимание исследователи русской недвижимости в Святой Земле; ведь обо всех более поздних земельных приобретениях (сделанных в разные годы) в Дневнике сохранились многочисленные упоминания.

Наконец, имя силоамского шейха Хусейна Зияде, на которого, как утверждает А.Г. Яковлев, были оформлены документы, появляется в Дневнике лишь в начале 1872 г. 24 февраля того же года мы впервые встречаем там и упоминание о посещении о. Антонином Гранатовой пещеры. Она тогда ещё не принадлежала Хуссейну Зияде, хотя он владел «землей с цистерной», немного выше по склону и при покупке соседнего участка пользовался правом «ближайшего соседа». Это «право» было зафиксировано в османском законодательстве и обязывало продавца предложить купить свою землю сначала владельцу ближайшего к ней участка, и только в случае его отказа — другому покупателю. Подобным правом воспользовались католики в поселении Кафр-Кенна (Канна Галилейская) и через суд добились отмены покупки участка, который о. Антонин приобрел там: так же через подставное лицо — Селима Хури. Именно эту схему задействовал о. Антонин позднее для покупки участка с Гранатовой пещерой[9]. О том, что Хусейн Зияде начал процедуру оформления собственности на «большую могилу» мы узнаем из записи в Дневнике за 27 августа 1872 г. К 15 сентября дело было кончено: «Хусейн Зияде, влекущий в свои (?) владения. Отбытие с построек. Геенская, а потом Кедронская юдоли. Пещера *Руммани*, зачаток будущей Кедронской Московии. Место наше оказалось очень длинное и непомерно узкое. Кроме большой могилы оказалась и другая малая, состоящая из двух комнат, разделенных стенкою. «Гранатовая» могила на сей раз показалась гораздо меньшею. Надобно прикупить придорожную землю. Тогда будет нечто достохвальное»[10]. Позднее о. Антонин докупил смежный участок и расширил владение.

Хотя о. Антонин проявлял неподдельный интерес к археологии, осваивать приобретенный участок он не стал. Возможно, не хватало ресурсов: впереди были планы по покупкам и строительству в Иерихоне. Возможно, потому, что в 1872 г. передал его в пользование формальному владельцу Хусейну Зияде. Уже через полгода последний угощал Антонина «плодами

от пещеры Румании»: вероятнее всего — плодами оливковых деревьев, произраставших на участке[11].

Только к 1875 г. Антонин стал действительно владельцем Гранатовой пещеры. Его драгоман и сподвижник, Якуб Халеби, после кончины начальника Миссии, заявил генеральному консулу в «Декларации», поданной в апреле 1894 г.: «Пещера по дороге в Саввинскую Лавру, за перевалом по левую руку, куплена архимандритом Антонином лет 18 или 20 тому назад, от Хуссейна Зиаде»[12]. На окончательную покупку земли в 1875 г. указывает и факт проведения расчистки Гранатовой пещеры, и снятия её точного плана (об этом см. далее).

После кончины о. Антонина оформлением документов и переводом недвижимости в собственность России озаботился генеральный консул А.Г. Яковлев. При этом он столкнулся с большими затруднениями в Иерусалиме и просил помощи у посла в Константинополе А.И. Зиновьева: «Участок Дуббак. Находится в долине Бейт-Сахур, в часе к югу от Иерусалима. Он невелик, но на нём находятся две (очень большая и небольшая) древние пещеры. Он не записан в здешнем кадастре. Мы им владеем на основании передаточной надписи, сделанной на имя Я. Халеби арабом Хюссейном Зияде на обороте своего неофициального владенного документа»[13]. В итоге Яковлеву пришлось дооформить первичные документы на этот участок задним числом. Выбрали дату 15 февраля 1866 г. — через пять месяцев после появления о. Антонина в Иерусалиме.

«Участок много лет находился в пренебрежении и не был обнесен стеной. Поэтому окрестные бедуины, а в особенности наш сосед, родственник здешнего муфтия, привыкли смотреть на него, как на никому не принадлежащий. Подарив бедуинам немного денег, я привлек их на мою сторону и заручился их письменным заявлением о том, что эта недвижимость принадлежит г-ну Халеби в течение 20 лет. После этого я обнес участок стенкой сухой кладки. Городская дума хотела было помешать, но ей было объяснено, что я делаю это в видах ограждения пещер — от порчи и на пользу археологии. Только после всего этого я мог показать властям документы. Как и следовало ожидать, за ними, вследствие их частного характера, не было признано большой силы. Назначенные две комиссии, археологическая и административная, были заранее приготовлены. Все члены обеих комиссий, кроме одного (вышеупомянутого муфтия), высказались в мою пользу. Губернатор также оказал мне содействие. Таким образом, участок с его пещерами был записан 26-го августа на имя г-на Халеби, который в тот же день принес его в дар Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергию Александровичу и записал на его Августейшее имя»[14].

О том, что получить документы, оформленные задним числом, не составляло труда, свидетельствует (в другом месте) сам А.Г. Яковлев. Он использовал подобную возможность в 1895 г. при оформлении документов на участок

с развалинами и вырубленной в скале пещерой в деревне Силоам. Владельцем числился известный нам Хуссейн Зияде. «Ввиду очень преклонных лет этого Зияде я пригласил его написать на обороте этих документов, что упомянутые покупки были сделаны для г. Халеби, действовавшего в качестве поверенного о. Антонина и на деньги о. Антонина. Эта подпись была сделана, подписана им и еще двумя хорошими свидетелями и помечена задним числом»[15].

Таким образом, традиционно упоминаемая в литературе дата покупки пещеры (15 февраля 1866 г.) не соответствует действительности. Хуссейн Зияде приобрел пещеру Руммание для о. Антонина и на его деньги не ранее середины августа 1872 г. и официально оформил покупку на своё имя не позднее 15 сентября того же года. В 1875 г. произошла передача участка (частным образом без официальной регистрации) на имя Якуба Халеби.

Цель покупки пещеры о. Антонином

Итак, благодаря Дневнику, удалось воссоздать историю с покупкой пещеры Руммание архимандритом Антонином. Но зачем ему понадобилось покупать этот объект?

Поскольку второе название пещеры было Дер Эссиние, а «Дер» по-арабски означает — монастырь, и о. Антонин в 1872 г. не мог этого не знать, понятно, что он покупал его в контексте своей программы создания русских монастырей на Святой Земле; и только потом — как интересный объект с точки зрения древностей[16]. Пещера располагалась на традиционном пути из Иерусалима в монастырь прп. Саввы в Иудейской пустыне и русская монашеская обитель с древней пещерой, напоминавшая о первых веках палестинского монашества, конечно, могла вызывать интерес у проезжающих паломников и путешественников. Этим маршрутом пользовался и сам архимандрит Антонин. 29 июля 1873 г. о. Антонин был там вместе с братом Платоном, приехавшим к нему из Москвы: «В 3 часа выезжаем и мы. У пещеры Румание съехались с передними. Лазили в оную с заметным неудовольствием, за что и пали с осла и даже ушиблись, отчего и шли потом до самой лавры св. Саввы пешие»[17]. Точно также, проездом в лавру и совместно с о. Антонином осмотрел Гранатовую пещеру А.А. Олесницкий: «*Выехали за ворота в $^1/_2$ пятого. Спуск в Геену. Юдоль плача. Румание. Подъем и перевал. Закат солнца. Сумерки. Луна. Вожделенная систерна. Ущелье. Лавра*»[18].

Почему о. Антонин этот объект забросил? Вероятно, потому же, почему забросил и Могилу дочери фараона и соседний участок в Силоаме с развалинами какого-то монастыря и пещерой в скале[19]. Любой общежительный монастырь и даже скит не мог существовать самостоятельно

без организации собственного хозяйства или без снабжения его всем необходимым со стороны киириархальной обители. На маленькой площади устроить всё необходимое для жизни было невозможно, а содержать монастырь из собственного кармана начальник Миссии не мог. Для отшельников-скитников такая огромная пещера и окружение бедуинов, представлявших из себя довольно опасных соседей, были не самым подходящим местом монашеского уединения. Пещерная лихорадка — неприятная (иногда смертельная) болезнь, которой можно заразится через укус клеща, живущего в пещерах — была в Палестине распространённым явлением. В итоге — проект русского пещерного отшельничества — не состоялся.

История изучения

Погребальный комплекс (с пещерой Руммание или Дер-Эссинне) находился в поле зрения учёных с середины XIX в.

Титус Тоблер (1845)

Титус Тоблер (1806–1877) — швейцарский врач, лингвист, географ, библиограф, выдающийся исследователь топографии Палестины и издатель средневековых паломнических путешествий в Святую Землю (О нём см: *Furrer K*.S. 395–402). Впервые он приехал в Иерусалим в 1835 г. и в дальнейшем возвращался на Святую Землю ещё трижды через каждые 10 лет: в 1845–1846 гг., в 1857–1858 гг. и последний раз в 1868–1869 гг. Его вторая экспедиция в Иерусалим была вызвана желанием провести исследование Святой Земли в контексте только что опубликованных научных выводов Э. Робинсона, Е. Шульца и Дж. Уильямса.

Первое краткое описание памятника принадлежит Титусу Тоблеру. В 1845 г. он сделал очень условный план большой пещеры и краткое упоминание о её посещении: «Недалеко от селения Бейт-Сахур-эль-Атика, с южной стороны Вади-эн-Нар, наше внимание снова привлекают замечательные древние гробницы, особенно та, что больше всех по размеру, называемая Дер Эссинне. Этот Дер или монастырь очень больших размеров, а именно очень высокий. Над входом, кажется, был вырезан большой крест. В средней комнате есть боковые камеры, в которые я не заходил, потому что при осмотре мне не хватило света. Я не сомневаюсь, что эти большие каменные залы когда-то функционировали как монастырь, о чем свидетельствует название»[20]. (Рис 1)

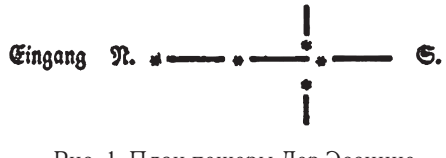


Рис. 1. План пещеры Дер Эссинне (Руммание) Т. Тоблера. 1845 г.

Во время путешествия в 1845 г. Тоблер старался увидеть такие уголки Палестины (преимущественно в Иудее), куда (в 1838 г.) не заглядывали Э. Робинсон и Э. Смит. Он возил с собой описание их путешествия, изданное в 1841 г., и сверялся с ним. Тоблер пробыл в Иерусалиме двадцать недель, используя его как базу для своих экспедиций. Чтобы собрать материал для исследования о храме Гроба Господня он предпринял обширное исследование древних иудейских гробниц, окружающих город. (*Benzinger J.*).

Пещеру Руммание Робинстон в 1838 г. не видел. Но и Тоблер в 1845 г., отдав должное необычным размером памятника, гораздо больше внимания уделяет соседней деревне Бейт-Сахур-эль-Атика, где находятся гробницы поменьше, иногда обращенные в цистерны, а также встречаются остатки колонн и следы развалин. В особенности он отмечает могилу в скале к северо-востоку от деревни: «надпись на иврите вырезана над входом и окрашена в красный цвет, как в гробницах долины Гинном»[21]. Схематичный план, приложенный к описанию, не полон. Прямые линии обозначают камеры, звездочками отмечены проходы между ними. Вестибюль показан как первая камера. Дальней маленькой камеры на плане не указано. Локулы также не отмечены. Осмотр пещеры был проведен поспешно, без устройства освещения и каких-либо обмеров. Вход ошибочно указан с севера.

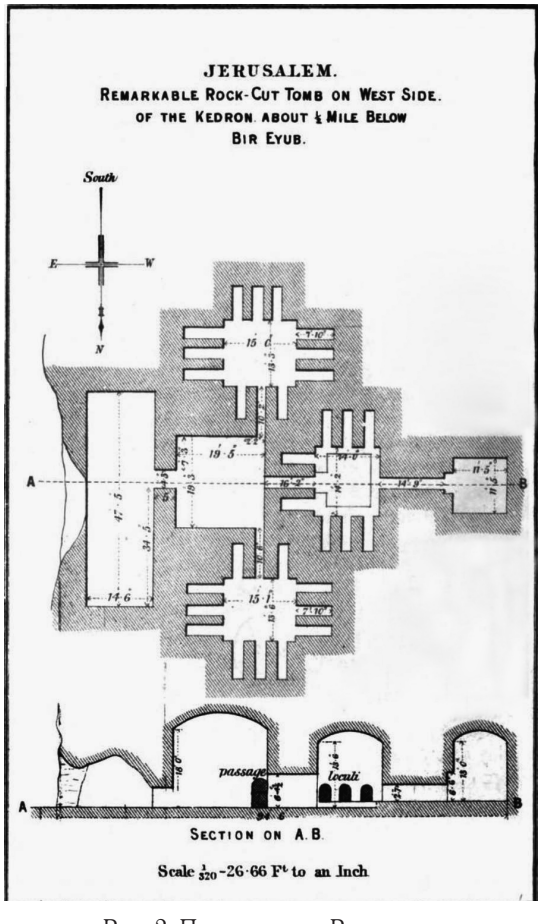


Рис. 2. План пещеры Руммание Ч. Уилсона и Ч. Уоррена. 1868 г.

Ч. Уилсон и Ч. Уоррен (1868–1869)

Первое полноценное обследование и обмеры пещеры, очевидно, были проведены британскими королевскими инженерами Ч. Уилсоном и Ч. Уорреном, приглашенными для археологических работ в Иерусалиме только что созданным в Лондоне (1865 г.) Фондом исследования

Палестины (PEF). В их книге есть подробный план скального комплекса, который в заголовке назван — «замечательным», но само описание памятника отсутствует. Предшествующий текст кратко информирует читателя, что соответствующий доклад был сделан для публики устно 11 июня 1868 г.[22] К тщательно прорисованному плану добавлен разрез, показывающий расположение комнат в скале по длине пещеры с востока на запад. (Рис. 2) Этот же план повторен в позднейшем издании чертежей и планов раскопок в Иерусалиме в 1867–1870 гг.[23]

А.А. Олесницкий (1874)

Аким Алексеевич Олесницкий (1842–1907) — гебраист, полиглот, переводчик книг Ветхого Завета, профессор библейской археологии в Киевской Духовной академии, автор монографий «Святая Земля: Отчет о командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. 1873–1874» (Т. 1. Киев, 1875, Т. 2. Киев, 1878) и «Ветхозаветный храм в Иерусалиме» (СПб., 1889). Посещал Палестину с научной целью четыре раза: в 1874 г., 1886 г., 1889 г. и 1891 г. Стал членом-учредителем и почтенным членом Православного Палестинского Общества (ИППО) с момента его создания 21 марта 1882 г. До конца своей жизни был главным научным экспертом ИППО в области археологии. По его инициативе с 1885 г. изучение еврейского языка и библейской археологии стало обязательным во всех Духовных академиях Российской Империи[24].

В своей научной деятельности А.А. Олесницкий опирался на устаревший метод 30–40-х гг. XIX в., когда Библия была основным научным источником, а данные археологии использовались для его объяснения. Из этого подхода следовало, что многие ветхозаветные артефакты должны были всё ещё находиться на поверхности земли и могли быть атрибутированы в соответствии с данными библейского текста. Так, осмотрев на иерихонском участке РДМ найденный архимандритом Антонином (Капустиным) круглый гранитный камень с необычным орнаментом на ребре, А.А. Олесницкий «определил» по нему местоположение хананейского города Галгалы[25]. Таких попаданий «пальцем в небо» у нашего учёного, к сожалению, множество.

А.А. Олесницкий исследовал Гранатовую пещеру в 1874 г. до её расчистки о. Антонином. Он снял план пещеры (не заметив, как и Ч. Уилсон, под слоем наносной земли и мусора две локулы в центральной комнате, отмеченные о. Антонином) и опубликовал первое научное (по меркам того времени) описание[26]. Он упомянул широкий вход без каких-либо украшений, который вёл в большой вестибюль. Над входом Т. Тоблер видел вырезанный на камне крест; уже к 1874 г. потолок в этом месте был повреждён.

Небольшое полукруглое отверстие («устье»), вело в «огромных размеров залу» с вырубленными по бокам скамьями. Оттуда по трем проходам (на юг, на запад и на восток) можно было попасть в помещения с локулами.

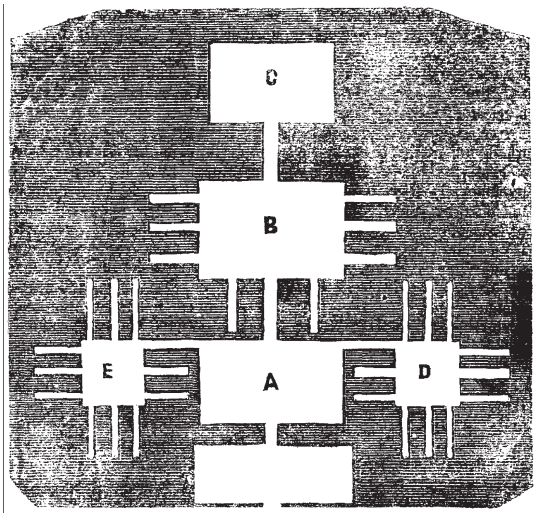


Рис. 3. План Гранатовой пещеры (Руммание) А.Олесницкого. 1874 г.

В центральную, вел коридор «10 шагов длины, 3 метра высоты и 1 метр ширины», за которым находилась погребальная камера, «по обделке напоминавшая камеру царских гробниц», с погребальными нишами. Эти измерения условны: Р. Функе указывает высоту всего в 2м и ширину 0,67м (*Funcke*. S. 7). В последней западной комнате, (недоступной для Тоблера), А.А. Олесницкий обнаружил на полу разбросанные кости, определенные им как человеческие останки. По его мнению, они оказались там случайно, а сама камера могла служить преддверием («антишамбром») «к особенному дальнейшему подземному отделению, спуск в которое доселе не был замечен под массой грязи, покрывающей пол»[27]. Всего на плане Олесницкого отмечено шесть помещений, в трёх из которых располагались тридцать погребальных ниш. (Рис 3.)

С внешней стороны склона, в непосредственной близости друг от друга, Олесницкий насчитал четыре погребальных пещеры (в книге ошибочно указаны 6). По его свидетельству, большой пещерой Руммание в тот момент архимандрит Антонин уже владел, а вторую только собирался купить. Именно Олесницкий интерпретировал эти пещеры как отдельный погребальный комплекс «ер-Романие», или «южный некрополь» Иерусалима. Он же обратил внимание на созвучие арабского названия «дер Эссиние» с именем иудейского царя Озии, предложив (совершенно произвольно) рассматривать большую пещеру как возможное место его погребения (о погребении Озии[28]. Другое её название, Руммание, или Гранатовая, говорило, по мнению Олесницкого, в пользу нахождения тут древних царских садов с гранатовыми деревьями. «Царские сады» и «Погребальные пещеры», о которых писал Олесницкий, упомянуты и в Библейском энциклопедическом словаре А.П. Лопухина[29].

Архимандрит Антонин (1872, 1875, 1885)

Архимандрит Антонин купил Гранатовую пещеру в 1872 г. В том же году в его Дневнике появляется описание пещеры: «Мы с Якубом и Зияде отправились к Мамвританским воротам и спустились к Силоаму. Обозрев оный спустились далее в юдоль плачевную по Саввинской дороге

к большим пещерам: Рабия. Осмотрели их тут 4 числом, из коих первая весьма замечательна своим правильным расположением и чистою отделкою, хотя и неказистою со входа. Другая имеет величественный вход, но внутри не стоит доброго слова. Она видимо должна была следовать плану первой, но неизвестно почему не была продолжена. Первую следовало бы купить ради курьеза. Во второй мы набрались столько блох, что я не рад был ничему. Возвращаясь от Рабие, осмотрели еще одну, недавно открытую могилу, в которой найдена была большая золотая монета, проданная жидам за 15 меджидей. Могила теперь завалена. Вход в нее имеет вид большой створчатой двери, высеченной на отвесной скале. Была найдена и надпись, но она пропала вместе с камнем, разбитым вдребезги. Поднялись прямо на Елеон, и по пути осмотрели еще огромную систерну, высеченную в скале, и принадлежащую самому Хусейну Зияде»[30].

Название «Рабия» употребляется о. Антонином в отношении конкретных четырех пещер. Это может быть местным названием пещерного комплекса или огласовкой арабского имени ущелья Вади ер-Рагиб/Рабиб/Рахиб — «Долина монахов». Это предположение нуждается в проверке.

Рядом с датой в Дневнике помещен план пещеры, сделанный рукой Антонина. Аккуратность и точность чертежа говорит о том, что он сделан после тщательных обмеров. Мы знаем, что о. Антонин имел обыкновение делать дневниковые записи на черновиках и затем, в удобный момент, переписывал их набело в Дневник. В начале каждого месяца Антонин помещал стихотворение, в котором порой отражал те события, которые ещё только произойдут в начинающемся месяце. Для этого оставлялось пустое место. Точно так же в Дневнике за 1872 г. было оставлено место для точного плана Гранатовой пещеры, снять который удалось много позднее.

Лишь в середине 1875 г. о. Антонин предпринял шаги для подробного осмотра и частичной расчистки пещеры: «Едем с Якубом по Саввинской дороге. Гинномова дебрь или Геенна. Иовов колодец. Все цветет и благоухает. А вот и наши амаранты. Могила эр-Румание. Бивак у нее. Очистка проходов и третьей «залы». Точные измерения. Головная боль от спертого воздуха. 1 час пополудни. Поднимаемся выше. Селение Бетсахур. Мечеть достожалобная. Отдых в тени ее»[31]. Более чем через пол месяца (18 мая 1875 г.) был сделан подробный план: «Черчение плана Руманийской могилы»[32]. Этот план помещен в тексте дневника при рассказе о первом посещении пещеры Руммание (Рис. 4).

На плане есть одна особенность, которая заставляет предположить, что он был сделан именно после проведенной расчистки пещеры. В центральной комнате с 10 локулами рядом с коридорами на восточной и западной стене отмечено по два локула, устроенных с каждой стороны каждого коридора. На соответствующем плане А.А. Олесницкого 1874 г. локулы в южной стене не указаны. На плане Функе 1910 г. эти локулы намечены предположительно. Таким образом, до расчистки о. Антонина в 1875 г. эти локулы были

закрыты мусором и Олесницкий их не видел, а через 35 лет в 1910 г. они вновь были завалены. На плане Антонина локулы в южной стене центральной комнаты показаны отчетливо: в дальнем конце их даже отмечено чертой какая-то их особенность. Иными словами, мы можем быть уверены, что о. Антонин произвел расчистку пола и точно нашёл, и осмотрел локулы в южной стене этого помещения.

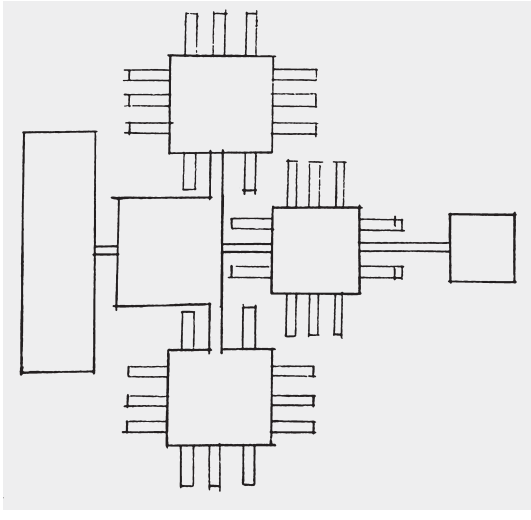


Рис. 4. Лист из «Дневника» Антонина (Капустина) с планом Большой пещеры (Руммание). 1872–1875 г. (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 26. Л. 231).

Почему археологический интерес Антонина к этому приобретению так быстро угас, а его идея создания «Кедронской Московии» не была воплощена — неясно. Поездки в лавру прп. Саввы через Руммание (с заездом или без) не раз отмечены в Дневнике: 6 и 8 (возвращение) ноября 1876 г., 2 сентября 1878 г., 16 мая 1879 г. Затем Руммание из Дневника исчезнет надолго. Лишь в январе 1885 г. появится необычная запись: «Ясное небо. Решение по сему случаю экскурсировать в большую пещеру-могилу. <...> Прибытие к Румание. Осмотр тщательный Озииной могилы. Таковый же соседней — уж конечно Манассииной. Отдых и закуска на полянке под маслиной. Аркадия без пастушков, возвращение к Рогелю»[33].

Отец Антонин произвел тщательный осмотр пещеры спустя десять лет после выхода в свет книги А.А. Олесницкого с тем, чтобы проверить его гипотезу о том, что Гранатовая пещера могла служить местом погребения иудейского царя Озии. Но подтверждения ей не нашел. Возможно, его интерес был как-то связан с появлением каменной таблички с именем иудейского царя Озии, поступившей в его коллекцию/музей как раз во второй половине 1880-х гг. (*Tchekhanovets, Y., and Vach K.*). Уже ближе к концу жизни (в 1892 г.) Антонин будет вспоминать именно день 1 мая 1875 г. как один из самых счастливых дней. «На дворе пахнет февралем, а не маем, так что и смотреть в окно нет большого позыва. Пожалуй, что и скучновато. А когда-то проводили мы этот день у Большой могилы Царя Озии соревнуя, кто больше нарвёт цветов, и вообще с детьми радуясь всему по-детски»[34]. Упоминание Гранатовой пещеры как возможной могилы царя Озии на склоне лет о. Антонина показывает, как крепко в нём укоренилось желание вписать этот памятник в сакральное пространство Русской Палестины.

У.-М.-Ф. Петри (1890)

Уильям Мэтью Флиндерс Петри за первые 10 лет собственных археологических работ в Египте (1880–1890) приобрел славу выдающегося археолога. Его первые исследования в Святой Земле состоялись лишь в 1890 г. Затем, не оставляя египтологию, он постепенно расширял географию раскопок в Палестине и в конечном счете навсегда переселился в Иерусалим. Ф. Петри иногда называют «отцом палестинской археологии»[35] (*Callaway J.-A.*).

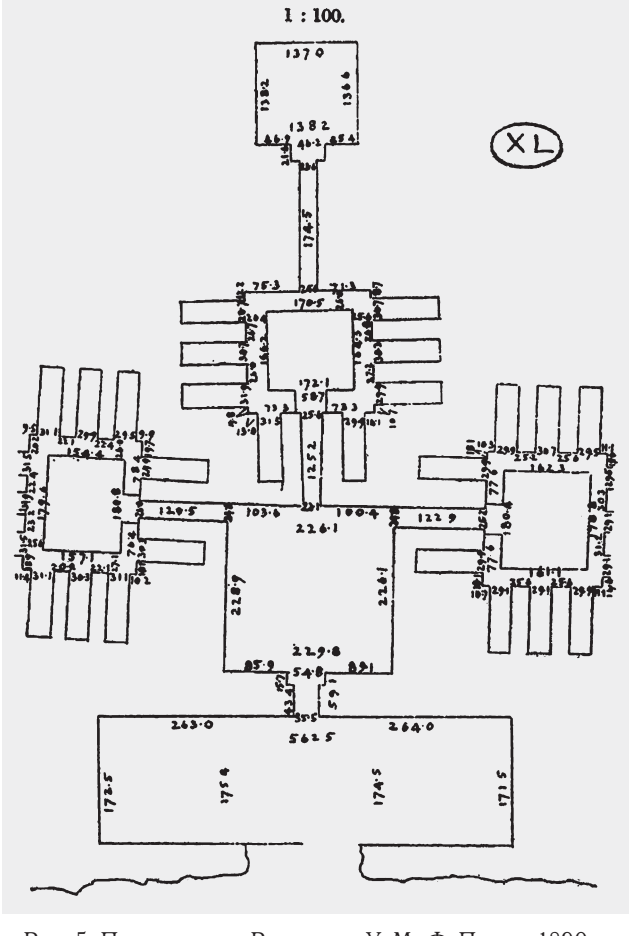


Рис. 5. План пещеры Руммание У.-М.-Ф. Петри. 1890 г.

Его первой палестинской работой в 1890 г. были раскопки в Телль-эль-Хесси. Тогда же он провел обследование более 40 погребальных пещер в окрестностях Иерусалима, для того, чтобы определить величину употреблявшейся в древней Палестине меры длины (локтя). Среди прочих памятников Ф. Петри измерил и Гранатовую пещеру. План её[36] нарисован от руки, но, поскольку Петри интересовали именно размеры, — измерения на плоскости (длинна и ширина) в сантиметрах сделаны очень тщательно. (Рис 5.)

Опубликованные рисунки сам автор просил не считать планами, поскольку там были опущены многие детали; форма и положение комнат, их взаимное расположение и высота помещений не учитывались[37]. Однако, выводы, сделанные ученым, важны для датировки памятника: его размеры не соответствуют древнееврейскому локтю; ее постройка не может относиться к до-иродианскому периоду.

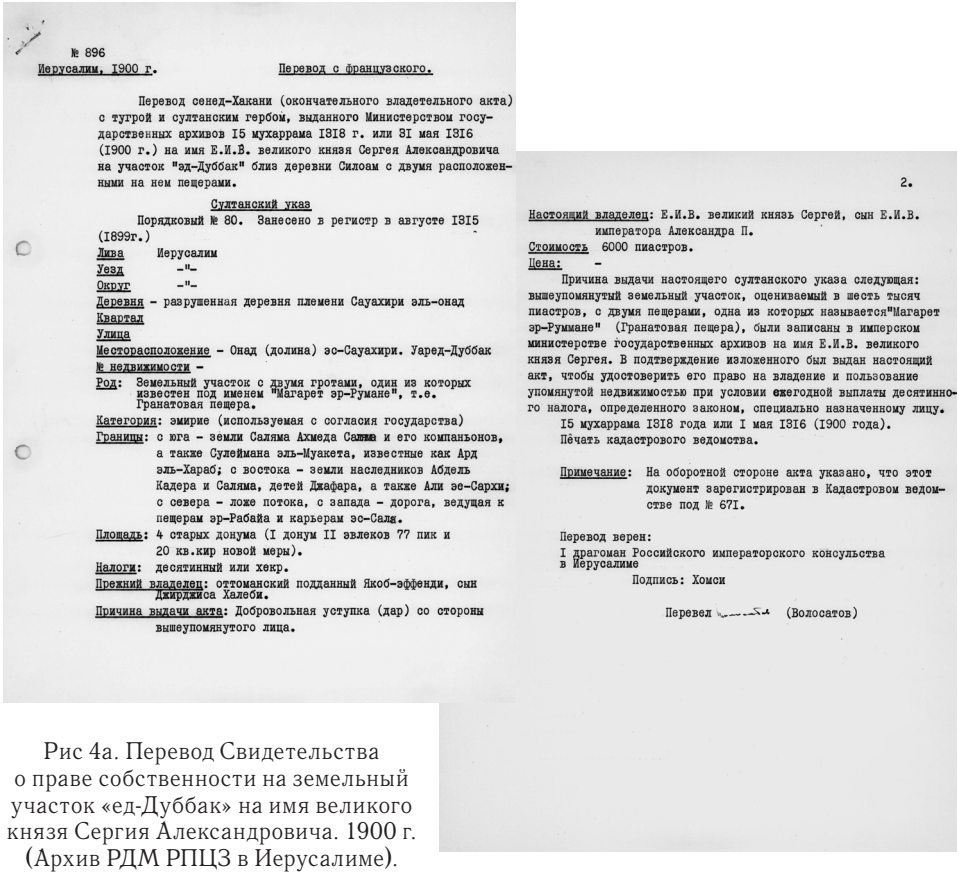
А.Г. Яковлев (1894–1899)

Ещё одним представителем России, который в силу служебных обязанностей должен был близко познакомиться с различными древностями на участках архимандрита Антонина в Палестине был генеральный консул в Иерусалиме Александр Гаврилович Яковлев (1854–1909). Разносторонне образованный энергичный дипломат, он хорошо знал, как самого архимандрита Антонина, так и специфические условия его деятельности в Святой Земле.

А.Г. Яковлев ещё в октябре 1878 г. был назначен на должность секретаря и драгомана консульства в Иерусалиме; в феврале-апреле 1880 г. временно управлял этим консульством. В июне 1894 г. был прислан в Иерусалим для замещения, уехавшего в отпуск генерального консула С.В. Арсеньева, и замещал его до июля 1895 г. Два с половиной года спустя, Яковлев вновь прибыл в Иерусалим уже в качестве генерального консула: (назначен 27 ноября 1897 г., реально приступил к исполнению своих обязанностей в феврале 1898 г.) и по факту занимал эту должность до 29 сентября 1907 г.

В своих донесениях из Иерусалима он пытался привлечь внимание российских властей к научному и археологическому значению Гранатовой пещеры. Яковлев составил её новый план и сделал описание, которое заслуживает внимания, поскольку оно основано на хорошем личном знакомстве с памятником. «Наш участок, идущий с северо-запада к юго-востоку, представляет собой полосу земли в 100 метров длины на 25 м ширины и содержит в себе (согласно точному плану, снятому в июле с. г.) 2493,81 кв. метра, или 4426,77 кв. пик. В юго-западном углу его находится вход в очень большую пещеру, иссеченную для погребения. Пещера состоит из большой приемной для лиц, составлявших похоронную процессию, и 5 квадратных комнат, из которых одна имеет 6 метров длины на 5 метров вышины, а прочие — по 4 метра длины на 4 метра вышины. В трех из них — 30 loculi. Вся работа — очень старательно и чисто выполнена. Над проходом из приемной во внутренние комнаты — неясные следы украшений: два неполных круга, в одном из которых — 4-х конечный крест.

К сожалению, на нашей земле находится только вход в эту пещеру и первая треть её. Остальные 2/3 её — вне стены наших владений. Для охранения их от порчи (здесь окрестные жители добывают камень для построек) было бы очень желательно, чтобы турецкое правительство помогло бы нам купить по дешевой цене от местных бедуинов участок (в нем всего 30 метров длины на 20 м ширины), покрывающий собой упомянутые две пещеры. Это можно было бы исполнить самое большее с затратой в 1000 франков. В случае невозможности, необходимо для пользы археологии, чтобы местная власть объявила этот участок казенной собственностью и позволила нам обнести его на наш счет стенкой сухой кладки с входом на наш участок»[38]. (Рис 4а.)



№ 896

Иерусалим, 1900 г. Перевод с французского.

Перевод сенед-Хакани (окончательного владетельного акта) с тугрой и султанским гербом, выданного Министерством государственных архивов 15 мухаррама 1318 г. или 31 мая 1316 (1900 г.) на имя Е.И.В. великого князя Сергея Александровича на участок "эд-Дуббак" близ деревни Силоам с двумя расположенными на нем пещерами.

Султанский указ

Порядковый № 80. Занесено в регистр в августе 1315 (1899г.)

Лива Иерусалим
Уезд -"-
Округ -"-
Деревня - разрушенная деревня племени Сауахири эль-онад
Квартал
Улица
Месторасположение - Онад (долина) эс-Сауахири. Уаред-Дуббак
№ недвижимости -
Род: Земельный участок с двумя гротами, один из которых известен под именем "Магарет эр-Румане", т.е. Гранатовая пещера.
Категория: змирие (используемая с согласия государства)
Границы: с юга - земли Саляма Ахмеда Салма и его компаньонов, а также Сулеймана эль-Муакета, известные как Ард эль-Хараб; с востока - земли наследников Абдель Кадера и Саляма, детей Джафара, а также Али эс-Сархи; с севера - ложе потока, с запада - дорога, ведущая к пещерам эр-Рабайа и карьерам эс-Салх.
Площадь: 4 старых донума (1 донум 11 эвлеков 77 пик и 20 кв.кир новой меры).
Налоги: десятинный или хекр.
Прежний владелец: оттоманский подданный Якоб-эффенди, сын Джирджиса Халеби.
Причина выдачи акта: Добровольная уступка (дар) со стороны вышеупомянутого лица.

2.

Настоящий владелец: Е.И.В. великий князь Сергей, сын Е.И.В. императора Александра II.
Стоимость 6000 пиастров.
Цена: -
Причина выдачи настоящего султанского указа следующая: вышеупомянутый земельный участок, оцениваемый в шесть тысяч пиастров, с двумя пещерами, одна из которых называется"Магарет эр-Руммане" (Гранатовая пещера), были записаны в имперском министерстве государственных архивов на имя Е.И.В. великого князя Сергея. В подтверждение изложенного был выдан настоящий акт, чтобы удостоверить его право на владение и пользование упомянутой недвижимостью при условии ежегодной выплаты десятинного налога, определенного законом, специально назначенному лицу.
15 мухаррама 1318 года или 1 мая 1316 (1900 года).
Печать кадастрового ведомства.

Примечание: На оборотной стороне акта указано, что этот документ зарегистрирован в Кадастровом ведомстве под № 671.

Перевод верен:
1 драгоман Российского императорского консульства в Иерусалиме
Подпись: Хомси

Перевел [illegible] (Волосатов)

Рис 4а. Перевод Свидетельства о праве собственности на земельный участок «ед-Дуббак» на имя великого князя Сергия Александровича. 1900 г. (Архив РДМ РПЦЗ в Иерусалиме).

Яковлев был знаком с археологическими исследованиями учёных, которые касались древностей на русских участках. Он считал, что выводы, сделанные А.А. Олесницким или К. Шиком (относительно русских раскопок у храма Гроба Господня в 1883 г.) — представляют собой последнее слово в науке; и поэтому опирался на их авторитет в своих контактах с начальством. Собственных научных вопросов и задач он перед собой не ставил.

Р.Е. Функе (1910)

В начале XX в. Гранатовую пещеру обследовал немецкий путешественник Р.Е. Функе. Он сделал тщательные обмеры всех помещений, исследовал даже небольшие дыры в слое мусора, похожие на норы животных, простучал стены камер на предмет возможных скрытых полостей, произвел химическую расчистку части сохранившейся у входа штукатурки с остатками росписи, скопировал сами росписи и исследовал структуру штукатурки. Результаты его работы были опубликованы в 1910 г.

Его главной задачей было привлечь внимание Немецкого Палестинского общества к проблеме сохранности фресковой росписи. Р. Функе сделал подробное описание орнаментов, сохранившихся с левой стороны от входа в пещеру в вестибюле. (Рис 6.).

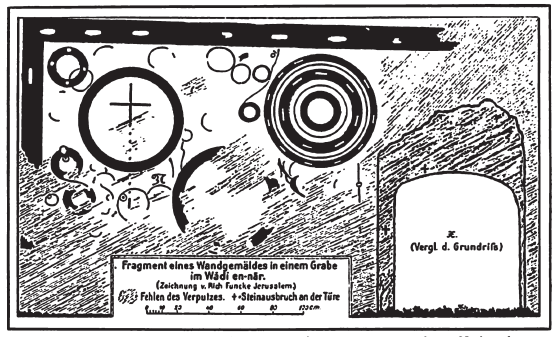


Рис. 6. Остатки орнаментальных росписей в вестибюле пещеры Руммание по рисунку Р. Функе. 1910 г.

Для иерусалимских погребальных памятников наличие фресковой живописи — крайне редкое явление. В северной части Кедрона сохранилась только одна пещера с изображением птиц на потолке и в нишах акросолей[39] (*Kloner*. 2000.)

Однако, проведенное исследование живописи вышло за рамки: Гранатовая пещера представлена Р. Функе как уникальный древний памятник в целом. Впервые были сделаны точные измерения по трем координатам всех помещений, включая коридоры и ниши для тел усопших (локулы/кухи). Р. Функе составил, вероятно, самый подробный план пещеры; причем планировка (в особенности последняя небольшая комната «F», на плане Р. Функе), казалось ему не вполне ясной. (Рис 7.)

Пол пещеры (в 1910 г.) был покрыт плотным слоем мусора, перемешанного с глиной на высоту примерно 65 см. Обнаружив в вестибюле вдоль восточной стены каменную плиту, выступавшую из слоя мусора, Р. Функе принял её за скамью и предположил наличие такой же у противоположной стены[40]. Слой мусора, покрывающий пол пещеры, хорошо виден на современной фотографии (Рис 8.).

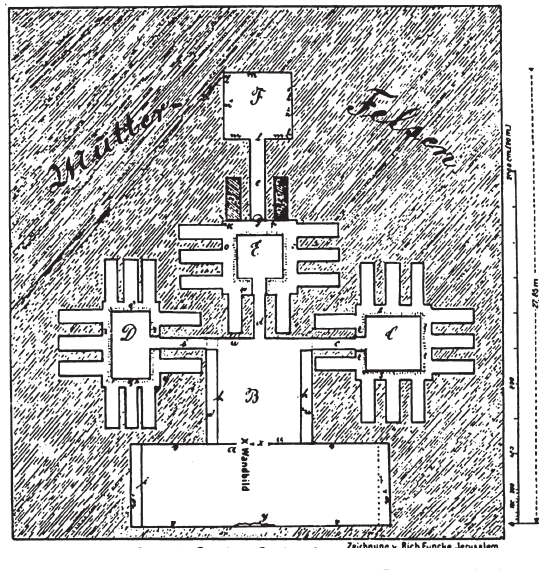


Рис. 7. План пещеры Руммание Р. Функе. 1910 г.

Большая сводчатая дверь, ведущая в первую комнату, шириной 0,95м и высотой 1,5 м (предположительно),

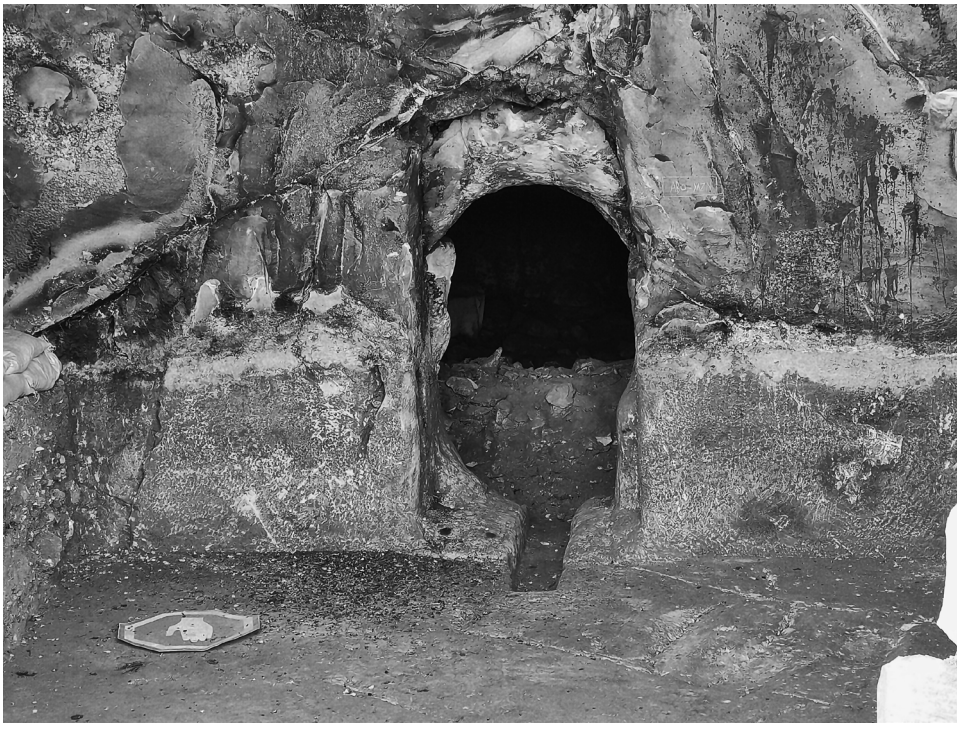


Рис. 8. Вход в центральную комнату Гранатовой пещеры после проведения археологической расчистки в 2022 г. Фото игумена Никона (Головко). 2023 г.

по словам Р. Функе была взломана: об этом свидетельствовало частичное обрушение свода. (Скорее всего, был сбит высеченный в этом месте крест). В центральной комнате с локулами, как уже было сказано, он не обнаружил двух ниш в южной стене, но определил их наличие по глухому звуку от удара о стену, хорошо слышному в самой дальней комнате и показал их на плане.

Особенное внимание он обращал на последнюю комнату. В неё вел небольшой по высоте (0,64м) коридор. Но в самой комнате он заканчивался полноценном дверным проемом шириной 1,21м и высотой 1,8м (насколько позволял измерить мусор на полу). По его подсчетам внутренняя дверь должна была иметь около 1,20м в ширину, 1,78м в высоту и 0,56м в толщину! Если такая дверь действительно существовала, то, как она могла сюда попасть и как была закреплена? — задавался исследователь вопросом.

Вторая особенность комнаты, на которую Р. Функе обратил внимание — её феноменальная акустика. «Ни человеческий голос, ни шаги не пробуждают нигде эха; только в самой комнате — стены и потолок как будто вибрируют при малейшем звуке; а свисающие с потолка летучие мыши кружатся туда-сюда — это как слышать рев бури! Твердый шаг по паркетному

полу и глубочайшие тона органа проносятся по комнате. Я измерял продолжительность звука почти десяток раз и всегда считал 5–6 секунд!»[41].

Статья заканчивалась призывом к более пристальному изучению необычных свойств Гранатовой пещеры силами Немецкого протестантского археологического института в Иерусалиме.

Kloner A., Zissu B. (2007)

Фундаментальный каталог-исследование всех известных погребальных пещер в Иерусалиме появился в начале XXI столетия. На схематичном плане, представленном в самом начале книги — наш объект находится в «Зоне 7» и описывается на странице 269, а его чертеж опубликован на странице 650[42].

План пещеры скопирован из статьи Р. Функе 1910 г.[43]; описание, по-видимому, представляет собой сильно редуцированную выжимку из той же статьи. В частности, авторы оставили на плане Р.Функе предположение о наличии в вестибюле пещеры двух скамеек справа и слева от входа (гипотетическая возможность наличия одной из них показана на плане 1910 г. пунктиром). Несмотря на то, что Р. Функе основное внимание в статье уделил остаткам росписей — в описании об этом даже не упомянуто. Таким образом, из текста А. Клонера и Б. Зиссу нельзя сделать вывод о посещении пещеры авторами каталога.

К описанию каждого объекта в книге приложена библиография предыдущих исследований. При этом ссылки на Т. Тоблера (первое упоминание памятника в научной литературе), А. Олесницкого (первое подробное описание пещеры) и архимандрита Антонина (владельца и исследователя памятника) — отсутствуют[44].

Судьба участка ед-Дуббак в XX в.

После революции в России и в период Британского мандата над Палестиной (1922–1947) часть российской собственности была принудительно взята в аренду английскими оккупационными властями, другая часть оказалась в управлении структур Русской Православной Церкви Зарубежом (РПЦЗ). В Палестине такой церковной структурой была Русская Духовная Миссия.

При этом британская администрация чётко обозначила свой интерес в охране древних памятников: была издана «Декларация» (1918), создан Департамент древностей и принят закон «Постановление о древностях» (1920)[45]. Это в какой-то мере способствовало защите тех участков, где такие древности присутствовали. Согласно неопубликованным архивным документам[46] в конце 1930-х гг. владельцы соседних участков пытались захватить часть территории, где находилась Гранатовая пещера. Начальник РДМ архимандрит Антоний (Синькевич) вынужден был просить защиты у британских властей, а также нанять сторожа для охраны участка. (Рис 9.)

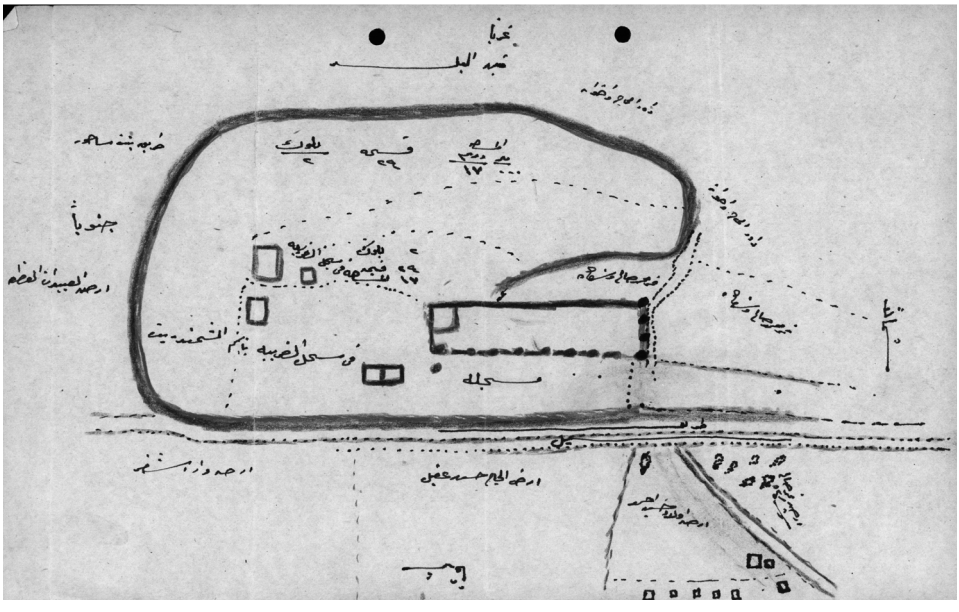


Рис. 9. План участка с Гранатовой пещерой. 1940-е гг. Архив РДМ РПЦЗ в Иерусалиме.

Рис. 10. Общий вид входа в центральную комнату Гранатовой пещеры.
Фото игумена Никона (Головко). 2023 г.

Эти меры позволили пережить неспокойное время и сохранить владение в юрисдикции РПЦЗ. Однако, никакой хозяйственной деятельности на участке с Гранатовой пещерой в XX в. не велось. Судя по всему, часть территории участка позднее была изъята государством Израиль для прокладки дороги. Она в настоящее время проходит практически по краю вестибюля Гранатовой пещеры. Часть стен и потолок вестибюля, вероятно, обрушились в том же XX столетии.

Краткие выводы

В статье предпринята попытка дать полный историографический обзор исследований интересного и до настоящего времени, не изученного в полной мере памятника, включая выпавшие из современной научной литературы имена Т. Тоблера, архимандрита Антонина (Капустина) и А. Олесницкого.

Изучение архивных документов и неопубликованного дневника архимандрита Антонина позволили исправить закрепившуюся в научном дискурсе дату приобретения им Гранатовой пещеры. Новая информация подтверждает логику деятельности начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме по формированию русского церковно-археологического пространства в Святой Земле. Впервые установлен факт научного обследования о. Антонином древнего памятника и составление им подробного плана пещеры.

Не смотря на внушительный список исследований, до недавнего времени в Гранатовой пещере не было проведено полноценных археологических раскопок. Пробные раскопки израильских археологов начались только в 2022 г. Предпринятый визуальный осмотр показал, что культурный слой внутри части комнат по-прежнему сохраняется, новые исследования здесь могут сулить хорошие научные результаты. (Рис. 10)

Литература

Антонин (Капустин). Дневник. Год 1866. Машинопись // Архив ИППО (Москва).
Антонин (Капустин). Дневник. Год 1872 // РГИА Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 26
Антонин (Капустин). Дневник. Год 1873 // РГИА Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 27
Антонин (Капустин). Дневник. Год 1874 // РГИА Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 27
Антонин (Капустин). Дневник. Год 1875 // РГИА Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 27
Антонин (Капустин). Дневник. Год 1885. Машинопись // ГМИР.
Антонин (Капустин). Дневник. Год 1892. Машинопись // ГМИР.
Беляев Л.А. Галгал // Православная энциклопедия. Т. X. Второзаконие-Георгий. С. 308–309.

Беляев Л.А., Вах К.А. Раскопки на Русском месте в 1883 году по материалам дневника архимандрита Антонина (Капустина) // Православный Палестинский Сборник. Т. 119. М., ИППО, 2021. С. 39–62.

Беляев Л.А., Вах К.А. Антонин (Капустин) и Н.П. Кондаков // Иерусалимский православный семинар. Москва-Иерусалим, 2021. Вып. 10. С. 110–125.

Беляев Л.А., Вах К.А. Люди и раскопки: архимандрит Антонин (Капустин) на Русском месте в Иерусалиме // За синей птицей. Антропология академической жизни. Памяти Г.А. Комаровой / Ред.: Гучинова Э.-Б., Шнирельман В. А. М.: Ин-т этнологии и антропологии, изд. Грифон, 2022. С. 207–242.

Вах К.А. Борьба за Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме: эпоха архимандрита Антонина (Капустина). 1865–1894 // К.П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М., 2017. С. 459–532.

Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова. Архимандрит Антонин и его дневник // Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881. М.: Индрик, 2011. С. 315–360.

Лисовой Н.Н., Платонова З.И., Савушкин В.А. Сводный каталог русских недвижимостей в Святой Земле // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. Т. 1. М.: Индрик, 2015. С. 757–758.

Лисовой Н.Н. Олесницкий Аким Алексеевич // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается. Составление, редакция и предисловие С.Ю. Житенёва. М.: Издательство «Индрик», 2022. С. 605–606

Олесницкий А.А. Святая Земля. Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. 1873–1874. Ч. 1. Иерусалим и его древние памятники. Киев: Типография С.Т. Еремеева, 1875. С. 406–412.

Олесницкий А.А. Святая Земля. Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. 1873–1874. Ч. 2. Замечательнейшие по древним памятникам места Иудеи (вне Иерусалима), Самарии, Галилеи верхней и нижней, Финикии и Ливанской области. Киев: Типография В. Давиденко, 1878.

Петровский А. Кедрон // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь: под ред. проф. А. П. Лопухина: В 12 томах. Петроград: Т-во А. П. Лопухина, 1900–1911. Т. 9: Кармелиты — Κοινή: с 15 рисунками. 1908. Стб. 757–770.

Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 Т. Т. 1. М.: Индрик, 2015. С. 757–758.

Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 Т. Т. 2. М.: Индрик, 2017. С. 461; 669–670; 698–700.

Чехановец Я. Кедрон // Богословская энциклопедия. https://www.pravenc.ru/text/1684099.html

Чехановец Я., Вах К. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИЕРУСАЛИМСКОЙ НАДПИСИ ВЕТХОЗАВЕТНОГО ЦАРЯ ОЗИИ // Иерусалимский православный семинар. Вып. 7. М.: Индрик, 2017. С. 9–18.

Benzinger J. Researches in Palestine // Explorations in the Bible Lands during the 19th century Philadelphia: A.J. Holman & C°, 1903. P. 588–589.

Callaway J.-A. Sir Flinders Petrie, Father of Palestinian Archaeology // Biblical Archaeology Review, 1980. Vol. 6. Issue 6. P. 44–55.

Funcke R.E. Eine Grabanlage in Wadi en-Nar mit Fragmenten einer Malerei. ZDPV 33 (1910). P. 6–12.

Furrer K. Tobler, Titus // Allgemeine Deutsche Biographie 38 (1894), S. 395–402 [Online-Version]; URL: https://www.deutsche-biographie.de/pnd117402656.html#adbcontent.

Greenberg R. One hundred and fifty years of archaeology and controversy in Jerusalem // Routledge Handbook on Jerusalem / Edited by: Suleiman A. Mourad, Naomi Koltun-Fromm, Bedross Der Matossian. London-New York: Routledge, 2020. P. 363–376

Kloner A. The Cave of the Birds: A Painted Tomb on the Mount of Olives // Ancient Jerusalem Revealed / Ed. H. Geva. Jerusalem, 2000. P. 306–310.

Kloner A., Zissu B. The Necropolis of Jerusalem in the Second Temple Period, (Interdisciplinary Studies in Ancient Culture and Religion 8), Peeters, Leuven-Dudley, MA, 2007.

Petrie W.-M.-F. The Tomb-Cutters' Cubits at Jerusalem // Palestine Exploration Fund: Quarterly Statement. 1892. P. 28–35.

Tchekhanovets, Y., and Vach K. On the Provenance of the Jerusalem Inscription of King Uzziah // Jerusalem: Eretz Israel, Hillel Geva volume, 2023. P. 147–153.

Tobler T. Zwei Bücher Topographie von Jerufalem und seinen Umgebungen. Bweites Buch. Die Umgebungen. Bd. 2. Berlin: G. Reimer, 1854. S. 418.

Warren Ch. Plans, elevations, sections, etc. shewing the results of the excavations at Jerusalem, 1867–1870: executed for the Committee of the Palestine Exploration Fund. London: Vincent, Brock, Day & Son, 1884. Plate XVII.

Warren Ch., Conder Cl.-R. The Survey of Western Palestine. Jerusalem. London:The Committie of the Palestine Exploration Fund, 1884.

Wilson Ch.-W., The Recovery of Jerusalem: A Narrative of Exploration and Discovery in the City and the Holy Land. London: Richard Bentley & Son, 1871.

1 Беляев Л.А., Вах К.А. ППС. Т. 119; Беляев Л.А., Вах К.А. ИПС. Вып. 10; Беляев Л.А., Вах К.А. 2022.

2 Чехановец Я. Кедрон; Каталог скальных могил Иерусалима см: Kloner A., Zissu B.P. 473–505.

3 В фундаментальном исследовании погребальных пещер Иерусалима А. Клонера и Б. Зиссу описание и план Гранатовой пещеры заимствованы из статьи Функе 1910 г. (*Funcke; Kloner A., Zissu B. P. 269)*. Результаты археологических исследований в пещере, проведенные Израильским управлением древностей в 2022 г. не опубликованы и нам неизвестны.

4 Россия в Святой Земле. Т. 2. 2017. С. 698.

5 Там же.

6 Россия в Святой Земле. Т. 1. 2015. С. 757–758.

7 Там же. С. 698–700.

8 Подробнее см.: Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б. Архимандрит Антонин и его дневник. // Антонин (Капустин). Дневник. Год 1881. М.: Индрик, 2011. С. 315–360.

9 Россия в Святой Земле. Т. 2. 2017. С. 676.

10 Антонин, архимандрит, 1872. Запись за 15 сентября.

11 Антонин, архимандрит, 1873. Запись за 19 марта.

12 Россия в Святой Земле. Т. 2. 2017. С. 461.

13 Россия в Святой Земле. Т. 2. 2017. С. 685.

14 Там же. С. 699.

15 Россия в Святой Земле. Т. 2. 2017. С. 669–670.

16 *Вах К.А.* 2017. Борьба за Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме: эпоха архимандрита Антонина (Капустина). 1865–1894 // К.П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М., 2017. С. 522–528.

17 Антонин, архимандрит, 1873. Запись за 29 июля.

18 Антонин, архимандрит, 1874. Запись за 16 июля.

19 Россия в Святой Земле. Т. 2. 2017. С. 669.

20 *Tobler T.* Zwei Bücher Topographie von Jerusalem und seinen Umgebungen. Bweites Buch. Die Umgebungen. Bd. 2. Berlin: G. Reimer, 1854. S. 418.

21 *Tobler T.* Там же.

22 *Wilson Ch.-W.* The Recovery of Jerusalem: A Narrative of Exploration and Discovery in the City and the Holy Land. London: Richard Bentley & Son, 1871. P. 256.

23 *Warren Ch.* Plans, elevations, sections, etc. shewing the results of the excavations at Jerusalem, 1867–1870: executed for the Committee of the Palestine Exploration Fund. London: Vincent, Brock, Day & Son, 1884. Plate XVII.

24 *Лисовой Н.Н.* Олесницкий Аким Алексеевич // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается. Составление, редакция и предисловие С.Ю. Житенёва. М.: Издательство «Индрик», 2022. С. 605–606

25 Олесницкий А.А. Святая Земля. Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. 1873–1874. Ч. 2. Замечательнейшие по древним памятникам места Иудеи (вне Иерусалима), Самарии, Галилеи верхней и нижней, Финикии и Ливанской области. Киев: Типография В. Давиденко, 1878. С. 32. О сложности локализации Галгалы. См.: Беляев. Галгал.

26 Олесницкий А.А. Святая Земля. Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны. 1873–1874. Ч. 1. Иерусалим и его древние памятники. Киев: Типография С.Т. Еремеева, 1875. С. 406–412.

27 Олесницкий А.А. Там же. С. 409

28 Чехановец Я., Вах К.А. О происхождении иерусалимской надписи ветхозаветного царя Озии. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 7. М.: Индрик, 2017. С. 11–12, 9–18.

29 Петровский А. Кедрон // Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь: под ред. проф. А. П. Лопухина: В 12 томах. СПб.: Т-во А.П. Лопухина, 1900–1911. Т. 9: Кармелиты — Κοινή: с 15 рисунками. 1908. Стб. 757–770.

[30] Антонин, архимандрит, 1872. Запись 24 февраля.

[31] Антонин, архимандрит, 1875. Запись за 1 мая.

[32] Антонин, архимандрит, 1875. Запись за 18 мая.

[33] Антонин, архимандрит, 1885. Запись за 14 января.

[34] Антонин, архимандрит, 1892. Запись за 1 марта.

[35] Callaway J.-A. Sir Flinders Petrie, Father of Palestinian Archaeology // Biblical Archaeology Review, 1980. Vol. 6. Issue 6. P. 44–55.

[36] Petrie W.-M.-F. The Tomb-Cutters' Cubits at Jerusalem // Palestine Exploration Fund: Quarterly Statement. 1892. P. 35.

[37] Petrie W.-M.-F. P. 28.

[38] Россия в Святой Земле. Т. 2. 2017. С. 698.

[39] *Kloner A*. The Cave of the Birds: A Painted Tomb on the Mount of Olives // Ancient Jerusalem Revealed / Ed. H. Geva. Jerusalem, 2000. P. 306–310.

[40] Funcke R.E. Eine Grabanlage in Wadi en-Nar mit Fragmenten einer Malerei. ZDPV 33 (1910). P. 7.

[41] Funcke. S. 9.

[42] Kloner A., Zissu B. The Necropolis of Jerusalem in the Second Temple Period, (Interdisciplinary Studies in Ancient Culture and Religion 8), Peeters, Leuven-Dudley, MA, 2007.

[43] Funcke. Tabl. III.

[44] *Kloner A., Zissu* B. P 269.

[45] *Greenberg R*. One hundred and fifty years of archaeology and controversy in Jerusalem // Routledge Handbook on Jerusalem / Edited by: Suleiman A. Mourad, Naomi Koltun-Fromm, Bedross Der Matossian. London-New York: Routledge, 2020. P. 367.

[46] Авторы выражают глубокую признательность Роману Владимировичу Диканскому за помощь в посещении пещеры Руммание и предоставленные документы из архива РДМ РПЦЗ.

Положение христиан в Святой Земле во время Первой мировой войны и в период Британского мандата (по данным зарубежной историографии)*

Л. А. Герд

Введение

Святая Земля и Сиро-Палестинский регион неизменно были важнейшим объектом политики великих держав на протяжении всего XIX в. в рамках Восточного вопроса — борьбы за преобладание на территории Османской империи. Радикальные изменения, происшедшие на Ближнем Востоке в результате Первой мировой войны, образование независимых государств, а также новая расстановка сил в Европе повлекли за собой изменение политической идеологии. В 1917 г. в Иерусалим вступили британские войска. Британский мандат, вступивший в силу с 1923 г., предполагался как временное положение, которое должно было подготовить местное население к управлению независимым государством в Палестине. Каким должно было стать это государство?

Палестина в Османской империи представляла собой территорию со смешанным населением: большинство составляли арабы-мусульмане и христиане различных конфессий. Проживая на этой земле в течение многих столетий, арабы считали себя коренным населением. Со второй половины XIX в. в Палестине заселяются евреи из различных стран, лелеявшие культурно-религиозную и позднее политическую идею создания своего национального государства. Население Иерусалима было ещё более пестрым: здесь проживали также армяне, копты, абиссинцы, имевшие своих церковных глав, храмы и монастыри. Значительный вес в Палестине имели христианские религиозные организации: греческий Иерусалимский

* Статья написана в соответствии с госзаданием ИРИ РАН в рамках Программы фундаментальных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» в 2023 г.

Патриархат, католические (французские, итальянские, немецкие) и протестантские (британские и американские) миссионерские учреждения. Они владели земельными участками, школами, больницами и приютами. Со второй половины XIX в. активную деятельность развивают русские учреждения — Духовная Иисия и Императорское Православное Палестинское Общество. Соперничество иностранных организаций, получавших материальную и дипломатическую поддержку от великих держав, имело сложный характер. Иногда оно уходило корнями в Средневековье, иногда отвечало культурным запросам местного населения и научным интересам своих учредителей в метрополии, но гораздо более носило черты, свойственные колониальной политике держав, каждая из которых претендовала на преобладание на развалинах Османской империи.

Осмысление перемен, которые принесла Первая мировая война, стало задачей историков и публицистов с конца 1920-х гг. Зарубежная историография Святой Земли в конце XIX–XX вв. насчитывает множество общих и специальных публикаций.[1] Монографии и статьи по истории Палестины периода Британского мандата, начиная с 1930-х гг., посвящены, прежде всего, главному конфликту: борьбе арабов против сионизма за создание национального государства и отношениям обеих противоборствующих сторон с властями мандата. На этом фоне авторы анализируют положение христианских конфессий и Церквей и их членов — арабов, греков, армян, абиссинцев, а также иностранцев из Европы: французов, итальянцев, англичан, немцев и др. Особое внимание уделялось религиозной и национальной идентичности арабов-христиан и их положению в структуре мандата. Не остались за пределами исследования период Первой мировой войны и судьба имуществ различных христианских конфессий после её окончания.

В настоящем очерке мы рассмотрим некоторые работы последних 30 лет и попытаемся определить основные тенденции в исторической науке этого направления.

Христиане в Святой Земле во время Первой мировой войны

В 1912 г. в Иерусалиме проживало 15.000 христиан (греко-православные, римско-католики, армяно-католики, греко-католики, армяно-григориане, копты, эфиопы, сирийцы, англикане и протестанты). Они, однако, не определяли политическое управление городом: речь идёт скорее о контроле над святыми местами, который осуществляли через них державы-покровительницы. Копты, которые являлись весьма малой группой, уже с XVI в. имели право зажигать лампаду у Святого Гроба и проводить Крестный ход в Великую пятницу. Этого права не было у гораздо более

значительной англиканской общины. Роберто Мацца, посвятивший свою монографию положению христиан Иерусалима в годы Первой мировой войны, справедливо отмечает, что православная община (Иерусалимский Патриархат) занимает одно из первых мест среди христиан города.[2] Излагая предысторию событий войны, он затрагивает вопрос о русской поддержке православия в Святой Земле и упоминает поставление в 1845 г. Патриарха Кирилла II, как русского протеже. Никак нельзя согласиться с утверждением Мацца и его предшественников, будто Кирилл был низложен в 1872 г. «по интригам русских, что повело к усилению движения среди православных арабов-мирян».[3] По другому весьма спорному мнению Мацца, в отличие от греческого Патриархата, который находился под контролем греческого духовенства, Османского правительства и русской дипломатии, Католическая Церковь и, в частности Кустодия Святого Гроба, была свободна от прямого иностранного вмешательства.

Что касается армянской общины в Иерусалиме, к началу Первой мировой войны она не превышала 1000 человек. Во время столкновений армян с османскими властями в конце XIX в. много армян-беженцев прибыло в Иерусалим. Однако даже в 1915 г., во время геноцида в Армении, армянская община не вступила в конфликт с османской администрацией; отношения её с арабами также были вполне мирными.

До начала XIX в. положение христиан определялось капитуляциями и status quo — комплексом узаконений, которые были призваны регулировать права на владение святыми местами. С 1 октября 1914 г. османское правительство объявило об отмене режима капитуляций. С началом войны христианские общины остались без покровительства со стороны иностранных держав. Что касается status quo, он не был отменен. Более того, в декабре 1917 г., при входе британских войск в Иерусалим генерал Алленби принципиально сохранил все существующие нормы отношений между конфессиями и их права на владение святыми местами. Британские власти были хорошо осведомлены о противоречиях и конфликтах между христианами, в частности, что Италия и Франция будут претендовать на владение католическими местами. В 1915 г. начала свою работу Комиссия Де Бансена (De Bunsen Committee), согласно которой святые места должны были перейти под международный контроль. Британским властям было необходимо заручиться поддержкой христиан для осуществления декларации Бальфура по поддержке евреев и для организации сопротивления арабскому национальному движению.

Первыми, кто пострадал от вступления Турции в войну, были англикане, как представители враждебной державы: миссионерам было предписано покинуть Палестину. Следующими на очереди были католики, но кустосу удалось добиться в Константинополе отсрочки депортации французских и английских братьев. Имущества англикан были конфискованы, а епископ

Ренни Мак Иннес вместе с духовенством уехали в Каир. Оттуда они развернули кампанию помощи арабам-англиканам в Палестине. В конце 1914 г. османские власти приказали жителям монастырей покинуть свои обители и переехать в Иерусалим, где их было легче контролировать. Францисканский паломнический дом Casa Nova и монастырь Св. Спасителя приютили у себя членов разных христианских общин. Если в начале войны духовенство пользовалось уважением со стороны турецких военных, то впоследствии начались грабежи и конфискации имущества.

В наиболее трудном положении во время войны оказалась греческая Патриархия.[4] Святогробское братство с прекращением паломничества из России оказалось в тяжелом финансовом кризисе. Во время войны Патриарх занял 100.000 франков у Алмизо Зарфудаки (греческого купца из Александрии), Credit Lyonnaise, греческого и русского правительств. Православное население должно было платить высокий налог, чтобы избежать военной службы. На этом фоне усилился конфликт между греческим духовенством и арабским элементом. Конфликту способствовала продажа церковной земли сионистам, сделка, осуществлённая Патриархом. После февральской революции 1917 г. в России и вступления Греции в войну Патриархат был оставлен совершенно без помощи. По приказу отступающих османских властей Патриарх был вынужден уехать из Иерусалима. В 1917 г. был депортирован также и Латинский патриарх. К 1917 г. гуманитарную помощь в городе оказывали главным образом американцы, которые получали её из США и раздавали бесплатный суп около 2000 человекам ежедневно.

Относительно менее других пострадала Кустодия Святого Гроба. Причиненный ей ущерб был оценен британской администрацией в 10.000 фунтов стерлингов. Оба монастыря (женский и мужской) сохранились, хотя их подвалы и отчасти мастерские были ограблены, а бельё и столовое серебро было похищено. На протяжении всех лет войны они раздавали бесплатный суп нуждающимся и поддерживали армяно-католиков и абиссинцев. После установление Британского мандата с новой остротой встал вопрос о том, какая католическая держава будет доминировать в святых местах. С 1918 г. кустосом стал итальянец, Фердинандо Диоталлеви. Французский протекторат был официально упразднен 28 статьей Лозаннского договора 1923 г. и 8 статьей Мандата в Палестине. В 1924 г. Ватикан и французское правительство достигли договоренности о взаимном предоставлении возможности служить литургию на святых местах.

Другой вопрос, с которым столкнулись католики, был сионизм; наиболее вовлеченными в дискуссии были Ватикан и Латинский патриархат. Вместе с тем, опасения перед лицом еврейской иммиграции консолидировали арабов христиан разных конфессий и мусульман и способствовали выработке палестинской национальной идентичности. Арабы-христиане,

как из Палестины, так и представители различных арабских организаций, рассеянных по всему миру, неоднократно обращались как к британским властям, так и к Папе Римскому с просьбой противостоять сионизму.

Религиозный момент в 1920-е гг. оставался первостепенно важным: апеллируя к различным христианским правительствам, арабы подчеркивали, что Палестина — это земля, по которой ходил Христос, и потому она не может стать уделом сионистов. К 1930-м гг., однако, как отмечает Р. Мацца, в арабских национальных обществах мусульмане берут верх над христианами, и арабское движение идентифицируется с исламом. Подводя итоги своего исследования, Мацца отмечает два главных момента.

Во-первых, до Первой мировой войны христианские Церкви боролись между собой за преобладание в святых местах, а во время войны сосредоточились на защите своей паствы и собственности.

Во-вторых, война принесла существенные изменения в жизнь арабского населения: теперь образуются мусульманско-христианские организации, в которых со временем мусульманские нотабли становятся главными носителями знамени палестинского национализма.

Арабское национальное возрождение и арабы-христиане Палестины в XX в.

Вопрос об арабском национализме, его формировании и дальнейшем развитии в XX в. является центральной темой всех исследований по истории Британского мандата. Эта проблема разрабатывалась в теоретических сравнительно-исторических и антропологических исследованиях, исследовалась неоднократно и становилась полем для ожесточенной полемики. Здесь можно выделить несколько аспектов: 1) борьба арабов (христиан и мусульман) против сионизма; 2) попытки арабов оказать давление на британскую администрацию в пользу осуществления своих целей — создания независимого арабского государства; 3) традиционная борьба православных арабов против греков Иерусалимской Патриархии за арабизацию Церкви.

Первая сводная история арабского национального возрождения была издана еще в 1938 г. Георгием Антониусом.[5] Антониус, православный араб, получивший образование в британском Колледже Виктории в Александрии, в конце 1920-х годов возглавлял отдел образования в британской колониальной администрации. Его главный тезис о том, что ведущая роль в арабском национальном возрождении принадлежит христианам, был подвергнут критике в течение последних десятилетий. Таки авторы, как Эрнест Даун и Рашид Халиди, напротив, связывают развитие арабского национализма с исламским возрождением, хотя и не отрицают участие христиан в этом процессе.[6]

Классической в послевоенный период стала книга Дж.Хуревича, систематически изложившего историю арабо-еврейского конфликта.[7] В 1950-е годы британский историк и социолог Эли Кедури впервые выступил против общепринятой в то время на Западе концепции Chatham House.[8] Уже в своей диссертации, которая была впервые издана в 1956 г., Кедури обвиняет британскую политику 1930-х гг. в поощрении арабского национализма и исламизма, что, в частности, привело к резне ассирийцев в Ираке в 1933 г. Исходя из идей нации Эрнеста Гелнера, Кедури считал, что импортирование западных понятий нации и национализма привело Ближний Восток к трагическим событиям взаимной ненависти в XX в.[9] Оппонентом Кедури выступил Абдул Латиф Тибави, специалист по истории арабов и британской политике в Палестине.[10] Тибави, подобно Антониусу, стоял во главе образования в британской администрации до 1948 г.; позднее был профессором в Лондоне. Согласно статистическим данным, пишет Тибави, накануне установления мандата население Палестины составляло около 700.000 человек (4/5 мусульман, 1/10 христиан и 1/10 евреев). В 1948 г. арабское население составляло 1.300.000 человек, еврейское — более 600.000. Арабское население категорически отвергло навязанную ему британской администрацией идею еврейского национального дома в Палестине и требовали независимого государства, что привело к постоянной борьбе и серии восстаний. Британские власти взяли на себя невыполнимую задачу: примирить арабскую и еврейскую национально-политические амбиции.[11] Фундаментальная монография И. Пораха, детально излагающая историю борьбы арабов в 1920–1930-е гг., в целом следует традиционной идеологии мандата. [12]

Авторы последнего десятилетия, опубликовавшие фундаментальные монографии по теме противостояния арабов и евреев в межвоенный период, стремятся преодолеть идеологические клише своих предшественников и представить более объективную картину событий. Попытку поставить точку в дебатах по поводу идентичности христиан-арабов в Палестине XX в. и их места относительно арабов-мусульман и евреев сделал в своей диссертации С. Францман.[13] В 2011 г. опубликована монография Лауры Робсон, которая поставила центром своей концепции термин «сектарианизм».[14] Декларация Бальфура, утверждает автор, послужила катализатором для политической борьбы арабов, т.к. она дала надежду сионизму, но при этом британцы игнорировали десятилетия реформ, проводившихся в течение XIX в. в Османской империи. Англичане прибыли в Палестину со своим опытом колониального управления в Индии: они бережно относились к существующим религиозным группам и организациям. Для них было неожиданностью то, что арабы-мусульмане и арабы-христиане готовы объединиться в своей борьбе. Арабы-мусульмане, в отличие от османского периода, стали в глазах британцев также миллетом. Теперь

колониальная администрация управляла различными официально признанными ею группами населения. На практике британцы применяли уже отработанную систему колониального управления: сохраняя существующие социальные и религиозные институты, они играли роль покровителей и буфера между ними.

Эти идеи получили дальнейшее развитие в книге Ноах Хайдук-Дале.[15] Страх перед сионизмом объединил арабов христиан и мусульман. Поскольку мандат был заявлен как временное управление, которое должно было подготовить страну к самостоятельной жизни, целью арабов было убедить британские власти в том, что арабский единый фронт способен создать свое государство и управлять им. Христиане скорее, чем мусульмане, были готовы пожертвовать своей религиозной идентичностью ради этой цели. Ключевой фигурой в арабском национальном возрождении был Халиль Аль Сакакини (1878–1953) — журналист, поэт, педагог. В 1908 г. он основал Арабский православный совет. Сакакини вдохновлялся примером Антиохийской Патриархии, которая стала арабской с 1899 г., а также славянских Болгарской и Сербской Церквей, которые обрели независимость с помощью России в 1870-е гг. Его старшим товарищем был Иса Дауд Аль Иса, который в 1911–1914 гг. издавал газету «Филастин», главный орган борьбы православных арабов против греческой Иерусалимской Патриархии.[16]

Термин «палестинцы» стал предметом отдельного диссертационного исследования Захарии Фостера, который рассматривает его появление и развитие в свете теории конструктивизма Бенедикта Андерсона.[17] Автор связывает употребление слова «филастин» с развитием массового паломничества и туристических поездок в регион после установления дипломатического присутствия ведущих держав в 1840–1850-х гг. и особенно после установления регулярного транспортного сообщения, которое обеспечило массовый приток посетителей в Святую Землю в 1870-х гг. Хронологически первым, кто ввел термин «палестинцы», по мнению автора, был британский консул в Иерусалим Дж. Финн; из немцев его употреблял Людвиг Шнеллер, сын протестантских миссионеров, автор труда по антропологии Палестины в 1889 г. Два других источника вышли из-под пера американцев (Джеймс Уэллс и Аделла Орпен) и также датируются концом XIX в. Из русской литературы Фостер ссылается на труд А.А. Олесницкого «Описание Святой Земли» (1875), с которым он ознакомился в арабском переводе Халиля Байдаса (1898). Правда, Фостер оговаривается, что слово «палестинец» употреблялось как самоидентификация уже с X в., но определенно утверждает, что широкое распространение оно получило не ранее начала XX в.: тогда появилось употребление прилагательного «палестинский», или «филистимский». С Запада в это время термин перешел на Восток, в арабоязычную литературу.

Многие арабы-христиане в XX в. были активными деятелями национального и коммунистического движения. Среди них были лидеры первого арабского рабочего движения 1920-х и 1930-х, а также Лиги национального освобождения в 1943–1948 гг.[18] Несмотря на то, что среди коммунистов Палестины много англикан и выпускников британских школ, существует мнение, что большинство коммунистов было всё-таки православными, что объясняется давними связями с Россией — некогда царской, а теперь коммунистической.[19]

Христианские школы и арабское национальное возрождение

Христианские школы играли важнейшую роль в формировании арабского национального самосознания. Расцвет миссионерских школ пришелся на середину-вторую половину XIX в.[20] В позднеосманский период в Сиро-Палестинском регионе функционировало около 500 французских католических школ (около 60.000 учеников), 675 американских и 178 британских (протестантских). Наряду с ними было открыто 114 русских школ (15.000 учеников), в которых преподавание велось на арабском языке. Высшее образование арабы могли получить в Американском университете и католическом университете Св. Иосифа в Бейруте.[21]

Преследуя свои колониальные интересы, западные державы создавали школы (французские католические и английские и американские протестантские) с целью воспитания «клиентелы» — местного населения, расположенного к политике соответствующей державы-покровительницы. Однако со временем именно эти школы стали очагами пробуждения национального самосознания, а их выпускники — деятелями национального антиколониального возрождения, направленного на создание независимых государств. Это поняли уже идеологи образования во время Третьей республики во Франции: они считали слишком дорогостоящим и опасным предоставлять населению в колониях доступ к демократическим идеям.[22] Отсюда происходят характерные для идеологии европейских держав двойные стандарты: с одной стороны, населению колоний, или бывших колоний, внушаются идеи независимости, самоопределения и самоуправления, а с другой, — продолжается насаждение традиционных теорий «цивилизаторской» роли более развитых государств в отношении других, на их взгляд, отсталых и находящихся на средневековом уровне.

Католическое образование в Палестине держалось на трёх столпах: школы Латинского патриархата, францисканские школы Terra Sancta, и школы различных орденов. Подобно англиканам, католики также создали разновидность теологии освобождения в Святой Земле, самым видным представителем которой стал Илия Шакур, греко-католический

архиепископ Галилеи (род. в 1839 г.) Католические учреждения в XX в. также пережили процесс арабизации: первым арабом Латинским патриархом Иерусалима стал Михаил Саббах (в 1987 г.) Самым ярким примером национального католического учреждения является орден Сестер Розарии (основан в 1880 г.), который уже с XIX в. состоял из арабок; под руководством сестёр ордена функционирует целая система девических школ.

Организация европейцами школьного дела привела к появлению класса арабской интеллигенции, которая создала арабскую литературу и публицистику Нового времени. В конце XIX — начале XX вв. получает развитие арабская национальная литература, которая получила сильный толчок в результате переводов на арабский язык произведений классической европейской литературы.[23] Особое место здесь занимали переводы на арабский язык произведений русской литературы, сделанные выпускниками русских школ. Такие арабские интеллектуалы, как Халиль Байдас, Салим Кубаин, Михаил Наими переводили на арабский язык Толстого, Пушкина, Достоевского, Гоголя, также издавали литературно-общественные журналы. Расположение к России сохранялось у арабов — выпускников русских школ и после революции. Халиль Байдас публикует переводы Максима Горького и биографию Карла Маркса.

Власти мандата объявили три государственных языка: английский, арабский и иврит; каждая община имела право продолжать держать свои школы. В 1920–1930-е гг. британцы комбинировали две системы образования: свою собственную и османскую. Большое развитие получили арабские мусульманские и еврейские школы. В государственных школах турецкий язык был заменен арабским; английский изучался как иностранный, и только в городах. За исключением русских школ, все остальные европейские христианские образовательные учреждения вновь открылись после Первой мировой войны. Государственная система образования получала финансовую поддержку от администрации мандата: уже бюджет военной администрации 1919–20 гг. на образование составлял 53.000 фунтов.[24]

Уже с конца XIX в. археология и исторические исследования в Османской империи стали инструментом «культурной дипломатии», а подчас использовались державами и как инструмент «мягкой силы».[25] Святая Земля не избежала этой судьбы. Британские власти, после своего входа в Иерусалим в 1917 г., продолжили эту традицию: археология и изучение истории были не последним пунктом в их программе.[26] Исследование Сары Ирвинг показало, что англичане привлекали местных палестинцев к работе археологических учреждений независимо от их вероисповедания; принадлежность к христианству могла быть преимуществом только в том смысле, что эти люди были выпускниками миссионерских школ. Руководящие должности в научных учреждениях британцы оставляли для себя, и их научная работа, помимо её значения eo ipso, играла роль пропаганды британского культурного и образовательного влияния.

Иерусалимский Патриархат

Положение Иерусалимского Патриархата в последние десятилетия Османского государства и в период Британского мандата неоднократно становилась предметом исследования.[27] По справедливому наблюдению К. Папастатиса, история греческого Иерусалимского Патриархата в период 1856–1914 гг. была сосредоточена вокруг трёх основных вопросов: борьба с католичеством, лояльность к османской власти и греческий национализм.[28] Иерусалимский Патриархат в конце XIX–XX вв. по традиции продолжал противостояние католической пропаганде и деятельности поддерживающих её держав, которые стремились к изменению status quo в святых местах.[29] Труды таких признанных историков Иерусалимской церкви, как Каллист Милиарас, Хризостом Пападопулос, Тимофей Темелис исполнены стереотипов и рассматривают Латинскую церковь в святых местах исключительно как враждебную организацию.[30] По сути, эти церковные авторы воспроизводят традиционную для Восточной Церкви дихотомию Восток-Запад, развенчивая Крестовые походы и выступая защитниками «страдающего» угнетенного Православия.[31] Лояльность османской власти была заложена в самом статусе Патриархии: члены Святогробского братства и сам Патриарх, будучи османскими подданными, должны были подчиняться султанской власти. Вместе с тем, вся земля в империи принадлежала султану, в том числе и Патриархат. Во второй половине XIX в. стремительное развитие получает явление «греческого православия»: греки считали себя богоизбранным народом и отождествляли свою национальность с Православием. Этот тип национализма в данный период не был направлен против лояльности султану, но имел скорее историко-культурный характер и связывался с преобладанием греков в православном миллете, а сама система монастыря Святогробского братства представлялась вечной и незыблемой институцией.[32] Такая позиция в эпоху национализма не могла не привести к обострению противоречий между Святогробским братством и местными арабами-христианами.[33] Арабы стремились к замещению греков в руководящих местах Святогробского братства и получению доступа к патриаршей казне. Бурные события 1908–1910 гг. были использованы арабами для реформирования Патриархата по образцу Антиохийского. Однако османские власти все же склонялись на сторону традиционно-стабильного греческого духовенства против беспокойного арабского национализма. Изменения в пользу арабов, предписанные турецким правительством в 1910 г., никогда не применялись на практике, так как рассматривались греческим духовенством как первый шаг в сторону арабизации Патриархата и дальнейшему вытеснению греков с лидирующих позиций в Православии.[34]

Особое место в этом клубке противоречий занимал русский фактор. Россия выступала защитницей Православия и сторонницей сохранения

status quo. Вместе с тем после провозглашения болгарской схизмы в 1872 г. русская политика и присутствие в Святой Земле воспринимались как угроза эллинизму, и само понятие status quo в русском варианте вызывало у греков сопротивление, как потенциальный путь к де-эллинизации Патриархата.[35] Некоторые современные исследователи продолжают повторять старый тезис о том, что греко-арабское противостояние в Иерусалимском Патриархате является продуктом русской политики. Более внимательное исследование источников, однако, показывает несправедливость подобного заявления: отношения России с разными Патриархами были различны. Хорошо известны взаимные симпатии Патриарха Кирилла II с русскими церковными и дипломатическими представителями; близок к России был Патриарх Никодим; в период кризиса начала XX в. Россия поддержала низложенного Святогробским братством Патриарха Дамиана.

Другой заинтересованной стороной конфликтов была Константинопольская Патриархия, которая неизменно боролась за подчинение Иерусалимского Патриархата. По сути это была борьба за доходы Иерусалимского Патриархата, и новый устав 1875 г. был нацелен как раз на защиту Святогробского братства от притязаний из Константинополя. Говоря о двойственной политике Иерусалимского Патриархата в отношении России, К. Папастатис делает упор на стремлении Патриарха, с одной стороны, сохранить дружеские отношения с Россией как покровительницей Православия, а, с другой — Патриархат стремился оградить себя от подчинения русским политическим интересам. Автор не отмечает, однако, главный стимул, который руководил всеми Иерусалимскими Патриархами в отношении России — их желание во что бы то ни стало сохранить доходы из России, получаемые через подворья, в виде разнообразных пожертвований и от паломников.

Для того чтобы оградить себя от давления со стороны России, а также от католической пропаганды, Патриарх Дамиан (1897–1931) постепенно, по сути заключил союз с великобританским и германским консулами, несмотря на то, что англиканская и другие протестантские пропаганды действовали в ущерб его православной пастве.[36] Из этих же соображений Дамиан был предельно острожным в отношении османских властей, которые были ему необходимы как гарант неприкосновенности Патриархии и существующего порядка.

В годы Первой мировой войны Иерусалимская Патриархия пережила жестокий финансовый кризис: причиной было, в первую очередь, прекращение доходов, получаемых из России (более 60% общего дохода Патриархии до Первой мировой войны). К 1918 г. долг Патриархии оценивался более 600.000 фунтов стерлингов.[37] Выйти из кризиса она смогла в период Британского мандата, благодаря поддержке Греческого государства и состоятельных греков диаспоры. Установление Британского мандата

Святогробское братство воспринимало как «Божью милость». Во-первых, после Первой мировой войны прекратилось давление со стороны французской политики и ослабло её влияние на Кустодию Святого Гроба — главный центр католического присутствия в Иерусалиме. Опасность установления французского господства в Святой Земле была, таким образом, преодолена.[38] Во-вторых, теперь Патриархат мог более не опасаться давления со стороны России. Перспектива интернационализации Палестины согласно проекту Сайкса-Пико мало устраивала Иерусалимскую Патриархию: в таком случае французское влияние оставалось бы по-прежнему сильным. В сложившейся обстановке Великобритания представлялась идеальной покровительницей Православия. Приняв полностью британское управление, Патриарх Дамиан должен был скорректировать своё отношение к сионизму: если до войны его позиция была скорее антисемитской, то теперь поддержка сионизма могла сыграть на руку в борьбе с арабским национализмом.[39] Уже в начале 1919 г. Патриарх тайно заключил сделку о продаже больших участков земли сионисткой Компании Земельного развития.[40]

В период мандата меняется националистический дискурс святогробских монахов. Теперь он базируется не на культурном основании, но на этническом: они выступают как представители идеологии Греческого государства. Афины, как и ранее, были национальным центром и покровителем Братства, что, однако, вовсе не означало подчинение Патриархата греческому МИД. Впрочем, эти отношения были всего лишь сторонами одной медали, учитывая то, что греческое правительство целиком зависело от Великобритании. Иерусалимский Патриархат не принимал участия ни в одной из конференций в течении и по итогам Первой мировой войны. В 1920 г. Ллойд Джордж открыто заявил о том, что следует позаботиться о покровительстве над Православием в Палестине в свете падения царского режима в России. Таким образом, Великобритания не замедлила заявить свои претензии занять место России в отношении Патриархата. Действительно, в комиссии, образованной после установления мандата в 1922 г., предусматривалось равное число католиков и православных и отрицалась возможность изменения status quo. Патриархия, получив гарантии от британских властей против претензий Ватикана, теперь должна была во всем следовать их рекомендациям. В итоге своего исследования К. Папастатис приходит к выводу, что ядром политики Патриархата в позднеосманский период и в период мандата является греческий национализм. В своей борьбе против католиков и арабской партии патриархат предпочитает сотрудничество с властями — османскими и администрацией мандата. Эта политика была успешной, о чём можно судить по тому, что Патриархия не только преодолела финансовый кризис, но и не утратила своего греческого характера.

Противостояние православных греков и арабов в Иерусалимском Патриархате было для англичан неожиданностью. Детальное исследование вопроса было сделано в двух изложениях комиссии, назначенной властями мандата.[41] Англичане не были заинтересованы в продолжении вражды. Поначалу они поддерживали требования арабов о замещении епископских кафедр, включении их в состав смешанного совета при Патриархии и расширении прав в Церкви. Однако уже к 1922 г. становится ясно, что британская администрация была склонна ограничить арабов. А. Бертрам не видел выдающейся образованной личности среди их духовенства, который бы мог занять патриарший престол. Вместе с тем, здесь могли сыграть свою роль опасения иностранного вмешательства (Франции и потенциально России, давнишних покровителей христианства на Ближнем Востоке); Греция же уже с середины XIX в. была верной союзницей Великобритании.[42]

Арабское православное движение после Первой мировой войны, лишённое поддержки со стороны царской России, было обречено на провал. Его главам оставалось только продавать по частям земли евреям, что воспринималось их же собратьями как предательство; тема продажи земельных участков стала главной на Арабском Православном конгрессе 1923 г. На этом конгрессе были впервые сформулированы требования православных арабов и их заявка на «историческое право» на главенство в Иерусалимской Патриархии. В своих обвинениях против греков Патриархии главы православных арабов, выступавшие на конгрессе, объединяли их в одно целое с лидерами сионизма и британской администрацией.[43] Неудивительно, что без поддержки со стороны властей мандата после смерти Патриарха Дамиана в 1931 г. арабам не удалось добиться поставления Патриарха-араба. Новым главой Иерусалимского Патриархата после долгих дебатов и поисков компромисса снова стал грек, Тимофей Темелис. Из-за сильной арабской оппозиции Тимофей получил свой берат только в 1939 г., когда арабское православное национальное движение было уже значительно ослаблено. В 1930-е гг. церковная составляющая движения уступает место светскому направлению, в восстаниях 1936 и 1939 г. православный пафос не был на первом месте. Поражение в великом восстании 1939 г. было решающим и для арабского православного движения. Третий Православный конгресс в 1944 г. по-прежнему возлагал надежду на британскую администрацию, хотя и высказывал сомнения в возможности поддержки с её стороны. После Второй мировой войны национальный дискурс окончательно вытеснил церковный. Главные деятели арабского православного возрождения уехали из страны и умерли в эмиграции (Аль-Сакакини в Каире, Байдас и Аль-Иса в Бейруте).

Имущества христианских Церквей в Святой Земле

Целая серия статей иерусалимских историков (Р. Карк, И. Катца, С. Францмана и других) посвящена вопросам имущественных владений различных христианских конфессий в Святой Земле. В течение многих десятилетий западные державы, частные лица и организации вкладывали средства в Палестину, в её религиозные и общественные институции. По наблюдениям Ч. Иссави, накануне Первой мировой войны эта сумма составляла около 400.000 фунтов стерлингов. Заметим от себя, что точный подсчет денег невозможен, так как многие приношения производились без всякой отчетности и документации. Католики занимались приобретением участков земли в Палестине в течение нескольких столетий. В 1887 г., согласно сведениям, посланным немецкому канцлеру, собственность германской евангелической общины в Иерусалиме, Бейт Джале и Вифлееме составляла полтора миллиона франков. Англиканская Церковь, в частности епископ Блит, также владела имуществами. Однако наибольшие угодья принадлежали Иерусалимскому Патриархату. Греко-православная община на 1922 г. составляла 33.369 человек (46% христиан) при общей численности населения Палестины в 757.182 человека. В 1921 г. Патриархия владела 631 участками на территории Британского мандата; площадь 176 участков составляла 36.779 дуннамов (1 дуннам=1000 кв. м).

Имущества Иерусалимского Патриархата

И. Катц и Р. Карк рассмотрели приобретение земельных участков греческим патриархатом в течение XIX в. в сравнении с параллельным процессом со стороны России.[44] При всем сходстве задач, они отмечают существенную разницу в условиях и обстоятельствах этого процесса, а также соперничество между русскими и греческими учреждениями и их представителями.

В османский период земли в Палестине приобретали члены Святогробского братства, выходцы с островов Эгейского моря. Будучи османскими подданными, они имели право на покупку недвижимости, которого до 1867 г. были лишены иностранцы. Вместе с тем до 1913 г. учреждениям было запрещено регистрировать земельную собственность, что создавало определенную трудность. Близость греческого духовного центра к султанскому престолу в Константинополе, а также давление русской дипломатии способствовали тому, что в 1757 г. был закреплен status quo, по которому, в частности, храм Богородицы в Кедронском ущелье был изъят у францисканцев и передана православным. В первой половине XIX в. Россия финансировала приобретение участков греками. Так, на деньги, пожертвованные из России

начиная с 1848 г. секретарь Патриархата Никифор Петарас приобретал участки в Иерусалиме, Вифлееме, Бейт-Джале, Иерихоне; в Иерусалиме его владение и впоследствии носило название «Никифория». С помощью греческих монахов и наемной рабочей силы он засадил их деревьями для производства оливкового масла и шелка. После его смерти эти участки отошли к Патриархии. Авторы статьи оспаривают мнение британского консула Дж. Финна, который в своих донесениях называл Никифора русским агентом и считал, что целью русско-греческих инициатив было окружить Иерусалим кольцом из земельных владений. Начиная с 1851 г. Патриархия начала приобретать земли за пределами Иерусалима, например у колодца Иакова в Наблусе и на побережье между Акрой и Яффой. В 1870-е гг. продолжались приобретения участков в Иерусалиме (строительство крытого рынка, гостиницы, участок Акелдама, на котором был построен монастырь и др.) Пик покупок пришелся на период 1890–1914 гг., когда Патриархия купила 18 кв. км в Ел Бурейдж, около Бейт Шемеш; этот участок был оформлен на имя монаха Прокопия. Патриарх Дамиан (1897–1931) продолжил покупку участков, которые оформлял на свое имя. Некоторые из них располагались в отдаленных местах посреди мусульманского населения. Так был приобретен монастырь св. Феодосия (Абидия), земли в Кесарии. Другие, напротив, находились по соседству с владениями францисканцев (монастыри св. Сиона и св. Стефана). Приобретая участки в исторически важных для христианства местах Палестины, Патриархия одновременно противостояла католическим миссионерам, которые уже имели там свои монастыри. Для многих из 83 школ Патриархата, которые существовали накануне Первой мировой войны, также были приобретены участки земли. Кроме вышеупомянутой Никифории, были и другие объекты собственности, которые приобретались греческими священниками в частное владение и позднее перешли к патриархату (сад Анфима в Иерусалиме (1863), сад Агапия в Акре (в XIX в.) и участок к югу от Акры (1920-е). Участки покупали и монахи, имена которых закрепились за этими владениями (например, сад Викентия и земля Хрисанфа в черте Иерусалима). Викентий использовал собственность для своих личных нужд и проживал там длительные периоды в 1920–1940-х гг. Авторы подчеркивают, что святогробские монахи, в том числе проживавшие в монастырях за пределами Иерусалима, получили возможность приобретать участки не в последнюю очередь, благодаря пожертвованиям русских паломников, которые посещали святые места и оставляли пожертвования. Согласно нормам канонического права, имущество монахов после их смерти переходило к Церкви. Что касается белых священников, вопрос оставался дискуссионным, что вызывало судебные тяжбы между наследниками и Патриархией.

В итоге исследователи приходят к выводу, что русские владельцы недвижимости в Палестине находились в невыгодном положении по сравнению

с греческими собственниками. Во-первых, Россия поздно вступила в процесс приобретения собственности и не имела многовековой традиции присутствия в Святой Земле. Во-вторых, Святогробское братство пользовалось правами османских подданных, в то время как русские были ограничены запретами для иностранцев. Если греки извлекали прибыль из разведенных на участках садов и получали доход от паломников в монастырях, то Россия, напротив, вкладывала деньги в поддержку паломничества и школ, а также в непосредственное финансирование греческой Церкви. Неудивительно, что с русской революцией 1917 г. прекратился и процесс приобретения недвижимости Патриархией.

Католики и их имущества в Святой Земле.

Впервые к истории собственности католиков в Святой Земле обратился известный историк католического присутствия на Ближнем Востоке Пьер Медебиелль.[45] В последнее десятилетие эта тема вновь привлекла внимание исследователей.[46] Приобретение недвижимости было важнейшим аспектом укрепления политического влияния. Земли покупались католиками (ордена Францисканцев, Кармелитов, Салесиан, Св. Иосифа, Сестер и Братьев Сиона) как в старом Иерусалиме, так и за его пределами, в прилегающих деревнях, в других местах св. Земли (Фавор, Хайфа, Кармил). До 1900 в Святой Земле действовали более 20 орденов. Некоторые выполняли конкретные функции: например, францисканцы ведали святыми местами; братья La Salle и сестры Розарии занимались образованием и воспитанием; трапписты и салезианцы — сельским хозяйством.

В период Британского мандата католики составляли 39% христианского населения Святой Земли; их численность колебалась от 28412 (в 1922 г.) до 35472 (в 1931 г.) Традиционно главным собственником земли была Кустодия Святой Земли, однако были и другие категории владельцев, которые приобретали недвижимость: Латинский патриархат с его системой приходских храмов и школ; другие католические деноминации, среди которых первое место занимают греко-католики; различные мужские и женские ордена и их учреждения; иностранные государства. В отличие от греческого Православного Патриархата, католики, как правило, не вкладывали средства в коммерческую недвижимость. После формальной отмены миллетов в 1914 г., во время Британского мандата католики оставались одной из признанных Церквей, которые пользовались некоторыми правами, в частности, имели собственное судопроизводство.

За пределами Иерусалима францисканцам принадлежали участки в Рамле (дом Иосифа), Айн Кареме (Иоанн Креститель), Гефсимании, на Фаворе, на Галилейском озере, Бет Сахур (поля пастушков) и в Вифлееме. Иногда

между покупкой участка и датой строительства могло пройти не одно столетие. Так, например, в Кафр Кане участок был куплен в 1641 г., а храм был построен в 1881 г. Кустодия продолжала приобретать собственность в течение XIX столетия, в целом придерживаясь прежних мест, связанных с паломническими маршрутами. Так, в 1875 и 1895 гг. ею были куплены два участка по Via Dolorosa. В 1880-е годы на пожертвование австрийского императора был куплен участок, примыкающий к Вифлеемской базилике, на нем был построен храм св. Екатерины.

Увеличение площади католической собственности в XIX в. происходило параллельно с поддержкой со стороны держав-покровительниц. Первое место среди них занимала Франция.[47] Она неизменно играла роль покровительницы католиков в Святой Земле, даже в периоды революционных и антицерковных правительств. Крупные покупки были сделаны во время Крымской войны, когда Османская империя, в благодарность за помощь, предоставила французскому правительству развалины храма св. Анны у Львиных ворот в Иерусалиме. За этим последовали руины монастыря Pater Noster на Елеонской горе и другие приобретения (гостиница для паломников Notre Dame, в которой могли одновременно остановиться 600 человек, больница св. Людовика, храм Галликанте).

Австрия отставала от Франции, Италии и Германии, но в 1855 г., под давлением францисканцев, которые опасались Латинского патриархата, приобрела участок на улице Эль Вад в старом городе. В 1869 г. австрийский консул в Иерусалиме, мальтийский рыцарь граф Каборга Черва приобрёл землю в Тантуре, между Иерусалимом и Вифлеемом, где была построена гостиница, а ныне располагается Тантурский экуменический институт. Австрийцы владели ещё двумя участками, в Назарете и Газе.

Если французы сначала вступали в сделку с османским правительством, а затем переводили права собственности на себя, то германские католики действовали через Deutsche Verein vom Heilige Land — организацию, которая образовалась из двух других католических групп. Поначалу она подчиняла Латинскому патриарху, а затем Кельнскому архиепископу. В Святой Земле действовали два немецких ордена — Борромейские сестры (с 1886) и братья лазаристы (с 1904), которые представляли интересы Германии в Палестине. Несколько покупок было совершено немцами-частными лицами (монастырь Эммаус со школой для мальчиков; школа для девочек Талифа Куми; школа Шмидта у Дамасских ворот). Но наиболее значительным было дарение султаном Сионской горы после визита германского императора Вильгельма II в 1898 г., где было основано бенедиктинское Успенское аббатство.

Италия была представлена различными мужскими и женскими конгрегациями; в целом они действовали через салезианцев и Национальное миссионерское общество помощи. Итальянцы построили больницу

в Иерусалиме (по проекту Барлуцци, 1910–1920), в Хайфе, школу в Иерусалиме. Итальянская экспансия в межвоенный период пришла на смену французской и была связана с заграничными проектами Муссолини. В период мандата доминирующее положение вместо францисканцев и ассомпционистов, которые находились под французским покровительством, занимают салезианцы, поддерживаемые Италией. В период Британского мандата большинство католических храмов было построено итальянским архитектором Антонио Барлуцци (напр., храм на Горе Блаженств в 1937 г.)

Испания играла сравнительно скромную роль — ей принадлежал монастырь в Яффе. Хотя режим Франко и проявлял интерес к Ближнему Востоку и Святой Земле, но никаких капиталовложений не делал.

Англиканская Церковь в Святой Земле

Истории британского присутствия и миссионерских учреждений в Святой Земле в XIX столетии посвящены многочисленные исследования.[48]

Последний англиканский епископ в Святой Земле перед Первой мировой войной Фрэнсис Пофам Блит (1887–1914) последовательно отстаивал идеи британского культурного, религиозного и, соответственно, политического влияния в Палестине. При нём было построено подворье св. Георгия с школой и гостиницей. До 1914 г. наибольших успехов англиканская пропаганда достигла в обращении арабов в англиканство: большинство арабов-англикан происходило из православной паствы Иерусалимского Патриархата, и не было секретом, что к такому шагу их приводила крайняя бедность и социальная незащищенность. В отличие от католиков, англикане, наряду с другими протестантами, не были признаны отдельным миллетом, но подлежали османскому закону об обществах. Число англикан в период Британского мандата колебалось между 4553 и 4799, среди которых арабов-англикан возросло от 1279 до1843 человек.

В 1920–1930-е гг., в отличие от османского времени, Англиканская Церковь не стремилась к увеличению своей паствы, но сосредоточилась на организационных и финансовых вопросах внутри сообщества. Более того, власти Британского мандата поставили прозелитизм в строгие рамки.[49] Епископы, командированные в Святую Землю в период мандата (Маккинс и Грэхэм Браун, 1932–1943) поддерживали арабов против продолжающейся еврейской эмиграции и сионизма. Усиление политизации англикано-арабской общины совпадает с растущей арабизацией Англиканской Церкви Палестины в период мандата.[50] Если ещё в 1920-е гг. раздавались голоса в пользу деполитизации и денационализации протестантских общин (сэр Рональд Сторрс, губернатор Иерусалима

в 1920–26 гг.), то к 1947 г. эти тенденции сходят на нет. Ученики-арабы из англиканских школ всё больше оказываются втянутыми в деятельность антисионистских арабских националистических и коммунистических организаций. Уже на первых арабских конгрессах (1919–1922 г.) присутствует ряд арабов-англикан. На третьем конгрессе они составляют 30% делегатов-христиан. Эта цифра тем более значительна на фоне того, что англикане составляли всего 2,5% христианского населения Палестины. Антисионистская направленность может объясняться разочарованием в миссии среди евреев. Отчёты миссионерского общества Esco 1947 г. также свидетельствуют о преданности англиканских миссионеров арабам. В это время начинается деятельность арабских феминистских организаций, поначалу также связанная с англиканскими миссионерами. Среди выдающихся коммунистов 1940-х гг. были выпускники школы Гобата (Эмиль Тума, Тевфик Туби). Один из лидеров компартии Эмиль Табиби был также протестантом, равно как и Наджиб Нассар, издатель «Эль-Кармил» в Хайфе.

Вместе с тем, в период мандата, в отличие от предшествовавшей османской эпохи, число обращенных в протестантизм и в частности в англиканство, было ничтожным. Англикане, как и в османский период, не были законно признанной общиной. Несмотря на то, что для колониального управления Палестиной в страну прибыли тысячи британцев, статус англикан оставался даже ниже, чем других христианских Церквей. Таким образом, при поощрении со стороны епископов-англикан, англиканская община Палестины к 1947 г. оказалась наиболее арабизированной — более, чем православная или латинско-католическая.

Эта тенденция продолжилась после 1948 г.[51] Англиканам пришлось покинуть учреждения при храме св. Павла в Западном Иерусалиме; в 1950 г. средняя школа св. Луки была занята израильской администрацией. В Назарете действовал детский сиротский приют во главе с Хелен Вилькинсон. В 1950–1970-е гг. англикане-арабы продолжали действовать как активисты коммунистического и рабочего движения, в борьбе за права арабского населения Палестины. Большая часть недвижимой собственности англиканских учреждений в это время перешла к государству Израиль. При этом государство не делало различия между местной англиканской общиной и Церковью Англии; в любом случае община по-прежнему не была официально зарегистрирована. Наконец, после смерти членов общины, на имя которых была записана собственность, возникали неясные с юридической точки зрения казусы наследства. Не могли способствовать успешному разрешению ситуации противоречия между местной арабской англиканской общиной и Церковью Англии, а также антисионистская деятельность англикан в Палестине.

Заключение

Исследования зарубежных историков последних десятилетий внесли многие коррективы в полярную картину историографии британского мандата предыдущего периода. Критике были подвергнуты основные принципы колониальной идеологии, которые лежали в основе публикаций до второй половины XX в., идеи превосходства одних государств над другими, покровительства и ответственности более развитых стран перед менее развитыми, которым только предстоял путь самостоятельного развития.

Глубокому изучению были подвергнуты национальная и религиозная идентичность палестинских арабов, их место в административной системе мандата и культурных учреждений. Отдельное внимание было уделено анализу положения Иерусалимского Патриархата и его финансов, а также греко-арабскому противостоянию. В целом современные историки стремятся быть выше национальных пристрастий и идеологического наследия прошлого. Следует заметить, однако, что многие исследования целиком построены на теории «воображаемых сообществ» и, следовательно, ограничены особенностями конструктивизма. Среди важнейших выводов, к которым пришли исследователи, был тот, что британские власти, которые принесли в Палестину принципы колониального управления, практиковавшиеся ими в Индии, не смогли разрешить ни унаследованных от османского периода религиозно-национальных противоречий, ни возникших новых противостояний.

На место борьбы арабов-христиан против греков и против мусульманской власти, на место соперничества великих держав, стремившихся к преобладанию в Сиро-Палестинском регионе, пришел конфликт арабского населения с новой еврейской иммиграцией, в котором религиозный мотив уступит место национально-политическому. В новейшей зарубежной историографии по-прежнему неисследованной остается судьба имуществ русских учреждений — ИППО и РДМ, которые стали объектом напряженных споров и судебных процессов между заинтересованными сторонами — советским правительством, Русской Православной Церковью Зарубежом, Британским правительством мандата.

[1] См., например: Pieraccini P. Gerusalemme, Luoghi Santi e Communita Religiose nella politica internazionale. Bologna, 1997; Peri O. Christianity under Islam in Jerusalem : the Question of the Holy Sites in Early Ottoman Times. Leiden, 2001; Sayegh S. Le Statu Quo des Lieux Saints. Rome, 1971

[2] Mazza R. Jerusalem. From the Ottomans to the British. London-New York: I. B. Tauris Publishers, 2009. См. также: Mazza R. Churches at War: The Impact of the First World War on the Christian Institutions of Jerusalem, 1914–1920//Middle Eastern Studies. 2009. Vol. 45. No. 2. P. 207–227.

[3] Из публикаций последних лет хорошо видно, что русские дипломаты, напротив, всячески стремились не допустить низложения Кирилла в 1872 г.: Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым 1865–1893. Изд. подг. К. Вах и О. Анисимов. М.: Индрик, 2014.

[4] Bertram A., Young J. W. A. (eds.) The Orthodox Patriarchate of Jerusalem. London: Oxford University Press, 1926; Tsimhoni D. The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem// Asian and African Studies. Vol. 112. No. 1. March 1978. P. 78–84; Roussos S.. The Greek Orthodox Patriarchate and Community of Jerusalem: Church, State and identity //A. O' Mahony (ed.). The Christian Communities of Jerusalem and the Holy Land. Cardiff: University of Wales Press, 2003; Khouty S. Khouri N. A Survey of the History of the Orthodox Church of Jerusalem. Amman: Ferah Printing Press, 2002.

[5] Antonius G. The Arab Awakening. London: H. Hamilton, 1938.

[6] Dawn C. E. The Origins of Arab nationalism//The Origins of Arab nationalism/Ed. R. Khalidi. New York: Columbia University Press, 2011; Khalidi R. Ottomanism and Arabism in Syria before 1914. A reassessment // Ibid.; Id. Palestinian Identity: The Construction of Modern National Consciousness. New York: Columbia University Press, 1997

[7] Hurewitz J.C. The Struggle for Palestine. Shocken Books, 1987 (первое издание 1950)

[8] Идеологом концепции Чатам Хаус (Британского королевского института внешней политики) был историк Арнольд Тойнби, который рассматривал историю арабов Ближнего Востока как жертв британского империализма.

[9] Kedourie E. England and the Middle East: The Vital Years 1914–1921. London, 1956; Id. Nationalism. London: Wiley Blackwell, 1993; Zionism and Arabism in Palestine and Israel/Ed. E. Kedourie, S. G. Haim. London: Routledge, 1982; Religion and Politics. The Chatham House Version and Other Middle Eastern Studies/ Ed. Elie Kedourie. Chicago: Ivan R. Dee, 2004. P. 317–342. См. также: Kitromilides P. Elie Kedourie's Contribution to the Study of Nationalism //Middle Eastern Studies. 2005. Vol. 41. No. 5. P. 661–663.

[10] Tibawi A. L. Arab Education in Mandatory Palestine. A Study of Three Decades of British Administration. London: Luzac and Company, 1956.

[11] Ibid. P. 5–17.

[12] Porath Y. The Emergence of the Palestinian Arab National Movement 1918–1929. London: Routledge, 2015 (первое издание 1974).

[13] Frantzman S. J. Identity and Inclination: The Arab Christians between Zionism and Islam. Thesis. Jerusalem, 2006.

[14] Robson L. Colonialism and Christianity in Mandate Palestine. Austin, TX: University of Texas Press, 2011

[15] Haiduc-Dale N. Arab Christians in British Mandate Palestine: Communalism and Nationalism 1917–1948. Edinburgh: University Press, 2013

[16] Bracy R. M., Printing Class: 'Isa al-'Isa, Filastin, and the Textual Construction of National Identity, 1911–1931 (Lanham, MD: University Press of America, 2010), pp. 19–40; Khalidi R., Palestinian Identity: The Construction of Modern National Consciousness (New York: Columbia University Press, 2009), pp. 35–62; Kabha M. Journalism in the Eye of the

Storm: The Palestinian Press Shapes Public Opinion 1929–1939. Jerusalem: Yad Yitzhak Ben Zvi, 2004; Robson L. Colonialism and Christianity in Mandate Palestine.

17 Foster Z. The Invention of Palestine (PhD Dissertation, Princeton University, 2017); Id. How the West Invented the Palestinians //Academia Letters, December, 2021. Article 4313.

18 Haiduc-Dale N. Arab Christians in British Mandate Palestine: Communism and Nationalism. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.

19 Mack M. Orthodox and Communist: A History of a Christian Community in Mandate Palestine and Israel //British Journal of Middle Eastern Studies. 2015. P. 1–17.

20 Frantzmann S. Education and Empowerment: Lessons and History of the Christian Education Network in Israel and Palestine//Digest of Middle East Studies. 2011. Vol. 20. No. 2. P. 186–201

21 Herzstein R. Université St. Joseph de Beyrouth. Brussels: Le Cri, 2008 ; Anderson B. S. The American University of Beirut: Arab Nationalism and Liberal Education. Austin: University of Texas Press, 2011

22 Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries/ Ed. W. Ruegg. New York: Cambridge, 2004. P. 194.

23 Hassan S. W. Immigrant Narratives: Orientalism and Cultural Translation in Arab American and Arab British Literature. Oxford: Oxford University Press, 2011; Antonius G. Arab Awakening; Patel A. The Arab Nahdah: The Making of the Intellectual and Humanistic Movement. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013.

24 Tibawi A. L. Arab Education in Mandatory Palestine. P. 25.

25 О связи археологии и политики на Ближнем Востоке см.: Bar-Yosef E. The Holy Land in English Culture 1799–1917: Palestine and the Question of Orientalism. Oxford: Clarendon Press, 2005; Celik Z. About Antiquities: Politics of Archaeology in the Ottoman Empire. Austin: University of Texas Press, 2016; Eldem E., Bahrani Z. Scramble for the Past. A Story of Archaeology in the Ottoman Empire, 1753–1914. Istanbul: SALT/Garanti Kultur, 2011

26 Irving S. Palestinian Christians in the Mandate Department of Antiquities: History and Archaeology in a Colonial Space // Sanchez Summerer K., Zananiri S. (eds.), European Cultural Diplomacy and Arab Christians in Palestine, 1918–1948. 2021. P. 161–185. Здесь же (p. 163) приводится обширная библиография об истории британских археологических школ и исследований в Св. Земле.

27 Tsimhoni D. The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem// Asian and African Studies. Vol. 112. No. 1. March 1978. P. 78–84; Roussos S. The Greek Orthodox Patriarchate and Community of Jerusalem: Church, State and identity //A. O' Mahony (ed.). The Christian Communities of Jerusalem and the Holy Land. Cardiff: University of Wales Press, 2003; Khouty S., Khouri N. A Survey of the History of the Orthodox Church of Jerusalem. Amman: Ferah Printing Press, 2002; Robson L. Colonialism and Christianity in Mandate Palestine. P. 78–100.

28 Papastathis K. The Jerusalem Orthodox Patriarchate on the Holy Places Question from the Crimean War to the British Mandate // Römische Historische Mitteilungen. 2019. Bd. 61. S. 177–191

29 Cust L. G. A. The Status Quo in the Holy Places. Jerusalem, Ariel Publishing House, 1980. 2d ed. P. ; Zander W. On the Settlements of Disputes about the Christian Holy Places // Israel Law Review. 1973. Vol. 8. P. 331–366; Pieraccini P. Gerusaleme, Luoggi Sante e

Communita Religiose nella Politica internationale. Bologna : Deboniane, 1996. P. 203–251; Tsimhoni Daphne. The British Mandate and the Arab Christians in Palestine, 1920–1925. PhD Thesis, The Hebrew University of Jerusalem, 1976; Frantzman S. The strength and the Weakness: he Arab Christians in Palestine, 1900–1948. Unpublished Thesis, Hebrew University of Jerusalem, s.a.

30 Miliaras K. The Holy Places of Jerusalem and the Rights and Privileges of the Greek Nation. Jerusalem, 1933; Themelis T. Greeks and Franciscans in the Holy Land. Athens, 1919; Papadopouos Ch. The History of the Church of Jerusalem. Alexandria, 1910.

31 Papastathis K. The First Crusade as reflected in Eastern Orthodox Historiography: A Political and Ecclesiastical Discourse Analysis//Graeco-Arabica. Ad Cretam Dedicata. Heraklion, 2011. Vol. XI. P. 381–398.

32 Papastathis K. Secularizing the Sacred: the Orthodox Church of Jerusalem as a Representative of Greek Nationalism in the Holy Land//Modern Greek Studies Yearbook. 2014/2015. 2016. P. 37–54; Papastathis K., Kark R. Colonialism and Religious Power Politics: the Question of New Regulations within the Orthodox Church of Jerusalem during the British Mandate //Middle Eastern Studies. 2014. Vol. 50. P. 589–605.

33 Vatikiotis P. J. The Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem between Hellenism and Arabism //Middle Eastern Studies. 1994. Vol. 20. P. 916–929; Roussos S. The Greek Orthodox Patriarchate and Community of Jerusalem//The Christian Heritage in the Holy Land/ Ed. by O' Mahony A., Gunner G., Hintlian G.. London, 1995. P. 211–224;

34 Hopwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914. Church and Politics in the Near East. Oxford, 1969. P. 180–207; Bertram A., Young J. W. A. The Orthodox Patriarchate of Jerusalem. Report of the Commission Appointed by the Governor of Palestine to Inquire and Report about Certain Controversies between the Orthodox Patriarchate of Jerusalem and the Arab Orthodox Community. London,. 1926. P. 318–327; Metaxakis. 1909. P. 35; Der Matossian B. The Young Turks Revolution: its Impact on Religious Politics in Jerusalem (1908–1912)//Jerusalem Quarterly. 2009–2010. Vol. 40. P. 18–33; Id. Administrating the Non-Muslims and the "Question of Jerusalem" after the Young Turk Revolution//Late Ottoman Palestine. The Period of Young Turk Rule, ed. Yuval Ben-Bassat and Eyal Ginio. New- York: I. B. Tauris, 2011.P. 211–239; Papastathis K. Kark R. Orthodox Communal Politics in Palestine after the Young Turk Revolution (1908–1910)//Jerusalem Quarterly. Vol. 56–57. P. 118–139.

35 Hopwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine; Tibawi A. L. Russian Cultural Penetration of Syria-Palestine in the Nineteenth Century. London, 1966; Carmel A. Russian Activity in Palestine in the Nineteenth Century//Vision and Conflict in the Holy Land / Cohen R. I. (ed.). Jerusalem: Yad Izahk Ben-Zvi, 1985. P. 45–77; Staurou Th. Russian Interests in Palestine: A Study of Religious and Educational Enterprise. Thessalonike: Institute for Balkan Studies, 1963. Merlo S. Travels of Russians to the Holy Land in the 19th Century//Quest: Issues in Contemporary Judaism, Journal of Fondazione CDEC. No. 6. Dec. 2013. До сих пор классическая монография Дерека Хопвуда остается для зарубежных историков основным и зачастую единственным источником сведений о русском присутствии в Святой Земле.

[36] Papastathis K. Kark R. Orthodox communal politics in Palestine after the Young Turk Revolution (1908–1910) //Jerusalem Quarterly. 2013/14. Vol. 56/57. P. 118–139

[37] Robson L. Colonialism and Christianity in Mandate Palestine. P. 78–79.

[38] Hachey T. E. The Archbishop of Canterbury's Visit to Palestine: An Issue in Anglo-Vatican Relations in 1931//Church History. 1972. Vol. 41. P. 198–207

[39] Papastathis K. The Jerusalem Orthodox Patriarchate on the Holy Places Question. P. 186.

[40] Palestine Land Development Company. Papastathis K. Church Finances in the Colonial Age: the Orthodox Patriarchate of Jerusalem under British Control, 1921–1925//Middle Eastern Studies. 2013. Vol. 49/5. P. 712–731

[41] Sir Anton Bertram and Harry Charles Luke, Report of the Commission Appointed by the Government of Palestine to Inquire into the Affairs of the Orthodox Patriarchate of Jerusalem (Oxford: Oxford University Press, 1921.

[42] Robson L. Colonialism and Christianity in Mandate Palestine P. 84–86.

[43] Robson L. Colonialism and Christianity in Mandate Palestine . P. 82.

[44] Katz I., Kark R. The Church and Landed Property: the Greek Orthodox Patriarchate of Jerusalem//Middle Eastern Studies. 2007. Vol. 43. No. 3. P. 383–408.

[45] Medebielle P., SJC. The Catholic Church in the Holy Land. Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1960.

[46] Frantzman S. J., Kark R. The Catholic Church in Palestine/Israel: Real Estate in Terra Sancta//Middle Eastern Studies. 2014. Vol. 50 No. 3. P. 370–396; Kark R. The Impact of Early German Missionary Enterprises on Landscape and Identity Formation in Palestine, 1820–1914//Islam and Christian-Muslim Relations. 2004. Vol. 15. No. 2. P. 209–235

[47] Д. Тримбур подчеркивает прямую связь деятельности католиков в Св. Земле с колониальными интересами Франции. Trimbur D. A French Presence in Jerusalem //Bulletin de centre de recherché français de Jerusalem. 1998. Vol. 3. P. 123.

[48] Sapir S. Anglican Missionary Societies //R. Kark (ed.) The Land that Became Israel. Jerusalem: The Magnes Press, 1988; Canon H. R.A. Jones. The Anglican Bishopric of Jerusalem //Wardi Ch. Christians in Israel. A Survey. Jerusalem: Ministry of Foreign Affairs, 1950; Tibawi A. L. British Interests in Palestine 1800–1901. Oxford: Oxford University Press, 1061; Geffert B. Anglican Orders and Orthodox Politics//Journal of Ecclesiastical History. 2006. Vol. 57. . P. 296–298. См. также разделы в общих работах по истории христианства в Св. Земле: Osterbye P. The Church in Israel. N.P. Gleerup, 1969; Ben-Arieh Y. Jerusalem in the XIXth Century. New York: Martins, 1986; Colbi S. A History of the Christian Presence in the Holy Land. New York: University Press, 1988; Pedersen K. The Holy Land Christians. Jerusalem: Private Publication, 2003;

[49] Tsimhoni D. Christian Communities in Jerusalem and he West Bank since 1948: An Historical, Social and Political Study. Westport: Preager, 1993. P. 139–140.

[50] Frantzman S., Glueckstadt B. W., Kark R. The Anglican Church in Palestine and Israel: Colonialism, Arabization and Land Ownership. P. 7.

[51] Frantzman S., Glueckstadt B. W., Kark R. The Anglican Church in Palestine and Israel: Colonialism, Arabization and Land Ownership//Middle Eastern Studies. 2011. Vol. 47. P. 101–126

МИД и Св. Синод на страже. К вопросу о распространении богослужебных книг в Боснийском вилайете*

К.В. Мельчакова

Разработка концепции русского церковного и дипломатического присутствия на Православном Востоке велась совместными усилиями Святейшего Синода и министерства иностранных дел во второй половине XIX столетия[1]. Россия, по замечанию Обер-Прокурора Святейшего Синода графа А.П. Толстого, должна была помогать Православным Церквам в Европейской Турции, но при этом «являться везде миротворителем, а не пособником умножения вражды»[2]. Таких принципов следовало придерживаться и в случае решения проблем православного славянского населения Османской империи. Действовать нужно было крайне деликатно, чтобы Константинопольский Патриархат не усмотрел попыток излишнего вмешательства в дела его паствы. Для правящих кругов России единство православных народов являлось важнейшим инструментом в отстаивании политических интересов на Балканах и Ближнем Востоке. Противодействие католической и протестантской пропагандам должно было ограничить распространение влияния западноевропейских держав в регионе. 9 статья Парижского мирного договора 1856 г. утвердила за ними и Россией право на вмешательство во внутренние дела Турции. Основной задачей стало наблюдение за воплощением в жизнь положений султанского указа о реформах (хатт-и хумаюн 1856 г.)[3], согласно которому вновь провозглашалось уравнение в правах всех жителей многонациональной Османской империи вне зависимости от вероисповедания. Это повлекло за собой открытие консульств иностранных держав в разных уголках Балкан. Не исключением стали Босния и Герцеговина.

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

В 1857 г. начало работу первое российское консульство в Сараеве (Босния), чуть позже появилось дипломатическое представительство и в Мостаре (Герцеговина). К тому времени доля православного населения в этом регионе по грубым подсчетам составляла примерно 40 %[4]. С открытием консульств была налажена система снабжения боснийских школ, монастырей и храмов богослужебными книгами и утварью из России[5]. В содружестве с МИД и частными благотворителями активное участие в этом деле принимал Св. Синод[6]. Такого рода помощь должна была способствовать укреплению влияния России в регионе. В документах консульств Сараева и Мостара встречаются просьбы дипломатов о консультациях со Св. Синодом по некоторым вопросам. Активным актором в решении подобного рода проблем являлся признанный эксперт по отношениям с Константинопольской Патриархией митрополит Московский и Коломенский Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов, 1782–1867), мнение которого в значительной степени определяло порядок действий Св. Синода и МИД[7]. В настоящей статье предлагается рассмотреть ряд случаев, связанных с распространением богослужебной литературы в Боснии и Герцеговине из источников, не имеющих отношения к Православной Церкви.

Основой для данного исследования послужили неопубликованные документы Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Российского государственного исторического архива (далее — РГИА) и Российского государственного архива литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Часть из этих материалов была введена в научный оборот боснийским историком И. Тепичем, их содержание отражено на страницах его фундированной монографии «Босния и Герцеговина в русских источниках (1856–1878)»[8]. При подготовке статьи работа велась непосредственно с оригиналами документов. В фондах 180 (Посольство в Константинополе) и 161/1 (Главный архив) АВПРИ содержатся донесения российских консульств в Мостаре, Сараеве и Рагузе (Дубровнике)[9] в российское посольство в Константинополе и Азиатский департамент МИД. В РГИА были изучены материалы фондов 797 (Канцелярия обер-прокурора Синода) и 832 (Филарет). В РГАЛИ в Ф. 1571 (Коллекция Юдина) хранится копия письма А.Ф. Гильфердинга Обер-Прокурору Св. Синода графу А.П. Толстому с предложением об оказании помощи церквям Боснии, Герцеговины и других славянских областей на Балканах[10]. Хронологически рассмотренные документы относятся к 1858–1866 гг. Выделяется три вопроса: 1) популярность австрийского издания «Церковное пение» среди боснийских и герцеговинских христиан; 2) деятельность английского общества по распространению духовных книг в Боснии и Герцеговине; 3) проект османских властей по организации печати богослужебной литературы для православных школ и храмов в Боснийском вилайете.

Церковное пение

Управляющим первым консульством России в Боснии стал известный славист А.Ф. Гильфердинг. Его служба в Сараеве продлилась менее года (1857–1858 гг.), но он успел составить представление об основных проблемах и потребностях православных жителей края. Среди прочего, отмечались отсутствие образованного духовенства, плачевное положение храмов и монастырей, острая нехватка богослужебной литературы. Австрийская империя занималась распространением последней и виделась российским дипломатам в крае главным «соперником», подталкивающим местное православное население к унии (в это время вновь активизировалась работа движения за воссоединение Церквей)[11]. Об этом говорил в своих донесениях не только Гильфердинг[12], но и генеральный консул в Рагузе П.Н. Стремоухов[13]. Последний указывал начальству на то, что книги из Вены в большом количестве поступали в Герцеговину, Далмацию и Черногорию. Их раздача производилась бесплатно консульскими агентами и частными лицами. В донесении от 8 (20) июня 1857 г. Стремоухов докладывал в Азиатский департамент МИД России: «В тех местах, где духовенство достаточно образовано для открытия множества умышленных и неумышленных неверностей в этих книгах, распространение их не представляет столь большой опасности, но эта опасность делается весьма важной, если недостаток в церковных книгах принудит герцеговинских православных принять книги, вышедшие из австрийских станков и которые рано или поздно будут служить вернейшим орудием утверждения унии»[14]. 11 (23) августа 1857 г. Стремоухов сообщал следующее: «По случаю недостатка в духовных и учебных книгах, печатанных в России, австрийцам удалось убедить наших единоверцев в Сараеве принять печатанные в Вене книги для нескольких церквей и школ, но замечательно, что в катехизисах не помещен даже Символ веры»[15].

Решение о пересылке книг из России в Боснию и Герцеговину было одобрено Св. Синодом ещё в конце июня 1857 г.[16], но процесс их печати, сбора, отправки и распределения занимал много времени.

Вернувшись в Россию, Гильфердинг не оставлял попыток добиться увеличения объёмов помощи для православных жителей Боснии и Герцеговины. В ноябре 1858 г. он направил пространную записку «Об оказании помощи церквям Боснии, Герцеговины и других славянских областей на Балканах»[17] Обер-Прокурору Св. Синода А.П. Толстому. Гильфердинг был убежден, что Россия должна составить конкуренцию австрийской пропаганде в крае, и сообщал следующее: «Особенный успех имеет там краткое “Церковное пение” на некоторые праздники. Книжечка эта расходилась при мне в Боснии тысячами экземпляров. Этим успехом она обязана главным образом тому, что в ней помещены стихи святым, наиболее

уважаемым православными сербами, преимущественно святым славянским. Бесспорно, мысль благочестивая и полезная — доставить народу возможность воздавать хвалу угодникам, прославившим Церковь его отечества, но мысль эта была употреблена Австрией для своекорыстных видов, как В[аше] С[иятельство] усмотрите, взглянув на последние две страницы сей книги, где вслед за тропарями и кондаками святым напечатан хвалебный текст Габсбургскому дому»[18]. Экземпляр «Церковного пения» был приложен к письму[19].

Гильфердинг считал, что Россия должна достойно ответить на австрийскую инициативу. При этом он указывал и на «оружие», недоступное для оппонентов, а именно на общее славянское происхождение и православное вероисповедание славян Боснии и России. Он предложил Св. Синоду напечатать «Церковное пение» с некоторыми добавлениями: следует «дать православным сербам, т.е. населению Сербии, Боснии, Герцеговины, Далмации, Черногории и Северной Албании, возможность поминать не только своих местных святых, но и угодников родственных племен, т.е. святых русской и болгарской Церкви»[20]. «Одобренные Синодом книги, — уверял он, — будут быстро расходиться, так как такого рода издания пользуются неограниченным доверием турецких славян»[21]. Эта книга, по мнению экс-консула, могла бы распространяться и в болгарских землях.

А.П. Толстому эти предложения понравились. Проект русского варианта «Церковного пения» был им представлен на суд митрополиту Филарету 29 ноября (11 декабря) 1858 г.: «Бывший русским консулом в Боснии г. Гильфердинг доставил мне изданную австрийским правительством для православных турецких и австрийских сербов книжечку, под заглавием “Церковное пение”, при письме, в коем предлагаем свои соображения об издании от Святейшего Синода, уже не для одних сербов, но вообще для всех православных славян, подобной книжки с некоторыми полезными изменениями и дополнениями, обещая нашему изданию совершенную победу над австрийским, которое ныне имеет великий успех в Боснии, Герцеговине и других странах того края. Находя мысль г. Гильфердинга вполне достойной рассмотрения духовного правительства, имею честь представить вниманию Вашего Высокопреосвященства самую книжку “Церковное пение”, снимок с письма г. Гильфердинга <...>. Если Вам, Милостивый Государь и Архипастырь, угодно будет удостоить своего одобрения мысль г. Гильфердинга, то я буду иметь честь сделать Святейшему Синоду о преднамереваемом издании предложение»[22].

Однако ответа митрополита Филарета обнаружить не удалось, также нет сведений, подтверждающих, что этот проект был реализован на практике. В известных списках книг, пересылаемых позднее в Боснию и Герцеговину из России, «Церковное пение» не фигурирует.

Английское общество по распространению книг

Другой эпизод, потребовавший консультаций со Св. Синодом связан с деятельностью английского общества по распространению книг. Британское правительство направило своему послу в Константинополе инструкции с просьбой призвать власти Османской империи разрешить бесплатную раздачу Библии путешественниками, уличными торговцами, Библейским обществом или другими британскими подданными, ссылаясь на гарантию религиозных свобод, провозглашенную в хатт-и хумаюне[23]. Не позднее 1864 г.[24] при поддержке английского консульства в Сараево была основана лавка для продажи дешёвых книг, Священного писания на сербском, турецком и других языках. Её владельцем был некий господин Табори. Он активно ездил по разным уголкам Боснии и Герцеговины, продавая за символическую плату богослужебные книги.

Торговля в Боснии находила сопротивление только в среде местного католического духовенства. Последнее запрещало сараевцам-католикам приобретать книги в английской лавке, так как якобы были обнаружены неточности в переводе Евангелия.

В 1865 г. Табори прибыл в главный город Герцеговины Мостар для продажи переводов Евангелия и Псалтири. Несколько горожан приобрели богослужебные книги. Однако местный архимандрит Иоанникий Памучина[25] отобрал их и запретил продажу, объявив что обнаружены искажения текстов. Табори был вынужден вернуться в Сараево ни с чем.

Российский консул в Мостаре Н.А. Иларионов (1866–1872 гг.) в донесении № 125[26] от 20 октября 1866 г. подробнее докладывал Н.П. Игнатьеву о неудавшейся торговле англичанином в Герцеговине. Табори вновь приехал в Мостар и потребовал у Памучины объяснений наложенного им запрета. Также он сообщил, что Герцеговинский митрополит Прокопий сам, будучи проездом в Сараеве, приобрёл у него несколько экземпляров Евангелия. Архимандрит отвечал ему, что никаких неточностей в текстах не находил и не препятствовал покупке книг членами православной общины. Однако, помня о прежнем запрете, никто из православных мостарцев ничего у Табори не приобрел. Последний отправился в другие города Герцеговины — Столац и Требине, но и там торговля не задалась.

В личной беседе Памучина признался Иларионову, что в действительности не нашел никаких ошибок в переводе Евангелия, распространяемого Табори, но запрет покупки был сделан «из боязни, чтобы вместе с переводами книг Священного писания не могли бы быть куплены православными какие-нибудь книги, противные правилам и уставам православной Церкви»[27].

Иларионов сообщал начальству, что продажа книг производится обществом, которое никак нельзя заподозрить в потворстве католицизму. В деятельности Табори консул не видел ничего, что могло бы нанести вред

Православию. Это же Лондонское общество ещё в 1863 г. открыло книжную лавку в Белграде, которая успешно работала. Перевод распространяемого им Евангелия был осуществлен известным реформатором сербского языка Вуком Караджичем (1787–1864), а Пятикнижия Моисея его учеником Джурой Даничичем (1825–1882). Качество их работы не вызывало сомнений.

«Православные герцеговинцы, не имея как достаточно средств к покупке книг, так и руководителей для указания их выбора, большей частью решительно ничего не читают; приобретя же, за весьма дешевую цену, переводы Священного Писания на языке совершенно для них понятном, они пользовались бы чрез то чтением самым для них полезным, знакомились еще ближе с истинами своей веры и еще больше бы укреплялись и утверждались бы в ней», — заключал консул[28]. Иларионов предлагал содействовать распространению переводов священных текстов Лондонским обществом[29].

Это донесение также было отправлено в Св. Синод и к митрополиту Филарету[30]. К сожалению, в фондах мостарского консульства, Св. Синода и Филарета не удалось выявить никаких оценочных суждений на этот счет.

Типография

В 1860-х гг. процесс активного внедрения реформ в Османской империи набирал обороты. В 1865 г. в ходе административной реформы Босния и Герцеговина были объединены в Боснийский вилайет. С 1861 по 1869 гг. пост генерал-губернатора (вали) вилайета занимал Топал Шериф Осман-паша (1804–1874)[31]. Именно с его именем связано внедрение в жизнь новшеств в этой области Балканского полуострова.

В это время в разных частях Османской империи открывались типографии. Властями предписывалось выпускать официальные газеты, в которых публиковались законодательные акты. Кроме того, на местах должны были печатать учебную литературу (до этого момента во многие уголки Турции, в особенности на Балканы, учебники и периодические издания поступали из зарубежных стран)[32]. Не исключением стал и новообразованный Боснийский вилайет. В ноябре 1865 г. по приглашению генерал-губернатора Топал Шериф Осман-паши в Сараево из австрийского города Земун[33] прибыл книгопечатник Игнатий[34] Сопрон (1821–1897)[35]. Местные власти заключили с ним контракт на три года — предоставили ему бесплатное помещение, 38 000 гульденов ежегодно на производственные расходы и заработную плату в 2 000 гульденов[36].

В Сараеве началась печать первых газет (*Босански вјестник и Босна*) и учебной литературы. Через полгода работы типография была выкуплена османскими властями у Сопрона за 600 дукатов и стала именоваться вилайетской[37].

Российский консул в Сараеве Е.Р. Щулепников (1858–1868 гг.) следил за издательской деятельностью в Боснии и докладывал начальству о работе типографии[38]. Особый интерес вызывает его донесение чрезвычайному полномочному посланнику при Порте Оттоманской Н.П. Игнатьеву № 24 от 22 марта (3 апреля) 1866 г.[39] содержание которого было передано и директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову[40]. Копии с этого же донесения обнаруживаются и в фондах Канцелярии Св. Синода и митрополита Филарета[41].

Щулепников докладывал начальству о намерении Осман-паши наладить в Боснии печать богослужебных книг для православного населения, что вызвало волнение российской стороны. Изначально И. Сопрон испросил у Правительства Сербии разрешение на печать в сараевской типографии учебных книг, вышедших в княжестве. Дело в том, что до открытия типографии библиотеки православных школ Боснии и Герцеговины в основном пополнялись литературой из Сербии. Предполагалось, что по согласованию с османскими властями из учебников будут удалены некоторые пассажи, представляющие империю в дурном свете. В таком варианте пособия должны были поступить в местные учебные заведения.

Однако Осман-паша решил не останавливаться на этом и составил ноты к Сараевскому, Мостарскому и Зворницкому митрополитам с просьбой подготовить списки богослужебных книг, необходимых для храмов и школ в их епархиях. Вали предложил организовать их печать в сараевской типографии и распространить на безвозмездной основе[42].

Сараевский митрополит Игнатий ответил, что не может позволить печати книг без разрешения Константинопольского Патриарха. Солидарен с ним был и Зворницкий митрополит Дионисий, который также сослался на необходимость обратиться с этим вопросом в Константинополь. О реакции Герцеговинского митрополита Прокопия ничего не известно.

Сопрон сообщил Щулепникову, что не имел понятия о подобных намерениях боснийского генерал-губернатора. Со стороны Осман-паши речь шла лишь о возможной печати псалтирей, часословов и молитвенников для школ. «Г. Сопрон присовокупил, что он никак не может взять на себя печатание богослужебных книг, потому что нисколько не намерен подвергать себя ответственности за могущие встретиться неправильности при их перепечатании и, что предприятие это сопряжено с такими издержками, что турецкое правительство не будет в состоянии и покрыть их, а что если и существует подобное желание у Осман-паши, то он не может принять на себя приведение его в исполнение» — докладывал в МИД Щулепников[43].

Сам консул указывал на следующие дурные последствия от возможной печати богослужебных книг в Боснийском вилайете: 1) нельзя будет поручиться за точность текста, «может произойти разногласие между книгами,

печатанными в России и здесь, а чрез то легко родится и сомнение православных жителей Боснии в справедливости и истинности одних из них», 2) можно лишиться «духовного общения, которое так сильно сближает единоверцев»[44].

15 (27) апреля 1866 г. из Св. Синода копия с донесения Щулепникова была передана митрополиту Филарету[45], а также было направлено письмо обер-прокурора Св. Синода Д.А. Толстого директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову[46]. В июне 1866 г. копию этого письма переслали в Сараево Щулепникову. Говорилось там следующее: «Я считаю долгом обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой, не изволите ли признать возможным ныне же поручить посланнику нашему в Константинополе употребить все возможные меры к тому, чтобы предположение Османа-паши не осуществилось, по совершенно справедливым соображениям нашего консула в Сараеве»[47].

Ответ от митрополита Филарета пришел в Св. Синод 1 (13) мая 1866 г. Вердикт был таков: «Печатание богослужебных книг в руках магометанских, и оскорбительно, и может быть вредно для православия»[48]. Митрополит Филарет отмечал, что турки ранее не читали православных богослужебных книг и не знают, что там есть места, которые они могут трактовать в свою пользу. Филарет призывал не вступать в борьбу открыто, а действовать через Константинопольского Патриарха и боснийских ревнителей Православия. На последующем заседании Св. Синода было решено просить российского посланника в Константинополе Н.П. Игнатьева употребить все меры против печати богослужебных книг в Боснийском вилайете[49].

В делах сараевского консульства более тема печати богослужебных книг в вилайетской типографии не встречается. Не имеется и сведений о том, что данный план вали был реализован. Можно предположить, что, благодаря стараниям российского посольства в Константинополе, и из-за технологической сложности и дороговизны процесса печати, инициатива Осман-паши не воплотилась в жизнь. Однако интересно, что подобный план в принципе возник у османского управленца. Богослужебная литература продолжала поступать в Боснийский вилайет из России и Сербии.

* * *

Изложенные выше сюжеты демонстрируют лишний раз, что по вопросам, затрагивающим интересы Константинопольского Патриархата, российский МИД активно консультировался со Св. Синодом. Консулы в Боснии и Герцеговине получали из Константинополя и Азиатского департамента МИД чёткие инструкции, по которым самостоятельные действия в таких случаях не допускались. Наибольшую угрозу православному миру Боснии и Герцеговины российские дипломаты видели в лице монархии Габсбургов. Под лозунгом конкуренции с ней дипломаты продвигали инициативы по увеличению

объёмов снабжения боснийских христиан богослужебными книгами из России. Хоть Св. Синод и одобрил этот план, но на практике на его реализацию ушло довольно много времени[50], кроме того, не было достаточного количества средств для полноценного обеспечения Боснии и Герцеговины. Это объясняет тот факт, что в случае с английской книжной лавкой, российский консул Иларионов обращал внимание начальства на приносимую ей пользу. Однако в Герцеговине уже лидеры местной православной общины воспротивились этой инициативе, так как у них не вызывал доверия источник распространения литературы. К сожалению, ни по одному из представленных выше эпизодов, не удалось найти сведений, проливающих свет на то, как были решены проблемы. По имеющимся данным наибольший отклик со стороны Св. Синода и МИД имело дело о попытке печати богослужебной литературы в сараевской типографии.

Таким образом, желание османских властей взять в свои руки дело обеспечения православных епархий вилайета книгами было нетипичным явлением и вызвало безоговорочное сопротивление. На этом примере наиболее ярко видно как работал принцип «деликатного» вмешательства в дело через Константинопольский Патриархат.

1 См., например: Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на Православном Востоке (1878–1898). М., 2006; Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. М., 2014. С. 272–291.

2 Цит по: Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей. С. 282.

3 См. подробнее: Новичев А.Д. История Турции. Т. 4. Ч. 3. (1853–1875). Л., 1978; Еремеев Д.Е., Мейер М.С. История Турции в средние века и новое время. М., 1994.

4 Гильфердинг А.Ф. Босния в начале 1858 года // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873. С. 283–284.

5 См., например: РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 138. Д. 1239, Оп. 139. Д. 182. Оп. 145. Д. 1873. Л. 5–7, Д. 2359. Л. 14–15.

6 Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М., 2019. С. 132–142.

7 Подробнее о деятельности митрополита Филарета на Православном Востоке см.: Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей.

8 Тепић И. Босна и Херцеговина у руским изворима: (1856–1878). Сарајево, 1988. С. 501–509.

9 На начальном этапе по указанию Азиатского департамента МИД России генеральное консульство в Рагузе наблюдало за работой консульств в Сараеве и Мостаре.

10 РГАЛИ. Ф. 1571 (Коллекция Юдина Г.В.). Оп. 1. Ед. хр. 2511. Л. 1–8 об. (Копия).

11 См., например: *Фролова М.М.* Униатское движение в болгарских землях и российская дипломатия после Крымской войны (1856–1861) // Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и России в XVII — начале XX вв. М., 2011. С. 105–138;

Она же. Католическая пропаганда в Западной Македонии по донесениям российских дипломатов из Битоля (1861–1864) // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами. К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского. М.; СПб., 2013. С. 268–281; Смирнова И.Ю. Митрополит Филарет и Православный Восток: из истории межцерковных связей.

12 См., например: Освободительная борьба народов Боснии, Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 41–45, 54.

13 П.Н. Стремоухов (1823–1885) — российский дипломат, в 1856–1858 гг. занимал пост генерального консула в Рагузе, в 1861–1864 гг. — вице-директор, с 1864 по 1875 гг. — директор Азиатского департамента МИД, в 1875 г. — и.о. товарища министра иностранных дел России.

14 АВПРИ. Ф. 161/1 (Главный архив). Оп. 181/2. Д. 716. Рагуза. 1857 г. Л. 34.

15 Там же. Л. 35 об.

16 РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 138. Д. 1239.

17 РГАЛИ. Ф. 1571 (Коллекция Юдина Г.В.) Оп. 1. Ед. хр. 2511. Л. 1–8. (Копия).

18 Там же. Л. 6 об.

19 Оригинал книги хранится в РГИА: Ф. 832 (Филарет). Оп. 1. Д. 112.

20 РГАЛИ. Ф. 1571 (Коллекция Юдина Г.В.). Оп. 1. Ед. хр. 2511. Л. 7 об.

21 Там же. Л. 7.

22 Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями А.Н. Львовым. СПб., 1900 г. С. 402–403; РГИА. Ф. 832 (Филарет). Оп. 1. Д. 112. Л. 13–14.

23 *Radušić E.* Bosna i Hercegovina u britanskoj politici od 1857. do 1878. godine — od branitelja i zaštitnika do tužioca i sudije. Sarajevo, 2013. S. 250.

24 Точную дату установить не удалось. Возможно в конце 1863 г.

25 Иоанникий Памучина (1810–1870) — один из выдающихся деятелей Герцеговины XIX столетия, архимандрит из Мостара, известен своим литературным трудом и благотворительной деятельностью, неоднократно выступал переговорщиком герцеговинцев с турками во время волнений в регионе, с 1860 по 1864 гг. неофициально исполнял обязанности Герцеговинского митрополита. См.: Ковачевић В. Живот и део Јоаникија Памучине. Пале, 2009.

26 АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2052. Мостар. 1866 г. Л. 29–32 об. Копия с этого донесения была направлена в Св. Синод. См.: РГИА. Ф. 797 (Канцелярия Обер-Прокурора Синода). Оп. 36. II отд. Д. 36. Л. 16–19. Кроме того, копия была передана и митрополиту Филарету. См.: РГИА. Ф. 797 (Канцелярия Обер-Прокурора Синода). Оп. 36. II отд. Д. 36. Л. 20.

27 АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2052. Мостар. 1866 г. Л. 30 об.

28 Там же. Л. 31.

29 Там же. Л. 31 об.

30 РГИА. Ф. 797 (Канцелярия Обер-Прокурора Синода). Оп. 36. II отд. 3 стол. Л. 16–20.

[31] Koetschet J. Osman Pascha, der letzte grosse Wesier Bosniens und seine Nachfolger. Sarajevo, 1909; Мельчакова К.В. Осман-паша в погоне за прогрессом. К проблеме конструирования боснийской нации в Османской империи в 1861–1869 гг. // Вынужденное соседство — добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв. Сборник статей. М.; СПб., 2017. С. 269–284.

[32] Kruševac T. Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. Sarajevo, 1978. S. 12.

[33] Ныне район Белграда.

[34] Встречаются также варианты написания имени: Игнац, Игнат Сопрон.

[35] Подробнее об И. Сопроне см.: *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku. S. 29; *Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1999. S. 103–105; *Бабић Б., Јанић Ј.* Сопронова печатња. Бања Лука, 2016. С. 32–37.

[36] АВПРИ. Ф. 161/1 (Главный архив). Оп. 181/2. Д. 809. Сараево. 1866 г. Л. 18.

[37] Подробнее о работе типографии см.: *Kruševac T.* Bosansko-hercegovački listovi u XIX veku; *Ademović F.* Prve novine i prvi novinari u Bosni i Hercegovini; Dizdar S. Prvi Bošnjački novinar: Mehmed Šaćir Kurtćehajić (1844–1872) // Bosniaca. Časopis Nacionalne i univerzitetske biblioteke Bosne i Hercegovine. God. 17. Br. 17. (decembar 2012). S. 60–67; Eadem. Bibliografija sarajevskog cvjetnika: prilog povijesti knjige. Sarajevo, 2017; Бабић Б., Јанић Ј. Сопронова печатња; *Мельчакова К.В.* Первые периодические издания Боснии и Герцеговины // Материалы для виртуального Музея Славянских Культур. Выпуск 1. М., 2020. С. 219–228.

[38] См., например: АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2328. Сараево. 1866 г. Л. 33–35 об.

[39] Там же. Л. 16–19.

[40] Там же. Ф. 161/1(Главный архив). Оп. 181/2. Д. 809. Сараево. 1866 г. Л. 17–20 об.

[41] РГИА. Ф. 797 (Канцелярия Обер-Прокурора Синода). Оп. 36. Отд. II. Стол 3. Д. 36. Л. 3–5; Там же. Ф. 832 (Филарет). Оп. 1. Д. 112. Л. 77–79 об.

[42] АВПРИ. Ф. 161/1 (Главный архив). Оп. 181/2. Д. 809. Сараево. 1866 г. Л. 18 об.

[43] Там же. Л. 19.

[44] Там же.

[45] РГИА. Ф. 797 (Канцелярия Обер-Прокурора Синода). Оп. 36. II отд. Д. 36. Л. 6. Пакет документов по этому вопросу, полученных митрополитом Филаретом также хранится в его личном фонде в РГИА: Ф. 832 (Филарет). Оп. 1. Д. 112. Л. 74–79 об.

[46] Там же. Ф. 797 (Канцелярия Обер-Прокурора Синода). Оп. 36. II отд. Д. 36. Л. 7–8.

[47] АВПРИ. Ф. 161/1 (Главный архив). Оп. 181/2. Д. 809. Сараево. 1866 г. Л. 101 об.

[48] РГИА. Ф. 797 (Канцелярия Обер-Прокурора Синода). Оп. 36. II отд. Д. 36. Л. 9–10.

[49] Там же. Л. 12.

[50] Книги из заявленного списка 1858 г. продолжали раздаваться и в 1860-е гг. См., например: РГИА. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Оп. 145. Д. 1873. Л. 5–7, Д. 2359. Л. 14–15.

Александрийская Патриархия и греческие общины Египта в конце XIX в.: особенности взаимоотношений*

О.Е. Петрунина

В XIX в. Александрийская Церковь, клонившаяся к упадку вследствие многовекового владычества мусульман над Египтом, вступила в период подъёма и возрождения. Это произошло благодаря притоку предприимчивых греков, а также православных выходцев из Сирии и Ливана. Они потянулись в Египет, привлеченные политикой Мухаммеда Али-паши (1805–1848), который стремился построить сильное государство и создавал льготные условия для развития хозяйства и торговли.

Преуспевающие православные предприниматели вливались в состав паствы Александрийского Патриарха, численность которой быстро росла. Ещё в первой четверти столетия она, по разным оценкам, составляла от одной до пяти тыс. чел.[1] Но уже к середине столетия она существенно возросла. Как сообщал в 1858 г. генеральный консул в Александрии Николай Карлович Гирс, в это время в одном Каире было около 4,5 тыс. православных, примерно 6 тыс. в Александрии. Всего в Египте насчитывалось до 12 тыс. чел. православного населения и функционировало 9 храмов[2]. И это несмотря на то, что в с началом Крымской войны, проживавшие там подданные греческого короля были вынуждены покинуть страну.

Богатые купцы готовы были жертвовать деньги на строительство храмов и благотворительные учреждения, но хотели сами распоряжаться этими учреждениями. В этом вопросе православные общины, во главе которых стояли такие богачи, составили конкуренцию Патриархии, традиционно ведавшей делами образования и благотворительности. Отношения между общинами

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института Российской истории РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

и патриаршим престолом становились все более натянутыми, а в середине XIX столетия вылились в серию острых конфликтов. В это время общины попытались вмешаться уже во внутренние дела самой Патриархии[3].

Смуты среди египетских православных закончились с восшествием в 1870 г. на патриарший престол бывшего Константинопольского Патриарха Софрония (1870–1899). Как писал десятью годами позже российский дипломатический агент в Египте Иван Михайлович Лекс, греки «со времени назначения Александрийским Патриархом Блаженнейшего Софрониуса совершенно притихли»[4]. Оценка Лекса была вполне обоснованной: апогей конфликтов между общинами и Патриархией пришелся на его первые годы работы в Египте, и он сам был активным участником церковно-политической борьбы.

После смерти И.М. Лекса в 1883 г. на посту российского дипломатического агента и генерального консула в Александрии его ненадолго сменил Михаил Александрович Хитрово (1883–1886), затем на этот пост заступил А.И. Кояндер (1886–1902). Прошло совсем немного времени, но преемники Лекса уже не знали всех хитросплетений церковной политики в Египте. Об этом свидетельствует записка о состоянии Александрийской Церкви, представленная Кояндером послу в Константинополе Александру Ивановичу Нелидову почти через десять лет после назначения в Египет.

В 1895 г. драгоман посольства в Константинополе Александр Гаврилович Яковлев подал А.И. Кояндеру мысль составить записку об отношениях между александрийской общиной и Патриархией[5]. Однако Кояндер не ограничился александрийскими делами, а собрал сведения о состоянии дел во всём Египте. Его информаторами были лидеры александрийской общины и дипломатический агент Греции.

Прежде всего, российский дипломат выяснил количество и местоположение действовавших на тот момент православных храмов. Их, по его сведениям, оказалось 27, включая монастырские[6]. На основе собранных А.И. Кояндером данных мы составили карту православных храмов Египта в конце XIX в.

Как видно из карты, большинство храмов находилось в городах дельты Нила — наиболее экономически развитой области Египта. Три храма — кафедральный собор свт. Николая, монастырский храм св. Георгия и церковь св. апостола Марка — находились в Каире. Восстановление патриаршей резиденции в Каире с кафедральным собором в конце 1830-х — начале 1840-х гг. было совершено во многом на российские деньги, по поводу обветшавшего монастыря св. Георгия Патриарх Софроний как раз в то время вёл переговоры с российскими ведомствами об оказании финансовой помощи в этом деле[7]. Ещё пять храмов действовали в Александрии: монастырский храм прп. Саввы, Благовещенский собор, построенный в 1840–1850-е гг., в том числе и на российские деньги[8], принадлежавший православным

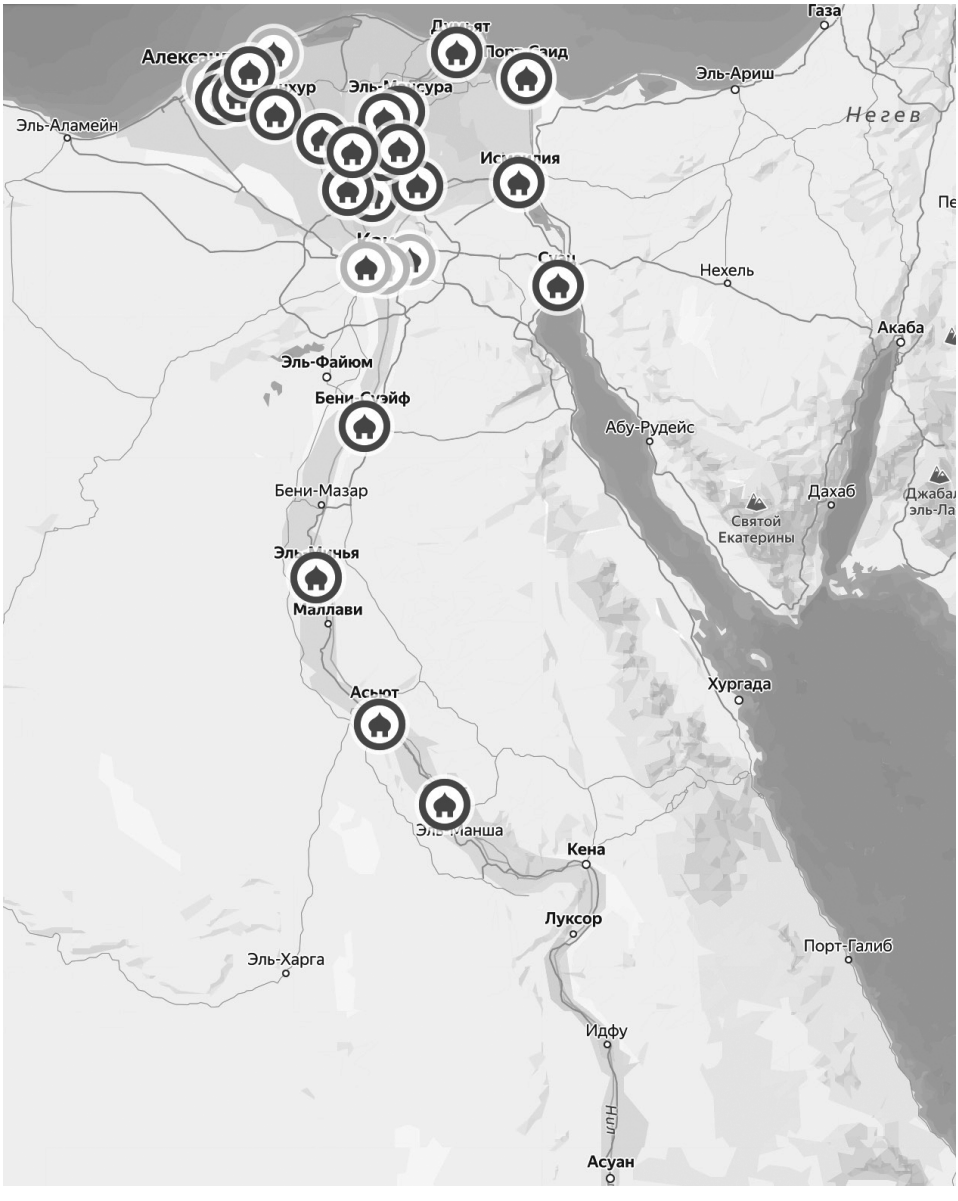


Рис. 1. Православные храмы Египта в конце XIX в.
(пять принадлежавших патриархии храмов отмечены светлыми значками)

выходцам из Сирии Успенский храм, и две церкви в александрийском пригороде Рамле (ныне городской район Эль-Рамл): одна была выстроена на средства общины в честь пророка Илии (1880), а вторую построил богатый грек Стефанос Зизиния в честь своего небесного покровителя (1862)[9]. Наибольшее по сравнению с другими городами, даже Каиром, количество

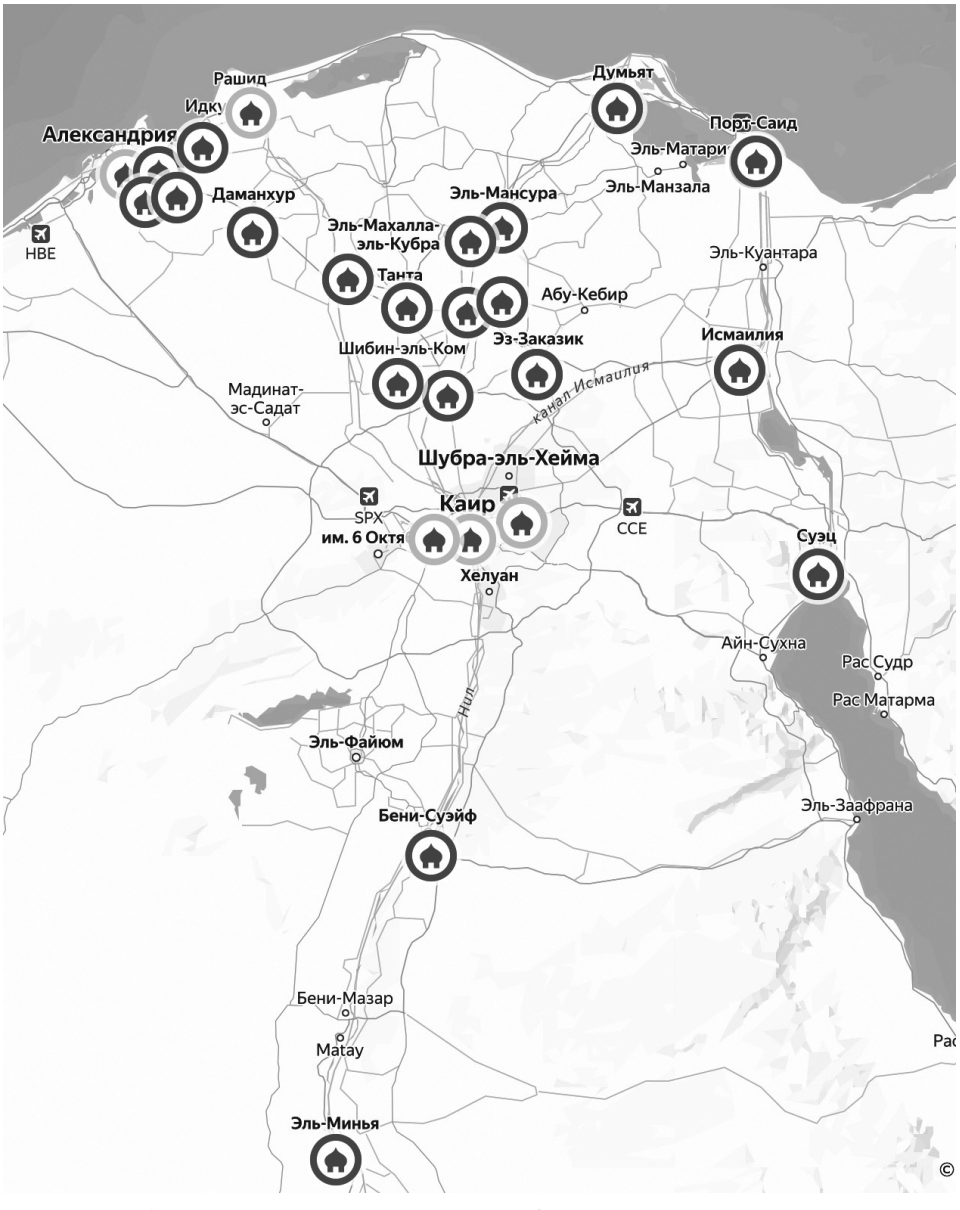


Рис. 2. Православные храмы Нижнего и Среднего Египта в конце XIX в.

храмов в Александрии косвенно свидетельствует о численности и благосостоянии местной греческой общины. Пользуясь александрийским портом, купеческие фамилии Тосица, Зизиния, д'Анастаси, Авероф, Сальваго, Зервудакис и другие приобрели огромные состояния. Они активно занимались благотворительностью: к концу XIX в. на средства общины, меценатами которой выступали местные богачи, функционировало несколько школ

с 1,5 тыс. учеников, больница, поддерживалось кладбище и общинные храмы[10]. Стефанос Зизиния построил в Александрии не только храм, но и первый в Египте театр (1863). Несмотря на все перипетии последующей египетской истории, память об этих греках до сих пор сохраняется, например, в названиях александрийских кварталов Сан-Стефано и Зизиния.

В других городах дельты Нила было по одному храму: свт. Николая в Розетте (араб. Рашид), св. Константина в Даманхуре, св. Екатерины в Дамиетте (араб. Думьят), Трёх святителей в Эз-Загазике, свт. Николая в Бенхе, св. Георгия в Зифте, св. Георгия в Кафр-эз-Заяте, св. Афанасия в Мансуре, св. Георгия в Мехалла-Кебире (араб. Эль-Махалла-эль-Кубра), Введенский храм в Танте, св. Георгия в Мит-Гамре, св. Спиридона в Шибин-эль-Коме. Большинство из этих церквей были новыми: в 1858 г. кроме Каира и Александрии, свои храмы имели только православные в Розетте, Дамиетте и Суэце[11]. Численный рост греческих общин в дельте Нила был тесно связан с развитием сельского хозяйства, прежде всего, выращивания хлопка. Особенно был востребован египетский хлопок на европейских рынках в 1860-е гг. в связи с прекращением поставок из США в годы Гражданской войны. Рост сельскохозяйственного производства стимулировал развитие обрабатывающей промышленности и торговли, в которых было занято приезжее православное население.

С открытием Суэцкого канала значимость старых портов, таких как Розетта и Дамиетта, стала падать, зато начали быстро развиваться новые города, расположенные вдоль канала: Порт-Саид и Исмаилия, а также Суэц, традиционно бывший важным торговым и военным портом на Красном море. В них очень скоро образовались греческие общины со своими школами и храмами. По данным А.И. Кояндера, в каждом из этих городов имелось по одному храму: св. Иоанна Богослова в Порт-Саиде, св. Георгия в Исмаилии и св. Георгия в Суэце.

В Среднем и Верхнем Египте, где сельское хозяйство и промышленность были развиты только вдоль Нила, православных общин было мало, а сами они немногочисленны. Но общая тенденция была той же: города этих областей также развивались благодаря выращиванию хлопка и зарождавшейся текстильной промышленности. Выше Каира только в четырех городах по Нилу были православные храмы: св. Георгия в Бени-Суэйфе, св. Иоанна в Эль-Минье, св. Антония в Асьюте и Благовещенская церковь в Сохаге.

Особенность ситуации заключалась в том, что Александрийской Патриархии принадлежали только пять из общего числа храмов: все три церкви Каира, монастырская церковь св. Саввы в Александрии и храм в Розетте. Все остальные храмы находились в собственности общин, которыми они были построены. Общинным храмам принадлежали также все, кроме каирского, православные кладбища в стране. Эта ситуация имела важные не только хозяйственные, но также церковно-административные и юридические следствия.

Прежде всего, общины несли на себе полное бремя содержания храмов или кладбищ, включая оплату государственных налогов и жалованье священника и причта. Кроме того, с каждого храма община отчисляла ежегодный взнос в пользу Патриархии: храмы с небольшим числом прихожан платили 15 фунтов, храмы побогаче — 20 фунтов, а Благовещенский собор в Александрии — 100 фунтов. Патриархия совершенно не вмешивалась в хозяйственные дела общин, все эти дела вело выборное правление каждой общины, которое состояло, как правило, из самых состоятельных людей, вносивших наибольшие суммы в общинную казну. Это правление, которое называлось эпитропией, ведало также и другими вопросами.

Такая финансовая независимость общин и даже определенная зависимость Патриархии от общинных взносов порождали особые отношения между ней общинами. Эпитропии от имени общин сами назначали священников и церковнослужителей. При этом они имели право приглашать священников не только из числа клириков Александрийской Патриархии, но любой Православной Церкви и любого подданства: османского, греческого, российского. За Патриархом оставалось лишь право формального утверждения представленного общиной кандидата. «Не было случая, — писал А.И. Кояндер, — чтобы Патриарх отказал в подобном утверждении: на практике, завися во многом от греческой колонии, он не мог бы этого сделать»[12].

Ещё одна особенность Александрийской Церкви в то время заключалась в том, что значительную часть её паствы составляли подданные иностранных государств, прежде всего, Греции. По данным на 1880–1882 гг. все население Египта составляло около 5,6 млн. чел., из них около 70 тыс. чел. — православные христиане, в том числе свыше 37 тыс. чел. — греческие подданные[13]. Несмотря на погромы, разрушения и поток христианских беженцев, покинувших страну в связи с восстанием Ораби-паши в 1882 г.[14], к концу столетия численность греческих подданных в Египте восстановилась и стала быстро расти: в 1897 г. их было 38 тыс. чел., десятилетием позже — около 63 тыс. чел.[15]

Принятие иностранного подданства в Османской империи, предоставившей европейцам обширные привилегии на основе капитуляций, давало консульскую защиту, налоговые льготы, а также неподсудность местным судам. С 1875 г. в Египте, власти которого стремились ограничить консульскую юрисдикцию, стали действовать смешанные суды, в состав которых входили местные и европейские судьи. Однако капитуляции сохраняли свое действие до Первой мировой войны.

Преуспевающие греческие коммерсанты и промышленники Египта принимали, в основном, греческое подданство и с успехом пользовались его преимуществами. Проживали в Египте и российские подданные, причем не всегда православные. Например, в 1847 г. в Каире проживали пятеро российских подданных: греческий купец Анастасий Авероф, до этого

торговавший в России[16], выходцы из Ливана предприниматели Георгий и Рафаил Абед, армянский негоциант Агоп Педросов, а также приехавший из Финляндии Г.А. Халлин. Покровительством каирского вице-консульства также пользовались одиннадцать валахов, шестеро уроженцев о. Самос, четыре серба, трое молдаван — все ремесленники, двое персидских купцов и двое драгоманов-левантинцев[17]. К началу 1880-х гг. в Каире постоянно жили уже 32 российских подданных, ещё 31 человек пользовались консульским покровительством[18].

Однако эпитропии большинства православных общин составляли греческие подданные, поэтому общины оказывались подчиненными греческим консульским властям. Вследствие этого именно греческие консульства вели учёт умерших православных жителей, которых хоронили на общинных кладбищах. Копии этих метрических книг снимали для своих нужд церковные власти. Таинства крещения и венчания совершались также в общинных храмах с благословения патриарха на каждый конкретный случай. Но книги рождений и регистрации браков вела патриархия. Велись эти книги не очень аккуратно. К примеру, когда претенденты на наследство богатого предпринимателя Рафаила Абеда попытались доказать своё родство с ним, выяснилось, что метрические книги с записями об их рождении утеряны. Но Патриархия все же выдала необходимые справки, основываясь на свидетельствах пожилых священников, которые с подозрительной точностью вспомнили нужные даты рождений и крестин[19].

Кроме того, консульская юрисдикция распространялась на семейное и наследственное право греческих подданных, каковые традиционно в Османской империи были прерогативой Церкви. Бракоразводные процессы и наследственные дела велись в консульском суде Греции, местное духовенство только информировали о принятых решениях. Аналогичным образом дело о наследстве российского подданного Рафаила Абеда, затянувшееся на много лет, решалось в российских консульских инстанциях — суде вице-консульства в Каире, затем апелляционном суде генерального консульства в Александрии. Неудовлетворенная сторона затем обратилась с жалобой в Правительствущий Сенат Российской Империи.

Сообщая А.И. Кояндеру подробности о своих отношениях с Патриархией, александрийские греки уверяли его, что такой порядок установился в Александрийской Церкви еще с 1830-х гг., когда образованная в Греции автокефальная Элладская Церковь якобы договорилась с восточными Патриархами о «предоставлении общинным греческим церквям в Турции полного самоуправления во внутренних их делах»[20]. Трудно сказать, имело ли здесь место невежество или сознательное желание ввести в заблуждение российского дипломата. Элладская Церковь, об автокефалии которой Греция объявила в 1833 г., не была признана Константинопольской Патриархией до 1850 г. Соответственно, ни о каких договоренностях с ней

до этого времени речи идти не могло. А на 1850–1860-е гг. приходится апогей конфликтов между Патриархией и общинами, которые были возможны именно в силу неурегулированности двусторонних отношений.

В конце столетия эти отношения были основаны на взаимных уступках и гибкой политике Патриарха. Было и ещё одно обстоятельство, о котором не сообщили А.И. Кояндеру: сближению между Патриархией и общинами все больше способствовал национальный фактор. В Александрии греки занимали господствующие позиции уже в середине XIX в., а местная православная община, основанная в 1843 г. изначально строилась не только по конфессиональному, но и по национальному принципу. Во главе стоял её основатель генеральный консул Греции Михаил Тосица. Иначе обстояло дело в Каире, где традиционно влияние Патриархии было сильнее. Основанную в 1856 г. общину возглавил Патриарх, а в члены правления вошли не только греки, но и православные выходцы из Сирии и Ливана. В то время это не вызывало вопросов ни у греков, ни у арабов. Но к концу XIX в. на фоне развития греческой «Великой идеи», роста национального самосознания у арабов и назревавшего греко-арабского противостояния в Иерусалимской и Антиохийской Патриархиях стали меняться и отношения между греками и православными арабами в Египте. Греки стали стремиться придать своим общинам узконациональный характер, не допустить арабов до участия в управлении жизнью общин и Патриархии. В этом общинам активно содействовали греческие консульские власти.

Ярким проявлением этой тенденции стали патриаршие выборы 1899 г., ставшие образцом греческой национальной мобилизации, главным организатором которой выступил греческий генеральный консул Иоаннис Грипарис. В ходе выборов нового Патриарха ему удалось фактически отстранить от участия в них не только православных арабов, но и греческих подданных султана[21]. По точной оценке посланника в Афинах Михаила Константиновича Ону, греческие подданные в Египте «составляющие громадное большинство избирателей, вместо того, чтобы разбиться на партии и поддерживать различных кандидатов, сплотились на этот раз воедино, из опасения, чтобы партийными раздорами не воспользовался какой-либо кандидат заведомо не эллинского направления»[22].

При новом Патриархе Фотии (1900–1925), считавшемся «столпом эллинизма», в 1902 г. были урегулированы имущественные споры между каирской общиной и Патриархией, а в 1904 г. сама община была реорганизована. Теперь она была устроена по александрийскому образцу: Патриарх больше не был её главой, а лица других национальностей не допускались к членству. Если прежде община называлась Греко-православной общиной Каира, то теперь стала именоваться Греческой общиной Каира. Новый устав общины был заверен греческим дипломатическим агентом Николаосом Геннадисом, который становился её почетным главой по должности[23].

Таким образом, возрождение египетского православия в XIX в. шло рука об руку с численным ростом и консолидацией греческих общин. Эпоха соперничества и конфликтов, особенно острых в середине столетия, сменилась в патриаршество Софрония IV сначала компромиссом, а затем стремлением к сотрудничеству. Рост арабского национального сознания беспокоил египетских греков гораздо больше, чем противоречия с Патриархией и вмешательство Константинопольской Церкви в их дела, против которого они боролись в середине столетия. Теперь и Александрийский, и Константинопольский Патриархи воспринимались как союзники в борьбе за общее национальное дело, которое разрушало конфессиональное единство православных народов Османской империи. Александрийская Церковь понималась как греческая национальная Церковь и инструмент реализации греческой «Великой идеи».

1 Politis A. L'Hellénisme et l'Égypte moderne. T. 1. Paris: Librairie Félix Alcan, 1929. P. 97–99.

2 Записка генерального консула в Египте Н.К. Гирса о состоянии Александрийской Православной Церкви // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Подг. изд. Н.Н. Лисового. Т. 2. М.: Индрик, 2017. С. 135–136.

3 Об этом подробнее см.: Петрунина О.Е., Герд Л.А., Вах К.А. Александрийский патриархат и Россия в XIX веке: исследования и документы. М.: Индрик, 2020. С. 57–103. В этом же издании см. соответствующие документы.

4 Лекс И.М. Черновики отчета за 1880 год. АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 122. Л. 106.

5 Донесение дипломатического агента в Египте и генерального консула в Александрии А.И. Кояндера послу в Константинополе А.И. Нелидову № 125 от 17 августа 1895 г. АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 571. Л. 22.

6 [Записка об отношениях между общинами и Александрийской Патриархией]. АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 571. Л. 25–25 об. В 1884 г. Г. Мазаракис насчитывал в Египте 30 храмов и 4 молитвенных дома, но в приведенном им списке их в сумме 24. Вероятно, это опечатка, перешедшая в последующую литературу. См.: Μαζαράκης Γ. Μητροφάνης Κρητόπουλος, πατριάρχης Ἀλεξανδρείας κατὰ τοὺς κώδικας τοῦ Πατριαρχείου Ἀλεξανδρείας καὶ ἄλλας πηγάς. Ἐν Καΐρῳ: Τυπ. Μ. Νομικοῦ, 1884. Σ. 66–67.

7 Порфирий (Успенский). Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Великого и преподобного Павла Фивейского в 1850 году. Спб., 1856. С. 71; Петрунина О.Е., Герд Л.А., Вах К.А. Александрийский патриархат и Россия... С. 47, 708–722.

8 В 1852–1866 г. в России находился епископ Александрийской Церкви Никанор, который занимался сбором милостыни, а также стал первым настоятелем Александрийского подворья в Москве. Разрешение на сбор милостыни было дано по просьбе патриарха Иерофея II (1847–1858) в первую очередь для окончания строительства Благовещенского собора. См.: Петрунина О.Е., Герд Л.А., Вах К.А. Александрийский патриархат и Россия... С. 48–56.

9 Χρυσόστομος (Παπαδόπουλος). Ἱστορία τῆς Ἐκκλησίας Ἀλεξανδρείας (64–1934). Θεσσαλονίκη: Εκδ. Πουρνάρα, 2009. Σ. 864; Κηπιάδης Γ. Ἕλληνες ἐν Αἰγύπτῳ ἤ Συγχρόνου ἑλληνισμοῦ ἐγκατάστασις καὶ καθιδρύματα ἐθνικά, 1766– 1892. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ, 1892. Σ. 34.

10 Politis A. L'Hellénisme et l'Égypte moderne. T. 1. P. 292.

11 Записка генерального консула в Египте Н.К. Гирса... С. 136.

12 [Записка об отношениях между общинами и Александрийской патриархией]... Л. 26.

13 Лекс И.М. Черновики отчетов за 1879 и 1880 годы. АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 122. Л. 73, 94; Politis A. L'Hellénisme et l'Égypte moderne. T. 1. P. 527.

14 Зеленев Е.И. Египет: Средние века. Новое время. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 272; Λαχανοκάρδης Ἡ. Παλαιὰ καὶ νέα Ἀλεξάνδρεια. Σύντομος ἱστορικὴ ἀνασκόπησις τοῦ ἀλεξανδρινοῦ Ἑλληνισμοῦ κατὰ τὰ τελυταῖα 50 ἔτη. Ἀλεξάνδρεια: Πατριαρχικὸ τυπογραφεῖο, 1927. Σ. 33–41.

15 Politis A. L'Hellénisme et l'Égypte moderne. T. 1. P. 527.

16 Арш Г.Л. Греческие ученые и купцы — покровители национального просвещения — в России // Греки России и Украины. Под ред. Ю.В. Ивановой. СПб.: Алетейя, 2004. С. 63.

17 Liste des sujets et protégés de S[a] M[ajesté] l'Empereur de toutes les Russies établis dans la ville de Caire. АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 660. Л. 12.

18 Лекс И.М. Черновики отчета за 1879 год. АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 122. Л. 74 об.

19 Копии выписок из патриаршего кодекса Александрийской Патриархии от 27 января и 5 февраля 1866 г., выданные Екатерине Абед и Георгию Аранги (на греч. и франц. яз.). АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 689. Л. 5, 7.

20 [Записка об отношениях между общинами и Александрийской Патриархией]... Л. 26 об.

21 Документы об этих выборах см: Петрунина О.Е., Герд Л.А., Вах К.А. Александрийский патриархат и Россия... С. 724–756.

22 Там же. С. 742.

23 Σουλογιάννης Ε. Ελληνική κοινότητα του Καΐρου (1856–2001). Αθήνα: Κότινος Α.Ε., 2001. Σ. 69–108.

«Возвещает нам Писание те прекрасныя места»: новонайденный список духовного стиха о Рае*

М.В. Рождественская

Жанр духовных стихов является одним из важных в средневековой русской литературе, словесного и музыкального фольклора, его изучению посвящена большая историографическая традиция. На тему Рая как места упокоения праведников, заслуживших Царство Небесное, создано большое количество подобных стихов — духовных песен, в которых описание райского локуса с небольшими текстовыми расхождениями переходят из одного списка в другой. В русской средневековой литературе и в русском фольклоре образ Рая часто сопоставляется с образами земного и небесного Иерусалима, с Палестиной и Ближним Востоком, где проходила жизнь, учение и страдания Иисуса Христа, земная жизнь Пресвятой Богородицы, апостолов, архангелов, святых, а также пророков и праотцев Ветхого Завета. Тексты древнерусских «хождений» в Святую землю часто описывают её природу как райскую, употребляя одинаковые выражения и превращая реальное географическое пространство в райское.[1]

В собраниях российских государственных хранилищ старинных рукописей, таких как РГБ, РНБ, БАН, ИРЛИ РАН, РГАДА, ГИМ и других содержится немало сборников, включающих духовные стихи. Благодаря начавшимся в середине и во второй половине XX в. планомерным археографическим экспедициям Московского, Ленинградского, Новосибирского, Пермского, Екатеринбургского, Сыктывкарского, Нижегородского университетов, ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН и других научных учреждений и библиотек, рукописные собрания постоянно пополняются находками, в том числе, списками духовных стихов. В их репертуаре

* Статья написана в соответствии с госзаданием ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН в рамках Программы фундаментальных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» 2022 г.

райско-палестинская тема занимает особое место. Как правило, это сборники, бытовавшие в местах распространения старообрядчества разных «согласий», в основном на Русском Севере, в Сибири, на Алтае, на Урале, в Вятке, отчасти в Прибалтике. Переписывание и хранение духовных стихов до сих пор остаются актуальными в старообрядческой среде. Духовные стихи вызывают интерес и в наши дни. Исполняемые, например, ансамблем «Сирин», коллективами Полины Терентьевой, Варвары Котовой и других находят горячий отклик у современных слушателей, в том числе и стих о Рае.

В 2022 г. сотрудником Древлехранилища им. В.И. Малышева ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН М.В. Кужелевым была привезена из г. Кирова (б. Вятки) тетрадь с духовными стихами, которая открывается стихом о Рае, начинающимся словами «Кто бы дал мне яко птице, два пернатыя крыла».[2] Этот стих хорошо известен по другим рукописным собраниям в разных вариантах. Предварительно его можно разделить на две редакции — более обширную и краткую. Однако подробного текстологического сопоставления разных списков не проводилось. Его варианты из других сборников носят названия «Стих о Пресветлом Рае», «О судьбе душевной», иногда вообще никак не названы.

Новонайденный в г. Кирове стих о Рае по нашим первым впечатлениям, принадлежит к полной редакции. Он записан в тетради в 4-ку вместе с другими известными духовными стихами почерком под старинную кириллицу. Это не сшитая тетрадь, а её фрагменты: она состоит из отдельных, довольно обветшавших листов, заполненных синими и черными чернилами, причем в некоторых случаях текст содержащихся в тетради духовных стихов размыт, но восстанавливается по другим рукописным и печатным вариантам. Тетрадь содержит 96 лл. нижней пагинации, некоторые из них перепутаны, два листа в середине тетради оставлены чистыми. Многие заголовки стихов написаны киноварью, как и некоторые начальные буквы строк и особо важные для переписчика фразы. В тетради выявляются два почерка, разными чернилами — черными и фиолетовыми. Как определили М.В. Кужелев и заведующий Древлехранилищем им. В.И. Малышева В.П. Бударагин, записи датируются XX в. Тетрадь вошла в Вятское собрание Древлехранилища им. В.И. Малышева.[3]

Приведем названия стихов в тетради: 1. Стих духовный о Рае, по верхнему полю надпись «душе полезнее», 2. Стих о смерти, 3. Стих о измене закона, 4. О святом монахе (Антонии), 5. Стих печального странника, 6. Стих о невольнике, 7. Показанье ангелом на житье человека, 8. Стих Рождеству Христову, 9. Для света о жизни стих, 10. Стих Иоасафа Царевича, 11. Стих как на свете житии, 12. Стих «Из пустыни старец выходит», 13. Стих о Антихристе, 14. Стих на Святую Пасху, 15. Стих на Рождество Господа нашего Иисуса Христа, 16. Стих о распятии (страдании) Христове, 17. Стих Святому

Николе Чудотворцу, 18. О умолении дочери своей, 19. Стих о страшном потопе Ноеве, 20. Стих от роду родов, 21. Стих о страннике, 22. Стих ангелу-хранителю, 23. Стих о манахе (так! — М.Р.). 24. Стих о Закхее.

Как уже отмечалось, большинство этих стихов известны по другим рукописным собраниям и печатным сборникам.[4] Многие представляют собой народную обработку стихотворений профессиональных поэтов и священнослужителей. Одна из исследовательниц духовного стиха Т.В. Мануковская пишет: «Характерной особенностью духовного песнопения нынешнего времени является запись исполнителями многих стихов в песенники. В них все чаще появляются стихи, созданные монастырской братией, но народ их поет, считая их слова народными».[5] Источниками некоторых духовных стихов были и стихи профессиональных поэтов — Ломоносова, Хераскова, Лермонтова, Ф. Глинки, Плещеева, Полонского, Мережковского и др. В Вятском собрании ИРЛИ РАН, как указано А.Б. Бильдюг, Т.Н. Галашевой, М.В. Кужелевым в Описании, находятся и другие списки интересующего нас стиха о Рае (№№ 26, 41, 50). Кроме того, он содержится также в Карельском (№№ 507 и 521), Мезенском (№ 90) собраниях Древлехранилища, в коллекции И.Н. Заволоко (№ 37), в рукописи из Отдела поступлений (опись 24, № 173). Все эти списки за исключением списка из Карельского собрания XIX в., датируются XX в., что свидетельствует об актуальности в крестьянской среде темы рая как Святой Земли: «возвещает нам Писание те прекрасныя места». Чем же они были так прекрасны? Обратимся к тексту духовного стиха из новонайденной вятской тетради:[6]

«Возвещает нам Писание / Те прекрасные места, где находит истекает / Едрат райская река, / Наполняет и поливает / Прозрачные поля. / Где растут и процветают / Те прекрасные древа, / Где рождают умножают / Того родшего плода. / Где летают воспевают / Птицы райские всегда. / Тамо ни зимы ни мраза,/ Завсегдашняя весна. / Тамо несть ни дни, ни нощи, /А сияет свет всегда / В покое бесконечном / У Небеснова Отца / сподоби, Боже, вселити / Недостойную меня».

Здесь перечислены основные признаки райских мест: полноводная река с прозрачной водой (Евфрат/Едрат), деревья, на которых растут и зреют плоды, вечная весна/лето, пение райских птиц, вечное сияние божественного света, покой. В отличие от большинства рукописных и печатных списков этого стиха о Рае, здесь река Евфрат названа «Едрат», а конечная строка позволяет думать, что стих написан от женского имени. Скорее всего, это случайность, однако нельзя исключить, что данный список переписывала женщина, хотя остальные духовные стихи в тетради традиционно переписаны от мужского имени.

В других списках стиха о Рае названия реки Едрат вместо Евфрат (Ефрат) нет. Это одно из имен четырех рек, которые согласно Ветхому

Завету, истекают из райского сада: Фисон, Геон, Тигр, Евфрат: «И насади Господь Богъ рай во Едеме на востоцех; и введе тамо человека, егоже созда. И прозябе Богъ еще от земли всякое древо, красное въ видение и доброе въ снедь, и древо жизни посреде рая, и древо ведети разумételное добраго и лукаваго. *Река же исходитъ из Едема напаяти рай: отуду разлучается четыри начала* (курсив мой — *М.Р.*)». Ср.: Быт. 2: 8–10. Заметим, что в апокрифических сочинениях на тему рая имена рек иногда варьируются, Геон или Тигр заменяются Нилом. В других списках стиха из Вятского собрания (№№ 50/1 и 50/2) и Мезенского собр. (№ 90) Древлехранилища ИРЛИ РАН вообще нет упоминания о реке. В Новом Завете рай характеризуется также сиянием вечного света: «*И ночи не будет там и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их*»» (Откр. 22:5).

В новонайденном стихе о Рае в начальной фразе «Кто бы дал мне яко птице два пернатыя крыла» крылья названы «пернатыми». Источник этой фразы отсылает к Псалтыри: «И рехъ: кто дасть ми криле яко голубине и полечу и почию» (Пс. 54:7). Так же «пернатыми» названы крылья в сборнике того же Вятского собрания № 50/1 и в списке Карельского собр. № 521. Но в списке Вятского собрания № 26 и в некоторых других списках из Древлехранилища крылья птицы называются «перистыми». В записях этого духовного стиха из разных других собраний из разных хранилищ находим оба варианта — крылья и «перистые», и «пернатые». В целом краткая характеристика райских мест в нашем стихе очень близка к описанию рая в апокрифических «Сказании о старце нашем Агапии», «Сказании о Макарии Римском», в «Житии Андрея Юродивого». Там также используются основные «райские» черты: сладкоголосое пение разноцветных птиц, сияние необыкновенного света, обилие плодов и вечно цветущих деревьев, источники с чистой и сладкой водой — образ оазиса в ближневосточной пустыне.

Старец Агапий попадает на райский остров потому, что ищет ответа на вопрос, зачем люди оставляют свои дома, родных и идут «во след Господа». Остров поражает его обилием цветущих деревьев, источающих благоухание, с висящими на ветках сладкими плодами, поражает птицами разноцветного оперения, поющими на разные голоса, ярким сиянием неземного света. Подобная картина открывается и перед святым Андреем Юродивым, когда он, не найдя приюта в лютый холод, чуть не замерзнув в Царьграде, почти раздетый, забывается смертельным сном и вдруг обнаруживает себя в жарком краю среди широкого цветущего луга, покрытого свежей зеленой травой, слыша сладкоголосое пение разноцветных райских птиц. Он видит, что вокруг деревья «да цветуть беспрестани и да не увядають, а иному листвиемь и плоды всими различными повелено краситися, а другыимъ беаше и цветъ и листвие добротою и красотою и видиньемь страньномь.

А плодъ честнъ и славенъ и многъ велми, несть же земьныхъ ни едино, еже бы ся приладно к темъ. Чюдо же боле всего в саде томъ (...) птенци бо беаху на нихъ мнози, врабие и щюри, и словие, иныи неименити, красны златыми крилы и снежны крилы, пъстри, седяще кождо на своемъ листе, пояху же вси кождо по своему гласу, якоже гласъ пенью ихъ сладкуму и красному азъ же мних слышати на высоте лица на небеси».[7]

В апокрифах о рае живительная вода реки или источника выполняет целительную роль — она утоляет жажду, прозрачна и сладка на вкус подобно меду, и бела, как молоко. Испив этой воды, посетитель рая испытывает бодрость и забывает прежнюю печаль. Рай духовных стихов представляет, как мы видим, ту же самую картину, только в более сжатом виде. Черты райского пространства несет и реальность Святой Земли, куда приходят паломники в «хождениях», о чем нам уже приходилось писать.[8] В других духовных стихах, не посвященных описанию рая, также нередко упоминаются приметы Святой Земли как райской. Например, встречаем такие строки: «Днесь малой Вифлеем прекрасен, как Едем», «ясно райские места», «В великой стране (вар.: в дальней стране) Палестине струится река Иордан, на берег реки той выходит Креститель святой Иоанн»», или в Плаче Израиля: «Слезы ливше о Сионе и с сердечною тоской пел Израиль в Вавилоне пленный сидя над рекой», отсылка к известному 136 Псалму: «На реках Вавилонских тамо седохом и плакахом внегда помянуте нам Сиона...» Два последних примера о реке Иордан и о плаче израильских пленников содержатся также в новонайденной вятской тетради. Полностью её репертуар не приводим, так как он обычен для старообрядческих сборников и устных записей, сделанных в разное время участниками фольклорных и этнографических экспедиций и опубликованных в разное время исследователями. Задача будущего — проследить «палестинский след» в этих текстах, посвященных не только описанию прекрасного рая, а также выяснить, насколько этот след стабилен в духовных стихах на территории разных областей России, у восточных и западных славян, например, в Польше, где была сильная русская старообрядческая традиция.[9] Такую возможность даёт нам обильный материал, как собранный и уже опубликованный исследователями, так и хранящийся в архивных рукописных собраниях. Новонайденный список духовного стиха о Рае из Вятского собрания ИРЛИ РАН и другие стихи с упоминанием святых мест древней Палестины, также как и хождения в Святую Землю и апокрифы о путешествиях в сторону рая, позволяют включить его в круг литературно-фольклорных памятников, составляющих общий «райско-палестинский» метатекст.

Ниже приводим текст духовного стиха из Вятского собрания Древлехранилища им. В.И. Малышева ИРЛИ РАН по современной орфографии, сохраняя конечный «ъ» и отредактировав пунктуацию. В оригинале стих написан в сплошную строку, мы разбиваем его на стихотворные строки.

Стих душевный о рае

Кто бы далъ мне яко птице два пернатыя крыла,
Полетелъ бы я на тотъ свет, я узнал бы, что есть там.
Я узналъ бы и рассказалъ бы своимъ милымъ друзьямъ.
Но не какъ сего не будет, невозможно отвечать.
Едина есть чаша смертная своей горестью претит.
Мне не в сей день ни в другий, а сию чашу испить.
От сего света на тотъ светъ жизнь свою определить.
Что со мной тогда случилось, неизвестныя места,
Только есть одна надежда моя вера, (кая вера)[10] и надежда
Многих праведных спасла, ко Христу всех привела.
Возвещает нам Писание те прекрасныя места,
Где исходит, истекает Едрат райская река.
Наполняет и поливает прозрачные поля,
Где растут и процветают те прекрасные древа,
где рождают умножают того родшего плода,
где летают воспевают птицы райские всегда.
Тамо ни зимы ни мраза, завсегдашняя весна.
Тамо несть ни дни, ни нощи, а сияет свет всегда
в покое бесконечном у Небеснова Отца.
Сподоби, Боже, вселити недостойную меня».

1 См., например,: Рождественская М.В. Реальное и мнимое (О «райско-палестинском тексте» в древнерусской литературе) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М. 2005. С. 209–231.

2 Приношу сердечную благодарность М.В. Кужелеву за возможность познакомиться с тетрадью и предоставленные сведения о её находке.

3 См.: Бильдюг. А.Б., Галашева Т.Н., Кужелев М.В. Описание собрания вятских рукописей в Древлехранилище Пушкинского Дома. (оп. 59, Вятское собр.).// ТОДРЛ. Т. 66. СПб. 2019. С. 387–440.

4 См., напр.: Бессонов П.А. Калики перехожие. Сборник текстов и исследование. Вып. 1–6. М. 1861–1864. Варенцов В.Г. Сборник русских духовных стихов. Спб. 1860.; Казанцева М.Г., Философова Т.В.. Музыкально-поэтическое наследие поморского Севера в Вятской страообрядческой традиции// Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург. 1993. Вып. 2. С. 81–111; Духовные стихи русского Севера. Сост. В.П. Кузнецова. Петрозаводск. 2015.; Стихи духовные. Сост. Ф. Селиванов. М., 1991.; Семибратов В.К. Духовная культура старообрядчества в конце XIX — первой трети XX вв. (на материалах Вятского края). Киров. 2005.; Мурашова Н.С. 1) Старообрядческий духовный стих в контексте культурно-исторической эволюции

внебогослужебного духовного пения. Новосибирск. 2019.; 2) Историография термина «духовный стих» // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. Мануковская Т.В. Духовные песни в современном бытовании (с.Першино Нижнедевицкого района). Folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb2/manukovskaya1.pdf Стихи умиленные. Русские духовные стихи письменной традиции XVI–XIX веков с роспевами по знамени и на линейной ноте. Сост. П. Терентьева. 2012.; Воронцова Е.В. Современное бытование духовных стихов в среде старообрядцев (по материалам полевых исследований на Вятке) АКД философ. наук. МГУ, М. 2015.; Никитина С.Е. 1). Духовные стихи в современной старообрядческой культуре: место, функция, семантика. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI МСС. Братислава, сентябрь 1993 г. М. 1993. 2). Народная культура и языковое сознание. М., 1993.; Федотов. Стихи духовные / Русская народная вера по духовным стихам. Коммент. и подг. Текста А.Л. Топоркова. М. 1991. Духовные стихи Воронежского края / подг. текста, и сост. Т.Ф. Пуховой, Т.В. Мануковой, А.А. Чернобаевой. (Афанасьевский сборник. Материалы и исследование. Выпуск X. Духовные стихи Воронежского края). Воронеж. ВГУ. 2011.; Комелина Н.Г. Духовные стихи Зимнего берега Белого моря в записях советского времени (по материалам фольклорного собрания ИРЛИ) // Русская литература. 2018. № 4. С. 208–237.

5 См. сноску 5.

6 Цитируем стих по современной орфографии, заменяя і на и, ı на е, Ż на я. Выносные буквы вносим в строку. При этом сохраняем орфографию источника.

7 *Молдован А.М.* Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000. С. 198–199.

8 См. сноску 2

9 Kowalska Hanna. Rosyjski wiersz duchowny i kultura religijna staroobrzedowcow pomorskich. Wroclaw. Warszawa. Krakow. Gdansk. Lodz. 1987.

10 Слова в скобках в данном списке не читаются и восстановлены по другим вариантам стиха.

Иерусалимские донесения архимандрита Порфирия (Успенского) в Азиатский департамент МИД (1853–1854 гг.)*

И.Ю. Смирнова

В канун 170-й годовщины начала Крымской войны встаёт задача осмысления внешнеполитических предпосылок крупнейшего военного конфликта XIX в., приведшего к изменению баланса международных сил в Европе, кардинально повлиявшего на статус России на Православном Востоке, положение христианских общин в Святой Земле. В этом отношении представляют интерес донесения первого начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Порфирия (Успенского) в Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской Империи за 1853–1854 гг., анализ которых позволяет оценить церковно-дипломатическую ситуацию в Святой Земле в период обострения Восточного вопроса.

В.Н. Хитрово в своей работе «Из истории Русской Духовной миссии в Иерусалиме» писал: «В течение пяти месяцев, в которые миссия оставалась в Иерусалиме, никто не спросил ее ни о чем, и она ничего не сообщила. Да что могла она сообщить, отрезанная от всего мира, забытая всеми, не получая ни от кого не только сведений, но и денежных средств, которыми она могла существовать?»[1] Для ответа на вопрос, насколько правомерна подобная оценка роли Иерусалимской РДМ и её начальника, необходимо обратиться к корреспонденции о. Порфирия, адресованной директору Азиатского департамента Н.И. Любимову, а также к восполнявшим её дневниковым записям архимандрита за соответствующий период.

В фонде АВПРИ под названием «О перестройке купола храма Гроба Господня в Иерусалиме»[2] содержится пять писем архимандрита Порфирия

* Исследование выполнено в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

(Успенского) в Азиатский департамент, написанные на протяжении 4-х месяцев, с 30 января по 29 мая 1854 г., в которых отец Порфирий обстоятельно освещал последние событие в Иерусалиме, предшествовавшие отъезду РДМ из Иерусалима[3]. Это было время между последней 4-х-дневной поездкой о. Порфирия с инспекцией школ в Рамалле, Яффе и Лидде до отъезда Миссии из Иерусалима (то есть с середины сентября 1853 г. до 7 мая 1854 г.)

Обстоятельства последних 4-х месяцев пребывания в Иерусалиме были для членов РДМ тяжелыми: 4/16 октября 1853 г. Турция объявила войну России, российские дипломаты — К.М. Базили и Н.С. Марабути — выехали в Россию: первый 10 октября из Бейрута через Соронто, последний, две недели спустя — из Яффы в Грецию. Архимандрит Порфирий пребывал в растерянности и неопределенности: Базили не сообщил ему никаких указаний МИД относительно Миссии. Поэтому Порфирий «не знал, что делать в настоящих затруднительных обстоятельствах»[4] — то ли ехать в Грецию, что начальство могло расценить как самовольство, то ли оставаться в Иерусалиме, где Миссия оказывалась на вражеской территории, без связи с руководством, без денег[5], при интригах «латинских монахов, английской духовной миссии и французского посольства»[6]. В этих обстоятельствах намерение ехать в Грецию перевешивало, но первоначально о. Порфирий откладывал отъезд до первых дней ноября[7].

Деньги были высланы только в феврале 1854 г.[8] Более того, в МИДе сочли целесообразным оставить Миссию в Иерусалиме, пока позволяют обстоятельства, с учетом той пользы, которую приносит пребывание её в Святом Граде[9]. Однако из-за сложностей, вызванных настояниями французского консула Ботты об удалении Миссии из Турции, а также в связи с намерением Порты не оставлять в стране русских подданных, Порфирий полагал выехать из Святого Града в середине апреля 1854 г.

Впрочем, архимандрит намеревался «под разными предлогами продлить здесь пребывание наше по крайней мере до мая месяца», чтобы завершить начатые им дела. Но уже в письме к Любимову от 10 апреля извещал, что по приказанию Порты они должны выехать из Турции 5 мая, в чём они уже дали подписку австрийскому консулу Пиццамано, так как «по настоянию Порты австрийское консульство по истечении указанного срока не сможет оказывать русским свое покровительство». На том же настаивал иерусалимский паша, вынуждая Греческий святогробский монастырь выслать РДМ заграницу. Как стало известно Порфирию, «некоторые из здешних эфендиев начали поговаривать громко, будто мы соглядатаи настоящих событий в Турции, и будто к нам приплетаются греки и армяне в чаянии разных выгод в будущем»[10]. Всё это делало дальнейшее пребывание Миссии в Иерусалиме невозможным, и 8 мая все члены Миссии отправились в Яффу, а оттуда в Триест, через Александрию, Смирну, Афины и Корфу[11].

«Весь год этот, — писал Порфирий 31 декабря 1853 г., — был бранный, грозный и для нас черный. Ибо начальство наше не выслало нам денег и оставило нас среди врагов наших»[12]. И среди всех сложностей и невзгод, утешением о. Порфирию, по его личному признанию, служило чувство выполненного долга — и прежде всего то, что ему «довелось сообщить Начальству главные события в Иерусалиме и в Турции в настоящее грозное время»[13].

Содержание писем архимандрита Порфирия можно разбить на несколько тематический направлений, что соответствует отчасти подходу самого о. Порфирия, который в последний день 1853 г. решил изменить принцип ведения своего дневника: «Буду продолжать дневник свой по прежнему, но при беловой переписке его сопоставлю однородные предметы, потому что наскучила мне пестрота и неодноцветность записей. Я люблю монографии»[14].

Прежде всего, он обращал внимание на события, связанные с военной тематикой — и не только в Сирии и Палестине, но и в других областях Османской империи. В дипломатических кругах Иерусалима вести о войне Турции с Россией распространялись с 20-х чисел сентября 1853 г.. 22 сентября от австрийского консула графа Йозефа Пиццамано о. Порфирий услышал, что война уже началась и что бейрутский генконсул К.М. Базили в связи с этим «выезжает из Бейрута в Ливорно». Те же слухи дошли до британского консула Дж. Финна, который отправил к Порфирию своего драгомана удостовериться, «действительно ли Базили оставляет Бейрут»[15].

О начале войны России с Турцией Порфирию сообщил консул Пиццамано 13 октября[16], а в воскресенье, 18 октября, в Святогробском храме был прочитан фирман о войне России с Турцией. «Здешним христианам, — отмечал в дневнике Порфирий, — внушено молить Бога о даровании султану победы над нами. Однако, ничья молитва не вознеслась к небу»[17].

Информируя Департамент о ситуации в Сирии и Палестине, о. Порфирий сообщал о беспорядках и гонениях на христиан со стороны мусульманского населения, поднявшихся едва только османские войска перешли Дунай и начались первые военные действия в Азии: «Мусульманская чернь в Дамаске, Бейруте, Акре, Яффе, Лидде и Рамле, обрадованная молвою о победах султана на суше и море, начала угрожать христианам». Однако решительные действия местных властей способствовали их скорейшему прекращению, «так что восстания не приняли больших размеров, и окончились одними ругательствами и кой-какими неприятностями»[18].

Таким образом обстановка в Сирии и Палестине в целом была спокойной — «ожидание больших страданий христиан на Востоке в настоящую эпоху не сбылось», что объяснялось не только строгими мерами османских властей, но и «сближением мусульман с христианами, основанным на взаимных житейских выгодах»[19]. Не ощущалось особой напряженности

и в дальнейшем. Так, три месяца спустя, в конце марта 1854 г., Порфирий отмечал: «В Палестине, как и в Сирии, Египте и Малой Азии спокойно. В Иерусалиме все заняты своими делами, как будто нет никакой грозы». Ничто не угрожало христианам и в Наблузе, где мусульмане отличались особой жестокостью: как удалось выяснить о. Порфирию, «последователи Магомета ссорятся между собою и в чаду своих страстей забывают райев, за права которых началась война»[20].

Ещё два месяца спустя, уже по пути в Триест, о. Порфирий сообщал в Азиатский департамент: «В Иерусалиме и во всей Святой Земле было велие спокойствие и радование о хорошем урожае хлебов и изобилии всех плодов земных. Междоусобие тамошних шейхов не возобновлялись со времени военных действий на Дунае и у Кавказа. Милостивый к христианам фирман султана, данный по случаю притеснения и избиения их в Румелии, не был прочитан в Иерусалиме из предосторожности, как бы угрозы Падишаха мусульманам за оскорбление христиан не озлобили первых против вторых»[21].

Как видно из донесения о. Порфирия в Азиатский департамент от 28 марта, задолго до того, как военные действия были перенесены в Крым (1 сентября 1854 г. был высажен десант возле Евпатории, и англо-французские войска двинулись на Севастополь; первое крупное сражение в Крымской войне состоялось 8 сентября 1854 г. на Альме, а 13 октября началась знаменитая осады Севастополя), британские стратеги вынашивали далеко идущие планы: «Лишь изредка английско-жидовская политика Кларендона делит здесь Россию на части, и Севастополь отдает англичанам, Синоп — французам, а Крым и Грузию — туркам, предсказывая удачную высадку 80 000 галло-англичан около Севастополя, как будто военный министр наш оставит Тавриду — эту жемчужину России — открытою на съедение ракам, привезенным из Сены и Темзы»[22].

Особое внимание архимандрит Порфирий обращает в донесениях на участие Греции в военном конфликте[23] и отмечает, не останавливаясь отдельно на разрыве Турции с Грецией, (полагая, что это важное событие директору департамента «лучше известно по другим донесением»), что в Иерусалиме ходят разговоры, «что Порта удерживает эллинского посланника, боясь возмущение нескольких тысяч греков, проживающих в Константинополе, и что англичане отказались помогать туркам в случае войны их с эллинами, будто бы совестясь иметь брань со всеми христианами»[24].

Позже о. Порфирий изложил в своем письме к Любимову свои наблюдения об отношении греков к русским, отмечая их преданность России: «Ни один греческий купец не дал своего корабля для наемного перевоза французских войск в Константинополь <...> Такое самоотвержение обнаруживает пламенную ревность по вере и страдальческую любовь к нам, которая граничит с любовию, полагающею душу за ближнего»[25].

К особенно важным сведениям о. Порфирия можно отнести подписание Турцией договора с союзниками, согласно которому она обязывалась:

1). не заключать мира с Россией без их ведома и согласия;

2). не взимать с христиан унизительного для них хараджа;

3). принимать их свидетельство в магометанских судилищах;

4). дозволять иностранцам покупать дома и земли в Турции.

Новые распоряжения османского правительства Порфирий прокомментировал как поспешные и лишь внешне благоприятные для христиан, считая, что «со временем договор причинит им большое горе и большие ущербы». В частности, «стремление Порты к завладению вакуфами мечетей повлечет за собою сильное ограничение и, статься может, уничтожение поземельной собственности православных монастырей в Турции, при напоре какого-нибудь альбионского ненавистника монахов». Среди прочего Порфирий предсказывал, что инославные миссионеры во главе с Латинским Патриархом Дж. Валергой и епископом Самуилом Гобатом будут стремится покупать недвижимость в православных селениях и «употребят все усилия к подрыву Православия»[26].

Позиция же самого архимандрита в отношении военного конфликта была весьма воинственной и при этом далекой от реальности. Единственным средством поддержания Православной Церкви на Востоке он видел либо в расторжении договора Англии и Франции с Турциею дипломатическим путём, сомневаясь в том, что это возможно, либо (что было также маловероятным) в «изгнании турок из Европы, например, в Египет, откуда они еще могут до времени управлять Аравией, Палестиной, Сирией и Месопотамией, где сгущено народонаселение магометанское»[27]. Обвиняя турок в «равнодушии и презрении к христианству», он считал, что «их надобно понудить мечом и договором у жерла пушки очистить Гроб Господень от такого осквернения, которое нестерпимо для сердца христианина»[28]. Поводом к этому высказыванию послужило «дело о ремонте Большого Купола храма Гроба Господня».

Не останавливаясь отдельно на «деле о Куполе» как одном из ключевых сюжетов «вопроса о святых местах», отмечу лишь, что о. Порфирий справедливо считал его заслуживающим «внимания движителей дел церковных и народных на Востоке»[29]. Информируя о прибытии в Иерусалим трёх архитекторов, присланных Портой для починки купола, он высказывает предположение, что «Порта сделала это распоряжение в настоящую неблагоприятную годину ради обаяния своих греческих подданных, и дипломатического уверения, что она намерена исправить помянутый купол самостоятельно». Однако до отъезда Миссии из Иерусалима дело о Куполе так и не продвинулось, и, надо полагать, не только «из-за неимения строевых материалов и рабочих людей, которых надобно вызывать из Царьграда»[30], согласно официальной версии, но и из-за нежелания Порты усугублять межконфессиональные споры по поводу святых мест, спровоцировавшие военный конфликт.

Ремонт Большого Купола представлял собой один из ключевых компонентов вопроса о святых местах, послужившего поводом к началу Крымской войны, поэтому неудивительно, что этот вопрос также нашел своё место в донесениях о. Порфирия, который полагал, что наиболее верным средством соблюдения мира в Иерусалиме — достичь дипломатическим путём договоренностей между тремя вероисповеданиями (православными, католиками и армянами) не совершать «по примеру древних христиан» богослужений на святых местах Вифлеема, Иерусалима и проч., а «только поклоняться бы там». По его мнению, дипломаты должны были разъяснять в столицах Европы и Константинополе, что «священнодействие на помянутых святых местах есть недавнее нововведение», а также написать брошюру, которая бы «послужила бы предтечею нового дипломатического действия» для воздействия на общественное мнение и[31]. За выполнение этой задачи взялся К.М. Базили, издав брошюру «Письмо в Париж», где высказал ту же мысль — о желательности запрета всем конфессиям совершать богослужения на святых местах[32].

Надо признать, что вопрос о святых местах освещён в донесениях о. Порфирия на удивление скупо. По его наблюдениям, ни в Иерусалиме, ни в Вифлееме не возникало каких-либо заметных столкновений или пререканий между различными конфессиями. «В Вифлееме латинские монахи только однажды заперли и отперли своим ключом западную дверь тамошнего собора, а в Гефсимании ни разу не служили на Гробе Богоматери. Греки же не воспользовались правом священнодействие в часовне Елеонской». Как отмечает о. Порфирий, «тревожное ожидание новой будущности приостановило тех и других на прежних местах и в прежних отношениях»[33]. И это несмотря на то, что «францисканцы получили ключ от западной двери Вифлеемского собора <...> и домогались служить в Гефсимании на армянском престоле через день»[34].

Гораздо больше внимания архимандрит Порфирий уделяет межконфессиональной ситуации в Святой Земле и участию европейской дипломатии в религиозных делах. При этом наиболее обстоятельный раздел его донесений посвящен деятельности католиков и Патриарха Валерги при самом деятельном участии французского консула в Иерусалиме Поля-Эмиля Ботта.

К главным сюжетам корреспонденции русского архимандрита относится увеличение французских паломников в Иерусалиме и конфликт между францисканцами и лазаристами. Отец Порфирий информировал Любимова о конфликте между Латинским Патриархом Валергой и францисканским орденом, когда Патриарх и консул Ботта пытались выдворить францисканцев «как неспособных к распространению римского вероисповедания», предпочитая им лазаристов, при посредстве которых рассчитывали «нанести удар православию и утвердить полное влияние Франции в Святой Земле»[35].

Подобные меры вызывали нерасположенность францисканцев и возмущение австрийского, неаполитанского и испанского правительств, поддерживавших францисканцев и намеревавшихся учредить в Иерусалиме свои консульства. Францисканцы вынуждены были обратиться к Папе Римскому Пию IX[36]; паша Иерусалима предписал Валерге не вмешиваться в дела францисканского монастыря[37], а испанский консул «наотрез объявил Ботте и Валерге, что не позволит им распоряжаться пособиями, высылаемыми из Испании в францисканский монастырь»[38].

Неурядицы в католической среде — соперничество консулов католических держав и борьба за католический монастырь между Патриархом Валергой и францисканцами, по мнению архимандрита Порфирия, была на руку православным: «Пока западные ястребы дерутся между собою, восточные голуби наши будут целы»[39].

Большой резонанс, согласно донесениям о. Порфирия, вызвало дело, связанное с покупкой Латинским Патриархом Валергой дома в православном селении Бейт-Джала, принадлежавшего Греческому монастырю. Приобретение дома Латинским Патриархом вызвало протесты местного населения. Консул Ботта перенес обсуждение этого дела сначала в Бейрут, а затем и в Константинополь: он обосновывал необходимость размещения католического духовенства в Бейт-Джале тем, что там якобы в древние времена находился молитвенный дом католиков. Несмотря на неправомерность этой покупки (католикам особым фирманом воспрещалось селиться в православной Бейт-Джале), «из Константинополя прислали визирское предписание иерусалимскому начальству, чтобы оно не препятствовало союзным с Турцией франкам жить в деревнях, если нет каких особых препятствий к тому»[40]. Таким образом, французские дипломаты одержали победу, и Валерга стал владельцем дома, что о. Порфирий назвал «несправедливостью, вопиющей на небо»[41]. В протестах православных против покупки Валергой дома в Бейт-Джале Ботта объявил виновным архимандрита Порфирия и настаивал в Диване о его высылке из Иерусалима.

Бейт-Джальской покупкой дело не ограничилось. В донесении от 10 апреля 1854 г. о. Порфирий сообщал о новом предприятии консула Ботта — покупке дома в православном селении Рамалле, что, по убеждению архимандрита, преследовало целью «водворить и там латинское духовенство и содействовать успеху его пропаганды»[42]. «Если это сбудется, — записал о. Порфирий в дневнике, — то и там начнется такая же суматоха, как и в Бетджале»[43].

Значительно меньше внимания в донесениях архимандрита Порфирия уделяется делам британского консула в Иерусалиме Джеймса Финна и протестантского епископа Самуила Гобата. Возможно, это объясняется тем, что с протестантами и их епископом было меньше точек соприкосновения. Как писал о. Порфирий, «английский епископ Гобат чуждался меня,

но и я не хотел знакомиться с ним, потому что мне весьма не нравилось воровство его, а воровал он православные души и загонял их в свою кирку, в которой нет даже Распятия, а стоят две черно-мраморные скрижали с десятью заповедями, как будто он раввин, а не епископ»[44].

Не только из донесений, но и из дневника архимандрита видна готовность британского консула отстаивать права местных протестантов, малейшее ущемление которых вызывало очередной взрыв агрессивной активности. Так, о. Порфирий отмечает, что когда некий новообращенный в Наблузе протестант Дауд не был избран в меджлис, и о том стало известно консулу Финну, «сей дьявол пошел к паше и требовал, чтобы православные соперники Дауда были сосланы в каторгу в Сен-Жан-д'Акре»[45].

Однако далеко не все попытки «защищать своих» были успешными: так, когда драгоман британского консула явился в Диван Наблуза по случаю ссоры христиан и протестантов, местные судьи оставили это дело без внимания, а когда «драгоман начал требовать, чтобы протестантам позволено было построить особый для них молитвенный дом, иметь особое кладбище и заседать в диване наравне с православными, судьи наотрез отказали ему, примолвив, что если и фирман последует, то не будет исполнен»[46]. На требование Финна перенести рассмотрение дела в Иерусалим наблузский паша ответил отказом.

В поле зрения о. Порфирия попадает и неоднозначная роль оксфордского диакона Уильяма Пальмера, что весьма показательно для понимания роли британской дипломатии в Святой Земле и Константинополе. В донесении от 29 мая 1854 г. о. Порфирий сообщал Н.И. Любимову о том, что Константинопольский Патриарх Анфим VI[47] по настоянию министра иностранных дел Решид-Паши был вынужден отдать визит британскому послу лорду Стрэтфорду де Рэдклиффу. Как выяснил архимандрит, британский дипломат предлагал Патриарху всенародно объявить о несоблюдении Российской Церковью канонов и постановлений Церкви Греческой, с тем, чтобы подорвать доверие к Русской Церкви и устранить притязания Императорского Двора на покровительство восточных христиан. Как полагал Порфирий, виной послужили внушения Каннингу Уильяма Пальмера, который «натолковал Рэдклифу о разности двух Церквей»[48]. Однако Патриарх не согласился на такой шаг.

К действиям лорда Рэдклифа о. Порфирий отнесся со всей серьезностью, находя в откровенном вмешательстве британских дипломатов в дела Православных Церквей новое измерение Восточного вопроса. Порфирий полагал, что различия в церковной практике и обрядах двух Церквей, подавшие повод для инсинуаций британского посла, «должны послужить для нас уроком и побуждением к совершенному сближению с Греческой Церковью: иначе искра, брошенная теперь Редклифом, со временем разгорится пламенем, которое пожжет и нас и покровительствуемых нами на Востоке»[49].

Выводы о. Порфирия сводились к тому, что «Пальмер не любит нас и, склонный к папизму, во многом осуждает как нашу, так и Греческую Церковь, находя между ними разность: что неоднократно было высказано им мне в бытность его в Иерусалиме в нынешнюю Пасху»[50]. Суждение о. Порфирия о роли британских дипломатов и их усилиях, направленных на разделение Греческой и Русской Церкви, ценны ещё и потому, что полностью подтверждают результаты исследований, основанных как на других источниках, так, отчасти, на предположениях и гипотезах[51].

В целом, анализируя донесения из Иерусалима, нельзя не оценить коммуникативных качеств о. Порфирия: умения ладить с теми, с кем свело его церковно-дипломатическое служение на посту начальника РДМ в Иерусалиме. В сложных обстоятельствах он сохранил самые конструктивные отношения с сотрудниками Миссии, российским консулом в Бейруте, святогробскими наместниками.

Оставшись в Иерусалиме, Порфирий оказывал заботу о русских паломницах: напоминая руководству Азиатского департамента, что «в такую тяжкую годину лучше бы отозвать из Иерусалима наших поклонниц (от 12–14), <...> ибо они не имеют денег для въезда в Россию»[52].

Из донесений о. Порфирия видно, что он всемерно заботился о сотрудниках Миссии: оставшись в Иерусалиме без покровительства российского консульства, без денег, он писал Любимову: «Личная заботливость моя о благосостоянии ее достигла своего крайнего предела, так что я остался без копейки и принужден был выпросить в долг у греческого монастыря 300 руб. сер. на содержание себя и состоящих при мне лиц»[53]. Расставаясь с Петром Соловьевым, который возвращался через Вену в Санкт-Петербург, архимандрит рекомендовал его директору Азиатского департамента, как «благонамеренного о Христе и достойного многих похвал мужа, добре потрудившегося при Гробе Господнем в течение шести лет и желающего снова потрудиться там, если то будет угодно Богу и высшему начальству»[54].

Подводя итоги шестилетнему пребыванию в Святом Граде, о. Порфирий писал: «С подчиненными и с домочадцами своими я жил как добрый отец с хорошими детьми. Между нами никогда не было и размолвки. Архангельский монастырь, где мы жили и трудились, был подобен улью, в котором каждая пчела вырабатывала, кто свой мед, кто свой сот»[55].

О взаимодействии с К.М. Базили о. Порфирий писал: «Нашему генеральному консулу в Бейруте я служил, как верный вестник»[56]. Не менее доброжелательно сложились у Порфирия отношения с другими обитателями Иерусалима: «Абиссинцы, сириано-иаковиты и копты видели во мне своего заступника. Армяне уважали меня. <...> От местных магометан мне не было ни малейшаго оскорбления; напротив, они всегда раскланивались со мною любезно»[57]. Прощаясь с русским архимандритом «Патриарший

наместник, митрополит Мелетий, в присутствии властных отцов, выразился, что их взаимные отношения в течение шести лет были мирны и единодушны»[58]. «Приятно так жить. Приятно будет и воспоминание о таком тихом, правильном, содружественном и, смею сказать, общеполезном житье»[59]. Эти записи сделаны в личном дневнике Порфирия в последний день пребывания в Иерусалиме, и его вряд ли можно упрекнуть в натяжках. Как показала дальнейшая история Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, подобные качества мирного сотрудничества и сосуществования, были свойственны далеко не всем представителям России на Православном Востоке.

Донесения архимандрита Порфирия, которого Н.Н. Лисовой относил к «белым воронам» (наряду с архимандритом Антонином (Капустиным) и А.Н. Муравьевым), охватывают практически все аспекты дипломатической и конфессиональной проблематики в ключевой период иерусалимской жизни, когда определялось будущее положение христиан в Святой Земле при кардинальных изменениях дипломатического баланса.

Оказавшись в эпицентре христианского мира, около Гроба Господня, архимандрит Порфирий адекватно отобразил многоцветную палитру событий, в той или иной степени охватив все существенные аспекты религиозных, дипломатических, межэтнических отношений между представителями великих держав, святогробцами, мусульманского и христианского населения Святой Земли. В этой связи утверждение В.Н. Хитрово о несущественности и бессодержательности донесений о. Порфирия можно расценивать как спорное и не соответствующее действительности.

Источники и литература

АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. «Дело о куполе». Часть 1. О перестройке купола храма Гроба Господня в Иерусалиме. 980 л.

Базили К.М. Письмо в Париж о нынешнем состоянии Турции и о политическом кризисе на Востоке. СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1854. — 115 с.

Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Под ред. П.В. Безобразова. СПб., 1910. Т. 2. Переписка. — 1038 с.

[Порфирий (Успенский), епископ] Книга бытия моего: Дневники и автобиогр. записки еп. Порфирия Успенского. Под ред. П.А. Сырку. Т. 5. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1899. Т. 5: Часть 1853 и 1854 гг. — 536 с.

Хитрово В.Н. История Русской Духовной миссии в Иерусалиме // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 2: Статьи о Святой Земле. Из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. Сост., подгот. текста, вступ. ст. Н. Н. Лисового; отв. ред. Л. В. Мельникова. М.: Императорское Православное Палестинское Общество; СПб.: Олег Абышко, 2011. — 461 с.

[1] Хитрово В.Н. История Русской Духовной миссии в Иерусалиме // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 2. С. 146.

[2] АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. «Дело о куполе». Часть 1. О перестройке купола храма Гроба Господня в Иерусалиме. 980 л.

[3] См. также: Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Под ред. П.В. Безобразова. СПб., 1910. Т. 2. Переписка. 1038 с.

[4] Запись от 15 октября 1853 г. // [Порфирий (Успенский), епископ] Книга бытия моего: Дневники и автобиогр. записки еп. Порфирия Успенского. Т. 5. СПб., 1899. С. 153.

[5] Членам РДМ были высланы оклады лишь за зимнюю (январскую) треть 1853 г., которых было недостаточно для содержания Миссии «не только в следующем, но и в текущем году» (Там же). Эти обстоятельства, а также рост цен в военное время побуждал о. Порфирия неоднократно обращаться к руководству МИД с прошением «выслать всю остальную сумму, причитающуюся на содержание нашей духовной миссии» (там же. С. 158). См. также письмо архимандрита Порфирия к директору Азиатского департамента МИД Н.И. Любимову от 24 октября 1853 г.: «Смиренно прошу Вас не терять ни одной минуты и исходатайствоватъ нам не только решение начальства касательно судьбы нашей, но и высылку всех причитающихся нам окладных денег и законных пособий на проезд, в наличной русской золотой монете, на имя австрийского консула в Иерусалиме г. Пиццамано, ибо векселей здесь некому променять, а наличные деньги весьма легко будут доставлены нам на австрийском пароходе, приходящем к Яффе чрез каждые 15 дней» (Там же. С. 156).

[6] Там же. С. 153.

[7] Там же. С. 154.

[8] Там же. С. 198.

[9] «Высшему воззрению на полезную сторону пребывание нашего в Иерусалиме в настоящее время до тех пор, пока самые обстоятельства понудят нас выехать отсюда, соответствует в нас совершенное послушание; и мы, при добром расположении к нам Греческого монастыря, всех иноверцев и самых мусульман, и под покровительством австрийского консула г. Пиццамано, которого внимательная услужливость всем русским вызывает громкую благодарность, мы живем здесь и трудимся в велией тишине» (Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 28 марта 1854 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. Л. 18).

[10] Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 10 апреля 1854 г. //Там же. Л. 35об.

[11] Письмо к Н.И. Любимову. Триест, 29 мая 1854 г. // Там же. Л. 30об.-31.

[12] Запись от 31 декабря 1853 г. // [Порфирий (Успенский), епископ] Книга бытия моего. СПб., 1899. Т. 5. С. 173.

[13] Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 10 апреля 1854 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. Ч. 1. Л. 27.

[14] Запись от 31 декабря 1853 г. // [Порфирий (Успенский), епископ] Книга бытия моего. СПб., 1899. Т. 5. С. 173.

[15] Запись от 22 сентября 1853 г. // Там же. С. 150–151.

[16] Запись от 13 октября 1853 г. // Там же. С. 152.

17 Запись от 18 октября 1853 г. // Там же. С. 155.

18 Письмо Н.И. Любимову. Иерусалим, 30 января 1854 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. Ч. 1. Л. 10об.

19 Там же.

20 Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 28 марта 1854 г. // Там же. Л. 21–21об.

21 Письмо к Н.И. Любимову. Триест, 29 мая 1854 г. // Там же. Л. 31.

22 Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 28 марта 1854 г. // Там же. Л. 21.

23 В письме к Н.И. Любимову из Иерусалима от 28 марта 1854 г. о. Порфирий сообщает: «Близ северной границы Греции народное восстание усиливается. Для прекращение оного давненько послан был из Стамбула Фуат-Еффенди. Но видно, что красноречие его не подействовало на клефтов и паликаров Грибаса. Ибо в Золотом роге, по распоряжению Порты, готовятся фрегат, корвета, брик, пароход и другие мелкие суда к отплытию в Превезу или Воло, где пылает мятеж» (Там же. Л. 21об.). В письме от 10 апреля 1854 г. о. Порфирий информировал руководство Азиатского департамента: «Народное восстание в Епире (Албании), подстрекаемое выходцами из Греции, приняло большие размеры. Для прекращения оного в Волю и Превезу посланы из Цареграда в 12 день марта 4000 солдат на пяти фрегатах, одной корветте, двух бриках и одном пароходе, а спустя 6 дней отправлены туда же военные снаряды на пароходах английском и турецком. Но эти снаряды на суше отняты Клефтами, а 3000 турков разбиты Гривасом. По частным письмам письмам из Афин и Смирны известно нам, что число восставших увеличилось до 15000, и что они овладели Парамифиею и Сули, и угрожают Ионнине. По уверению эллинского консула, пребывающего в Яффе, албанцы-магометане, недовольные Портою за ослабление их народности рекрутскими наборами и рассылкою их в разные места на службу, стакнулись с греками, которые обещали не трогать их: что и исполняют свято. Этою стачкою и объясняется настоящий успех восстания в Египте» (Там же. Л. 24–24об.).

24 Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 10 апреля 1854 г. // Там же. Л. 24об.-25.

25 Письмо к Н.И. Любимову. Триест, 29 мая 1854 г. // Там же. Л. 33об. В том же письме о. Порфирий сообщал «На всем пути нашем от Александрии до Триеста отрадно было видеть в греках восторженную преданность к России и слышать из уст их сии речи: «Кто Бог велий, яко Бог наш? — Аще Бог по ны, кто на ны? — после Бога мы надеемся только на Самодержца Всероссийского» (Там же).

26 Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 10 апреля 1854 г. // Там же. Л. 25–26.

27 Там же. Л. 26об.

28 Там же. Л. 22–22об.

29 Там же. Л. 22.

30 Письмо к Н.И. Любимову. Триест, 29 мая 1854 г. // Там же. Л. 31–31об.

31 Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 30 января 1854 г. // Там же. Л. 15–15об.

32 Базили К. М. Письмо в Париж. СПб. 1854.

33 Письмо к Н.И. Любимову. Триест, 29 мая 1854 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. Ч. 1. Л. 31об.

34 Запись от 2 мая 1854 г. // [Порфирий (Успенский), епископ] Книга бытия моего. СПб., 1899. Т. 5. С. 206–207.

[35] Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 30 января 1854 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. Ч. 1. Л. 15об.

[36] Запись от 22 февраля 1854 г. // [Порфирий (Успенский), епископ] Книга бытия моего. СПб., 1899. Т. 5. С. 210.

[37] Запись от 17 марта 1854 г. // Там же. Т. 5. С. 207.

[38] Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 28 марта 1854 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. Ч. 1. Л. 20об.

[39] Там же. Л. 20–21.

[40] Запись от 16 марта 1854 г. // [Порфирий (Успенский), епископ] Книга бытия моего. СПб., 1899. Т. 5. С. 208.

[41] Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 30 января 1854 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. Ч. 1. Л. 16 об.

[42] Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 10 апреля 1854 г. // Там же. Л. 35–35 об.

[43] Запись от 30 марта 1854 г. // [Порфирий (Успенский), епископ] Книга бытия моего. СПб., 1899. Т. 5. С. 210.

[44] Запись от 7 мая 1854 г. // Там же. С. 215.

[45] Запись от 25 октября 1853 г. // Там же. С. 156.

[46] Запись от 29 октября 1853 г. // Там же. С. 160–161.

[47] Патриарх Анфим VI Куталианос (Иоаннидис) (1782–1877) трижды занимал Константинопольский престол: 4.12.1845–18.10.1848, 25.09.1853–22.09.1855, 15.09.1871–30.09.1873.

[48] Письмо к Н.И. Любимову. Триест, 29 мая 1854 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. Ч. 1. Л. 32об.

[49] Там же. Л. 32об.-33.

[50] Там же.

[51] См., например, *Смирнова И. Ю.* Курс Каннинга-Пальмерстона: британское миссионерство и дипломатия в канун Крымской войны. / Диалог и противостояние Запада и России. История и современность журнала // ЭНОЖ «История». 2019. Вып. 12 (86). [Электронный ресурс URL: https://history.jes.su/s207987840008181-8-1/] DOI: 10.18254/S207987840008181-8.

[52] Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 28 марта 1854 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. Ч. 1. Л. 21об.

[53] Письмо к Н.И. Любимову. Иерусалим, 30 января 1854 г. // Там же. Л. 10 об.

[54] Письмо к Н.И. Любимову. Триест, 29 мая 1854 г. // Там же. Л. 33 об. — 34.

[55] Запись от 7 мая 1854 г. // [Порфирий (Успенский), епископ] Книга бытия моего. СПб., 1899. Т. 5. С. 215–216.

[56] Там же. С. 215.

[57] Там же.

[58] Письмо к Н.И. Любимову. Триест, 29 мая 1854 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1840. Д. 15. Ч. 1. Л. 30об.

[59] Запись от 7 мая 1854 г. // [Порфирий (Успенский), епископ] Книга бытия моего. СПб., 1899. Т. 5. С. 215–216.

«Подобно Нилу, орошающему весь Египет». Посещение Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем русской школы «Амбет» в Каире в ходе своего Восточного путешествия

А.Ю. Хвалин

Путешествие на Восток Цесаревича Николая Александровича 1890–1891 гг. стало значимым событием в истории России. Оно заняло более 9 месяцев, за время путешествия было пройдено 51 000 вёрст через Европу, Африку, Юго-Восточную Азию, русский Дальний Восток и Сибирь. Первую большую остановку путешественники сделали в Африке, где две недели, с 10 (22) ноября по 27 ноября (9 декабря) 1890 года, Цесаревич Николай со свитой знакомились с Египтом.

В основном сведения о посещении Египта Наследником Цесаревичем и Восточном путешествии содержатся в книгах М.М. Денисьевского и участника экспедиции князя Эспер Эсперовича Ухтомского. Фундаментальный труд Э.Э. Ухтомского с прекрасными иллюстрациями художника Н.Н. Каразина выдержал многочисленные переиздания. Ныне они доступны массовому читателю. Недавно опубликованы собственноручные дневниковые записи Великого Князя Николая Александровича[1].

Посещение в ноябре 1890 г. Наследником Цесаревичем «страны пирамид» принесло большое удовлетворение и Высокому Гостю, и хозяевам, которые оказали Великому Князю Николаю Александровичу со спутниками восторженный приём.

По мнению российского Генерального консула в Каире А.И. Кояндера (1887–1902), «благодаря чистосердечным стараниям и соединенным усилиям Хедива, его подданных и сочувствующих России иностранных колоний пребывание это вышло более блестящим, чем того можно было ожидать. <...> Каир никогда до сих пор не видал, да, весьма вероятно, и не увидит ничего подобного в смысле приёма, хотя бы и старшего Члена одной из Царствующих в Европе Династий. Память об этом путешествии

надолго сохранится не только в здешнем обществе, но и в среде беднейшего класса населения, для которого щедрые, истинно Царские пожертвования Цесаревича в пользу бедных и в пользу некоторых благотворительных обществ являются неожиданным благодеянием».[2]

Особое впечатление встреча с Цесаревичем произвела на юные и восторженные души учеников «русской школы» в Каире. «Русской» её назвал в своих путевых заметках о Египте выдающийся русский византинист, историк Церкви, профессор по кафедре церковной археологии и литургики Киевской Духовной академии, почётный член Императорского Православного Палестинского Общества Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929), неоднократно посещавший Иерусалим, Афон, Константинополь, Синай и Египет. Он пишет: «Мы уверены, что весьма не многим из русских людей, даже бывавшим и жившим в Египте, известно, что в столице его, на берегах многоводного кормильца Нила, в Каире имеется *русская* школа. Между тем школа эта уже просуществовала четверть века, воспитала очень многих детей местного каирского православного общества, служащих теперь на различных поприщах общественной и частной деятельности, есть, можно сказать, единственный рассадник христианского просвещения для всего Александрийского Патриархата; в ней ежегодно обучается до 200 детей местного каирского общества. Мы назвали эту школу *русскою,* потому что она основана на средства *русского* подданного, состоит под высоким покровительством *русского* Государя Императора, главный попечитель ее — *русский* дипломатический агент при египетском хедиве, стараниями нашего *русского* агентства она приведена в нынешнее вполне благоустроенное состояние и т.д.; но на самом деле в Каире не только официально, а даже и частным образом никто из местных греков или арабов не обмолвился назвать эту школу своим настоящим именем и даже придет в недоумение от одного имени *русский*. Официально школа эта носит название *амбетьевской* по имени своих основателей»[3].

Школу основали родные братья-арабы Теорий, Ананий и Рафаил из богатой купеческой фамилии Амбет, которые были российскими подданными, но жили в Каире. Программа школы включала Закон Божий, греческий и арабский языки, математику, счетоводство, иностранные языки. Со временем школьная программа школы была расширена почти до объёма гимназической, по возможности и с изучением русского языка. Однако без права выдавать аттестат зрелости. Желающие по окончании школы ехали в Афины, сдавали экзамены при одной из гимназий и поступали в афинский университет.

В Восточном дневнике Цесаревича в записи от 12/24 ноября 1890 г. школа названа «греческой»: «Посетили греч(ескую) школу <...>»[4]

К моменту посещения Цесаревичем школы в ней не было ни одного русского ученика, хотя русский язык преподавался. Его ввели для подготовки

сотрудников из арабов для наших консульств в городах Египта и для других «поприщ». К тому же школа в тот период находилась под покровительством Императора Всероссийского и частично содержалась на русские деньги. Руководящий орган школы — ефорию — возглавлял большой друг России Предстоятель автономной Синайской Православной Церкви Архиепископ Синайский, Фаранский и Раифский Порфирий (Марудас, 1831–1909), одно время управлявший подворьем Синайского монастыря в Киеве.

После того, как Августейшие Путешественники осмотрели «развалины мечети Султана Хасана, считающейся лучшим образцом арабского архитектурного искусства, и, проехав мимо каирских базаров, (они) проследовали в находящуюся под русским покровительством школу Амбета и стоящее рядом с нею Синайское подворье. Совет управления школы, состоящий под председательством Архиепископа Синайского Порфирия, приготовился достойным образом встретить Высоких Гостей. Ведущие к школе узкие переулки были устланы коврами, а стены домов задрапированы флагами и материями. Воспитанники встретили Посетителей стройным пением по-русски «Боже, Царя храни», а затем и греческого народного гимна»[5].

Преосвященный Порфирий обратился к Цесаревичу с речью: «Как председатель попечительского совета учебного сего учреждения «Амбет», под Августейшим Его Императорского Величества покровительством находящегося, и как архиепископ святой Обители Синайской, которая числит не мало примеров Царской милости, я чту за счастье возможность предстать пред Вашим Императорским Высочеством, Наследником славной династии русских Царей, и выразить в немногих (словах — А.Х.) благодарность за ту высокую честь, которую оказали учебному сему учреждению, удостоив его своим посещением, что свидетельствует, в свою очередь, о Вашей любви к науками и о благородных стремлениях Вашего сердца.

Описание же сегодняшнего дня неизгладимо начертано будет на страницах истории Амбетской школы.

Да хранит Господь державного Отца Вашего Императорского Высочества, Государя Императора Александра Третьего и всю семью Его во здравии, многолетии, могуществе и славе, а Ваше Императорское Высочество, гордость и славу всего русского народа, да бережет, как зеницу ока от всякого зла и да благоволит возвратиться Вам под Ваш родительский кров во здравии для славы всего русского народа, Святой Православной Церкви и священных мольбищ на Востоке.

Да здравствует Государь Император Александр III!

Да здравствует Государыня Императрица Мария Феодоровна!

Да здравствует Наследник русского престола Великий Князь Николай Александрович!

Да здравствует вся Царская семья и русский народ!»[6].

Внеся пожертвование на содержание школы, не забыл Цесаревич, казалось бы, такую мелочь, как сладости для детей — учащимся раздали 285 коробок с конфетами[7].

Такие пожертвования со стороны Высоких Гостей не были чем-то исключительным. На всем египетском маршруте следования Цесаревича от его имени раздавались многочисленные памятные подарки — портсигары, запонки, булавки, а также благотворительная помощь и пособия отдельным людям и учреждениям. Среди отмеченных: прислуга дворца в Гизэ, в гостинице, служащие на яхте, на железных дорогах, конвою и караулу во дворце, прислуге мечетей и музеев и т.п. Русскому благотворительному обществу выдано 200 ф.ст.; Французскому благотворительному обществу — 40 ф.ст.; Православной Каирской общине — 100; пособие Патриаршей церкви свт. Николая в Каире — 50; пособие Европейскому госпиталю в Каире — 60; сестрам милосердия Францисканского ордена — 10; а также по индивидуальным 66 прошениям выдано — 158 ф.ст.[8]

В бумагах Генерального консульства в Египте сохранилось благодарственное письмо от 17/29 декабря 1890 г. отставного артиллерии подпоручика Владислава Петржиковского на имя А.И. Кояндера. Оно ярко рисует благодарственное отношение представителя одного из слоёв египетского общества к визиту Цесаревича: «Позвольте благодарить в настоящем письме, писанном на Ваше имя, Великого Князя Государя Наследника Цесаревича, за присланные мне 5 фунт(ов) стерлингов, которые я получил чрез посредство г. Вице-Консула в Суэзе Николая Васильевича Косты. Да поможет Ему (Цесаревичу) Господь и Всей Царской Его Родне во всем, чего Они только пожелают и продлит их здоровье и жизнь!»[9]

И уже перед самым выездом из Египта Наследник Цесаревич не забыл, как пишет А.Я Кояндер, «осчастливить членов вверенного мне Агентства, наиболее выдающихся членов Русской колонии и меня, пожалованием Своих фотографических карточек»[10].

Благодарные египтяне, потомки тепло встречавших Цесаревича, в том числе и в школе «Амбет», которая существует и поныне, сохраняют дружественное отношение к России. Среди выпускников школы известные церковные и государственные деятели Востока, среди которых Синайские архиепископы — Порфирий II (Логофетис, 1859–1928), Порфирий III (Павлинос, 1878–1968), Григорий II (Манятопулос, 1912–1973).

По свидетельству А.А. Дмитриевского, значение амбетьевской школы прекрасно охарактеризовал в своей ораторской речи директор П. Капланидис, который произнёс её 7 июня 1887 г. перед началом публичных экзаменов в присутствии российского политического агента А. Кояндера и греческого консула А. Ралли: «Подобно тому, как Нил, переполненный всевозможных наносов, своим течением орошает весь Египет и совершенно пустынную и песчаную его почву превращает в вечно зеленеющий

и плодоносный сад, так и школа амбетьевская, основанная в ложе народного течения, у берегов творца всякого богатства и обилия, златоструйной сей реки, в столице Египта, является светильником, стоящим в темном месте, твердою скалою, о которую разбивается все недостойное и суетное, опираясь на которую можно достигнуть Божественной Премудрости, сила которой покрывает, обогащает, согревает, животворит народы, владычествует на земле, управляет миром»[11].

Говоря о визите Наследника Цесаревича Николая Александровича в Египет в ноябре 1890 г., мы вспоминаем и русскую школу «Амбет» в Каире и вклад её выпускников в дело развития и укрепления российско-египетских доброжелательных взаимоотношений.

1 Хвалин А. Восточный дневник Цесаревича. М., 2020. — 559 с.

2 Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 828. Лл. 168–168 об.

3 Церковноприходская школа. 1889. Кн. 4. Ноябрь. С. 228.

4 Хвалин А. Восточный дневник Цесаревича. М.,2020. С. 104.

5 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 828. Лл. 148–148 об.

6 АВПРИ. Ф. 317. Генеральное консульство в Египте. Оп. 820/1. Д. 1304. Л. 144.

7 АВПРИ. Ф. 317. Генеральное консульство в Египте. Оп. 820/1. Д. 1304. Лл. 145–146 об.

8 АВПРИ. Ф. 317. Генеральное консульство в Египте. Оп. 820/1. Д. 1304. Лл. 145–146 об.; 147–150.

9 АВПРИ. Ф. 317. Генеральное консульство в Египте. Оп. 820/1. Д. 1304. Л. 80–80 об.

10 АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 828. Л. 169.

11 Церковноприходская школа. 1889. Кн. 4. Ноябрь. С. 228–241.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Служение до гроба. К 170-летию М.П. Степанова*

Р.Б. Бутова

Юбилеи часто становятся поводом для дополнительного внимания к личности того или иного члена ИППО. Зимой 2022–2023 гг. лишь несколько месяцев разделили 105-летие со дня кончины выдающегося деятеля Русской Палестины, основателя Православного Палестинского Общества, паломника в Святую Землю Михаила Петровича Степанова и 170-летие со дня его рождения.

М.П. Степанов родился 10 февраля 1853 г. Его небесным покровителем, скорее всего, стал святой благоверный князь Михаил Черниговский, память которого совершается 14 февраля. Для православного сознания совершенно естественен тот факт, что слова Евангелия, читаемые в храме в день рождения, определяют *судьбу и характер* человека, а *имя*, данное при крещении, «оценивается Церковью, а за нею и всем православным народом как тип, как духовная конкретная норма личностного бытия, как идея; а святой — как наилучший ее выразитель, так что через него нам светит благороднейший свет данного имени»[1]. Князь Михаил стал русским первомучеником в Орде и родоначальником многих славных фамилий в отечественной истории. Его дети и внуки продолжили христианское служение. Церковь причислила к лику святых дочь — преподобную Евфросинию Суздальскую и внука — святого благоверного князя Олега Брянского. Так что свет от жизненного пути и подвигов во имя Веры святого Михаила Черниговского был значителен.

Род Степановых вел свою родословную со времен Великого Князя Василия Иоанновича (1505–1533) и принадлежал к древнему дворянству

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» МОО «ИППО» и Минобрнауки в 2023 г.

Калужской губернии. Уездный город Мещовск, — это не только родина двух русских цариц (Стрешневой Евдокии Лукьяновны, второй супруги Царя Михаила Федоровича, матери всех его детей, и Лопухиной Евдокии Федоровны, первой супруги Императора Петра I), но и место, где находилось родовое имение той ветви Степановых, к которой принадлежал Михаил Петрович. Сегодня усадьбы не существует, она разрушена в годы советской власти, но на её землях стоит архиерейское подворье Калужской митрополии с Троицким храмом восстановленном после 70 лет поруганий и освященном в 2015 г.

Семья Степановых была не богата, они всегда служили Императору и России. Дед Михаила Петровича, Александр Петрович (1781–1837), был участником знаменитого перехода А.В. Суворова через Альпы и Отечественной войны 1812 г., затем возглавлял Енисейскую и Саратовскую губернии, был писателем и поэтом, автором первого «Описания Енисейской губернии»[2]. Отец, Пётр Александрович (1805–1891), стал генералом-от-инфантерии, участвовал в нескольких военных кампаниях, был директором 2 Кадетского корпуса, известного своей артиллерийской и инженерной направленностью, Царскосельским комендантом (1870). За время своего комендантства Пётр Александрович устроил царскосельский лазарет Красного Креста и занимался обеспечением воинов, пострадавших во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он известен также как военный писатель и автор воспоминаний о службе в Лейб-гвардии Егерском полку и Михаиле Ивановиче Глинке, с которым его связывала многолетняя искренняя дружба[3].

В семье было шестеро детей, Михаил был третьим по старшинству и явно обладал незаурядными способностями. Так, 21 июля 1870 г., одновременно со своим старшим братом Николаем (1851–1910), Михаил по 1 разряду вышел из Пажеского корпуса, одного из самых привилегированных учебных заведений России. Обычно молодые люди выпускались из корпуса в 19–20 лет, но Михаилу на момент выпуска исполнилось только семнадцать. Затем из фельдфебелей был переведен корнетом в Лейб-гвардии Кирасирский полк, причём позднее имя Степанова было занесено на мраморные доски корпуса как его выдающегося представителя, затем была Николаевская академия Генерального штаба и тоже выпуск по 1 разряду (1877).

Определенная близость к трону и открывшиеся в связи с этим перспективы не имели решающего влияния на военную карьеру Михаила Петровича, она развивалась без особенных взлетов: корнет в 17 лет, капитан в 22 года, полковник в 28 лет, генерал-майор в 38 лет, генерал-лейтенант в 47, и полный генерал-от-кавалерии в 57 лет, в 1910 г.[4] Известный российский палестиновед и историк ИППО Н.Н. Лисовой называл его «военная косточка»[5].

М.П. Степанов был участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в должности помощника старшего адъютанта в штабе Рущукского отряда, которым командовал Цесаревич Великий Анязь Александр Александрович. С 29 апреля 1878 г. М.П. Степанов состоит при Великом Князе Сергии Александровиче, в том числе, в 1889–1891 гг. в должности адъютанта. Служба Михаила Петровича при Сергии Александровиче продолжалась до самого дня его убийства, после чего в той же должности («состоящего при особе...») он, уже до своей смерти, оставался при Великой Княгине Елизавете Федоровне[6]. Таким образом, без малого 40 лет Степанов состоял на службе у великокняжеской четы.

Михаил Петрович сопровождал Сергия Александровича в обеих его паломнических поездках в Святую Землю — в 1881 и 1888 гг. Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) в своём дневнике так описал первое знакомство со Степановым на рейде в яффской гавани: «Среда, 20 мая 1881 <...> С большим трудом мы попали на трап, и очутились на крытой палубе. Немедленно консул, а за ним и я представились Их Императорским Высочествам Великим князьям Сергию Александровичу и Павлу Александровичу, оказавшимся, вопреки моему предположению, не юношами, а полными мужами, в полном расцвете сил и замечательной красоты». Поскольку к о. Антонину у Великих Князей вопросов не было, то он, в ожидании возвращения на берег, зашел в капитанскую каюту, где и познакомился «с полковником Михаилом Петровичем Степановым»[7]. Это знакомство на долгие годы сохранит взаимное дружеское расположение.

Как рассказывал в своей корреспонденции «Из Иерусалима» архимандрит Антонин: «Трое Великих Князей русских утешали Святую Землю своим присутствием 10 дней». В первый день своего пребывания Августейшие паломники посетили Елеонскую гору, именно тогда о. Антонин и показал им участок земли под храм блаженной памяти Императрицы Марии Александровны. Пять раз присутствовали на ночных богослужениях в храме Воскресения, в том числе на торжественной патриаршей службе. «Даже в день выезда своего (30-го мая) из Иерусалима они еще слушали ранним утром Божественную литургию на Голгофе. Успели за то же время побывать в Вифлееме, в Горнем граде Иудове и на Иордане»[8].

В своем дневнике о. Антонин сообщал подробности, о которых не писали в прессе — об исповеди и причащении Великих Князей в храме Гроба Господня, о том, что сам принимал исповедь М.П. Степанова и др. Через Михаила Петровича Августейшие паломники передали своё пожертвование в 10 тыс. франков на нужды Миссии. На эти средства начальником РДМ был устроен второй этаж паломнического подворья в Иерихоне. Краткого визита было достаточно, чтобы о. Антонин со своим тонким пониманием человеческой души назвал Степанова «alter ego Великого Князя»[9].

В 1882 г. М.П. Степанов стал членом-учредителем Православного Палестинского Общества и на протяжении нескольких десятилетий оказался, самым тесным образом, связанным с его деятельностью, поскольку Председателем ППО стал его шеф, Великий Князь Сергий Александрович. Михаил Петрович входил в очень узкий круг людей, которые принимали решения и оказывали влияние на политику и русское присутствие на Ближнем Востоке и материалы архивов неопровержимо свидетельствуют об этом. Семь лет со дня основания Палестинского Общества Степанов занимал пост его Секретаря (1882–1889) и семь раз избирался на четырехлетний срок помощником Председателя (1889–1917).

Хотя первоначально, как писал В.Н. Хитрово в письме к архимандриту Леониду (Кавелину), М.П. Степанов был совсем не подготовлен к должности и работе в Обществе, но поскольку в 1881 г. он вынес «теплую любовь к Святой Земле из ее посещения», то был готов, как считал Василий Николаевич, по крайней мере, для неё работать. Основатель Палестинского Общества надеялся «с Божией помощью, выработать из него будущего полезного палестинского работника»[10]. И польза была несомненна. «Его здравый смысл и практический опыт весьма конструктивно проявлялись в управлении ИППО», писал американский исследователь истории Палестинского Общества Теофанис Ставру[11].

В соответствии с Уставом ППО должность секретаря была ключевой в руководстве. На него возлагалось управление канцелярией Общества, ведение переписки и доклад о ней Совету, ведение журналов Совета и составление годовых отчетов ППО, секретарь хранил печать Общества. В его ведении находились также архив и библиотека, он назначал служащих канцелярии и других подразделений ППО. М.П. Степанов вместе с В.Н. Хитрово заложили основы успешного функционирования Палестинского Общества, сформировав и выстроив систему управления, которая слаженно работала на протяжении нескольких десятилетий.

Важнейшими проектами Палестинского Общества, осуществленными в период секретарства М.П. Степанова стали: создание Сергиевского и Александровского подворий в Иерусалиме (то и другое строились в 1886–1890 гг.); строительство двух храмов в Галилее, что имело огромное значение для бедной православной арабской части Иерусалимского Патриархата; началась научная и издательская деятельность, открылись первые школы. Но, пожалуй, важнее всего было то, что Общество смогло, путём проведения сложных переговоров, организовать дешёвый проезд в Святую Землю. Это распахнуло двери в Палестину, начался настоящий «русский паломнический бум».

Сложнейшие проекты Общества на Ближнем Востоке потребовали учреждения новой должности — уполномоченного ППО в Иерусалиме, им стал Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1834–1893)[12]. Его переписка

с В.Н. Хитрово и М.П. Степановым, хранящаяся в АВПРИ МИД РФ и частично опубликованная Н.Н. Лисовым, является важнейшим источником по истории ИППО и Русской Палестины[13].

В Иерусалиме есть особые места, которые хранят память о М.П. Степанове. Это — Александровском подворье, в котором, при освящении храма св. блгв. Великого Князя Александра Невского в 1896 г., в список, который был навечно запечатан Патриархом Герасимом под плитой престола, внесено имя М.П. Степанова, как человека, особо потрудившегося во благо Святой Земли. Имена родителей Михаила Петровича, Петра Александровича и Веры Александровны (1818–1895), увековечены на лабрадоровых досках мемориала ИППО у Порога Судных врат. Поэтому неудивительно, что после возвращения в 1919 г. представителей Палестинского Общества в Иерусалим, одной из первых служб в храме Александра Невского стала заупокойная литургия по Михаилу Петровичу Степанову «с раздачею хлебов бедным русским»[14].

Второе место, — это храм св. равноап. Марии Магдалины в Гефсимании. После непростой истории покупки земельного участка, 21 января 1885 г. состоялась закладка храма-мемориала в память Императрицы Марии Александровны, «достойный царской семьи и славы России»[15]. Строительство продолжалось три года и проходило под неусыпным контролем М.П. Степанова. Архимандрит Антонин, сам активно и деятельно участвующий в возведении храма, даже писал Михаилу Петровичу в одном из писем, что готов ему «поклониться в ножки» за попечение о строительстве и снабжении церковной утварью «нашей обетной церкви Гефсиманской».[16] На средства Степанова и его семьи было изготовлено 12 икон двунадесятых праздников для храма св. Марии Магдалины[17].

В июне 1888 г., накануне паломничества в Святую Землю великокняжеской четы Сергия Александровича и Елизаветы Федоровны и Великого Князя Павла Александровича, архимандрит Антонин направил в Санкт-Петербург своеобразный меморандум о превращении храма Марии Магдалины и всего прилежащего участка в мемориал Императрицы Марии Александровны. В письме М.П. Степанову он описал проект создания музея Императрицы, в который ему хотелось бы включить коллекцию её портретов, библиотеку («свидетельствующую о ее настроении умственном и нравственном, и в настоящее время, может быть, оставленной и забытой»), личные вещи («письменного стола, божницы, мебели, туалета, гардероба, от которых тоже что-нибудь могло б быть отчуждено сюда, в утешение стольким чтителям ее дорогого имени в сих отдаленных местах»)[18]. Отец Антонин даже пожертвовал от себя один серебряный рубль, «выбитый в увековечение счастливого дня 16 апреля 1841 года[19], с изображениями В<еликого> К<нязя> Александра Николаевича и В<еликой> К<нягини> Марии Александровны, — совершенной сохранности». Архимандрит предлагал устроить

маленький «Царицын Музей» в храме, в угловой северо-западной комнате, которая была предназначена для хранения богослужебных книг, вкладов паломников, «найденных на месте древностей и всякого рода редкостей, ковров, чехлов, занавесок и пр<очего>»[20]. Но, к огромному сожалению, Мариинского музея не существует и ныне — ни в России, ни в Иерусалиме.

Храм был освящен в праздник Покрова, 1 октября 1888 г., в присутствии Августейших паломников. Паломничество в Святую Землю, несомненно, сыграло огромную роль в личной духовной истории Елизаветы Федоровны — в созревании её решения о переходе в Православие. В дневнике митрополита Арсения (Стадницкого) сохранилось важное свидетельство М.П. Степанова о молитве Великой Княгини в Кувуклии и её слезах, воспринятых присутствующими как пролог принятия непростого решения: «Великая княгиня в то время была еще лютеранкою. Когда она, войдя в Кувуклию и поклонившись Гробу Господню, спустя некоторое время вышла оттуда, то была вся в слезах. Присутствовавший при этом турецкий паша (губернатор Иерусалима. — Р.Б.), подойдя к Степанову, пожал ему руку и, указывая на слезы княгини, сказал: «Поздравляю». «Он все понял», — заключил Степанов»[21].

Через М.П. Степанова, как секретаря ИППО, проходили и все другие дела и инициативы Общества. На его имя были зарегистрированы первые приобретения ИППО в Палестине: участок будущего Сергиевского подворья (1886), «Иоасафовский» участок в Иерихоне (1886) и др.[22] На территории Иоасафовского участка сегодня расположен Российский музейно-парковый комплекс со смоковницей Закхея, проведены после более чем столетнего перерыва, полномасштабные археологические раскопки[23].

В 1889 г. Великий Князь Сергий Александрович выдержал своеобразную «битву» с внешнеполитическим ведомством по подчинению Палестинскому Обществу прежней Палестинской комиссии Азиатского департамента МИД, которая должна была быть ликвидирована по принятому, но не сразу оформленному, решению Императора Александра III. События были подробно описаны в дневнике тогдашнего директора канцелярии министерства В.Н. Ламздорфа.

Интересно, что вполне уважительное отношение к Великому Князю[24] постепенно сменяется в дневнике неприязненными эпитетами[25], а Палестинское Общество начинает именоваться «злополучным Обществом». При этом Ламздорф выступает за полную независимость ППО в делах на Ближнем Востоке, в надежде на то, что наткнувшись на непреодолимые препятствия, оно «первое обратилось бы к нам за помощью и покровительством»[26]. Министр Н.К. Гирс при этом недоволен, что ему приходится лавировать между директором Азиатского департамента И.А. Зиновьевым, стремящимся контролировать все дела, относящиеся к Востоку и явственно симпатизирующим ППО, но и «воплощающим Палестинскую комиссию

в себе одном»[27], с другой стороны учитывать, что Общество возглавляет Великий Князь. Министерству не нравится активность, которую проявляет Палестинское Общество в Святой Земле.

Во время еженедельного доклада министра Императору, 14 марта 1889 г., Александр III настаивает на слиянии Палестинской комиссии и Палестинского Общества, Гирс, в принципе, был не против, но ему не нравился Великий Князь. По требованию Императора был задержан отъезд посла в Константинополе А.И. Нелидова, но проходит неделя, а действий со стороны МИД нет. Наконец, развязка наступает 20 марта. Сергий Александрович лично приезжает к Н.К. Гирсу. Но Николая Карловича не оказалось на месте и Великий Князь ждал его в Зимнем дворце 3 часа. Но министр не счел нужным сообщить о своем возвращении в министерство. Такое поведение Гирса, видимо, исходило из убеждения, что «никакая попытка непосредственного соглашения с довольно глупым великим князем и с его смешным интриганом полковником Степановым никогда ни к чему не приведет»[28].

Тогда, на другой день, «в 11 ½ полковник Степанов приказывает доложить о себе от имени Его Высочества». К неудовольствию МИДа, «этот полковник» официально и директивно пригласил министра на заседание Палестинской комиссии, но не в МИД, а во дворец Великого Князя на Невском. Так что встреча Сергия Александровича и министра и заседание всё же состоялись, но усугубляло досаду мидовцев то обстоятельство, что составить протокол заседания «было поручено *интригану* Степанову»[29]. Итогом заседания стало закрытие Палестинской комиссии при МИД и сосредоточение в руках Палестинского Общества всех капиталов, имущества и функций на Ближнем Востоке.

К М.П. Степанову в полной мере относятся слова, сказанные В.Н. Хитрово на годичном собрании ИППО, посвященном двадцатилетнему юбилею Общества, в 1902 г.: «Есть одна, если не причина успеха Общества, то во всяком случае заслуга перед ним его руководителей, его Совета. Заслуга эта заключается в том, что ни разу не были потеряны подходящая минута или условие. Совет был всегда настороже и всегда наготове»[30].

Всегда настороже и наготове оставался Степанов и после переезда из Санкт-Петербурга в Москву в 1891 г., когда Сергий Александрович был назначен Московским генерал-губернатором. Роль и авторитет Михаила Петровича в Совете Общества с этого времени даже возросли. Великий Князь и в Санкт-Петербурге не имел возможности лично присутствовать на заседаниях Совета и общих собраниях. Его функции в Обществе исполнял, согласно Уставу, помощник Председателя. В 1882–1889 гг. обязанности помощника Председателя исполнял В.Н. Хитрово, а обязанности Секретаря М.П. Степанов. С переездом в Москву резко возросший объем работы Секретаря возложил на себя В.Н. Хитрово, а М.П. Степанов, ставший по официальной должности адъютантом Великого Князя, стал

его помощником по Палестинскому Обществу. Все оперативные вопросы Совету Общества и его Председателю приходилось решать по почте и телеграфу, так что нити руководства ИППО всё более сходились в руках М.П. Степанова.

Михаила Петровича связывали с великокняжеской четой не просто рабочие, но дружеские и очень близкие отношения. Об этом свидетельствуют, в частности, несчастные случаи, которые преследовали Степанова. Так, 5/17 апреля 1896 г. после бала в Сумском драгунском полку, на котором присутствовал Великий Князь, лошади понесли карету со Степановым, и он, открыв дверцу, на полном ходу выскочил из неё, но неудачно, ударился головой о мостовую, получил сотрясение мозга и трещину в нижней части черепа. Ему не сразу оказали помощь, потому что никто не видел момента несчастного случая.

В.Ф. Джунковский, служивший адъютантом у Сергия Александровича, вспоминал: «Великий князь вернулся с бала и приготовлялся лечь. Услыхав от меня весть, великий князь ничего не ответил, стал нервно одеваться, приказал подать скорее карету и поехал со мной к бедному М.П. Степанову. Мы оба молчали всю дорогу. Великий князь был бледен, хотел казаться спокойным, мы не знали, застанем ли мы его живым или нет. Было жутко, нам казалось, что лошади бегут слишком медленно. Великий князь раза два сказал кучеру: «Скорее»[31].

Из больницы в Хамовниках пострадавшего перенесли («Великий князь шел рядом с носилками»[32]) в хирургическую клинику профессора Л.Л. Левшина в Клиническом городке на Девичьем поле. Великий Князь уехал из клиники только под утро. В своем дневнике Сергий Александрович далее так описывал этот день: «Утром в церкви мы все молились за него. В 3 ч. ездил с женой в клинику. В 9 ч. я снова туда — млад<ший> брат прибыл. Состояние почти безнадежное! невыносимо тяжело терять такого верного друга! Все упование на Тя, Господи, возлагаем — помози рабам своим!»[33].

Это случилось за месяц до коронации Императора Николая II, Сергий Александрович был очень занят подготовкой к торжествам, но каждый день навещал Михаила Петровича, то один, то с Елизаветой Федоровной. К больному приехали его братья и сестра[34], временами состояние было настолько тяжелым, что врачи не надеялись на выздоровление. Из Санкт-Петербурга приехал и В.Н. Хитрово, который был в отчаянии и, как писал в дневнике Великий Князь, «обливался слезами»[35]. Заботы врачей дали быстрые плоды, уже через несколько дней Степанов пошел на поправку, а через две недели был выписан из больницы. Сергий Александрович писал Императору: «Нам пришлось пережить очень тяжелые дни по поводу нашего Степанова... Мы были ужасно тронуты вашим сочувствием, и скажи Аликс тоже. Правда, потерять верного и преданного друга — большое несчастье»[36].

Ещё через два года Степанов попал под извозчика. Великий Князь в письме Императору Николаю II сообщал об этом с большим сочувствием: «бедный Степанов еще очень страдает грудью — вот не везет человеку»[37]. 25 февраля 1910 г. М.П. Степанов возвращался из гостей домой, в Кремль, и у Боровицких ворот в его карету на полном ходу врезался трамвай[38]. Кучер погиб, Михаил Петрович чудом остался жив, осколками стекол ему порезало руки и лицо. Но по оценке В.С. Гордеевой «бедный Михаил Петрович Степанов перенес легкое кровоизлияние, он об этом не знает, думает, что это что-то другое. Ему много лучше, ничего не заметно»[39].

М.П. Степанов был в числе тех, кто горько оплакивал убийство Великого Князя Сергия Александровича. После сооружения в Чудовом монастыре храма-усыпальницы во имя прп. Сергия Радонежского и захоронения 4 июля 1906 г. останков Великого Князя в подземном склепе, Михаил Петрович подготовил книгу «Храм-усыпальница Сергея Александровича», выполненную с «великой тщательностью и любовью»[40], которую можно назвать *Гимном преданности и любви* .

По стенам храма и в ризнице было развешано множество икон, в том числе иконы XVI и XVII вв., нательный крест XIV в. в серебряном ковчеге. Здесь были иконы по случаю рождения Великого Князя, иконы его детства, образа висевшие у изголовья кровати, иконы-благословения духовных лиц, иконы в память о бракосочетании с Великой Княгиней Елизаветой Федоровной. Всего около 300 икон, складней, крестов. Собранное в храме и его ризнице служило своеобразной летописью духовной жизни Сергия Александровича, а с другой стороны — проявлением отношения к нему многих людей. М.П. Степанов считал, что «лучшего молитвенного памятника не могло быть создано Тому, Кто сам так твердо, глубоко и чисто верил»[41].

Михаил Петрович писал, что храм-усыпальница Великого Князя Сергия Александровича «посвящен молитвенному воспоминанию о безвременно и невознаградимо для России злодейски убиенном Великом Князе Сергее Александровиче, столь искренно любившем Россию и все русское, с русским православием и церковностью на первом месте»[42].

В скорбные дни кончины Великого Князя Сергия Александровича Великая Княгиня Елизавета Федоровна находила в себе силы откликнуться на чужую боль. Старший брат Степанова, командир 2 отдельной кавалерийской бригады генерал-майор Николай Петрович, был участником Русско-японской войны 1904–1905 гг. Когда от него долго не было никаких известий с Дальнего Востока и семья начала волноваться, то Михаил Петрович обратился за помощью к Елизавете Федоровне. «Ангел — Великая княгиня» запросила информацию у командующего Маньчжурскими армиями А.А. фон Бильдерлинга. Брат был жив, не ранен, не в плену. «Сугубо ангел», — так оценил участие Елизаветы Федоровны в судьбе Николая Петровича сам Степанов[43]. Неподдельное восхищение звучит в письме Михаила Петровича

к сестре Е.П. Озеровой от 16 февраля 1905 г., в котором дана оценка посещения Великой Княгиней убийцы её мужа, И.П. Каляева, в тюрьме: «Поступок Великой княгини относительно убийцы настолько велик, что нам, душам не возвышенным, до него даже не доползти умом»[44].

После трагической гибели Сергия Александровича Михаил Петрович остался на посту помощника Председателя ИППО. Палестинское Общество было единственным учреждением, которое при жизни возглавлялось Великим Князем Сергием Александровичем, и которая Елизавета Федоровна возглавила после его гибели. Другим учреждениям Великого Князя, обратившимся в ней с прошением принять руководство она отказала.

Елизавета Федоровна все двенадцать лет руководства Обществом могла в полной мере использовать знание дел Русской Палестины и огромный незаменимый житейский опыт Степанова. Он оставался главным хранителем традиций Палестинского Общества. Великая Княгиня продолжила жить в Москве, так что вся её переписка по делам ИППО с Санкт-Петербургом, где находился Совет и канцелярия Общества, и с Иерусалимом, где велась основная работа, осуществлялись через М.П. Степанова.

В первые месяцы 1905 г. руководство Обществом осуществлялась через переписку Вице-Председателя Н.М. Аничкова со Степановым. Не всегда Степанову это было привычно и удобно («мне приходится по делам сноситься с ней неизменно»[45]), он раздражался, что Елизавета Федоровна «постоянно присылает кого-нибудь, чаще Струкову, <...> она служит посредницей по палестинским делам. Привозит мне мои доклады с резолюциями Великой княгини, сегодня я бедную Екатерину Николаевну лишний раз прокатил взад и вперед, так как надо было разъяснить одну бумагу Великой княгине»[46].

Некоторые исследователи пытаются найти какие-то существенные различия между временем Сергия Александровича в истории Палестинского Общества и временем Елизаветы Федоровны. Но было другое: после 1905 г. произошли изменения в самой политической ситуации, а значит, отчасти, и в системе внешнеполитических приоритетов. С другой стороны, Елизавета Федоровна, все больше уходя после гибели супруга в свою внутреннюю духовную жизнь, в созданную ею Марфо-Мариинскую обитель в Москве, постепенно теряла интерес к деятельности внешней, хотя по-прежнему входила во все главные проблемы деятельности возглавляемого ею Палестинского Общества.

Годы и болезни брали свое, в 1909 г. в одном из писем Великой Княгини Елизаветы Федоровны Императрице Марии Федоровне от 23 июня 1909 г. она писала: «Старый Степанов остался <со мной>, но он слишком слаб, чтобы его активно задействовать в работе»[47]. Но, несмотря на общее состояние, он оставался на посту и продолжал служить. Сопровождал Великую Княгиню на всех богослужениях и в поездках. Так, М.П. Степанов

присутствовал на Божественной литургии в Князь-Владимирском храме Епархиального дома в Лиховом переулке и собрании по открытию Московского отдела ИППО 7 октября 1907 г., а затем и на всех годовых собраниях, которые посещала Великая Княгиня.

Яркий пример неустанной активности М.П. Степанова даже в самые поздние годы — история создания Свято-Никольского храма и подворья ИППО в итальянском городе Бари. Став председателем ИППО, Великая Княгиня Елизавета Федоровна унаследовала права на церковный участок в Мирах Ликийских, приобретенный в пятидесятые годы XIX в. А.Н. Муравьевым, но потом для России утраченный, и капитал в 240 тыс. руб., собранный многолетними народными пожертвованиями на восстановление Мирликийского храма.

В 1910 г. по предложению М.П. Степанова было принято решение купить на собранные деньги участок земли в Италии, в Бари, где почиют мощи свт. Николая Чудотворца, и приступить к строительству там нового подворья Палестинского Общества[48]. Решающим документом стало письмо Михаила Петровича из Москвы в Санкт-Петербург, на имя графа Н.Ф. Гейдена от 24 мая 1910 г. В письме была чётко сформулирована мысль о том, что Палестинскому Обществу «необходимо, в силу Высочайше возложенных на него обязательств, принять активные меры к улучшению быта наших паломников в Бари». Поводом для этого стали предсмертное письмо графа Н.П. Игнатьева и «бесцельное и бесплодное» увеличение капитала на Мирликийский храм. Возник план «все это объединить в стройное целое и дать капиталу прямое назначение: на проценты с него устроить в Бари подворье и странноприимный дом для паломников»[49], наконец появилась возможность поставить вопрос по-новому, впрямую связав его с «мирликийским капиталом».

Дальнейшей подготовкой общественного мнения занялся наиболее активный деятель Московского отдела ИППО протоиерей Иоанн Восторгов. 31 октября 1910 г. состоялось годичное общее собрание Московского отдела, на котором идея Степанова была озвучена и аргументирована публично. Но прежде чем принять окончательное решение, Совет Общества счёл необходимым проконсультироваться в Константинопольском посольстве. В октябре 1910 г. Вице-Председатель ИППО кн. А.А. Ширинский-Шихматов обратился к послу в Константинополю Н.В. Чарыкову с просьбой изложить свое мнение по мирликийскому вопросу. Месяц спустя был получен ответ, в котором говорилось: «Если имеющиеся в распоряжении Императорского Православного Палестинского Общества на построение Мирликийского храма суммы были бы употреблены в Бари с целью возвеличения памяти и почитания Св. Николая у самого местонахождения его мощей — это несомненно имело бы последствием избавление русских паломников, прибывающих в Бар-Град, от тех затруднений и соблазнов, коим они по моему

личному наблюдению там ныне подвергаются. Вместе с тем это дело громко свидетельствовало бы о высоком благочестии Русской Православной Церкви перед лицом всего католического мира»[50].

М.П. Степанов получал известия обо всём, что касалось Бари. Так, 22 января 1911 г. в Москву пришла телеграмма из Италии: «Дело, Вами задуманное, в которое вы вложили <столько> огня души Вашей, верующей и благородной, сегодня кончено. Соглашение подписано. Все время нас сопровождала милость Святителя Николая. Протоиерей Восторгов, кн. Жевахов, Николай Ремизов»[51]. По поручению Великой Княгини Степанов также проводил переговоры с А.В. Щусевым о проектировании подворья.

8 апреля 1912 г. Михаил Петрович присутствовал при освящении Покровского храма Марфо-Мариинской обители, построенного по проекту того же Щусева, а в октябре 1912 г. на своих плечах вынес оттуда гроб с телом протоиерея Константина Зверева, духовника Великого Князя Сергия Александровича и настоятеля Александро-Сергиевского храма в генерал-губернаторском доме. Именно от Степанова Великая Княгиня Елизавета Федоровна узнала о поручении Св. Синода А.А. Дмитриевскому рассмотреть Чин посвящения сестер Марфо-Мариинской обители милосердия, поскольку секретарь ИППО был известным в России специалистом по литургике.

Роль и значение Степанова в создании Музея изящных искусств имени Императора Александра III вообще малоизвестна. Между тем переписка И.В. Цветаева и Ю.С. Нечаева-Мальцова показывает, что Михаил Петрович был ключевой фигурой в 1911 г. Тем более, что музей был одним из проектов, начатых Великим Князем Сергием Александровичем, с 1898 по 1905 гг. возглавлявшим Комитет по устройству музея.

Участие М.П. Степанова в ежегодном заседании Комитета и беседа с графиней П.С. Уваровой расположили Великую Княгиню к музею. Через Степанова Елизавете Федоровне была передана Записка по музею, составленная графиней Уваровой, его благожелательное мнение имело решающее значение для передачи в дар музею серии итальянских акварелей, принадлежавших Великому Князю Сергию Александровичу[52].

Елизавета Федоровна также пожертвовала музею собственную наследственную вещь — бронзовую скульптуру Божией Матери с младенцем и Иоанном Крестителем работы известного итальянского мастера начала XVI в. Якопо Сансовино[53]. Степанов по указанию Елизаветы Федоровны распорядился открыть кладовую с вещами покойного Великого Князя в Малом Николаевском дворце для отбора предметов — «4 подлинных Танагры и одной бронзовой статуэтки танцующего сатира»[54]. По оценке Степанова всплеск интереса к музею, дошедший даже до императорской семьи, привел к тому, что им «очень заняты и много говорят об его коллекциях и внутреннем убранстве»[55]. Все это пошло только на пользу и 31 мая/13 июня 1912 г. Музей изящных искусств имени Императора

Александра III был открыт. На церемонии присутствовали Император Николай II, вдовствующая Императрица Мария Федоровна и другие члены императорской фамилии.

В соответствии с распоряжением Великой Княгини Елизаветы Федоровны М.П. Степанову завещалась фотография Великого Князя Сергия Александровича в кожаной рамке 1886 г., а также икона св. Серафима Саровского, которые всегда были с Елизаветой Федоровной во время поездок[56].

* * *

Несмотря на то, что Михаил Петрович был членом большой семьи (4 брата и сестра), своей он так и не создал, также как и два его старших брата — надворный советник, состоящий при МВД сверх штата, камер-юнкер Александр (1850–1898) и генерал-майор кавалерии Николай (1851–1910), выпускник Пажеского корпуса, командир Кинбурнского 19-й драгунского полка (1894–1899), командир кавалерийских бригад, участник Русско-японской войны. Интересно, что в 1890-х гг. он был назначен Председателем Комиссии по наблюдению за изготовлением пищевых солдатских консервов на нескольких частных заводах, а по завершении этого задания Николай Петрович был награжден орденом святого Владимира 3 степени, что может говорить о его честности и неподкупности.

Младшие братья — Клавдий и Филипп — были плодовиты.

Клавдий Петрович Степанов (1854–1910) был живописцем и журналистом, но и видным деятелем русского монархического движения начала XX в. Он окончил Катковский лицей в Москве, учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, но уже будучи студентом, начал посещать Академию художеств в качестве вольноприходящего ученика. По окончании университета добровольцем принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., служил в Преображенском полку, том самом которым позднее будет командовать Великий Князь Сергий Александрович. После окончания войны два года состоял чиновником особых поручений в Министерстве финансов. Но при смене министров в 1880 г. и тяге к живописи, Степанов вышел в отставку и уехал в Италию, где под Флоренцией купил старый монастырь и прожил там около 15 лет. В 1888 г. получил от Императорской Академии художеств звание классного художника I степени. За эти годы написал целый ряд работ, благосклонно принятых коллекционерами, работы Клавдия есть во многих художественных музеях России, но лучшие находятся в Третьяковской галерее.

В конце XIX в. он вернулся в Россию, сблизился с кружком московских славянофилов. В 1903 г. начал сотрудничать в ведущей консервативной газете «Московские ведомости». В 1906–1907 гг. был редактором-издателем славянофильской газеты «Московский голос». Занятия журналистикой и политикой Клавдий совмещал с работами по реставрации Московского

Кремля и учреждением при Донском монастыре иконописной школы. Степанов был «добрым гением» Павла Дмитриевича Корина и способствовал переезду молодого живописца в Москву. Кисти Клавдия Петровича принадлежала вся настенная живопись в храме-усыпальнице Великого Князя Сергия Александровича в Чудовом монастыре в Кремле, а также четыре иконы местного ряда иконостаса и иконы Царских врат, остальные иконы писались под его наблюдением.

У Клавдия Петровича было четверо сыновей: офицеры Петр (1880–1959) и Юрий (1896–1967), участники Первой мировой и Гражданской войн, Никита (?–1963), учитель и издатель. Самым известным, пожалуй, стал Даниил (1881–1937). Это был медальер, автор уникальной медали, посвященной второй годовщине Октябрьской революции. Медаль Даниила Степанова считается первым крупным произведением на ленинскую тему в советском медальерном искусстве. Но Даниил, как и отец, был и талантливым художником. Его работы известны в Европе и довольно часто являются лотами самых известных мировых аукционов Sotheby's и Christie's.

Самым младшим из братьев Степановых был Филипп Петрович (1857–1933). Так же как старшие, Николай и Михаил, Филипп был выпускником Пажеского корпуса. 20-летним корнетом принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в составе того самого Рущукского отряда, которым командовал Наследник-цесаревич. Так же как Михаил Петрович, Филипп окончил Николаевскую инженерную академию и был назначен в Варшаву, на постройку фортов на левом берегу реки Вислы. В 33 года вышел в отставку и служил инженером на Самаро-Златоустовской и Московско-Курской железных дорогах.

С 1906 и до 1917 гг. он был прокурором Синодальной конторы в Москве, управляющим Синодальным училищем и Синодальным хором, наблюдателем церковно-приходских школ. В 1910 г. по высочайшему повелению и при поддержке Вице-Председателя ИППО князя А.А. Ширинского-Шихматова вошел в состав Исполнительной комиссии по ремонту и реставрации Большого Успенского собора Московского Кремля. После революции жил в Сочи, в начале 1920-х гг. эмигрировал в Югославию, где и скончался в Белграде.

У Филиппа Петровича было четверо детей — Вера (1885–1954), Николай (1886–1981), Марина (1887–?), Петр (1891–1925). Самым известным стал Николай Филиппович, писатель и публицист, известный под псевдонимом Свитков, общественный деятель русского зарубежья правого направления[57]. В 1965 г. в храме свв. Праотцев в Хевроне Николай был пострижен в монашество с именем Александр в честь святого благоверного Великого Князя Александра Невского.

Единственная сестра Михаила Петровича — Екатерина Петровна Озерова (1860-?), была камер-фрейлиной Императрицы Александры Федоровны. Её супруг, генерал-лейтенант Давид Александрович Озеров (1856-?),

был сыном посланника в Афинах, Абиссинии и Берлине А.П. Озерова (1816–1900), выпускником Пажеского корпуса, участником Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., начальником управления Аничковым дворцом, резиденции вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. В семье не было детей, супруги отличались своей широкой и деятельной благотворительностью. Давид Александрович участвовал в работе Российского общества Красного Креста, Временного комитета имени Императрицы Марии Федоровны по оказанию помощи больным и раненым воинам, Елисаветинской общины сестер милосердия Красного Креста. Екатерина Петровна была одним из учредителей Попечительства о малолетних, живущим личным трудом в Санкт-Петербурге. Сестра Давида, Елена, была замужем за известным русским религиозным писателем и публицистом Сергеем Александровичем Нилусом (1862–1929).

Такова была семья и окружение Михаила Петровича Степанова.

... Он умер в Москве 12 декабря 1917 г. Получив сообщение об этом, секретарь ИППО А.А. Дмитриевский писал: «Порвалась последняя струна, соединяющая начало с концом. Общество в лице покойного теряет не только неустанного, с любовью до самозабвения преданного деятеля, но животворящую зиждительную его силу, с пламенной верой в грядущее лучшее, всегда бодрого путеводителя и попечительного пестуна для всех усердных тружеников в Обществе»[58].

Михаил Петрович Степанов относится к историческим деятелям Русской Палестины, истинное значение которых в российской политике на Ближнем Востоке только теперь в полной мере начинает осознаваться. Но его фигура пока совсем не изучена и историками, занимающимися великокняжеской четой. А между тем, служение Степанова Великому Князю Сергию Александровичу и Великой Княгине Елизавете Федоровне до гробовой доски достойны благодарного восхищения, а его жизнь, занятия и семья — научного изучения.

1 Флоренский Павел, священник. Имена. М., 1993. С. 34–35.

2 Степанов А.П. Описание Енисейской губернии. СПб., 1835. 132 с., XIV с. прил.

3 Степанов П.А. Двадцать пять лет в Лейб-гвардии Егерском полку (Из записок старого егеря) // Военный сборник. 1877. Т. 113–118; 1878. Т. 119–120; Он же. Воспоминания о Михаиле Ивановиче Глинке // Русская старина. 1871. Т. IV. С. 39–58.

4 М.П. Степанов вступил на службу 15.08.1866, камер-паж 12.07.1869, корнет гвардии 21.07.1870, поручик гвардии 31.03.1874, штабс-ротмистр гвардии 30.08.1875, переименован в капитаны Генерального штаба 14.07.1877, подполковник 30.08.1878, полковник «за отличия по службе» 30.08.1881, генерал-майор «за отличие по службе» 29.04.1891, генерал-лейтенант 29.04.1900, генерал-от-кавалерии 6.12.1910. См. также: Список Генерального Штаба. Исправлен по 1-е июня 1911 г. СПб., 1911. С. 42.

[5] Лисовой Н.Н. Из истории руководства Императорского Православного Палестинского Общества: четыре секретаря (М.П. Степанов — В.Н. Хитрово — А.П. Беляев — А.А. Дмитриевский) // Православный Палестинский Сборник. Вып. 102. М., 2005. С. 6–35.

[6] Прохождение службы М.П. Степанова: Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк (21.07.1870–14.07.1877); обучение в Николаевской академии Генерального штаба (1874–1877); причислен к Генеральному штабу (1877); переведен в Генеральный штаб (14.07.1877); и.д. помощника старшего адъютанта штаба Рущукского отряда; и.д. помощника старшего адъютанта штаба Рущукского отряда; офицер для поручений при штабе войск гвардии и Петербургского военного округа (7.12.1877–29.04.1878); при Великом Князе Сергии Александровиче (29.04.1878–28.05.1889); адъютант Великого Князя Сергия Александровича (28.05.1889–29.04.1891); при Великом Князе Сергии Александровиче (29.04.1891–7.03.1905); при Великой Княгине Елизавете Федоровне (7.03.1905–1917). Уволен от службы с мундиром и пенсией (02.04.1917).

[7] Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Год 1881. / Изд. подг. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова / Отв. ред. член-корр. РАН Я.Н. Щапов. М., 2011. С. 93.

[8] Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. Сост., комм, вступ. ст. Р.Б. Бутовой. М., 2010. С. 298–299.

[9] Антонин (Капустин), архимандрит Дневник. Год 1881. С. 93.

[10] Цит. по: Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3 тт. Сост., комм, вступ. ст. Н.Н. Лисового. М., 2020. Т. 3. Ч. 1. С. 26.

[11] Stavrou Th. G. Russian Interests in Palestine. 1882–1914. Thessaloniki, 1963.

[12] Марченко А.Н. Рыцарь Святого Гроба Господня. Жизнь и подвиг Дмитрия Дмитриевича Смышляева (1828–1893). М., 2021. 560 с.; Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828–1893). Библиографический указатель. Пермь, 2022. — 237 с.

[13] См. напр.: Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1.

[14] Государственный архив Израиля. Д. 837/2-D (2.11.1923–6.10.1919). Листы в деле не нумерованы.

[15] Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 3 Ч. 1. С. 402.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 429.

[18] Письмо начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина Секретарю ППО М.П. Степанову. Иерусалим, 10 июня 1888 г. // АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 493. Л. 100–102об.

[19] Это был день бракосочетания Великого Князя Александра Николаевича и Великой Княгини Марии Александровны.

[20] Письмо начальника ... Там же.

[21] Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник. 1880–1901. Т. 1. М., 2006. С. 353–354.

[22] Лисовой Н.Н., Платонова З.И., Савушкин В.А. Сводный каталог русских недвижимостей в Святой Земле // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3 тт. М., 2015. Т. I. С. 751–768.

[23] Беляев Л.А. Византийский Иерихон: раскопки спустя столетие. Материалы Российско-Палестинской археологической экспедиции 2010–2013 гг. Отв. ред. акад. Н.А. Макаров. М., 2016.

[24] «В 4 часа посещение г-на Ону, который обедал вчера у великого князя Сергея; он полагает что е. и. высочество, может быть, на что-нибудь способен, потому что все-таки интересуются кое-чем серьезным, а не только «*вечным пошёл*» других великих князей. Он рассказывает нам различные эпизоды из путешествия в Иерусалим. Великий князь проявил много такта, большую осмотрительность и некоторую выдержку во всём, что он делает; ... Степанов — ни в чем не сомневающиеся смелый интриган» (Дневник В.Н. Ламздорфа (1886–1890). М.-Л., 1926. С. 90).

[25] Великий Князь «много старается и так мало понимает в делах» (Там же. С. 123).

[26] Дневник В.Н. Ламздорфа. С. 123.

[27] Там же. С. 197.

[28] Там же. С. 123.

[29] Дневник В.Н. Ламздорфа. С. 200, 203.

[30] Памяти Василия Николаевича Хитрово. СПБ., 1903. С. 2.

[31] Джунковский В.Ф. Воспоминания (1865–1904). М., 2016. С. 375.

[32] Там же.

[33] Софьин Д.М., Софьина М.В. Канун последней коронации: дневник Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, 16 марта — 5 мая 1896 г. // Культурный код. 2021. № 4. С. 105.

[34] «Оба брата живут в клинике» (Запись от 7/19 апреля // Там же. С. 107).

[35] Софьин Д.М., Софьина М.В. Канун последней коронации: дневник Московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. С. 107.

[36] Великий князь Сергей Александрович — императору Николаю II, 11 апреля 1896 г. // Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 5: 1895–1899. М., 2018. С. 129–130.

[37] Там же. С. 448.

[38] Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 471.

[39] РГАДА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 2884. Л. 74 об. фр. яз.

[40] Степанов М.П. Храм-усыпальница Великого Князя Сергея Александровича во имя преподобного Сергия Радонежского в Чудовом монастыре в Москве. М., 1909. 186 с., 41 л. ил.

[41] Степанов М.П. Храм-усыпальница. С. 29.

[42] Там же.

[43] Великая княгиня Елисавета Феодоровна: Документы и материалы. 1905–1918. В 2 т. Т. 1. С. 122.

[44] РГАДА, Ф. 1613. Оп. 1. Д. 64. Л. 160 об.

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] ГАРФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1584. Л. 64.

[48] АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 665. Л. 3–3об.

[49] АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 7683. Л. 27–32 об.

[50] Там же. Л. 21–24.

[51] АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 665. Л. 28.

[52] Великая княгиня Елисавета Феодоровна: Документы и материалы. Т. 1. С. 607.

[53] Великая княгиня Елисавета Феодоровна: Документы и материалы. Т. 1. С. 609.

[54] Там же.

[55] Там же.

[56] ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 75. Л. 4об.

[57] См. например: Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г.) Париж, 1932; N. SWITKOW. La franc-maconnerie feminine. Paris, 1933; Свитков Н. Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г.). Изд-е 2-е. Сан-Пауло, 1964; Свитков Н. Внутренняя Линия. Язва на теле русской эмиграции / С предисл. В. Д. Мержеевского. Сан-Пауло, 1966; Степанов Н.Ф. (Н. Свитков). Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г.). Изд-е 3-е, испр. и доп., с предисл. В.Д. Мержеевского. Сан-Пауло, 1966.

[58] Телеграмма А.А. Дмитриевского князю А.А. Ширинскому-Шихматову. Петроград, 15 декабря 1917 г. // АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/6. Д. 1. Л. 4. Дмитриевский был извещен накануне телеграммой: «Двенадцатого вечером скончался Михаил Петрович Степанов. Шихматов».

Уполномоченный Православного Палестинского Общества Д.Д. Смышляев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме (К 130-летию кончины Д.Д. Смышляева)

А.Н. Марченко, протоиерей

27 ноября 2023 г. Императорское Православное Палестинское Общество будет отмечать 130-летие преставления ко Господу своего выдающегося деятеля — почётного члена и первого уполномоченного ИППО в Иерусалиме Дмитрия Дмитриевича Смышляева (1828–1893).

Становление Дмитрия Дмитриевича Смышляева как личности произошло на Урале — в Пермской губернии, где он плодотворно трудился на благо своей малой Родины. Получив огромный опыт хозяйственной и общественной деятельности на посту председателя Пермского губернского земства, Д.Д. Смышляев, глубоко интересовавшийся вопросами научного изучения Палестины, принял активное участие в становлении Православного Палестинского Общества (1882–1885). Вместе с В.Н. Хитрово он выступил одним из его учредителей. Началась кипучая деятельность Смышляева в качестве уполномоченного Общества по Пермской губернии. Благодаря своим связям в купеческой среде и высокому авторитету в Пермской губернии, Смышляеву удавалось получать от уральских предпринимателей крупные суммы пожертвований на нужды Общества. Владельцы пароходных компаний оказывали ему содействие в организации паломнических поездок в Святую Землю для жителей губернии. Хозяйственные, организаторские и дипломатические способности Д.Д. Смышляева получили высокую оценку руководителей Палестинского Общества.

В 1885 г., удостоившись аудиенции Председателя Православного Палестинского Общества Великого Князя Сергия Александровича, Д.Д. Смышляев в качестве простого паломника отправился в Палестину для выполнения особых поручений. Ему удалось посетить многие святые места Библейского региона: Иерусалим, Горнюю, Елеон, «землю Филистимскую», Иерихон,

Мёртвое море, Иордан. Д.Д. Смышляев успешно выполнил первые поручения руководства ППО, направленные на улучшение быта русских паломников в Иерусалиме, что способствовало принятию окончательного решения Советом ППО о назначении его в 1886 г. на должность уполномоченного ППО в Иерусалиме. Основным делом Д.Д. Смышляева в должности уполномоченного ППО в период 1886–1889 гг. стало руководство строительством двух крупных русских подворий — «Сергиевского» и «Александровского», требовавших колоссального напряжения и усилий с его стороны. В центре внимания уполномоченного оставалась забота о русских поклонниках, прибывавших в Святую Землю. Уполномоченному также приходилось заниматься вопросами устройства школ для местного православного арабского населения, находившихся под патронатом ППО и организацией археологических раскопок на приобретенных участках в Палестине[1].

В настоящее время недостаточно изученной остается дипломатическая деятельность Смышляева во Святой Земле. Действуя в интересах ППО, уполномоченный Д.Д. Смышляев, имел постоянный контакт с Иерусалимской Патриархией, с русскими церковными и государственными учреждениями в Палестине — Русской Духовной Миссией, Палестинской комиссией при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Российской Империи, Русским консульством в Иерусалиме. Известно, что Смышляеву удалось установить добрые деловые контакты с Патриархом Иерусалимским Никодимом, русскими консулами в Иерусалиме Н.К. Гирсом, А.П. Беляевым и В.А. Максимовым. Особую страницу в его биографии представляют его близкие отношения с начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустиным) — уроженцем Пермской губернии.

Дневниковые записи архимандрита Антонина, воспоминания Д.Д. Смышляева и другие источники свидетельствуют, что отношения уполномоченного Православного Палестинского Общества Д.Д. Смышляева с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме были сложными и противоречивыми. Личная дружба с её начальником архимандритом Антонином далеко не исчерпывала палитру отношений Смышляева к этому важному церковному учреждению, находящемуся в ведении Святейшего Синода.

Архимандрит Антонин и Д.Д. Смышляев представляли русские учреждения, находившиеся в состоянии острой конкуренции. Дмитрий Дмитриевич должен был действовать в интересах Православного Палестинского Общества, заинтересованного в понижении политической и хозяйственной роли Русской Духовной Миссии в Иерусалиме вплоть до её закрытия и превращения в консульский храм. Архимандрит Антонин не питал иллюзий и ясно видел в деятельности Смышляева угрозу, исходившую от Палестинского Общества, готового при удобном случае завладеть имуществом Миссии, её земельными участками и зданиями. Испытывая к Смышляеву теплое взаимное дружеское чувство, о. Антонин одновременно испытывал

неприязнь к «*коневодам Палестино-общественского дела*» А.П. Степанову и особенно к В.Н. Хирово, ведущим в Санкт-Петербурге опасную для Миссии политику.

Впрочем, сам архимандрит Антонин с головой оказался вовлечён в деятельность Палестинского Общества, возложением на себя обязанностей строителя храма св. Марии Магдалины в Гефсимании. Со стороны Общества уполномоченному Д.Д. Смышляеву было поручено содействовать архимандриту Антонину в возведении храма[2].

Как видно из дневников архимандрита Антонина за 1887–1888 гг., уполномоченный Смышляев являлся доверенным лицом Общества и посредником в передаче денег из Санкт-Петербурга начальнику Миссии на строительство Гефсиманского храма. Понимая важность завершения его постройки к приезду Августейшего Председателя Общества Великого Князя Сергия Александровича, который ожидался осенью 1888 г., Смышляев занимал о. Антонину необходимые средства даже из денег, отпущенных на строительство подворий Палестинского Общества. Осторожный и мнительный архимандрит Антонин брал эти деньги, но всё же до конца не доверял своему другу — «земляку» в финансовых вопросах. Иногда он напрасно подозревал его в утаивании части денег, поступавших из Санкт-Петербурга и, страхуясь перед своим начальством, сообщал о получении займов от Смышляева в Святейший Синод, чем вызывал недовольство Смышляева, не желавшего огласки собственных действий.

«Пятница. 22 мая. ...Заем у Д. Д-ча 6000 франков для расплат с гефсиманцами»[3].

«Пятница. 29 мая. Уплата долга Смышляеву...Встреча с Д. Д-чем, которого напрасно считал присвоителем следовавших якобы нам денег»[4].

«Четверг. 16 июля. Земляк с чеком Валеровым и нотацией за ненужную (?) телеграмму мою своему Обер-Прокурору ... А как о ней стало известно миру?»[5].

«Вел. Пяток. 22 апреля. Страховое от М.П. Степанова с расписанием высылаемых им 8326 francs. Д. Д-чь с чеком от Валеро на таковую сумму. Придется запрячься и на это лето в работу. Ничего не поделаешь»[6].

Время от времени Дмитрий Дмитриевич по приглашению архимандрита Антонина или по собственной инициативе появлялся вместе с архитектором Г. Франгья на строительной площадке Гефсиманского храма. Выполняя контролирующие функции, иногда он делал архимандриту резкие замечания, выражая недовольство качеством постройки и отделочных работ, чем приводил в раздражение обидчивого начальника Миссии.

«Пятница. 22 мая 6 часов. На Елеонь. Остановка у церкви и разные распоряжения панихидные...Заупокойная обедня с порядочным пением. Спуск в Гефсиманию. Устройство всего, что нужно для службы в будущем алтаре церковном. Публики десятка три — четыре

с Клеменьтевым, Смышляевым, архитектором, Селивановой и сестрами и пр. Помолились усердно о почившей в Бозе Палестинолюбице невознаградимой...»[7].

«Среда, 28 октября Вполне Моченый, советующий мне сбить всю штукатурку церкви Гефсиманской, и стращающий меня тем, что мне будет поручена общественная здесь кухня и поварня. Вот нашли простоволосого!»[8]

Особенно не нравились архимандриту Антонину исходившие от Д.Д. Смышляева пугающие слухи о возможной отмене Великокняжеского визита и постоянные намеки уполномоченного относительно готовящихся перемен в жизни Миссии после него. Силясь проникнуть в коварные замыслы *«общественников»*, отец Антонин обижался на *«Земляка»* — Смышляева, который уже ничего не говорил ему напрямую, но обычно выражался на эту тему загадочными сообщениями, из которых было ясно, что вопрос о будущем Миссии вышел из министерских кулуаров и вскоре будет решен самим Императором.

«Среда. 26 августа. Д.Д-чь с запросом о слухе, якобы Вел. Князья не прибудут по осени, вышедшем от Г-жи Черкасовой...»[9].

«Воскресение. 2 августа. Земляк, уведомленный из СПБ, что отсюда был анонимный донос в посольство, а из сего в министерство и т.д., в котором, между прочим, приводится мысль о превращении Духовной миссии в консульскую церковь... Там считают автором каверзы о. Герасима Яреда, или по глаголу Д. Д-ча, Ирода»[10].

«Понедельник. 23 мая. Земляк с депозитом за 5-ю печатями, обещающийся из Бейрута порадовать меня неким хорошим известием. Секретник! Какой-то кудмэн затевают общественницы наши. Либо удастся, либо...по русскому присловью непишемому»[11].

«Вторник. 24 мая. Пермяк рано утром уехал... На прощание Камский дипломат обещался чем-то особенным порадовать меня из Бейрута, о чем замечено мною уже выше, но не мешает и сообщить о сем и ниже, присовокупивши, что коневод Палестино-общественского дела недавно представлялся зачем-то самому Царю, по требованию ли Высочайшему или по своему желанию, неизвестно. Вероятнее последнее. Так и блажной памяти Б.П.М. тоже представлялся перед крахом Духовной миссии»[12].

Раздражала архимандрита Антонина многолетняя привычка Д.Д. Смышляева к прочтению отечественных и иностранных газет и брошюр. В этих изданиях Дмитрий Дмитриевич редко обращал внимания на новости церковной жизни, и особенно интересовался публикациями критического характера в отношении Иерусалимской и Российской Церкви. В отсутствие Смышляева архимандрит Антонин безжалостно сжигал присланные *«земляку»* иностранные издания.

«Среда. 14 января. Топка печки. Парижския: Revue Illustre (Иллюстрированное Обозрение(журнал)), le Jour de Monde (День мира), Revue Nouvelle и Livre (Новое Книжное Обозрение (журнал) Г. Смышляева...»[13].

«Четверг. 16 июня. Земляк, снабженный газетами, и ничуть не потревоженный вестию об увольнении на покой владыки его Ефрема...»[14].

«Суббота. 15 августа. Земляк за № Нового Времени, где говорится о немецкой пропаганде в Палестине в образе ферэйнов в каждом городе и местечке. Еще бы не распложаться прусакам по всей щелям турецкой избы!»[15].

«Пятница. 28 октября. Земляк с брошюрой: «Нечто о Русской Церкви в обер-прокурорство К.П. Победоносцева.» Р.С.Т. (Дурново?) Лейпциг. 1887. Вместе с Пр. Пал. Обществом достается на зубы в ней и Антонину нашему»[16].

Не одобрял старец архимандрит Антонин вспыльчивый и склочный характер Д.Д. Смышляева, который с годами становился всё хуже и хуже. В силу обязанностей первого духовника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. Антонин принимал с жалобами на Смышляева всех обиженных им должностных лиц. Особенно не нравилось архимандриту, когда несдержанный Смышляев, мало уделявший внимания своей духовной жизни, брал на себя роль блюстителя нравственности и старался требовать от других чистоты помыслов и поступков. Такое «фарисейство» уполномоченного вызывало в душе архимандрита Антонина настоящее негодование.

«Среда. 5 июля. Парфений с жалобой на Смышляева, встретившего его вчера нелепым вопросом: вы у кого исповедуетесь? Рожа, с позволения сказать. Черный с требованием цурки, и указыванием на руки»[17].

«Вторник. 13 сентября. Аршитект Franguia с жалобами на мужика Смышляева, коего бутадам и крику несть якобы конца...»[18].

И все же, несмотря на размолвки и стариковские обиды, архимандрит Антонин искренне любил Д.Д. Смышляева и продолжал проявлять пастырскую заботу о нём. В церковные праздники и во время болезни он старался утешить его своим визитом и дружеской беседой. Знаки внимание начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме к своему другу также нашли отражение в его дневнике.

«Светлый вторник. 26 апреля. Неудавшийся визит к пермяку ради праздника Святителя Стефана Великопермского»[19].

«Воскресение. 30 октября. После обедни визит недужным Д.Д-чу и Графине»[20].

Почитая архимандрита Антонина, Дмитрий Дмитриевич Смышляев с глубоким уважением относился и к другим сотрудникам Миссии. Особенное расположение он испытывал к драгоману миссии Якубу Халеби, с которым не раз путешествовал по Святой Земле. По примеру о. Антонина Смышляев сделал Якуба Халеби своим доверенным лицом в сложных

вопросах приобретения земельных участков для Православного Палестинского Общества. О знаменитом драгомане Дмитрий Дмитриевич оставил в своих воспоминаниях немало лестных строк, подробно рассказав об удивительной истории этого незаурядного человека.

«Якуб Халеби — личность интересная, пользующаяся большой известностью в Иерусалиме с 1862 или 1863 года, при бывшем тогда настоятеле Русской духовной миссии архимандрите Леониде в качестве помощника драгомана. Затем он был сделан драгоманом, в каковой должности состоит и в настоящее время. Человек очень умный, необыкновенно ловкий, отличный знаток местных законов, обычаев и людей, друг и приятель чиновников турецкого серая (присутственных мест), он был скоро отличен архимандритом Антонином, который доверился ему вполне и стал возлагать на него самые деликатные, требующие большой осмотрительности, умения и такта, поручения. И он в нем не ошибся. Обратив внимание на усиленное приобретение земель католиками и протестантами, о. Антонин, дабы не отстать от них и России, также стал приобретать, пользуясь удобными случаями, участки земель, имеющие значение в силу священных преданий или особенностей древности. Якуб был ему неоценимым помощником в этом деле, успевая обделывать чрезвычайно выгодные приобретения. На купленных землях о. Антонин начал устраивать странноприимницы для русских паломников, заводить при них хозяйства, дабы русские путешественники и поклонники могли находить в них все необходимое для заезжего человека. И тут Якуб пригодился, оказавшись незаменимым распорядителем. Отец Антонин не раз говорил мне, когда заходила речь о его превосходно устроенных имениях: «Не будь Якуба, ничего бы этого не было.

...Когда я в 1885 году приехал в Иерусалим, то, прежде всего, услышал, что все имения Антонина куплены им на имя Якуба и что по смерти настоящего владельца все перейдет в руки ловкого араба. Не только местное консульство, но и константинопольское посольство держалось этого мнения. Истинное же положение вопроса о владении было таково: все земли о. Антонина приобретались в такое время, когда иностранные подданные не имели права владеть недвижимыми имуществами в пределах Турецкой империи и потому акты на землю, покупаемые иностранцами, монастырями, церквями, совершались по необходимости, на имя какого-либо турецкого подданного, заслуживающего доверия действительных покупателей. Так, все участки земель, находившиеся до настоящего года в ведении русского посольства в Иерусалиме, были куплены на имя турецкого подданного, драгомана консульства Шейх-Аширi. Точно также о. Антонин был поставлен в необходимость совершать акты

на приобретенные имущества на имя своего драгомана. Не помню в каком году, но во всяком случае, не ранее 1885 г. вышло султанское ираде, предоставившее иностранным подданным право приобретения в турецких владениях недвижимых имуществ на имя частных лиц (но не учреждений). Якуб Халеби был в таком выгодном положении, что действительно мог бы тогда присвоить себе все имения, записанные на его имя, но он этого не сделал, а перевел их беспрекословно на имя о. Антонина. Не знаю, могло ли это быть следствием какого-либо личного расчета, но во всяком случае, самый факт свидетельствует, что Якуб поступил в этом деле, как подобало честному человеку. Вообще, должен сказать, что, сколько мне известно, Якуб всегда готов был помочь советом и делом русским, к нему обращавшимся, и, по-видимому, принимал искренно к сердцу русские интересы. Я и сам считаю себя ему обязанным за его указания и содействие, которые в первое время моего пребывания в Иерусалиме были для меня, по истине, драгоценны...»[21].

В воспоминаниях Д.Д. Смышляева о своей службе уполномоченным Православного Палестинского Общества в Иерусалиме содержится трогательный рассказ о свадьбе знаменитого драгомана.

Якуб Джорджи (Яков Егорович) Халеби был человеком зажиточным, имел в Иерусалиме отличный двухэтажный дом, в котором жил и ещё три дома в самом городе. Когда ему было за пятьдесят, он решил жениться. Свадьба состоялась в Яффе 9 июля 1889 г. в доме архимандрита Антонина. Дмитрий Дмитриевич удостоился получить поручение Великого Князя Сергия Александровича исполнить вместо Его Высочества роль посаженного отца при бракосочетании Халеби. Вместе со Смышляевым на свадьбу были приглашены архитектор Православного Палестинского Общества Георгий Франгья и техник Николай Вальсамаки. Бракосочетание в храме совершил лично Иерусалимский Патриарх Блаженнейший Никодим, который перед этим две недели гостил у о. Антонина. Его Блаженство венчал Якуба с его невестой в сослужении греческого архимандрита и трёх арабских священников.

Дмитрий Дмитриевич Смышляев красочно описал подробности совершения этой церковной службы.

«...Когда брачующихся стали обводить трижды кругом аналоя, заставили также и меня с посаженною матерью сопутствовать им, а когда Патриарх дал пить жениху и невесте вино, то после их и мне с посаженной матерью предложено было отпить из той же чары. Не доставало только мне с последней обменяться кольцами...

...Жара была в комнате невыносимой, публика без всякой церемонии напирала со всех сторон и забиралась даже вперед жениха и невесты, так что приходилось не один раз употреблять особенные усилия для наведения порядка. При этом в толпе шли постоянно громкие

разговоры, раздавались дикие крики не то одобрения, не то радости, не то просто какое-то животное мычание. Азиаты, как есть азиаты! — думал я, толкаемый со всех сторон, принуждаемый почти постоянно ограждать Патриарха, которого публика, того и смотри, собьёт с ног...», — с иронией вспоминал Д.Д. Смышляев[22].

Дружеские отношения уполномоченного Православного Палестинского Общества Д.Д. Смышляева с начальником и членами Русской Духовной Миссии в Иерусалиме были известны в Санкт-Петербурге и не находили одобрения у секретаря ППО В.Н. Хитрово. Василий Николаевич в тот период был настоящим недоброжелателем архимандрита Антонина. Именно он был энтузиастом изъятия у о. Антонина всей записанной на него собственности. В этом вопросе Хитрово проявлял невероятную активность и оказывал сильное психологическое давление на уполномоченного Д.Д. Смышляева, требуя от него таких же настойчивых действий.

Ещё в 1887 г. архимандрит Антонин предложил Обер-Прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву передать свои имения в виде вакуфа «поклонническому делу». Зимой 1889 г. состоялся указ Синода о его согласии на передачу этих земель вакуфом на имя Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и о выдаче архимандриту Антонину 10 000 рублей на необходимые расходы из кружечного сбора, подлежащего к передаче в Палестинскую Комиссию.

Однако, получив от В.Н. Хитрово через Н.Г. Михайлова обещанные деньги, архимандрит Антонин не стал торопиться с исполнением обещания, ссылаясь на неблагоприятные отношения с местной турецкой администрацией. Он написал письмо К.П. Победоносцеву, в котором сообщил, что *«сделать ничего нельзя, пока останется Реуф-паша, нужно ожидать его смены и в междуцарствие совершить перевод имений»*.

Когда это письмо архимандрита было получено в Санкт-Петербурге, К.П. Победоносцев *«вскипел негодованием»*, так как не подозревал об этом обстоятельстве. Был разгневан и В.Н. Хитрово. Оба чиновника сочли, что архимандрит Антонин их обманывает, *«ибо деньги были взяты, а самое исполнение отложено до греческих календ»*. По этой причине В.Н. Хитрово потребовал от о. Антонина немедленного возвращения полученных денег.

Тем временем, Министерство иностранных дел Российской Империи решило проводить собственную политику в этом вопросе. Неожиданно для В.Н. Хитрово и К.П. Победоносцева с протестом против передачи денег от кружечного сбора и перевода имений в пользу Русской Духовной Миссии в Иерусалиме выступили Б.П. Мансуров и директор Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьев, Палестинская комиссия и управляющий русским консульством в Иерусалиме С.В. Максимов. Последний, также как и другие чиновники министерства, считал архимандрита Антонина обманщиком и утверждал перед своим руководством, что *«вакуф — более ограниченное*

землевладение, чем мулк. Что теперешнее владение есть мулк, обращать его в вакуф нет оснований, мулком он должен перейти к Русскому Правительству и только ему, и если Антонин не хочет, то его можно заставить». Консул Максимов с нетерпением ожидал упразднения Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и усматривал в действиях о Антонина *«очевидный умысел — под именем вакуфа духовной миссии провести восстановление духовной миссии».*

Не желая крупного скандала, Обер-Прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев стал дожидаться ответа Министра Иностранных Дел Российской Империи, чтобы на основе его дать указ о. Антонину. Общество тоже заняло выжидательную позицию.

В 1889 г. обстоятельства действительно изменились в лучшую сторону. Реуф-паша оставил должность губернатора Иерусалима, и архимандрит Антонин должен был исполнить обещанное. В связи с этим, В.Н. Хитрово дал распоряжение Д.Д. Смышляеву, в виду несогласия Палестинской комиссии, выдать о. Антонину обещанные деньги из средств до 26 700 франков, чтобы тот смог переоформить на Палестинское Общество хотя бы участок в Бейт-Джале[23].

Весной 1889 г. в управлении Православного Палестинского Общества произошли важные перемены. Архимандрит Антонин записал в своем дневнике: *«Понедельник 20 марта. Ходил поздравить с приездом возвратившегося к своему посту Д.Д. Смышляева, сказавшего мне новость, что г. Степанов занял место вице-председателя Пал. общества, а секретарем вместо него взялся В.Н Хитрово»*[24].

24 марта 1889 г. Высочайшим указом Православному Палестинскому Обществу было присвоено название «Императорского». Тем же указом Палестинскому Обществу передавались функции и капиталы Палестинской Комиссии[25]. Косвенно этим указом Императора была решена и судьба Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Она сохранялась как самостоятельное церковное учреждение и продолжала свою работу наряду с двумя другими русскими учреждениями — Императорским Православным Палестинским Обществом и Консульством в Иерусалиме. В лагере победителей — Д.Д. Смышляева и о. Антонина воцарилась атмосфера радости и ликования.

«Воскресение. 26 марта. Наконец...Телеграмма от вчерашнего числа в руках Д.Д-ча из СПБ: Комиссия закрыта. Все дела переданы нам с незначительными оговорками... подробности письмом. Хитрово. Нуть-ка, заснуть после этого спокойно! Истинный кудэта!»[26]

«Суббота. 8 апреля. Д.Д-чь с радостными вестями об утверждении «Проекта», последовавшем 25 марта»[27].

«Среда 19 апр. Д.Д-чь, решающийся сказать консулу (якобы ничего не ведающему!!) о наступающей эпохе преобразований в заведениях наших»[28].

Процесс перераспределения собственности Палестинской Комиссии оказался болезненным, как для консульства, так и для Русской Духовной Миссии

в Иерусалиме. Каждое из них теряло часть своего имущества, передавая его в пользу Императорского Православного Палестинского Общества.

В письме секретаря Общества В.Н. Хитрово уполномоченному в Иерусалиме Д. Д. Смышляеву от 19 апреля 1889 г. ясно говорится о желании Общества взять в свои руки как можно больше собственности не только Палестинской комиссии, но и записанной на архимандрита Антонина:

«...На первое время, я думаю, не следовало бы идти дальше, опыт укажет, насколько, не нарушая нашей самостоятельности, можем мы уступить...

Прекрасно знаю, что Антонин с имениями проводит за нос, не столько боясь передать их Русскому Правительству, сколько выпустить их из рук, как скупец, дрожащий над золотыми. Чем кончится дело, для нас, собственно, безразлично. Но не безразлично, что у него лежит 26 700 фр. наших денег и нужно дать ему почувствовать, что он может дурачить Победоносцева, но мы дурачить себя не позволим. Эти 26 700 фр. он должен возвратить Вам, затем они у Вас будут находиться в его распоряжении и не иначе будут отпускаться, как по его требованию и под расписку в получении их...»[29].

Выполняя распоряжения, поступавшие от В.Н. Хитрово, Смышляеву пришлось вести сложные переговоры о доле ИППО в «большом пироге» русского имущества с архимандритом Антонином и русским консулом С.В. Максимовым. Дело доходило до взаимных упреков и обид. Архимандрит Антонин писал в своем дневнике:

«Воскресение. 7 мая. Вечером занятие проектом имеющей быть разгороди между будущими тремя ведомствами, водворяемыми отселе в заведениях наших... Размолвка с Д.Д-чем»[30].

Официальное закрытие Палестинской комиссии последовало 6 июля 1889 г. В результате Палестинское Общество унаследовало Елизаветинское, Мариинское подворья, а также Русскую больницу, построенные Палестинским Комитетом.

Таким образом, отношения Д.Д. Смышляева с РДМ в Иерусалиме и её начальником архимандритом Антонином (Капустиным) были разнообразными: дипломатические, финансово-хозяйственные и личностно-дружественные. В силу своих обязанностей, возложенных руководством Общества, уполномоченный Смышляев постоянно контактировал с членами Миссии, её духовенством и сотрудниками. Несмотря на то, что эти контакты не всегда носили позитивный характер, в конечном итоге именно они позволили ППО выполнять сложные задачи по укреплению русского присутствия в Святой Земле: строительства в Иерусалиме «Сергиевского» и «Александровского» подворий, храма св. Марии Магдалины в Гефсимании, а также закрепить в собственность Общества целый ряд земельных участков и зданий.

1 Лисовой Н.Н. Д.Д. Смышляев и Императорское Православной Палестинское общество // От Перми до Иерусалима: путь и подвиг Д.Д. Смышляева. К 180-летию со дня рождения. Пермь, 2012. С. 26–43; Марченко А.Н., протоиерей. Рыцарь Святого Гроба Господня: жизнь и подвиг Д.Д. Смышляева (1928–1893). СПб., 2021.

2 Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 292. Л. 20.

3 Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1887. Научная библиотека Государственного музея истории религий (НБГМИР). С. 91.

4 Там же. С. 95.

5 Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1888. НБГМИР. С. 126.

6 Там же. С. 180.

7 Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1887. НБГМИР. С. 91.

8 Там же. С. 189.

9 Там же. С. 153.

10 Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1888. НБГМИР. С. 100.

11 Там же. С. 101.

12 Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1887. НБГМИР. С. 138.

13 Там же. С. 100.

14 Там же. 116–117.

15 Там же. С. 147.

16 Там же. С. 186–187.

17 Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1889. НБГМИР. С. 138.

18 Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1888. НБГМИР. С. 178.

19 Там же. С. 81.

20 Там же. С. 215.

21 Смышляев Д.Д. Воспоминания о Востоке // ПЕВ. 1891. № 19. С. 424–427.

22 Там же. С. 431.

23 АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 24. Л. 104–115.

24 Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1889. НБГМИР. С. 62.

25 Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 15 сентября 1889 г. № 103. Ст. 858. С. 2038–2039.

26 Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1889. НБГМИР. С. 67.

27 Там же. С. 76.

28 Там же. С. 84.

29 АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 24. Л. 104–115.

30 Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник за 1889. НБГМИР. С. 95.

Новые поступления в Музей истории Императорского Православного Палестинского Общества в Москве, к 10-летию создания музея

Г.М. Маневич

В 2009 г. Правительство Москвы выделило Международной общественной организации «Императорскому Православному Палестинскому Обществу» старинное здание на улице Забелина — жилой дом XVIII–XIX вв. с палатами XVII в., входящий в ансамбль городской усадьбы Н.А. Сумарокова — Н.А. Тюляевой.

История этого памятника архитектуры начинается в XVII в., когда были построены белокаменные палаты. В середине XVIII столетия к палатам были сделаны деревянные пристройки, и владение приобрело структуру, характерную для городской дворянской усадьбы. В конце XVIII в. выдающийся русский архитектор эпохи классицизма В.П. Стасов разработал для усадьбы планировку регулярного характера. От периода классицизма до наших дней сохранился на фасадах белокаменный карниз со штукатурными сухариками и медальонами, а также с некоторыми изменениями — внутренняя планировка. Осенью 1863 г. над домом был надстроен деревянный жилой мезонин.

Здание было передано ИППО в 2010 г. в аварийном состоянии, ремонтно-реставрационные работы шли в течение двух лет и были выполнены на высоком научном уровне. Компания «Реставратор-М» за эту работу получила премию в конкурсе «Московская реставрация» в разделе «Памятники истории и культуры — городские усадьбы». 28 ноября 2012 г. состоялось торжественное открытие здания. Возрожденный из руин особняк был освящён Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, Председателем Комитета почётных членов ИППО. Это был большой и долгожданный праздник Общества.

Новый центр сразу же привлёк огромное внимание историков и краеведов. Стало понятно, что для знакомства с деятельностью Общества и популяризации его исторического наследия, необходимо создавать

музей, и в день рождения Великой Княгини Елизаветы Федоровны, 1 ноября 2013 г., двери Центра ИППО распахнулись, чтобы принять гостей, пришедших на торжественное открытие музея и освящение мемориальной доски в честь первых Председателей Общества — Великого Князя Сергия Александровича и Великой Княгини Елизаветы Федоровны. В церемонии приняли участие Мэр Москвы С.С. Собянин и Председатель ИППО С.В. Степашин

Музей истории ИППО был создан по инициативе Председателя ИППО С.В. Степашина и реализован в рамках программы Мэрии города Москвы «На службе Москве и Отечеству. Великий князь Сергий Александрович и Великая княгиня Елизавета Фёдоровна», осуществляемой Фондом содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», под руководством Председателя Фонда, заместителя Председателя ИППО, к.и.н. А.В. Громовой.

Концепция музея была разработана рабочей группой в составе к.и.н. Р.Б. Бутовой и к.и.н. И.В. Федосеевой под научным руководством заместителя Председателя ИППО д.и.н. Н.Н. Лисового. Художественный проект создал молодой московский художник М.А. Емантаев, а осуществила Студия Ю.Б. Пекуровского.

Экспозиция хронологически охватывает период от основания Общества 21 мая 1882 г. до настоящего времени, рассказывает в исторической ретроспективе о его основных задачах, строительных объектах в Иерусалиме и других городах, а также о деятельности губернских отделов ИППО в России, а на современном этапе — региональных отделений в стране и за рубежом. Представлены уникальные документы, фотографии, книги, паломнические реликвии, а также материалы Архива внешней политики Российской Империи МИД РФ, фрагменты архива и библиотеки ИППО, сохранившиеся в Москве и на Сергиевском подворье в Иерусалиме. В основу изобразительного ряда легли материалы фототеки Палестинского Общества, хранящейся в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге, а также из личных собраний членов Общества. Структура экспозиции включает четыре зала: «Создание и становление ИППО», «Расцвет Русской Палестины», «Терновый венец Русской Палестины» и «Век XXI: время собирать камни».

Начиная с 2013 г., фонды Музея пополняются новыми экспонатами. Предметы приобретаются на аукционах, приносятся в дар, поступают от благотворителей, передаются потомками членов ИППО и деятелей Русской Палестины. В данной статье дается краткая характеристика наиболее примечательных поступлений в фонды Музея истории ИППО за период 2013–2022 гг.

Знаки и издания ИППО

Одними из первых поступлений в Музей истории ИППО после его открытия стали экспонаты, переданные в 2014 г. в дар Музею заместителем Председателя ИППО, Председателем Совета ИППО в Государстве Израиль Игорем Рауфовичем Ашурбейли. Это членские знаки Общества — бронзовый знак члена-сотрудника ИППО (Российская Империя, конец XIX — начало XX вв.) и бронзовый с эмалью знак члена-сотрудника ИППО на муаровой ленте (Западная Европа, первая половина XX в.)

Рис. 1. Знак члена-сотрудника Императорского Православного Палестинского Общества. Бронза. Российская империя. Конец XIX — начало XX вв.

Рис. 2. Знак члена-сотрудника Императорского Православного Палестинского Общества на муаровой ленте. Бронза, эмаль, муар Западная Европа. Первая половина XX в.

Также в комплекс печатных изданий ИППО был передан 4-томник «Странствования Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г.» (СПб., 1885), изданный Императорским Православным Палестинским Обществом по подлинной рукописи под редакцией Николая Барсукова. Эти уникальная книга, содержащая всестороннее описание святых мест Ближневосточного региона, написана русским богомольцем Василием Григоровичем-Барским, проведшим в паломничестве по святым местам почти четверть века и принявшим монашеский постриг от Анитиохийского Патриарха. Он изучил итальянский, греческий, турецкий и арабский языки и даже преподавал в греческих школах.

Дневник паломника священника Николая Калинина

В сентябре 2015 г. архимандрит Филипп (Стецюренко), кандидат богословия, преподаватель Одесской Духовной семинарии, передал в дар

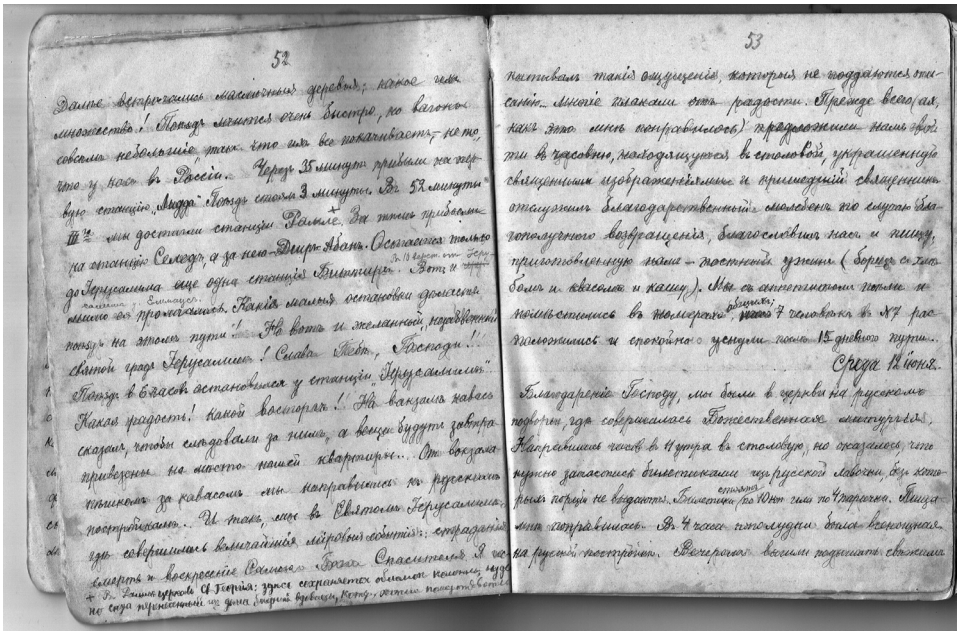


Рис. 3. Дневник паломника Н.И. Калинина, посвященный паломничеству во Святую Землю в 1896 году из Крыма, через Одессу по святым местам Иерусалима, Палестины и Афона. Бумага, карандаш, чернила. Конец XIX в.

Одесскому отделению ИППО хранящуюся у него рукопись дневника паломника, священника Николая Ивановича Калинина. А 24 декабря 2015 г. покойный ныне председатель Одесского отделения ИППО Е.П. Окунь на заседании Совета ИППО в Москве передал уникальный дневник в Музей истории ИППО.

Будущий священник Николай Калинин писал этот дневник молодым человеком 26 лет, ещё неженатым, учителем, решившим лето после учебного года посвятить поездке в Святую Землю. Путешествие его совершалось в 1896 г., и автор стремился записывать все, что с ним происходило — и плохое, и хорошее. Таким образом, получилась общая тетрадь в 107 листов, исписанная карандашом в каждой строчке.

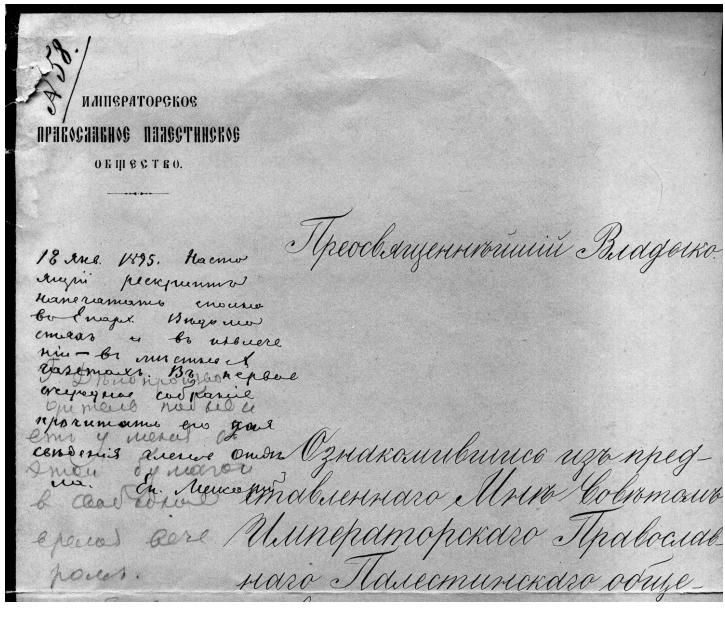
При первом издании небольшим тиражом дневника Н.И. Калинина «Путешествие по святым местам Иерусалима, Палестины и Афона» в 2009 г. возникли трудности: некоторые слова написанные карандашом практически не читались. При этом на первых 70–80 страницах дневника кто-то обвел карандашный текст чернилами, что, разумеется, могло вызвать утраты текста, но его удалось восстановить и издать дневник. На титульном листе рукописи имеется надпись: «На память дорогой дочери Аничке от любящего отца Николая Калинина. 15 августа 1951 г. Старый Крым».

Описание путешествие Николая Калинина начинается из Крыма, а затем — через Одессу в Святую Землю. Этот труд особенно интересен описанием событий, порядков, обстоятельств паломнического, церковного и повседневного быта Крыма, Одессы, Турции, Константинополя и, конечно, городов Святой Земли 120-летней давности. В дневнике подробно описываются условия пребывания в Одессе и других пунктах паломничества. Отмечается высокий уровень организации приёма паломников, дешевизна услуг, доброжелательность одесситов и монашествующих Андреевского и Пантелеимоновского подворий, процедура оформления паспортов, таможенный режим. В дневнике Николая Ивановича Калинина отражается его христианская правдивость, добропорядочность, бесхитростность и любовь, которые постепенно передаются и читателю.

Документы, связанные со святителем митрополитом Макарием (Невским)

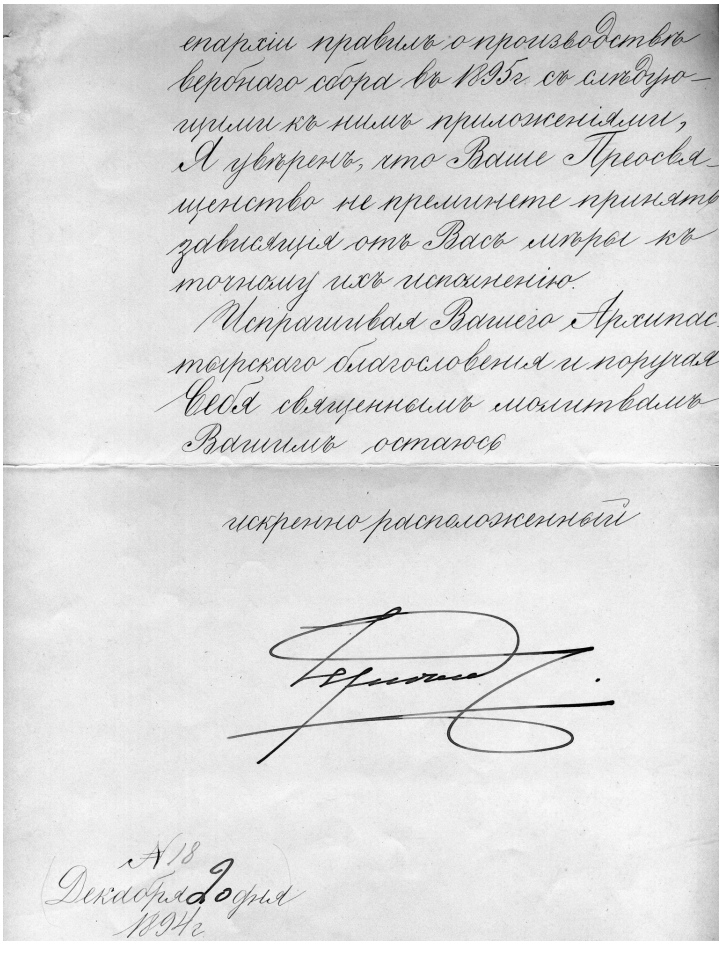
Историю губернских отделов ИППО иллюстрируют документы, с автографами Великого Князя Сергия Александровича и святителя митрополита Макария (Невского), возглавлявшего в разные периоды Томский и Московский отделы Общества.

Первым в музей в 2017 г. поступил рескрипт Великого Князя Сергия Александровича от 20 декабря 1894 г. епископу Макарию (Невскому), возглавлявшему Томскую и Семипалатинскую епархию в 1891–1912 гг.


ИМПЕРАТОРСКОЕ
ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ
ОБЩЕСТВО.

Преосвященнѣйшій Владыко

Рис. 4. Письмо Великого Князя Сергия Александровича епископу Томскому Макарию (Невскому) о создании Томского отдела ИППО. Бумага. 1894.



епархіи правилъ о производствѣ
вербнаго сбора въ 1895г. съ слѣдую-
щими къ нимъ приложеніями,
Я увѣренъ, что Ваше Преосвя-
щенство не преминете принять
зависящія отъ Васъ мѣры къ
точному ихъ исполненію.
Испрашивая Вашего Архипас-
тырскаго благословенія и поручая
Себя священнымъ молитвамъ
Вашимъ остаюсь

искренно расположеннымъ

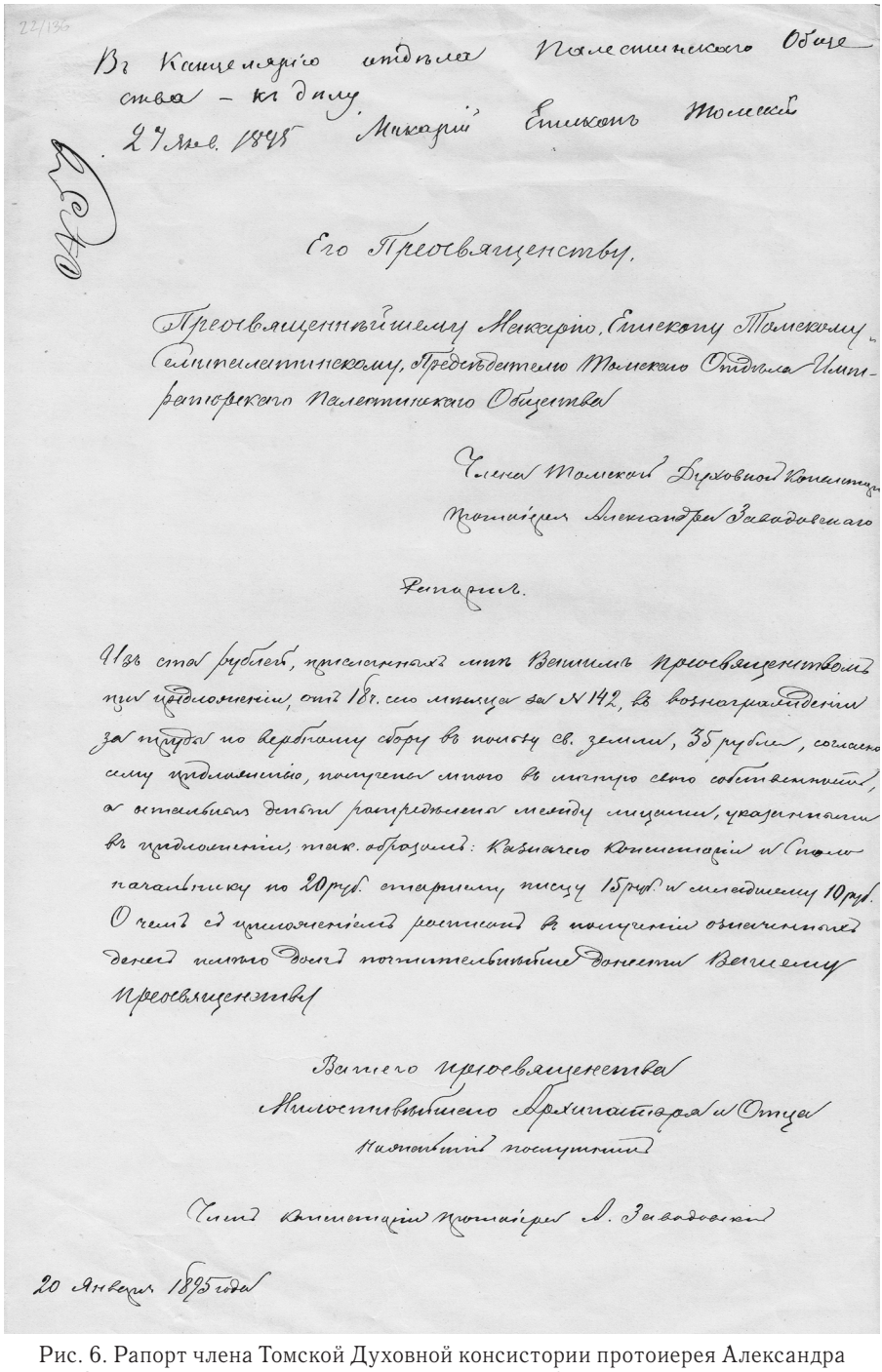
Великий Князь Сергій

№ 18
Декабря 20 дня
1894 г.

Рис. 5. Письмо Великого Князя Сергия Александровича епископу Томскому Макарию (Невскому) о создании Томского отдела ИППО. Бумага. 1894.

В рескрипте Августейший Председатель ИППО обращается к епископу Макарию, состоявшему председателем Томского отдела Палестинского Общества, созданного 3 апреля 1894 г., выражая ему и всем сотрудникам Отдела «искреннюю благодарность <...> за труды и теплое содействие, оказанное Отделом к развитию деятельности общества». Далее Великий Князь касается вопросов деятельности отдела, в частности — организации в 1895 г. ежегодного Вербного сбора на нужды русских паломников в Святой Земле. На документе имеются резолюция о публикации рескрипта и ознакомлении с ним членов ИППО по Томскому отделу на очередном заседании и автограф епископа Макария.

Через несколько лет на одном из аукционов был приобретен рапорт члена Томской Духовной консистории протоиерея Александра Завадовского на имя председателя Томского отдела Императорского Православного Палестинского Общества Преосвященного Макария от 20 января 1895 г.



В Канцелярію отдѣла Палестинскаго Общества — къ дѣлу.
27 Мая. 1895 Митрополитъ Макарій Епископъ Томскій

Его Преосвященству,

Преосвященнѣйшему Макарію, Епископу Томскому, Алтайскому, Предсѣдателю Томскаго Отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества

Члена Томской Духовной Консистории Протоіерея Александра Завадовскаго

Рапортъ.

91 въ сто рублей, присланныхъ мнѣ Вашимъ Преосвященствомъ при предложеніи, отъ 18 сего января за № 142, въ вознагражденіе за трудъ по вербному сбору въ пользу св. земли, 35 рублей, согласно сему предложенію, получены мною въ числу сего собственныя, а оставшіяся деньги распредѣлены между лицами, указанными въ предложеніи, такъ: образомъ: Казначею Консисторіи и Столоначальнику по 20 руб. старшему писцу 15 руб. и младшему 10 руб. О чемъ съ приложеніемъ росписки въ полученіи означенныхъ денегъ имѣю честь покорнѣйше донести Вашему Преосвященству.

Вашего Преосвященства
Милостивѣйшаго Архипастыря и Отца
Покорнѣйшій послушникъ

Члена Консисторіи Протоіерея А. Завадовскій

20 Января 1895 года

Рис. 6. Рапорт члена Томской Духовной консистории протоиерея Александра Завадовского на имя председателя Томского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества Преосвященного Макария. 1895.

В рапорте содержится отчёт о распределении средств, выделенных «в вознаграждение за труды по Вербному сбору в пользу Св. Земли». На документе имеется резолюция епископа Макария о передаче рапорта в канцелярию Томского отдела ИППО.

Комплекс Кавериных

Отдельный раздел в экспозиции Музея истории ИППО посвящён теме благотворителей Святой Земли. В 2018–2022 гг. в дар Музею была передана коллекция предметов из семьи П.Д. Каверина, русского купца и благотворителя.

Павел Дмитриевич Каверин (1822–1893) родился в городе Сапожок Рязанской губернии. Будучи трудолюбивым и деловым человеком, уже через несколько лет успешной коммерции на Ближнем Востоке, в Китае и Египте, он основал Торговый дом «П.Д. Каверин». Каверин всегда активно участвовал в благотворительной деятельности, имел тесные связи с Русской Духовной Миссией в Иерусалиме и Императорским Православным Палестинским Обществом. На свои средства он отправил для русского Спасо-Вознесенского храма на Елеонской горе иконостас. В 1883 г. Павел Дмитриевич совершил паломничество на Святую Землю. Его с триумфом встречали в Иерусалиме, где в присутствии русского консула вручили наградную подписную икону. На обороте иконы имеется надпись: «Сей образ Воскресения Христова — благословение Наместника Патриарха Иерусалимского Никифора;

Рис. 7. Предметы, принадлежавшие П.Д. Каверину и его семье, в Музее истории ИППО. 2022.

награжден был в Патриаршей Палате в присутствии Полного Совета святейшего Собора и Русского Консула, Его Превосх. Кожевникова. Принял Павел Дмитриевич Каверин. В Иерусалиме. 1883 г. марта 14-го Дня в 4 часа Дня».

В 1 зале Музея экспонируются паломнические реликвии из поездок П.Д. Каверина в Святую Землю и по России, наградная икона Воскресения Христова, шкатулка с вкладным ящиком, фотоальбом и фотографии из семейного

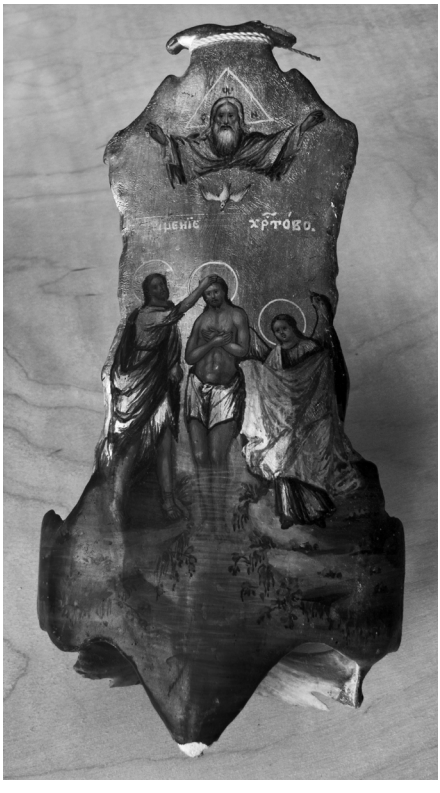


Рис. 9. Крещение Господне. Икона. Палестина. Левкас, лак, смешанная техника. XIX в. На оборотной стороне наклеена бумажная этикетка о дарении П.Д.Каверину.

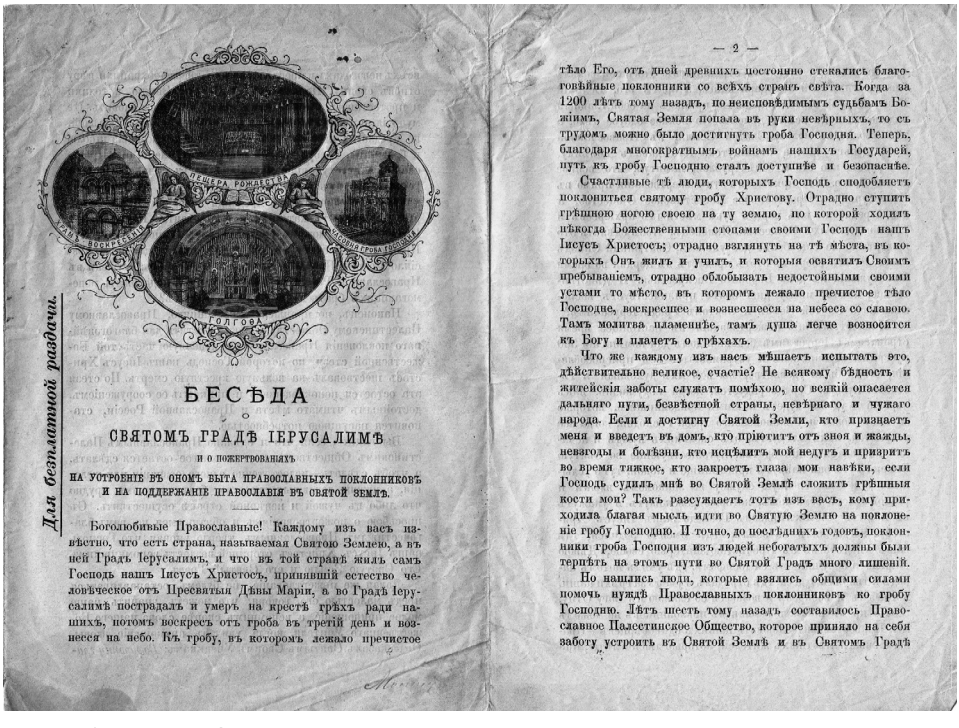
Рис. 8. Икона «Воскресение Христово». Палестина. Конец XIX в.

архива Кавериных-Белкиных, столовые приборы, его портмоне и другие личные вещи членов семьи.

Во 2 зале представлены икона Крещения Господня, выполненная на рыбьей кости, и камень от пещеры Иоанна Крестителя с надписью на нижней грани «1883 года 14 марта камень отъ пещеры Іоанна Крестителя». В 3 зале экспонируется гербарий с растениями со Святой Земли в кипарисовом переплете. Экспонаты переданы Музею Леонидом Александровичем Цургозеном — потомком московских фабрикантов и благотворителей Кавериных и Белкиных, действительным членом ИППО, кандидатом химических наук, старшим научным сотрудником ОАО «НИИ Стали».

Беседа об Иерусалиме и о пожертвованиях на паломников

В коллекции Музея имеется ряд печатных изданий ИППО, в том числе поступившая в 2016 г. брошюра «Беседа о Святом граде Иерусалиме и о пожертвованиях на устроение в оном быта православных поклонников и на поддержание православия в Святой Земле», предназначенная для бесплатной раздачи.



Для безплатной раздачи.

БЕСѢДА

О

СВЯТОМЪ ГРАДѢ ІЕРУСАЛИМѢ

И О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ

НА УСТРОЕНІЕ ВЪ ОНОМЪ БЫТА ПРАВОСЛАВНЫХЪ ПОКЛОННИКОВЪ И НА ПОДДЕРЖАНІЕ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

Боголюбивые Православные! Каждому изъ васъ извѣстно, что есть страна, называемая Святою Землею, а въ ней Градъ Іерусалимъ, и что въ той странѣ жилъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, принявшій естество человѣческое отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, а во Градѣ Іерусалимѣ пострадалъ и умеръ на крестѣ грѣхъ ради нашихъ, потомъ воскресъ отъ гроба въ третій день и вознесся на небо. Къ гробу, въ которомъ лежало пречистое

— 2 —

тѣло Его, отъ дней древнихъ постоянно стекались благоговѣйные поклонники со всѣхъ странъ свѣта. Когда за 1200 лѣтъ тому назадъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, Святая Земля попала въ руки невѣрныхъ, то съ трудомъ можно было достигнуть гроба Господня. Теперь, благодаря многократнымъ войнамъ нашихъ Государей, путь къ гробу Господню сталъ доступнѣе и безопаснѣе.

Счастливые тѣ люди, которыхъ Господь сподобляетъ поклониться святому гробу Христову. Отрадно ступить грѣшною ногою своею на ту землю, по которой ходилъ нѣкогда Божественными стопами своими Господь нашъ Іисусъ Христосъ; отрадно взглянуть на тѣ мѣста, въ которыхъ Онъ жилъ и училъ, и которыя освятилъ Своимъ пребываніемъ, отрадно облобызать недостойными своими устами то мѣсто, въ которомъ лежало пречистое тѣло Господне, воскресшее и вознесшееся на небеса со славою. Тамъ молитва пламеннѣе, тамъ душа легче возносится къ Богу и плачетъ о грѣхахъ.

Что же каждому изъ насъ мѣшаетъ испытать это, дѣйствительно великое, счастіе? Не всякому бѣдность и житейскія заботы служатъ помѣхою, но всякій опасается дальняго пути, безвѣстной страны, невѣрнаго и чужаго народа. Если и достигну Святой Земли, кто признаетъ меня и введетъ въ домъ, кто пріютитъ отъ зноя и жажды, невзгоды и болѣзни, кто исцѣлитъ мой недугъ и призритъ во время тяжкое, кто закроетъ глаза мои навѣки, если Господь судилъ мнѣ во Святой Землѣ сложить грѣшныя кости мои? Такъ разсуждаетъ тотъ изъ васъ, кому приходила благая мысль идти во Святую Землю на поклоненіе гробу Господню. И точно, до послѣднихъ годовъ, поклонники гроба Господня изъ людей небогатыхъ должны были терпѣть на этомъ пути во Святой Градъ много лишеній.

Но нашлись люди, которые взялись общими силами помочь нуждѣ Православныхъ поклонниковъ ко гробу Господню. Лѣтъ шесть тому назадъ составилось Православное Палестинское Общество, которое приняло на себя заботу устроить въ Святой Землѣ и въ Святомъ Градѣ

Рис. 10. Беседа о Святом Граде Иерусалиме и о пожертвованиях на устроение в оном быта православных поклонников и на поддержание православия в Святой Земле. Бумага. 1888.

Квитанция об уплате сбора на больницу

Для оказания паломникам медицинской помощи были открыты больница с амбулаторной в Иерусалиме, 5 амбулаторных в Дамаске, Назарете, Вифлееме, Хомсе и Бейт-Джале. Прибывая в Палестину, русские богомольцы платили госпиталю 1 рубль, и потом, в случае необходимости, получали лечение и лекарство бесплатно, находясь в больнице до полного выздоровления.

В 2018 году Музею был подарен экземпляр квитанции об уплате 1 рубля медицинского сбора на больницу и амбулаторную Общества в Святой Земле. Квитанция датирована 6 марта 2014 г., периодом, когда Председателем

КВИТАНЦІЯ № 266
Дѣйствительна на одинъ годъ
со дня выдачи.
ИМПЕРАТОРСКОЕ
Православное Палестинское Общество,
состоящее подъ председательствомъ
Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини
ЕЛИСАВЕТЫ ѲЕОДОРОВНЫ.
8 МАРТА 1914 дня 191 года.
Получено Управленіемъ Русскихъ подворій въ Іерусалимѣ
сбора на больницу
и амбулаторныя Общества въ Святой Землѣ одинъ рубль.
Принялъ

Рис. 11. Квитанция об оплате страхового сбора на медицинское обслуживание в больнице и амбулаториях ИППО. Бумага. 1914.

ИППО являлась Великая Княгиня Елизавета Федоровна. Больницы и амбулаторные ИППО оказывали медицинскую помощь всем нуждающимся в ней, независимо от религиозной принадлежности. Ежегодно в медицинские заведения Общества обращалось около 60 тысяч человек.

Проектор и стереоскоп

Палестинское Общество стремилось не ограничиваться заботой только о материальном попечении паломников, оно устраивало духовные собеседования и двухчасовые ежедневные чтения. Первый час чтений был посвящён истории Ветхого и Нового Завета, истории Христианской Церкви до разделения её на православие и католичество, преимущественно в житиях святых. Второй час посвящался священной топографии: подробному описанию Святой Земли, Синая, Афона и основных русских монастырей. Чтения сопровождались показом «туманных картин», с помощью «волшебных фонарей» — проекторов. На столике лектора размещалось два «волшебных фонаря» (проектора), поскольку последние быстро перегревались. В случае большого числа слушателей лекции проходили во внутреннем дворе Сергиевского подворья.

Большой популярностью в середине XIX — начале XX вв. пользовался стереоскоп — оптический увеличивающий прибор для просмотра хромолитографических открыток с «объемными изображениями». Паломников привлекали стереооткрытки с евангельскими и ветхозаветными сюжетами,

Рис. 12. Русские паломники во дворе Сергиевского подворья на лекции, сопровождаемой показом «туманных картин». Иерусалим. Фотография. Начало XX в. ГМИР.

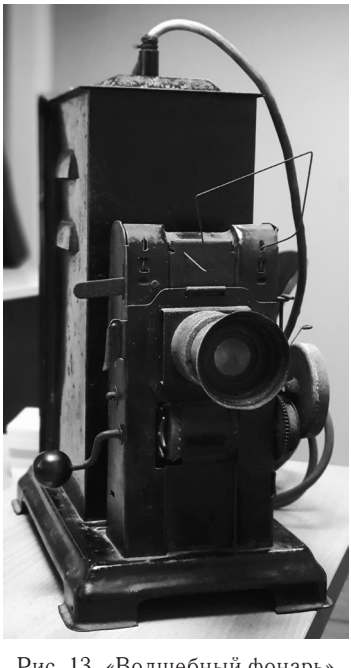


Рис. 13. «Волшебный фонарь» (проектор). Начало XIX в.

а также с фотографическими изображениями Святой Земли и святых мест, сделанными во второй половине XIX столетия как фотографами, работающими при Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, так и фотолюбителями. Зная, насколько в России распространено увлечение стереоскопическими карточками, их использовали с миссионерской и просветительской целью. Благодаря этим небольшим картинкам можно было, говоря современным языком, совершить виртуальное путешествие на Святую Землю.

В 2019 г. коллекция Музея пополнилась проектором и стереоскопом, переданными в дар руководителем Представительства ИППО во Франции М.Н. Урясовым. Также было передано 60 стереооткрыток с различными изображениями из библейской истории и фотографиями Палестины.

Рис. 15. Храм Гроба Господня.
Стереоокрытка. Кон. XIX — нач. XX вв.

Рис. 14. Стереоскоп.
Кон. XIX — нач. XX вв.

Рис. 16. Фотоаппарат Kodak Brownie
№2. Нач. XX в.

Фотоаппарат Kodak Brownie

В начале XX в. становятся доступными дешевые фотоаппараты простейшего типа. В Музее экспонируется серийный фотоаппарат Brownie № 2 производства компании Kodak начала XX в. Данная модель стоила всего 2 доллара (в России камера продавалась за 11 рублей), была рассчитана на 6 кадров размером 6,5×10,5 мм, пленка была сменной и продавалась по цене 15 центов. Все члены последней Царской Семьи увлекались фотографированием. В их коллекции находились все типы фотоаппаратов выпущенных фирмой Kodak. Этот экспонат передан в дар Музею в 2021 г. руководителем Представительства ИППО в Дармштадте Д.С. Судобиным.

Письменный прибор

Изначально, основным местом расположения управляющих органов Общества была столица Российской Империи — Санкт-Петербург, где Общество было создано в 1882 г. Долгое время Канцелярия ИППО находилась по адресу Вознесенский проспект, 36. В октябре 2020 г. в Музей, благодаря члену Совета ИППО, в тот период заместителю руководителя Научной секции ИППО С.Ю. Житенёву, был передан деревянный письменный прибор, происходящий, предположительно, из Канцелярии ИППО в Санкт-Петербурге. Письменный прибор с ножом для бумаг в русском стиле изготовлен в начале XX в. из красного дерева по модели народного мастера В.П. Ворноскова, одного из ведущих мастеров абрамцево-кудринской декоративной резьбы по дереву. Прибор декорирован резными изображениями цветов и птиц, укомплектован подставкой для письменных принадлежностей.

Рис. 17. Письменный прибор с ножом для бумаг в русском стиле с резными цветами, птицами. Россия, Кудрино, по модели В. П. Ворноскова (?). Красное дерево; резьба, плоскорельефная резьба, тонировка. Нач. XX в.

Реликварий

Благотворителями Московского отделения МОО «ИППО» в 2022 г. в Музей передан католический реликварий со Святой Земли, изготовленный в конце XIX — начале XX вв. Он содержит цветы со Святой Земли, частицы из Кедронского ручья, с горы Фавор, с места Рождества Христова с крестного пути Господа, с места бичевания Господа, от Голгофы и Гроба Господня и другие. В центре реликвария находится часть оливы из Гефсиманского сада и, в запечатанной колбе, масло, собранное с этой оливы.

Рис. 18. Реликварий. Палестина. Дерево, тонировка, металл, золочение, папье-руле, бумага, ткань, стекло. Кон. XIX — нач. XX вв.

Другие поступления в Музей

В советское время ИППО продолжило свою научную работу как Российское Палестинское Общество при Академии наук СССР (РПО). В коллекцию Музея поступил ряд предметов, связанных с советским периодом, в частности — членские билеты митрополита Ювеналия (Пояркова), вступившего в РПО в 1971 году, в настоящее время — почетного члена ИППО.

В период 2013–2022 гг. в Музей истории ИППО также поступали из разных источников подлинники и копии делопроизводственной переписки Императорского Православного Палестинского Общества, Российского Императорского генерального консульства в Иерусалиме и других организаций по вопросам русского присутствия в Святой Земле. Современные региональные и зарубежные отделения Общества нередко передают в Музей предметы, произведения художественного искусства и литературу, связанные со своей деятельностью. Так, в 2018 г. председатель Калужского отделения ИППО В.Н. Гороховатский передал в Музей, подготовленный специалистами отделения экземпляр истории ИППО, напечатанный шрифтом Брайля, предназначенным для письма и чтения незрячими и плохо видящими людьми.

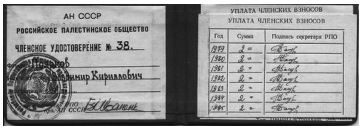

АН СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ЧЛЕНСКОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ № 38.
Владимир Кирилловичъ
УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ
Год | Сумма | Подпись секретаря РПО

Рис. 19. Удостоверение члена Российского Палестинского Общества при АН СССР, выданное митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию (Владимиру Кирилловичу Пояркову). XX в.

В 2016 г. Председатель ИППО С.В. Степашин поздравил английскую королеву Елизавету II с 90-летием со дня рождения и передал ей памятный блок марок, специального гашения, посвящённых 150-летию со дня рождения Великой Княгини Елизаветы Федоровны и истории Императорского Православного Палестинского Общества, а также специальный конверт и юбилейный знак в честь 150-летия Великой Княгини. В ответ МОО «ИППО» получило благодарственный адрес, подписанный фрейлиной королевы Елизаветы и помощницей Британской королевской семьи леди Сьюзан Хасси, который экспонируется в Музее вместе с групповой фотографией членов созданного в 2019 г. представительства Общества в Великобритании.

Отдельный корпус новых поступлений в Музей составляют почётные награды, грамоты и памятные подарки Председателю ИППО С.В. Степашину и Обществу в целом из самых разных регионов: из России и ближнего зарубежья, от руководства Палестины, Кипра, Сирии, Ливана, Армении и других стран.

Музей истории Императорского Православного Палестинского Общества продолжает пополнять свои коллекции. Особый интерес вызывают предметы паломнического быта, фотографии русских паломников и Святой Земли второй половины XIX — первой половины XX вв., подлинники дневников, воспоминаний и писем паломников, документы, фотографии и иные предметы, связанные с деятельностью России в Святой Земле и деятелями Русской Палестины.

Особенности положения имущественного комплекса Православного Палестинского Общества в Иерусалиме в период действия Британского мандата в Палестине*

Е.В. Паламаренко

Спустя три десятилетия после появления одной из первых работ, посвященных рассмотрению положения имущественного комплекса Православного Палестинского Общества (ППО) в Палестине в период Британского мандата[1], исследование системы взаимоотношений между ППО и английскими властями в Палестине, уполномоченными лицами, действовавшими от их имени и представителями русскоязычной общины, как из числа духовенства и монашествующих, так и со стороны мирян, представляется по прежнему актуальным и востребованным научным направлением. История ППО, положение его имущества в 1920–1940 гг. в Палестине или Иерусалиме по-прежнему туманна, главная причина чего заключается в малоизученности и нераскрытости темы в виду, как недостаточности материалов по данному периоду, так и сугубо субъективных причин, присущих многим исследователям, включающих поиск достоверных источников и необходимость работы с иностранными документами.

Значительные шаги были предприняты в этом направлении со стороны ведущих российских палестиноведов, например, Н.Н. Лисовым[2], а также многими представителями всех трёх поколений российских палестиноведов[3], согласно новейшим классификациям в историографическом осмыслении российского присутствия на Святой Земле.

* Исследование выполнено в соответствии с госзаданием Института российской истории Российской академии наук в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки России и МОО «ИППО» в 2022–2024 гг.

События, происходившие в Иерусалиме, связанные с началом контроля над Палестиной со стороны английского правительства перешагнули вековую черту, что во многом объясняет рост интереса к уникальному периоду в истории Святой Земли и российского присутствия на ней. В российском научном пространстве увеличивается число публикаций, разнообразно освещающих положение русскоязычной общины после Первой мировой войны. Например, научную новизну собой являют исследования об управляющих подворьями ППО в период Британского мандата[4], вопросы обустройства Палестины после Первой мировой войны[5], положения выходцев из Российской Империи в Палестине[6], практика русского паломничества в Палестину между двумя мировыми войнами[7] или в постмандаторный период[8], осмысление повседневной жизни русского женского монашества в Палестине в межвоенный период и в первые годы израильского правления[9] и др.

Настоящая публикация, крупнейшим источником для создания которой стали два архивных дела, хранящихся в Государственном архиве Израиля (около 250 листов, документы преимущественно без пагинации)[10], не включает в себя рассмотрение положения имущества ППО или Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (РДМ), расположенного в иных городах и местностях Палестины, находившихся под управлением Великобритании по мандату Лиги Наций в 1920–1940-е гг., а ставит своей целью исследование основных вех в процессе взаимодействия британского правительства и ППО в отношении имущественного комплекса в Иерусалиме, ключевой силой в котором выступала именно государственная власть.

В последнее время увидели свет публикации, включающие в себя ценные архивные документы[11], создателями которых являлись лица, непосредственно аффилированные с ППО в период Британского мандата. Данная же статья на основании документов британского палестинского правительства стремится осветить и в то же время ограничивается исследованием вопросов аренды, управления, положения в целом и правового статуса имущества ППО и, косвенно, РДМ, занятого британскими правительственными учреждениями в Иерусалиме после первой мировой войны и до создания в Палестине государства Израиль и разделения Иерусалима на израильскую и иорданскую половины.

Основными архивными источниками, в которых получили отражение материалы и детали переписки различных британских правительственных органов в Палестине в 1920–1940 гг., могут являться дела Государственного архива Израиля. В документах на английском языке, арабском и иврите прослеживается история административных, хозяйственных, экономических, финансовых и иных форм отношений между администратором русского имущества — действовавшего по поручению Верховного комиссара; русской общиной Иерусалима, включавшей в себя представителей ППО

и РДМ, православных русских граждан, не являвшихся монашествующими или насельниками монастырей; а также британскими правительственными учреждениями: арендаторами зданий, департаментами Иерусалима по хозяйственным работам, секретариатом Верховного комиссара и т. д.

Анализ большого массива документов свидетельствует о существовавших разногласиях между тремя группами интересов в отношении имущественного комплекса ППО или РДМ в Иерусалиме. Администратор имущества от правительства Палестины, безусловно, действуя в интересах русскоязычной колонии, стремился сохранять баланс интересов и в пользу собственного правительства. Само правительство редко когда выступало с инициативами с целью облегчить бремя послевоенного существования русскоязычной общины. На фоне мало с кем согласованного решения об эксплуатации и по сути принудительного занятия зданий Русского подворья, в то же время следует отметить положительный подход правительства Палестины к тому, что, осознавая и принимая на себя обязательства по сохранению имущества ППО или РДМ для будущих поколений, на протяжении всего периода своего в нём пребывания, британские власти в своей переписке подтверждали, что оно должно быть передано законным правопреемникам или его наследователям.

После того как британские войска вошли в Палестину, государство-мандатарий стремилось сохранить порядок взаимоотношений между конфессиями, существовавший при Османской империи[12], что не помешало принять одностороннее решение с целью занятия зданий, находившихся в собственности ППО. В начале английского протектората над Палестиной, выяснилось, что ППО, отвечавшее до первой мировой войны за приём и размещение паломников из Российской Империи, научное палестиноведение, гуманитарно-просветительское сотрудничество с народами стран Библейского региона, поддержку Православия на Ближнем Востоке[13], и РДМ, отвечавшая за совершение богослужений, монастырскую и церковную инфраструктуру, насельников монастырей, осуществление гуманитарно-просветительных проектов[14], находились в состоянии острого финансового кризиса, задолжав кредиторам тысячи палестинских фунтов, которые, как казалось тогда британским властям, было невозможно оплатить.

В свою очередь, советские власти, даже после того, как отношения России с Палестиной надолго стали прерваны[15], в начале 1920 гг. сделали предварительные запросы об их собственности, которые не увенчались успехом[16]. Поэтому правительство Его Величества издало указ, который позволил вывести российскую собственность из-под юрисдикции палестинских судов, а правительство Палестины своим указом назначило окружного комиссара Иерусалима управляющим её имуществом. Районный уполномоченный, прежде всего, заставил кредиторов ППО и РДМ доказать наличие долгов, что было завершено примерно к 1925 г. Затем британские власти предложили

кредиторам комбинированный платеж, и получив ссуду в банке, одновременно получая доходы от аренды, ППО и РДМ погасили долги.

В 1920–1921 гг. комитетом, назначенным британскими властями, была установлена арендная плата в отношении имущества ППО и РДМ, занятого в Иерусалиме британскими правительственными учреждениями. На протяжении долгого времени, вплоть до времени ухода британских властей из Палестины, рента выплачивалась на депозитный счет в банке, который находился в доверительном управлении правительства Палестины. Как отмечали, выражая тем самым свое беспокойство, палестинские власти, арендная плата была назначена решением комитета без какого-либо юридического оформления договора аренды, и вплоть до 1933–1934 гг. договоры аренды с официальными представителями, действовавшими от имени занятого имущества ППО или РДМ, не заключались. По сути, арендная плата выплачивалась правительством на основании произвольно установленной стоимости аренды, установленной комитетом, в котором собственники недвижимости не имели представителей. Как только ППО и РДМ узнали решения комитета по оценке, в адрес окружного комиссара на протяжении продолжительного времени поступали возражения против шкалы арендной платы.

Далее арендная плата пересматривалась и оценивалась в 1924 г. комитетом, состоящим из представителя губернатора округа Иерусалим-Яффа, представителя финансового отдела округа и члена муниципалитета Иерусалима. Как поясняли в переписке британские власти Палестины, в то время ни один представитель от ППО или РДМ не был приглашен на заседания комитета из-за существовавшей неопределенности в отношении законных владельцев имущества. При оценке арендной платы комитет исходил из того, что правительство Палестины понесло расходы на ремонт, вероятно с целью устранения ущерба от венных действий, а также из-за невозможности использования этого имущества для проживания или иных коммерческих целей, которое предназначалось только для размещения в нем различных государственных учреждений.

Долгое время в официальных документах британского правительства в Палестине и в переписке ведомств между собой собственность ППО и РДМ называлась «российская государственная собственность», разделяясь на собственность ППО и РДМ, но де-факто не считаясь российским государственным имуществом. Правительство исходило из того, что в Палестине отсутствовали представители собственника. Значительно позже собственность стала разделяться на собственность церковную и ППО, предполагая, что последняя принадлежит больше российскому правительству, чем российской общественной организации. На протяжении всего периода управления имуществом со стороны администратора, который время от времени сменялся, назначаемый Верховным комиссаром, именно он выступал его арендодателем, а правительственные учреждения являлись арендаторами.

В 1926 г. британскими властями в Палестине было издано постановление № 31 «Об управлении российской недвижимостью», которое определило правовой статус использования имущества ППО и РДМ в Иерусалиме в последующие десятилетия, пользования им со стороны британских правительственных учреждений. Данное постановление было принято исходя из того, что такие объединения как ППО и РДМ, владели культовыми зданиями, подворьями и другим недвижимым имуществом в Палестине, и до установления их правового статуса и их представителей в Палестине, необходимо было организовать управление этим имуществом. До этого, постановлением от 28 ноября 1924 г. Верховный комиссар Палестины назначил окружных уполномоченных Иерусалимско-Яффского и Северного округов управляющими имуществом в соответствующих округах, находившимся во владении ППО и РДМ, а распоряжением от 11 мая 1925 г. Верховный Комиссар изменил, указанные распоряжения и назначил уполномоченного округа Иерусалим-Яффа управляющим всей собственностью ППО и РДМ в Палестине.

Постановление об управлении российской собственностью 1926 г. предусматривало, что Верховный комиссар мог время от времени назначать любое должностное лицо от имени правительства Палестины управляющим всей или частью собственности, находящейся во владении ППО или РДМ под каким бы именем оно ни было указано или зарегистрировано, которое им же могло быть изменено или отменено в любое время. Постановления Верховного комиссара от 28 ноября 1924 г. о назначении окружных уполномоченных округа Иерусалим-Яффо и Северного округа как администраторов имущества, находящегося во владении ППО и РДМ, и постановление от 11 мая 1925 г. с изменениями того же самого всегда считались действительными и имели полную силу до тех пор, пока они не были бы изменены или заменены, и все действия, совершенные в соответствии с ними, считались действительными.

Обязанности администратора над имуществом ППО и РДМ, назначенного в соответствии с этим постановлением, состояли в получении арендной платы или доходов от любой собственности, администратором которой он являлся, а также необходимости совершать любые действия в отношении собственности, которые могли быть необходимы с целью надлежащего управления при условии, что продажа, передача, аренда на срок более одного года или иное отчуждение собственности не могло быть осуществлено им без письменного указания Верховного комиссара.

Доходы от собственности, находившейся во владении ППО и РДМ, и любой остаток в отношении предыдущих доходов, который мог остаться у администратора после оплаты расходов, необходимых, по мнению администратора, для сохранения и обслуживания собственности в Палестине, должны были расходоваться в соответствии с указаниями, данными

Верховным комиссаром для целей, для которых ППО и РДМ были созданы: на содержание русских православных храмов и их инфраструктуры, на помощь и поддержку проживающим в Палестине русскому православному духовенству, паломникам и далее с одобрения Верховного комиссара для оказания помощи и поддержки русским православным лицам, связанным с ППО и РДМ, или иждивенцам таких лиц, проживающим в Палестине. А любые средства, которые могли остаться у администратора после таких платежей, должны были храниться или инвестироваться им в соответствии с указаниями Верховного комиссара.

Летом 1928 г. администратор как управляющий «русским имуществом» в Иерусалиме был вынужден из-за финансовых затруднений представителей ППО и РДМ искать пути и средства увеличения доходов от собственности. Он сделал правительству предложение, что может законно принять меры для пополнения этого дохода за счёт общего повышения арендной платы, уплачиваемой правительством за здания на том основании, что по сравнению с другими зданиями того же характера, арендованными правительством или населением, арендная плата была несправедливо низкой. Соответственно, был назначен новый комитет, состоящий из директора департамента общественных работ Иерусалима в качестве председателя, администратора и земельного оценщика, для рассмотрения и рекомендации того, какую арендную плату должно выплачивать правительство, начиная с июня 1929 г.

В январе 1929 г. заместитель окружного комиссара Иерусалимского округа в переписке с главным секретарем отмечал, что британское правительство, несомненно, в результате ранее проведенной произвольной оценки пользовалось собственностью по арендной плате ниже существовавшей рыночной стоимости. В сложившихся обстоятельствах он просил правительство исправить несправедливость, причиненную ППО и РДМ, и применить новые арендные платежи с 1 октября 1928 г. Притом пересмотр стоимости аренды распространялся на всё имущество, занимаемое правительством в Иерусалиме, независимо от того, существовала ли формальная аренда или нет.

Отчёт о работе комитета был направлен в правительство с рекомендациями к изменению условий аренды с выплатой арендной стоимости с 1 октября 1928 г. Исходя из содержания отчёта, в ходе работы комитета недвижимость была тщательно осмотрена, установлена полезная площадь помещений и рассмотрена пригодность для их дальнейшего использования. Рассматривались вопросы методов оценки арендной платы, таких как капитальные затраты, включая стоимость земли, стоимость аренды других зданий по соседству, арендная плата, которую можно было бы получить, если имущество было бы сдано в аренду не для государственных целей и т.д. Администратор «русского имущества» отмечал, что особенно желательно,

чтобы правительство как арендатор отвечало за внешний и внутренний ремонт зданий, тогда как до настоящего времени правительство производило только внутренний ремонт. Эта договоренность была принята во внимание при переоценке арендной платы с условием, что внешний ремонт будет ограничен секциями зданий, занимаемыми государством, но не касаться той части зданий, которые заняты ППО, РДМ или другими арендаторами. Иными словами, было достигнуто соглашение не учитывать ранее проведенный арендаторами ремонт и далее выполнять общий ремонт пропорционально занимаемой площади, что вызвано изначально заниженными расходами правительства на аренду, даже с учётом того, что правительство с 1922 по 1927 гг. потратило 7700 палестинских фунтов на обустройство санитарии, ремонт, техническое обслуживание и содержание зданий, в то же время в этот период расходы на арендную плату составляли 1454 фунта в год, или 8724 фунта в целом, что ниже, чем стоимость аренды которая называлась справедливой с 1929 г.

Повышение арендной платы было инициировано правительственными чиновниками во многом с осознанием того, что занятие зданий происходило в одностороннем порядке, арендная плата была назначена в той или иной степени произвольно и без согласования с самими собственниками. Правительство действовало с целью сделать невозможным в будущем со стороны собственников предъявление каких-либо требований о компенсации за ущерб или изменения самих зданий, когда здания будут освобождены правительством. Предполагалось, что после того, как будут введены новые арендные платежи, право предъявлять претензии о возмещении ущерба за изменение конструкций зданий до июня 1929 г., упраздняется. Кроме того, администратору рекомендовалось с одобрения Верховного комиссара заключать договоры аренды на более длительный срок, чем один год, на три года с возможностью продления до пяти. При том пересмотр стоимости аренды, уплачиваемой за другое имущество ППО или РДМ в Иерусалиме, Раме, Назарете и Иерихоне, не производился.

Инициатива по корректировке арендной платы, исходившая от британских властей в отношении «русского имущества» носила ещё и гуманитарный характер, например, когда в январе 1929 г. в комитете рассматривалась новая стоимость аренды, заместитель районного уполномоченного по округу говорил, что «русским женщинам на самом деле нужен хлеб», что подразумевало острую нехватку финансовых средств у русской общины Иерусалима. Кроме того, он же уверял директора департамента общественных работ Иерусалима, что при условии, если повышенная арендная плата, утвержденная комитетом, будет выплачиваться правительством с 1 октября 1928 г., ни ППО, ни РДМ не будут предъявлять никаких требований относительно проведения департаментом общественных работ в дальнейшем ремонта освобожденных зданий, при условии, что они будут

сданы в том же виде, в котором они находились, когда они были заняты правительством. Данные заверения он основывал на том, что правительство Палестины израсходовало значительные суммы денег на капитальный ремонт занятых зданий, от которого получали выгоду сами владельцы, и, следовательно, при условии, что здания останутся в том же хорошем состоянии, в котором они содержались в период использования их правительством. Исключения он делал в отношении здания, занимаемого центральными складами (Елизаветинское подворье), поскольку оно использовались не для офисов, а для других целей, и Мариинского подворья, так как оно «было коренным образом изменено по сравнению с прежним дизайном и назначением».

Интересным представляется факт того, что, несмотря на установление повышенной арендной платы, проследить факт её постоянной выплаты с 1929 г. затруднительно, что может говорить об отказе от оплаты стоимости аренды в повышенном размере в какой-то период. Кроме того, с 1929 г. правительством Палестины в своей переписке принят курс на перевод арендных отношений в официальное русло, с обязательным оформлением договора аренды. Но даже после того, как главный секретарь санкционировал форму, согласованную с окружным комиссаром Иерусалимского округа, в соответствии с которой должны были заключаться договоры аренды, возникло немалое число трудностей, чтобы привести к согласию представителей ППО и РДМ, которые выражали своё несогласие, на что британские власти подтверждали в своей переписке законность действий окружного комиссара округа Иерусалим по сдаче в аренду недвижимости, говоря, что представители русской общины «никоим образом не влияют на правительство».

Примерно с 1933 г., когда официальные договоры аренды ещё заключены не были, в том числе в связи с затруднениями по установлению законных владельцев и преемников, открыто встал вопрос об уплате стоимости аренды, рассчитанной исходя из предположения, что налог на недвижимость будет уплачиваться арендодателем. Переписка чиновников, которые опасались появления претензий в будущем, когда могли появиться законные владельцы или их представители, показывает, что однозначного мнения в их среде не существовало. Британские власти допускали вероятность того, что в будущем могли появиться российские представители, которые заявили бы, что арендная плата, уплаченная государством российским организациям, была недостаточной, и могли привести цифры комитета по оценке городского имущества в качестве сумм, которые должны были быть уплачены.

Недостаток доходов представителей русской общины приводил к требованиям с их стороны об освобождении от оплаты налогов на имущество, что поддерживал администратор, но вопрос долгое время оставался открытым. До этого налог на городское имущество время от времени уплачивался

из депозитного счета окружным комиссаром, который выражал недоумение о требовании к освобождению от него, так как ППО и РДМ должны нести ответственность как предполагаемые владельцы имущества.

Например, может представлять интерес переписка чиновников с целью согласования расчета и выплаты арендной платы за Мариинское подворье в Иерусалиме. В 1934 г. стоимость аренды составляла 670 палестинских фунтов в год. Однако валовая годовая стоимость имущества оценивалась для налога на городское имущество в размере 750 фунтов в год. Взимаемый с него городской налог на недвижимость менялся в зависимости от различных ставок, а именно: 1929/30 и 1930/31 по ставке 9% от чистой годовой стоимости — 54 фунта; 1931/32 в размере 12% — 72 фунта; 1932/33 по 15% — 90 фунтов; 1933/34 по 12% — 75% фунтов. В то же время, налоги, с 1929 по 1933 гг. были возвращены правительством, вероятно, по причине невыполнения решения о выплате повышенной ренты от 1929 г. Предполагалось, что сумма налога, подлежащая уплате, если полное освобождение от налога не разрешено, должна составить 75 фунтов, а, значит, арендная плата должна была быть установлена на уровне 825 фунтов с 1 апреля 1933 г. Ещё одним предложением было, если требование об освобождении от городского налога не удовлетворять, рента должна быть повышена до 770 фунтов в год, а если освобождать, то предлагалось сохранить её на уровне 670 фунтов в год. Именно администратор инициировал данные обращения в правительственные органы, так как стремился обеспечить покрытие налога на городское имущество и установление ренты, соответствующей налогу на городское имущество.

Представляет интерес меморандум генерального прокурора Палестины от 30 декабря 1935 г. с разъяснением позиции правительства о внесении изменений в постановление от 1926 г., которое предусматривало, что средства ППО и РДМ могут быть расходованы только на содержание их собственности в Палестине. В связи с депешей государственного секретаря от 25 сентября 1935 г. о выделении финансирования на содержание имущества в Сирии и Бари Верховным комиссаром Палестины в постановление от 1926 г. были внесены изменения, конкретно предусматривая, что денежные средства могут быть израсходованы, если, по мнению администратора, это необходимо для сохранения и поддержания собственности в Палестине или где-либо еще, т. е. за пределами Палестины. В 1938 г. это же постановление было дополнено словами, что денежные средства могут выделяться «с одобрения Верховного комиссара, для оказания помощи и поддержки русским православным лицам, связанным с Палестинским православным обществом, или их иждивенцам, независимо от того, проживают ли они в Палестине или где-либо еще».

В 1939–1940 гг. правительство инициировало аудит счетов ППО и РДМ, например, ревизор недоумевал, почему счета ППО и РДМ не учитывались, как счета российского государственного имущества. Ему отвечал комиссар

Иерусалимского округа, что данные учреждения управлялись в связи с постановлением от 1926 г. администратором, тогда как их учёт под видом российского государственного имущества был невозможен в виду отсутствия российских официальных представителей, говоря, что английское правительство отказывается брать на себя какую-либо ответственность за русское имущество, что объясняло то плачевное состояние, в котором оно находилось, и об отсутствии у правительства каких-либо прав на деньги от аренды, держа их у себя просто для удобства.

Аудитор, привлеченный правительством в ноябре 1939 г., отмечал отсутствие каких-либо специальных инструкций относительно методов учёта, принятых при расчете ренты, причитающейся правительством русским учреждениям. Он утверждал, что окружной комиссар Иерусалимского округа получал и распоряжался арендной платой неофициально, хотя должен осуществлять её сбор и распоряжение через депозитный счет казначейства.

Переписка британских чиновников свидетельствует, что аудитор в феврале 1940 г. оказался не удовлетворен обычной процедурой учёта. Предлагалось учёт доходов и расходов администратора «русских имуществ» проводить через депозитный счет казначейства, а саму процедуру упорядочить и официально утвердить. Летом 1940 г., исходя из того, что аудитору подробно разъяснили существовавшую систему бухгалтерского учета и аудита, функционировавшую в течение более 15 лет, состоявшую из того, что счета в «Барклайс Банке», на которые поступала арендная плата, регулярно проверялись бухгалтерами компании «Рассел и Ко», а копии счетов ежегодно представлялись главному секретарю, в ППО и РДМ, а также хранились у окружного комиссара, аудитор остался удовлетворен системой бухгалтерского учета по управлению русской собственностью. Он не настаивал на том, чтобы поступления и выплаты в будущем производились через казначейский счет, хотя, высказывал пожелания, чтобы процедура учета была утверждена соответствующим решением правительства. Кроме того, в «Барклайс Банке», с одобрения Верховного комиссара, ППО и РДМ время от времени получали ссуды.

На конец 1939 г. процедура бухгалтерского учёта вкратце выглядела следующим образом: администратор вёл отдельные счета в «Барклайс Банке» для ППО и РДМ, по которым в том числе начислялись проценты. Все доходы, полученные им в отношении помещений, занимаемых правительством, перечислялись на соответствующий банковский счёт. Арендная плата за недвижимость от частных лиц поступала непосредственно в ППО и РДМ и перечислялась в банк на кредит администратора, которому направлялось авизо о кредите. Отчёты об аренде ежемесячно предоставлялись администратору. Ежегодные бюджеты поступлений и платежей представлялись ППО и РДМ на утверждение администратора. Годовой доход ППО составлял приблизительно 7500 фунтов, включая приблизительно 4300 фунтов арендной платы,

выплачиваемой правительством, а доход РДМ составлял приблизительно 3000 фунтов, включая 1080 фунтов, выплачиваемых правительством. Ежемесячно администратор выписывал чеки, соответственно утвержденному бюджету и ведомству, которому производилась выплата. По всем платежам вёлся подробный учет ППО и РДМ, аудит по которому проводили бухгалтера фирмы «Рассел и Ко», которым выплачивалась ежегодная плата в размере 25 фунтов за аудит счетов ППО и 10 фунтов за аудит счетов РДМ.

Данная процедура была представлена военным губернатором Иерусалима и Иудеи Рональдом Сторром в качестве администратора главному секретарю в его письме от 24 апреля 1926 г. и направленном государственному секретарю в конфиденциальной депеше лорда Плюмера от 30 апреля 1926 г., предполагая следующие меры финансового контроля: ограничение операций по банковским счетам правительственным администратором, чья подпись считалась единственной; ведение чеков с серийными номерами для всех платежей и согласование годовых бюджетов; утверждение до ежемесячного аванса средств сметы расходов на следующий месяц; все договоры аренды требовали подтверждения со стороны администратора.

В сентябре 1940 г. окружной уполномоченный Иерусалимского округа в качестве управляющего русской собственностью потребовал значительного повышения арендной платы за некоторые российские владения, занимаемые правительством. На что в ноябре 1940 г. председатель центральной жилищной комиссии отвечал, что не может комментировать требование администратора, предлагая назначить оценочную комиссию для оценки арендной платы, принимая во внимание ветхое состояние зданий и тот факт, что расходы по содержанию зданий несло правительство, а также сравнительную арендную плату, уплачиваемую за новые здания. Деятельность комиссии, назначенная Верховным комиссаром, породила разногласия между администратором «русского имущества», с одной стороны, и комиссией, с другой стороны, относительно состояния зданий на момент первоначального их занятия правительством в 1920 г.

По состоянию на 1941 г. ППО было должно 1861 фунтов налога на городское имущество и 891 фунт муниципального налога, а РДМ — 2736 и 743 фунтов соответственно, в то время, когда валовой годовой доход ППО и РДМ составлял по состоянию на август 1941 г. 9864 и 3430 фунтов соответственно. Этот доход в основном получался от сдачи в аренду собственности государственным учреждениям. Из этих доходов администратор обеспечивал содержание зданий, оплачивал питание большого числа мирян, а также монахинь и монахов. Общая сумма, которую получали священники, составляла 1 фунт 250 милей в месяц, монахини в монастырях получали 500 милей в месяц. Начальник РДМ получал 4 фунта в месяц, большая часть бывших паломниц, преклонного возраста получали 600–800 милей в месяц.

На фоне сложившейся ситуации администратор действовал довольно смело. Вследствие того, что большая часть русской общины в Иерусалиме

жила на грани голода, он говорил, что не видит возможности платить правительству причитающиеся налоги. Свою инициативу он объяснял, «что никоим образом не стремился получить непомерную или ошибочную арендную плату, а только стремился убедиться, что правительство платит Обществу и Миссии, за которую я отвечаю, справедливую прибыль». Администратор доказывал, что его предложения о повышении оплаты были чрезвычайно скромными и лишь основывались на существовавших финансовых обязательствах ППО и РДМ, и заниженной арендной платой, выплачиваемой правительством за другую сопоставимую недвижимость.

На переоценку стоимости аренды палестинское правительство вынуждено было пойти, предварительно запросив мнения инженеров и оценив расходы на техническое обслуживание зданий как внутри, так и снаружи. К декабрю 1941 г. в связи с увеличением арендной платы ППО полностью погасило задолженность по налогам и коммунальным платежам, а РДМ продолжала иметь долги, больше, чем её годовой доход в связи с тем, что доход Миссии использовался для содержания членов русской общины, в основном старых монахинь и священников, старых паломниц, оставшихся после Первой мировой войны.

В таблице № 1 приведена ориентировочная стоимость аренды, применявшаяся в отношении имущества ППО в Иерусалиме в период действия мандаторной администрации в Палестине. Данные взяты из документов и иной служебной переписки британских правительственных органов. Приведены три периода, в которые стоимость аренды пересматривалась и повышалась. Для сравнения стоимости можно привести отдельные данные по стоимости аренды здания РДМ в Иерусалиме — 703 фунта до 1928 г. и 770 фунтов с 1929 г.

Таблица № 1. Ориентировочная стоимость аренды недвижимости ППО в Иерусалиме в 1920–1940 гг.

Наименование объекта	Арендатор	Стоимость аренды в год в палестинских фунтах и милях		
		до 1928 г.	с 1929 г.	с 1941 г.
Сергиевское подворье	Департаментов общественных работ; главный врач	533,334	720	1500
Елизаветинское подворье	Центральные магазины (склады)	276,922	300	325
Николаевское подворье	Главное управление полиции	738,462	1600	3100
Мариинское подворье	Тюрьма	512,820	670	825
Больница и лихорадочный изолятор	Больница	620,512	740	1065
Итого		2682,030	4030	6815

Источник: составлено автором

Бедственное положение русской общины Иерусалима после некоторой переоценки стоимости не изменилось в лучшую сторону. Спустя несколько лет, в августе 1945 г. Община Воскресения Христова в Вифании обратилась к правительству с просьбой об оказании финансовой помощи, в связи с чем Верховный комиссар Палестины дал указание администратору о повышении выплат до 1 фунта 500 милей в месяц каждой монахине из трех обителей: Вифанской общины, монастыря на Масличной горе и в Эйн-Кареме.

На фоне очерченного, но во многом не полного освещения положения имущественного комплекса ППО, например, в сопоставлении с имуществом РДМ, прослеживается взаимосвязь с этапами британской политики в Палестине после Первой мировой войной, классификацию которой составил М.С. Шаповалов: 1920–1928; 1929–1937; 1938–1939 гг.[17] Данная периодизация явно коррелирует по времени с событиями, связанными с попытками переоценки стоимости аренды зданий имущественного комплекса ППО и другого русского имущества, повышением стоимости аренды, заявлениями администраторов относительно её заниженной оплаты, аудитом дел, а также нарастанием опасений о возможном появлении законных владельцев и т. д.

Исследование особенностей управления, правового статуса и состояния имущественного комплекса ППО в Иерусалиме после Первой мировой войны и в период управления Палестиной со стороны государства-мандатария, безусловно, должно быть продолжено с целью формирования полной, объективной картины истории ППО в Палестине в период Британского мандата. Основные характеристики исследованной темы и периода, можно отметить в следующем:

1. имущество ППО, РДМ и частных лиц было занято вследствие одностороннего решения британской гражданской администрации, сменившей военную администрацию в 1920 г.;
2. имущество было занято и эксплуатировалось без формальных договоров аренды вплоть до начала 1930 гг., притом в отношении ряда объектов договоры аренды были заключены значительно позже или вовсе не заключались;
3. администратор имущества, он же окружной комиссар Иерусалима, управлял имуществом ППО и иным русским имуществом вплоть до завершения периода Британского мандата в соответствии с постановлением Верховного комиссара Палестины от 1926 г.;
4. выплата арендной платы со стороны английского правительства производилась окружному комиссару Иерусалимского округа, который имел исключительные полномочия на распоряжение этими средствами с целью оплаты расходов на обслуживание зданий, их содержание, выплаты пособий членам русскоязычной общины или оказания им финансовой помощи;

5. на протяжении всего мандаторного периода британскими властями в своей официальной переписке ставился вопрос об установлении права собственности относительно имущества ППО и на другие русские владения в Палестине, в связи с чем они продолжали находиться под управлением окружного комиссара (администратора имущества).

Литература

Баталден С. Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // Палестинский сборник. 1993. № 32 (95). С. 3–7.

Белякова Н.А. Повседневная жизнь русского женского монашества на Святой Земле в условиях трансформаций Ближнего Востока 1940–1950-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 190–200.

Бутова Р.Б. Вопросы послевоенного обустройства Палестины в Совете Императорского Православного Палестинского Общества (1915) // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1. С. 5–164.

Валитов А.А. Паломничество на Святую землю в 1920–1930-е годы // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 5. С. 187–201.

Герасимова В. Епископ Мефодий Кампанский и практика паломничества в Святую Землю из русского зарубежья: (пере)изобретение традиции // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 4. С. 294–317.

Головко Н. Церковно-исторический аспект формирования и бытия Русской Палестины: от момента зарождения до наших дней // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2022. № 4 (21). С. 61–82.

Джапаридзе У.Р. Мандат Великобритании в Иерусалиме 1918–1948 гг. // Глобальный научный потенциал. 2014. № 9 (42). С. 75–79.

Житенёв С.Ю. Русское православное паломничество в Святую Землю и деятельность ИППО // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5. № 2. С. 5–21.

Житенёв С.Ю. Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Российской империи и на Ближнем Востоке // Журнал института наследия. 2017. № 2 (9). С. 3.

Каиль М.В. Три поколения в историографическом осмыслении российского церковно-политического присутствия в Святой Земле, конец XIX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 1. С. 32–47.

Лисовой Н.Н. К истории русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 56–89.

Сафонов Д.В. Документы по истории управления подворьями Православного палестинского общества в 1925–1948 годы, хранящиеся в Государственном архиве Израиля // Христианство на Ближнем Востоке. 2018. № 2. С. 22–89.

Сафонов Д.В. Русские люди и русское имущество на Святой Земле в документах управляющего подворьями Православного палестинского общества в Иерусалиме (1919–1925 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. № 4. С. 4–84.

Семенченко Н.А. Русские в Палестине: прошлое и настоящее // Актуальные вопросы изучения христианского наследия Востока. Сборник статей по материалам международной конференции. 2020. С. 235–256.

Смирнова И.Ю., Бутова Р.Б. Россия в Святой Земле. Деятели и учреждения Русской Палестины (XIX–XX века) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (104). С. 9–21.

Урясов М.Н. Управляющие подворьями Православного палестинского общества в Иерусалиме с 1919 по 1951 годы // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5. № 2. С. 145–154.

Шаповалов М.С. Британская политика в Палестине в 1917–1939 гг.: достижения и упущенные возможности // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 4 (24). С. 182–190.

Ordinances: Administration of Russian Properties Ordinance Amendment // ISA-Mandatory-Organizations-MandateAtrnGen-0006k9j. 01/01/1935 — 31/12/1947.

Rents payable by Palestine Government for the occupation of Russian properties // ISA-MandatoryOrganizations-SecretaryPubWorks-000mu44. 01/01/1929 — 31/12/1941.

1 Баталден С. Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // Палестинский сборник. 1993. № 32 (95). С. 3–7.

2 Лисовой Н.Н. К истории русского духовного присутствия в Святой Земле и на Ближнем Востоке // Труды Института российской истории РАН. 2000. № 2. С. 56–89.

3 Каиль М.В. Три поколения в историографическом осмыслении российского церковно-политического присутствия в Святой Земле, конец XIX — XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 1. С. 32–47.

4 Урясов М.Н. Управляющие подворьями Православного палестинского общества в Иерусалиме с 1919 по 1951 годы // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5. № 2. С. 145–154.

5 Бутова Р.Б. Вопросы послевоенного обустройства Палестины в Совете Императорского Православного Палестинского Общества (1915) // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1. С. 5–164.

6 Семенченко Н.А. Русские в Палестине: прошлое и настоящее // Актуальные вопросы изучения христианского наследия Востока. Сборник статей по материалам международной конференции. 2020. С. 235–256.

7 Валитов А.А. Паломничество на Святую землю в 1920–1930-е годы // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 5. С. 187–201.

8 Герасимова В. Епископ Мефодий Кампанский и практика паломничества в Святую Землю из русского зарубежья: (пере)изобретение традиции // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. Т. 38. № 4. С. 294–317.

[9] Белякова Н.А. Повседневная жизнь русского женского монашества на Святой Земле в условиях трансформаций Ближнего Востока 1940–1950-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 4 (55). С. 190–200.

[10] Rents payable by Palestine Government for the occupation of Russian properties // ISA-MandatoryOrganizations-SecretaryPubWorks-000mu44. 01/01/1929 — 31/12/1941; Ordinances: Administration of Russian Properties Ordinance Amendment // ISA-MandatoryOrganizations-MandateAtrnGen-0006k9j. 01/01/1935 — 31/12/1947.

[11] Сафонов Д.В. Русские люди и русское имущество на Святой Земле в документах управляющего подворьями Православного палестинского общества в Иерусалиме (1919–1925 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. № 4. С. 4–84; Сафонов Д.В. Документы по истории управления подворьями Православного палестинского общества в 1925–1948 годы, хранящиеся в Государственном архиве Израиля // Христианство на Ближнем Востоке. 2018. № 2. С. 22–89.

[12] Джапаридзе У.Р. Мандат Великобритании в Иерусалиме 1918–1948 гг. // Глобальный научный потенциал. 2014. № 9 (42). С. 76.

[13] Житенёв С.Ю. Русское православное паломничество в Святую Землю и деятельность ИППО // Христианство на Ближнем Востоке. 2021. Т. 5. № 2. С. 12.

[14] Смирнова И.Ю., Бутова Р.Б. Россия в Святой Земле. Деятели и учреждения Русской Палестины (XIX–XX века) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2 (104). С. 12.

[15] Житенёв С.Ю. Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Российской империи и на Ближнем Востоке // Журнал института наследия. 2017. № 2 (9). С. 3.

[16] Головко Н. Церковно-исторический аспект формирования и бытия Русской Палестины: от момента зарождения до наших дней // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2022. № 4 (21). С. 70.

[17] Шаповалов М.С. Британская политика в Палестине в 1917–1939 гг.: достижения и упущенные возможности // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 4 (24). С. 185.

Взаимодействие Тверского регионального отделения МОО «ИППО» и Тверского государственного университета по восстановлению истории православного духовенства Тверского края (на примере церковного рода Панковых в XVII–XX вв.)*

С.Н. Смирнов,
А.Н. Сухарев,
И.Н. Аксенова

История, точнее говоря, человеческая история православного духовенства Центра Европейской части России является одной из важнейших сфер научных исследований, позволяющих выяснить целый комплекс разнообразной научной проблематики. В состав этого комплекса входят вопросы передачи социального и религиозного опыта в среде духовенства, функционирования социального лифта в отношении представителей духовного сословия, взаимодействия церковных и государственных организаций и т.д. Таким образом, заявленная тема имеет междисциплинарный характер и рассматривается, прежде всего, в рамках исторической, а также историко-правовой науки.

Человеческое измерение истории позволяет выявить особенности формирования духовно-нравственного каркаса мировоззрения поколений жителей России, эффективно организовывать просветительскую деятельность. Материалы Тверского края позволяют это сделать.

Весьма перспективным форматом проведения научных исследований и просветительской работы представляется формат взаимодействия региональных отделений Международной общественной организации

* Статья написана в соответствии с госзаданием Тверского государственного университета в рамках Программы фундаментальных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.»

«Императорского Православного Палестинского Общества» (МОО «ИППО») и высших учебных заведений. В Тверской области такое взаимодействие осуществляется между Тверским региональным отделением МОО «ИППО» и Тверским государственным университетом (ТвГУ).

Эмпирическую базу исследования составляют отечественные нормативные акты, официальные документы, включая статистические материалы, документы личного происхождения.

Научное и просветительское направления работы ИППО были определены в учредительных документах ещё более 140 лет назад.[1] Какие же факторы в настоящее время делают формат совместной научно-просветительской деятельности МОО «ИППО» и российских вузов столь перспективным? Полагаем, что не в последнюю очередь речь идёт о синергетическом эффекте при объединении научных потенциалов профильных научно-образовательных государственных организаций и столь крупной и авторитетной общественной организации.

По сути, в наши дни идёт формирование Тверской модели организации такого взаимодействия. Эта модель включает в себя проведение представителями Тверского отделения МОО «ИППО» и ТвГУ совместных научных исследований, совместных научных конференций, выполнения совместных научных проектов в рамках грантов федеральных научных фондов и государственных заданий. Немаловажным является и возможность использования ресурсов изданий Общества, в т.ч. — Православного Палестинского Сборника.

Организационные формы совместной научно-просветительской деятельности весьма разнообразны. Просветительская деятельность осуществляется в ходе проведения социально значимых мероприятий, в виде публикаций на информационных площадках ТвГУ и Тверского отделения МОО «ИППО», в средствах массовой информации, в сети Интернет и т.д. Отметим также, что совместная научно-просветительская деятельность Тверского отделения МОО «ИППО» и ТвГУ возможна при неизменной поддержке руководства Общества, прежде всего, С.В. Степашина, Председателя ИППО.

Настоящая статья выполнена во взаимодействии учёных и специалистов Тверского государственного университета и Тверского отделения МОО «ИППО».

Тематика истории церковных родов Тверского края позволяет рассмотреть целый ряд сюжетов. В частности, речь идёт о некоторых аспектах концептуальной проблематики «гармонизации традиционных и инновационных форм развития» современной культуры.[2] Имеется возможность рассмотреть также конкретные, что называется бытовые, формы взаимодействия представителей духовенства и представителей других сословий России. Общеизвестен факт, что выходцы из среды тверского православного духовенства проявили себя на самых разных направлениях общественного служения.

Представляет интерес рассмотрения образования как универсального средства обеспечения профессиональной деятельности, если угодно — как социального лифта. При этом именно система образования являлась в России одной из площадок сотрудничества, общения представителей всех социальных групп.

Длительное время система образования России носила сословный и «специализированный» характер. Приведем оценку системы образования XVIII в., высказанную Б.Н. Мироновым: «Уже первые учебные заведения, открытые при Петре I, были сословно специализированы: подготовку офицеров из дворянства обеспечивали кадетские корпуса, чиновников из числа приказных людей — подьяческие училища, священников из представителей духовенства — духовные училища и семинарии. Профессионально-сословный характер образования сохранялся в основном и впоследствии, что оказало большое влияние на развитие сословного строя»[3]. Скажем, в Тверском крае сложилась сеть, состоящая из Духовных училищ и семинарии.

При этом сословная специализация не носила абсолютного характера. Имели место многочисленные случаи обучения в учебных заведениях представителей из иных сословий. Эта практика позволяла до некоторой степени расширить доступ к образованию в условиях неразвитости сети образовательных учреждений. Очень актуальной была такая практика и для Тверского края. Вплоть до 1776 г. Тверская Духовная семинария была единственным средним учебным заведением Твери. В этих условиях представители духовного сословия обучались в «общегражданских» учебных заведениях, а представители других сословий — в Духовных учебных заведениях. Так, сын церковнослужителя А.П. Куницын обучался в Духовном училище (Кашин) и Тверской Духовной семинарии, но затем продолжил обучение в Главном педагогическом институте (Санкт-Петербург) и зарубежных университетах[4].

Представленные ниже материалы о биографии выходцев из рода Панковых подтверждают высказанное исследователями положение о более высоком образовательном уровне представителей духовного сословия по сравнению с образовательным уровнем представителей сословий городских и сельских обывателей. Перед нами предстает наглядное подтверждение позитивной роли духовенства в развитии народного образования в России. Одновременно мы можем рассмотреть организационные формы взаимодействия государственных органов и служителей Русской Церкви.

Известная нам история о роде Панковых начинается в погосте Рвеницы Ржевского уезда, где стоял храм Покрова Пресвятой Богородицы. По Переписной книге Ржевского уезда 1710 г. в этом храме служил поп Дмитрий Захаров с 7204 г. (1696/97), которому было показано 70 лет. «А по скаске тое церкви попа Дмитрия Захарова на том погосте во дворе поп Дмитрий Захаров (70) лет, служит у той церкви в попах с (204) (1696/97), у него

жена Матрена (60) лет у него дети сын Филат (40) лет, у тое церкви во дьячках, Исаак (29) лет, дочери Анна (20) лет, Федосья (18) лет, Агафья (8) лет. У Филата жена Васса (25) лет, у него сын Авраам году, окладных денег по окладным книгам стольника Тимофея Ельгорского с 706 года платит с детей с Филата рубль, с Исаака по (26) алтын по (4) деньги, а с филатова сына Авраама в нынешнем 710 году по окладу сборщика Афанасия Лукьянова сына Линева платит (8) алтын (2) деньги» [5].

Дмитрий Захаров — это первый известный нам представить рода Панковых. Его отец — Захар, вероятно, также был священно- или церковнослужителем. Несложный расчёт, сделанный на основе возраста, указанного в Переписной книге, показывает, что Дмитрий Захаров родился в 1640 г. Однако здесь надо учитывать то, что в те времена возраст было принято увеличивать, поэтому он скорее должен быть родится после 1640 г. Жена попа Дмитрия Захарова — Матрена, которой было показано 60 лет.

Имеются данные о том, кто служил священником в храме погоста Рвеницы до Дмитрия Захарова. Им был Степан Андреев. Об этом свидетельствует некий Иван Степанов: «В прошлых годех отец наш Степан Андреев был в священниках Ржевского уезду в Орвенидского погосту в священниках у церкви Покрова Пресвятые Богородицы и живучи на том погосте отец наш умре и после смерти отца своего на том погосте нас ни во что не определили, и в прошлом 180 (1672/73) году вышли мы с того погоста в Осташковскую слободу и жили мы в той слободе за Иосифовым монастырем и с тоя слободы вышли за скудостию и жили в Новгородском уезде, а в поданных подушных сказках той слободы у старост и мирских людей не написаны, а летами я нижайший Иван Степанов сын шестидесяти лет, а брат мой родной Григория (55) лет, у него сын Остафей (5) лет[6].

Неизвестно, кто служил священником в храме в период с 1672–1673 по 1696–1697 гг. Исходя из практики передачи церковных мест по наследству, можно полагать, что им мог быть отец Дмитрия Захарова.

После того как старший сын дьячок Филат был рукоположен в попы, то место дьячка занял его брат Исаак. Впоследствии священническое место в храме стало передаваться по линии старшего сына Дмитрия Захарова (Филата — Феофилакта), а причетнические места (дьячка и пономаря) — по линии младшего сына (Исаака). Впоследствии священническое место в храме последовательно будут занимать предки в четырех поколениях по линии Филата: Авраам (сын); Панков Михаил Авраамов (внук); Панков Тимофей Михайлов (правнук); Панков Михаил Тимофеев (праправнук). У священника Панкова Тимофея Михайлова один сын займет священническое место, а другой (Панков Алексей) — дьяческое. Его сын — Панков Федор — займет пономарское место в храме погоста Рвеницы. Всего в храме погоста Рвеницы церковные места займут шесть потомков по линии Филата.

Церковный род, который впоследствии возьмет себе фамилию Панковы, занимали священнические места как минимум в шести поколениях.

По линии Исаака причетнические места в храме погоста Рвеницы будут передаваться по наследству в течение трёх поколений, которые в общей сложности займут шесть его потомков. Дьяческое место Исака перейдет по наследству к его сыну Никифору, который потом станет диаконом того храма и передаст диаконское место уже своему сыну Василию. Затем дьяческое место перейдет к Егору — племяннику Никифора.

Пономарское место в храме погоста Рвеницы сначала занимал некий Тарасий, а затем Матвей — сын дьячка Исаака. От него пономарское место передалось его сыну Ивану, один из сыновей которого (Панков Андрей Иванов) получил в Рвеницах диаконское место.

Таким вот образом в храме погоста Рвеницы передавались церковные места (священника, диакона, дьячка и пономаря) в течение семи поколений, а всего их занимали 14 представителей священнического рода Панковых. Всего нам известно 40 представителей этого рода, служивших в храмах Тверской епархии в девяти поколениях от Дмитрия Захарова до Панкова Александра Федоровича на протяжении более двух с половиной веков.

Дьячок храма погоста Рвеницы Исаак Дмитриев родился в [1677][7] г. Его жена — Феврония Кириллова р. [1687] г. Они имели детей: Матфей р. [1725]; Никифор р. [1727] — ум. август 1777 г.; Дарья р. [1728]; Михей р. [1747]; Ануфрий р. [1745]; 6) Иван р. [1750]. По данным 1752 г. Умер Исаак Дмитриев не ранее 1752 г.

Его сын Матвей Исааков впоследствии занял пономарское место того же храма, а Никифор Исааков — сначала дьяческое, а затем диаконское. Впоследствии в Клировых ведомостях Матвей и Никифор значились как Матвей Иванов и Никифор Иванов. Женой Матвея Исаакова была Евдокия Иоакимова р. [1723], с которой он бракосочетался в 30 января 1743 г.[8] Евдокия умерла в декабре 1781 г. У них были дети: Егор р. [1744]; Иоаким р. [1750]; Мартин р. [1754]; Евдокия р. [1751]; Андрей р. [1751]; Иван, род. 7 января 1751 г. Михаил р. [1748]; Максим р. [1760].

В 1740 г. Матвей Исааков значился как пономарь храма погоста Рвеницы и был в семействе своего отца дьячка той же церкви Исаака Дмитриева. Умер он 23 ноября 1795 г. При этом в метрической книге был указан возраст 96 лет, что представляется явно завышенным[9]. Его сын Егор стал дьячком того же храма, а сын Иван — там же пономарем.

Егор Матвеев служил в храме погоста Рвеницы в пономарях с 1764 г. По одним данным он в своём учении в Духовном училище дошел до класса Синтаксим, а по другим: «В школах не был, в чтении хорош, петь умеет» (1788 г.). В стихарь посвящен. Двоеженец (1796 г.). Понятие «двоеженец» означает, что после смерти первой жены, он женился повторно. Такое позволялось только пономарям и дьячкам. Если у диакона или священника умирала жена, то его посылали в монастырь, а там постригали в монахи.

В Государственном архиве Тверской области (ГАТО) сохранилось «Дело Ржевского уезда Осташковской Новоприписной десятины церкви Покрова Пресвятой Богородицы погоста Рвениц пономарева сына Егора Матвеева о определении его в то же погост на место произведенного во диакона дьячка Никифора Исакова ноября «...» 1764 года»[10]. То есть Егор Матвеев желает занять церковное место дьячка Никифор Исаков — своего дяди. Ранее до него, на это место занимал дед Егора Матвеева, отец Никифора Исакова.

Дело начинается с всепокорнейшего прошения, написанного Егором Матвеевым на имя епископа Тверского и Кашинского Гаврила от ноября 1764 г. Из него мы узнаем, что при означенном храме (погоста Лукомы Ржевского уезда) имеется праздное место и оно ни в какой церковный причт не определено. Вышеозначенного храма дьячок Никифор Исаков по поданному прошению производится к оной церкви во диаконы. «И ежели он дьячек Вашего Преосвященства во диакона посвящен будет то оное дьяческое место имеется будет праздно»[11]. Того ради Егор Матвеев всепокорнейшее просит Его Преосвященство Милостивого Благодетеля на место дьячка Никифора Исакова. «Во дьячка меня нижайшего посвятить»[12] — просит епископа Егор Матвеев. Прошение подписано самим просителем: «К сему прошению пономарский сын Егор Матвеев руку приложил».

Так же в том деле есть всепокорнейшее прошение на имя епископа Тверского и Кашинского из Ржевского Духовного правления от 22 ноября 1764 года[13]. Из него узнаем, что пономарь погоста Рвениц Матвей Исаков и его сын Егор сего ноября 20 дня подали в Ржевское Духовное правление прошение. В нём указано, что в прошении Егора указано прошение на данное назначение от священника того же храма Авраама Феофилактова, диакона Михайлы Аврамова, от приходских людей Каргапольского Карабинерского полку порутчика Ивана Понафидина, прапорщика князя Никитина сына Шеховского, майора князя Семена, князя Никитина сына Шеховского, княгини Анны Афанасьевой дочери Шеховской по прошении их означенной прапорщик князь Никита Шеховской руку приложил.

В 1797 г. был штрафован вместе со священником Тимофеем Михайловым за венчание брака чужого прихода ссылкою в монастырские труды[14]. Известна точная дата смерти Егора Матвеева: 27 мая 1813 г.[15]

«В Тверскую Духовную Консисторию Благочинного, Осташковского уезда, села Вселуг Священника Ивана Иванова

Покорнейший рапорт

Сего 813го года мая 27 го числа, ведомства моего погоста Рвениц дьячек Егор Матвеев волею Божиею умре. О чем Духовной консистории с приложением оного дьячка Ставленой грамоты благопочтительнейше рапортую.

Благочинный Осташковского уезда села Вселуг священник Иван Иванов»[16].

В том же деле на обратной стороне рапорта сделана надпись: «Копия: 1813 год июня 26 го дня в Консисторском журнале написано: умершего

дьячка из списков изсключить, а грамоту его надписав как следует, отдать в архив к делу»[17]. Эта грамота с красной сургучной печатью поныне хранится в архиве ГАТО в деле «О смерти Осташковского уезда погоста Рвеницы дьячка Егора Матвеева (от 21 июля 1813 г.»[18]. На грамоте с обратной стороны надпись, сделанная после её изъятия, после смерти Егора Иванова: «Грамота сия отобрана потому, что значущийся в оной дьячек Егор Матвеев сего года мая 27-го дня умер. Июня 30 дня 1813-го года».

В ноябре 1764 г. Егор Матвеев был допрошен в Ставленической Преосвященного Гавриила, Епископа Тверского и Кашинского Канторе, а на допросе сказал, что ему от роду 21-ый год, женат первым браком на священнической дочери, девке. По состоявшемуся в 1758 г. священноцерковнослужительскому разбору написан он при отце своём пономаре Матвее Исакове, в подушный оклад не положен, никакой вредной скорби и препятствующего к причетническому чину подозрения не имеется. «Нежели он Егор рукоположением его Преосвященства во дьячка определен и в стихарь посвящен будет, то тоя церкви у священника находится будет и данный ему катехизис прочитывать и знать всегда изустно платье будет носить пристойное причетническому чину, а пропитанием из вышеписанной церковной пашенной и сенокосной земли и от доходу дьячковской доле сем довольствоватьлся <...> производящийся во диакона дьячек Никифор Исаков довольствоваться без нужды и в сей допрос он Егор сказал самую сущую правду»[19]. Далее указано, что «к сему допросу пономарев сын Егор Матвеев руку приложил».

Из того же дела узнаем, что Егор Матвеев был посвящен в стихарь Загороцкого посаду в храме Знамения Пресвятой Богородицы 10 декабря 1764 г., а дьячковская грамота ему дана 11 декабря того же года[20]. Дата смерти Егора Матвеева зафиксирована в метрических книгах (сразу в двух за 1813 г.) — 27 мая 1787 г., где было указано, что он умер в 67 лет[21].

В ГАТО сохранилось «Дело о посвящении погоста Рвениц дьячка Егора Матвеева в тот погост во диакона к оной церкви» (1777 г.)[22]. Как и всегда, такое дело начинается всепокорнейшим прошением дьячка Егора Матвеева на имя епископа Тверского и Кашинского Арсения. Он пишет о том, что при его храме имеется диакон Никифор Исаков, который прошлого августа волею Божею умре, почему диаконское место осталось праздно, на которое и просит Его Преосвященства сын умершего диакона праздноживущий Василий Никифоров. Далее Егор Матвеев в том прошении пишет, что он находится дьячком при этом храме с 1764 г. и чрез тринадцать лет проходил должность свою с достодолжным рачением без всякого подозрения, притом четыре года обучался в семинарии, и нотному пению обучен. Да и прежде он на оное диаконское место имел от приходских людей заручную, по которой из духовного правления им и справка была дана[23]. Однако, по-видимому, Егору Матвееву было отказано в назначении на диаконское место, так как в дальнейшем он по-прежнему будет править дьяческую должность, а в том же деле здесь

запись о том, что «на вышеозначенное диаконское место из богословии слушателей из философии никто не пожелал в место коих подписался слушатель богословии Николай Сифиский (ноябрь 1777 г.)»[24].

Всего по данным Клировых ведомостей Егор Матвеев был женат трижды. Это связано со смертью его жены. Первая его жена — дочь священника Фекла Яковлева, которая родилась в [1743/1746] г. Они имели детей: Татьяну, р. [1767/1769] г.; Марию, р. [1769/1770] г.; Ивана, р. [1782] г. Фекла Яковлева умерла 27 марта 1787 г.[25]

Второй его женой была Дарья Макарова р. [1758] г. От этого брака они имели сына Ивана, р. [1777] г. По данным Клировых ведомостей от 1796 г. он значился в Тверской семинарии с прозванием Панков.

Третьей его женой была Мавра Андреевна (р. [1765] г.), которая в 1820 г. значилась уже вдовой и жила при храме погоста Рвениц.

Сын Егора Матвеева от первого брака с Феклой Яковлевой — Иван Егоров впоследствии стал дьяконом храма во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла в погосте Стержи (Осташковский уезд). В дальнейшем там был построен новый храм Владимирской Божьей Матери. Он в своём обучении в Духовных учебных заведениях дошел до класса Философии, что означает его обучение в Тверской Духовной семинарии. В 1800 г. он был определен во диаконы в г. Тверь в Вознесенский храм, что за Волгой. По данным Клировых ведомостей показано, что «Грамоту имеет. Поведение в семинарии не известно».

История получения Иваном Егоровым диаконского места в храме погоста Стержи выглядит следующим образом. До этого диаконское место в погосте Стержи, находящемся в нескольких верстах от погоста Рвеницы, откуда родом Иван Егоров и где служил дьячком его отец Егор Тимофеев, занимал Андрей Михайлов, который «умер от отравы жены своея»[26]. Андрей Михайлов был диаконом не долго, так как в 1799 г. это место занимал его отец Михаил Григорьев, который в 1799 г. помер, а это место было утверждено Андреем Лазаревым, учеником из Реторики. В погосте Стерж церковные места занимали представители одного рода, дети которых в Духовных учебных заведениях имели прозвание Лазаревы.

После смерти Андрея Михайлова претендентом на это место стал ученик философии Тверской семинарии Панков Иван Василев — сын диакона погоста Рвеницы. Он написал покорнейшее прошение епископу Тверскому и Кашинскому Павлу о том, что при храме святых апостолов Петра и Павла в погосте Стержи имеется праздное диаконское место, на которое он по окончании преподаваемых в семинарии наук заступить желает охотно, и чтобы оно было за ним утверждено (октябрь 1800 г.)[27] 27 ноября 1800 г. в Тверской Консистории он сказал, что «диакон погоста Стерж Андрей Михайлов в 1800 г. октября месяца 13 дня подлинно умер и после него диаконское место праздно»[28]. В итоге это место было утверждено за ним.

Однако впоследствии сестра умершего диакона девица Марфа Михайлова подала покорнейшее прошение тому же Павлу, епископу Тверскому и Кашинскому о том, что никого не нашлось взять её в замужество. А так как находится в г. Твери при Вознесенском храме, что за Волгую диакон Иван Егоров, который желает также занять это место[29]. Также было указано, что Иван Егоров Панков обещает ей из денежного дохода 1/3 часть и ему 24 года от роду. 26 июня 1801 г. в Тверской Консистории ученик философии Иван Панков сказал, что он от утвержденного места в Стержах отказывается. Панков Иван Егоров и Панков Иван Василев приходятся друг другу троюродными братьями (Исаак Димитриев является их прадедом всегда по мужской линии).

В ГАТО сохранилось «Дело о выдаче Осташковского уезда погоста Стержи диакону Ивану Егорову по неурожаю хлеба <...> из церковной кошельковой суммы 100 руб.»[30]

Иван Егоров помер в 1824 г. в погосте Стержи. В 1825 г. в погосте Стержи указано: «Диакона неимеется с прошлого 1824 года, со смерти диакона Ивана Егорова, которое место утверждено в прошлом 1824 году за сыном его Богословии, учеником Ильею Панковым». Женой Ивана Егорова была Екатерина Сергеева (р. [1781/82] р.). В 1829 г. она была определена к храму погоста Стерж просвирней. В 1825 г. и в 1835 г. при том же храме значилась вдовой. «Вдовствующая диаконица» (1825). Их детьми были: Анна, р. [р. 1801] г., «читать и писать умеет» (1835); Илья, р. [1804/05] г., «в Реторике, Панков»; Алексий, р. [1810] г. — «в приходском училище», «в уездном училище, Панков» (1820); Надежда, р. [1799] г.; Яков, р. [1806] г.; Федор Панков, р. [1817/18] г., «в реторическом классе на полном казенном содержании» (1835); Александра, р. [1824] г., «читать и писать учиться» (1835).

Сын Ивана Егорова — Панков Илья стал священников в храме погоста Стерж. Другой сын — Панков Федор — дьчком в погосте Лугов (Осташковский уезд), а Панков Алексей — диаконом в г. Осташкове.

Панков Алексей Иванович был исключен из Высшего отделения Осташковского Духовного уездного училища. В 1829 г. Преосвященнейшим Амвросием определен в дьячка Осташковского уезда в погост Воскресенский, что при Селижарове Монастыре. 14 сентября 1833 г. по прошению его, перемещен Преосвященнейшим Григорием к храму Преображения Господня г. Осташкова во дьячка. В стихарь посвящен в 14 сентября 1829 г. Преосвященнейшим Амвросием. 30 января 1849 г. Преосвященнейшим Гавриилом произведен во диакона в Осташковский Знаменский Девичей Монастырь (г. Осташков)[31]. «Грамоту имеет. Женат первым браком» (1850). Умер он не ранее 1850 г.

Его женой была Пелагея Евстратова, р. [1811/12] г., которая умерла не ранее 1864 г. Их дети: Александр, р. [1832] г., «в низшем отделении Тверской Духовной семинарии на четырнадцати рублевом серебром в год окладе» (1848), «в среднем отделении на четырнадцатирублевом серебром

окладе» (1850); Иван, р. [1835] г., «в Осташковском уездном училище, на восьми рублевом серебром в год окладе» (1848), «в высшем отделении на восьмирублевом серебром окладе» (1850); Михаил, р. [1837] г., «в приходском училище на содержании отца» (1848), «в Осташковском уездном училище, на содержании отца» (1850); Екатерина, р. [1840] г., «читать и писать умеет» (1848); Петр, р. [1841] г., «у отца» (1848), «читать и писать учится у отца» (1850); Павел, р. [1843] г.; Евфросиния, р. [1850].

Судьба его детей складывалась следующим образом. Панков Павел Алексеевич родился в г. Осташков Тверской губернии в приходе Преображения Господня. По окончании Тверской Духовной семинарии с аттестатом первого разряда с званием студента, «при поведении весьма хорошим», Тверским Училищным Советом определен на должность наставника в Тверское ямское училище (13 сентября 1867 г.). Перемещен на должность Наставника в Ржевское Владимирское женское училище (1 марта 1869 г.). Высокопреосвященнейшим Филофеем произведен во диакона к Ржевскому Владимирскому храму при Ржевском училище девиц Духовного ведомства. Проходя должность диакона, преподавал историю русскую, всеобщую, гражданскую, географию и арифметику. Высокопреосвященнейшим Филофеем рукоположен во священника к храму св. архистратига Михаила. Тем же Высокопреосвященнейшим за усердную службу по храму и училищу награжден набедренником. По представлению Правления Ржевского училища девиц духовного звания Высокопреосвященнейшим Саввою утвержден в должности преподавателя арифметики (с 15 апреля 1880 г. по 15 сентября 1888 г.). По представлению Епархиального начальства за отлично усердную службу Всемилостливейше пожалован бархатною фиолетовою скуфьей (18 апреля 1881 г.). По представлению Городской Управы Высокопреосвященнейшим Саввою был утвержден в должности законоучителя в 4-ом городском училище (с 17 февраля 1886 г. по 1 августа 1894 г.). Тверским Епархиальным начальством был утвержден в должности Члена Ржевского отделения Тверского Братства св. благоверного Князя Михаила Ярославича (с 28 ноября 1888 г. по 1 августа 1894 г.) Святейшим Правительствующим Синодом, по засвидетельствованию Тверского Епархиального начальства за примерную и усердную службу по храму и особые труды по народному образованию ему было преподано благословение св. грамотою (1 марта 1889 г.) По представлению Епархиального начальства и удостоверению Святейшего Правительствующего Синода всемилостливо был пожалован камилавкою (1 апреля 1890 г.). По его прошению, Высокопреосвященнейшим Саввою был перемещен в с. Калицино Старицкого уезда Тверской губернии (16 июля 1894 г.). Тем же Высокопреосвященнейшим был утвержден в должности законоучителя Акуловского народного училища. Его Преосвященством, Преосвященствующим Димитрием утвержден духовником 4-го благочинного округа (с 15 февраля 1897 г. по 30 декабря

1897 г.). В дальнейшем был утвержден Епархиальным Начальством в должности законоучителя Калицинского народного училища (7 марта 1897 г.). Награжден Высочайше утвержденною темно-бронзовую медалью на ленте государственных цветов за труды по первой всеобщей переписи (17 апреля 1897 г.). Получил Высочайшею, Его Императорского Величества, благодарность за труды по переписи в качестве заведующего переписным участком. Через господина Министра Внутренних Дел за № 6624 Высокопреосвященнейшим Димитрием утвержден в должности Благочинного 4-го округа Старицкого уезда (1 августа 1897 г.). За отлично усердную службу по представлению Тверского Епархиального начальства Святейшим Правительствующим Синодом награжден золотым наперстным крестом (3/9 апреля 1899 г.) Имел серебряную медаль в память Царствования Императора Александра III. Имел Ставленническую грамоту. Старицкий уезд, с. Калицино, храм Троицкий, настоятель, священник, благочинный 4-го округа Старицкого уезда (1901). Казенное жалованье — 141 руб. 12 коп. В Калицине «имеет дом с надворной постройкой и два сарая» (1898).

Его женой была Софья Федоровна, р. [1854] г. Их дети: Федор, р. [1871] г., который впоследствии стал священником в селе Лотошино; Елизавета, р. [1878] г.; Софья, р. [1891] г., обучалась в Ржевском епархиальном училище.

Другой сын Панкова Алексея Ивановича — Панков Михаил Алексеевич также родился в г. Осташкове при Преображенском храме. Был уволен из среднего отделения Осташковского Духовного училища. 31 августа 1852 г. определен в пономаря села Хотошин Осташковского уезда. 2 июля 1853 г. посвящен в стихарь. 14 февраля 1886 г. рукоположен во диакона. 13 сентября 1888 г. согласно прошению, уволен по болезненному состоянию за штат. 2 августа 1889 г. вновь определен к месту села Терешкова Зубцовского уезда Тверской губернии. 5 марта 1895 г. уволен за штат. В 1880 г. жалованья получал 24 руб. в год, в 1889 г. — 35 руб. 38 коп.

Его женой была Феодосия Васильевна, р. [1837] г. У них были дети: Федор, р. [1856] г., кончил курс Богословских наук в Тверской Духовной семинарии со свидетельством 1-го разряда. Состоял наставником Хотошинского начального училища (1880); Александр, р. [1857] г., обучался в 5 классе Тверской Духовной семинарии, получал жалованье 15 руб. в год (1880); Иван, р. [1860] г., «обучается во 2 классе Тверской духовной семинарии» (1880); Елизавета, р. [1863] г., учительница в Хотошинском начальном народном училище (1880); Ираида, р. [1865] г.; Петр, р. [1868] г., «обучается в 3 классе Осташковского духовного училища, получает жалованье 30 руб. в год» (1880); «обучается в Тверской духовной семинарии в 6-ом классе» (1889); Анна, р. [1870] г., «обучается в народном училище» (1880); Екатерина, р. [1874] г.; Алексей, р. [1877].

Сын Панкова Алексея Ивановича — Панков Иван Алексеевич стал диаконом. Учился в среднем отделении Тверской Духовной семинарии.

21 октября 1856 г. был произведен во диаконы в село Новоспасское Вышневолоцкого уезда на причетническую вакансию с получением пособия в содержании в случае открывшихся нормальных штатов от прихожан[32]. Он был зятем священнику храма села Новоспасского Новоторжского уезда Пустонскому Василию Антоновичу.

По данным 1878 г. был обозначен как псаломщик в сане диакона[33]. С 1 сентября 1893 г. псаломщик в сане диакона в селе Дягунина Зубцовского уезда. Помер 30 августа 1895 г. в селе Дягунино.

Ещё один сын Панкова Алексея Ивановича — Панков Александр Алексеевич родился, вероятно, в погосте Воскресенском, что при Селижарове монастыре. По окончании курсов Тверской Духовной семинарии «уволен с аттестатом второго разряда». Высокопреосвященнейшим Гавриилом произведен во диакона (9 апреля 1854 г.) погоста Итомлю (Ржевский уезд), сменив этом месте своего тестя Соколова Иоанна Егорова.

Высокопреосвященнейшим Филофеем произведен во священники в село Спась-Строева (4 декабря 1869 г.). Иерейская грамота датирована 13 декабря 1868 г. Награжден Набедренником (1875). Перемещен к храму с. Лукома Ржевского уезда во священника 2 апреля 1885 г. Жалованье 88 р. 20 к. В 1878 г. за неприличные поступки в храме штрафован 5 руб. В 1882 г. за нетрезвость штрафован. В 1883 г. — за то же. На службе был 37 лет. «Оный священник Панков по Указу Консистории от 12 декабря 1878 г. за № 4685 за неприличные поступки в церкви штрафован 5 рублями в пользу вдов и сирот»[34].

«Уволен за болезнью по прошению». «Состоял диаконом 14 лет и 23 года священником»[35]. Умер священник Панков А.А. не ранее 1907 г., а до этого проживал вместе с женой в погосте Лукома (Ржевский уезд Тверской губернии). В ГАТО сохранилось «Дело об увольнении от должности священника погоста Лукомы Александра Панкова» (дело начато 23 октября 1890 г., окончено 31 декабря 1890 г.). В Тверской Духовной консистории оно проходило по столу № 2 и под № 453 по общей описи стола[36]. В деле имеется прошение Панкова А.А. об отставке:

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшнему Савве, Архиепископу Тверскому и Кашинскому, и Кавалеру — священника погоста Лукомы, Ржевского уезда, Александра Панкова —

Покорнейшее прошение

Прослужившем в Священном Сане тридцать шесть с половинную лет, за последнее пяти — летие моего служения в холодном, Лукомском храме, будучи от природы слабого здоровья, я еще более разстроил свое здоровье. Вследствие чего я решился уступить свое священническое место в погосте Лукоме окончившему курс Богословских наук в Тверской духовной семинарии в сем 1890 году Ивану Модестову, в силу сделанного между нами договора. Почему осмеливаюсь и <...> просить Ваше Высокопреосвященство, Миластивейшего

Отца и Архипастыря, как Отеческой милости, означенного воспитанника Ивана Модестова на мое место во священника определить, и меня от должности священника при погосте Лукомы уволить, ... на то ... Ваше Архипастырское Соизволение и Благословление. 1890 года Октября дня. К сему прошению священник погоста Лукомы Александр Панков руку приложил»[37].

В том же деле есть рапорт священника погоста Селилова Ржевского уезда Сергея Жданова от 12 ноября 1890 г. в Тверскую Духовную Консисторию о том, что он повенчал в Никольской Лукомском храме назначенного к производству во священника к церкви погоста Лукомы Ивана Васильева Модестова на дочери священника Александра Панкова Евгении. Иван Модестов представил на вступление в брак свидетельство, выданное ему из Тверской Духовной консистории за № 8314.

Исправляющий должность Благочинного 4-го округа Ржевского уезда священник Иоанн Богословский доложил Рапортом от 27 декабря 1890 г. в Тверскую Духовную Консисторию о том, что во исполнение указа Тверской Консистории от 26 октября 1890 г. за № 8327 священнику Александру Панкову о том, что он, согласно его прошению, резолюции Его Высокопреосвященства, последовавшего 26 октября уволен от должности, объявлено, и должностные документы, а именно: ставленая грамота диаконская за № 567-ым и грамота иерейская за № 48-ым отобрана и представлены в Тверскую Духовную Консисторию. И до сих пор в ГАТО в данном деле хранятся иерейская и диаконская грамоты с сургучной печатью Панкова А.А., которые сохранились в достаточно хорошем состоянии[38]. Женой священника Панкова А.А. была Екатерина Ивановна, р. [1831/32] г. Их дети: Панков Федор, р. [1858] г.; Евгения, р. [1870/1871] г., Панков Константин, р. [1885], «уволенный из Тверской Духовной семинарии из 1-го класса»; до этого обучался в Осташковском Духовном училище; Анна; Евдокия.

Панков Константин Александрович стал священником, а его судьба сложилась трагически. При советской власти он был вынужден отказаться от священнического сана, но и это его не спасло. Спустя год он был расстрелян по обвинению его в поджоге села Кунганова, где ранее он служил священником.

Панков Константин родился в погосте Спась-Строева. 17 августа 1880 г. поступил учиться в Осташковское Духовное училище. Окончил Осташковское духовное училище и 1 класс Тверской Духовной семинарии. По увольнении из 1 класса Тверской Духовной семинарии 16 сентября (по другим данным 11 августа) 1892 г. Епископом Гавриилом определен во псаломщика к храму села Хабоцкого Вышневолоцкого уезда. 12 апреля 1893 г. переведен тем же епископом к храму с. Зарина Старицкого уезда. 5 марта 1895 г. Архиепископом Саввою произведен во диакона в храм святителя и чудотворца Николая с. Терешкова Зубцовского уезда. Архиепископом Алексием перемещен по прошению к храму села Кунганово Старицкого уезда (3 октября 1907 г.).

С 31 июля 1895 г. Советом Тверского епархиального училища утвержден в должности учителя при Терешковской церковно-приходской школе (был до 11 октября 1907 г.). Состоял законоучителем Колтевской земской школы с 1905 г. по 1 октября 1907 г. Поведения отличного и честного. Грамоту имеет (1911)[39]. В 1928 г. он был переведен в село Васильевское на должность священника, где прослужил до декабря и после от должности отказался. По ложному обвинению в поджоге села Кунганово, бывшего 14 октября 1929, по приговору выездной сессии Ржевского окружного суда от 17 января 1930 г. по ст. 58 УК приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в г. Ржеве[40].

Его женой была Мария Андреевна, род. 20 мая 1871 г. Умерла в 1926 г. Их дети: Александра, род. 12 декабря 1894 г., «обучается в Петербурге в гимназии Св. Евфросинии» (1911); Анна, р. 31 декабря 1898 г., «при отце» (1911); Мария, род. 1 июня 1896 г., «находится при отце» (1911); Валентина, род. 2 июля 1900 г., «при отце» (1911); Михаил, род. 18 декабря 1901 г., «при отце» (1911); Ольга, род. 30 апреля 1903 г., «при отце» (1911); Клавдия, 3 ноября 1905 г., «при отце» (1911); Алексей, род. 10 мая 1906 г., «при отце» (1911); Александр, р. 2 ноября 1908 г., «при отце» (1911); 10) Зоя, род. 1 января 1911 г., «при отце» (1911).

Другой сын священника Панкова А.А. окончил курс в Ржевском гражданском училище. «Исправляет должность волостного писаря» (1880). «Состоит волостным писарем в Холвинском волостном правлении» (1891). Числился как состоящий на частной службе. [Табельщик] на писчебумажной фабрике в г. Ржев. Потомственный почетный гражданин. Умер не ранее 1907 г. Его женой была священническая дочь Софья Андреевна, р. [1870] г. Их дети: Панков Сергей Федорович, р. [1889] г.; Зинаида, р. [1891] г.; Панков Александр Федорович, р. 1893; Вера, р. [1895/96] г..

Панков Александр Федорович родился в погосте Лукома Ржевского уезда (Елецкая волость) 25 мая 1893 г. По данным 1932 г. значился, что закончил учительскую семинарию (обычно в учительскую семинарию принимали после окончания министерского училища). Послушник Тверского Успенского Отроча Монастыря. 18 декабря 1913 г. командирован для временного исполнения обязанностей псаломщика при храме села Воробьева Ржевского уезда[41]. В службе с 1913 г., исполнял должность псаломщика в селе Воробьево Ржевского уезда, 2 июля 1915 г. переведен псаломщиком к храму села Ворожебского Вышневолоцкого уезда[42]. Священником с 1930 г. Арестован по ст. 58 п. 10 Уголовного кодекса в декабре 1932 г. По приговору «тройки» Западной области от 15 марта 1933 г. приговорен на 5 лет ссылки в Севкрай. Был священником в храмах погоста Никольского (Оленинский район), д. Савцино (Кашинский район), Сельцо-Карельское (Удомельский район), д. Марьино (Торжокский район), д. Добрыны (Максатихинского района) и др. 11 января 1950 г. был зарегистрирован в качестве

священника в сельцо Карельское. Откуда прибыл из села Савцыно Кашинского уезда. 2 января 1953 г. его сменил архимандрит Анатолий (в миру Арсений Иванович Кудрявцев).

Справка о регистрации духовенства: «Настоящая справка выдана гражданину Панкову Александру Федоровичу, проживающему в с. Савцино Кашинского района к/о, в том, что он при проверке документов 11 января 1950 г. Уполномоченным по делам РПЦ при Исполкоме Калининского Облсовета зарегистрирован в качестве священника»[43]. 2 января 1953 г. выдана справка уже другому священнику — архимандриту Кудрявцеву Арсению Ивановичу.

«Панков А.Ф., проживавший Сельцо-Карельское Удомльского района Калининской области по проверке документов 10 ноября 1952 г. Уполномоченным Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Калининской области зарегистрирован в качестве священника приходской общины Марьино Медновского района Калининской области»[44]. «Акт от 3 июня 1953 г. Панков сдал церковное имущество церковному совету: денег в кассе 359 руб., в сберкассе 3500 руб.»[45]

«Панков А.Ф., проживающий в с. Загородье Максатихинского района 7 сентября 1955 г. зарегистрирован священником приходской общины Успенской православной церкви с. Добрыни»[46].

Уполномоченным по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР в Совет была направлена информация о необходимости закрытия храма в с. Добрыни в связи со смертью священника. Похоронен А.Ф. Панков в с. Добрыни Максатихинского района Калининской области в августе 1959 г. В 1989 г. посмертно реабилитирован. Его женой была Панкова Ксения Ивановна, р. [1898] г. После смерти мужа получала пенсию из Епархиального управления. Умерла в 1960 г., похоронена на кладбище Перемерки в г. Твери. Их дети: Тамара, род. апрель 1929; Вера, род. 7 января 1932 г.; 3) Серафима, род. 21 июня 1940 г. (умерла 26 июня 2001 г., похоронена с матерью).

Итак, выше была рассмотрена история священноцерковнослужения Панковых в Тверской (Калининской епархии), охватывающая более двух с половиной столетий. Скорее всего, корни этого церковного рода уходят дальше вглубь истории, где видимой её частью является, доступная нам, и отложившиеся в архивных документах сведения об их служении. В ходе исследования на примере рода Панковых была воссоздана человеческая история представителей общества Тверского края, посвятивших себя духовному служению.

Можно констатировать, что данное исследование и другие научные работы такого рода представляют собой важное направление взаимодействия Тверского отделения ИППО и Тверского государственного университета. Материалы и научные результаты, полученные в настоящей работе, как и в ходе

других, совместно организованных представителями ТвГУ и Тверского отделения ИППО научных исследованиях, предполагаются к использованию в ходе учебных, научных, воспитательных, просветительских мероприятий, в т.ч. со студентами Тверского государственного университета.

Список литературы

1. Высочайше утвержденный проект устава Православного Палестинского Общества, утвержденный именным указом от 8 мая 1882 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. II. СПб., 1882. № 857
2. Житенёв С.Ю. Религиозное паломничество: межкультурные коммуникации и цивилизационный контекст: Автореф. дис.... канд. культурологии. М., 2011. — 24с.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2-х т. 3-е изд. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. С. 85.
4. Сергеева Г.П., Маркелова О.В. Тверская духовная семинария: история учреждения и обзор фонда / Государственный архив Тверской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.tverarchive.ru/share/art/tvsem.pdf (дата обращения 13.04.2020).

[1] Высочайше утвержденный проект Устава Православного Палестинского Общества, утвержденный именным указом от 8 мая 1882 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. II. СПб., 1882. № 857

[2] Житенёв С.Ю. Религиозное паломничество: межкультурные коммуникации и цивилизационный контекст: Автореф. дис....канд. культурологии. М., 2011. С. 6.

[3] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2-х т. 3-е изд. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. С. 85.

[4] Сергеева Г.П., Маркелова О.В. Тверская духовная семинария: история учреждения и обзор фонда / Государственный архив Тверской области [Электронный ресурс]. URL: http://www.tverarchive.ru/share/art/tvsem.pdf (дата обращения 13.04.2020).

[5] Российский государственный архив древних актов (РГАДА) ф. 1209, оп. 1, №12375 Переписная книга Ржевского уезда 1710 г. Л. 198 об.

[6] РГАДА ф. 350, оп. 2, №2738 Сказки по прописанным церковнослужителям Ржевы Володимеровы с уездом, 1723 год. Л. 203.

[7] По тексту в квадратных скобках указаны предположительные годы, полученные путем вычитания из года количества возраста, указанного в церковных книгах.

[8] Запись см.: Ф. 160. О. 1. Д. 15561. Метрическая книга Ржевского уезда 1743 г. Л. 58.

[9] Ф. 160. О. 1. Д. 21399. Метрическая книга погоста Рвениц (1780–1820).

[10] ГАТО. Ф. 160. О. 12. Д. 2101.

[11] ГАТО. Ф. 160. О. 12. Д. 2101. Л. 1.

[12] Там же.

[13] Там же. Л. 2.

14 ГАТО. Ф. 160. О. 1. Д. 15836. С. 173. (Клировые ведомости Осташковского уезда, 1799 г.)
15 Ф. 160. О. 12. Д. 2119 («О смерти Осташковского уезда погоста Рвеницы дьячка Егора Матвеева (от 21 июля 1813 г.)»). Л. 1.
16 Там же.
17 Там же.
18 Там же. Л. 2.
19 ГАТО. Ф. 160. О. 12. Д. 2101. Л. 5.
20 Там же. Л. 6.
21 Ф. 160. О. 1. Д. 21399 Метрическая книга погоста Рвеницы (1780–1820); Ф. 160. О. 1. Д. 21433 Метрическая книга погоста Рвеницы.
22 Ф. 160. О. 12. Д. 2107.
23 Там же. Л. 1.
24 Там же. Л. 3.
25 Ф. 160. О. 1. Д. 21399 Метрическая книга погоста Рвеницы (1780–1820); Ф. 160. О. 1. Д. 21433 Метрическая книга погоста Рвеницы.
26 ГАТО. О. 12. Д. 2552 («Дело о переведении г. Твери Вознесенской церкви диакона Ивана Егорова Осташковского уезда в погост Стержей», 1801 г.). Л. 6.
27 ГАТО. Ф. 160. О. 12. Д. 2549 («Дело о утверждении Тверской семинарии философии ученика Ивана Панкова в погост Стерж диаконского места», 1800 г.). Л. 1.
28 Там же. Л. 2.
29 ГАТО. О. 12. Д. 2552 («Дело о переведении г. Твери Вознесенской церкви диакона Ивана Егорова Осташковского уезда в погост Стержей», 1801 г.). Л. 1.
30 ГАТО. Ф. 160. О. 12. Д. 2565.
31 Построен в 1748 г. тщением игуменьи Олимпиады.
32 ГАТО. Ф. 160. О. 1. Д. 16092. Клировые ведомости Новоторжского уезда, 1851 г. Л. 278–279.
33 Тверские епархиальные ведомости. — 1878 г.
34 ГАТО. Ф. 160. О. 1. Д. 15852. Л. 228–229. Клировые ведомости Ржевского уезда, 1880 г.
35 ГАТО. Ф. 160. О. 1. Д. 35204. Л. 19. Ведомости о церкви погоста Лукомы Ржевского уезда за 1872–1907 гг.
36 ГАТО. Ф. 160. О. 13. Д. 1068.
37 Там же. Л. 1.
38 Там же. Л. 18–19.
39 ГАТО. Ф. 160. О. 1. Д. 16238. С. 84–85. Клировые ведомости Старицкого уезда, 1911 г.
40 ГАТО. Ф. Р-2047. О. 1. № 56.
41 Тверские епархиальные ведомости. 1914. С. 15.
42 Тверские епархиальные ведомости. 1915. № 27. 6 июля. С. 451.
43 ГАТО. Ф. Р.-2723. О. 2. № 29. С. 12.
44 ГАТО. Ф. Р. 2723. О. 2. Д 20. С. 13.
45 ГАТО. Ф. Р. 2723. О. 2. Д 20. С. 14.
46 ГАТО. Ф. Р-2723. О. 3. № 22.

Православный мир Русской Палестины в системе социально-политического взаимодействия российской провинции во второй половине XIX — начале XX вв.*

О.А. Сухова, О.В. Колпакова

Тяготение Руси к своей духовной прародине — Византии, последнему оплоту античной цивилизации, было изначально облачено в форму имперского служения, что и заложило ценностную основу национального мировосприятия. В поведенческом аспекте, в культуре повседневности эта идея нашла своё отражение в становлении феномена паломничества в Святую Землю, а в период российской эмансипации — в деятельности целого ряда государственных и церковных структур и общественных объединений: консульств МИД Российской Империи, Русская Духовная Миссия в Иерусалиме (РДМ), Палестинский комитет, Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) и др.

Отсылка к пониманию этого ключевого для формирования российской идентичности положения встречается в первых обобщающих трудах по истории ИППО[1]. Так, возникновение маршрутов паломнических хождений фиксируется уже в период христианизации Руси, когда прп. Феодосий Печерский встречает в 1022 г. странников, идущих из Иерусалима. Принципиальное значение приобретает видоизмененное толкование модели Третьего Рима и «защиты Православия» как последнего завета Византии, павшей под ударами неверных. Идея освобождения православного мира от османского владычества, освященная пролитой «русской кровью», подкреплялась активной внешней политикой и результатами Русско-турецких войн XVIII

* Исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ: «Практики духовно-нравственного служения в российской истории второй половины XIX — начала XXI вв.: на примере деятельности М.М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

и XIX вв.[2] Договоры 1774 и 1791 гг. предусматривали свободный доступ русских паломников к святым местам на территории Османской империи и расширение прав консулов и нештатных консульских агентов (как правило, иностранцев на российской службе) в деле защиты интересов православных богомольцев. И все же до середины XIX в. участие государства в обеспечении передвижения паломников в Святую Землю было минимальным[3].

Вместе с тем, определяющим фактором укрепления позиций России на ближневосточных рубежах становится агрессивная политика по вытеснению католическим Западом пришедшей «в упадок и безжизненность восточной Церкви»[4]. По словам В.Н. Хитрово, ставшего основателем ИППО, «Самая большая, самая неотразимая опасность для православия на Святой Земле», составляющая «наибольшую силу западной пропаганды», заключалась в насаждении сети миссионерских учебных заведений, начиная с 40-х гг. XIX столетия[5].

В ответ на падение авторитета Православия и сокращение православной общины в 1847 г. в Иерусалиме была создана Русская Духовная Миссия во главе с архимандритом Порфирием (Успенским). Как известно, Крымская война прервала первую «негласную» Палестинскую кампанию: все её участники были отозваны в Россию[6], но тяжесть военного поражения лишь упрочила правительственную и общественную инициативу в деле гуманитарного присутствии на Святой Земле: «Развалины нашего многострадального Севастополя были ответом на вопрос: кому владеть ключами Вифлеемского храма?»[7]. Руководитель новой Миссии был назначен уже 16 августа 1857 г. Им стал доктор богословия и инспектор Санкт-Петербургской Духовной академии епископ Мелитопольский Кирилл (Наумов)[8].

На скромное по штату представительство российское внешнеполитическое ведомство возложило непосильную задачу восстановления геополитического статуса Российской Империи церковными средствами[9]. Несмотря на скромные успехи в этом направлении, деятельность Русской Духовной Миссии заложила основы формирования уникального феномена второй половины XIX — начала XX вв. — Русской Палестины: комплекса монастырей, храмов, странноприимных домов, подворий, училищ, словом, целой инфраструктуры, обеспечивавшей защиту политических, церковных, социокультурных интересов российского общества. Кроме того, результатом сложного, порой противоречивого движения, взаимодействия власти и общества, личного участия высокопоставленных чиновников[10] стало тиражирование практик нравственного служения среди подвижников Православия в российской провинции.

Следует обратить внимание на эталонный характер цивилизационного подвижничества и длительность процесса формирования соответствующих поведенческих стратегий. Первоначально необходимость обретения нравственного идеала, научного изучения и популяризации образа Святой

Земли была осознана ярким представителем российской интеллектуальной элиты В.Н. Хитрово в результате его паломнической поездки в Иерусалим в 1871 г. Служащему Министерства финансов потребовалось десятилетие, чтобы отыскать единомышленников в окружении Императоров Александра II и Александра III и «заразить» их своих беспокойством о проблемах Русской Палестины. Специфика протокола российской бюрократической машины, опасения нежелательной дипломатической реакции, «что скажут католические державы»[11] сдерживали это начинание. Качественный перлом в этом процессе наступил только после паломнической поездки Великих Князей Сергия и Павла Александровичей, состоявшейся в мае 1881 г. Впоследствии именно Сергий Александрович станет учредителем и первым Председателем Православного Палестинского Общества, история которого начинается 21 мая 1882 г.[12] Постепенно формируется определённый кодекс поведения для правящей династии. В поисках идеи упрочнения и репрезентации монархии в паломнические поездки, начиная с 1859 г.[13] в Святую Землю устремляются выдающиеся представители Императорского Дома: Великие Князья Константин и Николай Николаевичи, Константин Константинович, Сергий и Павел Александровичи, Александр Михайлович, Великие Княгини Александра Иосифовна и Елизавета Федоровна[14].

Столь же эталонный характер носило подвижничество ряда виднейших представителей дворянского сословия в российской провинции. В частности, кавалерственная дама и уроженка Пензенской губернии М.М. Киселева уже в 1884 г. была удостоена знака Православного Палестинского Общества со званием действительного члена[15]. Мария Михайловна оказывала существенную финансовую поддержку Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, жертвовала на храм Гроба Господня. На свои средства возвела храм для паломников в Назарете[16]. Кроме того, согласно духовному завещанию М.М. Киселевой, размер пожертвований ИППО составил 50 000 рублей[17].

Вместе с тем, в стремлении В.Н. Хитрово создать частный “Palestina exploration fund” в противовес официальному учреждению с целью изучения Святой Земли, поддержания российских паломников и «русского элемента» в Палестине[18] просматривается воздействие и главного веяния времени — либерализации российского общества под влиянием реформ 1860–1870-х гг. В этом же ряду — формирование сети губернских отделов ИППО. Растущие потребности на достижение политических, гуманитарных (научно-образовательных, церковных и пр.) целей российского присутствия на Святой Земле и утверждение модернистской модели равного участия государства и общества в деле развития социальной инфраструктуры опосредовали демократизацию структуры ИППО и перераспределение части полномочий на места. В этом отношении можно говорить о совпадении интересов столицы и провинции, и зрелости гражданского общества в Российской Империи. Как отмечает К.Е. Балдин, инициатива создания

провинциальных отделов ИППО исходила от его Председателя, Великого Князя Сергия Александровича, по протоколу направлявшего епархиальному владыке личный рескрипт с рекомендацией о создании организации. Основанием для подобного обращения служило формальное указание на масштабы ежегодных «вербных сборов» в пользу ИППО (проходивших опять-таки по специальному рескрипту Председателя и решению Святейшего Синода), а, следовательно, на сочувствие прихожан к целям Общества[19].

Новый хронотоп ИППО обеспечивал успех делу формирования национальной идентичности, о чём свидетельствует география основания губернских отделов, первый из которых появился в Якутии в 1893 г., следом были открыты отделы в Волынской, Вятской, Оренбургской, Пензенской, Рязанской, Черниговской, Томской, Калужской, Костромской губерниях и т.д. К 1917 г. в стране насчитывался 52 отдел Палестинского Общества[20]. Являясь средоточием слияния государственных и духовных интересов, Общество обеспечивало условия для реализации научно-просветительских проектов, организации паломнических поездок, выполнения гуманитарной миссии, укрепления внешнеполитического престижа Русской Православной Церкви и Российской Империи (учреждение школ, больниц, материальная и духовная поддержка населения, храмов, монастырей и духовенства на Святой Земле). Отметим, что в начале 1890-х гг. в Палестине и Сирии действовало уже 17 школ, в том числе 9 — для девочек, где обучалось 1300 детей православного вероисповедания, мужской и женский пансионы для подготовки учителей[21].

К этому времени заметным явлением становится паломничество на Святую Землю. Число желающих посетить Царьград, Афон, Иерусалим и Синай и приобщиться к высшему нравственному идеалу в 1840-х гг. составляло около 400 человек в год. С окончанием Крымской войны трафик путешествий с религиозными целями в России существенно вырос и достиг к концу 1850-х гг. 950 человек[22]. После снижения пассажирского тарифа с 1 декабря 1894 г.[23] русское присутствие на Ближнем Востоке стало измеряться тысячами путешественников, решавшихся на длительную в 6–8 месяцев паломническую поездку. Начало путешествия приходилось на период празднования Рождества, а его окончание на Пасхальную неделю, когда для поклонения святым местам Вселенского Православия в Иерусалим прибывало от 4 до 6 тысяч россиян[24]. По другим данным, с 1 января 1865 по 1 апреля 1901 гг. Русская Палестина приняла 86 тысяч паломников[25].

В связи с ростом числа православных паломников одним из важнейших направлений деятельности ИППО стало участие в создании инфраструктуры, обеспечивающей пребывание православных богомольцев на Святой Земле. С целью облегчения русским паломникам тягот путешествия Общество ходатайствовало об уменьшении путевой платы за проезд из России в Иерусалим и обратно.

Пензенская епархия принимала деятельное участие в сборе пожертвований на нужды ИППО. К моменту открытия губернского отдела в нём состояло два действительных члена и 10 членов-сотрудников[26]. 30 декабря 1892 г. Великий Князь Сергей Александрович обратился с рескриптом на имя Преосвященного Павла (Вильчинского), епископа Пензенского и Саранского по вопросу о распространении сведений о деятельности и потребностях ИППО[27]. Переписка и обмен соображениями с Августейшим Председателем привели к появлению рескрипта от 8 декабря 1893 г. с рекомендациями о создании губернского отдела[28]. По инициативе Его Преосвященства 30 января 1894 г. к участию в этом благородном начинании были приглашены видные представители провинциального сообщества, выразившие единодушное согласие стать членами ИППО по Пензенскому отделу Общества. Первый состав губернского отдела, утверждённого к открытию 17 февраля 1894 г., был представлен 33-мя участниками. Официальное открытие состоялось 13 мая 1894 г., когда под председательством епископа Павла состоялись выборы должностных лиц Пензенского отдела ИППО[29].

Одним из основных направлений деятельности Пензенского отдела ИППО являлось информационно-просветительское, связанное с распространением сведений о Святой Земле, информированием о состоянии Православия в Палестине, о материальных и религиозных нуждах живущих в ней православного населения. Для ознакомления жителей Пензенской епархии с целями и задачами Палестинского Общества, сведениями о Святой Земле практиковались личные беседы епископа с разными лицами при обозрении епархии и удобных случаях; публикации в местной печати; и, наконец, специальные народные чтения о Святой Земле.

Так, сообщения о Святой Земле и Палестинском Обществе были включены в программу религиозно-нравственных чтений, проводившихся в уездном училище и Петропавловской школе г. Пензы. Такие чтения предлагались в воскресные дни Великого поста, начиная с третьей недели. Для донесения до мирян знаний о Святой Земле использовались специальные издания, например, брошюра «Русские богомольцы в Святой Земле», изданная Комиссией по устройству народных чтений, «Святый град Господен Иерусалим». Читались статьи из журнала «Русский паломник». В 1895 г. в Петропавловской школе преподаватель Духовной семинарии Н. Смирнов выступил с сообщением о собственном опыте путешествия в Палестину, в котором после перечисления трудностей, опасностей и лишений, сопровождавших паломничество в прежние годы, говорилось о возникновении, целях и деятельности Императорского Православного Палестинского Общества[30].

В декабре 1896 г. в г. Пензе местным отделом были организованы специальные чтения, посвященные проблемам развития Русской Палестины. Следующим шагом стало проведение чтений во всех уездных городах.

Религиозно-просветительские собрания проводились под руководством благочинных местных городских храмов с приглашением лекторов духовного и светского званий, певческих хоров. До 1 марта 1897 г. в Отделе были получены сведения, что организация публичных чтений осуществлена в Керенске, Городище, Наровчате и Чембаре, где информация о Святой Земле зачитывалась священниками после Божественной литургии или после вечерни по городским храмам, а в Чембаре — в зданиях городского училища и городской управы. Численность посетителей чтений доходила от 350 до 700 человек[31].

В марте-апреле 1899 г. публичные чтения были проведены в здании Пензенской городской думы под руководством ректора Духовной семинарии протоиерея П.А. Позднева и с непременным участием архиерейского хора. В перерывах бесплатно раздавались брошюры и листки о Святой Земле, а также картины с изображением священных мест. Плата за вход составляла от 25 до 50 коп[32]. К началу XX в. движение по организации публичных чтений ИППО в Пензенской епархии охватило большинство уездных городов и ряд сёл. Согласно донесениям благочинных и приходских священников, в 1903 г. в Городищенском уезде чтения о Святой Земле состоялись в 25 населенных пунктах, в Инсарском и Керенском уездах — 23, Краснослободском уезде — 36, в Мокшанском уезде — 30, Наровчатском уезде — 23, Нижнеломовском уезде — 25, Пензенском уезде — 8, Саранском уезде — 27, Чембарском уезде — 30. Местами чтений служили храмы, церковные сторожки, местные школы, чайные лавки народной трезвости (в селах Борисовка и Царевщино), городская управа (в г. Чембаре) и др.[33]

Даже в тревожном 1905 г. в Пензенской епархии состоялось 137 религиозно-нравственных чтений, организованных под эгидой ИППО в храмах и церковно-приходских школах губернии[34]. Лекторами на чтениях были, как правило, приходские священники. Строго определенной программы, составленной перед чтениями и необходимой для систематического и последовательного ознакомления населения со сведениями о Святой Земле, в приходах не было. Данное обстоятельство в определенных случаях приводило к тому, что сведения до слушателей доносились отрывочно: по предметам священной истории, современного положения Святой Земли, русского паломничества, о Палестинском Обществе. Недостаток литературы, поступавшей от Совета ИППО в тот период, создавал серьезные препятствия к организации чтений на территории Пензенской губернии.

Следующим направлением в деятельности Пензенского отдела ИППО являлось осуществление мер, направленных на увеличение материальных средств, а также привлечение в Общество новых лиц. Члены ИППО уделяли значительное количество времени данному мероприятию, проводя пропагандистскую и проповедническую работу. Вместе с тем, следует отметить, что тенденция к увеличению численного состава Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского общества

сохранялась до 1899 г., затем вследствие углубления социокультурного раскола в обществе ситуация меняется. Рост социально-политических противоречий перенаправил информационно-коммуникационные потоки на решение внутренних проблем, снизив значимость имперского миссионерства. Так, в 1897 г. в деятельности губернского отдела участвовало 156 чел.[35], в 1898 г. — 173[36], в 1899 г. — 174[37], в 1902 г. — 149, 1903 г. — 142[38], в 1905 г. — 121, 1906 г. — 118[39], 1907 г. — 95[40].

Состав отдела ИППО носил иерархический характер. Согласно с правилами вступления в Общество, почётными членами избирались лица, сделавшие единовременный взнос не менее 5000 рублей, действительными — 500, членами-сотрудниками — 200 руб. Ежегодные взносы составляли от 25 для действительных членов и от 10 рублей для членов-сотрудников[41]. Так, в конце 1890-х гг. в составе Пензенского отдела ИППО встречаем единственного почётного члена, епископа Пензенского и Саранского Павла, 12 действительных членов и 160 членов-сотрудников[42]. Среди членов губернского отделения в статусе членов-сотрудников доминировали представители белого духовенства.

К сожалению, местное отделение не смогло восстановить свою дореволюционную численность. Несмотря на бурный рост экономической активности населения, число членов ИППО сокращалось. Так, в 1913 г. членами Пензенского отдела состояли 73 человека: 2 почетных члена, 6 действительных члена и 65 членов-сотрудников[43]. Подобная динамика была характерна для многих губернских отделов ИППО. Так, характеризуя деятельность отделов ИППО в Западной Сибири, В.В. Цысь и О.П. Цысь также отмечают двукратное снижение численности после событий 1905–1907 гг. с последующей стабилизацией. В отличие от прочих общественно-религиозных организаций, по мнению исследователей, отделы ИППО «оставались сравнительно немногочисленными элитарными организациями»[44].

В качестве мер, способствовавших увеличению денежных средств, согласно Правилам для действия отделов Императорского Православного Палестинского Общества, являлись ежегодный сбор во всех храмах Российской Империи в неделю входа Господня в Иерусалим (вербный сбор), кружечный сбор посредством особых кружек, установленных по усмотрению Отдела у наружных стен церквей или других зданий, сборные листы[45].

К сбору пожертвований на нужды Палестинского Общества в Пензенской губернии привлекались благочинные, настоятели и настоятельницы монастырей, которым ежегодно рассылались сборные листы. Организаторам чтений предлагалось, в случае поступления от слушателей чтений денежных пожертвований, принимать их и высылать в кассу Отдела для отправления в Совет ИППО. В г. Пензе вход на чтения осуществлялся по платным билетам (5–25 коп.), а в перерывах между чтениями обносилась кружка для сбора добровольных пожертвований[46].

Ежегодные сборы в пользу Святой Земли проводились по решению Пензенской Духовной Консистории, утверждавшей правила организации таковых во время богослужений в Вербное воскресенье по храмам и монастырям Пензенской епархии[47]. Благодаря данным мерам от Пензенского отдела в Совет Общества поступило членских взносов и пожертвований: в 1894–1895 гг. — 2933 руб., в 1895–1896 гг. — 4717 руб. в 1896–1897 гг. — 5146 руб., в 1897–1898 г. — 3317 руб. 2 коп., в 1898–1899 гг. — 3257 руб., 62 коп. Кроме того, поступления от Вербного сбора за данный период составили 13904 руб. 21 коп. Всего за пятилетний срок (1894–1898 гг.) Пензенская епархия направила Палестинскому Обществу 33274 руб. 85 коп.[48]

В 1911–1912 гг. «особо потрудившимися в сборе пожертвований по сборным листам» были отмечены: архимандрит Нижнеломовского Казанского монастыря Макарий, собравший пожертвований 25 руб. 85 коп., архимандрит Саранского Петропавловского монастыря Алексий (20 руб.), игумения Краснослободского Успенского монастыря Евагрия (20 руб.), игумения Пайгармского Параскево-Вознесенского монастыря Евпраксия (19 руб.), протоиерей Керенской Соборного храма Н. Любимов (17 руб. 9 коп.), священник Мачинский с. Новый Турдак Саранского уезда (10 р. 30 к.), священник Боголюбов с. Корино Краснослободского уезда и др.[49]

Таким образом, оставаясь малочисленным элитарным объединением, отделение ИППО являло собой уникальный институт, способствующий включению провинции в единое информационное пространство, объединяющее весь православный мир. Деятельность губернских отделов способствовала решению ряда важнейших задач социокультурного развития: формирование региональной и национальной идентичности; развитие духовно-нравственной основы социального служения как поведенческой стратегии; распространение практик религиозного просветительства и подъём общего уровня образования и культуры; преодоление культурной ограниченности и скудости повседневного бытия, привнесение установок на личностное и социальное совершенствование. К сожалению, кропотливая поступательная работа по формированию зрелой модерности, не отвергающей, а сберегающей религиозные ценности и идеалы, была прервана развернувшейся Первой мировой войной и последующими катастрофическими социальными потрясениями.

[1] *Хитрово В.Н.* Православие в Святой Земле // Православный Палестинский Сборник. 1881. Т. 1. Вып. 1. — 133 с.; *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). СПб., 1907. — 333 с., перизд. в 2008 г.: *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882–1907. М., СПб., 2008. — 448 с. Соловьев М.П. Святая Земля и ИППО. М., 1891;

изд. 2. СПб., 1895; Он же. Святая Земля и Россия. СПб., 1894; Он же. По Святой Земле. С рисунками в тексте. СПб., 1897. — 342 с., переизд. в 2012 г. Соловьев М.П. Святая Земля и ИППО: к 130-летию основания Императорского Православного Палестинского Общества (1882–2012). М., Индрик, 2012.

2 *Хитрово В.Н.* Указ. соч. С. 72–73. https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij-Hitrovo/pravoslavie-v-sv-zemle/ Дата обращения: 20.01.2023.

3 См.: *Якушев М.М.* Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847). М., 2018. 512 с.

4 *Хитрово В.Н.* Указ. соч. С. 58.

5 *Хитрово В.Н.* Указ. соч. С. 45–47, 71.

6 *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. СПб., 1907. С. 7. https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Dmitrievskij/imperatorskoe-pravoslavnoe-palestinskoe-obshhestvo-i-ego-dejatelnost-za-istekshuyu-chetvert-veka-1882–1907/ Дата обращения: 20.01.2023.

7 *Хитрово В.Н.* Указ. соч. С. 55.

8 *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. СПб., 1907. С. 7.

9 *Грушевой А.Г.* Россия на Ближнем Востоке при Александре II и Александре III — создание Русской Палестины (1860–1882 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 2019. Т. 38. С. 267, 279.

10 О мерах государственной поддержки, о непосредственном участии в определении функционала Русской Духовной Миссии А.М. Горчакова, об инициативах чиновника Морского ведомства Б.П. Мансурова, предшествовавших созданию Палестинского комитета см. в статье А.Г. Грушевого. *Грушевой А.Г.* Россия на Ближнем Востоке... С. 265–285.

11 *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. СПб., 1907. С. 180.

12 Там же. С. 160–192. Звание «Императорское» общество получило в 1889 г.

13 *Хитрово В.Н.* Указ. соч. С. 87.

14 *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. СПб., 1907. С. V–VI.

15 *Головина А.Ф.* Великая благотворительница. Пенза, 2003. С. 52.

16 *Дорофеева Т.Г.* Мария Михайловна Киселева. Подвиг беззаветного служения // Annali d'Italia. 2022. № 31. С. 91.

17 *Головина А.Ф.* Указ. соч. С. 57–58.

18 *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. СПб., 1907. С. 125.

19 *Балдин К.Е.* Создание местных организаций Императорского Православного Палестинского Общества (1890-е гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Вып. 4 (12). С. 9–11.

20 Житенёв С.Ю. Отделы ИППО. // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается. Составление, редакция и предисловие С.Ю. Житенёва. М.: Издательство «Индрик», 2022. С. 618–619.

21 По поводу открытия Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского общества // Пензенские епархиальные ведомости. 1894. №13. С. 598, 602.

22 *Хитрово В.Н.* Указ. соч. С. 81.

[23] Руководящие правила для действия отделов Императорского Православного Палестинского общества. СПб., 1901. С. 11.

[24] *Каиль М.В.* Как провинциалы императорской России в Святую Землю путешествовали: типичное паломничество в документах Центрального исторического архива Санкт-Петербурга // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 4. С. 59.

[25] *Житин Р.М.* Организация русского паломничества в Святую Землю (1858–1889 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 184. С. 178.

[26] По поводу открытия Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского общества // Пензенские епархиальные ведомости. 1894. № 13. С. 603.

[27] По поводу открытия Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского общества. С. 604.

[28] *Хижняк Я.Г.* История Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. 2019. № 1 (11). С. 55.

[29] Председателями губернского отдела ИППО по сложившейся традиции выступали правящие архиереи Пензенской епархии, товарищами председателя — губернаторы. См.: По поводу открытия Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского общества // Пензенские епархиальные ведомости. 1894. № 13. С. 604–605.

[30] Чтения в городе Пензе о Св. Земле, и о Палестинском обществе // Пензенские епархиальные ведомости. 1895. № 9. С. 336–337.

[31] Отчет о состоянии и деятельности Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского общества за истекший 1896/97 год (1 марта 1896 г. — 1 марта 1897 г.) // Пензенские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С. 5–6.

[32] *Корольков К.* Чтения о Святой земле в г. Пензе // Пензенские епархиальные ведомости. 1899. № 9. С. 351, 354.

[33] Отчет о состоянии и деятельности Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 1-го мая 1902 года по 1-е марта 1903 года // Пензенские епархиальные ведомости. 1903. № 11. С. 433–436.

[34] Палестинское общество / А.Б. Никонов // Пензенская энциклопедия. Т. 2. Пенза, 2019. С. 121.

[35] Отчет о состоянии и деятельности Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского общества за истекший 1896/97 год (1 марта 1896 г. — 1 марта 1897 г.) // Пензенские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С. 3.

[36] О состоянии и деятельности Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского общества за период времени с 1-го марта 1898 г. по 1 марта 1899 года // Пензенские епархиальные ведомости. 1899. № 16. С. 147.

[37] Отчет о состоянии и деятельности Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского общества за период времени с 1-го марта 1899 г. по 1-е марта 1900 г. // Пензенские епархиальные ведомости. 1900. № 11. С. 73.

[38] Отчет о состоянии и деятельности Пензенского отдела Императорского православного Палестинского общества с 1-го мая 1902 года по 1-е марта 1903 года // Пензенские епархиальные ведомости. 1903. № 11. С. 430.

[39] Отчет о состоянии и деятельности Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества с 1-го марта 1905 года по 1-е марта 1906 года // Пензенские епархиальные ведомости. 1906. № 12. С. 645.

[40] Отчет о состоянии и деятельности Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского общества с 1 марта 1906 г. по 1 марта 1907 г. // Пензенские епархиальные ведомости. 1907. № 11. С. 475.

[41] Руководящие правила для действия отделов Императорского Православного Палестинского общества. СПб., 1901. Приложение 1.

[42] *Хижняк Я.Г.* История Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. 2019. № 1 (11). С. 57.

[43] *Хижняк Я.Г.* Указ. соч. С. 57.

[44] *Цысь В.В., Цысь О.П.* Состав и структура отделов Императорского Православного Палестинского Общества в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 2.С. 35–36.

[45] Руководящие правила для действия отделов Императорского Православного Палестинского Общества. СПб., 1901. С. 6–7.

[46] Деятельность Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за пять лет его существования // Пензенские епархиальные ведомости. 1900. № 9. С. 397.

[47] См., например: Определения епархиального начальства // Пензенские епархиальные ведомости. 1899. № 3. С. 17–18.

[48] Деятельность Пензенского Отдела Императорского Православного Палестинского Общества за пять лет его существования // Пензенские епархиальные ведомости. 1900. № 9. С. 397–398.

[49] От Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского общества // Пензенские епархиальные ведомости. 1912. № 9. С. 267.

Святогорец Дорофей (Кудрявцев) и Православное Палестинское Общество

М.Г. Талалай

Богатейший Русский архив Андреевского скита на Афоне[1] хранит множество документов, изучение которых позволяет реконструировать забытые сюжеты и персонажи. Порою из этих документов «всплывают» истории, за которыми вслед тянутся другие, а за ними — ещё и ещё. Так произошло и на сей раз, когда в недрах Русского архива Андреевского скита обнаружился каллиграфически написанный текст насельника Андреевского скита отца Дорофея (Кудрявцева) — его прошение в Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО)[2], составленное им в июне 1886 г.

Изучение текста раскрывает перед нами разные важные моменты. Во-первых — это проблематика большой категории афонцев, живших вне крупных обителей (монастырей и скитов) и посему бедствовавших. Во-вторых — это помощь христианскому Востоку, которую начало оказывать недавно учрежденное ИППО. В-третьих, это собственно личность о. Дорофея и его благородные инициативы.

Начнём с последнего момента, с биографии о. Дорофея: автор прошения посчитал нужным кратко изложить её в начале своего прошения в ИППО — «не похвалы ради или чести, да не буду безумен, а единственно для того, чтобы дать некоторое понятие высокопочитаемым членам Общества о моем сердечном направлении»[3]:

«С юности моей я имел глубокое уважение и сочувствие к пустынным отцам и любовь к монашеской жизни. С 1847 года я, сознакомившись чрез переписку с отцами русского православного монастыря на Афоне, духовником Иеронимом[4] и архимандритом Герасимом[5], в течение десяти лет оказывал чрез них помощь и пособие монастырям, скитам и пустынножителям Св. горы. В 1858 году Господь меня удостоил видеть Афон и остаться там на жительстве в Русском Андреевском общежительном скиту, где по новости

Отец Дорофей
после поступления
в Андреевский скит,
1860-е гг.

устрояющейся обители и я в числе прочей братии приносил посильные мои труды в течение двадцати с лишком лет; но любя пустынное житие и чувствуя сердечное влечение к уединенной жизни, с благословения духовных моих отцов, я оставил обитель и поселился на небольшую каливу[6] к одному моему (духовной жизни) собрату, где в продолжении трех лет бедные жители близлежащего к Афону села Иерисо убеждали меня письменно, лично и чрез посредство других отцов Св. горы принять на себя устройство водопровода в их село, который и окончен мною при помощи Божией с содействием Боголюбивейших соотечественников наших. Они же, осведомившись о моей бесприютной жизни и сочувствуя моему положению, оказали пособие лично и мне для приобретения какой-либо каливы, так что в настоящее время я имею в руках своих кое-какие средства, которыми могу располагать по своей воле»[7]. К автобиографическим сведениям о. Дорофей в послании более не возвращается, поэтому позволим себе их дополнить.

Его мирское имя — Иван Ермолаевич Кудрявцев. Точная дата его рождения неизвестна; можем предположить, что это — начало 1830-х гг. По происхождению — государственный крестьянин-вятич, из деревни Верхопольская Елпанской волости Нолинского уезда. В некоторых источниках говорится, что он учился в семинарии. На рубеже 1840–1850 гг. земляки часто снаряжали благочестивого и одарённого юношу для сбора средств на постройку их новой приходского храма.

Но Иван мечтал об Афоне. В одном из писем к старцу Андреевского скита, о. Феодориту[8], он, ещё будучи мирянином, писал так: «Помолитесь, чтобы Господь удостоил меня быть на Святой Горе. Дух горит! Терпения нет! Улетел бы от сей суеты! Кто мне даст криле, яко голубине? Улетел бы от этого мятежа туда, куда давно, давно стремленье мое. Если б было! Люблю Афон, душой и сердцем содрогаюсь, когда об нем вспоминаю. Он дорогой! Духом влекусь и в пустынях его мысленно блуждаю. О, как он близок к сердцу в строгих правилах своих. Он питает как младенцев десять тысяч стариков своих седых! От юных лет вскормил — постом, молитвами, трудом, чрез послушание — жизни строгой научил. Прости, прости меня за такое письмо»[9].

В итоге Иван собирал пожертвования не только для родного Нолинского уезда, но и для русских афонских обителей, в первую очередь

для Пантелеимонова монастыря, от которого получил доверенность и сборную книгу. Когда же юноша познакомился, во время сбора пожертвований в Нижнем Новгороде, с о. Феодоритом из Андреевского скита, то он попросился поступить к нему в помощники, на что старец первоначально не дал благословения, опасаясь обвинений в переманивании сборщика. Однако они вступили в переписку.

Анонимные составители «Летописи Русского Свято-Андреевского скита на Афоне (1841–1863)» были ограничены хронологическими рамками первого тома, а их второй том, к сожалению, так и не увидел свет. Тем не менее, они посчитали возможным включить в свою публикацию курьезное письмо к о. Феодориту от Ивана, где тот описывал свои впечатления от своей первой поездки на поезде — из Санкт-Петербурга в Белокаменную: «...Я в Москве! Ах, какая суета! Толкотня страшная! Все спешат — и куда? Бегают и толкают друг друга — куда, к чему? <...> Слава Богу, что есть еще Афон...»[10].

Намерение Ивана отправиться на Святую гору было блокировано вспыхнувшей в 1853 г. Крымской войной, по окончании которой его мечта сбывается — в 1858 г. он покидает Россию, официально — ради паломничества по святым местам Востока. В том же году вятич Иван стал афонцем Дорофеем. Однако он не сразу поступил в Андреевский скит. Сперва он подвизался на келлии у некоего старца Августина, затем ушел в Ксенофонтский монастырь, стремясь, однако, попасть в Андреевский скит. Отец Федорит продолжал проявлять сдержанность: «Я писал вам, чтобы вы приняли и обласкали любезного Ивана Ермолаевича Кудрявцева, но в число братии не советовал принимать, не ради чего, а только, чтобы не было неприятностей между св. обителями. Поэтому любя его, я удалялся от него, чтобы не давать повода подумать, что мы его переманиваем»[11].

Поступив-таки в скит, он быстро подтвердил свои качества. Главным из них было умение сочетать монашеское делание с практическими нуждами святогорцев (и не только их). Тогдашний настоятель скита, о. Виссарион (скончавшийся в 1862 г.) сразу полюбил новичка: «Многие многими хвалятся, а Господь Бог хвалился тремя — Авраамом, Исааком и Иаковом. И я тремя похваляюсь: Феодоритом, Паисием[12] и Дорофеем!»[13].

В 1859 г., в следующем году после поступления в скит, когда Иван, теперь уже Дорофей, отправился в Россию ради получения официального разрешения на уход из казённых крестьян в монашество, скитяне доверили ему ответственную миссию — представить в Санкт-Петербурге Обер-Прокурору Святейшего Синода графу А.П. Толстому обстоятельную записку о нуждах скита, в составлении которой он сам и участвовал. Он также, по заданию старцев, подыскал в Санкт-Петербурге место для строительства скитской часовни — однако эта инициатива затянулась потом на годы из-за разных препятствий[14].

09-45-6964-1

№ 3335 на 500 руб. = коп.

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

19 Іюня 1886 года, получилъ отъ Аѳонскаго Іеромонаха отца Дорофея Кудрявцева чрезъ доставленіе пятьсотъ руб. = коп.

Казначей

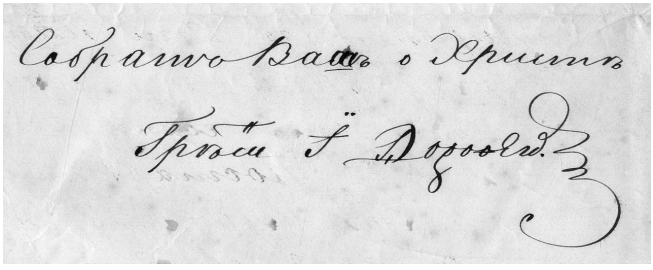
Квитанция от Православного Палестинского общества
в получении взноса от о. Дорофея, 19 июня 1886 г. (РААС)

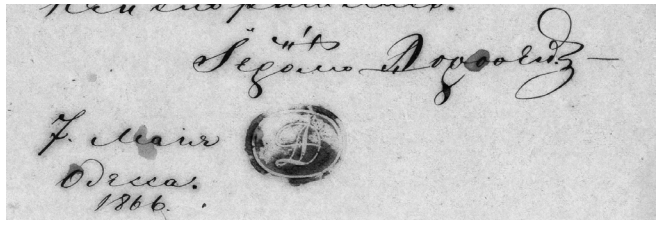
Теперь в миру ему казалось ещё труднее — вот что он писал из России на Афон в 1860 г.: «Изнемогаю!.. Помолитесь!.. Я здесь у всех бываю и бывал — суеты и болтовни много, а пользы мало. Надоело страшным образом... Отче! Прошу вас только об одном... Бога ради... поручений и комиссий не возлагайте. Я точно и теперь как угорелый, просто кажись, без головы... Помолитесь к матери Божией!!!»[15].

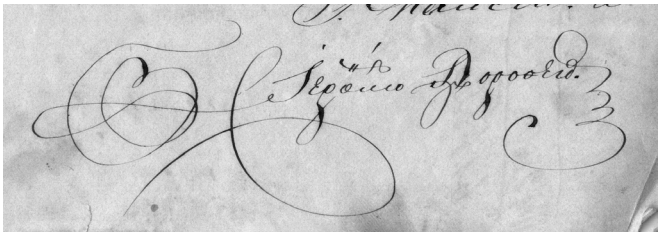
Большое утешение от мирских искушений он получил у преподобного Макария Оптинского, к которому впервые съездил в 1860 г.

В Андреевском скиту почти сразу ему доверили ответственное послушание казначея. А в результате своей многолетней деятельности он удостоился высокого титулования «ктитор», т.е. «попечитель обители» — редкий случай для монашествующих[16].

Инок Дорофей скончался в 1907 г., после полувека насельничества в Андреевском скиту. Но слово «насельник», формально правильное, к нему не подходит, так как его активный характер постоянно уводил с Афона по разным делам (конечно, по благословениям его старцев). Он — постоянно в разъездах, часто бывает в обеих русских столицах и в столице Оттоманской империи. Он записывается членом вновь учрежденного Православного Палестинского общества, и, как свидетельствует послание 1886 г. тут же стремится использовать возможности этого престижного учреждения. Он проводит немало времени на скитских метохах-подворьях и там,







Подпись иеромонаха Дорофей с личной печатью на письме, отправленном из одесского подворья Андреевского скита 17 мая 1866 г. (РАСС)

знакомясь со скудными жизненными условиями местных греков, предпринимает ряд важных мер — в первую очередь, по устройству водопровода для пограничного с Афоном селения Иерисос, иначе Иерисо (о чём упоминается выше, в его послании в ИППО).

В истории русской словесности у о. Дорофея — особое почётное место, так как он, познакомившись в 1871 г. в Константинополе с К.Н. Леонтьевым и оценив глубину его личности, поспособствовал изданию главной книги мыслителя — «Византизм и славянство» (1874), а позднее — и других текстов.

С Леонтьевым о. Дорофей сошелся через друга мыслителя — Константина Зедергольма (1830–1878). Тот служил в Санкт-Петербурге чиновником по особым поручениям при Обер-Прокуроре Святейшего Синода, и святогорец с ним познакомился еще в 1860 г., когда подавал записку о ските. Вместе с Зедергольмом о. Дорофей ездил в Оптину пустынь, а потом привечал его на Афоне. Поездка на Святую гору стала судьбоносной для Зедергольма и по возвращению в Россию он, оставив в 1862 г. государственную службу, поступил в Оптину пустынь с монашеским именем Климент. Его главным послушанием стало письмоводительство у преподобного Амвросия

Оптинского. По кончине друга К.Н. Леонтьев написал обширный биографический очерк — «Православный немец. Оптинский иеромонах отец Климент Зедергольм» (1880).

Относительно публикаций сочинений Леонтьева сохранилось письмо о. Дорофея к Н.В. Лепёшкину[17], посланное из турецкой столицы 4 мая 1874 г. (ст.ст.): «Милостивый государь Николай Васильевич! Рекомендую Вам подателя сего письма г-на Константина Николаевича Леонтьева, бывшего Русского консула в Салониках и хорошего нашего знакомца; мы с ним пришли в соглашение об издании его сочинений. Теперь на первой раз прошу Вас, примите на себя труд заказать в типографии издать 1200 экземпляров книгу под заглавием: "Византизм и славянство". Бумагу купите сами и какое будите иметь условие с типографией нас уведомьте, если можете поскорее, что будет стоить это издание. Я надеюсь, что Вы не отяготитесь сего исполнить. Деньги по первому Вашему извещению мы пошлем к Вам по переводу. Итак, я надеюсь, что Вы исполните мою просьбу, о чем будет писать к Вам и Старец; я сейчас отправляюсь с г-м Муравьевым на Афон. Мой поклон всему Вашему семейству. Остаюсь любящий Вас и[еромонах] Дорофей»[18]. Из этого письма следует, что к проекту по изданию сочинений Леонтьева о. Дорофею удалось подключить и настоятеля скита (с 1862 г.) — о. Феодорита.

Сохранились, как письма мыслителя к о. Дорофею с за 1871–1874 гг., так и «Условие с отставным коллежским советником Константином Леонтьевым об издании Андреевским скитом творений последнего и расписка К. Леонтьева о займе денег» и эти важные документы ещё ждут своего изучения.

Другой интересный момент в письме к Лепешкину — упоминание в нём видного духовного писателя и церковного деятеля Андрея Николаевича Муравьева. Посетив Святую гору в 1849 г. и приняв близко к сердцу дела Серайской келлии[19], Муравьев добился тогда у Протата (афонского органа самоуправления), её возвышения до статуса скита, и не оставлял своими заботами обитель и далее. Ему принадлежит и первое описание нового святогорского скита[20]. В 1874 г. скиту исполнялось четверть века и его насельники, естественно, чаяли видеть своего дорогого ктитора на празднике. С этой миссией в Киев, где жил тогда А.Н. Муравьев, был отправлен именно о. Дорофей. На обратном пути, будучи в Константинополе (вместе с Муравьевым), он и нашел время заняться изданием книг Леонтьева.

Для Муравьева это стало его последним путешествием — вернувшись в Киев, 18 августа 1874 г. он скончался, в возрасте 68-ми лет, успев, однако увидеть Андреевский скит процветающим и благодарно помнящим о своем ктиторе.

Отец Дорофей, очевидно, быстро овладел греческим языком. Это позволило ему установить имел тесную связь с греческими старцами, в первую очередь, со ставшим знаменитым на христианском Востоке преподобным

Вид древнего «Серайского» собора в Андреевском скиту, фото А.А. Китаева, 1996 г.

Хаджи-Георгием (1809–1886). В архиве Андреевского скита уцелели собственноручные письма подвижника, на греческом языке. В них он, часто называя о. Дорофея духовником («святой духовник папа-Дорофей, целую Вашу святую десницу»), пишет: «Такое доброе расположение, которое показал папа-Дорофей, никто другой не показал», «Обо мне узнаешь от папы-Дорофея, русского серайца, который многие годы — казначей и полу-ктитор скита. <...> Ты должен его любить, он очень хороший человек, там, где не ждешь, он приходит на помощь», «чадо мое Дорофее, что значит “данный Богом” — для бедных пустынников».

Вернемся к посланию о. Дорофея в ИППО. Его главная цель — обеспечить достойное существование «маргинальным» категориям афонцев, жившим, по разным причинам, вне больших обителей. В связи с этим он задумал через ИППО — имевшим «Богоугодною и человеколюбивою целию оказывать помощь беспомощным и облегчать труд бедствующим» — устроить в Государственном российском банке особый фонд («вечный капитал»), проценты с которого могли бы идти на поддержку нуждающихся святогорцев — каливитов и кавиотов.

Отец Дорофей изложил их проблемы: «...нелишним считаю объяснить Вам о вышесказанных отцах и их жизни, чтоб не смешивать их с афонскими келлиотами, имеющими более или менее средств и обеспечений по своему положению. Они не имеют права на пособие, а только

сиромахи-пустынники, жизнь их такая: каливит имеет в своей собственности небольшую каливу (по большой части без церквей, а некоторые с церквами) и очень малой участок земли из самой неудобной местности, совершенно бездоходной. В таких каливах более живут по одному, а редко вдвоем. Кавиот, не имеющий никакой недвижимой собственности, а имеет помещение у келлиотов за условленную цену, которую уплачивает не без труда по бедности своей. О живущих в пещерах и под камнями нечего и говорить, положение которых кажется понятно всем и каждому из нас. Все эти отцы находятся и обитают в разных местах Св. горы на монастырских участках, с ведения и благословения жителей, с непременным условием полного подчинения, повиновения и исполнения правил, постановленных с древних времен тому монастырю, в ведении которого состоит»[21].

Ради этой помощи он отказался от своей мечты устроить свою собственную каливу, а собранные для этой цели у благодетелей-соотечественников средства решил передать во вновь учреждаемый фонд: «После долгих и многих размышлений я оставил приобретение недвижимой собственности, а решился устроить следующее: видя и зная хорошо действительную нужду собратий своих иноков Св. горы, живущих вне монастырей, скитов и келий[22], решил положить основание вечного капитала в Государственный банк с правом пользования одними лишь процентами русским бедным монахам, кавиотам, каливитам и живущим в пещерах и под камнями».

Сам монах вести дела с Государственным банком не мог и обратился со своей просьбой в крупные афонские учреждения, однако «отцы обителей, объясняя свои многотрудные и многосложные обязанности по устроению и управлению своих обителей и обществ, уклонились от принятия на себя моего предложения и просьбы. Вышеизложенные причины и обстоятельства вынудили меня прибегнуть под покровительство Палестинского православного общества с покорнейшей просьбой: принять на себя обязанность после смерти моей раздачу процентов».

Одновременно о. Дорофей распространил обращение для сбора средств. В этом обращении, предназначенном для печати, участь бедных афонцев описана литературным слогом: «У всех сиромах один источник жизни — лепта, кое-когда поданная нашим поклонником, да немного сухарей, полученных в воскресный день во вратах монастырей и общежительных скитов. Вот и всё! Сколько они претерпевают бедствий, голоду, холоду, всяких невзгод, горя и скорбей известно одному Праведному Господу. <...> Еще издали Вы можете узнать этого бедняка, идущего с палкой и четками в руках, с торбиною на спине, с молитвою на устах. Он носит на себе св. ангельский образ монашеский, часто он схимник, а иногда, кроме того, облечен в сан священства. Одет в рубище, вид его кроткий, в беседе тих и молчалив. Во всем внешнем проявляется бедность, но вещественная, не духовная» [23].

Диплом одесского Братства апостола Андрея о. Дорофею 1882 г.

Отец Дорофей на склоне лет, рубеж XIX–XX вв.

Афонец тщательно продумал процедуру раздачи пособий: «На право получения пособия имеют только те места и лица, которые занесены в списки и каталоги сего учреждения [доверенный монастырь, или скит, выбранный ИППО. — *МТ*], и имеющие действительную нужду и оправдывающие свое призвание и обязанности, лежащие на них. Раздача процентов назначается однажды в год в декабре месяце. Затем могут быть исключены из списков и лишены раздачи пособия следующие: не явившиеся за получением в течение года и не уведомившие письменно о причине своей неявки; вышедшие из бедственного положения и имеющие достаточные средства к своему существованию; не оправдывающие своего призвания и обязанностей, лежащих на них по сему предмету; не уважающие сего учреждения, распространяющие неправильный слух в обществе, чем приводя в соблазн слышащих и нанося этим ущерб бедствующим людям».

Однако, как он пишет в своём послании, он и при жизни намеревался использовать проценты с учрежденного фонда для благотворительности афонцам. Иеромонах Дорофей прожил ещё долгую иноческую жизнь, и нам пока не удалось установить, осуществило ли ИППО его инициативу, однако в любом случае уверены, что он широко и разнопланово помогал всем нуждавшимся святогорцам.

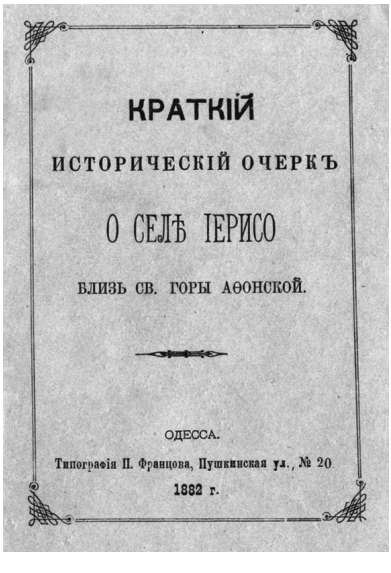
В конце нашего очерка обратимся к эпизоду с сооружением водопровода в Иерисо. Отец Дорофей, живший несколько лет в каливе близ этого села, увидев бедствие сельчан, настолько им проникся, что сумел убедить россиян присылать пожертвования. Их отзывчивость поразительна — ведь речь шла не о святой обители, или святом месте, а о простом селе, находившимся вне отечества — на территории Оттоманской империи[24]. Сооружению водопровода, благодаря о. Дорофею, стали помогать и афонские старцы, в том числе, к примеру, выше упомянутый преподобный Хаджи-Георгий.

Сохранились трогательные послания от греков к о. Дорофею, где они даже называют его «вторым Моисеем». В одном месте пишется: «О воде же местности Иерисо, знай брат Дорофей, что прошли большие дожди и наводнения, но благодать Божия сохранила водопровод и он ни в одном месте не повредился, но непрестанно течет и радует, прохлаждает путников, и ни на мгновение не престают поминать вечное Ваше имя за доброе Ваше дело, малые и великие, млады и стары, други и враги молятся нынче день и ночь Всевидящему Богу да сохранит Вас здоровым и подаст земные и небесные блага»[25].

У о. Дорофея, вне сомнения, был и дар исследователя. Часто бывая в этом скромном селе, осознав, что никто ещё не брался за его описание, пытливый святогорец составил очерк и напечатал его в виде брошюры через Одесское подворье Андреевского скита. Этот очерк остался неизвестен ни в русской, ни в греческой историографии, и поэтому мы посчитали целесообразным привести его целиком.

Приложение
Краткий исторический очерк о селе Иерисо[26] близ Св. горы Афонской[27]

Святая гора Афонская в настоящее время известна почти всему миру, как по оригинальности своих топографических условий, так и относительно своих насельников, так что даже и близлежащие местности, сопредельные Афону, исторически достопамятные, заслуживают интересного об них описания, потому что служат, если можно сказать, как бы вратами Афона, без которых и чрез которые ни один почитатель не может обойтись, проходя с континента на Св. гору: это село Иерисо.


КРАТКІЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
О СЕЛѢ ІЕРИСО
БЛИЗЪ СВ. ГОРЫ АѲОНСКОЙ.
ОДЕССА.
Типографія П. Францова, Пушкинская ул., № 20.
1882 г.

Это село находится в Европейской Турции, на перешейке, соединяющем Св. гору Афонскую с Македониею, близь древнего канала, которым Персидский царь Артаксеркс для прохода своего флота предпринимал дело, – соединить открытый Архипелаг с заливом Св. горы, как это видно из древней истории. То село во времена идолопоклонства носило название города Аканфополис[28]. Часть укрепленной его стены в развалинах видна и доныне на вершине холма, сложенная из огромных камней и без извести. Здесь же на высоте горы находится теперь храм Господень во имя Святой Троицы. По наружности трудно его различить от других утлых изб и хат прочих хозяйственных зданий бедных жителей. По преданию здешних поселян и окрестных обитателей, что будто бы св. апостол Павел во время своей Евангельской проповеди о пришествии в мир Господа нашего Иисуса Христа для спасения рода человеческого посетил это место на пути своем из города Филиппы[29] в город Солунь.

О истинности того предания мы не будем утверждать, а пусть оно остается как предание. Отсюда недалеко в пределах метоха[30] Афонского монастыря Котломуша, находится пещера, называемая Агиазма[31] св. апостола Павла, что будто бы во время проповеди св. апостола идолопоклонникам расселась земля, образовавшая пещеру, где явился небольшой источник воды, которым теперь пользуется метох. Монастырь Котломуш недавно близ этой пещеры устроил церковь во имя св. апостолов Петра и Павла. Замечательно село еще и тем, что находится в числе восьми Солунской митрополии, как Епископия. Епископии же следующие: 1-я Китрус, 2-я Камбаниас, 3-я Платамонас, 4-я Полианис, 5-я Сервион и Козанис, 6-я Петрас, 7-я Адрамериас, 8-я Иерисо и Св. гора. И так видно, что один из епископов Фессалоникской митрополии имеет и поныне титло этого бедного села.

В окружности его, не в далеких расстояниях, находятся и доныне видны полуразрушенные древние каменные пирги, т.е. башни. Что это были за здания – Бог весть... Но в настоящее время они находятся в ведении Афонских монастырей, потому что на участках их земель, а также и Провлака, т.е. следы Артаксерксова канала и до сего времени заметные не более как в получасовом расстоянии. А в восьми часах хода отсюда находится родина знаменитого в древности эллинского философа Аристотеля – учителя славного завоевателя Александра Македонского. Местность эта в настоящее время носит название Извор[32]. Всё это свидетельствует о древности оного села. Оставим прошедшее, скажем нечто о настоящем положении села.

Селение Иерисо обитаемо жителями христианского православного вероисповедания в количестве 2500 душ обоего пола, почти всех обреченных в жалкую бедность. Земли имеют весьма мало, потому что с давнего времени окружающие село земли принадлежат разным афонским обитателям, так что одного шагу вперед невозможно сделать, чтобы не стать на чуждом участке. С одной стороны, на восток, находится земля монастыря Котломуша, с запада — монастырей Ивера и лавры св. Афонасия, на север простирается море и только к югу, по гористой местности, кое-где разделаны небольшие участки по склону горы для посевов и виноградников. Промышленности и изделий жители никаких не имеют, как это можно понимать, потому что они находятся не в близком расстоянии от ближайшего к ним города, называемого Фессалоник, или просто Солоника – Солунь.

Путь до города в один конец три дня, так что для скорого обращения в дом проходит почти целая неделя. Всё остальное сопряжено с большими трудностями, как-то: повинности, налоги и пр. Относительно дров для отопления и варения пищи встречается большое затруднение: они дрова привозят на осленках из довольно дальнего расстояния и из чуждых дач, а по большей части женщины и девицы носят на своих плечах дрова

небольшими ношами. Церковь здесь очень ветхая и бедная и с наружного вида мало различается от простых хижин. Имеют же еще два небольших параклиса, т.е. тоже церкви. Но главная церковь, как уже сказано, стоит на хорошем месте, к морю, на самой возвышенности холма. Недалеко отсюда начали строить училище для обучения здешних детей грамоте; но в половине здания оно оставлено по случаю недостатка в средствах.

Причина тому служила та, что архимандрит Ананий монастыря Ватопеда обещался своими средствами окончить начатое; внезапная же и нечаянная смерть его была причиною, что обещание, к общему сожалению, не исполнилось. Так уже несколько лет стоит недоконченное начатое здание, подвергаясь разрушению от стихии. Это еще не настоящее бедствие поселян.

Самая главная и необходимейшая нужда бедных жителей состоит в недостатке воды. Хотя и есть у них небольшой колодезь в подгории села близ моря, но он очень неудовлетворителен для такого населения и путешествующих, а к тому же и вода почти на половину смешана с морскою. Вследствие обезводья они лишены и огородной овощи и произрастаний. И так, можно судить о положении бедных и несчастных жителях, не только угнетаемых бедностию нужд, но почти лишенных и самого необходимого вещества для своего жизненного существования и домашних животных. Кстати следует заметить, что этот недостаток в воде сильно ощущают и путешествующие, в особенности в летние жаркие дни, так как здесь проезжающим приходится всегда ночевать или обедать, потому что оно отстоит от первого Афонского монастыря Хилиндаря 7 часов, а от центра Св. горы, т.е. Кареи 12 часов ходу.

Все это еще не великая беда, что вода невкусна и не изобильна, или что чрез то жители лишаются какой-либо овощи на огородах без орошения водою. Но что будут делать несчастные, чего Бог да избавит, если в селе случится пожар? Пресной воды у них нет, да и до морской не близко. Огненная стихия не ждет до того времени, пока в глиняном кувшине от моря будет принесен сосуд воды на утушение огня и несколько фунтов соленой воды плеснут на пламя огня; а оно, исполняя свое назначение, поедает многолетний труд человека.

Что же остается делать и как помочь горю? От села почти в часовом расстоянии пути, на возвышенности, против сельской местности, находится очень хороший источник воды и в изобильном количестве. Давно уже жители предполагали отсюда устроить водопровод; но не имея у себя никаких средств, они встречают препятствие – исполниться оному делу. Почти можно с уверенностию сказать, что без посторонней помощи никогда не осуществится желание жаждущего населения.

Итак, эти бедняки возлагают всю свою надежду и упование на Всемогущего Бога. Как древле Господь не допустил в пустыне умереть жаждою избранный свой народ, то они веруют, что Он и в этой скорби не оставит их без утешения, но устроит и о них, им же весть Своим богатым промыслом.

Здесь не мешает привести и ту истину, что восточные христиане смотрят на русских вообще как на единственных своих и естественных покровителей и спасителей, где касается нужды и помощи. Несколько раз русские на Востоке даже и всегда заявляли себя ревностными исполнителями Евангельских заповедей в духе любви к ближнему: вера оправдывала боголюбцов, а бедных покрывала провидением Божиим. Также и в настоящем деле: молитвы и слёзы побуждают принять участие в жалкой судьбе людей сего места, чтобы привести в исполнение их заветную мечту – иметь у себя обильную воду и оттого безбедное пропитание.

Это единственное их утешение и источник, приводящий их в лучшее благоустройство. Бог да поможет!

1 Об истории Свято-Андреевского скита, см. *Талалай М., Троицкий П., Шкаровский М.* История русского Афона. Москва: Индрик, 2016. С. 129–151. После смерти в 1971 г. последнего русского насельника скита (Сампсона) двадцать лет скит пустовал, подвергаясь разного рода хищениям. В 1992 г. сюда, наконец, вселилась группа монахов-греков, однако скитский архив пребывал в плачевном состоянии, пока в 2003 г. его остатки по благословению архимандрита Ефрема, игумена Ватопедского монастыря, который является главенствующим по отношению к скиту, не были перевезены в Ватопед. С 2017 г. начался их разбор и систематизация, которые ведет монах Диадох. Пользуясь случаем, выражаю благодарность ему, а также игумену Ефрему, благословившему использование документов ватопедского «Русского архива Андреевского скита (РААС)» (таково официальное название архива) для данной статьи, которая является первой, написанной на его основе.

2 В момент написания прошения — «Православное Палестинское Общество», почётное титулование «Императорское» появилось спустя три года, в 1889 г.

3 Орфография публикуемых документов приведена к современной; раскрыты некоторые сокращения.

4 Духовник о. Иероним (Иван Соломенцов; 1803–1885) — подвижник, с именем которого связан расцвет русского монашества на Афоне. За 45 лет своего духовничества он привлек в Пантелеимонов монастырь многочисленную паству и средства, воспитал своего соратника и преемника, первого русского игумена монастыря архимандрита Макария (Сушкина) и приобрел большое влияние на духовную жизнь в самой России.

5 Отец Герасим, македонский болгарин, был избран игуменом Пантелеимонова монастыря в 1833 г. Уважаемый на Афоне старец стал известен своим ровным отношением и к русским, и к греческим насельникам монастыря, так как в ту эпоху в обители сосуществовали две фактически самостоятельные общины. Преставился в 1875 г.

6 Калива, каливка, реже калиба — малая афонская обитель, обычно без храма. Насельники калив — каливиты. Именно положение каливитов, а также кавиотов (монахов-«квартирантов») беспокоило автора послания.

7 РААС, оп. 9, фонд иеромонаха Дорофея (Кудрявцева), д. 36, док. 6949; 6950; 6951 (сохранилось три экземпляра одного и того же текста, отличающиеся незначительными редакторскими правками).

8 Архимандрит Феодорит, в миру Федор Васильевич Крестовников, — второй настоятель (дикей) Андреевского скита, с 1862 г. Скончался в Одессе в 1887 г. См. о нем: Записки о жизни и подвигах в Бозе почивших основателей Русского Свято-Андреевского общежительного скита на Святой горе Афонской иеросхимонахов Виссариона и Варсонофия и священноархимандрита Феодорита, их сотрудника и второго настоятеля скита, и некоторых других их сподвижников и собеседников, с приложением кратких сведений о нынешнем настоятеле скита иеросхимонахе Феоклите. Одесса, 1889.

9 Летопись Русского Свято-Андреевского скита на Афоне (1841–1863). Т. 1. СПб., 1911. С. 196.

10 Там же. С. 198.

11 Там же. С. 227.

12 Иеромонах Паисий (Левицкий); в 1870-х гг. нес послушание наместника скита в Санкт-Петербурге, где и скончался в 1877 г.

13 Там же. С. 253–254.

14 См. *Талалай М.Г., Яковлев Н.А.* Афонское Андреевское подворье на Песках // Петербургские чтения — 97. СПб., 1997. С. 172–175.

15 Летопись... указ. соч. С. 256.

16 В фонде иеромонаха Дорофея (Кудрявцева) — РААС, оп. 9 — сохранились сотни писем к нему от святогорцев-келлиотов, духовных лиц и мирян, многочисленных жертвователей-россиян, от брата и племянников; их изучение, вне сомнения, даст новый и обильный материал для его биографии.

17 Николай Васильевич Лепёшкин (1819–1882) — представитель одной из старейших предпринимательских династий в Москве, купец 1-й гильдии и фабрикант, гласный Московской городской думы (с 1877 г.). Был известен своим благочестием и благотворительностью. В РААС сохранилось четыре его ответных письма к о. Дорофею: оп. 9, д. 45, док. 6793–6796.

18 Публикуется по: Полное собрание сочинений и писем Константина Николаевича Леонтьева. Т. 10, кн. 2. Документы служебной деятельности. СПб., 2010. С. 579.

19 Первоначальное название Андреевского скита. Келлия (ударение на последний слог) — малая афонская обитель, с церковью, приписанная к одному из 20-ти господствующих монастырей, в то время как келья (ударение на первый слог) — комната монаха или послушника. Эти нюансы возникли в русском обиходе, в то время как у греков в слове κελλί при разных смыслах не существует разницы ни в произношении, ни в написании.

20 *Муравьев А.Н.* Новый Русский скит Святого апостола Андрея Первозванного на Афоне. СПб., 1852; изд. 2-е. 1859.

21 Автор послания перечисляет категории афонцев, живших вне монастырей и скитов: это келлиоты — из достаточно обеспеченных обителей-келлий (и поэтому не включавшиеся под опеку ИППО), и бедствующие афонцы: каливиты — из калив; кавиоты — иноки-«квартиранты», снимавшие комнаты в келлиях и не являвшиеся членами

братий; «живущие в пещерах и под камнями» (пещерники); сиромахи — скитавшиеся по Афону без постоянного места жительства. Заметим также, что иногда о. Дорофей называет сиромахами всех бедных афонцев.

22 Иногда о. Дорофей применяет написание *келия*, не удваивая «л», в то время их насельников называет всегда ке*лл*иотами.

23 Обращение к благодетелям о помощи основания в Государственном Российском банке вечного капитала для бедных русских афонских монахов // РААС, оп. 9, д. 45, док. 6952.

24 Имена некоторых жертвователей нам теперь известны из документов РААС, оп. 9, д. 45: это Елизавета Гловацкая (док. 6956); боровичевский купец Владимир Соколов Яковлевич (док. 6957); Анастасия Неклютина из Самары (док. 6958) — все пожертвования от 1883 г.

25 Так писали о. Дорофею иеромонахи Агафангел и Савва из Кариеса, которые информировали его о сооружении водопровода. Эти письма хранятся в греческом отделении РААС и имеют свою отдельную нумерацию (сравнение с Моисеем см. оп. 2, д. 3, док. 3018, а цитату см. оп. 2, д. 3, док. 3019).

26 В русском обиходе встречается разное написание греческого топонима Ιερισσός — в последнее время самым устойчивым стало Иерисос, однако встречается Иериссо, Иериссос, Иерисс.

27 Выходные данные: Одесса, типография П. Францова, Пушкинская ул., № 20, 1882 г.

28 Может быть, не он ли, упоминаемый в Деяниях св. апостолов, названный Амфиполь, глава XVII, стих 1? — *Прим. автора очерка*. Речь идет о фразе: «Пройдя через Амфиполь и Аполлонию, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога» (Деян. 17:1). В настоящее время считается, что упомянутый Амфиполь соответствует современному селу Амфиполису на месте одноименного античного города, в 80 км на северо-восток от современных Салоник.

29 На дороге, между городами Калалы и Драмою находятся одни только развалины города Филиппы, который был основан Филиппом — отцом знаменитого в древности царя Александра Македонского. Св. апостол Павел сюда, т.е. к Филиппийцам из Солуня послал послание в 4-й главе. — *Прим. автора очерка*.

30 Метохами называются имения или участки земель, принадлежащие монастырям. — *Прим. автора очерка*.

31 Агиазма есть вода, или источник, произведенный чудотворным действием. — *Прим. автора очерка*.

32 Аристотель родился в селении Стагира, иначе Стагир и Стагиры.

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

Разноцветная Палестина: колористические впечатления русских паломников XIX — начала XX в. о Святой Земле

К.Е. Балдин

Человек большую часть информации получает с помощью зрения, эта информация может быть текстовой, числовой, графической или же цветовой. В данной статье предполагается сосредоточить внимание на том, как российские православные паломники во время своих странствований по Святой Земле воспринимали природные объекты, артефакты, людей через их колористическую гамму. Цвет с точки зрения гносеологии представляет собой один из очень важных инструментов познания мира человеком. В то же время с точки зрения культурологии он является одним из ключевых культурных концептов. У каждого народа, начиная с детской стадии его развития, имеются свои предпочтительные или характерные цвета, есть они и у государств. В английском языке не случайно существует слово colours (рус. — цвета), означающее флаг, штандарт, т.е. то, на что равняются и чем гордятся. Одновременно цвет является одним из психологических концептов, который связан с эмоциями, настроениями отдельных людей, тех или иных человеческих общностей.

Статья построена на материалах паломнических текстов, созданных в течение XIX и начала XX в. Их авторы оставили довольно разнообразные и яркие описание цветовой палитры местных реалий, которые они лично наблюдали в Иерусалиме, а также в Яффе, Вифлееме, на горе Фавор, на Мертвом море и на Синае. Данное исследование представляет собой логическое продолжение нашей статьи «Звуки Святой Земли: акустическое пространство Палестины на страницах русских паломнических мемуаров XIX — начала XX вв.», которая была опубликована в 120-м выпуске Православного Палестинского Сборника, выпущенного в 2022 г.

Первые впечатления о Востоке русские паломники получали уже через сутки после отплытия из Одессы, которая была их главным отправным пунктом в Святую Землю. К этому времени русские суда, направлявшиеся

в Палестину, входили в Босфор и вставали на якорь на рейде Константинополя. «Босфор с его голубыми водами» произвел своё цветовое впечатление не только на автора этих слов — Великого Князя Сергия Александровича, он, естественно, показался удивительным и богомольцам-простолюдинам, которые впервые видели такую экзотику[1]. Действительно морской голубой цвет наглядно контрастировал и с темными водами только что пересеченного моря, которое не случайно называется Чёрным, и с Финским заливом, к серовато-свинцовому цвету которого привыкли, ехавшие на Ближний Восток петербуржцы.

Как казалось некоторым паломникам, по мере продвижения их судна вперёд цвет воды, который удивлял их уже на Босфоре, продолжал постепенно изменяться, приобретая явственный оттенок настоящей лазури. Священник из Вятки А. Трапицын свидетельствовал о том, что «морская вода в заливе и кругом всего Афона чудно-лазоревого цвета». Такой же оттенок он увидел и в море рядом с турецким городом Смирной (Измиром)[2].

Ещё один паломник, Н. Чукмалдин, уверенно утверждал: «вода в Средиземном море — чистая, прозрачная, необыкновенного ляпис-лазоревого цвета». Ляпис-лазурью в то время называли лазурит, который также именовался бухарским камнем. Это был красивый минерал, варьировавшийся по цвету от синего до голубовато-серого или зеленовато-серого. Тот же паломник заметил, что такая вода «невольно и подолгу приковывала к себе наше внимание»[3].

Если днём паломники, путешествовавшие на судах по Восточному Средиземноморью, чаще всего смотрели вниз, т.е. на морскую воду, то ночью их взоры обращался вверх, т.к. небосклон здесь был не таким, как в России: и по цвету его, и по расположению привычных созвездий. Д.Д. Смышляев, стоявший на палубе судна на рейде Хайфы, замечал: «Темнота была такая, какая свойственна только южным ночам»[4]. Впрочем, как гласит русская пословица «На вкус и цвет товарищей нет», и у Н. Чукмалдина мы видим иное описание южного неба, которое относилось к стоянке в Порт-Саиде: «Большая Медведица ярко блистала на небе; другие планеты и мириады звезд, мерцая по всему небосклону, давали ту степень мягкого южного полусвета, при котором все окружающее точно живет и дышит»[5].

Знакомство с природой Ближнего Востока начиналось уже с Бейрута — первого портового города этого региона, в гавань которого заходили многие суда, следовавшие с паломниками в Святую Землю. В.К. Каминский сообщает, что вид его «прелестный» и продолжает: «На рейде суда, за ними амфитеатром возвышаются белые здания, богато перемешанные с зеленью»[6]. Не только он, но и другие паломники отмечали, что визитной карточкой многих других портовых городов Восточного Средиземноморья является это сочетание зеленых садов и ослепительно белых домов.

От Бейрута было уже недалеко до Яффы — «ворот Палестины». Практически ни один паломник, хотя бы немного обращавший внимание в своих путевых записках на природу страны, не мог не упомянуть о её «роскошных» (это слово было очень популярным на рубеже XIX и XX вв.) зелёных садах, о которых он наверняка до этого уже читал в путеводителях или мемуарах своих предшественников.

Д.Д. Смышляев, долгое время живший в Святой Земле и хорошо знавший её буквально в деталях, пишет о «буйстве зелени» в Яффе: «Сады, находящиеся в восточной части города, поистине великолепны. Непроницаемой стеной сажени в две вышины распространяются во все стороны огромные лопасти кактусов, усеянные иглами и цветами. Над ними видна масса темно-зеленых кожистых листьев апельсиновых и лимонных деревьев, густо покрытых ароматными белыми цветами и обремененных в то же время плодами невиданной в Европе величины»[7]. Зеленый цвет в колористической символике означает не только растительный мир, но и чувство гармонии, равновесия, надежды и умиротворенности[8]. В приведенной выше цитате Д.Д. Смышляева, мы снова находим упомянутое нами выше сочетание зелёного и белого (на этот раз листьев и цветов), характерное для портовых городов этого региона. В то же время яркие оранжевые и желтые акценты плодов на зеленом фоне, как видно, не впечатлили автора, и он об этом сочетании не упоминает.

Однако другие паломники в своих писаниях не прошли мимо этого цитрусового рая. Одним из неизгладимых впечатлений, остававшихся у них от Яффы было обилие фруктов, которые значительно отличались в лучшую сторону от тех, которые можно было купить в России втридорога в магазинах, так называемых колониальных товаров. Эти фрукты особенно выделялись на зелёном фоне листвы яффских садов яркими цветовыми акцентами: «Среди этой необозримой роскошной зелени, — пишет паломник Е.Л. Марков, — горят золотыми шапками, огненными звездами <...> яблоки громадных цитронов, лимонов, апельсинов, цветы гранатника, Иудейской акации, олеандра». В своем травелоге мемуарист пользуется литературным приёмом прямого обращения к аудитории, которая, как он уверен, хорошо знает мифы древней Греции: «Поезжайте, читатель, в Яффу и убедитесь своими глазами, что золотые яблоки садов Гесперидских — не поэтическая мечта, а осязаемая действительность, доступная в наше демократическое время не только царевичам и полубогам, но и нам, прозаическим смертным»[9].

Большинство паломников попадали в Палестину через Яффу, но вполне возможным был и другой вариант — сначала побывать в Египте, поклониться там христианским святыням, а затем через Синай, где таких святынь тоже было немало, с караваном отправиться в Святую Землю по пустыне и достигнуть её не с запада, а с юга. Въезд в пределы Палестины с этого направления сопровождался резким изменением цветовой

гаммы ландшафта, т.к. Синай представлял собой гористую пустыню, а Газа, расположенная на морском побережье, являлась первым значимым палестинским городом на этом пути и в некотором роде аналогом Яффы. Один из самых известных русских паломников-мемуаристов А.Н. Муравьев, двигавшийся этим путем, разумеется, заметил контраст пустынного Синая и цветущей Газы и не мог не отразить его в своих путевых заметках: «Вся дорога живописна: поля возделаны, и весенняя зелень отрадна была взорам после горящих песков пустыни». Приведем ещё один небольшой отрывок из его воспоминаний: «Окрестности Газы самые живописные; все зелено: и поля, и холмы...»[10].

О зелёном наряде Яффы писали почти все посещавшие её паломники. Поэтому нет нужды тиражировать восторги русских путешественников, увидевших почти сразу же после высадки с парохода этот зеленый рай. В то же время, есть смысл ещё немного остановиться на зеленом наряде Газы, которой гораздо меньше повезло, чем Яффе, в отечественных источниках личного происхождения. Тем более что описание этого города, не так часто посещаемого отечественными богомольцами, принадлежит мемуаристу К.А. Соколову, который, как нам представляется, отличался, во-первых, свежим взглядом на окружающие реалии и, во-вторых, умел стилистически ярко и образно, с необычными сравнениями передать на листе бумаге то, что он видел и чем искренне восхищался. Путевые записки К.А. Соколова были опубликованы на страницах Православного Палестинского Сборника № 111, став одним из украшений этого выпуска.

Его зоркий взгляд заметил, что в общем весеннем наряде, который первоначально кажется однотонным, есть на самом деле довольно много оттенков: он увидел в этой местности «богатую и плодородную долину с её бесчисленными отливами разнообразной зелени, с её кущами тамарисков, платанов и фиговых деревьев». Как видно из этого отрывка, автор уверенно идентифицировал многие виды растительности, которые были совершенно незнакомы в России[11].

Оттенки зелёного замечены им в полях, заботливо возделанных местным арабским населением, всё это дополнялось и усиливалось ольфакторными (связанными с запахами) впечатлениями: «различные посевы, будто узоры ковра, затейливыми отливами своими невольно ласкали глаза, высокие травы дышали ароматом». В другом месте, окружавшие долину горы «богато украшенные молодой весенней зеленью», показались автору «свежим нарядом красавицы»[12].

Любопытно, что при посещении Газы у автора возникли ассоциации с виденными им пейзажами Южной России и Украины с их выбеленными известкой хатами на фоне зелени: «мы с любопытством всматривались в редкие домики, состоявшие большую часть из мазанок, тонувших в море зеленых и свежих сикоморов; мы дивились и любовались роскошной

растительностью»[13]. При чтении текста Соколова возникает впечатление, что Газа выглядит даже живописнее и зеленее, чем Яффа. На самом деле, это не так, но литературный, стилистический талант мемуариста заставляет читателя поверить в это. Кроме того, Газа в весеннем наряде кажется автору вдвойне привлекательной вследствие цветового контраста: он приехал сюда из пустынного Египта и через не менее пустынный горный Синай, «восхищаясь беспрерывно — сменяющимися картинами и осматривая в подробности малейшие оттенки этой поэтической видеописи»[14].

К.А. Соколов неоднократно пользуется методом контраста в своих воспоминаниях, повествуя о других исторических областях Святой Земли; например, о том, как бросается в глаза цветовая разница пейзажей в Иудее и лежащей к северу от неё Самарии. Относительно первой автор использует такие качественные (со знаком минус) эпитеты как «каменистая Иудея» или «грустная Иудея». В связи с этим понятной становится смена настроения путешественников, выехавших за её пределы: «Грустная Иудея была за нами — впереди лежала роскошная Самария. Мы весело вскочили на коней и понеслись по ровной благоухающей цветами долине»[15].

Действительно, Самария, в частности — местность около Наблуса показалась по сравнению с только что покинутой Иудеей воплощением земного рая, «будто испестренная дорогим ковром полевых цветов». К.А. Соколов восклицал, не сдерживая охвативших его эмоций: «...взоры наши с наслаждением переносятся с предмета на предмет, а сердце бьётся все сильнее и сильнее, пораженное торжественностью мироздания!»[16].

Методом цветового контраста пользуется в своих путевых записках также граф Н.В. Адлерберг, который, как большинство наших паломников, направлялся в Иерусалим из цветущей Яффы. Отдалившись от неё всего на несколько миль, он заметил, что роскошные сады, которыми он любовался в этом приморском городе, постепенно исчезли и дорогу окружали совершенно голые, лишённые растительности горы. Причём приглушенные сероватые краски их представлялись размытыми в «солнечном, радужном тумане» из-за нестерпимого зноя[17].

Первые впечатления от Иерусалима по мемуарам разных паломников были противоречивыми. С одной стороны, увидев Святой Град с возвышенности, они падали на колени и благодарили Бога за то, что он сподобил их достичь его святынь. С другой стороны, их ожидания не всегда соответствовали увиденной действительности. Очень восприимчивый к окружавшей цветовой гамме К.А. Соколов признался, что он на время забыл, что находится на Востоке, и ожидал увидеть нечто подобное русским святым места, куда традиционно паломничали русские богомольцы. Он предполагал «видеть что-то нечто нашего дедушки Киева, с его вызолоченными куполами, осененными блестящими крестами и его морем зелени, кокетливо опоясанный широким лентием (так возвышенно автор произносит слово «лента»

— К.Б.) светлого Днепра»[18]. Действительность оказалась совсем иной и тот же автор разочарованно восклицает: «Где та роскошная растительность Востока, столь поэтически описываемая разными странниками? Где величие храмов, обогащенных щедростью христианских Государей?»[19].

Е.Л. Марков, детально знакомясь с Иерусалимом и его окрестностями, также не обнаружил никаких признаков красочности. Вот какие впечатления у него остались от стен и башен Святого Града, построенных в Средние века: «Никаких красок, никакого разнообразия тонов и архитектурного изящества линий не увидите вы в этом <...> пейзаже». В описаниях этого мемуариста не случайно повторяется рефреном одно и то же слово: «*Серые* стены *серого* города обсыпаны кругом, по обрывам своих *серых* гор такими же *серыми* (курсив везде наш — К.Б.) могильными камнями»[20].

Тот же мемуарист с некоторым разочарованием рассказывает о настроении, охватившим его: «глаз напрасно искал какого-нибудь существа, — если не животного, то, по крайней мере, зеленого луга, — если не веселого тамариска, то хотя унылой смоковницы»[21]. Это мнение об окружающей природе и её расцветке не изменилась после того, как автор обошёл ближайшие окрестности Святого Града: «Дика и неприветлива окрестная природа в местах этих: куда не посмотрите, везде голые утесы с чернеющими пещерами, везде серые камни с пролегающей между ними дорогой в Вифанию, не гостеприимен кажется и библейски-поэтический Сион»[22]. В этих и других мемуарах причудливо переплетается радость от встречи с главными святынями Вселенского Православия и уныние от того, в каком колористическом окружении находятся эти сакральные места.

Впечатления паломников, отправлявшихся в более отдаленные окрестности Иерусалима, выглядят аналогично. Д.Д. Смышляев увидел рядом с Иерусалимом такую растительность как «чахлый терновник, пепельного цвета маслину или засохшую смоковницу». Характерно, что по его наблюдениям даже листва у дерева имела пепельную, а не зелёную окраску. Другие цветовые впечатления у него в тексте были похожими: «местность печальная, усеянная большими серыми камнями, без всякого след растительности», <...> «серые, обожженные солнцем возвышенности»[23].

К.А. Соколов и Д.Д. Смышляев были не одиноки в своих оценках окружавшей Иерусалим природы, краски которой совершенно не впечатляли русских богомольцев, тем более — по сравнение с тем, что они видели в Яффе. Паломнику из Олонецкой губернии священнику В. Крючкову окрестности Святого Града «кажутся пустыней, покрытой дикими камнями с утесами»[24]. Такое же мнение о господствующей цветовой гамме иудейских земель высказывал и такой знаток Святой Земли как архимандрит Антонин (Капустин). Увидев очень редкий в Палестине снег, выпавший в декабре 1880 г., он отмечал: «Отвыкшему от такого зрелища глазу не верилось, что перед ним, например, белеет столько знакомая, *изжелта-серая*

(курсив наш — К.Б.) Елеонская гора, для которой немыслимым представляется никакой другой цвет»[25].

Однако наши соотечественники, долго прожившие в Иерусалиме, понимали, что цвет города и его окрестностей зависел от сезонных колебаний температуры, количества осадков и т.п. Поэтому люди, приехавшие в Святую Землю в разные времена года, могли вынести отсюда разные цветовые впечатления. Те, кто прибыл сюда на Рождество или в летний зной, представляли Святой Град исключительно в пыльно-серых, песочно-охристых, и в целом — в приглушенных красках. Те же, кто приехал сюда на Воскресенье Христово, заставали в окрестностях города (правда, не везде) довольно краткое цветовое оживление природы после зимней спячки. Затем зелёные краски меркли, и природа возвращались к свой обычной гамме. К.А. Соколов по этому поводу пишет: «веселая долина Иосафатова (рядом с Иерусалимом — К.Б.) — единственная утеха взоров между каменистыми горами и ущельями — <...> теряет всю прелесть свою и, лиш`нная свежей весенней зелени, одевается грустной пожелтевшей ризой»[26].

Впрочем, внимательный глаз паломника, привыкнув к однообразию пустынной, каменистой местности, вс` же иногда замечал те или иные цветовые акценты, которые выбивались из общей довольно блеклой палитры. Одним из таких «замечательных» наблюдателей оказался игумен из Соловецкого монастыря отец Никандр. Правда, его впечатления относились не к Святой Земле в узком смысле этого священно-географического понятия, а к Синаю, который лежал на его пути в Палестину. «Прошли мимо горы, — замечал он, — с которой Моисей увидел Неопалимую Купину. Гора удивительная: сплошной камень, красный, как будто опаленный[27].

Несколькими страницами ниже, утомленный жарой, очень длительным и непривычным для него пребыванием в седле, тот же мемуарист сетует на трудности путешествия, но тут же, как бы спохватываясь и понимая неуместность для паломника жалоб на трудности, восклицает: «Но зато природой не налюбуешься! Путь все время идет между гор. Черные, желтые и красные, они отливают свинцовым блеском, точно обожженные. Везде разноцветные камешки, обязательно собираемые паломниками. Безоблачное голубое небо днем, яркие звезды ночью»[28]. Заметим, что автор, ни словом не упоминая о зелени, которой он, наверное, и не встретил во время своего синайского путешествия, находил свою цветовую прелесть в разнообразии пустынного гористого пейзажа. Это свидетельствовало о том, что очень многое зависело от субъективного настроения паломника!

В мемуарах отечественных паломников можно заметить определенную закономерность — цветовая палитра тех или иных святых мест Палестины отчасти зависела от смыслового и эмоционального содержания тех событий, которые были связаны с этими священными хронотопами. В этом отношении показательным будет сравнение Гефсиманского сада и горы Фавор.

Гефисманский сад, расположенный на окраине Иерусалима — место одновременно жизнеутверждающее и драматическое. Здесь произошло запечатленное в Евангелии чудо Гефисманской молитвы. В то же время, совершенно прав Н.Н. Лисовой, который в одной из своих последних книг назвал происходившее здесь «ночью отчаяния, овладевшего душой Сына Человеческого[29]. Соответствующим был и цвет этого сада, где происходил моление Спасителя о чаше. «Не пышен и не богат растительностью этот сад», — констатирует К. А. Соколов, увидевший его в середине XIX в.[30] Другой российский паломник Е.Л. Марков увидел в нём те же самые деревья, которые стояли здесь со времен евангельских. «Теперь во всем саду только восемь одряхлевших маслин тысячелетней давности с рассевшимися неохватными стволами и тощей седой листвой», пишет он[31]. Выражение «седой» очень показательно в этом контексте. Для других паломников их листва также совсем не казалась яркой, и они называли эту зелень «пыльной». Печальный цвет растительности в саду соответствовал происходившим здесь событиям, о которых говорит Новый Завет. Справедливости ради отметим, что католические монахи, которым принадлежала эта территория, для оживления её посадили рядом с маслинами цветы.

Довольно мрачный Гефисманский сад, связанный с одной из самых драматических, если не сказать трагических, страниц земной жизни Спасителя, представлял собой противоположность другому сакральному месту Палестины — горе Фавор. Здесь произошло Преображение Господне, когда Иисус явился своим ученикам во славе Своей. Священник Г. Корельский, служивший в Архангельской губернии и посетивший Палестину, был особенно впечатлён богатым зеленым убранством этой горы по сравнению с его родной суровой природой русского Севера: «Ни одна гора Палестины не наряжена так природой как Фавор, тут растут дуб, орешник, гранат, фисташки и множество всяких разнообразных цветов»[32].

Этому соответствовали и более ранние впечатления об этой горе; они были запечатлены в воспоминаниях А.Н. Муравьева о его путешествии по Святой Земле в 1830 г. Вот что он говорит о природном наряде Фавора при подъеме на неё: «По мере приближения к ее вершине свежее становится зелень, разнообразнее деревья». В его же путевых заметках мы читает о виде, открывшемся с вершины: «Глубоко подо мной расстилалась с трех сторон цветущая долина Ездрелонская»[33].

Разумеется, внимание мемуаристов привлекала не только природа или священные достопримечательности, но и люди, с которыми они пересекались в Святой Земле. Внимательные наблюдатели оставили свои свидетельства об общем цвете массы отечественных паломников (прежде всего — простолюдинов), ежегодно приезжавших из России в Палестину. По наблюдениям К. А. Соколова, одежду его земляков из крестьянской среды составлял «серый армяк и черная остроконечная шляпа»[34]. Д.Д. Смышляев,

побывавший в Святой Земле на двенадцать лет позже, чем К.А. Соколов, свидетельствовал о том, что общий цвет толпы русских паломников — не черно-серый, а однозначно черный и добавлял, что русские богомолки все были в черных платьях и таких же платках[35]. Два свидетельства русских паломников не противоречили друг другу, т.к. Соколов в своим мемуарах говорил, как видно из контекста, о мужчинах, а Смышляев — о женщинах, которых было больше среди паломников, чем мужчин.

Интересное наблюдение об одежде католического духовенства оставил руководитель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин). Постоянно общаясь по долгу службы с представителями других конфессий, он как бы невзначай в своем дневнике от 1857 г. сделал характерную для его дневникового стиля краткую ремарку: «Табачного цвета капуцины»[36]. Как известно, монахи, принадлежавшие к ордену капуцинов, носили одежду бурого цвета, подпоясанную веревкой. Цветовой эпитет «табачный» в данном контексте носил явно негативный характер, т.к. отношение православного духовенства к табаку было хорошо известно. В колористической символике этот цвет чаще всего окрашен негативно и обычно означает апатию, уныние, которое Русская Церковь оценивает как грех.

Полным контрастом скромным и даже аскетичным нарядам православных паломников и католических монахов выглядели наряды местных жителей, о которых поведал Е.Л. Марков. Он обратил внимание на них сразу же после высадки с парохода в Яффе. Бурнус, т.е. плащ у арабов был орнаментирован широкими черными или черно-коричневыми полосами по белому фону. Под ним был надет также полосатый халат, а под ним, в свою очередь, длинная белая рубаха и штаны. Только что попавшему в Палестину русскому паломнику при виде этой одежды сразу же пришли на память библейские реминисценции, эти дети пустыни очень напоминали ему то, о чем он читал в Библии и что видел в иллюстрациях к Ветхому Завету[37].

Эти первые этнографические впечатления усилились на родине Иисуса Христа — в Вифлееме. Об этом наглядно свидетельствует описание жителей этого города, автор посчитал местных мужчин самыми красивыми в Святой Земле: «Ярко-желтые, затканные золотом, шали были увиты на их головах в высокие живописные тюрбаны; ярко-красные и ярко-голубые куртки и туго перетянутые бешметы, расшитые золотом и разноцветными шнурками, охватывали их рослый стан, а на одно плечо были наброшены с грациозной небрежностью темные плащи на красном подбое, тоже хитро расшитые по углам»[38].

Ещё большее впечатление произвели на него вифлеемские женщины: «Они все в бархатных шапочках, густо обшитых сплошными рядами червонцев и серебряных монет. Монеты эти лентами спускаются мимо ушей, окутывают густым ожерельем шею, висят на груди. Яркие, золотом расшитые курточки плотно обхватывают высокие бюсты вифлеемок, выпуская

из-под себя еще более яркие — красные, желтые шелковые рукава»[39]. Желание палестинских арабов-христиан одеться как можно ярче объяснялось тем, что в окружавшей их природе краски были совершенно не яркими, преобладали серые, желтые, охристые и даже чёрные оттенки — цвет пустынь, полупустынь и скал. При этом нужно отметить, что яркие костюмы, о которых идёт речь в приводимых выше выдержках, были, всё же выходными, праздничными, а не повседневными.

Помимо Вифлеема, Назарета, Тивериадского озера, многие русские богомольцы отправлялись из Иерусалима на Иордан, на место Крещения Господня, а заодно осматривали Мертвое море, которое неизменно производило на них сильное и чаще всего — далеко не положительное впечатление. Большинство паломников, оставивших после себя воспоминания, отмечали его необычный цвет. Е.Л. Марков пишет, что оно «белеется издали каким-то тусклым жестяным отблеском, точно и вправду не живое, а мертвое». Через несколько страниц это описание дополняется у того же автора новыми колористическими деталями: «Оно сверкало <...> каким-то металлическим ослепительным зеркалом, <...> белоогненное, как жарко раскаленная сталь»[40].

Е.Л. Марков и другие русские путешественники хорошо знали, что с Мертвым морем связан библейский сюжет о городах Содоме и Гоморре, которые погибли за грехи их жителей и оказались на дне этого водоема. Поэтому, природная цветовая гамма всего, что окружало Мертвое море, также приобретала некий зловещий оттенок. В мемуарах А.Н. Муравьева солнце, висевшее над этим озером, показалось автору «красным раскаленным, <...> багровым шаром», лучи которого поглощала поверхность Мертвого моря[41]. В цветовой символике красный является символом воинственности, агрессивности, опасности; недаром боевая раскраска воинов далекого прошлого была красной[42].

С содомской тематикой Мертвого моря было связано ещё одно цветовое наблюдение, которое встречается в паломнических описаниях окружающей среды. Нередко во время путешествий по Палестине они видели на ветвях привлекательные с виду плоды оранжевого цвета величиной с грецкий орех. Но опытные проводники предупреждали, что эти так называемые «содомскими яблоками» ни в коем случае нельзя пробовать: в красивой оболочке они содержали вместо сочной мякоти «черную мелкую пыль отвратительного горького вкуса»[43].

Подводя итог, отметим, что далеко не все паломники, побывавшие в Святой Земле, брались за перо, чтобы отобразить свои впечатления на бумаге. В свою очередь, далеко не все авторы воспоминаний обращали своё внимание на то, какого цвета был окружавший их пейзаж или каковы были оттенки одежды местных жителей. Поэтому описания или просто краткое упоминание о колористических особенностях Палестины

встречаются не так часто, и тем более, не во всех паломнических текстах. Это же, кстати, в равной мере относится и к услышанным русскими богомольцами звуках, ощущавшимся здесь запахам и вкусам. Большинство мемуаристов считали все это чем-то несерьезным и недостойным такого серьезного жанра как паломнические мемуары.

Поэтому «разноцветные» впечатления почти не встречаются в воспоминаниях рядовых сельских батюшек, публиковавших свои доморощенные травелоги на страницах местных «Епархиальных ведомостей». Чаще их можно встретить в источниках личного происхождения, принадлежавших перу тех, для кого изложение своих мыслей и впечатлений на бумаге стало профессией. Это духовный писатель и историк церкви А.М. Муравьев, публицист Е.Л. Марков или дипломат К А. Соколов. Литературное мастерство, эмоциональная яркость изложения у названных выше и некоторых других авторов были значительно выше среднего уровня.

Первые необычные и совершенно непривычные для них впечатления ждали паломников уже на пути в Святую Землю, когда они проплывали по Мраморному, Эгейскому и Средиземному морям, вода в которых по своему оттенку существенно отличалась от той, которую они видели в Волге, Неве или Днепре.

Что касается непосредственно Палестины, то большая часть впечатлений, вынесенных из путешествий по ней, относилась к красотам природы — зеленеющим садам, суровым по окраске горам, желтым пескам пустынь и полупустынь. Всё познается в сравнении, и наши паломники обращали внимание на то, что в Святой Земле сезонная цветовая разница ощущается значительно меньше, чем в России, в то время как отдельные исторические области — Иудея, Самария, Галилея, Синай очень сильно различаются друг от друга по своей колористике. Сравнивая с Россией, они видели, что на большей части пространства их родины господствующий цвет зависит всё же от сезона, летом — он зеленый, а зимой белый.

Для внимательных наблюдателей, которые встречались среди мемуаристов, становилось ясным, что цвет может быть позитивным, а может быть и негативным. Зеленый цвет окружавшей их природа они воспринимали как родной, «дружественный» и вдобавок привычный, т.к. на родине он окружал их значительную часть года. В то же время, те краски, которые они наблюдали на Мертвом море, они воспринимали как зловещие, тем более что они совпадали с тем, что паломники знали об этом водоёме из Священного писания.

Люди часто использовали цвет для того, чтобы посредством его идентифицировать себя и сообщать окружающим какую-либо информацию. Так происходило при встречах авторов-паломников со своими земляками, а также с местными жителями. В частности тёмная, преимущественно чёрная одежда отечественных паломников свидетельствовала о том,

что они намерены во время своего странствования по Святой Земле отречься от радостей жизни, преодолеть встречавшиеся на их пути искушения и трудности. Недаром их одежда напоминала по цвету монашеские рясы. В то же время, яркие одежды арабов-христиан обозначали, с одной стороны, их стремление выделиться на фоне совсем не яркого природного окружения, а с другой стороны, подчеркнуть своё праздничное настроение, т.к. яркая одежда не являлась повседневным дресс-кодом.

В целом, цвета, которые видели российские паломники во время своих путешествий в Палестину, помогали им познать окружающую их чужеземную действительность, составить многомерную картину Святой Земли, которая затем в виде паломнических мемуаров или записок служила ориентиром для следующих поколений богомольцев, отправлявшихся на Ближний Восток.

1 «С далёких вод Востока»: письма Великого Князя Сергия Александровича к княгине С.Н. Голициной о поездке на Восток (1888 г.) // Православный Палестинский Сборник. Вып. 111. М.., 2015. С. 222.

2 Трапицын А. Из впечатлений паломника в Святую землю // Вятские епархиальные ведомости. 1895. № 6. С. 198; 1895. № 8. С. 293.

3 Чукмалдин Н. Путевые очерки Палестины и Египта. Екатеринбург, 1899. С. 12.

4 Смышляев Д.Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М., 2008. С. 241.

5 Чукмалдин Н. Указ. соч. С. 35.

6 Каминский В.К. Четвертый путь в Иерусалим // Православный Палестинской Сборник. Вып. 109. М., 2014. С. 294.

7 Смышляев Д.Д. Указ. соч. С. 55–56.

8 Символика цвета URL: http//www/.ocvete.ru/psixologija-cveta/simvolika-cxeta.html (дата обращения: 2.02.2023).

9 Марков Е.Л. Путешествие по Святой Земле. СПб., 1891. С. 15, 16.

10 Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам в 1830 году. М., 2007. С. 139, 140.

11 Соколов К.А. Путевые впечатления по Палестине и Сирии весной 1853 г. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 111. М., 2015. С. 18.

12 Там же. С. 19, 21.

13 Там же. С. 19.

14 Там же. С. 21.

15 Там же. С. 72.

16 Там же. С. 74.

17 Адлерберг Н.В. Из Рима в Иерусалим. М., 2008. С. 111, 117.

18 Соколов К.А. Указ. соч. С. 35

19 Там же.

20 Марков Е.Л. Указ. соч. С. 78–79.

21 Соколов К.А. Указ. соч. С. 33.

[22] Там же. С. 53.

[23] Смышляев Д.Д. Указ. соч. С. 59, 141, 183.

[24] Крючков В. Из воспоминаний о путешествии в Святую землю // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 6. С. 134.

[25] Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891 гг. М., 2010. С. 266.

[26] Соколов К.А. Указ. соч. С. 67.

[27] Из заметок о путешествии на Ближний Восток игумена Никандра, состоявшего в братстве Соловецкого монастыря // Архангельские епархиальные ведомости. 1913. № 18. С. 507.

[28] Там же. С. 511.

[29] Лисовой Н.Н. Святая Земля: история и наследие. Православный путеводитель. М.-СПб., 2017. С. 180.

[30] Соколов К. А. Указ. соч. С. 47.

[31] Марков Е.Л. Указ. соч. С. 98.

[32] Корельский Г. Воспоминания о путешествии по Святой Земле // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 18. С. 525.

[33] Муравьев А.Н. Указ. соч. С. 243.

[34] Соколов К.А. Указ. соч. С. 38.

[35] Смышляев Д.Д. Указ. соч. С. 177.

[36] Антонин (Капустин). Указ. соч. С. 410.

[37] Марков Е.Л. Указ. соч. С. 9.

[38] Там же. С. 183.

[39] Там же. С. 70.

[40] Там же. С. 222, 246.

[41] Муравьев А. Н. Указ. соч. С. 158.

[42] Психология цвета. Символика цвета URL: http//www/.livemaster.ru/topic/927725-psihologiya-tsveta-simvolika-tsveta-tsvet-i-harak (дата обращения: 2.02.2023).

[43] Смышляев Д. Д. Указ. соч. С. 163–164.

Путешествия царского посла Ивана Петровича Новосильцева в Царьград в 1567–1570 гг.

С.Ю. Житенёв

Из документов, связанных с историей русского православного паломничества и отечественной дипломатии XVI в., мы узнаём о двух путешествиях в Константинополь русского дворянина Ивана Петровича Новосильцова[1], посла Царя Ивана Васильевича Грозного[2].

Своей грамотой [3] Царь Иван Васильевич извещал Святейшего Константинопольского Патриарха Митрофана[4] о том, что в 1567 г. из Москвы в Царьград был послан русский посол И.П. Новосильцов. Московский посол должен был отвезти грамоту Царя к Патриарху с извещением о смерти Высокопреосвященного Иоасафа[5], митрополита Кизического и Евгрипского, в Грузии и о насильственном изъятии грузинским князем Леоном русской царской милостыни, предназначенной для участников церковного Собора в Константинополе, который принял решение о выдаче благословенной грамоты, признающей законность венчания на царство Ивана Васильевича Грозного. По всей вероятности, сложная дипломатическая поездка Ивана Петровича к Константинопольскому Патриарху Митрофану закончилась успешно, и он благополучно вернулся в Московское царство, а его отчёт был благосклонно принят Царём Иваном Васильевичем, который принял решение направить его вновь в Царьград в октябре 1569 г., но уже на переговоры с султаном Османской Порты Селимом II[6].

Дипломатическое путешествие царского посла И.П. Новосильцова в Константинополь состоялось в январе-сентябре 1570 г. В состав посольства входили: царский посол Иван Петрович Новосильцов и его сын, а также подьячий Постник Износков, Девлет Хозя (возможно, толмач) и кречетник, который сопровождал и ухаживал за кречетом, предназначенным в подарок султану. Учитывая высокий статус государева посольства, его участников сопровождали слуги и охрана.

Основной целью посольства И.П. Новосильцева было поздравление султана Селима II с восшествием на престол и установление дипломатических отношений между Московским царством и Османской империей, что было, конечно, только предлогом для направления русского посла в Царьград. При этом важно отметить, что Селим II стал султаном Османской Порты ещё в 1566 г., но до 1570 г. дипломатических отношений с ним царь Иван Васильевич не устанавливал. Кстати сказать, со стороны султана Селима инициативы по установлению дипломатических отношений с Царём Иваном Грозным до этого времени также не было. Более того османские войска в 1569 г. неожиданно для Московского царства напали на Астрахань, которая не так давно, в 1554–1556 гг., была завоёвана русской армией и присоединена к России. Нападение на Астрахань не имело успеха для османского войска, которое было вынуждено отступить в Крым. В связи с этим Османская Порта ожидала ответных действий Московского царства.

Таким образом, направление в Царьград русского посольства во главе с И.П. Новосильцевым было вызвано желанием Царя Ивана IV урегулировать межгосударственные отношения с султаном Селимом. Это объясняется тем, что, занятый ведением Ливонской войны[7], Царь Иван Грозный не имел возможности иметь одновременно военный конфликт, и на юге, и на севере своей державы. Итак, главной целью царского посольства в Константинополь являлось установление не только дипломатических контактов, а, что самое главное, понять, готов ли султан пойти на создание мирных отношений между Московским царством и Османской империей. Также необходимо отметить, что кроме двух главных целей перед участниками посольства, безусловно, стояла задача поклониться святым местам Вселенского Православия, который находились в Царьграде, потому что они были сугубо верующими людьми и подданными единственного в то время в мире Православного царства.

Из Москвы посольство выехало в январе 1570 г. и направилось город Рыльск[8], откуда далее двигалось, обходя известные военно-торговые пути, находившиеся под контролем крымских татар, на Азов[9]. В статейном списке[10] И.П. Новосильцова само путешествие царского посольства было отражено достаточно подробно, что не всегда встречалось в дипломатических отчётах того времени. «Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Руси послал Ивана Новосильцева во Царьгород для своего государева дела к брату своему к Селим-султану. А велел ему идти на Рылеск, из Рыльска на Азов. А дело государево велено Ивану ведать и беречи о всем по государеву наказу»[11]. При подъезде к Азову царское посольство торжественно встретили представители османской администрации в сопровождении янычар на двух судах, с которых салютовали им из пушек и играли на музыкальных инструментах. Во время передвижения по территории Московского царства от Рыльска и вплоть османских владений в Крыму, охрану

русского посольства осуществляли пятьдесят донских казаков во главе с атаманом Михаилом Черкашениным[12].

Из Азова государево посольство направилось на корабле в Кафу и по пути остановилось в Керчи. В Кафе царский посол И.П. Новосильцов и сопровождающие его лица располагались на большом подворье, которое было специально подготовлено для русского посольства. В Кафе Ивану Петровичу был оказан радушный приём со стороны Касим-бека, главы османской администрации. Из Кафы на корабле, который был прислан специально для русского посольства, И.П. Новосильцов и его люди направились по морю в Царьград. Они пересекли Чёрное море и прибыли к Босфору на третью неделю Петрова поста, что соответствовало 4 июня 1570 г. Таким образом, царское посольство добиралось из Москвы в Царьград почти полгода.

На следующий день корабль дошёл до Константинополя, члены русского посольства вышли на берег и направились в специально подготовленное для них подворье, которое в статейном списке было названо «посольским двором». Иван Петрович отметил в своём дневнике, что «салтановы люди никаких пошлин не спрашивали»[13]. После прибытия государев посол получил в подарок от султана ковёр с суконной подстилкой, ему и сопровождающим его лицам стали присылать ежедневно еду и напитки, и они были предоставлены сами себе в течение трёх дней. Можно предположить, что в эти дни глубоко верующие члены посольства смогли поклониться святым местам Вселенского Православия, находившимся в Константинополе.

На третий день пребывания в столице Османской империи Иван Петрович совершил визит к великому визирю Мухаммеду Соколи, который принял его и всех членов посольства в своём дворце. Великого визиря интересовало содержание письма Царя Ивана Грозного к султану Селиму, а также намерения в развитии отношений между двумя государствами. Аналогичные вопросы задавали русскому послу другие паши, которых он посетил. Однако И.П. Новосильцов письмо не показывал и убеждал собеседников, что первым его должен прочесть султан Селим. В письме, посланном с И.П. Новосильцевым, Царь Иван IV предлагал султану восстановить прежние дружеские отношения между двумя государствами[14].

10 июня 1570 г., в субботу, султан Селим в своём дворце торжественно принял посольство Царя Ивана IV Васильевича Грозного, церемония была тщательно и подробно отражена в статейном списке. На церемонии были вручены царские подарки, которые включали: сорок соболей, зуб рыбий (моржовый клык) и кречеты, обученные для охоты. Во время личного приёма И.П. Новосельцов с поклоном передал царское письмо султану, при этом на колени перед ним не опустился. Переводчики султана не смогли сразу перевести текст государева письма, поэтому на следующий день, на посольский двор приехали представители султана и попросили русского посла помочь

им перевести царский текст, чтобы точно изложить его содержание. Помощь была оказана, текст был точно переведён и доложен султану Селиму, который, поняв его миролюбивый характер, остался чрезвычайно доволен.

Почти два месяца потребовалось османской администрации, чтобы подготовить Царю Ивану Васильевичу ответ султана Селима, в котором он фактически отказывался от претензий на Астрахань, а также просил открыть астраханскую дорогу для мусульман-паломников в Мекку и Медину и изложил ещё ряд других требований[15]. Султанскую грамоту И.П. Новосильцов получил 30 июля 1570 г. и уже 2 августа русское посольство погрузилось на корабль и покинуло Константинополь, взяв курс на Кафу, откуда оно благополучно дошло до Дона, а затем через Переволоки[16] добралось до Волги, далее путь лежал на Москву.

Посольство Ивана Петровича Новосильцова благополучно вернулось в Москву осенью 1570 г. Посол доложил о поездке Государю и написал статейный список, из которого стало известно о его путешествии в Константинополь, где благочестивый русский дворянин поклонился цареградским святым местам и с честью выполнил важное дипломатическое поручение Царя Ивана IV Васильевича Грозного.

Дипломатические и государственные заслуги И.П. Новосильцова были высоко оценены Государем. В 1577 г. Иван Петрович был назначен постельничим[17] Царя Ивана IV Васильевича Грозного, а затем руководил Казённым двором[18], а в 1579 г. был поставлен во главе Печатного приказа[19].

Литература

Данциг Б.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965. — 272 с.

Житенёв С.Ю. История русского православного паломничества в X–XVII веках. М.: Издательство «Индрик». — 480 с., илл.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. — 510 с.

Рогожкин Н.М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003. — 432 с.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Под. ред. Д.С. Лихачёва. Л., 1979.- 431 с.

Путешествия русских послов в XVI–XVII вв. Статейные списки. Отв. ред. Д.С. Лихачёв. СПб., 2008. — 504 с.

Россия и греческий мир в XVI веке. Отв. ред. С.М. Каштанов. Т. 1. М., 2004. — 527 с.

[1] **Новосильцов Иван Петрович** (пер. пол. — втор. пол. XVI в.), царский посол, московский дворянин, имел прозвище Салтык, происходил из древнего дворянского рода (фамилия в разных источниках иногда пишется Новосильцев). Он был опытным дипломатом и доверенным лицом Государя, в 1564–1565 гг. он вёл переговоры с черкасским

(кабардинским) князем Темрюком Айдаровичем о свадьбе его дочери с русским Царём. В 1567–1568 и 1570 гг. И.П. Новосильцов ездил в качестве царского посла в Константинополь. В 1577 г. он был назначен постельничим Царя Ивана IV Васильевича Грозного, а затем руководил Казённым двором и в 1579 г. был поставлен во главе Печатного приказа.

2 **Иван IV Васильевич** (1530–1584), Великий Князь Московский в 1533–1547 гг., первый русский Царь в 1547–1584 гг. Старший сын Великого Князя Московского Василия III Ивановича и Великой Княгини Елены Васильевны Глинской. При нём начался созыв Земских соборов, составлен Судебник 1550 г. проведены реформы военной службы, судебной системы, государственного управления. Были покорены Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, присоединены Башкирия, часть земель Ногайской Орды. Таким образом, к завершению его царствования Россия стала размером больше всей остальной Европы. Автор значительного литературного наследия.

3 *Россия и греческий мир* в XVI веке. Отв. ред. С.М. Каштанов. Т. 1. М., 2004. С. 291.

4 **Митрофан III**, Патриарх Константинопольский в 1565–1572 и 1579–1580 гг.

5 **Иоасаф** (†1565), митрополит Евгрипский (Европский) и Кизический, посол в Москве в 1556 и 1561 гг. Патриархов Константинопольских Дионисия II и Иоасафа II. В 1557 г. он вместе с русским посольством во главе с архимандритом Феодоритом совершил путешествие из Москвы в Константинополь. В 1560 г. митрополит Иоасаф принимал участие в церковном Соборе, состоявшемся в Константинополе, на котором было признано законным венчание Московского Великого Князя Ивана IV Васильевича на царство. В 1561 г. он прибыл в Москву с грамотами Патриарха Иоасафа, подтверждающими царственную власть Ивана Грозного, однако радость от его приезда была омрачена тем обстоятельством, что в Литве патриаршего посла заставили целовать крест польскому королю. Это событие вызвало в Москве раздражение и повлекло по приезде митрополита разбирательство. Митрополит Иоасаф оправдался в глазах Царя Ивана Васильевича и был отпущен в 1564 г. с подарками и охранными грамотами в Константинополь. Однако обратный путь он решил держать не через польские владения, а через грузинские земли, где митрополит Иоасаф скончался от болезни, находясь в гостях у грузинского князя Леона, который после его смерти незаконно присвоил себе царские милостинные деньги, предназначенные для Константинопольского Патриарха.

6 **Селим II** (1524–1574), султан Османской империи в 1566–1574 гг.

7 **Ливонская война**, многолетние военные действия, которые велись в 1558–1583 гг. Московским царством с Ливонской конфедерацией, Речью Посполитой, Шведским и Датским королевствами.

8 **Рыльск**, древний русский город-крепость, расположенный на обоих берегах р. Сейм (бассейн Днепра), в 124 км к западу от Курска. Рыльск впервые упоминается в летописи под 1152 г., когда он входил в состав Новгород-Северского княжества. К концу XII в. он стал центром удельного Рыльского княжества, с 1522 г. вошёл в состав Московского Великого княжества. В настоящее время город в Курской обл. Российской Федерации, административный центр Рыльского р-на.

9 **Азов** (Тана), древнейший город-крепость и порт Северного Причерноморья, расположенный на левом берегу р. Дон, в 7 км от впадения его в Таганрогский залив Азовского моря. Город возник на месте античного поселения, носившего имя Тана. В X–XI вв. крепость входила в состав древнерусского Тмутараканского княжества. Ок. 1067 г. при захвате половцами Приазовья в этих местах был убит половецкий князь Азун (Азув), по имени которого и был назван город. По другой версии, наименование города происходит от тюркского слова «азак» («адак»), обозначающего устье реки или болотистое место. Через город Азак, расцвет которого относят к XIII в., проходил один из маршрутов Великого шёлкового пути из Китая в Европу. В XIII–XIV вв. город контролировался ханами Золотой Орды. В 1395 г., во время разгрома Золотой Орды войсками эмира Тамерлана, город был разрушен. В 1471 г. город захватили турки-османы, которые сделали из него мощную крепость, имевшую стратегическое значение и ставшую важным центром работорговли в Северном Причерноморье в XV–XVII вв. В 1637 г. донские казаки штурмом овладели Азовом. В 1641–1642 гг., несмотря на мощную и длительную осаду османских войск, казаки Азов не сдали, отбив все нападения противника. Донские казаки самостоятельно покинули разрушенный полностью город. Османские власти, после возвращения города, долго и основательно его укрепляли, превратив в первоклассную крепость. В 1696 г. во время первого Азовского похода русские сухопутные войска во главе с Царём Петром I Алексеевичем не смогли взять штурмом турецкие укрепления Азова. В 1697 г. русские войска, при содействии кораблей первой отечественной Азовской флотилии, захватили город-крепость. В настоящее время Азов является районным центром Ростовской обл. Российской Федерации.

10 **Статейный список**, вид официальной государственной документации в русском государственном делопроизводстве в XV — пер. четв. XVIII вв. Статейные списки составлялись по статьям или отдельным вопросам для доклада Царю или рассмотрения на заседании Боярской Думы. Наибольшее распространение они получили в дипломатической практике, став официальными отчётами русских послов об их поездках и переговорах в зарубежных государствах, а также — записями о приёме иностранных послов в Москве. Статейные списки возникли в XV в. как «грамоты с вестями», посылавшиеся послами в Москву о ходе ведения переговоров. В сер. XVI в. они приобрели форму заключительных отчётов-дневников русских посланников о зарубежных поездках.

11 *Путешествия русских послов* в XVI–XVII вв. Статейные списки. Отв. ред. Д.С. Лихачёв. СПб., 2008. С. 63.

12 **Черкашенин Михаил** (†1581), атаман донских казаков в период правления Царя Ивана IV Васильевича Грозного. Впервые упомянут в источниках в 1548 г. В 1559 г. казаки под командованием М. Черкашенина разгромили крымских татар в верховьях Северного Донца и прислал пленных в Москву. В 1570 г. отряд донских казаков во главе с М. Черкашениным сопровождал царского посла И.П. Новосильцева от Рыльска до Азова. В 1572 г. казаки под предводительством М. Черкашенина участвовали в знаменитом и победоносном для русских войск сражении при Молодях в составе Большого полка. В 1581 г. М. Черкашенин с донскими казаками участвовал в героической обороне Пскова от польских войск короля Стефана Батория, город отстояли, но атаман погиб в бою.

13 *Путешествия русских послов*... С. 73.

14 ЦГАДА. Турецкого двора книга, № 2, л. 3.

15 ЦГАДА. Турецкого двора книга, № 2, л. 56.

16 **Переволока** (царицынский перевоз), древний торгово-военный путь, идущий по кратчайшему расстоянию (около 70 км) между Волгой и Доном на территории современной Волгоградской обл., на котором грузы и корабли перетаскивались вручную или с помощью гужевого транспорта. Существовал с I тыс. по Р.Х. до 1952 г.

17 **Постельничий**, древний русский дворцовый, затем придворный чин, ведавший государевой постелью и известный под именем подкладника с XV в. Постельничий получил в иерархии русских придворных чинов место за оружничим. Он заведовал бытом царской семьи: спальней и бельём, одеждой и посудой, организацией отдыха и баней, а также — личной государевой казной, хранил царскую печать и часто заведовал канцелярией. Постельничий сопровождал Государя во время торжественных мероприятий и следил, чтобы стул или кресло, скамейка под ноги и другие необходимые вещи были к услугам Царя. Постельничие обычно входили в число особо приближённых советников Государя, оказывали влияние на его деятельность и, как правило, были из близких к Царю бояр и дворян. Чин существовал до конца XVII в.

18 **Казённый двор**, впоследствии был назван Казённым приказом, один из дворцовых приказов, образованный ок. 1495 г. и ведавший великокняжеской кладовой, где хранилась денежная казна Государя, золотые и серебряные изделия, драгоценные вещи, особо ценные подарки, иконы в дорогих оправах, парадные одежды, шубы и пушнина ценных пород зверей. Казённый приказ был главным государственным финансовым учреждением в Московском царстве, а до этого в Великом княжестве Московском, его возглавлял казначей, заведовавший Казённым двором. Казённый приказ размещался в Московском Кремле рядом с Благовещенским собором.

19 **Печатный приказ**, существовал в Московском царстве с середины XVI по начало XVIII вв. и управлял печатным делом, т.е. печатанием книг. Приказ появился при Царе Иване IV Васильевиче Грозном, вместе с появлением в 1553–1558 гг. в Москве Печатного двора, который находился в его подчинении. Приказ также назывался «Приказ о Печатном дворе», он упоминался в записных книгах в 1665–1686 гг. С учреждением Святейшего Синода в 1721 г. Печатный приказ был реорганизован в Контору Московской синодальной типографии, которые располагались в Москве и Санкт-Петербурге.

Документы МИД Российской Империи о сборах на турецкий флот с проживающих в Турции паломников и туристов (1914)

Е.И. Малето

Одной из важных задач внешней политики России на Православном Востоке на протяжении нескольких столетий было обеспечение возможности русским паломникам (духовным лицам, дворянам, купцам, мещанам, крестьянам) идти на поклонение к святым местам. Об этом красноречиво свидетельствуют соответствующие статьи международных договоров, начиная с XVIII столетия и позднее: (Кючук-Кайнаджирский договор — 1774.г; Ясский — 1792; Бухарестский — 1812; Адрианопольский — 1829; Берлинский — 1878 г. и других).

В силу исторической традиции и геополитических интересов Российской Империи приоритетным направлением российской «восточной политики» стали отношения с её ближайшим южным соседом — Османской империей.

Выход России в XIX–XX вв. к рубежам Османской империи и активизация политики Русского правительства на Ближнем и Среднем Востоке обусловили необходимость налаживания международных не только политических, но и культурных контактов. После неблагоприятных для России итогов Крымской войны 1853–1856 гг., члены правящего дома Романовых (великий князь Константин Николаевич и другие участники августейших паломничеств на Восток 1859 г.) сосредоточили свои усилия на решении вопросов, направленных на формирование сферы собственно российских интересов в Святой Земле, тесно связанных с приобретением Россией участков земли для возведения собственного комплекса построек: здания консульства, Троицкого собора, Русской Духовной Миссии, мужского и женского паломнических подворий в Иерусалиме. Наиболее удобным средством для этого стало русское паломничество.

Стояла задача сделать его массовым, создать соответствующую инфраструктуру в странах зарубежного Востока, обслуживающую ее

транспортно-коммуникационную систему в Черном и Средиземном морях (в частности, проторить путь русских паломников из Одессы на пароходах до Александрии и Яффы в Иерусалим, а также через Константинополь в Иерусалим). На это были направлены уже со второй половины XIX столетия и позднее усилия не только дипломатов МИД Российской Империи, но и сотрудников Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), образованного в 1882 г. под председательством и покровительством Великого Князя Сергия Александровича, в уставе которого была записана задача содействия паломничеству и гуманитарно-просветительское сотрудничество с народами Библейского региона.

Документы архива МИД Российской Империи, в частности, дипломатическая переписка между представителями Императорского посольства и посла в Константинополе М.Н. Гирса с турецкой стороной и Вице-Председателем ИППО А.А. Ширинским-Шихматовым проливают свет на детали пребывания русских паломников в Турции в начале XX в. и о трудностях, с которыми им приходилось сталкиваться. Неправомерные поборы с русских богомольцев со стороны Османской Порты, её попытки откровенно заработать на массовом русском паломничестве к святым местам Православного Востока в начале XX столетия, привели к ответным шагам со стороны дипломатических и общественных структур России, которые важны для нас в историческом контексте. Поэтому обратимся непосредственно к документам, сохранившимся в фондах Архива внешней политики Российской империи (г. Москва) — АВПРИ [1, лл. 1–10].

Так, из копии письма Императорского посла в Константинополе Вице-Председателю ИППО от 18 июня 1914 года за № 755 мы узнаем о попытках русских дипломатов в Константинополе обратить внимание Оттоманского правительства на желательность возвращения к старому порядку взимания за визу паломнических паспортов по 2 рубля вместо установленной таксы в 4 рубля [2, там же. лл. 2.–2-об.]. «...Великий визирь, отмечает русский посол, — согласившись в принципе с моими доводами, высказал мнение, что т.к. новый тариф установлен законодательным порядком, то и изменение его должно произойти тем же порядком, и обещал внести в Парламент, при происходящем ныне рассмотрении бюджета, предложение о взимании за визу паломнических паспортов прежнего тарифа в 2 рубля. О последующем решении сего вопроса я не премину поставить в известность Ваше сиятельство».

«Что касается сборов с паломников в пользу турецкого флота, то таковые сборы вполне незаконны и паломники не обязаны их уплачивать и, в частности, в Кайфе, как явствует из прилагаемого при сем в копии донесения нашего вице-консула от 19 минувшаго марта за № 173 эти сборы, благодаря его протесту были прекращены. Из того же донесения явствует, что сбор в 4 металлика при выезде из Кайфскаго Порта взимается

с каждого пассажирскаго места в пользу состоящей при таможне артели носильщиков и добиться отмены этого сбора, уплачиваемого иностранцами всех национальностей, не представляется возможным». «...Наконец, по вопросу о взимании в Порт-Саиде санитарного сбора в размере 6 египетских пиастров с каждого паломника, считаю долгом отметить, что означенный сбор мог быть установлен Египетским международным Санитарным Советом или Египетским правительством, вследствие чего, для переговоров об его отмене, было бы удобнее обратиться к нашему посланнику в Каире».

Конкретизируются эти требования и в других архивных документах. Один из них написан на бланке ИППО Вице-Председателем от 28 февраля 1914 г. № 325, Санкт-Петербург, его Высокопревосходительству М.Н. Гирсу и свидетельствует о роли Императорского Православного Палестинского Общества в отстаивании интересов русского православия на Востоке. [3, там же, лл. 4–4 об.]

«Милостивый Государь Михаил Николаевич! Получив срочное донесение уполномоченного ИППО в Одессе статскаго советника Осипова о том, что местное турецкое Генеральное Консульство начиная с 01 марта с.г., согласно п. 4. ст. 1. временных правил, утвержденных султанским ираде (тур. irade — букв. — воля, желание или указ султана — *Е.М.*), будет взимать со всех без исключения лиц едущих из России в пределы Турции, а следовательно и с русских богомольцев, направляющихся ко святым местам Востока, за визу заграничных паспортов 4 рубля вместо уплачиваемых доселе 2 рубля, я позволил себе отправить вчера Вашему Превосходительству телеграмму следующего содержания: Палестинское общество убедительно просит настоять пред Портою об отмене данного турецкому консульству в Одессе распоряжения взимать с русских паломников за визирование заграничного паспорта 4 рубля вместо прежних двух. Такое неожиданное распоряжение, состоявшееся, по видимому, без предварительнаго соглашения с Русским Императорским правительством, и тяжелым бременем ложащееся на большею частью неимущих русских паломников и в настоящее время платящих слишком высокий сбор за визу паспортов побуждает меня, в дополнение к телеграмме, еще раз убедительно просить Ваше Превосходительство войти с представлением к Оттоманскому Правительству о возможно скорейшей отмене данного Турецким консулам в России предписания взимать по 4 рубля за визирование каждаго паломническаго паспорта и чтобы на будущее время эти льготные паспорта для отбывающих по святым местам Востока русских богомольцев визировались по прежнему турецкими консулами как в Одессе, так и в других русских портах Чернаго моря с платою по 2 рубля. Одновременно с сим..., считаю своим долгом довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, что согласно полученным с места донесениям представителей Палестинскаго общества, за последнее время к русским паломникам, путешествующим

в пределах Турции, предъявляют требования об уплате доселе не существовавших сборов, например, в Кайфе с русских паломников настойчиво взыскивают налог на сооружение Турецкаго военнаго флота — при съезде на берег по 1 бешлыку и при выезде из порта — по 4 металлика с каждаго паломника, затем в Порт-Саиде — установлен санитарный сбор в размере 6 египетских пиастров с каждаго паломника, хотя в настоящее время никаких карантинов не существует, при чем этот последний сбор во время последнего январскаго путешествия 43 паломников на Синай, вследствие возникших пререканий с проводником общества, был уменьшен до 3 пиастров. Так как можно предположить, что оба эти сбора установлены по почину местной турецкой администрации, без официальнаго предписания Турецкаго правительства, то не признаете ли Ваше Высоко превосходительство возможным выяснить этот весьма важный вопрос и освободить русских паломников от незаконных сборов».

Сохранившаяся дипломатическая переписка показывает, что усилия русских дипломатов по отстаиванию интересов русских паломников не прошли даром и имели свои конкретные результаты, косвенно отражающие профессионализм и авторитет русской имперской дипломатии в мире. О них подробно сообщается в копии донесения Управляющего Императорским Российским Вице-консульством в Кайфе, вице-консула в Яффе, в Императорское Посольство в Константинополе от 19 марта 1914 года за № 173., № 174

«В начале января с.г., указано в документе — Кайфские власти установили по предписанию Бейрутскаго Генерал-Губернатора, сбор на усиление турецкаго флота в размере 1 бешлыка с каждаго приезжающаго в Кайфу морем пассажира. Узнав об этом, я не замедлил протестовать сначала устно, а затем и письменно (15 января) пред Кайфским Каймакамом против взимания упомянутого сбора с русско-подданных вообще. Результатом моего протеста было официальное приказание Каймакама местной полиции прекратить взимание этого сбора с русских подданных и, насколько мне известно, приказание это было выполнено в точности..., по крайней мере, жалоб со стороны наших паломников ко мне с тех пор не поступало.

Что же касается сбора в 4 металлика, то таковой взимается здесь по установившемуся обычаю, с каждаго места пассажирскаго багажа в пользу состоящей при таможне артели носильщиков, и добиться отмены этого сбора трудно, ибо его платят в Кайфе все пассажиры, в т.ч. иностранцы всех национальностей. К сему считаю долгом присовокупить, что для предупреждения всегда возможных случаев недоразумений между не знающими местнаго языка нашими паломниками и местными лодочниками, носильщиками и проч. являлось бы весьма желательным, чтобы Кайфское подворье ИППО имело особаго служащаго для встречи наших паломников на пароходе или на пристани, знающего русский и арабский

языки и могущаго руководить ими на берегу, а не просто лодочника-араба, как это теперь... О всем вышеизложенном я уже уведомил секретаря ИППО действительнаго статского советника Дмитриевскаго письмом от 9 сего марта за № 143 в ответ на его запрос по данному вопросу от 22 минувшаго февраля за № 298. Донося о сем, позволяю себе почтительнейше ходатайствовать о настояниях Императорскаго Посольства на принятии ИППО вышеупомянутых мер в интересах наших православных паломников» [4, там же. л. 6–6 об., лл. 7–10].

Как было показано, архивы сохранили для нас бесценные документальные образцы совместной дипломатической работы МИДа Российской Империи, Императорского Православного Палестинского Общества и их представителей, работавших на рубеже XIX–XX вв. Накопленный тогда опыт важен и сегодня: он востребован, прежде всего, теми, кто любит Россию, её историю и обеспокоен судьбами Восточного Православия и православных людей в мире.

Библиография

1. Архив внешней политики Российской империи — АВПРИ, ф. 142 (Греческий стол) оп. 497. д. № 499, лл. 1–10.
2. Там же, лл. 2–2-об.
3. Там же, лл. 4–4 об.
4. Там же. л. 6–6 об., лл. 7–10.

Паломничество жителей Терской области во Святую Землю, организация и деятельность Владикавказского отдела Императорского Православного Палестинского Общества*

И.Г. Шарков

Для понимания особенностей деятельности отдела Императорского Православного Палестинского Общества во Владикавказе и во всей Терской области Российской Империи в начале XX века необходимо рассмотреть социально-политические и культурно-исторические условия этого южного региона соответствующего времени.

В начале XX столетия Терская область, в которую входили нынешние республики Северная Осетия-Алания, Чечня, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, части Дагестана и Ставропольского края представляла собой пёстрый в национальном отношении регион России, обладавший значительной культурной и религиозной спецификой и особенностями социального развития. Русский, осетинский и другие северокавказские народы уже имели значительный исторический опыт общения, основанный на созидательном и мирном совместном проживании.

На 1 января 1911 г. (года открытия Владикавказского отдела ИППО) в Терской области проживало 1 170 829 душ обоего пола, из коих было войскового сословия 229 620 и невойскового — 941 209 душ. В столице региона Владикавказе проживало 74 002 человека, все из невойскового сословия, то есть не принадлежащие к Терскому казачьему войску. В социальном отношении статистика области такова: дворян — 8 525, почётных граждан — 1716, духовенства — 4034, купцов — 2871, мещан и цеховых — 87 061, казаков и других военных сословий — 247 052, крестьян — 168 472, «туземцев сельского сословия» — 615 750, остальных сословий — 35 348 человек[1].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РЦНИ (РФФИ) в рамках научного проекта 21-09-41011\22.

Центр Терской области — город и крепость Владикавказ в рассматриваемый период представлял собой этноконтакную территорию взаимодействия и взаимовлияния различных культурных и религиозных традиций. Исторически Владикавказ формировался как многонациональный город, о чём свидетельствовало наличие в нём русских православных собора и храмов, православных осетинской и греческой церквей, григорианской армянской церкви, немецкой протестантской кирхи, еврейских синагог, римско-католического костёла, суннитской и шиитской мечетей. Все эти многочисленные культовые здания создавали неповторимый восточный колорит, являлись памятниками архитектуры и украшением города. Во Владикавказе на 1911 г. проживало 50 533 русских, 8474 кавказских горцев, 6147 армян, 3070 грузин, 2358 персов, 1112 евреев, 1316 поляков, 568 немцев, 75 французов, 349 других национальностей, в том числе 1348 иностранных подданных. Во всей Терской области цифры были следующими: 477 396 русских, 588 398 кавказских горцев, 36 118 ногайцев, 1738 калмыков, 22 242 армян, 7568 грузин, 4303 персов, 8323 евреев, 4398 поляков, 15 213 немцев, 143 француза, 1388 других национальностей, в том числе 3472 иностранных подданных[2]. В вероисповедном отношении статистика региона такова: православных — 549 492, старообрядцев и сектантов — 48 163, других христианских исповеданий — 44 268 (всего христиан — 641 923); иудеев — 8231, магометан — 518 410, других нехристианских исповеданий — 2265 (всего иноверного населения — 528 906). Процент иноверцев к общему числу жителей региона составлял 45,5[3]. К 1915 г. этот процент снизился до 43, 97[4]. По осетинскому этносу член Совета Владикавказского отдела ИППО Г.В. Баев приводит следующую вероисповедную статистику на 1903 г.: «на 106 тысяч северных осетин приходится 17 тысяч магометан, остальные православные, южные осетины до 100 тысяч населения все христиане»[5].

Стратегические интересы империи требовали созидания и поддержания в безопасности путей, связывающих центральные и южные губернии России с Закавказьем. По мере своего роста и укрепления город-крепость Владикавказ становился значимым форпостом для защиты южных рубежей империи. Также Владикавказская крепость играла важную роль в деле защиты осетин от многочисленных воинственных иноверных горских племён. Она обрастала гражданскими поселениями и укреплялась экономически. Городское развитие Владикавказа и других северокавказских станиц-форпостов происходило при непосредственном участии русских офицеров и солдат, присланных чиновников и специалистов разных областей, многие из которых после окончания военной или гражданской службы оставались в регионе на постоянное жительство. Такие поселенцы меняли культурную среду, создавали похожий на российский архитектурный ландшафт городов и поселений, привносили свой вклад в местные

жизненные реалии. По всей Российской Империи собирались средства для строительства православных храмов в значимых городах Кавказа. В результате активного обмена опытом организации быта, экономической и культурной деятельности, происходило созидательное взаимодействие и взаимообогащение представителей различных этносов. При этом формировались и местные культурные элиты, местная интеллигенция, росло и число осетинских священнослужителей.

Во второй половине XIX в. в регионе активно возрождалось православное христианство, которое за предшествующие века было в значительной степени потеснено и рассеяно экспансией исламских государств — Османской империи и Персии. Строились новые и возрождались средневековые осетинские храмы, созидались и церкви для русскоязычного пришлого населения. Этим процессам способствовали основанное князем А.И. Барятинским в 1860 г. Общество восстановления православного христианства на Кавказе и основанное в 1882 г. Императором Александром III Императорское Православное Палестинское Общество. Согласно мнению епископа Владикавказского Иосифа (Чепиговского), выраженном им в ответе на запрос Обер-Прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева в 1882 году, Общество восстановления православного христианства на Кавказе «недостаточно заботилось о строительстве новых церквей, с 1871 г. отказывалось печатать переведённые на осетинский язык богослужебные книги, а также неправильно вело дело преподавания в школах, учреждённых в горских приходах»[6]. Процессы возрождения христианства во Владикавказской епархии были непростыми.

Тем не менее, христианское благочестие на древней аланской земле сохранялось и приумножалось. Жители обширной Терской области пополняли и ряды паломников в Палестину и к другим святыням христианства. Число паломников в Святую Землю из этого региона было относительно невелико, но стремление к поклонению святыням христианского Востока в Терской области не угасало. Паломничали, как местные жители разных национальностей, так и совершавшие свою военную службу на Кавказе военные чины.

В уникальных статистических исследованиях «Откуда идут в Святую Землю русские паломники» В.Н. Хитрово приводит цифры паломников из различных регионов Российской Империи, останавливавшихся на русских подворьях в Иерусалиме. Согласно его трудам, наиболее ранние зафиксированные данные о числе поклонников в Святой Земле из Терской области относятся к периоду в 4 года и 7 месяцев — с 23 июля 1893 года по 1 марта 1894 года и с 1 марта 1895 года по 1 марта 1899 года и составляют 168 человек. По годам эта статистика выглядит следующим образом: в 1893–1984 паломническом году Святой Град посетили 20 паломников (8 мужчин и 12 женщин), в 1895–1896 — 57 паломников (24 мужчины

и 33 женщины), в 1896–1897 — 43 паломника (12 мужчин и 31 женщина), в 1897–1898 — 11 паломников (2 мужчин и 9 женщин) и в 1898–1899 — 37 паломников (13 мужчин и 24 женщины)[7]. Из Дагестанской области в 1893–1894 паломническом году в Иерусалиме паломничала одна женщина[8], в 1898–1899 году — 1 паломник-мужчина, живший на Новом (Сергиевском) подворье 34 дня[9]

Общие цифры по Терской области (168 паломников) являются скромными, но не минимальными, как по другим регионам страны в тот же временной период. Они сопоставимы с количеством паломников из Томской губернии (170 человек), Вологодской (177 человек), Волынской (146 человек) губерний. Из Бакинской области за тот же период паломничало всего 3 человека, и 2 — из соседней Дагестанской области[10]. В 1899–1900 паломническом году из Терской области в Иерусалиме побывали 55 паломников (22 мужчины и 33 женщины), что составляло 0,59% от 10 тысяч населения региона[11].

Путь паломников в Святую Землю и на Афон из Владикавказа и Терской области с конца XIX в. в основном пролегал через порт г. Новороссийска, до которого жители Северного Кавказа добирались чаще всего по железной дороге. Стоимость пути в 1911 г. до Иерусалима и обратно на пароходах Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) и железнодорожным транспортом III класса без питания по паломническим книжкам ИППО составляла 46 рублей 50 копеек, до Святого Афона и обратно в тех же условиях — 35 рублей 50 копеек[12]. Паломнические книжки во Владикавказе можно было приобрести с 1895 г. у священника Димитрия Беляева. В 1895–1899 гг. таким путём в Палестину из Терской области прибыло 15 человек с паломническими книжками ИППО (введены с 10 февраля 1883 г.) Остальные паломники региона таких книжек не имели. По годам эта статистика выглядит следующим образом: в 1895–1896 паломническом году — 2 паломника, в 1896–1897 — 3, в 1897–1889 — 7 и в 1897–1898 — 3 паломника[13].

Сохранились и имена нескольких паломников из Владикавказа и Терской области, побывавших в Иерусалиме на рубеже XIX и XX веков. С 26 по 30 апреля 1899 г. на Новом (Сергиевском) подворье проживали два брата — поручик из Владикавказа Анастасий Васильевич Реймерс (1872–1937) и подпоручик из Умани Киевской губернии Евгений Васильевич Реймерс (1876–1905). Служили братья в разных местах огромной империи, а паломничали в Святую Землю вместе[14].

С 23 декабря 1900 года по 25 января 1901 года на Новом (Сергиевском) подворье в Иерусалиме проживал паломник из Терской области мещанин Ал[ексей ?] Федосеевич Кизилов[15]. С 24 апреля по 28 мая 1901 года (29 дней) на Сергиевском подворье останавливался потомственный почётный гражданин из Терской области Иосиф Яковлевич Попов[16].

Возможно, что через Владикавказ и Новороссийск в Палестину добирался и купец Матвей Федорович Колесников, проживавший на Сергиевом подворье в Иерусалиме с 6 по 20 мая 1902 г. В графе «Откуда» напротив его фамилии было указано — «Кавказ»[17]. В 1875 г. во Владикавказе была учреждена епископская кафедра в составе Грузинского экзархата Российской Православной Церкви. В 1894 г. стараниями епископа Владикавказского Владимира (Сеньковского) была образована самостоятельная Владикавказская епархия, выделенная из состава Грузинского экзархата. Епископ Владикавказский и Моздокский Владимир возглавлял паству Владикавказской епархии в 1893–1904 гг., многое сделал для укрепления Православия в Терской области, являлся пожизненным действительным членом ИППО с 21 мая 1894 года[18]. Владыку Владимира, «много потрудившегося за десятилетнее свое управление Владикавказскою епархиею над духовным просвещением Осетии»[19], по словам видного осетинского деятеля, городского головы Владикавказа Г.В. Баева, чтили и ценили на Кавказе. В 1908 г. архиепископ Владимир (Сеньковский) возглавил Донской отдел ИППО. Уполномоченным ИППО во Владикавказе с 15 декабря 1894 года Советом ИППО был избран иеромонах Гавриил[20] (Воеводин Григорий Дмитриевич, 1869–1937), преподаватель Владикавказского Духовного училища, затем Ардонской Александровской Духовной семинарии, впоследствии — епископ Челябинский, первый викарий Оренбургской епархии. Уполномоченным ИППО по продаже паломнических книжек в столице Терской области с 17 ноября 1895 года являлся священник Александро-Невской «Линейной» церкви Владикавказа Димитрий Иоаннович Беляев[21]. С 16 сентября 1908 по 4 октября 1911 г. Владикавказскую епархию возглавлял епископ Агапит (Вишневский), действительный член ИППО, впоследствии возглавивший Екатеринославский отдел ИППО. В марте 1911 г. Августейшая Председательница ИППО Великая Княгиня Елисавета Феодоровна направила владыке Агапиту рескрипт, в котором выражалась благодарность за участие епархии в Вербном сборе: «Считаю приятным долгом выразить Вашему Преосвященству Мою искреннюю благодарность за произведенный в церквах вверенной Вам Владикавказской епархии за богослужениями недели Ваий истекшего 1910 года тарелочный сбор на нужды православных в Иерусалиме и Святой Земле. Теплая отзывчивость и внимание, с которыми Вы, Владыко, относитесь всегда к нашему общему православно-русскому делу в Святой Земле, энергично и плодотворно осуществляемому состоящим под Моим председательством Императорским Православным Палестинским Обществом, дают Мне уверенность, что и в наступившем 1911 году Ваше Преосвященство не преминете сделать зависящее распоряжение о производстве в церквах вверенной Вам епархии в приближающуюся неделю Ваий разрешенного Святейшим Синодом тарелочного сбора на нужды Общества»[22].

В октябре 1911 г. Владикавказские епархиальные ведомости опубликовали информацию Совета Императорского Православного Палестинского Общества об инициативе Августейшей Председательницы ИППО Великой Княгини Елисаветы Феодоровны по созданию православного храма и при нём странноприимницы для паломников в итальянском городе Бари, месте почивания мощей святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мир-Ликийского. Жителей Терской области призывали принять участие в сборе средств для реализации этой благой цели. Инициатором этой публикации стал редактор издания и секретарь Владикавказской Духовной консистории Николай Иванович Булгаков[23].

Отдел во Владикавказе ИППО был создан во время управления епархией архиепископа Питирима (Окнова), переведённого на Владикавказскую кафедру 4 октября 1911 г. Новый архиерей, входя в курс дел, вскоре после своего приезда «предпринял ряд поездок по епархии, которые завершились только к 28 января 1912 года»[24].

Одним из важных деяний архиепископа Питирима во Владикавказе стало открытие епархиального отдела ИППО. В Неделю Святых Праотец, 11 декабря 1911 г. Его Высокопреосвященство архиепископ Питирим совершил Божественную литургию в Михайло-Архангельском кафедральном соборе и в проповеди объявил об открытии во Владикавказе отдела Палестинского Общества. С соответствующим случаю словом к прихожанам кафедрального собора после Литургии обратился ректор Александровской Ардонской Духовной семинарии архимандрит Пимен (Белоликов, 1879–1918). Отец Пимен (впоследствии епископ и священномученик) отметил сакральную значимость святых мест Палестины для христиан и важность сохранения в дорогих верующему сердцу местах православной веры. Архимандрит Пимен подчеркнул значение усилий Императорского Православного Палестинского Общества, направленных на сохранение христианского присутствия в Святой Земле и труды по поддержке русских паломников в землях библейского Востока: «Стремление к святым местам Палестины в нашем благочестивом народе не только не ослабевает, но при той попечительности и заботливости, какими окружает теперь русских паломников и в путешествии и во время пребывания их во Святой Земле наше Императорское Палестинское Общество, с каждым годом всё более и более растёт. Теперь паломник уже не идёт пешком, а большею частью едет с удобствами в вагоне железной дороги и на пароходе за особую удешевлённую плату. Теперь, если он грамотный, он может познакомиться со Святой Землею по многочисленным её описаниям. Теперь там, на далёкой чужбине, среди иноверных он не почувствует себя беспомощным, одиноким, чужим. Здесь его примут, упокоят, поруководят по святым местам и проводят с добрым словом и наставлением люди, назначенные для этого Императорским Палестинским обществом. Много слёз благодарности проливают паломники

за этих истинных благодетелей своих. Поминают и Высокого Покровителя Общества Благочестивейшего Государя Императора и богомудрых архипастырей Русской Церкви, образующих собою дружину попечителей о Святой Земле, и всех христолюбцев, помогающих по силе возможности православным Русским паломникам. Благословен день и час, когда Бог вложил в сердце нашему любвеобильному архипастырю приобщить и насельников Владикавказской епархии к дружине любящих Сиона. Примкнём к ней со всею ревностью нашею и ради нас самих и ради ближних наших и ради всего русского народа, желающего в Палестине иметь постоянное напоминание о том, что он спасён и должник Господу Богу»[25].

В этот же воскресный день в зале Владикавказской городской Думы состоялось торжественное собрание учредителей Владикавказского отдела Императорского Православного Палестинского Общества. Собрание помимо правящего архиерея почтили своим присутствием викарный Преосвященнейший епископ Пятигорский Арсений (Смоленец, 1873–1937, впоследствии архиепископ), генерал-от-инфантерии Константин Михайлович Алексеев (1851–1917), старший помощник Начальника Терской области генерал-майор Николай Иванович Степанов (1850 — после 1917) и другие[26]. После краткого молебствия собрание было открыто речью архиепископа Владикавказского и Моздокского Питирима, «в которой было выяснено великое значение Святой Земли для всего христианского мира и в особенности для боголюбивого русского православного народа, также краткая история возникновения и деятельности Православного Палестинского Общества, Августейшая Председательница коего Её Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, письмом на имя Высокопреосвященнейшего Архиепископа Питирима выразила желание об открытки во Владикавказе отдела Общества»[27]. После речи архиепископа архиерейский хор исполнил концерт № 1 Д.С. Бортнянского «Воспойте Господеви песнь нову». Затем с речью к Владыке архиепископу и ко всем собравшимся в зале Думы обратился смотритель Владикавказского духовного училища архимандрит Мелхиседек (Паевский, 1879–1931, впоследствии архиепископ): «По мысли Высокопреосвященного Владыки Архиепископа нашего, при вашем просвещённом внимании и содействии, открывается сегодня во Владикавказе отдел Императорского Православного Палестинского Общества. В светлые предпраздничные дни явления Христа-Спасителя на землю, совершается это открытие. Принесём же возлюбленные братья и свою посильную лепту, на доброе дело, как знак нашей любви к Тому, Кто Своим преславным рождением в убогой пещере Вифлеема сделал священным имя Палестины для тех, кто верует во Имя Его. В сих мыслях и чувствах о светлом явлении Бога во плоти да поможет каждый из нас новооткрываемому Отделу Императорского Палестинского Общества, делающего на далёкой и, по-видимому, чуждой нам земле, и близкое и родное нам православно-русское дело»[28].

Далее, был исполнен концерт № 12 Д.С. Бортнянского «Боже, песнь нову воспою Тебе» и началась запись желающих стать членами отдела. «В отдел в звании членов вступило до 50 человек, записавших пожертвований свыше 500 рублей»[29].

Должностные лица новообразованного Владикавказского отдела ИППО были избраны на состоявшемся 27 апреля 1912 года собрании в покоях архиепископа Питирима и под его председательством. В собрании приняли участие: временно исправлящий должность Начальника Терской области генерал-лейтенант Сергей Николаевич Флейшер (1856–1918, впоследствии, с сентября 1912 г. Начальник Терской области), старший помощник Начальника области генерал-майор Николай Иванович Степанов (1850 — после 1917), генерал-лейтенант в отставке Степан Иванович Писарев (1846 — после 1919), старший (главный) врач владикавказского военного госпиталя, доктор медицины, действительный статский советник Фёдор Степанович Текутьев (1853 — после 1916), исправляющий должность городского головы Владикавказа Георгий (Гаппо) Васильевич Баев (1870–1939), М.А. Никитин, архимандрит Мелхиседек (Паевский), настоятель владикавказского Михайло-Архангельского кафедрального собора протоиерей Капитон Александрович Александров (предположительно 1860–1921), председатель епархиального училищного совета протоиерей Алексий Иванович Цветков, епархиальный наблюдатель в составе училищного совета протоиерей Иосиф Степанович Орехов (1871–1961, впоследствии митрополит), ключарь кафедрального собора, член Владикавказской Духовной Консистории священник Василий Александрович Топкин, священник кафедрального собора Николай Михайлович Иванов, настоятель Костантино-Еленинской церкви Владикавказа священник Димитрий Иванович Кузнецов, настоятель Александро-Невской церкви Владикавказа, многолетний распространитель паломнических книжек и уполномоченный ИППО во Владикавказе с 17 ноября 1895 г. священник Димитрий Иоаннович Беляев (предположительно 1865 — после 1923), секретарь Владикавказской Духовной Консистории коллежский советник Николай Иванович Булгаков (1867 — не ранее 1917). Собранием был избран состав Совета Владикавказского отдела ИППО. Ещё ранее председателем отдела был утверждён архиепископ Владикавказский и Моздокский Питирим (Окнов, 1858–1920). Вице-председателем Совета отдела избран Начальник Терской области генерал-лейтенант Александр Степанович Михеев (1853–1914), делопроизводителем стал Н.И. Булгаков, казначеем священник Димитрий Беляев, кандидатом казначея был избран М.А. Никитин и членами Совета — генерал-майор Н.И. Степанов, архимандрит Мелхиседек (Паевский) и городской голова Г.В. Баев. После избрания должностных лиц отдела, делопроизводитель Совета ознакомил собрание с предшествующей деятельностью отдела, доложил о денежных поступлениях на нужды

Палестинского Общества: в 1910 г. поступило 311 рублей, в 1911 г. — 302 рубля, в 1912 г. — 210 рублей. Эти небольшие цифры свидетельствуют о малой численности членов ИППО, проживавших в Терской области в это время и об их скромных материальных возможностях. Помимо этого, с 1 декабря 1911 г. по 27 апреля 1912 г. в Отдел поступило членских взносов 476 рублей. Согласно предложению архиепископа Питирима, «была выражена благодарность Его Превосходительству господину Начальнику области А.С. Михееву за его особенное сочувствие делу Общества, выразившееся в полной готовности Его Превосходительства содействовать целям отдела Общества, о чём Его Превосходительство засвидетельствовал в своём письме на имя Его Высокопреосвященства, не имея возможности лично присутствовать на собрании вследствие болезни»[30]. Собрание также было ознакомлено с полученными из Санкт-Петербурга от Совета ИППО «документальными книгами отдела, с ведением делопроизводства в консистории по сбору пожертвований в пользу Общества, с печатными изданиями Палестинского Общества. Согласно предложению Его Превосходительства генерал-лейтенанта Флейшера, постановлено ходатайствовать в целях привлечения в отдел большего числа членов, пред Советом Общества о понижении членских взносов, непосильных для жителей г. Владикавказа, где большинство культурного населения живёт исключительно жалованьем за службу, — также о снабжении библиотеки отдела печатными изданиями Общества, фонарём и картинами»[31]. В марте 1912 г. завершился отчётный год в ИППО, поэтому делопроизводителю и казначею отдела было предложено составить отчёт за истекший отчётный год[32].

В 1912–1913 отчётном году отдел ИППО во Владикавказе «продолжал оказывать существенную пользу по распространению в народе сведений о Святой Земле, о паломничестве в Палестину русских благочестивых богомольцев, о нуждах и проблемах христианского населения на Ближнем Востоке. Деятельность отдела осуществлялась, главным образом, путём устройства в городах и сёлах народных чтений и собеседований о Святой Земле»[33].

22 декабря 1913 г. архиепископ Питирим был перемещён на Самарскую и Ставропольскую кафедру, а во Владикавказ был направлен епископ Антонин (Грановский, 1865–1927, впоследствии, в 1922 г. уклонился в обновленческий раскол). По прибытии во Владикавказ, епископ Антонин принял должность председателя губернского отдела ИППО в ответ на письменную просьбу Августейшей Председательницы. В рескрипте Её Императорского Высочества, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны от 26 января 1914 г. за № 76 содержался призыв уделить внимание отделу ИППО и принять звание пожизненного действительного члена Общества: «Преосвященнейший Владыко, последовавшее 22 декабря прошлого года призвание Вашего Преосвященства к управлению Владикавказскою епархиею, в коей с 1911 г.

действует местный Отдел руководимого Мною Императорского Православного Палестинского Общества, даёт Мне приятный случай обратиться к Вам с просьбою принять на себя председательство в Владикавказском Отделе Общества. Вполне уверенная встретить со стороны Вашего Преосвященства полное сочувствие целям и деятельности близкого Моему сердцу Палестинского Общества и благожелательное содействие к дальнейшему развитию его Владикавказского Отдела, Я прошу Вас, Владыко, принять на себя вместе с тем и звание пожизненного действительного члена Палестинского общества. Испрашиваю Вашего Архипастырского благословения и поручаю Себя и Общество Вашим святительским молитвам. Елисавета»[34]. На подлинном рескрипте имеется резолюция епископа Антонина от 22 февраля 1914 г. за № 346, «Напечатать в Епархиальных Ведомостях»[35]

Священник Владикавказского кафедрального собора Пётр Иванович Путятин подробно описал во Владикавказских епархиальных ведомостях беседу «с туманными картинами о Святой Земле», проведённую епископом Владикавказским и Моздокским Антонином (Грановским) в помещении двухклассной соборной школы г. Владикавказа 13 апреля 1914 г. Продолжавшаяся больше двух часов беседа началась в 7 часов вечера в переполненном зале. По приходу Владыки, все собравшиеся «пропели молитву, на возвышении был поставлен волшебный фонарь, началась беседа. Картины нам знакомы: улицы Иерусалима, Гроб Господень, камень помазания, Иосафатова долина, Элеонская гора, мечеть Омара и другие. Большинство из них мы видели по несколько раз и раньше. Но Преосвященный Владыка объяснению их придал особый, замечательно интересный и живой характер. В его высоко художественном и талантливом рассказе своеобразная жизнь востока изображена была так ясно и отчётливо, как будто мы сами были в Палестине и видели всё это не на картине, а в действительности». Эта «глубоко назидательная беседа» произвела на собравшихся яркое впечатление. Отец Пётр отмечал, что «если бы по всем церквам были заведены подобные беседы, думается, не было бы недостатка в слушателях; не так часто мы жаловались бы на теплохладность прихожан, на отсутствие большинства из них во время богослужений, на то, что народ охотнее идёт к сектантам, в биографы и т. п., нежели к нам!»[36]. Из выше процитированного можно сделать вывод, что палестинские чтения или чтения о Святой Земле в Терской области были нечастым явлением и проводились не во всех приходах епархии. Дорогостоящие волшебные фонари были в регионе редкостью. Упомянутые биографы — это раннее название стационарных кинотеатров, ещё в литературе начала XX в. их называли электробиографами, иллюзионами, синематографами. В них демонстрировались светские, часто сомнительного нравственного содержания ленты, поэтому священник упоминает биографы в негативном контексте, как развлечение неполезное, сродни сектантской деятельности. В 1910-х гг. владикавказское

епархиальное начальство даже распространило предписание для регионального духовенства, приезжающего во Владикавказ, где отмечалась недопустимость посещения биографов священниками.

В рескрипте от 23 января 1914 г. за № 62 Августейшая Председательница ИППО благодарила епископа Владикавказского Антонина за собранные в предыдущем году средства на уставные цели Общества: «Преосвященнейший Владыко! Весьма утешенная благоприятными результатами произведенного, по благословению Святейшего Синода, в церквах вверенной Вам ныне Владикавказской епархии за богослужениями недели Ваий истекшего 1913 года тарелочного сбора на нужды православных жителей Святой Земли и русских богомольцев, шествующих на поклонение Живоносному Гробу Господню, прошу Ваше Преосвященство передать принимавшим участие в организации сего сбора Мою сердечную благодарность. Вполне уверенная, что и в наступившем 1914 году подведомственное Вам духовенство, по Вашему Архипастырскому призыву, потщится расположить молящихся в храмах за богослужениями праздника Входа Господня в Иерусалим к доброхотным лептам на поддержание, чрез руководимое Мною Императорское Православное Палестинское Общество, православно-русского дела в Святой Земле»[37].

Во время Первой мировой войны, в феврале 1915 г. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна вновь обращалась к Владикавказскому архиерею с просьбой о посильной материальной помощи на нужды ИППО: «Сознавая, что наступившее для всей России крайне тяжелое время, когда отзывчивое народное сердце стремится облегчить родным воинам исполнить их святой долг пред отечеством, нельзя считать удобным для привлечения внимания православного русского народа к иным, не столь насущным потребностям. Я тем не менее полагаю, что и ниспосланные нашей духовной родине — Святой Земле тяжкие испытания могут также вызвать у многих верующих русских людей непреклонное желание придти на помощь руководимому Мною Палестинскому Обществу. Вполне уверенная, что и Ваше Преосвященство изволите разделять Мое по сему вопросу мнение, Я убедительно прошу Вас, Владыко, не отказать поручить подведомственному Вам духовенству произвести в церквах Владикавказской епархии в предстоящую неделю Ваий сего 1915 года разрешенный Святейшим Синодом тарелочный сбор на нужды Общества в святой Земле»[38].

В рескрипте перед праздником Входа Господня в Иерусалим военного 1916 г. Августейшая Председательница ИППО с верой в победу русского оружия и с надеждой на восстановление русских храмов и подворий Палестины вновь обращалась к епископу Антонину: «Не взирая на переживаемое родиною тяжелое время напряженной борьбы с вражеским нашествием, произведенный усердием духовных пастырей в Вербную неделю 1915 года во всех церквах Империи тарелочный сбор на Святую Землю доставил

в распоряжение состоящего под Моим председательством Императорского Православного Палестинского Общества посильную народную лепту на святое дело помощи страждущим в турецкой неволе нашим соотечественникам и предстоящее, по окончании войны, восстановление в Иерусалиме и Святой Земле разграбленных врагами русских храмов и паломнических приютов. Выражая Вашему Преосвященству Мою сердечную благодарность за своевременно принятые меры к производству сего сбора вверенной Вам Владикавказской епархии и крепко веря в неизменное сочувствие православного Русского народа к находящейся в бедственном состоянии Святой Земле, Я вновь решаюсь обратиться к Вам, Владыко, с убедительною просьбою предложить подведомственному Вам духовенству произвести в приближающиеся дни вербной недели разрешенный Святейшим Синодом тарелочный церковный сбор на нужды Православия и русских богомольцев в Иерусалиме и святой Земле. Как бы ни была скромна народная жертва на Святую Землю, она, несомненно, в значительной степени облегчит предстоящие Обществу заботы по восстановлению созданных народным усердием полвека тому назад русских богоугодных учреждений в Иерусалиме и поможет возродить прерванную войною благотворительную деятельность для поддержания Православия в Святой Земле»[39]. Сам факт публикации данных документов свидетельствует о том, что Владикавказская епархия положительно отзывалась на призывы о проведении вербного сбора и доставляла в столицу империи собранные средства для нужд ИППО. К сожалению, этим благородным планам и святым стремлениям не суждено было исполниться. Российская Империя так и не смогла решить всех военных задач, была предана внутренними недругами и ввергласъ в пучину революционной смуты и братоубийственной гражданской войны.

Деятельность Владикавказского отдела ИППО в непростые для России годы Первой мировой войны «постепенно начала сворачиваться, а в 1917 году совсем прекратилась»[40]. Отдел ИППО во Владикавказе и Терской области объединил многих выдающихся людей России, искренних патриотов империи и Осетии, талантливых людей, как пришлых для Кавказа, переведённых на военную или гражданскую службу, на церковное служение, так и уроженцев гор, являвшихся местной культурной и интеллектуальной элитой. Среди членов Общества по Владикавказскому отделу были представители разных национальностей, разных сословий, но всех их объединяла искренняя любовь к России, Кавказу и Святой Земле.

[1] Терский календарь на 1912 год. Статистический ежегодник. Обзор Терской области за 1910 год. Под ред. подъесаула М.А. Караулова 2-го. Вып. 21. Владикавказ, издание Терского областного статистического комитета, 1911. — 416 с. разд. паг., 5 л. табл., 1 отд. план. С. 8–10.

2 Там же, С. 11–12.

3 Там же, С. 14–15.

4 Терский календарь на 1915 г.: Терский сборник. Изд. Терского обл. стат. ком. Владикавказ. Вып. 24. Под ред. С.П. Гортинского. 1915. — 221, 111 с. С. 14–15.

5 Баев Г.В. Осетинский дивизион: историческая справка. Владикавказ, Типо-лит. В.П. Просвирнина, 1903. — 31 с. С. 27.

6 РГИА, Ф. 797, Оп. 52, Д. 102, Л. 1е–1е об., 6–9 об.

7 Хитрово В.Н. Откуда идут в Святую Землю русские паломники // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1901. Т. XI. Вып. 2. С. 152–155.

8 Там же, С. 148.

9 Там же, С. 150.

10 Хитрово В. Н. Собрание сочинений и писем. Т. 2. Статьи о Святой Земле. Из истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю. Сост., подг. текста и комментарии Н. Н. Лисового. Отв. ред. Л.В. Мельникова. М.: ИППО; СПб.: «Издательство Олега Абышко». 2011. — 464 с. С. 280.

11 Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Ноябрь-декабрь 1900 г. СПб. Тип. В. Ф. Киршбаума, 1901. С. 655.

12 Путеводитель Русского общества пароходства и торговли на 1911 г. [Текст]. Одесса: Типография Акционер. Южн.-Русск. О-ва Печатн. дела, 1911. — 564 с. : ил., табл. С. 469.

13 Хитрово В.Н. Какими путями идут русские паломники в Святую Землю (Опыт статистического анализа) // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. [1901]. Т. XII. СПб., 1902. С. 324–325.

14 Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1899. Май-август. Часть 1. С. 264.

15 Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Ноябрь-декабрь 1900 г., СПб., Тип. В.Ф. Киршбаума, 1901. С. 688; Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Т. XII. 1901 г., СПб., Тип. В.Ф. Киршбаума, 1902. С. 109.

16 Там же, С. 251.

17 Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Т. XIII. 1902 г., СПб., Тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. С. 175.

18 Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Т. V. Приложения, 1895 г. СПб, Тип. В. Киршбаума, 1895. С. 77.

19 Баев Г. В. Осетинский дивизион: историческая справка. Владикавказ, Типо-лит. В.П. Просвирнина, 1903. — 31 с. С. 27.

20 Там же, С. 144.

21 Там же, С. 179.

22 Владикавказские епархиальные ведомости, № 6, 1911 г., С. 220.

23 Владикавказские епархиальные ведомости, № 20, 1911 г., С. 748–750.

24 Андрей (Мороз), игумен. История Владикавказской епархии. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. — 240 с. С. 66.

25 Владикавказские епархиальные ведомости, № 24, 1911 г. С. 840.

[26] Там же, С. 849.

[27] Там же.

[28] Там же, С. 843.

[29] Там же.

[30] Владикавказские епархиальные ведомости, № 9, 1912 г., С. 265–266.

[31] Там же, С. 266.

[32] Там же.

[33] Житенёв С.Ю. Владикавказский отдел ИППО // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается. Составление, редакция и предисловие С.Ю. Житенёва. М.: Издательство «Индрик», 2022. — 956 с., ил. С. 169.

[34] Владикавказские епархиальные ведомости, №6, 1914 г., С. 117–118.

[35] Там же, С. 118.

[36] Владикавказские епархиальные ведомости, №9, 1914 г., С. 184–186.

[37] Владикавказские епархиальные ведомости, №6, 1914 г., С. 118–119.

[38] Владикавказские епархиальные ведомости, №4, 1915 г. С. 256.

[39] Владикавказские епархиальные ведомости, №5, 1916 г., С. 266–267.

[40] Житенёв С.Ю. Владикавказский отдел ИППО // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается. Составление, редакция и предисловие С.Ю. Житенёва. М.: Издательство «Индрик», 2022. — 956 с., ил. С. 169.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ПОСВЯЩЁННЫЕ ПОЛОЖЕНИЮ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Русское научное присутствие в Святой Земле: возвращение к вопросу о создании Российского исторического института в Иерусалиме*

С.Ю. Житенёв

Вопрос о создании русского научного учреждения в Святой Земле рассматривался и активно обсуждался отечественным научным сообществом ещё в начале XIX в. Учёные, государственные и общественные деятели России того времени были вдохновлены выдающимися научными успехами Русского археологического института в Константинополе (РАИК), работавшего на территории Османской империи в 1894–1914 гг. Главной целью в научной деятельности РАИК являлось изучение истории и культуры Византийской империи. «Основание Института в Стамбуле показывало, что приоритетным направлением русской исторической науки является византиноведение. Само название — Русский археологический институт в Константинополе, включавший в себя старое название города времён византийских императоров, — подчёркивало его византиноведческую направленность»[1]. РАИК, возглавляемый Ф.И. Успенским[2], который смог создать высокопрофессиональный коллектив учёных, за двадцать лет своей научной деятельности заслужил высокий авторитет среди российских и зарубежных византинистов, историков и археологов.

Не удивительно, что этот пример плодотворной деятельности русских учёных за рубежом, вывал в России желание создать аналогичный институт в Иерусалиме, где отечественные исследователи давно проводили большую научную работу, но не имели научной базы. Археологический

* Статья выполнена в соответствии с госзаданием РИЭПП от 28.10.2023 г. № 075-016114-22-06 в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО».

институт в Иерусалиме как научный и политический проект возник среди учёных и руководителей ИППО. В 1914 г., в начале Первой мировой войны, группа столичных учёных и чиновников во главе с членом Государственной Думы Е.П. Ковалевским, известным общественным деятелем, поставила вопрос о создании в рамках Академии наук и ИППО по окончании войны Русского Археологического института в Иерусалиме. 26 ноября 1914 г. в Санкт-Петербурге было созвано совещание по вопросу о русских научных интересах в Палестине. Докладчиком на нём выступил Е.П. Ковалевский, который предложил создать Русский Археологический институт в Иерусалиме. Свой доклад и тезисы совещания Е.П. Ковалевский издал отдельной брошюрой.

Весной 1915 г. состоялись два заседания, посвящённые вопросу создания Русского Археологического института в Иерусалиме. К идее об усилении археологических изысканий и развитию научных исследований в Палестине отнеслись сочувственно, но все сошлись на том, что Археологический институт в Иерусалиме, если таковой будет создан после войны, должен быть в ведении Палестинского Общества.

Дальнейшее обсуждение этого вопроса в апреле 1915 г. в Совете ИППО привело к созданию проекта академика В.В. Латышева, отстаивавшего идею организации предложенного научного учреждения в рамках Общества. В.В. Латышев, который возглавлял отделение Учёных изданий и исследований ИППО, заявил, что «разработку и осуществление научных интересов России в Святой Земле Палестинское Общество берёт на себя», а руководимое им Отделение охотно привлечёт «тех русских археологов и палестиноведов, которые пожелали бы работать на этом поприще». В том же духе высказался, заключая заседание, тогдашний Вице-Председатель Общества князь А.А. Ширинский-Шихматов, оговорившись, однако, что свободными средствами для основания института Общество на тот момент не обладает, но является собственником нескольких удобных для строительства земельных участков.

20 апреля 1915 г. в Санкт-Петербурге состоялось ещё одно из совещаний по поводу создания Русского Археологического института в Иерусалиме. Участники не пришли к единому мнению по поводу проекта, одобренного Советом ИППО. Однако в феврале 1917 г. секретарь Академии наук академик С.Ф. Ольденбург разослал ряду крупнейших петроградских востоковедов и византинистов проект положения о создании Палестинского Комитета в составе Академии. 04 марта 1917 г. Ф.И. Успенский раскрыл детали проекта создания Русского Археологического института в Иерусалиме общему собранию Академии, и он был утверждён как будущее научное учреждение при Академии наук. Таким образом, после долгих обсуждений этой идеи предложение руководства ИППО о создании в Иерусалиме Русского Археологического института при Обществе не была поддержана.

Наступившая эпоха социальных катаклизмов оставила без последствий этот, как и многие другие проекты. Основным центром российских исследований по Ближнему Востоку в последующий период осталось именно Палестинское Общество, хотя и растерявшее постепенно титулы «Императорское» (в марте 1917 г.) и даже «Православное» (в 1918 г.), но сохранившее старые кадры и научный потенциал.

«Православное востоковедение», которое развивало и на котором настаивало ИППО, непосредственно связано было с историософией, политической и духовной установкой внутри Православной Империи, которая, в свою очередь, рассматривалась как единственный правопреемственный гарант в поствизантийском пространстве. Будущий Институт должен был стать весомым свидетельством русского присутствия в Палестине. В победе же над Османской империей в то время никто не сомневался, тем более что, в отличие от западного театра военных действий, на Ближнем Востоке успех явно был на стороне русского оружия.

И, тем не менее, не приходится сомневаться, что в основе проекта лежали чисто научные соображения, свидетельством этого является хотя бы состав заинтересованных лиц. Инициаторы идеи, с одной стороны, отталкивались от успешного опыта деятельности РАИК, а с другой стороны, понимали объективную необходимость продолжать научные исследования в Святой Земле. При этом необходимо отметить, что специалисты и учёные, работавшие в Палестине по линии ИППО, проводили не только исторические и археологические исследования[3], но и успешно занимались такими научными направлениями, как: медицина[4], экономика[5], инженерия[6], сельское хозяйство[7], метеорология[8] и другими. Большая часть отчётов о проделанной научной работе публиковались в периодическом журнале Общества, который назывался «Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества» (СИППО), а также издавались отдельными книгами и брошюрами. Таким образом, очевидно, что уже сто с лишним лет назад руководители научной деятельности ИППО рассматривали будущие исследования в Палестине и Сирии как междисциплинарные, а не только археологические и историко-филологические.

После 1917 г. все надежды на продолжение научных исследований в Палестине, Сирии и Турции рухнули, хотя необходимо отдать должное нашим отечественным учёным, в советский период они продолжали исследования накопленных археологических материалов в конце XIX — начале XX вв. по ближневосточной тематике, а также — древних текстов, связанных со Святой Землей. Эта работа в советский период стала основной для Российского Палестинского Общества при АН СССР, правопреемника ИППО[9].

ИППО осознаёт себя сегодня правопреемником не только по отношению к палестинским и иным зарубежным объектам недвижимости, но и, прежде и более всего, по отношению к научным востоковедческим традициям

Общества. В 2005 г. академик С.П. Карпов выступил инициатором создания Русского исторического института со штаб-квартирой в Москве и филиалами в Иерусалиме, Стамбуле и Венеции. Институт должен был создаваться при попечительстве МОО «ИППО», РПЦ, РАН и МГУ им. М.В. Ломоносова. Несмотря на то, что явных противников у этого проекта не было, он не был осуществлён.

В настоящее время, когда русское научное и культурное присутствие в мире сворачиваются из-за враждебного отношения к России западных стран, необходимо восстанавливать и развивать нашу гуманитарную и научно-образовательную деятельность на Ближнем Востоке. В этом регионе традиционно сложилось доброе отношение к России, которая на протяжении многих столетий присутствовала здесь и заслужила доверие местного населения, более того, во многом сформировала ближневосточную интеллектуальную элиту. Поэтому создание на территории государств Ближнего Востока российских научных институтов и центров является важнейшей задачей современной международной деятельности Российской Федерации.

Российские научные структуры, в первую очередь, необходимо создавать:

— в Стамбуле, где до сих пор существует память о деятельности РАИК;

— в Дамаске, в котором с советских времён налажено научно-техническое сотрудничество;

— в Иерусалиме, в котором работали XIX–XXI вв. крупнейшие российские учёные историки, археологи, лингвисты и т.д.;

— в Каире, где с периода сотрудничества при возведении Асуанской плотины на Ниле продолжается научно-техническое сотрудничество.

Также имеют перспективы для совместной работы с Россией научные центры в Иордании, Ливане, Кипре и других государствах.

При этом необходимо отметить, что российские научные институты и центры за рубежом должны иметь государственный статус. Безусловно, они должны будут иметь возможность работать с общественными и коммерческими организациями, но при этом в основе своей быть государственными учреждениями. Деятельность этих структур должна направляться и координироваться Министерством науки и высшего образования РФ, а также они должны взаимодействовать с российскими научными и образовательными учреждениями. Поэтому целесообразно создать положение, в котором будут определены правовые, организационные и финансовые основания деятельности российских научных структур за рубежом. Это положение должно быть принято на уровне Правительства Российской Федерации.

Российские научные институты и центры за рубежом должны в своей содержательной деятельности носить междисциплинарный характер, что, однако, не мешает выделению в их работе определённой направленности. Так, могут создаваться научные структуры по направлениям:

гуманитарные, естественнонаучные, медицинские, инженерные и другие. При этих научных структурах могут создаваться образовательные центры по определённым направлениям знаний, специалисты которых востребованы в стране пребывания.

Создание в Иерусалиме Российского исторического института может стать актуальным событием с учётом традиции проведения по линии ИППО многолетних исследований в Святой Земле, а также с развитием такого научного направления, как «православное востоковедение», которое до не давнего времени называлось «научное палестиноведение». «Научное палестиноведение многими учёными и богословами до середины XX в. рассматривалось как научное направление по исследованию Святой Земли, в центре которого были поиски следов земной жизни Спасителя и Пресвятой Богородицы, а также религиозной жизни народов, населявших Палестину. <...> Палестиноведение — научное направление, в рамках которого до середины XX в. проводились междисциплинарные теоретические и прикладные исследования в гуманитарных и естественных науках на территории Библейского региона. Традиционные научные исследования в палестиноведении включали многие научные дисциплины и их разделы, такие как: историю, в том числе археологию, филологию, культурологию, искусствознание, архитектуру, философию, право, религиоведение, богословие, педагогику, географию, биологию, ботанику, медицину, экономику, политологию и др.»[10]

Начиная с середины XX в., из палестиноведения выделилась такая страноведческая научная дисциплина, как израилеведение, которое занимается комплексными исследованиями развития Государства Израиль. Во второй половине XX столетия в регионе Ближнего Востока в связи с появлением новых государств образовались новые научные дисциплины, такие как: израилеведение, иорданиеведение, сириеведение, ливановедение, палестиноведение и др. Эти научные дисциплины исследуют литературные языки и их разговорные диалекты, национальные литературы, а также историю, культуру, искусство, религию, философию, право, экономику, этнографию, географию, объекты материальной и нематериальной культуры, образовавшихся стран и народов, их населяющих. В рамках этой научной деятельности проводятся локальные исторические, географические, религиоведческие, политологические, филологические и другие исследования. Развиваются в этих странах исследования в сфере экономики, туризма и паломничества. Все эти направления присутствуют в современной российской науке, которая изучает государства и народы Ближнего Востока. Многие исследователи считают, что палестиноведение в настоящее время представляет собой страноведческую научную дисциплину, занимающуюся комплексным исследованием вопросов и проблем территорий Государства Палестины и палестинских арабов в целом.

Среди учёных и специалистов МОО «ИППО» научное направление, связанное с междисциплинарным исследованием Святой Земли и Библейского региона в целом получила наименование «Православное востоковедение». Поэтому создание Российского исторического института в Иерусалиме отвечает объективным потребностям современной отечественной науки и может быть интересно учёным и специалистам Израиля и Палестины. Очень хочется надеется, что предложение МОО «ИППО» по создания Российского исторического института в Иерусалиме, на этот раз будет реализовано и станет важным этапом научного присутствия России в Святой Земле.

Литература

Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе (очерки истории). СПб., 1999. — 245 с.

Биткина И.В., Васильева И.Н., Реброва Т.П., Демидов А.В. Развитие сотрудничества с зарубежными партнерами как одно из направлений реализации приоритетов России в области науки, технологий и образования // Управление наукой и наукометрия. 2022. Т. 17. № 2. С. 216–236.

Ершов С., Пятницкий Ю., Юзбашян К. Русский археологический институт в Константинополе. (К 90-летию со дня основания). // Палестинский Сборник. Л., 1987. С. 3–12.

Житенёв С.Ю. Современное палестиноведение и научная деятельность ИППО: к вопросу об определениях, составе и перспективах исследований. // ППС. Вып. 112. М.: Индрик, 2016. С. 131–135.

Житенёв С.Ю., Васильева И.Н., Реброва Т.П., Бородик К.А., Васюков А.Н. Перспективы сотрудничества России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья. // Управление наукой и наукометрия. Т. 17, № 4. С. 483–525.

Ковалевский Е.П. Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3-х тт. Под. ред. Н.Н. Лисового. Т. 1. М., 2000. С. 339–349.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв. М.: Индрик, 2006. С. 209–214.

Модестов В. Об открытии русского археологического института в Риме с отделением в Афинах. // Труды VIII Археологического съезда в Москве в 1890 г. М., 1897. Т. III. С. 303–306.

Пономарёв С.И. Вступительное чтение для народа об Императорском Православном Палестинском Обществе в Святой Земле по окончании войны с Турцией. Петроград, 1917. — 40 с.

[1] Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе (очерк истории). СПб., 1999. С. 4.

[2] Успенский Фёдор Иванович (1845–1928), действительный пожизненный член ИППО с 28 февраля 1918 г., Председатель РПО при АН СССР в 1921–1928 гг., основатель и директор

Русского археологического института в Константинополе (РАИК) в 1894–1914 гг., действительный член Санкт-Петербургской Императорской Академии наук в 1900–1917 гг., академик РАН в 1917–1925 гг., академик АН СССР в 1925–1928 гг., всемирно известный русский учёный, византинист и славяновед, паломник в Святой Земле.

3 Обзор исследований Святой Земли в новейшее время. СИППО. // 1893. Т. 4, апр. С. 192–209.

4 Болезненность и смертность среди русских паломников // СИППО. СПб., 1891. Т. 2., сент. 1890 — февр. 1891. С. 58–63; Елисеев А.В. Болезни пустынь // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1882. Т. XVI. Кн. 2. С. 43–76; Елисеев А.В. Поездка в Египет, Каменистую Аравию и Палестину. СПб, 1895; Решетилло Д.Ф. Болотные лихорадки в Палестине. Исследования причин и определение микроорганизма болотных лихорадок. Монография // ППС. Вып. 9. №. 1. СПб., 1891; Истомин Д.В. Учреждения Императорского Православного Палестинского общества в 1895 г. СПб., 1896; Герман Ф.Ф. Глазные болезни в Палестине и Сирии. // СИППО. 1897. Т. 8, июнь. С. 267–317; Общие замечания по медицинским отчётам // СИППО. № 3. СПб., 1901. С. 353; Краткие сведения о деятельности врачебных учреждений Палестинского Общества в 1906–1907 г. (Извлечения из отчёта доктора В.Я. Северина) // СИППО. Т. XVIII. Вып. 2. СПб., 1907. С. 266–268.

5 Беркенгейм А.М. Современное экономическое положение Сирии и Палестины: (по личным наблюдениям и официальным турецким данным). // СИППО. 1897. Т. 8. Окт. С. 552–594; Торговля и промышленность в Святой Земле. // СИППО. 1898. Т .9, февр. С. 113–119.

6 Водоснабжение Иерусалима. // СИППО. 1891. Т. 1, дек. 1887. С. 192–201; Железная дорога от Яффы до Иерусалима. // СИППО. 1891. Т. 2, сент. 1890 февр. 1891. С. 265–268; Водопроводы, снабжавшие древний Иерусалим водой с северной стороны. СИППО. 1892. Т. 3, февр. С. 116–117.

7 Виноделие в окрестностях Кайфы. // СИППО. 1892. Т. 3, июнь. С. 338–342; Землевладение в Сирии и Палестине // СИППО. 1892. Т. 3, февр. С. 84–94.

8 Погода в Палестине и Сирии. // СИППО. 1898. Т. 9, апр. С. 238–239; Атмосферные осадки в Иерусалиме. // СИППО. 1902. Т. 13, ч. 1. № 2. С. 178; 1903. Т. 13, ч. 1. № 1. С. 10–15; Наблюдения над атмосферными осадками в Иерусалиме. // СИППО. 1903. Т. 14, ч. 1, № 2. С. 75–75.

9 См.: Житенёв С.Ю. Научная деятельность РПО при АН СССР. // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается. Составление, редакция и предисловие С.Ю. Житенёва. М.: Издательство «Индрик», 2022. С. 541–542.

10 Житенёв С.Ю. Палестиноведение. // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается. Составление, редакция и предисловие С.Ю. Житенёва. М.: Издательство «Индрик», 2022. С. 626.

Гуманитарное и научно-технологическое сотрудничество со странами Ближнего Востока: библиографический обзор и ключевые тренды*

И.Е. Ильина, С.Ю. Житенёв,
Т.П. Реброва, И.Н. Васильева

На фоне вызванного политическими проблемами сворачивания научно-технологических связей России и стран Запада объективно становятся перспективными векторы дальнейшего взаимодействия в сфере гуманитарного и научно-технологического сотрудничества с государствами Ближнего Востока Накопление и распространение гуманитарных знаний о Палестине, Сирии, Ливане, Египте и других странах Ближневосточного региона в значительной мере связано с Международной общественной организацией «Императорское Православное Палестинское Общество» и научным направлением «палестиноведение».

Палестиноведение как гуманитарное направление аккумулируется в своей основе с деятельностью Научной секции Императорского Православного Палестинского Общества и трудами отраслевых институтов РАН[1]. Большая часть опубликованного материала учёных-палестиноведов посвящена гуманитарным направлениям взаимодействия с Россией, просветительским программам и проектам[2]. О просветительских проектах в Ближневосточном регионе рассказывают многочисленные публикации С.Ю. Житенёва[3].

Экскурс в историю вопроса показывает, что культурно-исторические корни российского присутствия в регионе Ближнего Востока невозможно

* Исследование выполнено в соответствии с госзаданием РИЭПП от 28.10.2023 № 075-016114-22-06 в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО».

представить без знакомства с мемуарами основателя и начальника первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (далее РДМ), известного востоковеда и дипломата епископа Порфирия (Успенского), трудами В.Н. Хитрово, основателя и секретаря ИППО, и мемуарами начальника РДМ архимандрита Антонина (Капустина). Также особо следует отметить тематические сборники документов: «Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века»; «Египет глазами россиян середины XIX — начала XX вв. Политика. Экономика. Культура», «Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников XII–XIX вв.», в которые наряду с документами личного происхождения, вошли многочисленные архивные документы, а также публикации известного отечественного учёного Н.Н. Лисового о «русском присутствии в Святой Земле»[4].

Для осмысления проблемы русского присутствия на Ближнем Востоке в исторической ретроспективе научный интерес представляет доклад Е.П. Ковалевского. С именем Евграфа Петровича Ковалевского (1865–1941) связан масштабный проект по изменению принципов изучения Ближнего Востока в Российской Империи. В докладной записке по поводу его доклада «Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях» отмечалось, что «среди стран с более или менее известным историческим прошлым, привлекающих к себе особенное внимание археологической науки, первое место, естественно, занимает, наряду со странами древнегреческой культуры, так называемый классический Восток в общепринятом значении этого термина, т.е. Египет, Передняя Азия с Сириею и Палестиною, страны по течению рек Тигра и Евфрата и прилежащие части древнего Ирана»[5].

Во второй половине XIX — начале XX вв. русские археологи и архитекторы в рамках программ и проектов ИППО и Императорской Российской Академии наук внесли огромный вклад в изучение истории Палестины, Сирии, Ливана, Анатолии и Иордании, проведя впечатляющие по своим результатам раскопки на территории этих стран. В связи с этим, следует отметить, работу первого русского научного учреждения по исследованию истории, археологии, географии, искусства и литературы христианского Востока за границей — Русского археологического института в Константинополе (РАИК). Создание РАИК явилось результатом развития научного востоковедения и византиноведения в России с середины XIX в. и его расцвета в начале XX в. Автором идеи создания РАИК был Ф.И. Успенский, ставший бессменным директором института. Основные направления работы РАИК были связаны с изучением древней географии и топографии, исследовании истории и археологии всех территорий Византийской империи, описанием рукописей, эпиграфикой и нумизматикой, исследованием архитектуры и монументальных памятников искусства. Известен комплекс научных экспедиций в Малую Азию, Болгарию, Сербию, Македонию,

Грецию, Афон, Сирию, Палестину, которые предприняли научные сотрудники РАИК. Результаты их исследований были опубликованы в журнале «Известия РАИК». Часть рукописей и книг из РАИК находятся в БАН Санкт-Петербурга, институтах РАН, памятники из коллекции и фотодокументы — в Государственном Эрмитаже[6].

«Русскому духовному присутствию в Святой Земле» в XIX — начале XX в. посвящен исторический очерк о РДМ Н.Н. Лисового[7]. Значению вклада ученых России, принимавших участие в научно-просветительской деятельности ИППО, в развитии отечественного востоковедения посвящена монография А. Крылова и Н. Сорокиной «Императорское Православное Палестинское Общество и отечественное востоковедение»[8]. Этапы политических и культурно-религиозных отношений и контактов России в Святой Земле, в том числе деятельность ИППО представлена в монографии Б.Ф. Ямилинец «Россия и Палестина»[9].

Многочисленные публикации о деятельности России в Палестине приурочены к различным знаменательным датам. Пристальное внимание к этому региону актуализировано тем, что в декабре 2019 года Россия отмечала 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке. Истории создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской империи была посвящена Всероссийская научная конференция[10]. К 140-летию Императорского Православного Палестинского Общества в издательстве «Индрик» в г. Москва в 2022 г. впервые вышла в свет под редакцией С.Ю. Житенёва «Энциклопедия ИППО: 1882–2022 гг.» — фундаментальная обобщающая научная работа, не знающая аналогов[11].

Палестиноведческую тематику в современных отечественных научных изданиях необходимо начинать рассматривать с работ Е.М. Примакова[12] и Н.Н. Лисового, которые на протяжении многих лет анализировали развитие политических, общественных, научно-образовательных и культурных процессов на Ближнем Востоке и Палестине.

В 2006 г. вышла знаменитая научная монография Н.Н. Лисового «Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в.»[13], в которой впервые были представлены многогранные научные исследования русских учёных в Библейском регионе, проходившие до середины XX столетия. В 2009 г. известные востоковеды и писатели Л.И. Медведко и С.Л. Медведко, выпустили книгу «Восток — дело близкое, Иерусалим — святое. Мемуарно-историческое повествование»[14]. В этом издании широко представлена картина жизни на Ближнем Востоке и в Палестине за последние семьдесят лет, после Второй мировой войны. Научная монография Е.М. Примакова «Ближний Восток на сцене и за кулисами. Конфиденциально»[15], изданная в 2016 г., представляет собой глубокий аналитический текст, в котором комплексно рассматриваются основные политические и экономические проблемы

государств Ближнего Востока. В 2017 г. издана научная монография известного ученого-востоковеда, сотрудника Института востоковедения РАН А.В. Сарабьева «Христиане Ближнего Востока: вчера, сегодня... завтра»[16], в которой представлен комплексный анализ современной жизни христиан в Библейском регионе.

Исследователи МГИМО А.В. Крылов, В.М. Морозов и А.В. Федорченко, подготовили и выпустили две научные коллективные монографии: «Государство Палестина: право на будущее» в 2018 г. и «Иерусалим: история, демография, экономика и политика России в отношении Святого города» в 2022 г.[17] В этих глубоких работах представлена история, политика и экономика Палестины и Иерусалима в контексте сложнейших межрелигиозных и межкультурных отношений народов, проживающих на Святой Земле. В 2021 г. сотрудниками Института востоковедения РАН опубликована научная монография Д.А. Марьсис и С.Ю. Бабенковой «Палестина и Израиль: цифровая экономика как платформа для будущего эффективного взаимодействия»[18], в которой была глубоко проанализирована современная экономика Израиля и Палестины, а также рассмотрены возможности сотрудничества этих государств.

В настоящее время научная работа в области исторического, археологического, филологического исследования стран Библейского региона для Императорского Православного Палестинского Общества и Российской Академии наук остается актуальной. Вместе с тем, очевидна необходимость проведения библиографического анализа литературы по вопросам научно-технологического сотрудничества со странами Ближнего Востока, поскольку многие из них располагают определенным научно-техническим потенциалом и следуют традициям взаимовыгодной кооперации с нашей страной, заложенными ранее.

В традиционном понимании, сформировавшемся в 1950–1960-е гг. XX в., к региону Ближнего Востока причислялись страны — члены Лиги арабских государств, включая североафриканские государства, а также Израиль. Что касается «Большого Ближнего Востока», то этот широко используемый сегодня термин относит к странам региона, помимо указанных государств, также Турцию и Иран. В некоторых публикациях из «Большого Ближнего Востока» исключаются страны Северной Африки (кроме Египта). Такую точку зрения высказал в своей публикации «Понятие «Ближний Восток» А. Маначинский [19], которую разделяют авторы публикации.

Библиографический обзор научной литературы по вопросам научно-технологического сотрудничества со странами Ближнего Востока следует начать с трудов отраслевых институтов РАН. Одним из центров изучения Ближнего Востока и Средиземноморья является, как отмечено выше, Институт востоковедения РАН, в выпуске «Трудов» которого представлены разные аспекты современного социально-экономического положения Ближнего

Востока и Северной Африки. Авторы анализируют проблемы, актуальные для ряда арабских государств и региона в целом. Точка зрения исследователей заключается в том, что «арабский мир находится в непрерывном движении в поисках оптимальной модели экономического роста в условиях трансформации и модернизации структур, которые десятилетиями определяли его эволюцию по привычным лекалам догоняющего развития»[20]. В 2018 г. опубликована коллективная монография «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте» под редакцией В.Г. Барановского и В.В. Наумкина. В монографии дан анализ трансформаций, которые происходят в Ближневосточном регионе в настоящее время. Социальный, экономический и политический аспекты ближневосточной проблематики авторы раскрывают с точки зрения соотношения элементов традиционализма и глобализма, а также показывают особенности исторического процесса при установлении в постколониальный период границ наций-государств региона[21].

Также известны такие публикации, как коллективная монография «Новая система производительных сил и страны Востока», вышедшая в свет в 2019 г. Коллективная монография посвящена анализу развития и воздействия на мировую экономику и экономику стран Востока технологий четвертой промышленной революции и накопленных ранее технологий, которые в совокупности образуют новую систему производительных сил. Эта система отличается снижением роли человека и природных ресурсов в производственных процессах и ростом влияния технологий на все стороны производства. Монография является совместной работой Отдела экономических исследований (ОЭИ) и Центра исследования общих проблем современного Востока (ЦИОП) Института востоковедения РАН[22].

Об итогах 2020 г. в своей публикации рассказывает профессор кафедры востоковедения, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО А.В. Крылов. Автор отмечает: «В таблице с индикаторами уровня безопасности (Global Peace Index), которая ежегодно составляется представительной группой экспертов Международного института мира и Центра мира и изучения конфликтов Сиднейского университета, пять стран региона (Сирия, Ливия, Йемен, Судан и Ирак) делят последние места в списке вместе с Сомали и Афганистаном»[23].

В период с 2020–2022 гг. в институте Востоковедения РАН изданы работы, посвященные афро-азиатским странам и новым технологиям под редакцией Н.Н. Цветковой. В коллективной монографии «Афро-азиатские страны и новые технологии, 2020»[24] рассматриваются распространение, использование и перспективы влияния новейших технологий в этих странах, анализируются тенденция ускоренной электрификации автомобильного транспорта в странах Востока, развитие водородной энергетики, показано, возрастание спроса н а цифровые сервисы.

В работе на аналогичную тему, изданной в 2021 г.[25] анализируются тенденции развития сырьевых отраслей под влиянием новых технологий: развитие городского сельского хозяйства, вертикальных ферм. Показано, что энергетический переход приведет к сдвигам в геополитической системе мира: новыми энергетическими державами могут стать производители оборудования для использования ВИЭ. Отмечено, что новый виток борьбы за технологическое лидерство разворачивается между США и КНР. Предметом анализа в монографии являются и вопросы распространения новых технологий в отдельных странах и группах стран: воздействие солнечной энергетики и мобильной связи на жизнь в африканской деревне, состояние рынка ИКТ в Иране и т.д.

В издании 2022 г.[26] ученые Института востоковедения РАН представили позиции Дальневосточного центра мировой экономики, показали успехи и проблемы политики импортозамещения, новых финансовых технологий (финтех), криптомайнинга в Иране, применение зеленого метанола, водородного топлива, развитие устойчивого сельского хозяйства, показали позиции цифровых мегакорпораций и проблемы, связанные с их уходом из России.

Актуальным для данного обзора является издание Цветковой Н.Н. «Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки: В 2 книгах», изданное также институтом Востоковедения РАН[27]. В первой книге описывается предмет исследования монографии — развитие цифровой экономики в странах Азии и Африки, сравниваются различные определения цифровой экономики, рейтинги развития цифровой экономики, дан обзор литературы по проблемам развития цифровой экономики. Подробно анализируется «ядро» цифровой экономики, сектор ИКТ: производство товаров ИКТ и ИКТ-услуг. Показано, что страны Азии стали ведущими поставщиками на мировой рынок цифрового оборудования, таким образом они обеспечивают цифровую трансформацию других стран. Рассматриваются развитие аутсорсинга услуг ИТ и бизнес-процессов в странах Азии и Африки и перспективы развития сектора ИТ-услуг в контексте внедрения автоматизации и роботизации. Вызывает интерес развитие цифровой экономики в странах Азии и цифровых сервисов в странах Африки[28]. В центре внимания второй книги монографии находится развитие компаний цифровой экономики. Дана классификация компаний цифровой экономики, показано усиление могущества крупнейших онлайн-платформ, особенности ТНК цифровой экономики, сочетание традиционных факторов и инноваций в их деятельности. Вызывает интерес происходящая в последние годы «революция стартапов», дается критический анализ ряда прогнозов о влиянии цифровых технологий на занятость, раскрываются проблемы занятости через онлайн-платформы, различные виды этой занятости, трудности, с которыми сталкиваются работники онлайн-платформ,

распространение такой занятости в странах Азии и Африки. Интересны выводы о том, что в период пандемии значимость цифровой экономики существенно повысилась: оказались востребованными электронная торговля, телемедицина и использование ИИ в диагностике и фармакологии, сервисы для организации удаленной работы и дистанционного образования, онлайн-развлечения.

В обзор отечественной литературы, посвященный анализу научного и образовательного потенциала в странах Ближнего Востока входят коллективные и авторские монографии 2015–2022 гг. Института экономики РАН[29], периодика, публикации Центра ближневосточных исследований МГИМО, справочные материалы, интернет — ресурсы в форме электронных библиотек, статистика Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее ВОИС)[30], информация о национальных программах цифровой экономики в странах Ближнего Востока[31], диссертации, а также тематика съездов и конференций отечественных востоковедов.

Отметим, что наиболее полный обзор публикаций по исследуемой теме обозначен в разделе «Панорама Африки и Ближнего Востока» журнала «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право», опубликовавшего в 2021 г. коллективную статью «Российская арабистика»[32]. В содержании публикаций, посвященных формам сотрудничества со странами Ближнего Востока отражены как теоретические обобщающие рекомендации[33], так и различные направления взаимодействия: военно-техническое сотрудничество; культурные и научные связи; новые формы сотрудничества высокотехнологичных компаний.[34]

Центр ближневосточных исследований МГИМО к 15-летию своего основания представил публикацию «Ближний Восток в фокусе политической аналитики»[35]. В мониторинге взаимодействия российских научных и образовательных организаций с зарубежными учеными интересна информация, отраженная в Приложении 9 об ученых из Турции и Египта, работавших в России в 2018 г[36]. Правовая основа МНТС широко представлена в публикации «Формы и модели международного научно-технического сотрудничества в России». Обзор правового регулирования международной передачи технологий представлен в статье А. Метелицы.[37].

Следует обратить внимание и на такие издания, где рассматриваются новые вызовы и угрозы, с которыми сталкивается Россия в современном мире, в контексте новых глобальных изменений. Примером служит книга авторов А.В. Манойло, О.Г. Карпович, Т.В. Вершининой, А.В. Булавина «Политика многополярности: новые вызовы и угрозы», где проанализированы трудности в реализации политики многополярности, чтобы обеспечить России роль самостоятельного центра силы. Авторами приводится ряд предложений по формированию внешнеполитической позиции России в отношении наиболее острых проблем современного развития[38].

Среди электронных библиотек представляют интерес как специализированные электронные библиотеки, посвященные международной проблематике, так и крупные библиотеки с качественными коллекциями книг, например, Библиотека Института востоковедения РАН[39].

В последние годы внимание исследователей, защитивших диссертации по темам, связанным сотрудничеством России и стран Ближнего Востока привлекали такие направления, как: межарабское экономическое сотрудничество стран Среднего и Ближнего Востока; Ближневосточные экономические саммиты и их роль в решении социально-экономических проблем арабских государств; развитие экономической интеграции между арабскими государствами; экономическое сотрудничество между арабскими странами; экономическое сотрудничество стран Персидского залива с Российской Федерацией[40].

Для понимания сложившихся традиций отечественного востоковедения обратимся к истории и организации научных съездов российских востоковедов[41]. Хронология этих съездов, научные проблемы, решаемые по результатам принятых съездами решений в части основных опубликованных работ по истории Сирии, Ливана и Палестины XVI — первой половины XIX вв отражают тематику работы ученых-востоковедов нашей страны. К ним же относится и тематика конференций, проводимых Центром исследования общих проблем современного Востока (ЦИОПСВ), созданного в Институте востоковедения РАН в 2009 г. С 2020 г. начали проводиться конференции на такие темы, как «История востоковедения: традиции и современность» (17 декабря 2020 г.); «Азия и Африка на перекрестке традиций, модернизации и глобализации» (26 декабря 2020 г.); «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки» (17 марта 2021 г.); а также Конференция (круглый стол) «Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы» (16 июня 2021 г.). На конференции были рассмотрены особенности развития политических и экономических отношений в регионе Ближнего, Среднего и Дальнего Востока в период распространения здесь разрушительных социально-экономических последствий пандемии COVID-19 и роста тяжелейшей за последние 90 лет глобальной рецессии и расслоения общества. 15 декабря 2021 г. состоялась IV Московская научная конференция «Азия и Африка на перекрестке традиций, модернизации и глобализации»; 23 марта 2022 г. — Конференция «Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы стран Азии и Африки. 15 июня 2022 г. состоялась Конференция (круглый стол) «Нестабильность геостратегического пространства на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке: актуальные проблемы».

По итогам крупнейших деловых событий в 2022 г. аналитики института развития Росконгресс представили свыше 500 аналитических материалов, посвященных оценке и научно-методическому осмыслению

содержательных итогов различных форумов, из которых можно сделать вывод, что Арабские страны высоко оценивают политику России, нацеленную на установление стабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке. [42] По отдельным странам Ближневосточного региона можно отметить актуальность таких публикаций, как статья Н. Беренковой «Возможности российского высшего образования в Сирии и Ливане», вышедшая в свет в 2019 г. Как известно, Сирия и Ливан исторически представляют собой единый регион, и события, происходящие в одной из этих стран, так или иначе всегда оказывали друг на друга влияние. Автор анализирует состояние среднего и высшего образования в Сирии и Ливане и показывает возможности для сотрудничества России с этими странами[43].

Об опыте Ливана как одного из успешных центров финансовой индустрии на Ближнем Востоке в своей статье размышляют С. Анесянц и Каладжия Халиль Вассим «Множество факторов, как внешних, так и внутренних имеют влияние на стратегическое позиционирование Ливана на Ближнем Востоке», — отмечают исследователи — Ливану удалось сохранить традиционную стабильность банковского сектора, а его богатый жизненный опыт и закон о банковской тайне по сей день ценится всеми игроками Ближнего Востока и Северной Африки»[44].

Представляют интерес публикации на такие темы, как причины научно-технических успехов Израиля[45]; научно-технический комплекс России и Израиля: возможности взаимодействия (2006 г.)[46]; формирование и развитие национальной модели экономики инноваций (на примере Израиля)[47]; политика государства Израиль по формированию национальной инновационной системы[48]. В содержании данных работ анализируются причины успехов Израиля, возможности взаимодействия России с этим государством в исторической ретроспективе, подчеркивается наличие конкретных рекомендаций по развитию российско-израильского сотрудничества в сфере инноваций.

Что касается Турции, вызывают интерес исследования «Наука, технологии и образование в России и Турции (Партнерство, сотрудничество, соперничество, конкуренция или угроза)»[49]; «Образ России в Турции: историческое развитие и современное состояние». На современном этапе активного развития российско-турецких отношений авторы привлекли широкий круг исторических источников и исследовательской литературы, материалы из Архива внешней политики Российской Федерации, публикации СМИ различных эпох, данные экспертных и социологических опросов. «Общественное мнение в Турции о России, образ России и русских, бытующий в разных слоях турецкого общества, является исключительно важным в условиях налаживания стратегического сотрудничества между двумя странами», — отмечается в монографии, подготовленной Е. Бахревским и И. Свистуновой в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва[50].

В отношении темы Египта научный интерес представляют такие работы, как «Перспективы развития Российско-Египетских отношений» и «Научно-технологическое развитие Египта в XXI веке»[51]. Важно отметить, что в данных публикациях анализируется научно-технологическое развитие Египта, темпы которого существенно возросли в XXI в., что упрочило его позиции в качестве одного из лидеров научно-технического прогресса в Африке. Особое внимание во второй статье уделено таким аспектам научно-технологического развития, как организационная структура науки в АРЕ, численность и публикационная активность египетских ученых, их вовлеченность в международное сотрудничество, практика коммерциализации и распространения передовых технологий, развитие научно-технологических центров и стартапов. В исследовании также отмечается, что развитие науки и техники рассматривается руководством Египта в качестве средства обеспечения национального суверенитета и построения экономики знаний. В 2003 г. Г.А. Белова и Т.А. Шеркова выпустили книгу «Русские в стране пирамид: путешественники, учёные, коллекционеры»[52], в которой представили историю деятельности отечественных исследователей Египта. Отметим, что 16 и 17 июля 2022 г. в Русском доме в Каире Министерством культуры Российской Федерации был проведен культурный форум в рамках «перекрестного» Года гуманитарного сотрудничества между Россией и Египтом Особый интерес у зарубежных партнеров вызвала сфера образовательных и молодёжных проектов, в том числе открытие филиалов российских вузов в Египте[53].

Среди публикаций об Иордании в рамках рассматриваемой темы представляет интерес статья «Наука и технологии в Иордании». Ее текст построен на основе доклада ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 г., где раскрываются такие вопросы, как рамки научной политики Иордании, стратегия в области науки, технологий и инноваций, фонды для научных исследований и профессиональная подготовка, тенденции и результаты исследований, человеческие ресурсы. Отмечено, что с 146 публикациями на 1 млн. жителей в 2014 г. количество научных работ в Иордании находится на среднем уровне в арабском мире. Две трети статей, опубликованных учеными арабского мира в период с 2008 по 2014 гг., были написаны в соавторстве с международными партнерами в Соединенных Штатах Америки (1 153 статьи), Германии (586), Саудовской Аравии (490), Великобритании (450) и Канаде (259)[54].

Другая публикация, представляющая интерес для исследования — это статья А. Демченко «Российско-иорданские отношения в начале XXI века: достижения, проблемы и перспективы». В ней проанализированы подходы сторон к решению региональных политических и экономических задач, исследовано сотрудничество в военно-технической, энергетической и культурной сферах. Отмечая значительные успехи российско-иорданского

взаимодействия в начале XXI в., автор обозначает его наиболее перспективные направления. В их числе — потенциальное участие России в реализации ряда проектов по развитию ядерной энергетики и транспорта в Иордании, которое, по мнению автора, позволит не только укрепить экономику и стабильность королевства, но и упрочить российские позиции на Ближнем Востоке[55].

Новейшей истории Кувейта посвящена одноименная монография[56], в которой исследуется процесс становления современного Кувейтского государства и политика его правителей, которая направлена на обеспечение национальных интересов страны. Особое внимание автор уделил периоду Иракского кризиса 1990–1991 гг., спровоцированного иракской агрессией против Кувейта. Кувейт смог отстоять свою независимость и суверенитет и проявил сплоченность всех политических и общественных сил, которые не поставили под сомнение законность существующего в стране режима и объединили свои усилия, направленные на восстановление законной власти.

Интерес для исследования представляет публикация «Страны арабского мира на мировом рынке услуг высшего образования: сотрудничество с Россией» Р. Асмятуллина. В настоящее время появились такие региональные лидеры в сфере высшего образования, отмечает автор, как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Египет, Иордания. Сотрудничество России с рядом стран арабского мира развито не в полной мере. Несмотря на то, что количество студентов из региона, обучающихся в России, растет, они составляют небольшую часть от общего количества иностранных студентов. В статье выявлены основные тенденции сотрудничества России с арабским регионом в сфере высшего образования, дана оценка возможностей для расширения сотрудничества и определены направления обучения, взаимовыгодные для России и арабских стран. Как правило, интересующие сведения о ближневосточных странах и перспективах научно-технологического развития содержатся, прежде всего, на новостных сайтах. Так, в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ) в 2018 г. утвердили национальную научную программу до 2031 г.[57]. Полезная информация по сотрудничеству между Россией и ОАЭ в области культуры, образования, науки и инноваций содержится на сайте Посольства Российской Федерации в ОАЭ и др.[58] Знакомство с рядом публикаций о международно-техническом сотрудничестве с Египтом позволяет глубже понять особенности форм сотрудничества России с этой страной[59].

Оценивая Российско-арабские отношения в настоящее время, Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров отмечает, что «Нынешнее состояние характеризуется тем, что у России взаимно уважительные, поступательно развивающиеся отношения со всеми без исключения арабскими государствами <...> У нас налажены тесные экономические связи, быстро развивается инвестиционное сотрудничество,

гуманитарные, образовательные связи. Уже несколько лет работает основанный по инициативе Президента России В.В. Путина Российский фонд прямых инвестиций (РФПИ). Он создал совместные платформы с рядом арабских стран (прежде всего стран Залива) и реализует масштабные проекты в энергетике, авиастроении, освоении космоса и других высокотехнологичных областях. Саудовская Аравия, Алжир являются примерами наших ведущих партнеров в арабском мире и на Севере Африки»[60].

В подтверждение актуализации темы дальнейшего взаимодействия с государствами Ближнего Востока, необходимо отметить выводы аналитической статьи «Перспективы сотрудничества России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья», подготовленной исследователями Института Наследия им. Д.С. Лихачёва и РИЭПП в научно-технической сфере. Ими выявлены зарубежные научные, образовательные и другие организации и институции бизнес-сектора отдельных государств Ближнего Востока и Средиземноморья, которые могут представлять интерес как потенциальные партнеры для сотрудничества с российскими учреждениями, проанализирована публикационная и патентная активность конкретных стран и определены востребованные направления сотрудничества с российскими учреждениями[61].

Основные результаты обзора отечественной научной литературы, посвященной Ближневосточному региону свидетельствуют об имеющемся в распоряжении исследователей значительном объеме опубликованных работ, отражающих исторические корни и связи России с этими странами, современный уровень научного знания по вопросам гуманитарного и научно-технологического сотрудничества. В новейших публикациях по вопросам научно-технологического взаимодействия отмечается возрастание потребности на цифровые сервисы, существенный рост числа цифровых компаний, где, тем не менее, значительную роль играют США, Китай, Япония, Южная Корея. Предметом анализа в изученных публикациях являются вопросы распространения новых технологий в отдельных странах и группах стран, показаны позиции цифровых мегакорпораций и проблемы, связанные с их уходом из России. При рассмотрении особенностей ТНК цифровой экономики в развивающихся странах Азии отмечается сочетание традиционных факторов и инноваций в их деятельности. Рассматривается происходящая в последние годы «революция стартапов».

Несмотря на сложившуюся политическую ситуацию и на вызовы современности, Россия продолжает играть важную роль в системе международных отношений. Россия является инициатором создания международной организации БРИКС, активным участником ШОС, ЕАЭС и ОПЕК+. Имея огромный авторитет среди многих государств мира, в частности среди входящих в вышеперечисленные организации, а также среди стран Ближневосточного и Средиземноморского регионов. Российская Федерация, действуя

с позиций мягкой силы, может активно сотрудничать с этими странами, разрабатывая привлекательные инструменты для устойчивого развития научной, технологической и инновационной деятельности.

Благодаря многолетней исследовательской работе отечественных востоковедов и палестиноведов, продолжающейся и в настоящее время, выявлено, что для России изучаемые страны, исходя из собственных стратегических и национальных целей, представляют интерес в плане культурного и научно-технологического взаимодействия, несмотря на то, что механизм создания эффективных моделей межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке существенно осложнён. Это связано с наличием вмешательства в дела региона вне региональных акторов, серьезных проблем, среди которых конфликты на этнической и религиозной почве, отсутствие единого регионального лидера, слабость региональных организаций, а также наличие большого количества террористических организаций[62].

1 «Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2020 гг.» Научный редактор С.Ю. Житенёв, ответственный секретарь А.П. Соловьёв. М.: Издательство «Индрик», 2022. — 956 с.URL: http://archive-khvalin.ru/enciklopediya-ippo/

2 Житенёв С.Ю. «Цивилизационное присутствие России в мире: к 135-летию начала деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в Российской империи и на Ближнем Востоке» /Журнал Института Наследия. 1917, №2 (9).URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnoe-prisutstvie-rossii-v-mire-k-135-letiyu-nachala-deyatelnosti-imperatorskogo-pravoslavnogo-palestinskogo-obschestva-v?ysclid=lc8sfpi4ru308961008

3 Житенёв С.Ю. Научный конкурс РФФИ-ИППО // Православный Палестинский сборник. М., «Индрик»,2019. С. 343–347; он же. «Сохраним Россию в Святой Земле! Первый международный гуманитарный проект России на Ближнем Востоке: к 130-летию Императорского Православного Палестинского Общества». М., Издательство «Индрик», 2012. — 56 с.; он же «Проект, аналогов которому нет в мире». // Интервью С.Ю. Житенёва, заместителя Председателя Московского отделения ИППО, Н. Ставицкой, специальному корреспонденту газеты «Православная Москва», № 10 (508) май 2012 г. с. 5; он же. «Первый международный гуманитарный проект России: к 130-летию Императорского Православного Палестинского Общества». // Русский мир — 2012: сб. статей. М., Магистр: ИНФРА–М, 2012. с. 27–57.
URL: https://history.wikireading.ru/384539?ysclid=l5qg5npuhp945345345

4 Лисовой Н.Н. Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие // Отечественная история. 2003. № 2. С. 19–37.

5 Ковалевский Е.П. Доклад «Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях». // Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Н.Н. Лисовой, составл., вступ. статья и коммент. Т. 1. М., 2000. С. 339–349. URL: https://ros-vos.net/nauka/1/ippo/12/3/?ysclid=lct85y5idh729361768

[6] Сусленков В.Е. Археологический институт в Константинополе. // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. III. С. 503.

[7] Лисовой Н.Н. Исторический очерк о Русской Духовной миссии в Палестине. URL: https://www.ippo.ru/historyippo/article/russkoe-duhovnoe-prisutstvie-v-svyatoy-zemle-v-xix-200501?ysclid=l 60s9xjnkz 276325388

[8] Крылов А.В., Сорокина Н.М. Императорское Православное Палестинское Общество и отечественное востоковедение. Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2007. — 80 с.

[9] Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина. Очерки политических и культурно-религиозных отношений (XIX — начало XX века) Институт востоковедения РАН, М., 2003. — 256 с.URL: https://book.ivran.ru/book?id=807

[10] 200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи//Материалы Всероссийской научной конференции. Государственный Эритаж. 3–4 октября 2019 г. Под ред. С.Ю. Житенева, К.А. Ваха. М., Индрик, 2019. — 508 с.

[11] Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается. М.: Индрик, 2022. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_2130734

[12] Примаков Е.М.: Ближний Восток: пять путей к миру (1974); Анатомия ближневосточного конфликта (1978); Восток после краха колониальной системы (1982); Восток: рубеж 80-х (1983); История одного сговора: ближневосточная политика США в 70-е — нач. 80-х гг. (1985).

[13] Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. — 512 с.

[14] Медведко Л.И., Медведко С.Л. Восток — дело близкое, Иерусалим — святое. Мемуарно-историческое повествование. М., 2009. — 544 с.

[15] Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами. Конфиденциально». М., 2016. — 415 с.

[16] Сарабьев А.В. Христиане Ближнего Востока: вчера, сегодня... завтра. М., 2017. — 264 с.

[17] А.В. Крылова, В.М. Морозова, А.В. Федорченко «Государство Палестина: право на будущее». Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, М.: МГИМО-Университет, 2017. 380 cfile:///C:/Users/User/Downloads/palestinskaya-problema-kakim-budet-zavtra-2.pdf.;Крылов А.В., Морозов В.М., Федорченко А.В. Иерусалим: история, демография, экономика и политика России в отношении Святого города. М.: МГИМО, 2022. — 372 с.URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/ierusalim-istoriya-demografiya-ekonomika-i-politika-rossii-v-otnoshenii-svyatogo-goroda/?ysclid=lc8ss4tta329843102

[18] Марьсис Д.А., Бабенкова С.Ю. Палестина и Израиль: цифровая экономика как платформа для будущего эффективного взаимодействия. М., 2021. — 286 с.

[19] Маначинский А. Я. Понятие Ближний Восток.
URL: http://rubicon.org.ua/index.php/component/k2/item/114-1-1-ponyatie-blizhnij-vostok

[20] Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 11: Арабский мир и экономические вызовы. Многоликая реальность. Отв. ред. выпуска *А.О. Филоник, ред-сост. Л.Н. Руденко, З.А. Соловьева*. М.: ИВ РАН. 2018. — 212 с.URL: https://eruditor.io/file/2823620/

[21] Барановский В.Г., Наумкин В. В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: Ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 3. С. 5–19. DOI 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19

[22] Акимов А.В., Борисов М.Г., Борисова Е.А. [и др.]; ответственные редакторы: Акимов А.В., Панарин С.А. Новая система производительных сил и страны Востока: коллективная монография / А.В. Акимов [и др.]. М.: ИВ РАН, 2019. 271 с. URL: https://book.ivran.ru/f/akimovpanarintextblock.pdf?ysclid=l5s2dkhedw124133203

[23] Крылов А. В. Ближний Восток. Неутешительные итоги 2020 года. Эксперты МГИМО. URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/blizhniy-vostok-neuteshitelnye-itogi-2020-goda/

[24] Афро-азиатские страны и новые технологии, 2020: (Коллективная монография) / Отв. ред. Н. Н. Цветкова; Ин-т востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2020. — 390-5. DOI: 10.31696/978-5-907384-12-5
https://book.ivran.ru/f/vyhodnye-dannye_29.pdf?ysclid=levc630ubk829653091

[25] Афро-азиатские страны и новые технологии, 2021.. (Коллективная монография) / Отв. ред. Н. Н. Цветкова; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2021 — 296... DOI: 10.31696/978-5-907384-77-4
https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48226835&ysclid=levcf425nn384378759

[26] Афро-азиатские страны и новые технологии — 2022: коллективная монография. Ин-т востоковедения Рос. акад.наук, Центр исслед. общ. проблем соврем. Востока ; [отв. ред.,сост. Н.Н. Цветкова]. М.: ИВ РАН. 2022. — 282 с.

[27] *Цветкова Н.Н.* Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки: В 2 книгах. КНИГА 2: Компании цифровой экономики. Онлайн-платформы и занятость / Институт востоковедения РАН (Центр исследования общих проблем современного Востока). Москва: ИВ РАН, 2022. — 240 с.

[28] Развитие цифровой экономики: страны Азии и Африки: в 2 книгах. Н.Н. Цветкова; Российская академия наук, Институт востоковедения. М. Кн. 1 : Развитие цифровой экономики. 2021. — 351, https://expose.gpntbsib.ru/expose/vnp-bc5c24bc/book/%D0%932021-30001N1221826293?ysclid=levd3qizjy859612250

[29] Коллективные и авторские монографии 2015– 2022 гг. Института экономики РАН. URL: https://inecon.org/publikaczii/publikaczii/kollektivnye-i-avtorskie-monografii.html

[30] Intellectual Property Statistics by Countries. URL: https://www.wipo.int/ipstats/ru/

[31] Руденко Л. Н. Перспективы цифровой трансформации экономики арабских стран // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 5. С. 92–108.

[32] Российская арабистика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право / А.М. Васильев [и др.]. 2021. Т. 14, № 6. С. 257–296. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-6-12

[33] Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века. URLfile:///C:/Users/User/Downloads/modeli-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva-na-blizhnem-vostoke-1.pdf

[34] Щекин А.С. военно-техническое сотрудничество России со странами Ближнего Востока как фактор стабильности в регионе URLhttps://cyberleninka.ru/article/n/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-so-stranami-blizhnego-vostoka-kak-faktor-stabilnosti-v-regione?ysclid=ld8jedswvq418532767; Подцероб А. Россия — арабский мир: культурные и научные связи URLhttp://www.iimes.ru/?p=8702&ysclid=ld8jrfljmb874172762; Дудин М., Малашкина О. Новые формы сотрудничества высокотехнологичных компаний в условиях глобальной цифровой кооперации Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПР РАН, тема НИР «Институциональная трансформация экономической безопасности при решении социально-экономических проблем устойчивого развития национального хозяйства России». https://1economic.ru/lib/111629?ysclid=ld8llluay1543788638

URL file:///C:/Users/User/Downloads/monitoring-vzaimodeystviya-rossiyskih-nauchnyh-i-obrazovatelnyh-organizatsiy-s-zarubezhnymi-uchenymi.pdf

[35] Ближний Восток в фокусе политической аналитики. К 15-летию Центра ближневосточных исследований.МГИМО,2019 URL https://mgimo.ru/upload/iblock/d9b/blizhnij-vostok-v-fokuse-politicheskoj-analitiki.pdf?ysclid=ld8jumikle561506284

[36] Мониторинг взаимодействия российских научных и образовательных организаций с зарубежными учеными . С. 330.URL file:///C:/Users/User/Downloads/monitoring-vzaimodeystviya-rossiyskih-nauchnyh-i-obrazovatelnyh-organizatsiy-s-zarubezhnymi-uchenymi.pdf

[37] Формы и модели международного научно-технического сотрудничества в России» URL https://нтр.рф/analytics/formy-i-modeli-mezhdunarodnogo-nauchno-tekhnicheskogosotrudnichestva/?ysclid=lda19ikdj842539330; Метелица А. Обзор правового регулирования международной передачи технологий. Журнал международного права и международных отношений. № 2. http://www.evolutio.info/ru/journal-menu/2010-2/2010-2-metelica (accessed 03.04.2021)

[38] Манойло А.В., Карпович О.Г., Вершинина Т.В., Булавин А.В. Политика многополярности: новые вызовы и угрозы. М., 2019 Дипломатическая академия МИД России. — 434 с. https://www.dipacademy.ru/library/publications/search/?term=%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B9%D0%BB%D0%BE&ysclid=levd85bhqe502958525

[39] Электронные библиотеки РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/library/db/libraries/

[40] https://economy-lib.com/ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-s-arabskimi-stranami;

[41] Материалы Калмыцкого научного центра РАН. Организационно-научные сьезды российских востоковедов. Программа XIII Всероссийского съезда востоковедов «Восточные архивы и архивоведение в современном мире: проблемы и перспективы» в очном и онлайн формате, проведен 05–08.10.2021. Элиста

[42] URL https://roscongress.org/materials/itogi-ekspertno-analiticheskoy-raboty-za-2022-god/

[43] Беренкова Н. А. Возможности российского высшего образования в Сирии и Ливане. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozmozhnosti-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya-v-sirii-i-livane/?ysclid=lbkvwy436m211479849

[44] Анесянц С. А., Каладжия Х. В. Опыт Ливана как одного из успешных центров финансовой индустрии на Ближнем Востоке // Новые технологии. 2012. № 4. С. 162–165

[45] Фиговский О. Л. Израиль и система поддержки инноваций на всех этапах развития // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16, № 16. С. 241–250

[46] Федорченко А. В., Марьясис Д. А. Научно-технический комплекс России и Израиля: возможности взаимодействия. ИМИ МГИМО (У). М., 2006. 71 с.

[47] Марьясис Д. А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2015. 268 с.

[48] Жадовец Н. В. Политика государства Израиль по формированию национальной инновационной системы: специальность 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)»: дис. на соиск. ... канд. истор. наук. Томск, 2013. 229 с.

[49] Ваганян Г.А. Наука, технологии и образование в России и Турции (партнерство, сотрудничество, соперничество, конкуренция или угроза) // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник: мат-лы XX Национальной науч. конф. с междунар. участием (Москва, 14–15 декабря 2020 г.). М.: Ин-т науч. инф. по общест. наукам РАН, 2021. С. 781–785

[50] Бахревский Е. В., Свистунова И. А. Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние. М.: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2019. — 234 с

[51] Безрукова Т. Л., Шанин И. И., Круглова К. В. Перспективы развития российско-египетских отношений // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 10. С. 315–318; Волков С. Н. Научно-технологическое развитие Египта в XXI веке // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 4 (53). С. 43–54. DOI: 10.31132/2412-5717-2020-53-4-43-54

[52] Белова Г.А., Шеркова Т.А. Русские в стране пирамид: путешественники, учёные, коллекционеры. М., 2003. — 272 с.

[53] Новости Министерства культуры Российской Федерации: В Каире прошел форум, посвященный гуманитарному сотрудничеству России и Египта. 18.07.2022. URL: https://culture.gov.ru/press/news/v_kaire_proshel_forum_posvyashchennyy_gumanitarnomu_sotrudnichestvu_rossii_i_egipta/

[54] Наука и технологии в Иордании.
URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Science_and_technology_in_Jordan;

[55] Демченко А. В. Российско-иорданские отношения в начале XXI века: достижения, проблемы и перспективы // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 3. С. 100–138

[56] Мелкумян Е. С. Новейшая история Кувейта, Центр кувейтских исслед. М.: Аспект-Пресс, 2011. 190 с. URL: https://russiancouncil.ru/library/library_rsmd/noveyshaya-istoriya-kuveyta/?ysclid=lbmj3h7te964384135

[57] Издательство «Русские Эмираты», новости из ОАЭ,02.04.2018. В ОАЭ утвердили национальную научную программу. URL: https://russianemirates.com/news/uae-news/v-oae-utverdili-natsional-nuyu-nauchnuyu-programmu/

[58] Посольство Российской Федерации в ОАЭ. Российско-эмиратские отношения. Сотрудничество в области культуры, образования, науки и инноваций. URL: https://uae.mid.ru/18?ysclid=l5s3skqslv167959393

[59] Фитуни Л Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы. Азия и Африка сегодня. 2021. № 4. С. 15–24. DOI: 10.31857/S032150750014642-8; Волков С Научно-технологическое развитие Египта в XXI веке. Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 4(53), с. 43–54. PWC. Global FinTech Report 2019. https://www.pwc.com/fintechreport (accessed 31.03.2021); Носырев И., Гришин Н. Черная касса: как предприниматели с Русского Севера работают в Африке. URL: https://www.rbc.ru/own_business/07/07/2018/5b38b4e99a7947353ae0428c

[60] Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова египетскому телеканалу «ТеН ТВ», Москва, 14 декабря 2021 года https://mid.ru/tv/?id=1790361&lang=ru

[61] Житенёв С.Ю., Васильева И.Н., Реброва Т.П., Бородик К.А., Васюков А.Н. Перспективы сотрудничества России со странами Ближнего Востока и Средиземноморья. // Управление наукой и наукометрия. Т. 17. Вып. 4. 2022. С. 483–525. DOI: 10.33873/2686-6706.2022.17-4.483-525.

[62] Бородина М.Ю., Рыжов И.В., Аверьянова Д.А. Модели межгосударственного сотрудничества на Ближнем Востоке // Мировая политика. — 2020. № 4. DOI: 10.25136/2409-8671.2020.4.34673 URL:https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34673 URLfile:///C:/Users/User/Downloads/modeli-mezhgosudarstvennogo-sotrudnichestva-na-blizhnem-vostoke.pdf

Декларация Бальфура 1917 г. и её значение для современных международных отношений*

О.А. Колобов, О.О. Хохлышева

В ноябре 2017 г. исполнилось 100 лет Декларации Бальфура 1917 г. Столетие Декларации по времени совпало с признанием Президентом США Д. Трампом Иерусалима как столицы государства Израиль[1]. Конгресс США принял решение о переносе дипломатической миссии из Тель-Авива в Иерусалим ещё в 1995 г., что нашло отражение в законе США о посольстве США в Иерусалиме[2]. Сенат США вновь подтвердил приверженность Акту, единогласно проголосовав 5 июня 2017 г. Согласно тексту Декларации 9683 Администрации Президента США Д. Трампа от 6 декабря 2017 г. о провозглашении статуса Иерусалима Иерусалим определяется как неделимый город и признается как столица Государства Израиль[3]. Иерусалим, согласно тексту документа, продолжает оставаться местом, где евреи молятся в Западной стены, христиане поклоняются Гробу Господню, мусульмане молятся в мечети Аль-Акса[4]. Следовательно, речь идет об одностороннем политическом акте США, о констатации свершившегося факта, обладающего перспективой развития, заслуживающего дальнейшего анализа. Следует отметить, что реакция международного сообщества на реализацию государственных интересов США в регионе Ближнего Востока была сдержанной. Упомянутые события предоставляют возможность для проведения аналогии с таким актом, как Декларация Бальфура 1917 г., продолжающим сохранять актуальность для исследований в сфере истории международных

* Исследование выполнено в соответствии с госзаданием Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского FSWR-2022-0001 «Фактор Палестины в процессе трансформации международных отношений и многосторонней дипломатии современной России» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

отношений и внешней политики. Декларация Бальфура 1917 г. и связанные с ней события, позволяют уточнить роль односторонних деклараций и другие заявлений государственных деятелей с точки зрения международного права в его исторической ретроспективе, а также в контексте практики осуществления народом права на самоопределение в его правовых рамках, с учётом фактора националистического общественно-политического движения и политического обеспечения его интересов.

Прежде, чем отвечать на поставленные вопросы, следует дать оценку Декларации Бальфура 1917 г. как исторического документа с учётом правовой точки зрения. Декларация Бальфура — это официальное письмо, датированное 2 ноября 1917 г., министра иностранных дел лорда Артура Бальфура[5] к представителю британской еврейской общины лорду Лаойнелу Ротшильду[6] для передачи Сионистской Федерации Великобритании. 2 ноября 1917 года, лорд Артур Бальфур, министр иностранных дел Великобритании и лидер консервативной партии Великобритании опубликовал открытое письмо лорду Уолтеру Лайонелу Ротшильду, лидеру еврейской общины Великобритании, банкиру и вице-президенту (заместителю председателя Коллегии еврейских представителей). Процесс подготовки документа детально рассмотрен специалистами. В Декларации Бальфура 1917 г., содержалась констатация того, что Правительство его Величества[7] предусматривает благоприятные условия для создания «национального очага для евреев» в Палестине[8]. Текст Декларации Бальфура 1917 г. чаще всего оценивается как один из официальных актов, послуживших политико-правовым основанием для последующего формирования еврейского государства за 50 лет до провозглашения Израиля. Мнения по отношению к Декларации Бальфура 1917 г. различаются: от возможности формирования государства в новых условиях до начала продолжающейся нестабильности на Ближнем Востоке и до формирования «государства с политикой апартеида». Сложилось мнение, что Декларация Бальфура 1917 г. явилась своеобразным источником нестабильности в регионе, поскольку в настоящее время, в условиях существования двух государств при сохранении различий в их оценке, территориальные вопросы продолжают оставаться неурегулированными.

По-разному оценивается роль Великобритании и последствия её деятельности, в том числе, с точки зрения международного права относительно Декларации Бальфура 1917 г. Существует оценка Декларации Бальфура 1917 г. как публичного заявления Правительства Великобритании, сделанного в период Первой мировой войны в поддержку основания национального очага или национального дома для еврейского народа в Палестине, территории, которая в тот период времени находилась во владении Османской Империи, в котором еврейское население, согласно численности, характеризовалось как меньшинство.[9]

Письмо (официальное письмо) А. Бальфура, содержащее текст Декларации от 2 ноября 1917 г. от министра иностранных дел Великобритании лорда Артура Бальфура к лидеру еврейской общины Великобритании лорду Ротшильду предназначалось для передачи Сионистской Федерации Великобритании и Ирландии[10]. Текст Декларации был опубликован в прессе 9 ноября 1917 г. Декларация была опубликована в лондонском «The Times» 9 ноября 1917 г. под заголовком «*Palestine for the Jews. Official Sympathy*»[11]. «Таймс» опубликовала это сообщение одновременно с сообщением о большевистском перевороте в России.

Текст Декларации Бальфура 1917 г. выглядит следующим образом:

«Министерство иностранных дел, 2 ноября 1917 года.

Уважаемый лорд Ротшильд.

Имею честь передать Вам от имени Правительства Его Величества следующую декларацию, в которой выражается сочувствие сионистским устремлениям евреев, представленную на рассмотрение кабинета министров и им одобренную:

«Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа, и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которым пользуются евреи в любой другой стране».

Я был бы весьма признателен Вам, если бы вы довели эту Декларацию до сведения Сионистской Федерации.

Искренне ваш, Артур Джеймс Бальфур»[12].

Для более полного понимания документа необходимо оценить статус Палестины, которая в период времени появления Декларации 1917 г. входила в состав Османской империи[13]. Система мандатов Лиги Наций, связанной с прекращением существования Османской империи в результате Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и распределением мандатов на управление территориями, входившими в её состав, между колониальными державами, сформировалась позднее. Мандат на управление территорией Лиги Наций содержал определение правового статуса территорий, переданных из-под контроля одной страны другой после Первой мировой войны. Мандаты на управление Лиги Наций носили характер договора и одновременно содержали положения, адресованные внутреннему регулированию, которые содержали положения о правах меньшинств, которые предусматривали право подачи петиций и право вынесения решения и урегулирования Постоянной палатой международного правосудия, судебного органа Лиги Наций (например, дело о Юго-Западной Африки, длительное время, находившегося на рассмотрении Международного Суда ООН о правовых

последствиях для государств продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии несмотря на резолюцию 276 (1970) Совета Безопасности (1971 г.). Мандатная система была установлена в соответствии со статьей 22 Устава (Статута) Лиги Наций, вступившего в силу 28 июня 1919 г. С роспуском Лиги Наций после Второй мировой войны и трансформацией её в ООН с находящимся в её составе в числе главных органов, Советом по опеке, также изменившем свои функции, после упразднения системы колониализма с принятием Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам в 1960 г. и выполняя функции по наблюдению за народами, осуществляющими право на самоопределение, уже на Ялтинской конференции в 1945 году было установлено, что оставшиеся мандаты Лиги Наций должны быть передана под опеку Организации Объединенных Наций при условии будущих обсуждений и официальных соглашений: 1) к существующим мандатам Лиги Наций; 2) к территориям, отторгнутым от вражеских государств в результате Второй мировой войны в качестве меры ответственности (согласно ст. 53 Устава ООН, имеются ввиду страны фашистской Оси и их пособники; 3) к любой другой территории, которая может быть добровольно поставлена под опеку; 4) никаких дискуссий о конкретных территориях на предстоящей конференции Объединенных Наций или во время предварительных консультаций не предполагается, и решение вопроса о том, какие территории, относящиеся к указанным выше категориям, будут поставлены под попечительство, явится предметом позднейшего соглашения. Таким образом, большинство оставшихся мандатов Лиги Наций (за исключением Юго-Западной Африки) в конечном итоге стали подопечными территориями Организации Объединенных Наций.

Два руководящих принципа легли в основу системы мандатов Лиги Наций: неприсоединение территории и управление ею как «священным доверием цивилизации» для развития территории на благо ее коренных народов (здесь под термином «цивилизованный» имеется ввиду следующий международному праву, согласно терминологии разъясненной российским специалистом Ф.Ф. Мартенсом). Практика колониального управление в мандатах существенно не отличалось от колониального управления в других местах. Несмотря на то, что Пакт Лиги (Статут Лиги наций) обязывал великие державы управлять мандатами по-разному, основное различие, по-видимому, заключалось в том, что колониальные державы говорили о мандатах иначе, чем другие их колониальные владения. Мандатная система была установлена статьей 22 Устава Лиги Наций, составленного победителями в Первой мировой войне. В статье речь шла о территориях, которые после войны уже не находились под властью их прежнего суверена, но их народы не считались «способны выстоять самостоятельно в напряженных условиях современного мира». В статье содержится призыв к тому,

чтобы опеку над такими людьми «поручили передовым странам, которые в силу своих ресурсов, своего опыта или своего географического положения лучше всего могут взять на себя эту ответственность». То есть, система мандатов Лиги Наций была трансформирована в систему опеки ООН, прекратившуюся с прекращением колониализма в 1960 г, сохраняя актуальность практики самоопределения народов. Кроме того, следует отметить отличие правового регулирования в отношении территорий, находившихся под протекторатом от мандатного управления: мандатная власть брала на себя обязательства перед жителями территории и перед Лигой Наций, а протекторат не предусматривал такого условия. Процесс установления мандатов Лиги Наций состоял из двух этапов: формальное снятие суверенитета государства, ранее контролировавшего территорию; передача обязательных полномочий отдельным государствам среди союзных держав. Оба этапа оформлялись в договорном порядке. Например, отчуждение заморских колоний Германии вместе с тремя территориями, отделенными от ее европейской родины (Вольный город Данциг, Мемельская территория и Саар), было осуществлено Версальским договором (1919), при этом территории были переданы союзникам. 7 мая того же года. Османские территориальные претензии были впервые рассмотрены в Севрском договоре (1920) и окончательно закреплены в Лозаннском договоре (1923). Территории Османской империи были переданы союзным державам на конференции в Сан-Ремо в 1920 г. Лига Наций определила точный уровень контроля мандатной власти над территорией и населением на индивидуальной основе. Одновременно, подмандатной власти запрещалось строить укрепления или собирать армию на территории мандата, и от нее требовалось представлять ежегодный отчет о территории в Постоянную мандатную комиссию Лиги Наций.

Мандаты Лиги Наций были разделены на три отдельные группы в зависимости от уровня развития, достигнутого населением в то время.

Первая группа, или мандаты класса А, представляли собой территории, ранее контролируемые Османской империей, которые, как считалось, достигли такой стадии развития, когда их существование в качестве независимых государств может быть временно признано при условии предоставления административных советов и помощи. мандатарием до тех пор, пока они не смогут действовать самостоятельно. Желания этих сообществ должны быть главным соображением при выборе мандатария». Класс «А» вбирал в себя территории: Сирия, Палестина, Ливан, Трансиордания, Месопотамия (Мандаты в Западной Азии).

Ко второй группе мандатов, или мандатов класса В, относились все бывшие немецкие колонии в Западной и Центральной Африке, именуемые Германией Schutzgebiete (протектораты или территории), которые, как считалось, требовали более высокого уровня контроля со стороны императивной

власти. Мандатарий должен нести ответственность за управление территорией на условиях, которые будут гарантировать свободу совести и религии». Императивной власти запрещалось строить военные или военно-морские базы в рамках мандатов. Класс «B»: Британское Того, Французское Того, Британский Камерун, Французский Камерун, Танганьика, Руанда — Урунди (Мандаты в Африке).

Мандаты класса C, включая Юго-Западную Африку и некоторые острова южной части Тихого океана, считались «наилучшим образом управляемыми в соответствии с законами Мандата как неотъемлемыми частями его территории». Мандат класса «C»: Тихоокеанский регион: Тихоокеанский мандат Японии, Территория Новой Гвинеи, Науру, Западная Сахара; Мандат в Африке: Юго-Западная Африка.

Таким образом, в указанный период времени, речь в Декларации Бальфура 1917 г. шла о территории, находящейся в составе другого государства, незадолго до формирования системы мандатного управления Лиги Наций.

В самом начале письма говорится о тексте декларации правительства крупной «великой державой», выражающее сочувствие сионистским устремлениям евреев. Наибольший вопрос вызывал термин «национальный очаг» («национальный дом» — в англоязычном тексте — «national home", в переводе на французский язык — «un Foyer national» — национальный очаг, согласно практике термин "nation" (англ.), "une nation" означает «государство»), поскольку сам по себе он не применялся в международном праве и имеет широкое толкование, что не допустимо, хотя, исходя из контекста и последующих действий и решений, скорее всего, речь в документе шла именно о государстве, но без уточнения и указания его границ. Документ не определяет пределов и границ самой Палестины. Термин «национальный очаг» или «национальный дом» объяснялся как автономия, государство, культурный очаг. Понятие «в Палестине» впоследствии объясняли «во всей Палестине», то есть «национальный очаг» предполагалось распространять на территории всей Палестины, а впоследствии уточнялось, что имелась ввиду часть её территории, без уточнения таковой и границ. Поскольку термин «нация» подразумевает в правовом смысле государство, то вопрос относительно широкого его толкования понятия также имел место.

Вторая часть Декларации Бальфура 1917 г. гарантирует, что при установлении «национального очага» для евреев в Палестине не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которым пользуются евреи в любой другой стране. То есть, речь идет о гарантиях соблюдения гражданских и религиозных прав нееврейского населения Палестины во избежание действий, которые могут нарушить эти права. В Декларации Бальфура 1917 г. также провозглашалось о недопустимости действия, которые могут нарушить

права и политический статус, которым пользуются евреи в любой другой стране, что подразумевало гарантии по культурно-этническому принципу населению, проживающему на территории других государств. В Декларации не содержится упоминания о коренном населении Палестины, в первую очередь арабов Палестины, составляющих большинство и проживавших на значительно больших участках территории. Скорее всего, оно подразумевалось, согласно тексту документа, как представители других нееврейских общин. Следует отметить, что вопрос о защите политических и других прав арабского населения Правительством Великобритании было обозначено позднее в 1939 и 2017 гг. Таким образом, согласно общему смыслу документа, Декларация Бальфура 1917 г. была связана с поддержкой политических националистических движений в регионе, последующим созданием Государства Израиль, определением статуса территории Палестины и созданием государства Палестины. Декларацию Бальфура 1917 г. также оценивают как источник или катализатор арабо-израильского конфликта, который пока не удаётся урегулировать. Декларацию Бальфура 1917 г. связывают с невыполнением обязательств Великобритании в отношении арабского населения, содержащихся в переписке Мак-Магона — Хуссейна 1915–1916 гг. [Correspondence between Sir Henry McMahon, G.C.M.G., His Majesty's High Commissioner at Cairo and the Sherif Hussein of Mecca, July, 1915-March, 1916 (with map). (Correspondence) 1938–39 [Cmd. 5957]

В октябре 1917 г. правительство Великобритании констатировало влияние большевиков, как нового революционного движения в Российской Империи, в число которого входило значительное число сторонников создания национального очага в Палестине, приобретшего доминирующую роль и способного вывести Россию из Первой мировой войны. Ллойд Джордж, премьер-министр Великобритании 1915–1916 гг., констатировал, что коммунисты не будут способны участвовать в Первой мировой войне. Американцы отказались поставлять войска и подкрепление. Следовательно, появляются основания предположить, что изначально Декларация Бальфура 1917 г. предполагалась, в том числе и как элемент вовлечения дополнительных источников для ведения военных действий с участием сил, привлечённых из США, России и других государств. Однако, после взятия власти большевиками 7 ноября 1917 г. сценарий стал развиваться по несколько иному пути. Большевики отказались от капитализма, открыли архивы Царской России, отказались от секретных договоров и опубликовали их, что одновременно оказало влияние на процесс дальнейшего самоопределения арабского народа на Востоке на территории бывшей Османской империи, приведшего к восстаниям, поскольку коренное население осознало борьбу интересов Франции и Великобритании в отсутствие выполнения обещаний.

В России, в 1917 г., Декларация Бальфура не получила широкого освещения, но была, вместе с тем, известна видным представителям общественной,

политической и научной сфер деятельности. В частности, отношение к Декларации было выражено на заседании усиленного Совета Императорского Православного Палестинского Общества, являющегося продолжением происходящих в январе 1917 г. палестинских Совещаний, от 10 декабря 1917 г. (стенограмма состоит из 42 страниц)[14]. Следует отметить, что некоторые отечественные исследователи считают, что идеи, содержащиеся в документе высказаны «с позиций черносотенцев», что потребовало детального ознакомления с текстом означенного документа ИППО[15]. Для объективной оценки потребовался анализ текста стенограммы Собрания[16]. Согласно документу, Собрание было созвано по необходимости обменяться мнениями по поводу дел, которые имеют отношение к Православному Палестинскому Обществу. Первая мировая война охватила Сирию и Палестину, являющиеся главными областями деятельности Общества. Участниками отмечалось, что ввиду указанных обстоятельств, деятельность на местах пришлось временно приостановить. Собрание касалось вопроса о возможности восстановления деятельности Общества в сложившихся условиях. Участники собрания были обеспокоены развитием ситуации, буквально предвидя её развитие. В стенограмме отмечено, что ещё в 1915 г. происходило обсуждение этих вопросов отдельно от Общества, по инициативе члена Государственной Думы Е.П. Ковалевского, с политической точки зрения. Затем, указанные вопросы обсуждались с Обществом совместно. Позже к обсуждению присоединились представители дипломатического ведомства России и учёные-палестиноведы. В стенограмме подчеркивается, что обсуждение велось в Императорской России в том числе и с позиций предполагаемой победы в Первой мировой войне. В последующих конференциях роль России предполагалась, если не первой среди равной (prima inter parem), то по крайней мере равной с союзными державами. С прискорбием было отмечено, что обстоятельства изменились коренным образом, что повлекло изменения в международно-правовой договорной сфере (rebus sic stantibus — клаузула об обстоятельствах, изменившихся коренным образом, что подразумевало революционные события, повлекшие смену общественно-политического строя в государстве и существенные изменения расстановки политических сил на международной арене с учетом нарастающей идеологической борьбы и экономического конкурентного противостояния), а следовательно все вопросы, которые обсуждались Обществом в начале января 1917 г., до опубликования Декларации Бальфура 1917 г., нуждались в пересмотре. Участники Собрания Общества отмечали необходимость передачи документа (записки) об обсуждении палестинского вопроса во внешнеполитический орган государства (при обсуждении подчеркивалась роль Министерства иностранных дел, работа которого должна бы восстановиться (в стенограмме отмечалось Министерство иностранных дел, которое сформируется или восстановится),

но не в Комиссариат по иностранным делам, деятельность которого критически оценивалось представителями Общества. Предполагалась даже вероятность нарушения закона — вступление в отношения с бывшими, а может быть и будущими союзниками — Англией, Францией, Румынией, как православной державой, Италией. Роль записки (записка готовилась от имени Совета Общества и предполагалась к направлению на имя Министерства иностранных дел) отводилась как историческому документу. Согласно мнению членов Общества, должен быть решен принципиальный вопрос: может ли Россия, как великая христианская держава и высокая покровительница интересов Православия в Палестине, согласиться на проект Англии (согласно Декларации Бальфура 1917 г.) Участниками Собрания подчеркивалось, что от имени России излагать подобную позицию было бессмысленно, ввиду смены формы государства. Говоря об Обществе, было отмечено, что считаться с ним и с его мнением никто не будет, поскольку в политике считаются только с силой. Собравшимися было отмечено, что имеется возможность обращаться в посольства бывших союзников, а теперь враждебных держав. Министерство Керенского А.Ф. негативно оценивалось собравшимися при рассмотрении в качестве адресата передачи записки (в частности, участниками Собрания Министерство Керенского оценивалось хуже, чем Министерство Троцкого-Бронштейна).

Одним из наиболее важных вопросов являлся вопрос о переселении евреев в Палестину, хотя первоначально речь шла о турках и арабах в Палестине. Н.Ч. Зайончковский отмечал, что самым нежелательным решением вопроса будет передача Иерусалима и вообще святых мест Великобритании. Среди новых друзей собравшимся виделись Германия, Австрия и Турция. В стенограмме отмечается отказ формирования государства на территории Палестины, создаваемого при финансово-политической поддержке Великобритании и высказывалась идея возможности протеста. Обсуждение вопроса о кондоминимуме (совладении) территорией, как варианте решения проблемы, в тот момент представлялся участниками Собрания опаснее положения, чем при Османской Империи и членами Общества предлагалось решение в виде создания Арабского государства. В частности, в тексте стенограммы, отмечалось, что от кондоминимума должно спасти арабское государство, но, поскольку Англия, напротив склонялась к кондоминимуму с образованием «национального очага». Одновременно участниками Собрания отмечалось, что царством, то есть, монархией, это новообразование не будет. Отмечалось, что планы союзников относительно Святой Земли не были известны, что фактически поставило общественность перед свершившимся фактом, в условиях секретных договоров и переговоров. Следует отметить, что членами Общества также полностью критиковался проект союзников, включая и создание Арабского государства. Участниками Собрания, согласно материалам прессы,

термин «национальный очаг» оценивался и предполагался как культурный центр. Отмечалось что, согласно праву на самоопределение народов, Палестиной должны управлять арабы Палестины на правах коренного населения и большинства с обеспечением прав меньшинств (евреев Палестины), а также отмечалось, что в первую очередь должны охраняться культурные права меньшинств, охватывающие и религиозные права, поскольку религия является частью культуры.

Идея Декларации Бальфура 1917 г., согласно тексту стенограммы, определялась как «прикровенный протекторат» над территорией, то есть тайный, скрытй. Собранием выдвигалась версия и о том, что идея национального очага в Палестине могла быть направлена против возможного угнетения со стороны арабского большинства в Палестине, но, в первую очередь, усматривались возможности практической реализации протектората Великобритании над территорией. Участниками рассматривалась и положительная сторона увеличения еврейского населения в Палестине, особенно в связи с возможностью продолжения сотрудничества с тем, кто покинул её, перебравшись в Англию. Так, в населении предполагалось видеть союзническую силу в Палестине, поскольку «у детей одной родины» должны найтись точки соприкосновения» (с. 17 стенограммы). Участниками собрания отмечалось и взвешенное отношение Великобритании к понятию «национальный очаг», поскольку предполагалось, что план был заранее продуман должным образом. Собранием высказывались опасения о распространении влияния иудаизма на всю территорию Палестины с вытеснением арабского коренного населения. Участниками выдвигалось предположение о создании Царства Ротшильда, что вызывало ещё большие опасения, чем восстановление Царства Соломона, ввиду поддержки определенными политическими силами и финансовыми ресурсами. Участники отмечали и опасность обострения противоречий между христианским (православным) населением и иудейским. Особенно участники выражали сожаление о том, что Декларация Бальфура 1917 г. не была согласована с Россией, что отмечалось как негативный фактор, что характеризовало отношение бывших союзников. В стенограмме отмечается идея о сохранения status quo в регионе. Было сделано замечание относительно излишней доверчивости к терминологии — «национальный очаг», рассматривался буквально как «национальный дом», а точнее даже как «national home rule" (с. 20 стенограммы), хотя и отмечается, что нигде ничего по смыслу этому не было сказано или упомянуто.

В то же время, участниками упоминалась идея, выраженная в статье о проекте Бентовича Нормана, опубликованной в Expository № 12 сентябрь 1916 г. о возрождении и оживлении Палестины, с произведением переворота во Святой Земле, что под силу только такому народу как евреи, о недовольстве "историческими границами" и об «овладении пространства

от Средиземного моря до Евфрата: от Ливана до потока Египетского». Участниками Собрания такой проект оценивался как вполне реальный, позволяющий при помощи коммерциализации Палестины сделать, при помощи Ближнего Востока, Дальний Восток более приближенным европейцам. Участниками отмечалось, что согласно проекту Нормана Бентовича, христианам должен оставаться некоторый контроль за отдельными местами, сирийцам предлагались богатые долины в Анатолии, арабам Палестины рекомендуются пустыни бедуинов (с. 21 стенограммы), что позволяло сделать вывод о том, что речь идет о вполне конкретной национально-политической автономии (national home rule).

Собранием Общества обсуждался вопрос и о численности переселенцев в Палестину и число отмечалось как значительное. Участниками подчеркивалась и религиозная сторона вопроса — идея о мессианстве и о политическом лидерстве (в том числе, что вероятность такового могла быть отдана даже генералу Э. Алленби[17]. Согласно тексту стенограммы, самым важным для Собрания был определен вопрос обсуждения исторических прав. Участниками Собрания был сделан вывод о том, что британский проект, согласно Декларации Бальфура 1917 г. оценивается как несправедливый, поскольку оставлял за христианами незначительный контроль за отдельными местами. Участниками Собрания особенно отмечалось попрание христианских прав и особенно христианских интересов, что делает, согласно тексту стенограммы, «английскую комбинацию порабощения Палестины» недопустимой, но вместе с тем, отмечалось совпадение именно религиозных интересов англичан православным (так участниками Собрания отмечалось по сообщениям прессы обращение к народам Палестины англичан, в том числе и на русском языке, что подчеркивало осведомленность о распространении русскоговорящего населения в Палестине и регионе в целом), но вместе с тем подчеркивается неосведомленность России относительно Декларации Бальфура 1917 г. Участниками Собрания предполагалось сохранить за англичанами коммерческие интересы, а религиозные оставить за Россией. В стенограмме отмечается, что важность состоит не в термине «национальный очаг» или «национальный дом», а в том, что стоит за его реализацией.

В стенограмме отмечается проблематичность состояния (оно оценивалось участниками как неважное) финансовых дел Великобритании и потому допускалась возможность пойти на уступки в культурно-религиозной сфере, то есть, в том, в чем Великобритания мало заинтересована, в обмен на финансовую поддержку (по совпадению, позднее Ллойд Джордж оценивал Декларацию Бальфура 1917 г. не как уступку, а именно как сделку). Следовательно, предполагалось участниками Собрания, что термин «национальный очаг» будет не сужаться, а расширяться ввиду нехватки средств и дальнейшие уступки будут постоянны и в этом состояла основная опасность положения, способная привести к формированию теократического

государства (подчеркнем, что в настоящее время Государство Израиль является светским многонациональным, согласно конституционному праву, основанному на базе англо-саксонского неписанного права), что ликвидирует фактор православия и его присутствия в регионе. То есть и в этом смысле, «политическая комбинация Великобритании» представлялась участникам как неприемлемая. Участниками особо определялась опасность для русского паломничества в Святые места, а потому, особо подчеркивалось, что русские православные святыни должны быть экстерриториальными. В стенограмме отражено следующее положение: «На наших участках земли мы должны пользоваться теми же правами, что и до Первой мировой войны. Территории должны находится в полной зависимости и управлении по суду в ведении русского консула» (см. текст стенограммы с. 28). Участниками подчеркивалось, что помещения, территории, сопредельные места, храмы должны быть экстерриториальны и неприкосновенны.

В стенограмме отмечается, что проект, предлагаемый Обществом является «вне политических комбинаций» и это — записка о выражении пожеланий Палестинского Общества и интересов Православия в Святой Земле. В стенограмме отмечалось, что записка не носит официального характера, а следовательно ссылаться не неё не будет возможным. В документе отмечалось, что «наша дипломатия погибла» (с. 32 стенограммы). Одновременно, участниками Собрания предполагалось, что записка Общества — это исторический документ, который показывает беспристрастие и высокое академическое стремление к правде и истине Палестинского Общества. Участниками отмечалась ненормальность ведения дипломатических сношений в указанное время и невозможность решения таких и подобных этим вопросам. Поскольку в стенограмме, речь идет также о правительстве, которое не признавалось, то участниками Собрания был отмечен тот факт, что «ранее за Обществом была великая сила, был Царь великой и могущественной державы, а сейчас ничего этого нет». Выход из сложившейся ситуации планировалось найти участниками в содействии с Синодом, как своеобразной заменой дипломатического пути. Вместе с тем, участниками констатировалось, что самым важным остается удержать status quo в Палестине. Собранием Общества было отмечено, что английская дипломатия должна быть осведомлена относительно мнения Общества, поскольку положение в Палестине обострено как никогда, будет ли оно считаться или нет — это уже другие дело (в случае с Обществом был предложен принцип — «говоря, действуем»). Участники также осознавали, что Англия — это покорительница Иерусалима, владеет им и всем имуществом нашим и едва ли станет слушать (с. 39 стенограммы)

Последующие события продемонстрировали, что создание государств на территории Палестины потребовали усилий и времени[18]. В одном из соглашений, опубликованных сразу после Октябрьской революции

1917 г. — Соглашении Сайкс-Пико 1916 г.[19], согласно которой Франция признавала за Великобританией право на завладение Ираком, Трансиорданией и Палестиной, взамен Великобритания признавала право на Сирию и Ливан за Францией. Положения будущего Соглашения Сайкс-Пико было одобрено царским правительством России в мае 1915 г. и Италией в 1916 г. Принятие Декларации Бальфура 1917 г. привело к значительному росту иммиграции, что привело к беспорядкам и столкновениям в регионе.

Эти и другие, последующие и продолжающиеся события выявили острые противоречия, порожденные Декларацией Бальфура 1917 г., в которой обещалось создание «национального очага» для еврейского народа без «нарушения гражданских и религиозных прав существующих нееврейских общин в Палестине». В феврале 1918 г. о своем согласии с «Декларацией» заявила Франция, 9 мая 1918 г. — Италия, 31 августа 1918 г. её одобрил президент США В. Вильсон, а затем, 30 июня 1922 г., Конгресс США. 24 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо «Декларация Бальфура» была утверждена союзниками как основа послевоенного урегулирования в Палестине, а 24 июля 1922 г. была включена в текст мандата Великобритании на управление Палестиной, утвержденного Лигой Наций. В 1945 г. вместо Лиги Наций была создана ООН, как её правопреемница, сохранив систему мандатов Лиги Наций до упразднения системы колониализма и запрета его международным правом в 1960 г.

Текст Декларации Бальфура 1917 г. не содержит упоминания Иерусалима и его статус и границ Палестины, которая в те годы не являлась самостоятельной политической, административной или географической единицей. Эта неопределенность стала в дальнейшем источником разночтений в её трактовках. Существует мнение, что Декларация Бальфура 1917 г. стала исходным или отправным пунктом арабо-израильского конфликта и является свидетельством невыполнения международных обязательств «великих держав», ответственных за проведение своей политике в регионе и в отношении населения. Таким образом, Декларация Бальфура 1917 г. была публичным односторонним заявлением Правительства Великобритании, сделанного в 1917 г. во время Первой мировой войны, провозглашающая поддержку создания «национального очага», а в дальнейшем — государства, в Палестине — регионе Османской Империи, с учетом организации права меньшинства указанной группы в регионе. В попытке побудить к сотрудничеству и мирному сосуществованию евреев и арабов Палестины 3 января 1919 г. был предложен текст соглашения (соглашение Фейсала — Вейцмана, предполагавшее взаимное сосуществование Государства Палестина и Арабского государства (ст. 1)), которое не было осуществлено[20].

Через пять лет после Декларации Бальфура 1917 г. Лига Наций одобрила британский мандат в Палестине с указанием создать политические, экономические, административные условия, которые позволят создать национальный очаг

для евреев в Палестине с развитием институтов самоуправления. Поскольку процесс формирования и создания государств занял значительно больший период времени, то вполне очевидно, что односторонней декларации или заявления о создании оказывается не достаточно в практике осуществления права народов на самоопределения в рамках международно-правового регулирования[21]. Проведенный анализ документов и ситуации в Ближневосточном регионе наглядно демонстрируют неразрешимую сложность урегулирования этнических и территориальных противоречий и вопросов, связанных с владением и правом на владение. Текст Декларации Бальфура 1917 г. и, связанные с ним события, демонстрирует и уязвимость практики создания государств в подобных регионах и определённых условиях, когда произвольное толкование или действие способны привести к непоправимым последствиям. Искусственное и произвольное приобретение международной правосубъектности способно сказаться на последующем развитии событий. Декларация Бальфура 1917 г. оказалась возможной в условиях управления территорией связанного с практикой осуществления государством *эффективного контроля,* согласно международному праву, над ней во время её нахождения в составе Османской империи. Текст Декларации Бальфура 1917 г. и её оценка необходим для характеристики политики формирования права народов на самоопределение в контексте его международно-правового регулирования в разнообразных формах, с учетом фактора вовлечени в процесс заинтересованных держав. К исследованию текста Декларации Бальфура 1917 г. и последующей связанной с ним практики во внешнеполитической сфере следует подходить с учетом интересов России при сохранении фактора её влияния и правомерного присутствия в регионе.

1 Конгресс США принял решение о переносе дипломатической миссии из Тель-Авива в Иерусалим в 1995 г. В законе (Jerusalem Embassy Act 1995 (U.S. Publishing Office // https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ45/pdf/PLAW-104publ45.pdf), Proclamation 9683: Recognizing Jerusalem as the capital of the State of Israel and Relocating the United States Embassy to Israel to Jerusalem, Administration of Donald J. Trump, December 6, 2017 //(https://en.wikisource.org/wiki/Proclamation_9683), Federal Register, Vol. 82, N 236, Monday, December 11th, 2017, p. 58331–58332 (https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/FR-2017-12-11/pdf/2017-26832.pdf#page=1

2 Jerusalem Embassy Act 1995 // U.S. Publishing Office // https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-104publ45/pdf/PLAW-104publ45.pdf)

3 Proclamation 9683: Recognizing Jerusalem as the capital of the State of Israel and Relocating the United States Embassy to Israel to Jerusalem, Administration of Donald J. Trump, December 6, 2017 //(https://en.wikisource.org/wiki/Proclamation_9683), Federal Register, Vol. 82, N 236, Monday, December 11th, 2017, p. 58331–58332 (https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/FR-2017-12-11/pdf/2017-26832.pdf#page=1

4 Proclamation 9683: Recognizing Jerusalem as the capital of the State of Israel and Relocating the United States Embassy to Israel to Jerusalem, Administration of Don-

ald J. Trump, December 6, 2017 //(https://en.wikisource.org/wiki/Proclamation_9683), Federal Register, Vol. 82, N 236, Monday, December 11th, 2017, p. 58331–58332 (https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/FR-2017-12-11/pdf/2017-26832.pdf#page=1

5 Бальфур Артур Джеймс, первый граф Бальфур (1848–1930), британский государственный и политический деятель. В 1902 г. он сменил своего дядю Роберта Артура Талбота Гаскойн-Сесила, 3-го маркиза Солсбери (1830–1903), 44, 46 и 49-го премьер-министра Великобритании, министра иностранных дел страны в 1878, 1885–86, 1886–1892 и 1895–1902 гг. и отца Роберат Сесила — основателя Лиги Наций, в качестве 50-го премьер-министра Великобритании. В годы Первой мировой войны (1914–1918), в период с 1916 по 1919 гг. занимал пост министра иностранных дел, затем занимал пост лорда-председателя Совета в 1919–1922, 1925–1929 гг. — четвертый по значимости высший сановник Великобритании с 1503 г., является главной Тайного совета. Лорд Артур Бальфур получил образование в Итоне и Кембридже (Тринити колледж). Принадлежал к Консервативной партии Великобритании. Противостоял ирландскому самоуправлению (home rule), получив прозвище «кровавый Бальфур». Не одобрял Англо-бурскую войну (1899–1902), но довёл её до победного конца. Как министр иностранных дел Великобритании (1916–1919), способствовал введению в силу Декларации Бальфура 1917 г. Лорд Бальфур унаследовал крупное состояние, никогда не состоял в браке, что являлось источником домыслов. В 1926 г. он подготовил рапорт, извнстный как Декларация Бальфура 1926 г., составивший основу Вестминстерского статута 1931 г.В 1921–1928 гг. — президент британской Академии. Скончался в возрасте 81 года.

6 Лайонел Уолтер Ротшильд, 2-й барон Ротшильд, барон де Ротшильд (1868–1937), британский банкир, политик, зоолог и потомок семьи Ротшильд. Родился в Лондоне старший сын и старший ребенок в семье и наследник титула. Учился в Боннском университете, поступив годом раньше в Колледж Магдалины (Кембридж), в 1899 г. оставил Кембридж, поскольку для занятия семейным делом, потребовались знания в финансовой сфере. Имел опыт военной и государственной службы. Принимал участие в политической жизни Великобритании. Считается активным деятелем сионистского политического движения и как близкий друг Х. Вейцмана принимал активное участие в формулировании текста Декларации Бальфура 1917 г. об основании национального очага евреев в Палестине. 2 ноября 1917 года получил письмо от министра иностранных дел Великобритании А. Бальфура, адресованного на домашний адрес в Лондоне 148, Пикадилли, которое стало известно как Декларация Бальфура 1917 г.

7 Георг V (1865–1936 — годы жизни, годы правления — 1910–1936), король Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, второй сын короля Эдуарда VII и королевы Александры. Двоюродный брат Всероссийского Императора Николая II Александровича (1868–1918), его чины от британских монархов — адмирал флота (1908) и фельдмаршала Британской империи (1915). Император Николай Александрович прославлен вместе с женой и детьми в лике святых Русской Православной Церковью как страстотерпец в 2000 г., в 1981 г. — Русской Православной Церковью Зарубежом как мученик.

[8] Палестина — историческая область, географический район на Ближнем Востоке. Название происходит от «Филистия» — территория, заселённая в древности филистимлянами («морской народ», «народы моря»). Государство Палестина — государство на Ближнем Востоке, провозглашено 15 ноября 1988 г. в Алжире на сессии Палестинского национального совета Организации освобождения Палестины, административные руководящие органы которой правомерно координировали деятельность народа, борющегося за самоопределение и обладающие международной правосубъектностью, ставшие предтечей государства, согласно международному праву, в отличие от сепаратистских движений. Государство Палестина не признается некоторыми государствами в качестве такового, в частности Государством Израиль и США, которые склоняются к оценке территории в качества автономии. Формирование Государства Палестина предусматривалось в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН, организации-правопреемницы Лиги Нацией. План ООН по разделу Палестины, принятый 29 ноября 1947 г. на основе резолюции 181 ГА ООН, предусматривал прекращение британского мандата в Палестине к 1 августа 1948 г. и рекомендовал на её территории двух неназванных государств. — Арабского государства и Еврейского государства. Иерусалим и Вифлеем должны были стать территориями под международным контролем. План не был принят представителями арабского сообщества, что стало причиной начала арабо-израильского конфликта. Резолюция ГА ООН 3236/XXIX подтвердила неотъемлемые права арабского народа Палестины, включая право на самоопределение без иностранного вмешательства, право на национальную независмость и суверенитет. Пункт 4 резолюции содержит положение о том, что палестинский народ признается основной стороной в установлении справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке. Попытки препятствовать деятельности ООП и попытки обвинения её в террористической деятельности не возымели успеха, доводы были опровергнуты с точки зрения как международного права, так и внутригосударственного права.

[9] Фактически, иммиграция евреев в Палестину началась в 1872 г., когда выходцами из России при помощи парижского банкира Э. Ротшильда была основана первая сельскохозяйственная «колония» поселенцев, предтеча современного Тель-Авива. Иммиграция шла медленно. Её темпы несколько возросли после создания в 1908 г. в г. Яффа специального эмиграционного агентства. К началу Первой мировой войны в течение 40 лет в Палестину прибыли 45 тысяч человек. В ходе Первой мировой войны (1914–1918 гг.) численность населения сократилось.

[10] Сионистская Федерация Великобритании и Ирландии (the Zionist Federation of Great Britain and Ireland/the British Zionist Federation/Zionist Federation (ZF) — основана в 1899 г. для создания государства для евреев. Сионистская Федерация охватывает сионистское движение, включающее более 120 организаций и более 50 000 аффилированных членов).

[11] Так выглядит текст в «Таймс»

https://en.wikipedia.org/wiki/Balfour_Declaration#/media/File:Balfour_Declaration_in_the_Times_9_November_1917.jpg

[12] Англоязычный вариант документа выглядит таким образом:

Foreign Office, November, 2nd 1917

Dear Lord Rothschield,

I have much pleasure in conveying to you, on behalf of His Majesty's Government, the following declaration of sympathy with Jewish Zionist aspiration which has been submitted to and approved by the Cabinet. His Majesty's government view with favour the establishment in Palestine of a national home for the Jewish people, and will use their best endeavours to facilitate the achievement of this object, it being clearly understood that nothing shall be done which may prejudice the civil and religious rights of existing non-Jewish communities in Palestine, or the rights and political status enjoyed by Jews in any other country. I should be grateful if you would bring this declaration to the knowledge of the Zionist Federation

Yours, Arthur Balfour

Источник: https://en.wikipedia.org/wiki/Balfour_Declaration#/media/File:Balfour_declaration_unmarked.jpg

Приводим текст документа на французском языке:

«Cher Lord Rothschild,

J'ai le grand plaisir de vous adresser, de la part du Gouvernement de Sa Majesté, la déclaration suivante, sympathisant avec les aspirations juives sionistes, déclaration qui, soumise au cabinet, a été approuvée par lui. Le Gouvernement de Sa Majesté envisage favorablement l'établissement en Palestine d'un Foyer national pour le peuple juif et emploiera tous ses efforts pour faciliter la réalisation de cet objectif, étant clairement entendu que rien ne sera fait qui puisse porter atteinte soit aux droits civils et religieux des collectivités non juives existant en Palestine, soit aux droits et au statut politiques dont les Juifs disposent dans tout autre pays. Je vous serais obligé de porter cette déclaration à la connaissance de la Fédération sioniste»

Arthur James Balfour

Источник: http://www.ladocumentationfrancaise.fr/dossiers/d000055-israel-soixante-ans-apres-entre-normalite-et-singularite/document-la-declaration-balfour-2-novembre-1917

[13] Османская империя, Оттоманская империя, Оттоманская Порта, Порта — государство на Северо-Западе Малой Азии, созданное в 1299 г. и просуществовавшее до 1922 г., турками-османами под предводительством Улубея Османа Гази, ставшего основателем Османской династии.

[14] Подробнее см. материалы (видеозапись) «круглого стола» приуроченного к 100-летию Декларации Бальфура// https://www.youtube.com/watch?v=-CIU7_UOxDI, Торин А. Декларация Бальфура и русские революции: последствия для Ближнего Востока. «Международная жизнь», 29.06.2017 // https://interaffairs.ru/news/show/17856

[15] Материалы (видеозапись) «круглого стола» приуроченного к 100-летию Декларации Бальфура// https://www.youtube.com/watch?v=-CIU7_UOxDI

[16] Авторы благодарят О.И. Фомина, члена Совета ИППО, за предоставленный текст стенограммы, который во многом способствует прояснению позиции России в ближневосточном вопросе и в отношении Палестины, позволяя уточнить ситуацию в настоящее время.

[17] Эдмунд Генри Алленби, 1-й виконт Алленби (1861–1936), английский фельдмаршал. Участвовал в Англо-бурской войне и Первой мировой войне, прославился в сражении у Мегиддо (последнее классическое сражение с применением кавалерии). Алленби смог захватить Газу, прежде захватив Беер-Шеву, и 9 ноября 1917 г. Иерусалим был взят. 30 октября 1918 г. Турция капитулировала. Алленби оставался на Ближнем Востоке до 1925 г. в качестве Верховного комиссара Египта и Судана, до получения ими независимости. Затем он ушел в отставку. С1926 г. — ректор Эдинбургского университета. Скончался в Лондоне в 1936 г.

[18] Идея о создании государства выдвигалась Т. Герцлем, Х. Вейцманом. Со времени Базельского конгресса (1897), созданного Т. Герцлем, лидеры движения постарались заручиться поддержкой. Однако, вопрос с приобретением территорий не поддавался решению. Решение варьировалось от Аргентины, Кипра, Кении, Уганды, Палестины. В конце концов, идея приобрела общемировые масштабы. После сбора финансовых средств, началось ведение переговоров о территории. В ноябре 1898 г. во время своей поездки в Турцию и посещении Иерусалима, кайзер Германии Вильгельм II согласился встретиться в Т. Герцлем. Кайзеру было предложено в обмен на взятие под покровительство Германии еврейских общин Сирии и Палестине защиту германских интересов на этой территории. Об уступке договоренность не была достигнута, поскольку Германия вела переговоры с османским правительством. Затем, Т. Герцль приложил усилия, чтобы договориться с султаном Османской империи. Встреча состоялась только в 1901 г. Было отмечено, что Т. Герцль принимается в качестве австрийского журналиста, а не как полномочный представитель Всемирной сионистской организации. Т. Герцль отмечал, что отводит представителям капитала роль колонизаторов Ближнего Востока. В качестве услуг предполагалось приведение в порядок финансовых дел Турции. Переговоры не были успешными, поскольку султан не желал портить отношения с арабским населением. Скупка земель в Палестине также была отвергнута. Согласие было достигнуто только по иммигрантам, с условием принятия ими османского подданства. Определялось их число и предполагалось размещение на всей территории Османской Империи. С 1902 г. начались переговоры с Великобританией. Переговоры вызвали волну протестов, в первую очередь, со стороны колониалистов Уганды и Кении в опасение конкуренции и проникновения иностранного капитала. В августе 1903 г. Т. Герцль начал переговоры с государственными деятелями Российской Империи — С. Витте и В. Плеве. Речь шла о содействии колонизации Палестины, при замечании Т. Герцля: «То, что проиграет сионизм, выиграют революционеры». В. Плеве согласился, возразив только относительно «национальной автономии российских евреев». Однако, это план так и не был реализован, поскольку план стал развиваться по иному сценарию. В частности, Сионистские организации и пропаганда идей сионизма были запрещены в Российской Империи специальным секретным циркуляром министра внутренних дел В.Плеве в 1903 г. Теодор Герцль скончался не успев увидеть реализации проекта. Его преемник — Х. Вейцман более преуспел в решении данного вопроса.

[19] Полковник сэр Тэттон Бенвенуто Марк Сайкс, 6-й баронет (1879–1919), политик (Консервативная партия Великобритании): дипломатический советник по Ближнему

Востоку во время Первой мировой войны. Один из авторов Соглашения Сайкс-Пико о разделе Османской империи Великобританией, Францией и Россией. Образование получил в иезуитском колледже Бомонт, Беркшир, Англия и в Колледже Иисуса, Кембридж (не окончил). К 25 годам был автором 5 книг. 16 декабря 1915 г. сэр Марк Сайкс прибыл для консультации с премьер министром Асквитом по ситуации в Османской империи, на котором Сайкс сделал заявление о военном совете. В последующие 4 года Сайкс стал главным экспертом Великобритании по османским делам. Избранный членом Парламента (Hull) в 1911 г., его первая речь касалась политики государства на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Пока в Whitehall Сайкс приобрел прозвище «сумасшедшего муллы» (the Mad Mullah) вместе с тем, он стал секретарем объединенного кабинета (Joint Cabinet Secretary). Ллойд Джордж ненавидел коррумпированную Османскую империю не собирался прекращать применение имперской силы против неё, в то время, как А. Бальфур единственный в Адмиралтействе, занимал пацифистскую позицию. Сайкс считал, что с Сирией лучше будет разбираться вместе с Францией. Существуют свидетельства о том, что Сайкс приложил руку к продвижению Декларации Бальфура 1917 г. по Кабинету. В марте 1917 г. М. Сайкс был в Палестине и встретился с Х. Вейцманом. Незадолго до своей кончины Марк Сайкс был в Париже по случаю мирных переговоров в 1919 г. На конференции Г. Никольсон, в то время ещё молодой дипломат, приобретающий опыт, описывая эффект Сайкса говорил: «Благодаря его настойчивости и целеустремленности, его энтузиазму и вере, арабский национализм и сионизм стали двумя из наиболее успешных причин войны» (см. дневник, запись от 17 февраля 1919 года Г. Никольсон Миротворец. 1919/Harold Nicolson Peacrmaking, 1919//https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.57890/2015.57890.Peacemaking_djvu.txt) Франсуа Жорж-Пико (1870–1951), французский дипломат в Бейруте. Соглашением Сайкс-Пико Османская империя была разделена на британские, французские, российские и итальянские сферы влияния. Французская позиция в отношении Палестины и в более широком смысле в отношении Сирии (Сирийского региона) был ограничена положениями соглашения Сайкс-Пико, что было осложнено 23 ноября 1915 г. беспокойством Франции дискуссией Великобритании с шерифом Мекки.

Первоначально в 1917 г. Великобритания лидировала в борьбе за южные границы Османской Империи, в то время как Франция обеспечивала свои дела на Западном фронте. Италия, вступив в войну после заключения в 26 апреля 1915 г. Лондонского пакта, не предусматривала возможность участия в рамках сферы ближневосточного региона до соглашения в апреле 1917 г. Сен Жан де Морьен. На этой конференции Ллойд Джордж поставил вопрос о протекторате Великобритании в Палестине, идея о котором была очень холодно встречена Францией и Италией. В мае и июне Франция и Италия выслали войска в поддержку Великобритании для усиления возобновленных действий в Палестине. Одновременно велись переговоры с представителями и лидерами сионистского движения (Н. Соколов). 4 июня 1917 г. Н. Соколов получил заверения в сочувствии со стороны главы политического отдела Министерства иностранных дел Франции — Ж. Камбона.

[20] TEXT OF THE FAISAL-WEIZMANN AGREEMENT (3 January 1919) //
https://web.archive.org/web/20110604031223/http://domino.un.org/unispal.nsf/9a798adbf322aff38525617b006d88d7/5bff833964edb9bf85256ced00673d1f?OpenDocument&Highlight=2,faisal

[21] Подробнее о создании государств в Палестине см. работы Л.А. Моджорян, Никитиной Г.С., М. Коэна (La creation de l'Etat d'Israel a la lumiere du droit international, Marcelo Kohen) //
(http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/international_law/shared/international_law/Prof_Kohen_website/Publications%201/62%20-%20Kohen_creation_Israel.pdf), Марусин И.С.
http://docplayer.ru/27930503-O-sootnoshenii-principa-nerushimosti-granic-i-prava-narodov-na-samoopredelenie.html

Политическая роль религиозных общин Ливана в разрешении текущего кризиса*

А.В. Сарабьев

Ливан перед «красными линиями»

Ливанцы переживают очередную тяжелейшую полосу в истории своей страны. Словно «казни египетские» на ливанское общество накатывают волны напастей: то «вакуум власти» 2013–2016 гг., то «октябрьская революция» 2019–2020 гг., то беспрецедентные по жесткости карантинные меры 2020–2021 гг., то финансовый кризис, доведший уровень инфляции до неслыханного во всем регионе масштаба, обрушив курс ливанской лиры в 60 раз, — и это на фоне очередной блокады парламентских сессий по избранию президента страны с октября 2022 г. и на фоне ушедшего в отставку ещё в мае 2022 г. правительства и до сих пор не избранного нового. Тем временем, ливанцы не могут снять средства со своих валютных счетов, разоряются небольшие частные предприятия, не справляются со своими обязанностями крупные компании, обеспечивающие жизненно необходимые функции для общества (поставки электроэнергии, воды, коммунальные услуги и прочее). Налицо быстрое и болезненное расслоение общества в огромных масштабах и темпах, «средний слой» исчезает.

Насколько же связаны эти проблемы с известной особенностью Ливана как страны восемнадцати конфессий? Действительно ли религиозные общины не в состоянии договориться между собой, выработать согласованный и по-настоящему рабочий план и следовать ему, используя демократические процедуры и институты, с присущей Ливану большой

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института востоковедения РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

свободой выражения гражданских позиций? Эти вопросы должны сводиться к нескольким простым уравнениям, решение которых дало бы искомые ответы. Нашей целью и будет попытка поиска «переменных» и «коэффициентов» этих уравнений, без учета которых уравнения будут неверны.

Границы социальные и политические

Прежде всего, следует установить, насколько не совпадают границы социальных сегментов, которые представляют собой конфессиональные общины, с границами политических кругов, представляющих эти сегменты. Приведем наиболее показательные из них.

Православные Ливана: входят почти во все основные политические силы, среди них есть и прогрессисты, и коммунисты, и приверженцы идей панарабизма, финикиизма, пансирианизма, они тесно сотрудничают и с политиками-шиитами, и суннитами, и католиками-униатами, и друзами, и алавитами, являются членами разных партий. Да, православные исторически больше тяготеют к сохранению арабской идентичности и культуры, и они демонстрировали эту тягу ещё с периода Нахды («арабского возрождения») и на протяжении всего XX в. Но нельзя сказать, чтобы они замкнуты на ней, ведь многие члены больших православных семей живут и работают в странах Европы, Южной и Северной Америк. Православные учёные и профессора активно вовлечены в контакты с коллегами из стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии. Представители общины входят в такие структуры, как Ливанский православный совет (*Аль-маджлис аль-ортодокси аль-любнани*), Ливанская лига православных (*Ар-рабита аль-любнанийя ли-р-рум аль-ортодокс*), Православное собрание (*Аль-лика аль-ортодокси*), а также более мелкие организации, в том числе молодёжные, не обладающие, впрочем, заметным политическим весом. Все ливанские (как и сирийские) православные принадлежат к древнему Антиохийскому Патриархату мирового Православия.

Мароните Ливана: также придерживаются разных мнений по вопросам политики и входят в разные партии. Старые партии, где мароните составляют большинство, до сих пор концентрируются вокруг родовитых семей (нотаблей и заимов, влиятельных ещё с османского периода) — Жмайелей, Шамунов, Эдде, Франжье и др. Более мощными сейчас являются партии иного рода, а именно основанные амбициозными военачальниками периода гражданской войны, — партии сторонников Ауна и Джааджа. При этом в продержавшемся целое десятилетие размежевании всего политического поля на два крупных блока — «8 марта» и «14 марта» — мароните со своими партиями играли большую роль в обоих из них: Свободное патриотическое движение (Аун) и Марада (Франжье) входили в первый, а Катаиб

(Жмайель), Ливанские силы (Джааджа), Национал-либеральная партия (Шамун), Национальный блок (Эдде) — во второй. Собственную политическую стратегию продвигал в первые годы 2000-х блок «Корнет Шехван» под руководством маронитского патриарха Насраллы Бутроса Сфейра, а мощная ливанская Маронитская лига входила тогда в этот блок. Однако, когда в 2005 г. основной пункт повестки был выполнен — сирийский ограниченный контингент покинул Ливан, — а затем, когда были легализованы и добились внушительных результатов на выборах Свободное патриотическое движение вернувшегося из эмиграции Мишеля Ауна и Ливанские силы вышедшего из тюрьмы Самира Джааджа, то политические претензии главы Маронитской Церкви попросту спутались в углубившейся пестроте политических позиций паствы. Помимо прочего, важно отметить, что маронитский патриарх входит в структуру всемирной Католической Церкви в качестве кардинала, что, по сути, низводит значение влиятельной в регионе Маронитской Церкви до одного из ближневосточных униатских филиалов мирового католичества.

Ливанские шииты тоже не демонстрируют полного единообразия во мнениях. В своё время шииты составляли значительную долю среди сторонников коммунистических идей, в Ливанской компартии. После распада мирового социалистического блока многие из бывших коммунистов обратились к поддержке другого «интернационала» — шиитского (хотя ещё в конце 1970-х гг. они очень страдали от шиитских исламистов), ведь идеи социальной справедливости и поддержки членов общины легли в основу деятельности шиитских партий. Как известно, поначалу две основные шиитские партии находились в идеологическом и силовом противостоянии друг с другом, доходившем вплоть до начала 1990-х гг. до кровопролитных боестолкновений. В основе конфликта лежал национальный компонент. Партия Амаль (аббревиатура: *Афвадж аль-мукавама аль-любнанийя*, т.е. «Батальоны ливанского сопротивления», вместе составляет арабское слово «Надежда»), как считается, была больше ориентирована на внутриливанские задачи, а партия Хизбалла (кстати, арабские слова *хизб* и *ши'а* — фактически синонимы в значении «партия») ориентировалась на идею международного триумфа «исламской революции», в авангарде которой стояла, безусловно, Исламская Республика Иран. В настоящее время обе партии действуют заодно, хотя уже три десятилетия именно Хизбалла является воплощением в Ливане общерегиональной идеи Сопротивления (сионистскому врагу).

Что касается находящегося уже три десятилетия на посту спикера ливанского парламента (Совета депутатов) Набиха Берри, возглавляющего Амаль с 1980 г., то ему удалось создать мощную клиентелльную сеть, обладающую внушительными материальными активами в Южном Ливане. В этом смысле Амаль представляет собой более традиционную для Ливана

партию — с собственным (пусть и небольшим) сектором контроля в ливанской экономике и материальными активами. Гораздо более звучной в идеологическом плане, мощной в плане вооружения партийных ополчений и обладающей широкой сетью медицинских, образовательных и благотворительных учреждений является Хизбалла. Лидируя в нескольких составах правительств и составляя мощную фракцию в парламенте, партия предпочитает завуалированную форму участия: чаще всего её представители проходят как независимые министры или депутаты. Остается добавить, что отдельные политики-шииты входят и в другие партии (например, Сирийскую национал-социальную, Прогрессивно-социалистическую), не считая для себя невозможным сотрудничать с политиками-христианами, друзами, суннитами и другими.

Ливанские сунниты: их политические взгляды весьма неоднородны. Как и представители других общин, они входят в разные партии и объединения. В период противостояния блоков «8 марта» и «14 марта» они были активной действующей силой в большинстве своем второго из них. Упор на искоренение сирийского присутствия на ливанской арене, по сути, был ядром объединяющей блок идеи. Наиболее активно она продвигалась партией «Движение будущего» (*Тайяр аль-мустакбаль*), или кратко Мустакбаль, но вскоре сменилась на идею противодействием влиянию Ирана и Сирии через ливанских шиитов. Это заставило суннитов на политическом поле очень тесно контактировать с политиками-маронитами и способствовало причудливому христианско-мусульманскому альянсу — в противовес также христианско-мусульманскому альянсу «8 марта», но уже терпимому к расширению иранского влияния в стране.

Друзы Ливана: в истории Горного Ливана (историческая область, с 1861 по 1922 гг. — автономная область в составе Османской империи) были эпизоды напряженного друзско-маронитского противостояния, но сейчас эта социальная граница не испытывает заметного напряжения. Зато линия политических разногласий пролегает внутри самой общины, поскольку две лидирующие друзские семьи — Джумблатов и Арсланов — воплощают свои амбиции через собственные партии — Прогрессивно-социалистическую и Ливанскую демократическую партии, соответствнно. Они соперничают, отстаивая свои политические позиции, которые нельзя назвать постоянными. По крайней мере, в вопросах внешнего влияния оба лидера старались играть свою игру, чем с успехом обеспечивали себе положение желанных союзников в глазах обоих флангов ливанской политики.

Пресловутый Национальный пакт 1943 г. до сих пор обеспечивает верховный пост в стране маронитам. Тем не менее, ни одна из партий не считает, что принципиально это служит столпом маронитского влияния или их доминирования в стране. Высокий статус ливанского президента-маронита никогда не означал, что тот действует в интересах общины. Да,

политические позиции президента всегда имели свои оттенки, но они уравновешиваются уже 80-летней традицией распределения высших государственных постов вкупе с «консоциацией», или попросту закулисными договоренностями между представителями общин в политике по влиянию в разных сферах исполнительной власти.

Что касается силовых структур — Вооруженных сил, Главных управлений общей безопасности, госбезопасности, сил внутренней безопасности и др. — то они работают действительно на основе общегражданской идентичности (*аль-ватанийя*). Наблюдаемая в них некоторая склонность к группировкам, в том числе по общности вероисповедания, не является определяющей и не обеспечивает соответствующим конфессиям какой-либо протекции.

Итак, очертания партий, блоков, кругов политического поля Ливана не повторяют очертаний ливанских конфессиональных общин как социальных сегментов. Границы политических сил в большинстве случаев проходят внутри общин, разделяя их на сферы по разным признакам: идеологии, цивилизационной ориентации, региональным симпатиям, отношению к разным внешнеполитическим влияниям, экономическим интересам. Конфессиональная солидарность при этом не выступает в качестве первостепенной для политиков.

Глобальное измерение

Ливан вписан в общемировую повестку, и в региональном измерении он производит печальное впечатление экспериментальной площадки для новых глобальных «проектов» и «сценариев». В определенной мере все они затрагивают проблематику религиозных общин.

Во-первых, давний исламистский проект получает всё новое развитие, а палестинская тематика в идее исламского Сопротивления выступает, увы, в качестве инструментальной. При этом исламизм проявляется то, как шиитский то, как суннитский — оба в равной степени экспансивны.

Во-вторых, активно вымывается «средний слой», что откидывает Ливан далеко вниз в плане движения по направлению к «государству всеобщего благосостояния». Идеи социальной справедливости, общегражданского распределения благ, социальных лифтов, вообще гуманитарная составляющая нациестроительства стремительно девальвируются. По сути, эта тема стала ведущей в охвативших почти всё население социальных протестах, начавшихся в октябре 2019 г., но затем свернула на путь борьбы с конфессионализмом и предсказуемо утонула в спекулятивных водоворотах этой во многом эфемерной проблематики. Протесты столкнулись с неразрешимым парадоксом, когда и сами главы, и политические представители

основных конфессий Ливана высказались за отмену политического конфессионализма... А тем временем социальная база протестной волны была обескровлена вначале жестокими мерами карантинного «локдауна», а затем финансовым кризисом, лишившим средний слой ливанцев их накоплений и стабильного и достаточного заработка.

В-третьих, всё более ощутимые контуры получает идея децентрализации власти, вплоть до федерализации, идеи самоуправления муниципалитетов вплоть до экономической автономии. При этом всерьёз не задаются вопросом, что это будет означать для Ливана с его территорией площадью в четыре раза меньше Швейцарии, с его труднопроходимыми горными и другими малонаселенными районами. Основным принципом дробления ливанских территорий предлагается всё тот же кланово-конфессиональный — в несколько завуалированном виде.

В-четвертых, вполне реален сценарий для Ливана как авангардного полигона социально-экономической «зелёной повестки». И это в стране, где катастрофически не хватает электроэнергии (есть свои устаревшие мазутные ТЭЦ, но основная её часть поступает с арендованных у Турции морских генераторных судов, а также из Сирии), где нет мусороперерабатывающих заводов, а мусорные полигоны были новостной темой мировых масс-медиа на протяжении лет, где из года в год горят ценнейшие леса из-за недофинансирования мер охраны и пожаротушения, где традиционное террасное земледелие стало невыгодным из-за высокой дороговизны земли, в результате чего большинство видов продовольствия импортное, где транспорт только дизельный и бензиновый, а его количество превосходит разумные пределы. Если учесть, что ливанская конфессиональная идентичность базируется на территории как основном историко-культурном, идейном и экономическом активе религиозной общины, то воплощение планов «зелёной экономики» едва ли пройдет безболезненно для этой идентичности, ведь такие планы предполагают значительные масштабы, а значит — объединение ливанских районов поверх территориальных границ общин.

Радикальные предложения и изматывающая тактика

Как же в этих условиях проявляют себя ведущие представители ливанских конфессий? Какие проекты выдвигают и что предлагают для решения нынешних и предотвращения ожидаемых проблем? Есть весьма радикальные мнения, и они объясняются нарастающей тревогой и быстро ухудшающимся положением дел. В справке к состоявшемуся 30 марта 2023 г. визиту в Ливан еврокомиссара по кризисному урегулированию Янеза Ленарчича звучало, что «около 80% ливанцев живут в бедности,

из которых 36% — за чертой крайней бедности, а 90% сирийских беженцев не в состоянии покрыть свои элементарные расходы»[1]. Но есть и другие мнения — исходящие от политиков, заинтересованных в затягивании кризиса, чтобы в результате «изматывающей тактики» добиться максимума политических очков. Какая из этих стратегий более угрожает стране — большой вопрос. Где-то посередине располагаются мнения необходимости поэтапных реформ в сторону дробления страны (фрагментации). Такая тактика ведёт, безусловно, к материализации западной модели «глубоко разделенного общества» в виде сети границ множества мелких автономных районов — в стране с общей площадью в 10,5 тысяч кв. км.

Наиболее радикальные меры ещё недавно предлагала одна из основных православных структур, Ливанский православный совет, которая устами своего спикера, Робера аль-Абьяда, характеризовала ситуацию как «полный крах государственных институтов — финансовых, экономических, банковских и судебных». А именно, в январе 2023 г. Р. аль-Абьяд предложил в качестве действенной меры давления на политиков продолжение всенародных протестов, но уже с участием военных: «В свете президентского и правительственного вакуума и паралича парламента, который не выполняет свои конституционные обязанности и не избирает президента республики, <...> сегодня для всех ливанцев больше нет народной легитимности в отношении учреждений государственного и общественного секторов, поэтому мы видим, что возвращение свободных граждан на площади и перекрытие дорог является необходимым и важным делом. <...> В ближайшие дни мы требуем, чтобы армия вышла на улицы и встала на сторону людей, которые имеют свои права и являются источником власти»[2]. Когда в марте-месяце обсуждались реальные кандидатуры на высший пост в стране, этот лидер Православного совета категорически отвергал возможность избрания нынешнего главы видного маронитского клана из Згорты и лидера партии Марада, Сулеймана Франжье, поскольку видел в нём фигуру слишком удобную для Хизбаллы. Ведь бывший ближайший её союзник, Свободное патриотическое движение (СПД), стало проводить политику, слишком отличающуюся от видения этой шиитской организации, и слабая фигура Франжье, не пользующаяся авторитетом среди нынешних ведущих «маронитских» партий, виделась всем как наиболее желательная для Хизбаллы. Именно поэтому неприемлемой показалась фигура кандидата, по словам Р. Абьяда, «не обладающего общенародной и христианской поддержкой»[3]. Кстати, помимо Хизбаллы кандидатуру С. Франжье поддержал и лидер шиитской Амаль Набих Берри, и исполняющий обязанности премьер-министра суннит Наджиб Микати (возможно, что всё по той же причине — рассчитывая на его управляемость в случае избрания).

Что касается СПД, то ещё в 2006 г. Мишелем Ауном и его сторонниками было решено действовать в тесном сотрудничестве с Хизбаллой, о чём

и был подписан меморандум о взаимопонимании в Мар-Микаэле (*Тафахум Мар-Мухаил*). С тех пор эта пара составляла костяк блока «8 марта», но сейчас Хизбалла, похоже, потеряла своего мощного союзника. СПД теперь возглавляет Джебран Басиль (зять М. Ауна), и ещё год назад стали звучать заявления, что требуется «изменение и развитие» ливанской политической системы. Теперь это требование получает более чёткие очертания. В частности, наиболее чувствительным для многих в Ливане стало предложение разделить столичный орган управления на два муниципалитета. Это напомнило время гражданской войны, когда город был разделен «зеленой линией» на Западный Бейрут и Восточный, и первый тогда условно считался «мусульманским», а второй «право-христианским». Верховный муфтий суннитов тогда заговорил в ответ о принципах единства Бейрута и его институтов как лица ливанской нации, где именно Бейрут задает тон для всего Ливана в мере патриотизма (*аль-ватанийя*) и арабизма (*аль-арабийя*).

В лагере сторонников СПД готовы конкретные предложения по реформе политической системы Ливана. Они заключаются в децентрализации (*аль-ламарказийя*) государственного управления. Сам термин восходит ещё ко временам полулегальных «арабских клубов» Османской империи, когда арабские интеллектуалы и офицеры требовали больших прав арабским территориям, уменьшения административной зависимости от Порты. Теперь подобные требования в Ливане сводятся к уменьшению зависимости районов от Бейрута, расширенному самоуправлению уездов с более-менее однозначно конфессионально маркированным составом населения. Детально эти предложения изложены в монографии «Институциональная революция в Ливане»[4]. Она написана молодым автором, но уже опытным в ведении дел и вхожим в высшие политические круги Ливана — Хикматом Абу Зейдом (его отец, крупный бизнесмен, был депутатом парламента и советником президента М. Ауна, постоянный участник ливано-российского диалога). Предложения теоретически вытекают из опыта децентрализации ряда европейских стран (в частности, Хорватии) и основываются, прежде всего, на проекте 2012 г. комиссии экс-министра внутренних дел Зияда Баруда. Они предусматривают увеличение числа ливанских уездов (*каз*) до 30 и передачу советам каз и муниципалитетам широкого круга полномочий, которые обычно входят в компетенцию центральной власти (например, министерств). В сфере экономики предполагается развитие государственно-частного партнерства и делается акцент на сбор информации и обработку её для улучшения работы электронного правительства и более эффективного планирования местными органами управления. Пожалуй, налицо весьма оформленный проект, который может привести к глубокому обособлению районов Ливана.

Отсутствие централизованного экономического планирования и развития страны как единого целого приведет, конечно, очень скоро

к полунатуральному способу производства и проблемам по границам наиболее разнящихся каз — особенно в конфессиональном плане. Можно ожидать также территориальные споры, проблемы транзита, дальнейшее ухудшение положения в депрессивных районах. Не приведет ли он вообще к феодализации общества, раз такой акцент ставится не на демократическое развитие страны в целом, а на «земле» — привязанности к общинной территории — в качестве основы новой административно-институциональной системы?

Вполне радикально прозвучал и призыв лидера Ливанских сил Самира Джаааджа — он напоминал призыв к институционально-административной реформе от СПД, но пока без столь же глубокой теоретической проработки. Прозвучал он в такой формулировке: «пересмотр ливанской структуры» (*и'адат ан-назр би-т-таркиба аль-любнанийя*)[5], и очень взволновал консервативно настроенных политиков из других партий. Структура, конфигурация, пропорциональный состав — как бы ни понимать значение арабского слова *таркиба*, речь идет о пересмотре базового основания ливанского общества в политической плоскости, что сводится в конечном итоге к реформе управления, в том числе административно-территориального, напрямую касающегося конфессиональных общин. В этом плане призыв лидер ЛС идет рука об руку с предложениями СПД. Но насколько эти позиции согласованы и согласуются между собой, насколько им предшествовали обсуждения и предварительная «консоциация», пока остается вопросом.

Во всяком случае, С. Джаааджа имеет ряд конкретных идей, воплощение в жизнь которых он напрямую связывает с возвращением маронитам и вообще христианам Ливана былого, как ему представляется величия. В целом его идеи сводятся к переносу акцентов экономической, финансовой, силовой, коммуникационной функций государства в Горный Ливан, а именно в *мухафазы* (области) и *казы* (уезды) с христианским большинством. Например, он одобрительно отзывался о передислокации некоторых частей ливанской армии в центральные горные районы (не забывая тренировать в Иордании и собственную высокодисциплинированную бригаду партийных ополченцев), поддерживал проект создания альтернативного аэропорта на севере страны и блокировал расширение единственного сейчас бейрутского международного аэропорта, ратовал за усиление областных филиалов ливанского центробанка (Банк дю Либан), особенно офиса в Джуние, вообще смены прежних банков Ливана на новые — с новыми арабскими инвестициями и с новым способом кредитования значимых общегосударственных проектов, создания большой телекоммуникационной компании с центром в Горном Ливане, создания хорошей сети дорог, связывающей воедино все христианские районы. Очевидно, что в практической плоскости Джаааджа идёт даже дальше, чем СПД с его проектом децентрализации управления. Правда, он при этом обнажает основную

свою идею — установление доминирования маронитов (в его риторике — христиан) в стране даже путем её глубокой фрагментации (может быть, вплоть до размежевания в будущем). По этой причине такие его планы называют в Ливане несбыточными[6].

Тактики фактически затягивания кризиса верховной власти придерживались шииты из Хизбаллы. По всей вероятности, они надеялись, как и в предыдущий 29-месячный кризис, провести наиболее лояльного себе кандидата изо всех возможных, а также «консоциональным» путем (то есть путем закулисных договоренностей) обеспечить себе наибольшую долю в парламенте и правительстве. Этим кандидатом и был выбран С. Франжье — он оказался приемлем как для Хизбаллы, так и для Амаль. Однако теперь уже партии с христианским большинством блокировали его избрание, срывая кворум в Совете депутатов, если возникала вероятность прохождения того на голосовании.

Шииты двигались в этой политической коллизии медленно, но считали свою ставку и тактику верной. Они весьма сильны в Южном Ливане, в Бекаа, Баальбеке, в нескольких крупных кварталах юга Бейрута, имеют отдельные мощные центры влияния даже в Северном Ливане. Они имеют давнюю историю предоставления гражданам любой социальной поддержки (более полутора десятков специальных фондов), включая больницы, медпункты, школы. Они предстают в роли стража рубежей Ливана от сионистской угрозы и от джихадистов. Составляют элемент большой региональной сети, связывающей Ливан в особенности с Ираном, Ираком и Сирией — а ведь именно сетевая организация выглядит сейчас наиболее правдоподобной моделью будущего устройства региональных центров силы. Так что ливанские политики-шииты не спешат: складывается впечатление, что их целью является не столько руководство со сложносоставным, внутренне противоречивым и многоконфессиональным Ливаном, сколько корректное встраивание в будущую модель регионального устройства.

Примеры политики в жизни общин

Интересные явления наблюдаются в суннитской общине Ливана. Осенью 2022 г. верховный муфтий Абдуллатиф Дериан принял решение о коренной демократизации руководства ливанской уммой, а именно о проведении выборов муфтиев нескольких крупных районов, где проживают сунниты — Триполи и Аккар (Северный Ливан), Захле, Рашая, Баальбек-Хермель (Восточный Ливан), Хасбая и Марджаюн (Южный Ливан). Дело в том, что на протяжении долгого времени существовала практика назначения муфтиев со стороны суннитской религиозной структуры *Дар-уль-фатва* (Палата фетв). Выборы районных муфтиев прошли

в воскресенье 18 декабря 2022 г. Верховный муфтий сопоставил это значимое событие с необходимостью безотлагательных выборов президента Ливана в Совете депутатов. Как он заявил, в этом своем демократическом (и по-своему революционном) решении он опирается «на Конституцию, Национальный пакт и особенно на документ “Национальное согласие”, известное как Таифское соглашение, выведшее Ливан из туннеля конфликтов на просторы отечества»[7].

Что касается друзов, то, как известно, находясь формально внутри мусульманской уммы, они (в прочем, как и немногочисленные в Ливане алавиты и исмаилиты) подчиняются религиозному императиву полной тайны своего учения. Эта обособленность — не только административная (как, например, у шиитов и суннитов), но и догматическая — с одной стороны, держит их в положении секты в мире ислама, но с другой стороны, обеспечивает им определённую политическую самостоятельность и возможность лавировать между доминирующими течениями, приобретая политические очки. На положение друзов в Ливане накладывается тот факт, что значительная часть друзов живет на израильской территории исторической Палестины. Поэтому, опять же, с одной стороны, они не могут не разделять боли арабов-палестинцев, страдающих от преступной поселенческой активности израильтян и других проявлений израильско-арабского противостояния. С другой стороны, их настораживают два феномена, уже напрямую связанных с религией. Первый заключается в исламистском характере Сопротивления: ведь и в риторике, и в современной истории (да и в самих названиях связанных с Сопротивлением организаций) так или иначе звучит и проводится идея «исламского освобождения». А его друзы справедливо соотносят с суннитским или шиитским активизмом, где место и участь, уготованные друзам, мягко говоря, не определяются однозначно. Второй — экуменический вызов, когда все большее политическое измерение получает идея, что мусульмане — это единая умма, вся и полностью разделяющая «столпы» учения. Уже это подспудно предполагает некоторое выравнивание религиозных практик, на что некоторые полные своеобразия мусульманские конфессии, в том числе друзы, пойти не могут. Но и в более широком масштабе: продвигаемая на Ближнем Востоке и за его пределами идея диалога авраамических религий на основе общих единобожных и гуманистических ценностей доходит уже до совместных молитв представителей разных религий, и не за горами, как полагают друзы, появление религиозно-нейтральных молитвенных мест, подобно тем, которые создаются в ряде западных стран для всех желающих остаться наедине с Богом, независимо от их вероисповедания. Как первое, так и второе, друзы воспринимают в качестве угрозы не только основополагающей «тайне» своего учения, но и собственной религиозно-культурной идентичности.

Показательно, что, беседуя с послом Палестины в Ливане Ашрафом Даббуром в марте 2023 г., шейх-уль-акль ливанских друзов Сами Аби аль-Муна делал упор именно на эту составляющую арабской проблематики. Обсуждая с послом недопустимые действия израильской администрации, силовиков и еврейских поселенцев в арабской Палестине, он неожиданно стал развивать тему сохранения уникальных особенностей каждой конфессии, религиозной культуры каждой из ближневосточных конфессиональных общин. В отношении авраамических религий шейх-уль-акль сказал: «Стремясь к открытости и диалогу между верующими, выявлению общих черт в вопросах веры и морали, к свободе выбора и сотрудничеству в решении общечеловеческих и общемировых проблем, мы, тем не менее, подтверждаем наше удивление по поводу любого призыва к слиянию монотеистических религий. В этом мы исходим из нашей убежденности в том, что различия людей в их убеждениях и ориентирах являются сущностной традицией (сунной) и естественной природой, в соответствии с которой люди созданы Богом. <...> Несомненно, есть разница между уважением к иным религиозным учениям и верой в них. Непонятно и неприемлемо сооружать места общерелигиозного поклонения или общерелигиозной среды, потому что это идет вразрез с особенностями каждой религии, не согласуется с сущностью всего сотворенного и с природой людей, основанной на различиях»[8].

Очевидно, у этих опасений есть действительная подоплека. Кстати, избранный в сентябре 2021 г. на верховный пост друзской общины Ливана доктор Аби аль-Муна является специалистом в области межрелигиозных отношений (его диссертация называлась «Друзский взгляд на исламско-христианский диалог в Ливане», 2015 г.) В свое время он окончил Ливанский университет по специальности арабского языка и литературы (1980), а позднее — магистратуру в иезуитском Университете св. Иосифа в Бейруте (2011).

Риторика и... ничего

Критика политических баталий на фоне глубокого и многостороннего кризиса в стране стала общим местом выступлений ливанских религиозных лидеров. Все как один взывали к совести и разуму депутатов и политиков, и первым делом призывали как можно скорее избрать президента республики. Особенно ясно эти призывы раздавались по случаю религиозных дат. Например, лидеры мусульманских общин Ливана в своих выступлениях на начало поста рамадана были единодушны в своих политических призывах: скорее покончить с очередным затяжным административным вакуумом — избрать президента и сформировать новое правительство. Об этом заявлял и верховный муфтий суннитов Абдуллатиф Дериан, и шейх-уль-акль друзов Сами Аби аль-Муна.

При этом отчетливое звучание получал вопрос социального разрыва между населением и власть имущими. «Очень жаль, что политический класс находится в одном месте, а народ — в другом», — заявил, в частности, муфтий Дериан. В его характеристике сложившегося положения звучали такие слова, как «крах», «хаос»: «Политики, хватит вам, клянусь Аллахом, терять время. Мы находимся на последней стадии краха, объединитесь в своем видение судьбы вашей страны»[9]. От имени возглавляемой верховным муфтием Дар-уль-фатва прозвучало недовольство предложения СПД о разделе муниципалитета Бейрута на два, и вообще — скрытая критика проекта усиления квотирования конфессий в исполнительной власти. Десятилетие назад на этом принципе в легислатуре базировался проект маронитов. Казалось, протестная волна, начавшаяся в октябре 2019 г., которую в Ливане называют «октябрьская революция», наложила печать на этот непопулярный принцип. Но вот снова, как и в период той протестной волны, некоторые ведущие религиозные лидеры выказывают солидарность с народом, призывают к национальному (надконфессиональному) единству и ратуют за улучшение условий простых людей.

Подобный же призыв к политикам — избрать, наконец, президента страны и назначить дееспособного исполняющего обязанности главы правительства — выпустила Маронитская лига. Правда, в заявлении косвенно прозвучало беспокойство сдвигом в ливанском обществе под воздействием притока беженцев: «...страна страдает под тяжестью негативных последствий — демографических, экологических, финансовых и экономических, связанных с безопасностью, от присутствия более трех миллионов иностранцев находящихся на земле Ливана, среди которых — около двух с половиной миллионов перемещенных сирийцев, проникших в Ливан под эгидой международного сообщества или тайком» (в числе остальных полумиллиона — видимо, палестинцы-сунниты). Тут прослеживается давняя озабоченность сдвигом конфессионального баланса ввиду того, что большинство из беженцев — как палестинцев, так и сирийцев — исповедуют ислам, что обуславливает уменьшение доли христиан, в частности, католиков-униатов.

По мере приближения Пасхи все громче призывы покончить с вакуумом власти и начать работать на благо страны звучали и со стороны православных архипастырей. Так, митрополит Бейрутский Ильяс Ауде сетовал: «Знать, политики, депутаты и правители видят только свои интересы, и работают только ради своей собственности. Им не стыдно за то, до чего они довели страну <...> Разве Ливан лишен фигуры, способной возглавить спасательный марш, вокруг которого собирается достаточное количество депутатов? Вся страна бездействует, администрация бездействует, работники бастуют, интересы людей не учитываются, миллиарды фунтов

потрачены впустую, а мы просим о помощи <...> Нам нужны вожди, а не знать. Нам нужны дальновидные мыслители, люди дела, радеющие за него, а не политики, которые развлекают правительство и народ»[10].

Гораздо менее категоричным был маронитский патриарх Бишара Бутрос ар-Раи. Он вовсе не бранил политиков, но всё же напоминал, что политики — слуги народа. С чем связана такая осторожность в риторике? Вероятно, с расчётом, что ему в конце концов удастся то, что не удавалось в период президентства М. Ауна и ранее — собрать под своей эгидой всех политиков-маронитов, стать когда-нибудь над межмаронитской конкуренцией. Однако то, что для самого патриарха ар-Раи предстает образом миротворца, в глазах лидеров разных маронитских политических кругов представляется неприкрытыми властными абмициями, превосходящими порой их собственные. Впрочем, ряд маронитских политиков, представляющих общественно-политические объединения — например, «Мароните за Ливан» (Пол Юсеф Кнаан), «Сильная республика» (Стрида Джаааджа) — наносят визиты в Бкерке и выражают полную поддержку политике, проводимой маронитским патриархом.

Показательным примером политической осмотрительности патриарха ар-Раи был ранее отказ принять у себя совещание из 64-х депутатов-христиан по обсуждению единой кандидатуры на президентский пост. Это предложение было выдвинуто в начале февраля Самиром Джаааджа, но оно не было подготовлено предварительным неформальным согласованием, и поэтому собрание имело все шансы обернуться скандалом. Сам Джаааджа надеялся, по-видимому, что «мини-парламент» из христиан, осененный авторитетом Бкерке, отдаст большинство голосов его кандидату, Мишелю Муавваду. Однако ясно, что последствия такого решения могли привести только к усилению неразберихи в работе Совета депутатов, да ещё и вызвать острую критику духовного лидера маронитов почти со всех сторон.

Призывал ливанских политиков к единству и ответственности папа Римский Франциск: в ноябре 2022 г. он специально обратился к политическим лидерам Ливана с призывом избрать президента и сформировать правительство. Он традиционно уделяет большое внимание Ливану, а в июле 2021 г. он собирал у себя в Апостольском дворце в Ватикане глав и представителей католических, униатских, протестантских и православной общин Ливана. Выступая в роли высокого миротворца, он предупреждал тогда об углублении и финансового кризиса, и возможности кризиса в сфере высшего государственного управления. Со своей стороны, ливанцы высоко ценят авторитет папы Римского и надеются на его третейскую роль в текущем кризисе.

Яркой иллюстрацией тому был визит ливанского и. о. премьера Наджиба Микати в Ватикан: 16 марта 2023 г. он (будучи мусульманином-суннитом) в ходе беседы передал главе Католической Церкви письмо с описанием

проблемной ситуации в Ливане и выразил надежду на его посредничество в разрешении кризиса власти. Действительно, значительный международный вес фигуры понтифика мог бы сыграть определяющую роль в урегулировании многих проблем в Ливане, однако едва ли такие частные вопросы, как примирение единоверцев из высшего эшелона ливанской политики или шаги глобальных фондов по поддержанию курса ливанской лиры, станут объектами особой заботы главы всех католиков. Пафосная риторика, видимо, останется только риторикой.

Заключение

Итак, ливанский конфессионализм — явление спорное: ливанские партии религиозно обусловлены, но далеко не представляют интересы соответствующих конфессий целиком. То есть, всякий политик соотносит себя с определенной общиной, но ни одна из общин не соотносит себя целиком с определённым политиком.

В Ливане, стране с очень высокой свободой выражения мнений, по-прежнему большое значение и распространение среди населения имеют идейные течения и идеологии: арабизм и финикиизм, насеризм и баасизм, коммунизм и исламизм, прогрессизм и либерализм. Основные политические силы, так или иначе, соотносят себя с одним из этих течений, однако их по инерции считают «конфессиональными». Это вносит базовую ошибку в рассуждения и приводит к не вполне верным оценкам действий политиков.

Религиозные лидеры Ливана открыто выражают свои мнения — а порой и резко отзываются о происходящем на политической арене. Они в большинстве своём выступают за единство страны и сильные государственные институты, их риторика проникнута патриотическим пафосом. В последнее время многие из них делают акцент на социальных проблемах, на жизни простых граждан, противопоставляя им политиков, не думающих якобы о чаяниях простых ливанцев. Раздаются даже призывы продолжать социальные протесты.

Тем не менее, со стороны религиозных вождей пока нет и намёка на конструктивное оформление протестного потенциала (Движения обездоленных, к примеру) для действенного решения многоплановых проблем общества и государства. Подобные выступления звучат как вполне привычная риторика — ради демонстрации общности пастыря и паствы. Это впечатление в глазах простых людей, а так же тот факт, что некоторые религиозные лидеры не скрывают своих высоких политических амбиций, оставляет людей за пределами их реального влияния — в случае действительно общенародных протестных явлений.

Те изменения в жизни общин, которые ощущают на себе верующие разных конфессий, не свидетельствуют пока о верных политических маршрутах их представителей во власти. Если оставить за скобками общеливанские беды и обнищание населения, большинство испытывает чувство тревоги, связанное с будущим их общин. Причины самые разные. Это и острая конкуренция политиков между собой в ущерб реальным решения в области исполнительной власти — борьба, удары от которой рикошетом попадают в локальные конфессиональные группы и вредят им. Это и обвинения в ангажированности из-за рубежа, которые раздаются в адрес буквально всех общин, поскольку большинство исторически испытывало влияние извне, имеет сильные диаспоры или просто на протяжении веков расселено на территориях, которые теперь входят в состав разных государств. Это и экуменические проекты, которые многие верующие рассматривают как угрозу своей идентичности и религиозной культуре.

Выплеск энергии протеста в Ливане (долгая «октябрьская революция») был разрушительным. Важно то, что он был, во-первых, надконфессиональным, а во-вторых — против политиков. Жестокие обстоятельства вынудили ливанцев вернуться в свои дома и заняться буквально выживанием. Нынешние невыносимые условия вновь могут подвести население к последней грани и вновь вынудить к выступлениям против политиков как таковых, к возобновлению требований типа «всех — значит всех» (*куллон я'ни куллон*) — тотального искоренения конфессионализма в политике, по сути, смены бомонда. Чтобы этого не случилось, ливанским политикам, видимо, всё же придется заняться нуждами граждан своей страны — по-настоящему и честно.

1 Lebanon: €60 million in humanitarian aid for the most vulnerable // European Commission, 30 March 2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_2026.

2 [Православный совет: Если ситуация будет продолжаться так, как она есть, мы идем к серьезному вертикальному и горизонтальному разделению между конфессиональными политическими партиями] // *El-Nashra*, 26.01.2023. URL: https://www.elnashra.com/news/show/1607702/المجلس-الارثوذكسي-بحال-استمر-الوضع على-عليه-ذاهبون

3 [Национальный православный совет — Насралле и Берри: Недопустимо навязывать президента ливанцам или христианам] // *El-Nashra*, 8.03.2023. URL: https://www.elnashra.com/news/show/1613036/المجلس-الوطني-الارثوذكسي-لنصرالله-وبري-غير-المسموح

4 Книга увидела свет в 2021 г. сразу на арабском и на французском языках, а уже в следующем году переведена на русский и издана под эгидой Института востоковедения РАН.

5 [Христиане Ливана возмущены нынешним режимом] // *Аш-Шарк аль-авсат*, 16125, 21 января 2023. URL: https://aawsat.com/home/article/4109831/مسيحيو-لبنان-ناقمون-على-النظام-الحالي

6 Аль-Галаф А., аль-Амин И. [Джааджа: возвращение к мечте о мини-государстве] // *Аль-Ахбар,* 3.04.2023. URL: https://www.al-akhbar.com/Politics/360739/جعجع-عودة-إلى-حلم-الدويلة

7 [Выборы заполняют вакансии муфтиев в ливанских районах] // *Аш-Шарк аль-авсат*, 19.12.2022. URL: https://aawsat.com/home/article/4051201/انتخابات-تملأ-شغور-المفتين-بالمناطق-اللبنانية

8 [Аби аль-Муна и посол Палестины обсудили вопросы, связанные с общей палестинской реальностью в Палестине и Ливане] // *El-Nashra*, 21.03.2023. URL: https://www.elnashra.com/news/show/1614957/ابي-المنى-وسفير-فلسطين-بحثا في-المواضيع-المتصلة-بالوا

9 [Дериан: Либо выборы президента и формирование правительства, либо хаос, и Бейрут не приемлет разделения, а мы будем стоять на пути его единства] // *El-Nashra*, 22.03.2023. URL: https://www.elnashra.com/news/show/1615039/دريان-إما-انتخاب-الرئيس-وتشكيل-حكومة-أو-الفوضى-وبيروت

10 [Неужели Ливан лишен фигуры, способной возглавить спасательный поход и вокруг которой сплотились бы депутаты?] // *El-Nashra*, 22.03.2023. URL: https://www.elnashra.com/news/show/1616479/المطران-عوده-خلا-لبنان-شخصية-قادرة-على-قيادة-مسيرة

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

К сравнительному источниковедению описаний Христианского Востока в памятниках византийской и пост-византийской эпохи*

М.В. Бибиков

Начатый научный проект «Сравнительное источниковедение описаний Христианского Востока в русских, греческих и латинских памятниках византийской и пост-византийской эпохи» предполагает поиск, всесторонний источниковедческий анализ, вслед за чем — публикацию и перевод на русский язык и фундаментальное исследование греческих, латинских и древнерусских памятников книжности византийского и пост-византийского периода (X–XVII вв.), содержащих описания и свидетельства о Святой Земле, Иерусалиме, Ближнем Востоке, Синае. В процессе работы предполагается представление и обнародование новых материалов, в т.ч. хранящихся в рукописях, обнаруженных и скопированных в архивах и древлехранилищах монастырей и скитов Афона, Иерусалима, Салоник и других центров книжности.

Актуальность научной задачи определяется целями сравнительного источниковедческого анализа разноязычных (греческих, латинских, древнерусских и древнеславянских) и разно-жанровых (паломническая литература, агиография, хроники, специальные трактаты, памятники риторики, эпистолографии и проч.) текстов, содержащих важные материалы по теме[1]. Особый интерес представляют собой рукописные неопубликованные материалы, обнаруженные в отечественных и зарубежных собраниях, а также пост-византийские тексты, привлекающие к себе внимание, особенно в последнее время.

Реализация Проекта была начата с поиска в архивах и библиотеках и отбора для сравнительного аналитического источниковедческого

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием ИВИ РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2023 г.

исследования памятников и авторов византийского и пост-византийского периода — греческих (Анастасий Синаит, Софроний Иерусалимский, Григорий Палама, Досифей Иерусалимский, Иаков Неаскитиот и др.), латинских (Иоанн Вюрцбургский, Генрих Латвийский и др.), древнерусских и славянских (Даниил игумен, Житие Евфросинии Полоцкой, Житие Саввы Сербского, Агрефений и др.)

Предварительные изыскания участников работы над Проектом в последние годы по проблематике заявленной темы в библиотеках и архивах недоступных ранее монастырей, скитов и подворий Афона, патриаршей библиотеки Иерусалима, обителей Греции (Салоники, Метеоры, Патмос и др.) и Ближнего Востока (Синай), а также в отечественных и европейских библиотеках и архивах позволяет провести сравнительное академическое исследование свидетельств о Святой Земле и Восточном Средиземноморье неизвестных или мало известных авторов — часто современников описываемых событий[2].

Святая Земля, Палестина, область Восточного Средиземноморья, связанные с жизнью библейских пророков, старцев и проповедников, где проходила земная жизнь Спасителя, Божьей матери, всего Святого Семейства, осуществляли подвижнические деяния апостолы, первые их последователи-христиане, а затем — монахи-пустынники, анахореты, а также строители общежительных обителей, наконец, первые паломники, начиная со св. царицы Елены и её сына — св. императора Константина I Великого, утвердившего христианство в качестве государственной религии для всего пространства Византийской империи — средоточия, по представлениям современников, мировой цивилизации, — все это было тем глубоким фоном, на котором созидалось христианское строительство на Руси.

К такого рода исследованиям следует отнести вопрос о появлении и распространении в Святой Земле русских монастырских обителей, сведения о которых черпаются из различных, как славянских и древнерусских, так и иноязычных источников.

Древнерусские памятники, такие как «Изборник Святослава 1073 г.» или «Изборник Святослава 1076 г.», содержат толкования и разъяснения для читателя текстов, касающихся святых мест Палестины, Синая, Египта, Ливана. Всё это создавало ту историко-культурную базу, на которой зиждился интерес к посещению самих святых мест. С принятием христианства на Руси установление связей с Палестиной стало великокняжеской заботой. Пребывание русских паломников, путешественников и подвижников в Святой Земле получило отражение и в древнерусских письменных источниках, прежде всего — в летописях.

В 1065 г. на пути из паломничества в Иерусалим и Константинополь скончался во Владимиро-Волынском Святогорском монастыре Успения Богородицы прп. Варлаам Печерский — первый игумен Киево-Печерского

монастыря[3]. С паломническими целями в Святой Земле оказывались и члены великокняжеской семьи, как например, в 1098 г. первая жена князя Владимира Мономаха княгиня Гита Гаральдовна[4], дочь англо-саксонского короля Харальда Годвинсона, отправившаяся в Иерусалим и вскоре, видимо, там скончавшаяся (Владимир Мономах в 1099 г. вступает в новый брак). Место погребения княгини осталось неизвестным.

Напротив, место первоначального погребения другой представительницы княжеского дома в Святой Земле сохранено и почитается до нашего времени. В 1167 г. или в 1173 г. в Иерусалим пребывает паломница из дома Рюриковичей — святая княгиня Евфросиния Полоцкая — просветительница Белоруссии, «Неокопанное корение Русьстей земли»[5], как её славили современники. Об этом повествует «Житие св. Евфросинии Полоцкой», созданное вскоре после кончины княгини и погребения её у Иерусалима в Лавре св. Феодосия[6]. В паломничество княгиня отправилась, уже будучи игуменьей основанного ею в Полоцке женского Спасского монастыря, за которым утвердилось имя Евфросиньевского[7].

Несколько неожиданный, на первый взгляд, поворот тема паломничества в Святую Землю на Руси XII в. обретает в сочинении «Вопрошание Кирика Новгородца к святителю Нифонту». Текст содержится в составе Новгородской (Климентовской) русской кормчей книги[8]. Автор памятника — известный «доместик» (регент хора) Новгородского Антониева монастыря, иеромонах Кирик (1110-ок. 1156), был также автором астрономо-математического и хронологического трактата «Чтение, имже ведати человеку число всех лет». «Вопрошение» же обращено к епископу Великого Новгорода Нифонту (1130–1156) и является одним из древнейших русских канонических памятников, включенных в Кормчую книгу русской редакции[9]. На вопрос иеромонаха Кирика и некоего священника Илии: «Если идут в странствие в Иерусалим к Святым, то я запрещаю, не велю идти, велю этому человеку быть здесь добродетельным. Владыко, грешу ли я, приказав подобное?» — святитель Нифонт дает ответ: «Ты делаешь очень хорошо: для того (он) идет, чтобы, всюду путешествуя, есть и пить. Ты же такое зло запрещай <...> тех, кто поклялся пойти в Иерусалим, подвергай епитимьи, ибо такая клятва губит эту землю»[10].

Этот текст оценивается, во-первых, как свидетельство массовости паломничества на Руси в середине XII в. и, во-вторых, Нифонт осуждает складывание неких групп-дружин паломников, связанных друг с другом клятвой, типа известных по «Хожению» игумена Даниила (со спутниками!) или по описанию в былине «Сорока калик со каликою»[11] в составе сборника Кирши Данилова[12]. Запрет касается и заботы об укреплении церковной жизни на родине, часто нарушавшейся бесконтрольной отлучкой паломников[13].

Но ограничение толкования этого пассажа только указанными причинами вызвало справедливое возражение А.В. Назаренко[14]. Он приводит близкий

по смыслу Нифонтову ответ Константинопольского Патриаршего Собора на вопрос Сарайского епископа Феогноста (1276 г.): (Вопрос): «А что ходять в Иерусалим к святыим, вельми аз сего браню, зде им велю правду деяти, а Бога бояся жити. — (Ответ): Вельми, рече, се добро, иже абы не делал ясти чюжии хлебы, и не то еще, но и прилыгати начнеть и поведывати на иных странах бывшая, възбраням вельми, дабы не шли и не вътще трудилися»[15].

Итак, ущерб от бесконтрольных «хождений» и новгородский владыка и царьградские иерархи в «праздноядении» и «прилыгании», что заменяет духовный труд внешней занимательностью путешествий, — резюмирует А.В. Назаренко. О грехе гордыни посетивших Иерусалим без должной духовной отдачи ума и сердца сокрушается и игумен Даниил: «Мнози бо доходившее святых сих мест и святый град Иерусалим и вознесшеся умом своим, яко нечто добро створивше, и погубляют мзду труда своего»[16]. Паломничество, таким образом, воспринималось своеобразной формой покаяния.

Иное дело — благочестивое паломничество, благословенное к тому же святыми отцами. Именно таким предстает упоминавшееся уже пребывание в Святой Земле прп. Евфросинии Полоцкой (ок. 1110–1173) в её Житии, созданном также в домонгольский период[17]. Внучка известного полоцкого князя Всеслава Брячиславича, дочь витебского князя Святослава в двенадцать лет ушла из дома, совершила монашеский постриг и несла послушание в полоцком соборном храме Святой Софии Премудрости Божией. В дальнейшем стала основательницей женской Спасо-Преображенской обители, а также мужского Мариина монастыря во имя Пресвятой Богородицы в Полоцке. В Софийском соборе Полоцка по заказу преподобной в 1161 г. был изготовлен и хранился напрестольный крест со вложенными частицами святых мощей и фрагмента Живоносного Древа Креста Господня. Другим благочестивым поступком Евфросиньи Полоцкой по преданию стало её прошение и способствование перенесению в ее обитель чудотворного образа Корсунской (Эфесской) Божией Матери, с которого было сделано на Руси множество списков. Сам образ (по сведениям Жития) был прислан византийским императором Мануилом I Комнином, с которым Евфросинья встретилась по пути в Палестину, была им принята и в Константинополе же получила благословение в путь к Святой Земле от известного Вселенского Патриарха Луки Хрисоверга. Её сопровождали двоюродная сестра Евпраксия Борисовна и брат Давид Святославич.

Паломничество полоцкой преподобной явилось образцом чистоты помысла и благочестия. Она поклонилась живоносному Гробу Христову, потом поставила при гробе золотое кадило и принесла много даров Церкви Иерусалимской и Патриарху. Прп. Евфросинья обошла и прочие достославные места в окрестностях Иерусалима; поклонившись с великим умилениям святыням, княгиня поселилась в монастыре, называвшемся Русским и находившемся при храм, выстроенной в честь и во славу Пресвятой Богородицы.

Сама кончина достигшей преклонного возраста и занемогшей святой полоцкой паломницы, свершившаяся по её собственной молитве в Святой Земле 23 мая 1173 г., и погребение её тела в Феодосиевом монастыре на паперти храма, недалеко от могилы матери прп. Саввы Освященного и матери прп. Феодосия Великого, доказывает высокий смысл духовного подвига полоцкой просветительницы. Её святые мощи только в начале XX в., в 1910 г., нашли упокоение на родине святой, в Полоцке. Однако в монастыре Феодосия Великого в Иерусалиме до сих пор можно видеть чтимое место первоначального пребывания честных мощей преподобной.

Видимую связь литературного отражения контактов Древней Руси и Палестины с реальными реликвиями из Святой Земли в современных храмовых и музейных коллекциях демонстрирует так называемый «Иерусалимский крест» XII в. из ризницы кафедрального собора в немецком городе Хильдесхайме. Этот крест-мощевик новгородского происхождения с частицами палестинских святынь содержит надпись: «Господи помози рабу своему Илии стяжавшему крест сей в сей век и в будущий...»[18].

Что касается свидетельства о Русском монастыре в Иерусалиме в последней трети XII в., текст «Жития Евфросинии Полоцкой» в этом отношении уникален. То, что княгиня останавливалась в Святом граде «у святыя Богородици в русском монастыри», является единственным, но очень важным упоминанием русской Богородичной обители в Иерусалиме, существовавшей уже в XII в. Аналогом может быть существование Русского монастыря на св. Афоне.

Поскольку автор «Хождения» в Святую землю игумен Даниил в начале XII в. (принятая датировка 1106–1107 гг.), очень внимательный и тонкий наблюдатель, ничего не говорит о русском монастыре в Святой Земле, хотя подробно сообщает о других обителях, резонно заключение о возникновении Русского Богородичного монастыря в Иерусалиме в период между примерно 10-ми и 60-ми гг. XII в. (скорее, ближе к концу этого периода)[19]. Вряд ли русская обитель, возникшая в обстановке усиления византийского православного влияния в Палестине, в условиях сближения династической политики крестоносных латинских королевств в Святой Земле с Византийской Империей, правящим там домом Комнинов (с соответствующими строительными и реставрационными акциями Византии в Иерусалиме, Вифлееме, Газе и т.п.)[20], смогла пережить захват Иерусалима султаном Салах-ад-Дином (Саладином) в октябре 1187 г., положившим начало мусульманского господства в регионе. Больше об этом Русском монастыре в Иерусалиме ничего не сообщается.

Но это не единственное свидетельство о древнерусских обителях в Святой Земле. В «Житии св. Саввы Сербского» сообщается, что сербский архиепископ во время своего первого паломничества в Иерусалим (в 1229 г.) жил в Лавре прп. Саввы Освященного «у святого Михаила в русском

монастыре, вблизи великой церкви», отождествляемой с лаврским собором[21]. «Житие» создано в середине XIII в. учеником и спутником святого Доментианом и имеет характер достоверного свидетельства.

Данные о русских монастырских постройках в Палестине подтверждаются и латинским «Паломничеством в Святую Землю» вюрцбургского пресвитера Иоанна, посетившего Иерусалим в середине 60-х гг. XII в., т.е. практически одновременно с прп. Евфросинией Полоцкой. Завершая повествование, вюрцбургский паломник заключает: «Итак, мы описали поклонные места в святом граде Иерусалиме, начав от церкви Святого Гроба, двигаясь по кругу от Давидовых ворот и снова к ним вернувшись, при этом, не говоря о многочисленных часовнях и не столь знаменитых церквях, которые содержат там различные народы. Надобно знать, что там есть греки, латиняне, немцы, венгры, ирландцы, наваррцы, бретонцы, англы, русь, чехи, грузины, армяне...»[22]. Имеются ли здесь в виду только упомянутые Богородичный и Свято-Михайловский монастыри, или речь идет еще о каких-то «не столь знаменитых» часовнях и церквях, не известно.

Решение вопроса о датировке и локализации появления русских обителей в Святой Земле предложено А.В. Назаренко. «Где располагались русские Богородичный и Михайловский монастыри? Последний, согласно «Житию св. Саввы Сербского», был загородным, находясь на территории лавры св. Саввы (в Иудейской пустыне, между Иерусалимом и Мертвым морем). Именно там, в лавре св. Саввы, хотела быть погребенной и прп. Евфросиния Полоцкая, но не получила такого разрешения и в результате упокоилась в лавре св. Феодосия Киновиарха, также к востоку от Иерусалима. Такой отказ сановной паломнице, которая, безусловно, располагала денежными средствами, было бы нелегко понять, если бы обитель Пресв. Богородицы, где обитала княжна-игумения, находилась, как и Михайловская, в лавре св. Саввы. Остается предположить, что в отличие от Михайловского (вероятно, мужского) монастыря, Богородичный (скорее всего, женский) входил в состав лавры св. Феодосия.

Естественно думать, что оба русских монастыря в Иудейской пустыне возникли из потребностей паломнического движения русских людей. Поэтому — возвращаясь к вопросу о датировке их возникновения — надо принять во внимание, что как раз в 60-е гг. XII столетия должно было наступить количественное оживление паломничества в связи с тем, что наступательная политика византийского императора Мануила I Комнина (1143–1180) привела в то время к освобождению южного побережья Малой Азии от турок-сельджуков; в итоге стали возможны сухопутные маршруты от Константинополя до Киликийских ворот и далее — до Иерусалима»[23].

Итак, свидетельства и следы русских паломничеств XII в. в Палестину не единичны. Это — и хранящийся в сокровищнице собора в Хильдесхайме

энколпион XII в. с частицами палестинских реликвий, т.н. «Иерусалимский крест» с русской надписью, свидетельствующей о связях Новгорода со Святой Землей[24] (что косвенно подтверждается легендарной «Повестью о путешествии новгородского архиепископа св. Илии (Иоанна) на бесе в Иерусалим»; это — и свидетельство Летописного сборника 1163–1377 г. из собрания РНБ в Санкт-Петербурге о хождении «ко граду Иерусалиму ко Гробу Господню» 40 калик из Новгорода при том же Иоанне архиепископе[25] и о привезенных этими паломниками реликвиях; это — и, пусть сомнительное, свидетельство «Истории Иерусалима и Антиохии»[26] начала XIII в. об участии русских в I Крестовом походе; это — и печальные отзвуки в Древней Руси известий о захвате Иерусалима мусульманами; это — и сообщение Новгородской I летописи о привезённом Добрыней Ядрейковичем (будущим архиепископом Антонием) в 1211 г. из Константинополя фрагмента Гроба Господня: «Тогда не бяше пришьл... Добрына Ядреиковиць из Цесаряграда и привезе с собою Гроб Господень...»[27]; это — и известие об упокоенном в Царьграде в приделе «святого Георгия святыи Леонтеи» русском священнике («поп русин»), трижды (!) ходившем «во Иеросалим пешь»[28] (скорее всего, в 60–70-х гг. XII в.); это — и упоминание в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку о прибытии к Великому Князю Владимирскому Константину Всеволодовичу в 1217–1218 г. полоцкого епископа из византийской столицы, который «и принесе ему етеру часть от Страсти от Господень <...> и мощи святого Логина мученика сотника, святеи его руце обе, и мощи святыя Марья Магдальни»[29]. Это, наконец, — и подробно описанное самим автором Хождение игумена Даниила (1106–1108), которое представляло собой как паломническую, так и дипломатическую миссию[30].

Итогом более чем двухлетнего «хожденья» Даниила по Православному Востоку, шестнадцать месяцев из которого он посвятил Иерусалиму и другим Святым местам Палестины, стала книга «Житье и хожение Даниила, Русьскыя земли игумена». Она стала древнейшим и совершеннейшим памятником жанра хождений, получившего потом небывалое распространение в древнерусской литературе[31]. О популярности труда игумена Даниила свидетельствует то, что до нас дошло 152 рукописных списка сочинения.

Даниил с самого начала позиционирует себя как общерусского молитвенника и паломника: «игумен земли Русской», как он именуется в заглавии, поминая в Лавре прп. Саввы Освященного, где он больше всего жил, русских князей «с женами и детьми», бояр и «всех христиан», выступает как заступник общерусского дела. А в Пасху игумен ставит в Кувуклии храма Гроба Господня «кандило на гробе святитель от всея Русьскыя земли»[32]. Даниил был в Святой Земле не один: он упоминает новгородцев и киевлян, бывших с ним. Судя по именам — «Изяслав Иванович, Городислав

Михайлович, двое Кашкичей» и многие другие были мирянами; считается, что это своего рода паломничество-посольство было организовано русскими князьями с целью выяснить военную и политическую обстановку на Ближнем Востоке, сложившуюся в результате I Крестового похода[33]. Во всяком случае, государственный характер миссии игумена Даниила и его спутников подтверждается и тем, что он был принят и обласкан самим «князем» — т.е. главой Иерусалимского королевства, возникшего в 1099 г., Балдуином I. К нему обращаются русские с просьбой о содействии в установлении на Гробе Господнем лампады «от всея Русскыя земли».

Итогом наблюдений Даниила стал вывод, что православные святыни сохраняются и почитаются, что отношение к русским паломникам и латинян, и палестинцев благоприятное, и что долгий и небезопасный во времена военных действий путь в Палестину оправдан высокой целью приобщения к святыням. Благожелательная атмосфера общения Даниила с Иерусалимским королем Балдуином I может объясняться, по мысли А.В. Назаренко, и династическими мотивами: не исключено, что поручение игумену дал Черниговский князь Давид Святославич относительно поиска его сестры или племянницы, которая могла тогда находиться в пределах Иерусалимского крестоносного королевства. Князь муромский, новгородский, смоленский и черниговский Давид (ум. в 1123 г.) был сыном Великого Князя Киевского Святослава Ярославича и немецкой принцессы Оды; он активно отстаивал родовые интересы, участвовал в походах русских князей. На съезде в Любече в 1097 г. Давид получил в удел Чернигов[34]. Династическая близость Черниговского князя, от лица которого мог выступать Даниил, королю предопределила то, что русский игумен многократно получает аудиенцию у Балдуина, шествует бок о бок с ним по его повелению в Великую Субботу к храму Воскресения Христова, получает охрану и провожатых для путешествия по Палестине.

Описание игуменом Даниилом Святой Земли — не просто путеводитель или историко-географический справочник (хотя следует отметить замечательную точность и пунктуальность приведенных свидетельств). Для автора его «хожение» — акт священнодействия, почти литургическое действо[35], в соответствии с принципами которого, постигнутыми паломниками в Иерусалиме, и следует описание святынь Палестины. Автор «Хожения» сосредоточен на библейских местах и христианских памятниках Святой Земли. Поэтому весь путь до Палестины описан общо́: Константинополь («Царь-град»), Галлиполи, острова Авидос, Хиос, Самос, Патмос, Родос и другие названы в порядке их следования; более подробно рассказано об Эфесе с гробницами св. Иоанна Богослова и св. Марии Магдалины, о Патмосе как месте, почитаемом в связи с тем же св. Иоанном Богословом, о Родосе, где «был Олег князь русский 2 лете и 2 зимы», и о Кипре с горой, где св. царица Елена воздвигла кипарисовый крест с «честным

гвоздем Христа» (сейчас — монастырь св. Креста Господня — Ставровуни, недалеко от Ларнаки). По ходу путешествия указываются расстояния до «Селуни» (Фессалоники), «Святой Горы» (Афон), Крита, Рима и других центров. Упоминание князя Олега Святославича, вернувшегося на Русь в 1083 г., неслучайно: это — князь Владимиро-Волынский, Тмутараканский, Черниговский, Новгород-Северский, сын великого князя Киевского Святослав Ярославича и принцессы Оды, т. е. брат Давида Святославича Черниговского, игравшего как уже сказано, важную роль в отправке миссии русских паломников.

Добравшись морем до Яффы, Даниил со спутниками уже пешком достигает Иерусалима. Поселился русский игумен, как он сообщает, недалеко от Святого Града — в Лавре прп. Саввы Освященного, что в долине Кедрона в 25 км на юго-восток от Иерусалима. Обитель прп. Саввы была основана в 484 г. выходцем из Каппадокии, из селения Муталаска, Саввой (439–532), который, отправившись ещё в 456 г. в Палестину, стал учеником и сподвижником прп. Евфимия Великого из прикаппадокийской Мелитины, затем бл. Феоктиста, а с 477 г. уединился в пещере, куда в дальнейшем стали прибывать благочестивые люди. Они образовали обитель, названную Великой Лаврой[36]. Богослужебный устав её, оставленный прп. Саввой, получил название «Иерусалимского».

Но начинает свое повествование Даниил всё-таки с описания главных святых мест Иерусалима, встреча с которыми вызывает у игумена и всех паломников особые чувства: «И ту есть гора равна от пути близ града Иерусалима, яко версты вдале; на той горе сседают с конь все людие и поставляют крестьци ту и покланяются Святому Воскресению до дозоре граду. И бывает тогда радость велика всякому христианину, видевше святый град Иерусалим и ту слезам пролитье бывает от верных человек. Никто же бо может не прослезитися, узрев желанную ту землю и места святаа вида, идеже Христос Бог наш претерпе страсти нас ради грешных. И идут все пеши с радостию великою к граду Иерусалиму»[37].

Следующее затем в тексте памятника детальное повествование о иерусалимских святынях — Елеонской горе, храме Святая Святых, храме Воскресения Христова (Гроба Господня), церкви Стефана Первомученика, жертвеннике Авраама, башне Давида, Овчей купели, о Вифании, Гефсимании, а также о других палестинских святых местах — горе Ермон, Иордане, пещерах Ильи Пророка и Иоанна Крестителя, Сорокодневной пещере, наконец, подробное описание Лавры св. Саввы Освященного, где пребывал Даниил, о монастыре св. Евфимия, Вифлееме, Мамврийском дубе, горе Хеврон, об Эммаусе, Лид(д)е и Кесарии (Понтийской), Капернауме, Аккре, о Галилее и Тивериадском море, о Самарии, о Горах Ливанских, о Фаворе с пещерой пророков, о Назарете и Кане Галилейской составляет неоценимый фонд русского постижения Святой Земли[38].

1 *Бибиков М.В.* Byzantinorossica. Свод византийских источников о Руси. М., 2004–2020. Т. I–IV; *Бибиков М.В., Родионов О.А. и др.* История русского православного зарубежья. Т. 1. Кн. 1: Русское православное присутствие на Христианском Востоке. М., 2016. С. 227–247, 321–377.

2 *Бибиков М.В., Родионов О.А., Чеснокова Н.П.* К изучению историко-культурных связей России с Афоном и Средиземноморьем в поствизантийском рукописном наследии // Православный Палестинский Сборник. Вып. 119. М., 2021. С. 63–71.

3 ПСРЛ. М., 2001. Т. 1. Стб. 158–159.

4 *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 632–634.

5 Из древнейшего славника XII в.: Серегина Н. С. Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI–XIX вв. «Стихирарь месячной». СПб., 1994. С. 346.

6 Святая Земля. Исторический путеводитель. Под ред. М.В. Бибикова. М., 2000. С. 106–107.

7 Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 507.

8 Новгородская (Климентовская) Кормчая 1285–1291 гг.: ГИМ. Син. 132. Л. 520 г 5-20 539 а 12-16.

9 См.: *Щапов Я.Н.* Византийское и югославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 272–273, ср.: с. 179–180.

10 Русская историческая библиотека. СПб., 1908. Т. 6. Стб. 61–62.

11 *НазаренкоА.В.* Древняя Русь... С. 630

12 *Срезневский И.И.* Русские калики древнего времени // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1862. Т. 1. С. 188–189.

13 *Мусин А.Е.* Археология древнерусского паломничества в Святую Землю в XII–XV веках // Богословские труды. М., 1999. Сб. 35. С. 95.

14 *Назаренко А.В.* Древняя Русь... С. 629.

15 *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т. 2. С. 106. Гл. 17.

16 «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. СПб., 2007. С. 16, 162

17 Жития святых... Димитрия Ростовского. Козельск, 1993. Кн. 9. С. 673.

18 *Шляпкин И.А.* Русский крест XII века в г. Гильдесгейме // Вестник археологии и истории. СПб., 1914. Т. 22. С. 36–45.

19 Назаренко А. *В.* Древняя Русь... С. 634

20 *Lilie R.-J.* Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten: Studien zur Politik des byzantinischen Reiches gegenuber den Staaten der Kreuzfahrer in Syrien und Palästina bis zum Vierten Kreuzzug (1096–1204). München, 1981. S. 173–174; *Heyer F.* Kirchengeschichte des heiligen Landes. Stuttgart, 1984. S. 122, 276.

21 *Доментијан.* Житије светог Саве. Београд, 2001. С. 297; *Назаренко А.В.* От Дамиетты до Калки (Восточнохристианские исповедания глазами Запада между II и VI Крестовыми походами) // ППС. М., 2005. Вып. 102. С. 114–115.

22 Patrologiae cursus completus. Series latina. T. 155. Col. 1088 (Перевод А. В. Назаренко).

23 *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях... С. 635–636.

24 *Ludat H.* Das “Jerusalemer Kreuz” in Hildelsheimer Domschatz — ein russisches Reliquiar // Archiv für Kulturgeschichte. Münster; Köln, 1956. Bd. 38. H. 1. S. 63–91.

[25] Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1894 г. СПб., 1897. С. 113–115.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях... С. 635–636.

[26] L' Estoire de Jerusalem et d'Antioche // Recueil des Historiens des Croisades. Historiens occidentaux. Paris, 1895. Vol. 5. Pt. 2. P. 630.

[27] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 52 (под 1211 г.).

[28] *Лопарев Х. М.* Книга Паломник // ППС. СПб., 1899. Т. 17. Вып. 3 (51). С. 29–30.

[29] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 441.

[30] Житье и хоженье Даниила Руськыя земли игумена, 1106–1108 // Библиотека литературы Древней Руси. XII в. / Под ред. Г. М. Прохорова. СПб., 1997. Т. 4; *Веневитинов М. А.* Житие и хождение Даниила, Русской земли игумена (1106–1107 гг.) // ППС. СПб., 1885. Т. 1. Вып. 3.

[31] Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI —первая половина XIV в. Л., 1987. С. 109–112.

[32] *Малето Е. И.* Антология хожений... С. 201.

[33] *Назаренко А. В.* Древняя Русь... С. 628 сл.

[34] Там же. С. 640 и сл.

[35] *Левшун Л. В.* История восточнославянского книжного слова XI–XVI в. Минск, 2001. С. 193–194.

[36] Святая Земля. Исторический путеводитель. Под ред. М.В. Бибикова. Москва, 2000. С. 107.

[37] *Малето Е И.* Антология хожений... С. 168.

[38] И то всё видел своими очами...» К 900-летию Хождения игумена Даниила в Святую Землю. М., 2007.

Письма Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу (май–август 1877 г.) с фронта Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. как историко-биографический источник

А.И. Буковская

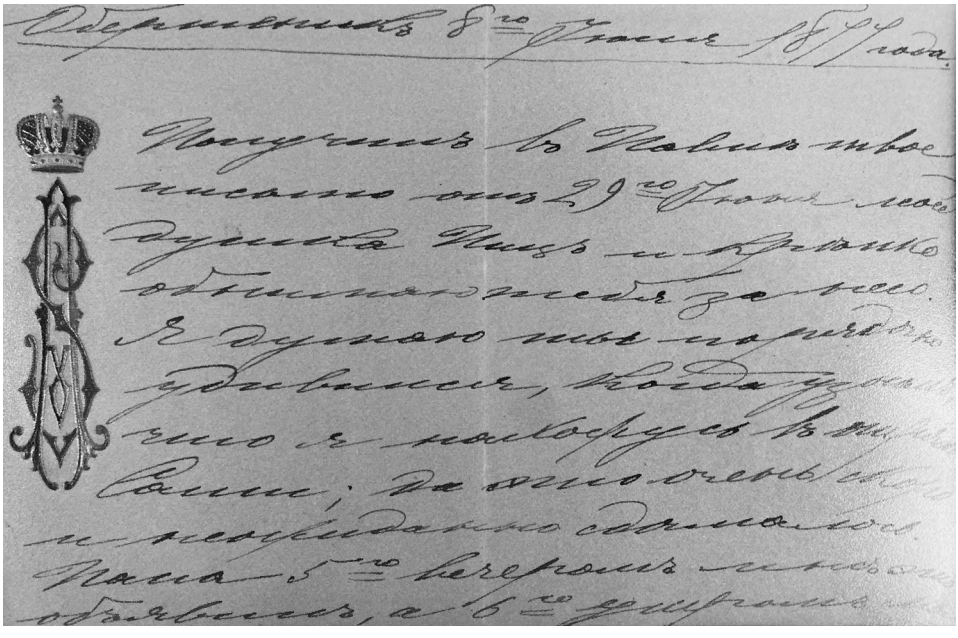
Темой данной статьи является попытка введения в научный и социокультурный оборот в качестве историко-биографического источника неизвестных ранее документов, а именно писем Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу с фронта Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Актуальность данной темы определяется как историко-политическими факторами современной российской действительности, так и запросом российского общества на духовно-нравственные и культурные основания, связанные с исторической памятью.

Кроме того, ряд вопросов исторической науки относительно участия членов Дома Романовых в Русско-турецкой войне, их вклада в развитие русской культуры и просвещения, также привлекает особое внимание исследователей к судьбе Великого Князя Сергия Александровича и принадлежащим ему документам.

Выявление новых документов (особенно, как в нашем случае, почти 150-летней давности) всегда является событием в научной и культурной жизни общества и тем более музея. Немного об истории появления писем в доме-музее Великой Княгини Елизаветы Феодоровны. 25 марта 2022 г. произошли новые поступления в фонд дома-музея, благодаря акту дарения благотворителя. Передано было четыре письма Великого Князя Сергея Александровича, написанные на бумаге с золоченым вензелем и датируемые периодом май-август 1877 г. Также к ним прилагалась расшифровка. Перечислим эти письма, используя их заголовки (нумерация моя — *А.Б.*):

№ 1«Плоешти, 30-го мая 1877 года»;

№ 2. «Обертеник, 8-го июля 1877 года»;



Письмо Великого Князя Сергия Александровича
брату Великому Князю Павлу Александровичу, 8 июля 1877 г.
Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, подлинник, рус. яз.

№ 3. «Обертеник, 11-го июля 1877 года»;

№ 4. «Ковачица, 23-го августа 1877 года- Конривица, 26 августа 1877 года»[1].

В связи с новым поступлением в доме-музее Великой Княгини Елизаветы Федоровны возникла необходимость введения вновь обнаруженных документов в научный и культурный оборот, а это, в свою очередь, формирует и задачи музея: сохранение, экспонирование и публикация писем. Уже сегодня оригиналы писем размещены в экспозиции музея и представлены для посетителей. Предстоит большая работа с ними в различных аспектах (архивоведческом, источниковедческом, археографическом, текстологическом и пр.) в рамках сотрудничества с другими музеями, учёными, просветителями.

Обретенные письма не являются служебными и принадлежат к категории личных писем, а это важный историко-биографический источник. Письма Великого Князя Сергия Александровича адресованы младшему брату Великому Князю Павлу Александровичу, которому в ту пору было 16 лет. Самому Великому Князю Сергию Александровичу едва исполнилось 20 лет. Незадолго перед поездкой на фронт в марте он переболел тифом, но, тем не менее, принял присягу и, будучи ещё слабым, после болезни отправился на фронт 21 мая вместе с Императором Александром II (отцом)

и старшим братом Цесаревичем Александром (32 года) в должности флигель-адъютанта. Непосредственно на фронт он прибывает 5 июля и начинает службу в Рашукском отряде под началом брата Александра[2]. На фронте он пробудет почти семь месяцев, четыре из них отразились в рассматриваемых письмах.

Данные письма являются, на наш взгляд, важным и ценным источником информации по ряду вопросов: о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., участии в ней представителей Дома Романовых и, в том числе Великого Князя Сергия Александровича; об отношениях внутри императорской семьи; о членах царствующей семьи и, прежде всего, о личности Великого Князя Сергия Александровича.

Представляется, что вновь обнаруженные письма должны занять важное место среди других уже известных документальных материалов, свидетельствующих об участии Великого Князя в Русско-турецкой войне. Речь идёт, прежде всего, о дневнике Великого Князя Сергия Александровича 1877 г., который он неукоснительно вёл каждый день, о переписке (три письма) с братом Цесаревичем Великим Князем Александром Александровичем (декабрь 1977 — январь 1878 гг.), о воспоминаниях генерала Д.С. Арсеньева. Все эти источники были введены ранее в научный оборот И.В. Плотниковой. Используя их и другие материалы, С.А. Кочуков в своей статье исследовал участие Великого Князя в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.[3] На основе имеющейся источниковедческой базы В.И. Мельник составил документальную хронику жизни, в том числе и этого периода[4].

Кроме письменных источников, следует отметить важность привлечения визуальных документов, а именно фотодокументов в качестве источников по интересующему нас периоду. Сохранились фотографии с места событий, о которых упоминается в данных письмах, например, следующие: Великий Князь Сергий Александрович с саблей верхом на коне. Плоешти, июнь 1977 г.; Великий Князь Сергий Александрович с принцем Александром Баттенбергским и адъютантом В.В. Скарятиным. Плоешти, июнь 1977 г.; В.В. Скарятин, принц Александр Баттенбергский, Великий Князь Сергий Александрович, А.С. Арсеньев, князь А.А. Суворов. Плоешти, июнь 1877 г.[5]

Итак, рассмотрим основные группы вопросов, по которым высока степень информативности данных писем.

Русско-Турецкая война 1877–1878 гг. В письмах содержатся сведения о военных действиях, дислокациях, о русских офицерах, о взаимоотношении с солдатами, обслугой на фронте, о воинском быте, об отношении к туркам.

Пространственно-временные характеристики писем имеют большое значение. Письма отправлены из разных мест и показывают географию фронта, фиксируют местонахождение и перемещения Сергия Александровича:

Плоешти, 30-го мая 1877 г. — Обертеник, 8-го июля 1877 г., Обертеник, 11-го июля 1877 г. — Ковачица, 23-го августа 1877 г. — Конривица, 26 августа 1877 г. Да, и в самих письмах говорится о переездах и смене локации Великого Князя Сергия Александровича и фронта, порой непредсказуемых. Например, в письме из Обертеника от 8 июля он пишет «...я нахожусь в отряде Саши; да это очень скоро и неожиданно сделалось. Папа 5-го вечером мне это объявил, а 6-го утром мы уже покидали Павло и днем пришли в Белу. <...> Я себе достал нового козака, очень хорошая лошадь и шибко идет, сделал на ней переход из Белы сюда». Далее в этом же письме — «Завтра, я думаю, мы двинемся дальше, не знаю еще куда»[6]. Случалось**,** одно письмо он начинал в одном месте, а заканчивал уже в другом, так в письме и**з** Ковачицы от 23 августа содержится абзац помеченный «Конривица, 26-го августа», в котором он пишет: «Вот три дня прошло с тех пор, как начал это письмо, сколько перемен**.** Мы сидим в д. Конривица, и я пишу тебе в школьном доме. **<...>** мы отступаем к р. Янтре, оставляя все наши позиции по реке Лому и концентрируемся у Белой»[7].

Внутрисемейные отношения Царствующей династии и сведения о членах семьи Романовых (отце Императоре Александре II, матери Императрице Марии Александровне, родных братьях Великом Князе Павле Александровиче, Владимире Александровиче, и Цесаревиче Александре Александровиче). Видно, что ко всем этим лицам, о которых, так или иначе, упоминается в письмах, Великий Князь Сергий Александрович относится с неподдельной любовью. В них проявляется любовь и преданность к отцу Императору Александру II, несмотря на переживания о матери, в связи с драматической ситуацией возникшей между родителями. Также в письмах демонстрируется, с одной стороны, ответственное, заботливое и несколько снисходительное отношение к младшему брату Павлу, а с другой, — желание соответствовать старшему брату Александру.

Наставления младшему брату Великому Князю Павлу Александровичу. Отношение Великого Князя Сергия Александровича к младшему брату Великому Князю Павлу Александровичу, адресату писем полны заботы, дружеского участия и любви. Во всех письмах он неизменно обращается к нему с братской нежностью «милой мой Пиц», «мой дорогой Пиц**»,** «мой душка Пиц**!**» (прим. Автора, Пиц — домашнее прозвище Павла). На правах старшего брата, находящегося на фронте, он журит его, делает какие-то замечания, наставления в свойственной ему мягкой манере, в том числе этического свойства. Например, в письме от 30 мая он пишет: «...меня <...> очень радует, всякий раз, когда я узнаю, что ты стараешься быть внимательным к другим»[8]. В письме от 11 июля проявляет строгость: «...ты стал страшно рассеян и пишешь Бог знает как: пропускаешь буквы и даже целые слова, право стыдно быть так небрежным...». И в этом же письме без пафоса дает патриотические наставления:

«Ты жалуешься, потому что тебе скучно ездить в Петербург, а ты забываешь, сколько трудностей, лишений и тяжелых минут нашим войскам нужно претерпевать, чтобы достигнуть до столь великолепных побед!»[9].

В тоже время из писем видно, что Павел прислушивается к замечаниям брата, старается его не огорчать и выполнять его просьбы. Так, в письме от 11 июля Великий Князь Сергий Александрович пишет: «...замечу, что ты стал очень мало мне писать, не то что в начале!»[10], а 23 августа он уже отмечает: «Благодарю тебя за твое письмо от 13-го августа, которое я получил в день моего отъезда из Горнаго-Студня, оно длинное и хорошее»[11].

Письма свидетельствуют о встречной заботе Павла, который посылает старшему брату на фронт нужные вещи, а также о доверительных отношениях между братьями. «Благодарю за папиросы и рубашки, всё получил» — отвечает Великий Князь (8 июля 1877 г.) В этом же письме он упоминает о своих дневниках, видимо, оставленных Павлу на хранение: «Пишу я очень усердно свой журнал и надеюсь, что мои остальные хорошо тобой берегутся»[12]. Как известно, это теплое отношение к младшему брату в будущем выразится в том, что семья Великого Князя Сергия Александровича возьмёт на воспитание двух его детей. Также следует отметить, что осенью 1877 г. Павел, младший сын Императора Александра II, в должности поручика, пусть и не долго, но побывал на фронте в действующей армии в Болгарии, не принимая участия в боях.

Под командованием старшего брата Цесаревича Александра. Воинская дружба. Отношение Великого Князя Сергия Александровича к родному брату Цесаревичу Александру Александровичу, в подчинении которого он находился на фронте, также преисполнено дружбы, уважения и доверия. «Саша меня принял так добро и любезно» (23 августа 1977 г.)[13] Тесное общение на фронте, совместное стойкое преодоление тягот походных условий укрепило дружбу братьев уже на новом уровне, в военной обстановке, в контексте воинской служебной иерархии. «Мы с Сашей остановились в покинутом турецком домике, где кроме клопов ничего не было. Они меня порядком искусали. Ночь мы провели на балконе» (8 июля 1977 г.)[14]

«Вчера с нашего бивуака видна была перестрелка с неприятелем» (11 июля 1877г.)[15] «Последние два дня мы по утрам объезжали наши позиции, очень было интересно. Надо тебе сказать, что мы тут стоим очень близко от неприятеля и с горы в бинокль видны его палатки» (23 августа 1977 г.)[16] В этот период закладывается фундамент отношений братьев как будущих государственных мужей, получивших свое развитие в дальнейшем, когда Великому Князю Сергию Александровичу был поручен пост генерал-губернатора Москвы.

Здесь необходимо сказать о функциях, которые выполнял Великий Князь Сергий Александрович на фронте в этот период. Он не участвовал

непосредственно в сражениях, но, исполняя различные поручения, находился совсем близко от неприятеля и рисковал жизнью. Поручения были связаны с постоянными разъездами, к тому же при любой погоде. В самом начале своего пребывания на фронте в письме от 30 мая он жалуется Павлу: «От жары я совсем кисну и одуреваю»[17] Но по прошествие двух месяцев фронтовой жизни 23 августа из Ковачицы он уже пишет о жаре без всяких жалоб: «Папа получил известия, что у Саши опять есть дело, послал меня. Я провел одну ночь в Беле и на другой день с рассветом поехал сюда по сильной жаре». И 26 августа он также сдержанно констатирует факты фронтовой жизни: «Был у нас дождь сильный, дороги размыло, сильно попортило; войска, повозки, раненые двигаются с трудом»[18]**.** Думается, что всё это и морально, и физически подготовило его к успешному участию в военной операции в октябре 1877 г. Во время неё «он проявил храбрость и вывел отряд из-под обстрела», за что был награжден Георгиевским крестом 4 степени[19].

Размышления Великого Князя Сергия Александровича о военных действиях и времени. Письма являются ценным источником информации о личности Великого Князя Сергия Александровича, его опыте пребывания на фронте, и его возмужании. В них проявился его талант владения словом, любовь к близким, к Отечеству, сострадание, неподдельный интерес к чужим обычаям, трезвость суждений, духовность и вера. Он даже делает небольшие антропологические и этнографические зарисовки, например, такого плана: «У меня на дворе два бывола, здесь их держут как коров и пьют их молоко <... > Оригинально здесь режут кур: их сзывают как бы кормить, а вместо этого кидают по ним ловко острый нож, перерезывают горло, и несчастная птица еще живет и кружится некоторое время — что Мама на это скажет?» (Плоешти, 30 мая 1877 г.)[20]

Рассматриваемые письма свидетельствуют о взрослении молодого человека, оказавшегося впервые на фронте, об изменении его восприятия событий, о подготовке к проявлению воинской храбрости. Если в первом письме от 30 мая он ещё весь во власти домашних вопросов и спрашивает брата: «А коллекция марок продолжает ли интересовать тебя и настраиваешься ли ты, смотря в альбом...»[21], то в последующем он всё больше погружается в ситуацию фронта, стиль писем становится более собранным, появляется трезвая оценка событий, искренние переживания побед и поражений русской армии, глубокие без уныния размышления о времени. Так, 11 июля он приходит к осознанию, что быстрой войны не получится «Мне кажется, что надолго затянется война» и далее, уповая в том числе и на Бога, добавляет «Дай Бог нам как можно чаще служить молебны»[22]. Письмо от 26 августа 1877 г. полно горестных мыслей и вместе с тем гордости за русские войска: «Грустные дни, тяжелые часы — мы отступаем...»; «Наши войска сделали всё, что могли в нашем присудствии...»; «Было у нас

дело у Облавы (Дог-Оланово на карте), сильно дрались, великолепно все показались». И в конце письма строчка, которая звучит почти как жизненное кредо: «*Да, очень нелегкое время мы переживаем..., но я старюсь не унывать, надеясь на Бога*»[23].

В заключение следует отметить, что личные письма Великого Князя Сергия Александровича брату это важный историко-биографический источник для научно-исследовательской и культурно-просветительской деятельности. Значение их не ограничивается наукой, оно выходит в пространство истории, культуры, ценностей и смыслов. Уже сейчас можно сделать вывод, что новые письма в какой-то степени подтверждают, дополняют, конкретизируют, корректируют сведения, содержащиеся в различных источниках и материалах, как письменных, так и визуальных (фотодокументы), а то и восполняют имеющиеся пробелы. Все это, безусловно, в дальнейшем требует тщательного сопоставительного анализа.

1 Письма Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу с 30 мая по 26 августа 1877 г. // Фонд Дома-музея Великой княгини Елизаветы Феодоровны.

2 См.: Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. Сост., автор вступительных статей И.В. Плотникова. М.: Новоспасский монастырь, 2007.- 280 с.; Кочуков С.А. «Обещаю во всем так поступать, как честному, послушному, храброму и отважному воину...» (участие Великого князя Сергея Александровича в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.) // Великий князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству. Сборник материалов Межрегиональной научной конференции 29–30 мая 2013 года. М.: Союз Дизайн, 2015. С. 126–137.

3 Там же.

4 Мельник В.И. Летопись жизни Великого князя Сергея Александровича и Великой кнгяини Елизаветы Феодоровны Романовых. М.: Императорское Православное Палестинское Общество, 2018. — 336 с.

5 См.: Великий Князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2: 1877–1880. Сост., автор вступительных статей И.В. Плотникова. М.: Новоспасский монастырь, 2007. — 280 с.; Гришин Д.Б. Сергей и Елизавета. М.: Сергиевский мемориальный фонд, 2017. — 257, [1] с., [12] л. ил., портр., цв. ил.: ил.; 24 см.

6 Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Обертеник, 8 июля 1877 г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны

7 Там же.

8 Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Плоешти, 30 мая 1977 г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[9] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу ,Обертеник, 11 июля 1977 г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[10] Там же.

[11] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Конривица, 23 августа 1877г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[12] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Обертеник, от 8 июля 1877г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[13] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу из Конривица, от 23 августа 1877г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[14] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Обертеник, 8 июля 1877 г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[15] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Обертеник 11 июля 1877 г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[16] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Конривица, 23 августа 1877г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны

[17] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Плоешти,30 мая 1977 г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[18] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Конривица, 26 августа 1877г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[19] Мельник В.И. Летопись жизни Великого князя Сергея Александровича и Великой княгини Елизаветы Феодоровны Романовых. М.: Императорское Православное Палестинское Общество, 2018. С. 87; Также см.: Крест Великого Князя. К 160-летию со дня рождения Великого Князя Сергия Александровича. 1857–2017. А. В. Громова, Л.В. Шумская. Москва: Издательство «Союз-Дизайн», 2017.

[20] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Плоешти, 30 мая 1877 г.// Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[21] Там же.

[22] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Обертеник, 11 июля 1877 г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

[23] Письмо Великого Князя Сергия Александровича брату Великому Князю Павлу Александровичу. Конривица, 26 августа 1877г. // Фонд Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны.

Великий Князь Сергий Александрович как организатор вооружённых сил Российской Империи и командующий войсками Московского военного округа

Д.Б. Гришин

Как любой мужчина в Российском Императорском Доме, Великий Князь Сергий Александрович был зачислен на военную службу в день своего появления на свет, то есть в данном случае 29 апреля 1857 г. Император повелел определить своего пятого сына в старейшее и самое престижное гвардейское формирование — Лейб-гвардии Преображенский полк, шефом которого всегда являлся правящий государь. Возможно, не в последнюю очередь выбор Александра II определялся и тем фактом, что новорожденный царевич был его порфирородным первенцем, чему уделялось особое внимание. Младенцу было сразу присвоено звание прапорщика, а в пятнадцать лет его произвели в подпоручики.

Примерно в том же возрасте Великий Князь начал постижение военной науки. С искусством стратегии и тактики его познакомили выдающиеся русские военные теоретики. Это Г.А. Леер, профессор, автор крупных научных трудов, и М.И. Драгомиров, золотой медалист Академии Генштаба, профессор, знаток устройства иностранных армий, сторонник развития в вооруженных силах нравственного фактора. Последний был преподавателем и у двух старших братьев Сергия Александровича. Курс военной статистики прочитал профессор Николаевской академии Генштаба П.Л. Лобко, секреты фортификации раскрыл профессор Ц.А. Кюи, выпускник Инженерной академии, более прославившийся как талантливый композитор. Прослушав объемный цикл лекций, Великий Князь получил звание капитана.

От теории следовало переходить к практике, и летом 1876 г. Сергий Александрович направляется в военный лагерь в Красном Селе, где приступает к обязанностям ротного командира. Здесь у него впервые появляется начальник, генерал М.П. Данилов, человек весьма требовательный

и строгий. Тем не менее, Великому Князю сразу понравился честный слуга престола, прошедший к своим пятидесяти годам солидный боевой путь: сражение при Читати, оборона Севастополя, участие в подавлении польского мятежа. А впереди этого героя ещё ждали подвиги под Плевной. Таких людей Сергий Александрович всегда глубоко уважал, ценил и поощрял. С удовольствием у них учился, обращался к ним за советом. Через много лет он будет очень рад увидеть генерала в Москве на посту своего помощника, когда возглавит военный округ, а вскоре М.П. Данилов станет одним из руководителей придворной конторы Великого Князя.

Приближался самый ответственный момент — в свой двадцатый день рождения Сергий Александрович, как любой сын Императора (кроме Цесаревича, достигавшего совершеннолетия к шестнадцати годам), должен был принести присягу. Наступало время исполнения долга. И оно совпало с важными историческими событиями. 12 апреля 1877 г. Император Александр II подписал Манифест об объявлении войны Османской Порте. Ситуация на Балканах требовала немедленного вмешательства России, а энтузиазм русского общества в вопросе помощи братским славянским народам превращал намеченную кампанию в дело национальной чести. Вот почему к общему волнению Сергия Александровича, когда 29 апреля, стоя в храме Зимнего дворца перед всей Императорской Фамилией, министрами, придворными, представителями гвардейских частей и духовенством, он приносил присягу Великого Князя, верноподданного и военного, добавилось особое чувство, связанное с ощущением близкой возможности достойно послужить своему Отечеству.

Через три недели после торжественного акта, сопровождая Императора и Цесаревича, Сергий Александрович, только что получивший звания капитана и флигель-адъютанта, отправляется на фронт. Первое время он остается при Государе, сопровождая отца в поездках и совещаниях, но уже через месяц он направляется в отряд Наследника Цесаревича, размещённом на левом фланге русских войск. В день своих именин, 5 июля 1877 г., Великий Князь прибывает на театр военных действий, где ему предстоит принять боевое крещение.

Отряд Цесаревича Александра именовался Ращукским и состоял из подразделений 12-го и 13-го корпусов русской армии. Заняв важное стратегическое положение, позволяющее сдерживать османские силы в крепостях Шумле и Силистрий, отряд обеспечивал прикрытие тыла. В основном его фронтовые будни составляли разведка, боевая подготовка и небольшие стычки с врагом. В этих условиях и в этой неформальной военной обстановке Великий Князь получил возможность частого общения со старшим братом, Александром Александровичем, и к обоюдной радости они обнаружили в своих взглядах на жизнь так много общего и близкого. «Ах, как я счастлив, — отметил Сергей в дневнике, — что за все это время

я имел случай коротко сойтись с Сашей, это большое счастье»[1]. Можно смело утверждать, что именно тогда между ними возникло то прочное доверие, которое сохранится навсегда, и которое будет иметь определяющее значение в дальнейшей службе Сергия Александровича.

12 октября 1877 г. в результате кровопролитного сражения русскими войсками был взят форт Горный Дубняк. В тот же день Ращукский отряд подготовил боевую разведку (рекогносцировку) с целью выяснить возможные изменения в дислокации противника. Ответственное задание поручалось небольшому отряду во главе с Сергием Александровичем. Сведения об отходе неприятеля оказались ложными, и разведчики попали под сильный огонь турецких батарей. Над их головами свистели гранаты, шрапнель, артиллеристские снаряды. Совсем рядом взорвался обоз с боеприпасами. Не растерявшись, Великий Князь сумел вывести отряд из-под обстрела и вернулся в лагерь с ценной информацией. Здесь же он узнал о большой беде — в параллельно действовавшей группе разведчиков погиб его двоюродный брат, герцог Сергей Максимилианович Лейхтенбергский, с которым Великий Князь сдружился на фронте. Это была личная, семейная потеря. Память о погибшем кузене Сергий Александрович сохранит навсегда, а собственное благополучное возвращение из боя, как человек глубокой веры, отнесет к заступничеству Всевышнего. «Все мои образки были со мной сегодня <...>, — запишет он в дневнике вечером после разведки, — Господи, благодарю Тя за все Твои милости ко мне на сегодняшний день! Господи, не оставь нас! Помоги, Пресвятая Богородица, благодарю Тя! Аминь!».[2]

Героические действия Великого Князя было оценено самым высоким образом. 21 октября Император собственноручно вручил сыну орден св. Георгия IV степени. Любопытное совпадение — дата получения награды совпала с очередным днём рождения будущей супруги Сергия Александровича, тогда ещё Гессенской принцессы Елизаветы, которой исполнилось тринадцать лет.

Война многому его научила, представ перед ним во всех своих обличиях. Тяготы, ошибки и просчеты, мужество солдат и офицеров, горькие потери и блистательные триумфы. 29 ноября, сопровождая Императора Александра II, он прибыл в капитулировавшую Плевну, где присутствовал при сдаче турецкого командующего обороной Осман-паши. Но не менее ярким стал эпизод посещения одного из русских госпиталей в Беле, где обнаружились полный беспорядок и антисанитарные условия. Цесаревич Александр Александрович отругал главного врача, а Сергий Александрович просто вскипел: «хотелось нагайкой отхлестать этого подлеца», — признавался он в дневнике. (2.104). Забота о простом солдате никогда не будет оставаться без его внимания на любых военных должностях в будущем.

Театр боевых действий Великий Князь покинул 4 декабря 1877 г. Следующим тесным соприкосновением с воинской службой станет для него

назначение командиром Первого батальона Преображенского полка, последовавшее в середине октября 1882 г. Батальон назывался «царским» и считался очень престижным. Получив звание гвардии полковника, Сергий Александрович стал обучаться командованию воинским подразделением. Во время манёвров в военных лагерях он почти постоянно жил в своем небольшом бараке, уезжая в город только на выходные дни. « Лагерь я всегда любил и люблю, несмотря на убийственную монотонность всех его прелестей»[3], — писал он своему двоюродному брату и другу, Великому Князю Константину Константиновичу. Его сослуживец и будущий адъютант В.Ф. Джунковский отмечал, что Великий Князь «очень ревностно и добросовестно исполнял свои обязанности»[4].

За отличие по службе Высочайшим приказом Императора Александра III от 26 февраля 1887 г. Сергий Александрович был назначен командиром Лейб-гвардии Преображенского полка с одновременным производством в генерал-майоры. Это было огромной честью, но Великий Князь понимал своё новое назначение и как очень большую ответственность. К службе он относился предельно серьезно, неукоснительно выполняя все положения устава и распоряжения начальства. Того же требовал от подчиненных, причём от всех, не делая никаких исключений. Строгость командира иногда вызывала у некоторых офицеров страх, но уже с самого начала Сергий Александрович снискал в полку всеобщее уважение, так как наравне со всеми нёс лишения и тяготы во время лагерных сборов и манёвров. Однажды, на военных учениях под Нарвой, желая испытать тяжесть солдатского снаряжения, Великий Князь прошел в нём десять вёрст, как ассистент знаменосцев, причем знамена приказал нести офицерам.[5] Таким и должен быть настоящий «отец-командир». В свою очередь, и самому Великому Князю пришелся по душе неписанный кодекс «Преображенской семьи», в которой ценились преданность, исполнительность, взаимопомощь.

С июня 1887 г. под командованием Сергия Александровича службу в Преображенском полку начал Цесаревич Николай Александрович, с первого же дня включившийся во все занятия и стрельбы, а через год уже командовавший ротой. Между ними сразу сложились прекрасные доверительные отношения, многое определившие в дальнейшем. Однако Великий Князь проявлял внимание не только к родственникам или друзьям. Как к близким людям он относился ко многим офицерам, не считая зазорным посетить на дому заболевшего подчинённого, доставить ему лекарство, успокоить его родителей. Не сторонился он общения и с нижними чинами, лично вникая в их повседневные проблемы. Для улучшения быта «слабосильных» солдат и унтер-офицеров Великий Князь пожертвовал в полк десять тысяч рублей из собственных средств. Это стало его прощальным подарком перед оставлением должности, но и до этого всё своё командирское жалование он отдавал на нужды нижних чинов и их семей. Факт, который отмечался даже его критиками[6].

На плечах командира преображенцев лежало огромное хозяйство, включавшее, помимо казарм на Кирочной и Милионной улицах, полковой храм, больницу, школу солдатских детей, хлебопекарню, фуражный двор, артель нижних чинов и т.д. Сергий Александрович успешно справлялся со всеми обязанностями, однако его высокое положение в обществе вызывало повышенное внимание к каждому шагу. Подмечалась любая деталь, способная дать ход кривотолкам, сочинялись и откровенные небылицы. По мнению ряда военачальников, выраженном, в частности, генералом Н. Епанчиным, Великий Князь был явно не той фигурой, которой следовало возглавлять самый блестящий полк. Выбор Императора сильно задевал их амбиции и вызывал раздражение. Действительно, Сергий Александрович не имел ни академического военного образования, ни опыта штабной работы, ни многочисленных боевых заслуг. Но решение Александра III определялось другой идеей и другой задачей. Командование Преображенским полком не должно было превращаться в награду, в почётную должность или в желанную и многообещающую ступень карьеры. Здесь требовалась служебная практика, способная поддерживать положение полка на должном уровне, здесь была необходима большая организационная работа, позволяющая этой воинской части оставаться образцовой. Император остался доволен тем, как справился с данными задачами его брат, и вскоре доверил ему более высокий пост, связанный с наведением порядка.

Вновь отметим высокую духовность Сергия Александровича, отразившуюся и на его военной службе. Это выражалось не только в поддержании соответствующего духа в подчиненных, но и в заботах об их моральном облике. Интересен и такой пример: 28 сентября 1888 г., во время своего второго паломничества в Святую Землю, Великий Князь поднялся на гору Фавор, место Преображения Господня, где не забыл помолиться о подчинённых. «Ты можешь себе представить, — написал он Цесаревичу Николаю, — как я думал о Полке...»[7]. Обрадованный мыслью, что он является первым командиром преображенцев, который побывал на этом священном месте, Сергий Александрович привез для полкового храма икону Преображения Господня и камень с Фавора. В Санкт-Петербурге он заказал для реликвий (фабрика братьев Грачёвых) серебряный оклад, украшенный узором в виде шитья на преображенских мундирах. Сам образ снабдили надписью; «Сия икона писана на доске от древ, возросшая на горе Фавор, где Преобразился Господь наш Иисус Христос».

В феврале 1891 г. в связи с назначением на должность московского генерал-губернатора Великий Князь оставил командование Преображенским полком. В своем последнем приказе, выражая связанную с расставанием грусть, он заявлял: «Десять лет, проведенные мною в полку, останутся навсегда одним из самых лучших, самых дорогих и светлых воспоминаний моей жизни. Я любил наш полк всем сердцем и расстаюсь с ним,

как с родной любимой семьей. Я гордился чудным духом нашего полка, его беспредельной преданностью и любовью к Государю и Отечеству, его готовностью на все труды и подвиги, его постоянным усердием и ревностью к службе, его добросовестностью в исполнении долга, общим сознанием достоинства и чести нашего мундира и славы нашего полка...»[8]. В приведенных строках отчетливо звучит отношение Сергия Александровича к воинской службе, его понимание собственного долга и, в некоторой степени, оценка своих достижений.

В данной связи интересно посмотреть, как оценивал его деятельность Император. Увидеть это можно на примере награждения Великого Князя знаками ордена святого Владимира. В отличие от других наград Российской Империи он не полагался царскому сыну при рождении и вручался, как всем остальным, только за конкретные заслуги, причём более высокую степень (подобно ордену святого Георгия) можно было получить, как правило, при наличии всех предыдущих. Орден святого Владимира четвёртой степени Сергий Александрович получил в мае 1883 г., а третьей — в августе 1890 г. То есть во время службы на военных должностях и с довольно коротким промежутком. Следующее награждение тем же орденом состоялось в мае 1893 г., причём в свидетельство особой милости сразу с пожалованием знаков первой степени.

Перевод в Москву сопровождался повышением в чинах. Великий Князь назначался генерал-адъютантом Свиты Его Императорского Величества, однако новые обязанности не подразумевали несения службы в армейских частях, а должность генерал-губернатора, хотя и касалась некоторых военных вопросов, была административной. Но пять лет спустя, 26 мая 1896 г., по завершению коронационных торжеств Император Николай II назначил своего дядю Сергия Александровича командующим Московским военным округом, двумя неделями раньше произведя его в генерал-лейтенанты. Это станет высшим воинским званием и высшим военным постом в жизни Великого Князя.

Сергий Александрович с радостью принял новую должность, хотя, конечно, понимал, как увеличится теперь число его забот. По существующим правилам командующему округа поручалось непосредственное заведование войсками и военными заведениями, а также исполнительная часть по хозяйственным операциям. Военное министерство давало здесь только главные направления действий. Военных округов тогда насчитывалось четырнадцать, и в Московский, самый крупный и фактически важнейший, входили губернии: Московская, Владимирская, Вологодская, Воронежская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская и Ярославская. То есть почти вся территория центральной России! В состав войск входили Гренадерский, а также 5-й, 13-й, 17-й и 25-й армейские корпуса.

Как и полагалось командующему, Великий Князь инспектировал войска, присутствовал на манёврах, решал многочисленные военно-административные вопросы. Но вот, какие именно?

Материалы штаба Московского военного округа (МВО) находятся ныне в фондах Российского государственного военно-исторического архива, но они довольно скудны и неполны. Нет приказов войскам за тридцать лет, а по штабу округа — за двадцать девять, с 1877 по 1906 гг., то есть за весь период командования Великим Князем, и потому крайне сложно получить представление о его деятельности. Однако сохранилось несколько годовых отчетов, составленных им на Высочайшее имя, из которых можно узнать о некоторых социальных и бытовых проблемах в МВО, беспокоивших его руководителя. Например, Великий Князь заботился об увеличении жалования полковых врачей, о средствах на квартиры и на обучение детей офицеров, интересовался условиями труда на Московском артиллерийском складе. Он волновался из-за плохо организованного набора новобранцев — выявлялось много физически слабых, которых приходилось быстро отчислять. Последнее обстоятельство обратило на себя повышенное внимание Императора, равно как и замечание Сергия Александровича о нежелании немецких колонистов учить русский язык.[9]

В первый же год нахождения в должности командующего Великий Князь ходатайствовал об увеличении средств на экстраординарные расходы. Выделяемые семь тысяч рублей не шли ни в какое сравнение с аналогичным целевым финансированием Варшавского (тридцать тысяч) и Киевского (девяносто две тысячи) военных округов[10]. А ведь эти деньги шли на пособия и быстро заканчивались, съедаемые московской дороговизной. Словом, перед нами вновь человек, беспокоящийся о чужих нуждах, стремящийся улучшить положение своих подчиненных.

В той же связи отметим и другой факт. Еще в 1895 г. Сергий Александрович основал и возглавил Экономическое общество офицеров Московского военного округа. Подобные организации, создававшиеся в России в конце XIX в., представляли собой потребительские кооперативы офицеров, состоящих на действительной службе. В Москве такое общество вело большую работу среди расквартированных на территории округа частей, производило и продавало по умеренным ценам различную армейскую фурнитуру. Позднее оно занималось даже устройством художественных выставок. Уже после гибели Сергия Александровича, в 1912 г. общество построило большое собственное здание на улице Воздвиженка, в котором расположились конторы, склады и магазины. Многие москвичи до сих пор помнят работавший в нём в советское время Центральный Военный Универсальный магазин (Военторг).

В апреле 1897 г. Экономическим обществом офицеров МВО под руководством Великого Князя были утверждены «Правила» его деятельности

в военное время. С началом русско-японской войны некоторые действия этой организации получили рекомендательный характер, а в конце марта 1904 г. на основе её разработок Военным министерством было принято общее обязательное «Положение о деятельности офицерских экономических обществ в военное время», где, в частности, говорилось об открытии на фронте военно-походных отделений[11].

Как нетрудно догадаться, Московский военный округ в силу своего географического расположения и исторического развития, занимаемой территории, являлся ключевым и важнейшим. Он включал крупные промышленные и торговые районы, здесь была развитая транспортная инфраструктура. От командующего требовалось в мирное время постоянно следить за положением дел в подведомственном округе, для чего Великий Князь с самого начала исполнения новых обязанностей предпринимал инспекционные поездки.

Он посещал Подмосковье, Поволжье, Русский Север. Его маршруты пролегали через Рязанскую, Тульскую, Воронежскую губернии, через Орел и Брянск, Усть-Сысольск и Яренск, Калугу, Смоленск и многие другие города. Он проверял строевую и боевую подготовку, учёбу офицеров, устройство лазаретов, условия солдатского быта. В его письмах к брату Павлу можно найти некоторые наблюдения и замечания. «Помещения, предоставленные городами в распоряжение войск и управлений, хороши, за исключением помещений в г. Усть-Сысольске»[12]. «Из Можайска 15 верст по пескам и такой феноменальной пыли, какую я только помню в Румынии и Болгарии во время кампании — дышать нельзя и жара ужасная <...> Стрельба 10 батарей и двух мортирных была слабая, очень слабая (не говори Д[яде] Мише)[13] — поражаемости почти ноль! Я сам объезжал мишени; лихости тоже никакой — все это заявил собравшимся у меня генералам. Отчего у нас повсеместно артиллерия плохо стреляет и везде то же самое — грустный факт. Объезжал я и все лагеря, что заняло много времени...»[14]. «Вчера разъезжал с 8 ч. утра и до 5 ч. <...> В общем не дурно и очень интересно вся эта армейская жизнь — иногда и очень не прелестная имеет большую прелесть, когда ближе вникаешь в нее — здесь столько можно сделать и действительно быть полезным; не то, что в петербургских казармах...»[15]. Последние строчки прекрасно показывают отношение Великого Князя к своим обязанностям.

Одной из важнейших сторон армейской жизни являлись военные манёвры. В августе 1902 г. под Курском прошли одни из крупнейших учений, длившиеся неделю и задействовавшие около ста тысяч человек. Войска МВО входили в условную Московскую армию под командованием Великого Князя Сергея Александровича. Ей предписывалось защищать Курск от наступления Южной армии, возглавляемой военным министром генералом А.Н. Куропаткиным. В ходе маневров Сергию Александровичу удалось

заманить войска Куропаткина в тактическую ловушку, заставив атаковать укрепленную позицию Московской армии в лоб и почти без артподготовки. Южная армия сумела взять укрепления, и победа была приписана военному министру. Лишь немногие специалисты поняли, что в условиях реального боя такая ситуация привела бы к большим потерям среди атаковавших и к их неизбежному поражению.

Помощник Великого Князя, начальник штаба МВО, выпускник Николаевской академии Генштаба, генерал от инфантерии Л.Н. Соболев отмечал, что «Сергей Александрович как командующий армией оказался на Больших Курских маневрах гораздо способнее Куропаткина. В военный талант Великого князя не верили при Дворе, не верили в войсках, да и сам он не верил; но меня удивляла основательность его суждений по крупному делу вождения массы войск. Когда дело касалось большого вопроса, он любил твердо, а иногда и горячо, оспаривать докладчика, и я должен сказать, что в большинстве крупных распоряжений на больших маневрах, где успех решительно склонился на сторону Московской армии, им было много вложено своего личного. Не стесняя, в соответственных пределах, инициативы своих подчиненных, Великий князь умел, когда это было необходимо, подчинять их своей воле»[16]. Существует мнение, что результаты Курских маневров определили кандидатуру будущего главкома на случай войны. В этой связи в некоторых источниках приводится мнение Императора Николая II по данному вопросу на военном совете в начале Русско-японской кампании: «Мой кандидат был бы Великий Князь Сергий Александрович, стратегические способности которого, я отметил на маневрах»[17].

Война с Японией внесла существенные перемены в деятельность командующего МВО. Территория округа получила особое значение в переброске войск на Дальний Восток, и здесь большую поддержку Великому Князю оказывал назначенный ещё в июне 1903 г. его помощником (будущий приемник на должности командующего) генерал от инфантерии Н.Н. Малахов. Сверх основных своих обязанностей Сергий Александрович откликался на нужды воюющей армии, он приобрел на личные деньги и отправил на фронт дополнительное оборудование для госпиталей.

Война же вновь показывала себя с разных сторон. 14 апреля 1904 г. на плацу перед Спасскими казармами Великий Князь торжественно встречал прибывшие в Москву команды крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», а на следующий день принимал героев в своем генерал-губернаторском доме. Но постепенно ход кампании принимал всё более неблагоприятный оборот, настроения в обществе заметно ухудшались и вскоре вылились в почти поголовное недовольство государственной политикой. Колебания правительства, усиление либеральных тенденций, попрание того, что он так долго и старательно укреплял, привели Сергия Александровича к трудному решению об отставке. С 1 января 1905 г. Великий Князь

освобождался от обязанностей генерал-губернатора, но оставался во главе МВО. Слово «командующий» в названии этой должности заменялась словом «главнокомандующий».

Внутренняя обстановка в стране накалялась с каждой неделей, и теперь Сергий Александрович оказался на фронте новой, политической войны с врагом невидимым, а потому ещё более опасным. Его последним полем битвы стала Москва, обстановка в которой после трагических петербургских событий 9 января обострилась до предела. В одном из последних писем Императору он сообщает: «Ввиду всяких нужных военных распоряжений и чтобы быть ближе к центру города, я решил временно переехать в Николаевский дворец <...> Так как все гренадерские полки Московского гарнизона в крайне малочисленном составе, то я решил вызвать из Твери Московский драгунский полк и один пехотный полк из Смоленска. Надеюсь, ты не будешь иметь ничего против этого решения...». Но это упреждающий шаг, всеми силами Сергий Александрович пытался избежать кровопролития, о чем писал двоюродному брату Константину Константиновичу: «Но вот тут <...> военные меры предупреждения и сохранения — чем я теперь и занят, чтобы избежать кровавого столкновения с войсками! Ты понимаешь, что это мой кошмар, — надеюсь, Господь поможет»[18]. Катастрофа в городе случится через десять месяцев после гибели Великого Князя и уже при других условиях. Свою Москву он тогда отстоял.

Подводя итоги, скажем, что армейский путь, пройденный Великим Князем Сергием Александровичем и включавший специальное образование, участие в боевых действиях, командование полком и успешное руководство крупнейшим военным округом, отмеченный заботами о подчиненных и профессионализмом в военной теории, может служить образцом и примером. Память о его заслугах на этом поприще была увековечена в двух несохранившихся полковых музеях — Лейб-гвардии Преображенского полка и 5-го Киевского гренадерского полка, над которым Великий Князь шефствовал с 1903 г.[19]

Отрадно, что данная тема вновь становится актуальной. В феврале 2019 г. Сергиевский мемориальный фонд организовал в музее 154-го отдельного комендантского Преображенского полка выставку «Преображенский полк, Великий князь Сергей Александрович. Прошлое и будущее» и провёл для военнослужащих этой части научно-просветительские чтения, в которых активное участие приняли члены МОО «ИППО». В свою очередь, Императорское Православное Палестинское Общество 17 февраля 2023 г. провело в Новоспасском ставропигиальном монастыре Вторые Всероссийские Сергиевские чтения, посвященные вопросу «Великий Князь Сергий Александрович как организатор Вооруженных сил Российской Империи и командующий войсками Московского военного округа».

1 Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 2. 1877–1880. Авт. сост. И.В. Плотникова. М.: Новоспасский монастырь, 2007. С. 153
2 Там же. С. 136
3 Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 4. 1884–1894 / авт. сост. И.В. Плотникова.-М.: Новоспасский монастырь. 2011. С. 55
4 Там же. С. 109
5 Авчинников А.Г. Великий князь Сергей Александрович. В кн.: Его Императорское Высочество Великий князь Сергей Александрович. Т. 1. — Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии. Вознесенский Печерский мужской монастырь. 2013. С. 238
6 Епанчин Н.А. На службе трех Императоров: воспоминания. М., 1996. С. 357
7 Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 4. С. 182
8 ГАРФ. Ф. 648. оп. 1, д. 128, л. 1–2
9 РГВИА. Ф. 1606, оп. 3, д. 160, л. 2об.
10 РГВИА. Ф. 1606, оп. 3, д. 146, л. 33,34
11 Листок Экономического Общества офицеров Гвардейского корпуса. 1904, № 11, С. 22,23
12 Великий князь Сергей Александрович Романов: биографические материалы. Кн. 5. 1895–1899. Авт. сост. И.В. Плотникова. М.: Новоспасский монастырь, 2018. С. 438
13 Великий Князь Михаил Николаевич, генерал от артиллерии. Занимался оборудованием артиллерийских полигонов
14 Великий князь Сергей Александрович Романов. Кн. 5, С. 355
15 Там же. С. 368
16 Галенин Б.Г. Великий князь Сергей Александрович и генерал Алексей Николаевич Куропаткин. Курские маневры 1902 года. В кн.: Великий князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству. Сборник материалов Межрегиональной научной конференции, 29–30 мая 2013 года — М.: Союз Дизайн, 2015. С. 143
17 Там же. С. 138
18 См.: Гришин Д.Б. Трагическая судьба Великого князя. М.: Вече, 2006. С. 245, 246
19 Авчинников А.Г. Указ. соч. С. 258, 259

РЕЦЕНЗИЯ

Рецензия на книгу «Жевахов Николай Давидович. Новая жизнь за границей. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода»[1]

Е.В. Ванькин

Кто интересуется эпохой кровавых революционных преобразований в нашем Отечестве, тому наверняка знакомо имя несгибаемого и духовно несокрушимого князя Николая Давидовича Жевахова (1874–1945), человека, воплощавшего традиции и мощь императорской России, государственного, общественного и религиозного деятеля правого направления. Его фигура многогранна и во многом противоречива, если смотреть с позиции сегодняшнего дня, но для того времени он был последовательным в своих убеждениях. В 1916–1917 гг. он был назначен именным Высочайшим указом исправляющим должность[2] товарища (заместителя) Обер-Прокурора Святейшего Синода, поставленный на эту должность благодаря влиянию Императрицы Александры Федоровны, почитаемой ныне в лике св. мученицы. После революции 1917 г. князь эмигрировал, а его вышедшие первые воспоминания ещё в 1920-х гг. всколыхнули всё русское зарубежье, разделив общество на сторонников и ярых противников, не оставив никого равнодушным.

И вот появились новые литературные источники, которые дают возможность заглянуть ещё глубже в эту одухотворенную высшими духовными идеями и сердечно ранимую душу отечественного патриота того времени, человека вышколенного воспитания из социально уничтоженного революцией высшего класса. Для него верноподданническая преданность монарху была абсолютна, и никакие доводы не могли поколебать эту всосанную с молоком матери уверенность в избранном пути. Таких людей клеймили как деятелей царского режима, вызывавших злобу во всем левом лагере, и он стал в их глазах синонимом «реакции» и даже позднее в зарубежье. Его твердая убеждённость, что все революции всегда являлись наносным явлением, проявлением внешних факторов, что во многом отстраняла от него по жизни многих единомышленников. Он жёстко противостоял

лавине новых веяний, считая их предвестниками и носителями оголтелого антихристианства. Да и тогдашний выплеснувшийся воинствующий атеизм и русофобия в России, активно движущие силы октябрьского переворота, лишь укрепляли в нём эту закономерную веру в конспирологию.

Князь Н.Д. Жевахов был того воспитания и того поколения, которое остро чувствовало глубинную фальшь католической и атеистической западноевропейской культуры и ясно ощущало живительную духовную сущность православной русской культуры. Он не был идеалистически настроен, чтобы считать русскую нацию народом-богоносцем, но отмечал нравственную чистоту и величие духа людей верующих, находящихся под благодатным омофором Православия. Неся Христа в душе, он встал на его защиту с убедительной силой своего таланта и отрезвляющей ясностью своего слова. Тем интересней нам окунуться в череду ярких воспоминаний о той эпохе одного из столпов монархической России в защите основ Православия — краеугольного камня самого существования Российской Империи, отлитого эпохой в сакраментальный девиз: «Бог, Царь и Отечество». Защита исконной сущности Православия проходит красной нитью через всё его творчество, очерки воспоминаний и журнальные публикации. Он не мог остаться равнодушным и считал своим долгом в эпоху поколебленных большевизмом нравственных устоев общества, бороться пером за сохранение святости в русском народе, почитая Россию последним оплотом подлинного христианства. Для него это были не пустые слова: он видел счастье человечества не в победе какого-либо класса или в западной модели демократизации общества, которое отрицало в своих постулатах подлинную религиозность сознания, а в христианизации всего мира. Он со всей искренностью борется за христианскую идею как за спасительную нить, способную вывести всех из духовного мракобесия. Причём становится очевидным, что эта идея была во многом близка и естественна царскому окружению, что часто остается вне внимания исторических исследований. Насилие безбожников направлено было, в первую очередь, на разрушение глубинных основ России, остававшуюся, по его мысли, последним оплотом христианства. Недаром он затем напишет: «*...победить Россию это значит победить христианский мир*». Не напоминает ли это сегодняшний день, современную политическую ситуацию? И эти параллели постоянно приходят на ум, читая публикации князя столетней давности.

Князь правдиво описывает личные переживания и свидетельствует о пережитом. Оказавшись в роли беженца, он делится впечатлениями о Сербии и Болгарии, об удручающем тамошнем состоянии Православной Церкви, сравнивая с прежней Церковью в родном Отечестве. С сердечной болью, как человек, по-христиански мыслящий и глубоко верующий, описывает празднование Пасхи там, где «*центральным местом*

празднования было не церковное богослужение, как у нас, а увеселение, вызываемое народными зрелищами...». Но революция всё перевернет, оставив лишь робкие надежды... А общаясь со многими представителями западной культуры, он с горечью заметит: «*И если русские имели ложное представление о Европе, и видели в ней средоточие совершеннейшей культуры и цивилизации, то Европа имела еще более ложное представление о России, и видела в ней дикую, варварскую страну с несметными богатствами, находившимися в пользовании дикарей...*». Сразу вспоминаются более ранние незабвенные слова Ф. Тютчева из его знаменитого стихотворения 1867 г.:

Напрасный труд — нет, их не вразумишь.
Чем либеральней, тем они пошлее.
Цивилизация для них фетиш.
Но недоступна им ее идея.
Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы.

Христианские идеалы были для него и целью, на которых мог бы объединиться славянский мир в борьбе за божественную истину. Он и не такой уж идеалист, видя, что у славянских стран нет духовного единства, что их разделяет порой взаимная рознь и собственнические интересы. Славянская идея — «*это не идея политическая, она шире, и является единственным оплотом христианской цивилизации и культуры, и охраняющая весь мир от злобного натиска со стороны тех, кто стремится к переустройству мира без Бога, без религии, вне связи с вековечными принципами христианской морали*». Какая была его яркая речь на открытии «Русско-Сербского общества», основателем которого явился и он, она и теперь могла бы стать программным документом для нынешнего Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество).

Интересны его рассуждения про большевиков, уничтожавших на своём пути все моральные и нравственные ориентиры. Читатель ненароком оказывается вовлеченным в атмосферу горячих споров о предназначении России, в обсуждение предпосылок, определивших тогда её путь на «Голгофу». Своим анализом Н.Д. Жевахов может поколебать устоявшиеся в культуре авторитеты, как отношение к популярным писателям — Герцену, Горькому, Леониду Андрееву, которых он называл «коммерсантами, клеветавших на Россию». Князь даёт достаточно жёсткие характеристики и деятелям Белого движения, как Деникину, Врангелю, окружавшими, по его мнению, «себя идейными вдохновителями революции». И излагается это всё

искренно, без фальши, как глубоко пережитое, талантливо, ёмкой фразой, помогая разобраться читателю в сложных исторических перипетиях.

Особый интерес вызывают в сборнике воспоминания, касающиеся периода управления им в 1920–1936 гг. паломническим подворьем свт. Николая Чудотворца в итальянском Бари, с которым он промыслительно окажется связан уже с самого начала его создания. А также представленные в сборнике архивные материалы, касающиеся периода самой подготовки строительства Барградского комплекса: это телеграммы, переписка и протоколы заседаний Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), открывающие новые подробности процесса строительства этого архитектурного ансамбля. Интересно свидетельство, впервые публикуемого в сборнике Меморандума («Крах великого дела в Италии»), написанного Н.Д. Жеваховым, правда уже в 1943 г., что первоначально инициатором создания комплекса в Италии, являлся он сам, предложивший Императору Николаю II создать в Бари крупный культурно-религиозный центр, для сближения России и Италии. Император поддержал идею, но в связи с неудачной попыткой ИППО возведения русского подворья и храма в Мирах Ликийских (Турция), во имя широко почитавшегося в России свт. Николая Чудотворца, его строительство было перенесено в Италию. Преобразование мирликийского проекта в барградский поддержал и Император, взявший его под свое покровительство. Тем более в Бари, на поклонение к свт. Николаю, прибывало много русских паломников, возвращавшихся из Палестины.

В 1911 г. ИППО был сформирован специальный Барградский Комитет для устройства подворья для русских паломников, Председателем которого избирается князь А.А. Ширинский-Шихматов, а секретарём — князь Н.Д. Жевахов. Он же командируется в 1911 г. в Бари для приобретения земельного участка вместе с другими действительными членами ИППО: протоиереем Иоанном Восторговым (1864–1918)[3] и братом известного писателя Н.М. Ремизовым. В 1913 г. князь вновь командируется в Бари, где присутствует при торжественной закладке храма и странноприимного дома. В дальнейшем Н.Д. Жевахов становится Председателем Строительного комитета и руководит работами по возведению подворья. Первая Мировая война приостановит активное строительство паломнического комплекса, но к 1920 г. подворье практически будет отстроено, лишь останутся отделочные работы.

Судьба князя Н.Д. Жевахова становится неразрывно связанной с барградским комплексом на протяжении многих лет. И вот, в сентябре 1920 г. по направлению тогдашнего Председателя ИППО князя А.А. Ширинского-Шихматова, после трагической гибели в 1918 г. бывшего Председателя прпмц. Елисаветы Федоровны, князь Н.Д. Жевахов вновь прибывает на подворье в Бари уже в качестве управляющего. Здесь наблюдались многочисленные конфликты среди сотрудников и ему надлежало нормализовать обстановку и найти решения для погашения долговых обязательств

подворья. Избежать конфликтов ему не удастся, что он красочно и подробно опишет живым литературным языком, с глубокими психологическими портретами сотрудников, с бытовой обстановкой Италии того времени, с передачей всего нараставшего напряжения межличностных отношений между сослуживцами, что придаст воспоминаниям просто детективный характер, которые читаются прямо захватывающе. Хотя и ощущается порой некоторое интеллектуальное превосходство и социальная заносчивость автора над его простонародным окружением. В эти годы складываются достаточно сложные отношения между возникшими в русской эмиграции церковными группами, но князь не терпел вмешательства в дела подворья ни с чьей стороны. Литературная история подворья не была дописана князем, когда начались судебные тяжбы с большевиками, претендовавшими от имени уже переоформленного Российского Палестинского Общества при АН СССР на право обладания подворьем. В конечном счёте, здание подворья окажется в собственности муниципалитета[4], а храм перейдет под управление Русской Православной Церкви Зарубежом (РПЦЗ). А князь Н.Д. Жевахов вынужденно покинет родную святыню, в которую вложил многолетние труды и надежды, переехав в Рим.

Многие материалы, подготовленные князем к печати, к сожалению, не дошли до нас, и пропали, как не была обнаружена рукопись «Краткая история борьбы Барградского подворья с большевиками». Она была бы очень интересным дополнением для полновесного представления истории подворья сегодня. И вновь изданные литературные воспоминания и статьи князя Н.Д. Жевахова во многом дополняют наши представления об этой неординарной личности, не затерявшейся в круговерти бурных исторических событий. И нам ещё надо научиться ценить память о выдающихся людях, несмотря на их огрехи и отдельные заблуждения. И издание книги этому способствует в полной мере. Надо ещё раз подчеркнуть, что главным духовным императивом в жизни князя Н.Д. Жевахова стало моление за Православие, а Бог поругаем не бывает!

1 Жевахов Николай Давидович. Новая жизнь за границей. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода. Публикация и составление М.Г. Талалай и М.А. Бирюкова. Научная редакция М.Г. Талалай. Издательство «Индрик», М., 2022. — 280 с.

2 Исправление должности подразумевало исполнение окончательно не утвержденным чиновником должности с использованием всех прав, установленных для этой должности. Сегодня — исполняющий обязанности.

3 Председатель Русской монархической партии, расстрелян большевиками. Прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских в 2000 г.

4 Сегодня подворье передано России: верхний храм — РПЦ, а нижний занимает РПЦЗ, но лишь номинально, более не делегируя в Бари своих священников.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Карпову Сергею Павловичу исполнилось 75 лет

01 января 2023 г. исполнилось 75 лет со дня рождения Сергея Павловича Карпова, почётного члена МОО «ИППО» и члена Совета Общества, академика РАН, президента исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, профессора, доктора исторических наук. Сергей Павлович известный историк, византинист, председатель Национального комитета византинистов России, президент Общества медиевистов и историков раннего Нового времени, председатель экспертного совета Макарьевского фонда РПЦ, РАН и Правительства Москвы.

С.П. Карпов родился в г. Ставрополе, в семье служащих, в 1966–1971 гг. обучался на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1971–1974 гг. — в аспирантуре исторического факультета, в 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Трапезундская империя и государства Европы в XIII–XV вв.». С 1974 г. работал на кафедре истории Средних веков исторического факультета МГУ: ассистент, 1975 г. — старший преподаватель, 1985 г. — доцент, 1989 г. — профессор. В 1977–1978 гг. он был стажёром Фонда Чини в Венеции, начал исследования документов из итальянских архивов, посвящённых истории Византии, Причерноморья и Древней Руси.

В 1986 г. С.П. Карпов защитил докторскую диссертацию по теме «Торговля итальянских морских республик в Южном Причерноморье в XIII–XV вв.», в том же году — стал заведующим кафедрой истории Средних веков исторического факультета МГУ, в 1990 г. — научный руководитель лаборатории истории Византии и Причерноморья в Средние века. 22 марта 2003 г. С.П. Карпов был избран членом-корреспондентом РАН по Отделению историко-филологических наук, с 22 декабря 2011 г. — академиком РАН. Специалист в области медиевистики (история Византии, Причерноморья и Италии в Средние века), архивоведения и дипломатики,

экономической истории и фалеристики. Автор более 400 научных публикаций, включая 8 монографий. Председатель редколлегии «Библиотеки Средних веков» издательства «Алетейя», главный редактор «Византийского временника».

Сергей Павлович многие годы сотрудничает с МОО «ИППО», является членом Совета Общества, непременный участник его конференций и научных мероприятий.

Леониду Андреевичу Беляеву исполнилось 75 лет

17 марта 2023 г. исполнилось 75 лет со дня рождения действительного члена МОО «ИППО» Леонида Андреевича Беляева, член-корреспондента РАН, руководителя археологической экспедиции в Палестине (Иерихоне), заведующего отделом археологии Московской Руси в Институте археологии РАН, известного советского и российского археолога и историка искусства, паломника в Святой Земле.

Л.А. Беляев родился в Москве, в 1971 г. окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по кафедре археологии, в 1974 г. — аспирантуру там же. В 1975 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Архитектура Древней Руси (конец X — начало XIII вв.) по данным археологии», в 1994 г. — докторскую диссертацию по теме «Древнейшие монастыри Москвы (конец XIII — начало XV вв.) по данным археологии». С 1966 г. он вёл археологические исследования в Москве (Коломенское; древнейшие монастыри: Данилов, Богоявленский, Алексеевский Зачатьевский, Новодевичий, Казанский собор на Красной площади); Твери (Спасо-Преображенский собор XIII в.), Старой Рязани, Татарстане (Болгарское городище, Свияжск), Средней Азии.

В 1975–1989 гг. Л.А. Беляев был руководителем мастерской института «Спецпроектреставрация», с 1989 г. — является заведующим Отделом археологии Московской Руси в Институте археологии РАН. В 1995–2003 гг. он работал по зарубежным грантам (Фулбрайт и др.) в США и Италии: Стэнфордский университет (Пало Альто, 1995–1996), Институт передовых исследований (IAS; Принстон, 1997–1998), Фонд Рокфеллера (Белладжио, Италия, 1998), Фонд Больяско (Генуя, 2000), Чикагский университет (Чикаго, 2000–2001), Институт гуманитарных исследований университета Висконсин (Мэдисон, 2002–2003), Институт искусствознания Фонда Поля Гетти (Санта Моника, 2003) и др. В 1990-х гг. Л.А. Беляев создал

фундаментальный труд по истории открытия и анализа памятников христианской цивилизации — монография «Христианские древности». Во второй половине 1990-х гг. он предложил программу изучения памятников иудаизма, христианства и ислама как единой культурной зоны. В докладах и статьях призвал к возобновлению работ русских археологов в Палестине (прекращены после 1917 г.)

Леонид Андреевич принимает активное участие в научной деятельности МОО «ИППО», постоянно размещает свои труды в Православном Палестинском Сборнике. В 2010 г. он при поддержке Общества создал для сравнительного изучения византийского и европейского искусства Российско-Палестинскую Иерихонскую экспедицию, которая провела археологические раскопки на участке ИППО в Иерихоне. На основе археологических находок на этом участке он создал музейную экспозицию в Российском музейно-парковом комплексе в Иерихоне, открытом в январе 2011 г. С целью сравнительного изучения византийского, исламского, западноевропейского и древнерусского искусства руководил масштабными исследованиями в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре в 2009–2017 гг. На основе этих исследований созданы музейные экспозиции в Иерихоне (музеефицирован раскоп с сооружениями византийского и раннего арабского периодов, в составе которых гончарные горны и статусные каменные сооружения с остатками колоннад и мозаик) и Новом Иерусалиме.

В настоящее время он ведёт раскопки в Москве (Новодевичий монастырь, Воспитательный дом и др.) и руководит Российско-Палестинской археологической экспедицией в Иерихоне. Работает над созданием отечественной археологической школы исследований древностей Святой Земли. Особенностью аналитической работы Л.А. Беляева является комплексный (сравнительный) подход к анализу искусства, архитектурных сооружений, градостроительства, иконографии и типологии. Метод в истории искусства — художественная археология в широком культурно-хронологическом диапазоне, изучение сакрального пространства русского средневекового города как явления искусства и памятника археологии. Специалист по искусству и археологии авраамических религий.

Л.А. Беляев автор более 700 научных работ, в том числе монографий. Он является заведующим отделом археологии Московской Руси в Институте археологии РАН с 1989 г., ведущим научным сотрудником Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, государственным экспертом МК РФ, председателем секции археологии Научно-методического совета при МК РФ, главным редактором журнала «Российская археология» с 2001 г., президентом Научного комитета по управлению археологическим наследием национального комитета РФ ИКОМОС. Лауреат премии им. митрополита Макария (Булгакова) за 1997 г., премии Президиума РАН им. И.Е. Забелина за 2009 г., премии

«Хранитель наследия» за 2011 г., премии Москвы в области литературы и искусства за 2012 г. и др. Л.А. Беляев является членом редакционной коллегии журналов: «Византийский временник» с 2009 г., «Вестник отдела древнерусского и византийского искусства Института искусствознания» с 2019 г., «Вестник церковного искусства и археологии» МДА РПЦ с 2021 г. Он также является куратором раздела археологии в «Православной энциклопедии» (с момента основания), членом редакционной коллегии «Православной энциклопедии» с 1990 г., членом Экспертного совета Благотворительного фонда по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Член Союза московских архитекторов, Ассоциации искусствоведов, Европейской ассоциации археологов и других обществ. Л.А. Беляев непременный участник научных конференций и других мероприятий МОО «ИППО».

Олегу Алексеевичу Колобову исполняется 75 лет

26 июня 2023 г. исполнится 75 лет со дня рождения Олега Алексеевича Колобова, председателя Нижегородского отделения РПО при АН СССР с 1978 г. и Нижегородского отделения МОО «ИППО» с 1992 г. по н/в, известного учёного и общественного деятеля, доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки РФ, академика РАЕН, основателя и декана факультета международных отношений, профессора кафедры мировой политики и международного права НГУ им. Н.И. Лобачевского, паломника в Святой Земле.

О.А. Колобов родился в с. Бестужево Арзамасского р-на Горьковской обл., в семье инженера-механика и учительницы. В 1972 г. он окончил историко-филологический факультет ГГУ. В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Американо-израильские отношения в период подготовки Израилем агрессии против арабских стран в июне 1967 г. (1963–1967 гг.)» В 1976–1979 гг. работал старшим преподавателем на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета ГГУ. С 1 августа 1979 г. по 10 мая 1980 г. О.А. Колобов работал в США в качестве участника программы межгосударственного советско-американского научного обмена. По возвращении из-за рубежа был избран заведующим вновь образованной кафедры истории стран Азии, Африки и Латинской Америки на историко-филологическом факультете ГГУ. Осенью 1985 г. О.А. Колобов был вновь откомандирован Министерством высшего и среднего специального образования СССР в США для научной работы по направлению «история дипломатии» в университете штата Техас и Мемориальной библиотеке президента Л. Джонсона. В 1987 г. О.А. Колобов защитил докторскую диссертацию «Механизм формирования политики Соединенных Штатов Америки по отношению к Израилю и арабским странам в 1947–1985 гг.»

В 1987–2002 гг. он работал деканом исторического факультета, а в 2002–2012 гг. — деканом факультета международных отношений, в 1997–2012 гг. одновременно был директором Института стратегических исследований ННГУ. О.А. Колобов является известным учёным и специалистом в области международных отношений. О.А. Колобов автор более 500 научных работ, из них 59 монографий, опубликованных в России и за рубежом, а также научных статей по вопросам патриотического и гражданского воспитания молодёжи, формирования навыков активной гражданской позиции и развития межкультурного диалога в молодёжной среде. Его подвижническая и неутомимая научно-исследовательская деятельность в сфере международных отношений на Ближнем Востоке, истории отечественной и зарубежной дипломатии, изучении процесса формирования внешней политики великих держав в новое и новейшее время снискала известность в широких научных и общественных кругах России и за рубежом. Он активно занимается деятельностью по воспитанию молодёжи, являясь автором и руководителем проектов в области гражданского и патриотического воспитания, семейного воспитания. Осуществляет научное руководство инновационной деятельностью экспертных групп, занимающихся вопросами повышения квалификации педагогов и профессиональной ориентации молодёжи по актуальным вопросам формирования гражданских качеств личности. Он подготовил 37 докторов наук и 112 кандидатов наук.

О.А. Колобов 45 лет является председателем Нижегородского отделения Общества, он активно развивает сотрудничество с региональными и зарубежными отделениями МОО «ИППО». О.А. Колобов выступил с инициативой и оказал практическую помощь в открытии представительств МОО «ИППО» в Республике Сербской (Босния и Герцеговина) и Черногории. Под руководством О.А. Колобова в Нижегородском отделении Общества активно развивается просветительская деятельность, направленная на сохранение традиций подвижничества применительно к Святой Земле в тесном взаимодействии с Нижегородской митрополией РПЦ, администрацией Нижегородской области, вузами и образовательными учреждениями Нижегородского региона, региональными НКО. О.А. Колобов является многолетним активным членом Совета МОО «ИППО», принимает участие в конференциях, семинарах и других мероприятиях Общества.

Сергею Юрьевичу Житенёву исполняется 70 лет

11 августа 2023 г. исполняется 70 лет со дня рождения Сергея Юрьевича Житенёва, члена Совета Общества, учёного секретаря МОО «ИППО», руководителя Паломнической секции Общества, заместителя председателя Московского отделения МОО «ИППО», члена редколлегии, ответственного редактора ППС, руководителя Научной секции МОО «ИППО», известного общественного деятеля и учёного, историка, культуролога, исследователя истории ИППО, религиозного паломничества и туризма, культурного наследия России, паломника в Святой Земле.

С.Ю. Житенёв родился в Москве, в 1976 г. окончил исторический факультет МГПИ им В.И. Ленина (ныне МПГУ), работал в школе, институте, на комсомольской и партийной работе. В 1980 г. участвовал в подготовке и проведении XXII Олимпийских игр в Москве, в 1985 г. — XII Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Москве. С 1987 г. С.Ю. Житенёв принимал участие в создании и работе Советского фонда культуры (СФК), в котором занимался разработкой программ, в том числе: «Великий шёлковый путь» и «Уникальные историко-культурные и природные территории». Он организовывал и принял участие в первых научных экспедициях СФК по изучению монастырских комплексов на Соловецких и Валаамских островах. Принимал участие в создании и работе Союза краеведов России, Ассоциации культурологов, Советского фонда Рерихов, Союза фотохудожников и других общественных организаций, созданных по инициативе СФК.

В 1990–1991 гг. С.Ю. Житенёв работал ведущим специалистом Комиссии Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР по вопросам развития культуры, языка, национальных традиций и охраны исторического наследия, является автором нескольких подзаконных и законодательных актов, в том числе — один из разработчиков Федерального закона № 1807-1 от 25 октября 1991 г. «О языках народов Российской Федерации».

В 1991–1993 гг. С.Ю. Житенёв был помощником Государственного секретаря Российской Федерации, заведующим Отделом культуры и образования Правительства РФ. В этот период содействовал возвращению монастырей и храмов РПЦ, разработал нормативные акты по образованию системы уникальных и особо ценных объектов культурного наследия в России. При его непосредственном участии были созданы: Российский государственный социальный университет, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Институт Наследия), Государственная академия славянской культуры и др. В 1992 г. он стал одним из инициаторов и организаторов создания Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия.

В 1993–1994 гг. С.Ю. Житенёв был заместителем председателя Комитета РФ по туризму, заместителем председателя Комитета РФ по физической культуре и туризму, в 1994–1999 гг. — вице-президентом по туристской деятельности Национального фонда спорта. Он был одним из авторов-разработчиков Федерального закона № 132-ФЗ от 24 ноября 1996 г. «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и инициатором создания первой Федеральной программы развития туризма в России. С.Ю. Житенёв являлся одним из авторов-разработчиков Рекомендательного законодательного акта «Об основных принципах сотрудничества государств-участников СНГ в области туризма». Под его руководством в 1995, 1998 и 2004 гг. были подготовлены 3 аналитических доклада «Состояние и проблемы туризма в Российской Федерации», в которых впервые был представлен и проанализирован весь комплекс проблем отечественной туристской индустрии. В 2005 г. он был избран президентом Международной общественной туристской академии (МТА).

В 1999–2010 гг. он был генеральным директором Паломнического центра Московского Патриархата. Автор многочисленных публикаций по истории и современному состоянию православного паломничества. В 2007 г. он завершил работу над научной монографией «История русского православного паломничества в X–XVII веках», которая была опубликована в том же году по благословению митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, ныне Патриарха Московского и всея Руси. С.Ю. Житенёв стал инициатором возобновления старейшего отечественного церковного издания — журнала «Православный паломник». Он был одним из инициаторов и организаторов церковно-общественной выставки-форума «Православная Русь», а также — первого Всероссийского конкурса художественных работ «От древней Руси к новой России». В Паломническом центре Московского Патриархата под руководством С.Ю. Житенёва ежегодно проводились научно-практические конференции по развитию православного паломничества, были созданы образовательные курсы для руководителей и сотрудников паломнических служб приходов и епархий РПЦ, а также велись исследования по истории и богословию православного паломничества.

В апреле 2001 г. С.Ю. Житенёв по рекомендации А.Ф. Чистякова и Н.Н. Лисового был принят членом МОО «ИППО», был избран членом Совета Общества, в котором состоял в 2002–2017 гг., и вновь избран с 2022 г. по н/в, являлся учёным секретарём МОО «ИППО» в 2006–2007 гг., руководил Паломнической секцией Общества в 2003–2017 гг. В 2004–2005 гг. он неоднократно ездил вместе с Н.Н. Лисовым в Святую Землю с целью оформления документов и проведения переговоров о передаче в российскую собственность Сергиевского подворья в Иерусалиме. С.Ю. Житенёв организатор и участник многих конференций, семинаров и выставок, проводимых Обществом. Содействовал созданию в 2005 г. Иерусалимского и Вифлеемского зарубежных отделений Общества, а также в 2006 г. — Орловского и Донского региональных отделений МОО «ИППО». В 2005 г. по решению Совета Общества организовал и провёл в Иерусалиме вместе с Я.Н. Щаповым, Н.Н. Лисовым, А.В. Назаренко и И.С. Чичуровым Международную научно-общественную конференцию «Иерусалим в русской духовной традиции». 14 июня 2007 г. он, будучи учёным секретарём МОО «ИППО», являлся одним из организаторов отчётно-выборного собрания Общества, на котором Председателем Общества был избран С.В. Степашин. 25 ноября 2011 г. на учредительном собрании Московского отделения МОО «ИППО» С.Ю. Житенёв был избран заместителем председателя отделения, которым он является до настоящего времени. В январе-августе 2012 г. он был руководителем дирекции МОО «ИППО» по организации и проведению Международной юбилейной выставки «Россия в Святой Земле: к 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока», которая проходила 05–14 июня 2012 г. в Москве, в ЦВЗ «Манеж».

С.Ю. Житенёв в 2014–2016 гг. под руководством председателя Московского отделения МОО «ИППО» С.Л. Байдакова организовывал социальное паломничество в Святую Землю, формируя паломнические группы, в которые входили ветераны Общества. В 2017 г. С.В. Степашин назначил С.Ю. Житенёва заведующим Научной библиотекой и Архивом Общества. В марте 2018 г. С.Ю. Житенёв организовал и принял участие в вывозе из места хранения в Иерихоне исторического архива и библиотеки ИППО для размещения их в Сергиевском подворье в Иерусалиме. В мае того же года он вместе с Р.Б. Бутовой и Г.М. Маневичем разбирал исторический архив и библиотеку Общества в Сергиевском подворье в Иерусалиме. В том же году он был назначен руководителем Отдела программ региональных отделений МОО «ИППО», ежегодно принимал участие в организации семинаров руководителей региональных отделений Общества, в том числе в 2019 г. в Иерусалиме на Сергиевском подворье ИППО. С.Ю. Житенёв является многолетним организатором и координатором научной деятельности Общества. В октябре 2019 г. по поручению С.В. Степашина С.Ю. Житенёв вместе

с К.А. Вахом выступил организатором Всероссийской научной конференции «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи», которая прошла в Государственном Эрмитаже при поддержке РФФИ и Санкт-Петербургского отделения МОО «ИППО». В 2019 г. С.Ю. Житенёв стал ответственным редактором ППС, а также возглавил работу по созданию «Энциклопедии ИППО: 1882–2022 гг.», которая была закончена к 140-летию Общества. В феврале 2020 г. С.Ю. Житенёв был одним из организаторов и участником юбилейных мероприятий, посвящённых 115-ой годовщине трагической гибели Великого Князя Сергия Александровича. В феврале 2022 г. С.Ю. Житенёв был избран руководителем Научной секции МОО «ИППО».

С.Ю. Житенёв является одним из основателей Института Наследия, в котором в 2011–2013 гг. возглавлял Сектор туристского использования наследия, а в 2013–2017 гг. являлся заместителем директора по научной работе Института Наследия. В 2010 г. он защитил диссертацию «Религиозное паломничество: межкультурные коммуникации и цивилизационный контекст», ему была присвоена учёная степень кандидата культурологии. В 2015–2020 гг. он был автором-разработчиком проекта Конвенции по сохранению объектов культурного наследия стран СНГ, которая в ноябре 2020 г. была утверждена Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ. В конце 2018 г. была закончена многолетняя работа научного коллектива во главе с С.Ю. Житенёвым по созданию Российского энциклопедического словаря «Туризм», совместного проекта МТА и Института Наследия. В настоящее время С.Ю. Житенёв является советником директора Института Наследия, под его руководством в 2022 г. был завершён большой научный проект по созданию Энциклопедии нематериального культурного наследия России. Он является Почётным членом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

С.Ю. Житенёв за вклад в развитие туризма и возрождение традиций православного паломничества стал лауреатом премии г. Москвы в 2007 г. За создание научной монографии «История русского православного паломничества в X–XVII веках» он был удостоен в 2009 г. премии памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова). Автор более 300 публикаций по сохранению и использованию культурного наследия, теории и истории культуры, истории и современному состоянию русского православного паломничества и религиозного туризма, а также — по вопросам истории и современного состояния туризма, истории ИППО; автор и соавтор 2 учебных пособий, 11 монографий, 3 энциклопедических словарей. С.Ю. Житенёв является непременным участником собраний, конференций, семинаров и других мероприятий МОО «ИППО».

Виктору Анатольевичу Ливцову исполняется 65 лет

10 декабря 2023 г. исполняется 65 лет со дня рождения В.А. Ливцова, почётному члену МОО «ИППО», заместителю председателя Орловского отделения Общества, заместитель директора Среднерусского института управления, филиала РАНХиГС, историк, краевед, известный общественный деятель, Заслуженный работник культуры РФ, Почётный работник высшего профессионального образования, Почётный гражданин Орловской обл.

В.А. Ливцов родился в г. Орле, в 1981 г. окончил историко-английский факультет Орловского государственного педагогического института, затем с отличием окончил: в 1999 г. Российскую Академию государственной службы при Президенте РФ по специализации «Государственно-церковные отношения», в 2017 г. — магистратуру Орловского государственного университета по направлению подготовки «Теология», в 2019 г. — магистратуру РАНХиГС по направлению подготовки «Юриспруденция», в 2021 г. — бакалавриат Белгородской Духовной семинарии со степенью бакалавра богословия. В 1997 г. В.А. Ливцов защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а в 2014 г. — доктора исторических наук по истории Русской Православной Церкви. В 2014 г. В.А. Ливцову присвоено учёное звание профессора.

Трудовую деятельность он начал учителем истории в Сабуровской школе Орловского р-на в 1981 г. С 1987 г. он работал заместителем, а затем председателем Орловского областного отделения ВООПИиК. В 1987–2013 гг. по совместительству он был преподавателем кафедры истории Орловского государственного педагогического института. В 1990-е гг. он являлся ответственным секретарем Орловской Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. При его участии установлены памятник жертвам репрессий и поклонный крест в Медведевском лесу в Орловском р-не Орловской обл., проведена реабилитация ряда видных

священнослужителей. Он был инициатором реабилитации почётного гражданина г. Орла, местночтимого святого РПЦЗ Великого Князя Михаила Романова. Он является одним из авторов пятитомной Книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине «Реквием», которая удостоилась благодарности Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. В 1996–2002 гг. он возглавлял Управление по делам молодёжи и взаимодействию с религиозными организациями Администрации Орловской обл. Способствовал созданию первых православных летних молодёжных лагерей, был инициатором областной программы патриотического воспитания, где значительное место уделялось религиозному воспитанию. Инициатор установки памятного знака на месте уничтоженного Орловского православного гарнизонного кладбища. С 2002 г. он являлся начальником Управления по туризму и краеведению Орловской обл., положил начало созданию паломнических маршрутов в регионе, инициировал создание паломнического отдела Орловской епархии РПЦ. Действительный государственный советник Орловской области I класса.

В 1998–2007 гг. В.А. Ливцов по совместительству являлся старшим преподавателем, а затем доцентом кафедр: истории России исторического факультета, религиоведения, философского факультета и международного и международного частного права, юридического факультета ОГУ. В 2004–2007 гг. В.А. Ливцов работал по совместительству доцентом, профессором, а затем заведующим кафедрой сервиса и туризма Орловского государственного университета (ОГУ). С 2007 г. он полностью перешёл на преподавательскую работу, занимался со студентами созданием паломнических маршрутов в Орловской области. В 2010–2012 гг. по совместительству советник мэра г. Орла по вопросам сохранения историко-культурного наследия, археологии и туризму. С 2014 г. по н/в заместитель директора Среднерусского института управления, филиала РАНХиГС. Подготовил в качестве научного руководителя несколько кандидатов наук и одного доктора наук по истории Православия. С 2018 г. является членом экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ по истории.

Одновременно с трудовой деятельностью В.А. Ливцов активно занимается общественной работой, возглавляя и входя в руководящие органы ряда общественных организаций. С 2000 г. он заместитель председателя Центрального Совета ВООПИиК. Начиная с 2003 г., в течение ряда лет входил в президиумы Национальной академии туризма (НТА) и Международной общественной туристской академии (МТА), возглавлял их отделения на территории Орловской области. С 2008 г. он является заместителем председателя отделения общества историков-архивистов. С 1994 г. он был членом епархиального отдела по религиозному образованию и катехизации Орловско-Ливенской епархии, с 2011 г. — руководителем отдела

по канонизации святых епархии, с 2014 г. — руководитель отдела по взаимодействию с представителями государственной власти и общественности Орловско-Болховской митрополии.

По инициативе В.А. Ливцова были восстановлены наименования улиц в г. Орле, названных в честь храмов (Монастырская и Богоявленская площади, Васильевская улица, Георгиевский переулок). В.А. Ливцовым была создана инициативная группа по возвращению РПЦ храма Михаила Архангела в г. Орле. Он организовал ряд церковных общин и способствовал передаче епархии храмов: Иверского, Богоявленского, Смоленского, Васильевского в г. Орле, Архангело-Вознесенского в г. Мценске. Способствовал сбору средств на восстановление Никитского и Троицкого храмов в г. Мценске, Спасо–Преображенского собора в г. Болхове, Спасского храма в с. Спасское-Лутовиново. Восстановил Никольский Лутовский храм в г. Орле. Став председателем приходского совета Свято-Троицкого храма Успенского мужского монастыря, он организовал его передачу епархии. Основал Успенское братство, переросшее в монашескую общину; инициировал возвращение монастырю его территории. В.А. Ливцов руководил работами по восстановлению осквернённых в советское время могил пяти орловских архиереев, способствовал возвращению епархии и восстановлению сооружений Введенского женского монастыря в г. Орле и Оптина Троицкого монастыря в г. Болхове. Принимал непосредственное участие в основании в Мценском р-не монастыря св. Кукши — крестителя Орловского края, обосновал необходимость создания в г. Орле скита во имя Новомучеников российских.

С 2005 г. В.А. Ливцов является членом Союза журналистов РФ, на протяжении нескольких лет ведёт еженедельные циклы телепередач о паломнических местах Орловского края на местном телевидении; за их создание в 2022 г. удостоен звания лауреата VIII Международного кинофестиваля «Отцы и дети». С 2007 г. — председатель комиссии по духовному и культурному наследию Общественной палаты Орловской обл. В 2010–2016 гг. он стал председателем комиссии по вопросам межнациональных и межрелигиозных отношений региона, с 2017 г. — член совета и председатель комиссии по развитию науки, образования и культуры Общественной палаты обл., с 2014 г. — член Координационного совета по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Губернаторе обл., с 2017 г. — член аналогичного совета при Главе администрации г. Орла.

По инициативе В.А. Ливцова в 2006 г. в Орловской обл. было возрождено отделение Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» (МОО «ИППО»). В.А. Ливцов был избран его секретарём, а затем заместителем председателя Орловского отделения Общества. Он неоднократно выступал с научными докладами на конференциях и заседаниях Научной секции МОО «ИППО».

Он является членом Редакционной коллегии и постоянным автором ППС. В качестве заместителя председателя Орловского Отделения участвовал в увековечении памяти Председателя ИППО прмц. Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. По его инициативе осуществлено изготовление и установка мемориальных досок, посвящённых Великой Княгине, на зданиях Тихвинского храма Введенского женского монастыря в г. Орле и бывшей приходской школы Покровского храма. В 2016 г. при участии Ливцова В.А. был установлен бюст Почётному гражданину г. Орла, почётному члену ИППО, Великому Князю Михаилу Александровичу. В.А. Ливцов является одним из авторов книги «Почётный гражданин города Орла Великий Князь Михаил Александрович Романов», изданной в 2016 г.

Он также является редактором рубрики «Краеведение» и членом редакционного совета журналов лицензированных ВАК: «Образование и Общество» ОГУ им. И.С. Тургенева; «История: факты и символы» Елецкого госуниверситета им. И.А. Бунина; «Среднерусский вестник общественных наук» и «Вестник государственного и муниципального управления» СИУ РАНХиГС; «Вестник Брянского госуниверситета»; «Богословского сборника Тамбовской духовной семинарии»; входит в редакционно-издательский совет «Трудов Белгородской православной духовной семинарии».

Автор более 300 научных работ, в первую очередь, по истории Церкви, в том числе 6 учебников и 15 монографий. Автор статей об истории Орловской епархии в Православной энциклопедии, автор ряда статей в Энциклопедии ИППО, автор статей посвящённых нематериальному культурному наследию традиционных религий России в Энциклопедии нематериального наследия России. Участвовал в издании и был одним из авторов Сборника трудов возрождённого по его инициативе Орловского церковного историко-археологического общества.

В.А. Ливцов является непременным участником собраний, конференций и других мероприятий МОО «ИППО». С 2019 г. он является членом редколлегии Православного Палестинского Сборника, который издаётся ИППО с 1881 г. В.А. Ливцов награждён почётными знаками МОО «ИППО», а также он является лауреатом премий Общества имени Великого Князя Сергия Александровича и имени Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

Ритте Борисовне Бутовой исполняется 55 лет

28 августа 2023 г. исполняется 55 лет со дня рождения Ритты Борисовны Бутовой, секретаря Научной секции МОО «ИППО», секретаря Московского областного отделения МОО «ИППО», деятель Общества, известный исследователь русского присутствия в Святой Земле и истории ИППО, паломница в Святой Земле.

Р.Б. Бутова родилась в г. Павловске Алтайского края, в 1985–1990 гг. обучалась в Московском государственном историко-архивном институте. В 1990–2003 гг. Р.Б. Бутова работала научным сотрудником отдела зарубежных связей, заведующим научно-методическим отделом Государственного исторического музея. В 2006–2009 гг. она являлась руководителем Экспертного отдела, а затем заместителем генерального директора Паломнического центра Московского Патриархата по научно-просветительской деятельности, в котором активно вела работу по подготовке и проведению научных конференций и чтений, в том числе общецерковных и международных. Р.Б. Бутова разработала программы и организовывала учебные курсы для епархиальных паломнических служб РПЦ. Редактировала и готовила к изданию сборники научных и научно-популярных работ, издаваемых Паломническим центром МП, а также осуществляла связь с православными неправительственными организациями и средствами массовой информации. Она осуществляла подготовку и проведение научных и научно-популярных выставок: разрабатывала концепции, проводила отбор экспонатов, подготовку каталогов в: Паломническом центре МП, Государственном историческом музее, Музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.

Начиная с 2002 г., Р.Б. Бутова принимала активное участие в деятельности МОО «ИППО», прежде всего, как ученица и близкий помощник

Н.Н. Лисового. Она участвовала в подготовке и проведении конференций и круглых столов Общества. В 2009 г. возглавила Научно-издательский центр МОО «ИППО», а затем работала заместителем управляющего делами Общества. В 2010 г. она защитила диссертацию по теме «Русское присутствие на Ближнем Востоке в последней трети XIX в. по неизданным материалам и публикациям архимандрита Антонина (Капустина)», ей было присвоено учёное звание кандидата исторических наук.

В 2011–2016 гг. Р.Б. Бутова была директором Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество». В Фонде, кроме организационной и административно-хозяйственной деятельности, занималась подготовкой и проведением международных и межрегиональных научно-общественных форумов (Храм Христа Спасителя, 2013, 2014; Германия, 2014; Крым, 2015), благотворительных акций, ярмарок и базаров (Москва и Московская область, Екатеринбург и Свердловская область, Крым, Курск). Р.Б. Бутова принимала участие в разработке и осуществлении в Москве программы по увековечиванию памяти Московского генерал-губернатора, Великого Князя Сергия Александровича и его супруги Великой Княгини Елизаветы Федоровны «На службе Москве и Отечеству. Великий Князь Сергий Александрович и Великая Княгиня Елизавета Федоровна». Она вела активную научную работу в рамках Фонда, в том числе осуществляла организацию взаимодействия с научными и музейными организациями, принимала участие в подготовке пяти научных конференций и круглых столов. Р.Б. Бутова принимала участие в организации и проведении просветительских, образовательных, музейно-экспозиционных, паломнических и театрально-концертных программ в Православном просветительском центре «Усово-Спасское» при храме в честь Спаса Нерукотворного Образа в селе Усово Московской обл.

Как секретарь Московского областного отделения МОО «ИППО», Р.Б. Бутова ведёт организационную работу отделения, принимает участие в подготовке и проведении его основных программ, проектов и мероприятий. Она принимала активное участие за последние 15 лет практически во всех мероприятиях Научной секции МОО «ИППО», в котором работала вместе с Н.Н. Лисовым, являясь его ближайшим соратником. В 2011–2012 гг. она была сотрудником рабочей группы по подготовке и проведению юбилейной выставки, посвященной 130-летию МОО «ИППО», в ЦВЗ «Манеж» в Москве. В 2012 г. Р.Б. Бутова выступила участником проектирования и создания экспозиции Международной юбилейной выставки «Россия в Святой Земле: к 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока», которая была подготовлена и проведена Обществом при поддержке Правительства Москвы в ЦВЗ «Манеж». В 2013 г. она приняла участие в проектировании

и создании Музея истории ИППО в Центре МОО «ИППО» в Москве, на ул. Забелина. Она является автором многочисленных публикаций в ППС, в настоящее время входит в состав его редколлегии.

Автор более 50 научных публикаций. В 2017 г. она получила диплом II степени в номинации «Лучшая историческая книга» XII Открытого конкурса «Просвещение через книгу» за монографию «Императорское Православное Палестинское Общество в Москве: из истории Московского отделения», которую написала вместе с Н.Н. Лисовым. В 2020 г. Р.Б. Бутова принимала непосредственное участие в создании и установке памятника на могиле Н.Н. Лисового на Даниловском кладбище г. Москвы. Ритта Борисовна приняла активное участие в работе по созданию «Энциклопедии ИППО: 1882–2022», посвящённой 140-летию Общества. Р.Б. Бутова является непременным участником собраний, конференций, семинаров и других мероприятий МОО «ИППО».

АВТОРЫ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Аксенова Галина Владимировна, член Совета Московского отделения МОО «ИППО», профессор кафедры истории России, Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (МПГУ), профессор кафедры истории России, факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), доктор исторических наук.

Аксенова Ирина Николаевна, председатель Тверского регионального отделения МОО ИППО, директор АНО ДПО «Институт Верхневолжье», кандидат филологических наук.

Балдин Кирилл Евгеньевич, председатель Ивановского отделения МОО «ИППО», профессор Ивановского государственного университета, доктор исторических наук.

Беляев Леонид Андреевич, член-корреспондент РАН, член МОО «ИППО», заведующий отделом археологии Московской Руси в Институте археологии РАН, главный редактор журнала «Российская археология», доктор исторических наук.

Бибиков Михаил Вадимович, заместитель Председателя МОО «ИППО», главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, вице-президент Российского национального комитета византинистов, действительный член РАЕН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор исторических наук.

Блохин Владимир Владимирович, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), доктор исторических наук.

Буковская Анастасия Ивановна, сотрудник по научной и административной работе Дома-музея Великой Княгини Елизаветы Феодоровны при Марфо-Мариинской обители милосердия в Москве.

Бутова Ритта Борисовна, секретарь Научной секции МОО «ИППО», член Редакционной коллегии ППС, секретарь Московского областного отделения МОО «ИППО», старший научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, кандидат исторических наук.

Ванькин Евгений Владимирович, председатель местного Академического отделения МОО «ИППО» в г. Москве, член Совета Московского отделения Общества, писатель, член Союза писателей России.

Васильева Ирина Николаевна, заведующая центром Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП), кандидат экономических наук

Вах Кирилл Алексеевич, заместитель руководителя Научной секции МОО «ИППО», член Редакционной коллегии ППС, член Совета Московского отделения Общества, генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик».

Герд Лора Александровна, член МОО «ИППО», ведущий научный сотрудник Отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор кандидат исторических наук.

Гришин Дмитрий Борисович, член МОО «ИППО», председатель Сергиевского мемориального фонда, кандидат исторических наук.

Житенёв Сергей Юрьевич, руководитель Научной секции МОО «ИППО», член Совета МОО «ИППО», ответственный редактор Редакционной коллегии ППС, советник директора Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, кандидат культурологии.

Ильина Ирина Евгеньевна, член МОО «ИППО», директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП), доктор экономических наук.

Колобов Олег Алексеевич, председатель Нижегородского отделения МОО «ИППО», профессор кафедры мировой дипломатии и международного права ИМОМИ Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки РФ.

Колпакова Ольга Васильевна, старший научный сотрудник кафедры «История России и методика преподавания истории» историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, кандидат исторических наук.

Лачаева Марина Юрьевна, заведующая кафедрой истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (МПГУ), ведущий научный сотрудник Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН), доктор исторических наук.

Малето Елена Ивановна, член МОО «ИППО», старший научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Маневич Григорий Михайлович, член МОО «ИППО», директор Музея истории ИППО, руководитель информационных и медиа программ Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество».

Марченко Алексий Николаевич, протоиерей, член МОО «ИППО», профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, доктор исторических наук, доктор церковной истории.

Мельчакова Ксения Валерьевна, старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук.

Паламаренко Евгений Викторович, член МОО «ИППО», доцент кафедры теологии факультета социально-гуманитарных технологий, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет), кандидат теологии.

Петрунина Ольга Евгеньевна, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук.

Реброва Татьяна Павловна, заместитель председателя Мордовского отделения МОО «ИППО», заведующая сектором Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП), кандидат исторических наук.

Рождественская Милена Всеволодовна, секретарь Санкт-Петербургского отделения МОО «ИППО», член редакционной коллегии ППС, профессор филологического факультета Санкт-Петербургского университета, доктор филологических наук.

Сарабьев Алексей Викторович, член Совета Московского отделения МОО «ИППО», ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, доктор исторических наук.

Смирнов Сергей Николаевич, врио ректора Тверского государственного университета, доцент кафедры теории права Тверского государственного университета, директор Института непрерывного образования Тверского государственного университета, кандидат юридических наук.

Смирнова Ирина Юрьевна, член МОО «ИППО», член Редакционной коллегии ППС, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Сухарев Александр Николаевич, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права Тверского государственного университета, доктор экономических наук.

Сухова Ольга Александровна, декан историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, профессор, доктор исторических наук.

Талалай Михаил Григорьевич, член МОО «ИППО», учёный, издатель, кандидат исторических наук, г. Бари, Италия.

Хвалин Андрей Юрьевич, член МОО «ИППО», председатель Юбилейного комитета к 130-летию путешествия на Восток Великого Князя Наследника Цесаревича Николая Александровича, писатель, историк.

Хохлышева Ольга Олеговна, член МОО «ИППО», заведующая кафедрой мировой дипломатии и международного права ИМОМИ Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор, доктор исторических наук, кандидат юридических наук.

Цуркан Роман Клавдиевич, протоиерей, заведующий кафедрой богословия Таврической Духовной семинарии Симферопольской и Крымской епархии, кандидат богословия.

Шарков Илья Геннадиевич, секретарь Ростовского отделения МОО «ИППО», старший преподаватель Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты.

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 121

Ответственный редактор
С.Ю. Житенёв

Издано в 2023 году

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство«Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail:market@indrik.ru
orbytel./fax:+7 977 905-58-01

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 9538005
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная.
28,5 п.л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87